

АННА
АХМАТОВА

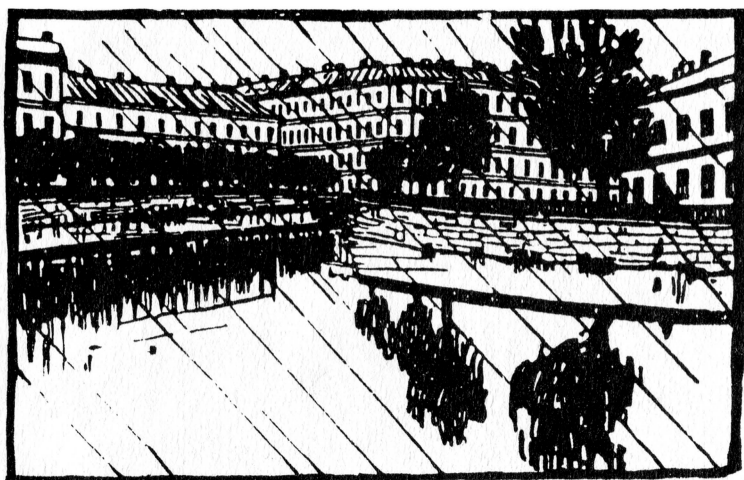
БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ТОМ
ПЯТЫЙ

АННА АХМАТОВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

АННА АХМАТОВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

Москва
Эллис Лак 2000
2001

АННА АХМАТОВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

5

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

•

PRO DOMO SUA

•

РЕЦЕНЗИИ. ИНТЕРВЬЮ

Москва
Эллис Лак 2000
2001

УДК 882А1-14
ББК 84Ря44
А95

Составление, подготовка текста, комментарии, статья
С.А. Коваленко

Художник *А.А. Зубченко*

На суперобложке: Анна Ахматова. Начало 1910-х годов
Из собрания *Д.Л. Файнберга*

На первом форзаце:
Екатерининский канал. 1920
Гравюра *А.П. Остроумовой-Лебедевой*

На втором форзаце:
Горный институт. 1920
Гравюра *А.П. Остроумовой-Лебедевой*

Редакционно-издательский совет:
А.М. Смирнова
(председатель, директор издательства)

Н.Б. Волкова
(директор РГАЛИ)

С.А. Коваленко
Н.В. Королева
Н.П. Волкова
В.Н. Сергутин

С.В. Федотов

© Эллис Лак 2000, 2001
© Н.В. Гумилева, 2001
© С.А. Коваленко. Составление,
подготовка текста, комментарии,
статья, 2001
© А.А. Зубченко. Художественное
оформление, 2001

ISBN 5-88889-006-5 (т. 5)
ISBN 5-88889-029-4

ЛИСТКИ ИЗ ДНЕВНИКА

АМЕДЕО МОДИЛЬЯНИ

Я очень верю тем, кто описывает его не таким, каким я его знала, и вот почему. Во-первых, я могла знать только какую-то одну сторону его сущности (сияющую) — ведь я просто была чужая, вероятно, в свою очередь, не очень понятная двадцатилетняя женщина, иностранка; во-вторых, я сама заметила в нем большую перемену, когда мы встретились в 1911 году. Он весь как-то потемнел и осунулся.

В 10-м году я видела его чрезвычайно редко, всего несколько раз. Тем не менее он всю зиму писал мне⁺. Что он сочинял стихи, он мне не сказал.

Как я теперь понимаю, его больше всего поразило во мне свойство угадывать мысли, видеть чужие сны и прочие мелочи, к которым знающие меня давно привыкли. Он все повторял: «*On communique*»⁺⁺. Часто говорил: «*Il n'y a que vous pour réaliser cela*»⁺⁺⁺.

Вероятно, мы оба не понимали одну существенную вещь: все, что происходило, было для нас обоих предысторией нашей жизни: его — очень короткой, моей — очень

⁺ Я запомнила несколько фраз из его писем, одна из них: «*Vous êtes en moi comme une hantise*» («Вы во мне как наваждение»).

⁺⁺ «О, передача мыслей» (фр.).

⁺⁺⁺ «О, это умеете только вы» (фр.).

длинной. Дыхание искусства еще не обуглило, не преобразило эти два существования, это должен был быть светлый легкий предрассветный час. Но будущее, которое, как известно, бросает свою тень задолго перед тем, как войти, стучало в окно, пряталось за фонарями, пересекало сны и пугало страшным бодлеровским Парижем, который притаился где-то рядом. И все божественное в Амедео только искрилось сквозь какой-то мрак. У него была голова Антиноя и глаза с золотыми искрами, он был совсем не похож ни на кого на свете, кроме А. Тышлера, что очень часто приходило мне в голову, когда А. Тышлер рисовал меня в Ташкенте (1943).

Голос его как-то навсегда остался в памяти. Я знала его нищим, и было непонятно, чем он живет. Как художник он не имел и тени признания.

Жил он тогда (в 1911 году) в Париже в *Impasse Falguière*. Беден был так, что в Люксембургском саду мы сидели всегда на скамейке, а не на платных стульях, как было принято. Он вообще не жаловался ни на совершенно явную нужду, ни на столь же явное непризнание. Только один раз в 1911 году он сказал, что прошлой зимой ему было так плохо, что он даже не мог думать о самом ему дорогом.

Он казался мне окруженным плотным кольцом одиночества. Не помню, чтобы он с кем-нибудь раскланивался в Люксембургском саду или в Латинском квартале, где все более или менее знали друг друга. Я не слышала от него ни одного имени знакомого, друга или художника, и я не слышала от него ни одной шутки. Я ни разу не видела его пьяным, и от него не пахло вином. Очевидно, он стал пить позже, но гашиш уже как-то фигурировал в его рассказах. Очевидной подруги жизни

у него тогда не было. Он никогда не рассказывал новелл о предыдущей влюбленности (что, увы, делают все). Сомпой он не говорил ни о чем земном. Он был учтив, но это было не следствием домашнего воспитания, а высоты его духа.

В это время он занимался скульптурой, работал во двореке возле своей мастерской (в пустынном тупике был слышен стук его молоточка). Стены его мастерской были увешаны портретами невероятной длины (как мне теперь кажется — от пола до потолка). Воспроизведения их я не видела — уцелели ли они? Скульптуру свою он называл *la chose*⁺ — она была выставлена, кажется, у «*Indépendants*»⁺⁺ в 1911 году. Он попросил меня пойти посмотреть на нее, но не подошел ко мне на выставке, потому что я была не одна, а с друзьями. Во время моих больших пропаж исчезла и подаренная им мне фотография с этой вещи.

В это время Модильяни бредил Египтом. Он водил меня в Лувр смотреть египетский отдел, уверял, что все остальное (*tout le reste*) недостойно внимания. Рисовал мою голову в убранстве египетских цариц и танцовщиц и казался совершенно захвачен великим искусством Египта. Очевидно, Египет был его последним увлечением. Уже очень скоро он становится столь самобытным, что ничего не хочется вспоминать, глядя на его холсты. Теперь этот период Модильяни называют *Période nègre*⁺⁺⁺.

Он говорил: «*Les bijoux doivent être sauvages*»⁺⁺⁺⁺ (по поводу моих африканских бус), и рисовал меня в них.

⁺ Вещь (фр.).

⁺⁺ У «Независимых» (общество молодых художников) (фр.).

⁺⁺⁺ Негритянский период (фр.).

⁺⁺⁺⁺ «Драгоценности должны быть дикарскими» (фр.).

Водил меня смотреть le vieux Paris derrière le Panthéon⁺ ночью при луне. Хорошо знал город, но все-таки мы один раз заблудились. Он сказал: «J'ai oublié qu'il y a une île au milieu»⁺⁺. Это он показал мне *настоящий* Париж.

По поводу Венеры Милосской говорил, что прекрасно сложенные женщины, которых стоит лепить и писать, всегда кажутся неуклюжими в платьях.

В дождик (в Париже часто дожди) Модильяни ходил с огромным очень старым черным зонтиком. Мы иногда сидели под этим зонтом на скамейке в Люксембургском саду, шел теплый летний дождь, около дремал le vieux palais à l'Italienne⁺⁺⁺, а мы в два голоса читали Верлена, которого помнили наизусть, и радовались, что помним одни и те же вещи.

Я где-то читала, что большое влияние на Модильяни оказала Беатриса Х⁺⁺⁺⁺, та самая, которая называет его «perle et rougeau»⁺⁺⁺⁺⁺. Могу и считаю необходимым засвидетельствовать, что равно таким же просвещенным Амедео был уже задолго до знакомства с Беатрисой Х., т.е. в 10-м году. И едва ли дама, которая называет великого художника поросенком, может кого-нибудь просветить.

Первый иностранец, увидевший у меня мой портрет работы Модильяни в ноябре 1945 года в Фонтанном

⁺ Старый Париж за Пантеоном (фр.).

⁺⁺ «Я забыл, что посредине находится остров <Святого Людовика>» (фр.).

⁺⁺⁺ Старый дворец в итальянском вкусе (фр.).

⁺⁺⁺⁺ Цирковая наездница из Трансвааля (см. статью R. Guillaume «Les arts à Paris», 1920. № 6. С. 1–2). Подтекст, очевидно, такой: «Откуда же провинциальный еврейский мальчик мог быть всесторонне и глубоко образованным?»

⁺⁺⁺⁺⁺ «Жемчужина и поросенок» (фр.).

Доме, сказал мне об этом портрете нечто такое, что я не могу «ни вспомнить, ни забыть», как сказал один неизвестный поэт о чем-то совсем другом.

* * *

Люди старше нас показывали, по какой аллее Люксембургского сада Верлен, с оравой почитателей, «из своего кафе», где он ежедневно витийствовал, шел в «свой ресторан» обедать. Но в 1911 году по этой аллее шел не Верлен, а высокий господин в безукоризненном сюртуке, в цилиндре, с моноклем и с ленточкой «Почетного легиона», — а соседи шептали: «Анри де Ренье!»

Для нас обоих это имя никак не звучало. Об Анатолс Франсе Модильяни (как, впрочем, и другие просвещенные парижане) не хотел и слышать. Радовался, что и я его тоже не любила. А Верлен в Люксембургском саду существовал только в виде памятника, который был открыт в том же году. Про Гюго Модильяни просто сказал: «Mais Hugo — c'est déclamatoire?»⁺

* * *

Как-то раз, мы, вероятно, плохо сговорились, и я, зайдя за Модильяни, не застала его и решила подождать его несколько минут. У меня в руках была охапка красных роз. Окно над запертыми воротами мастерской было открыто. Я, от нечего делать, стала бросать в мастерскую цветы. Не дождавшись Модильяни, я ушла.

Когда мы встретились, он выразил недоумение, как я могла попасть в запертую комнату, когда ключ был у

⁺ «А Гюго — это высокопарно?» (фр.)

него. Я объяснила, как было дело. «Не может быть, — сказал Модильяни, — они так красиво лежали...»

Модильяни любил ночами бродить по Парижу, и часто, заслышав его шаги в сонной тишине улицы, я, оторвавшись от письменного стола, подходила к окну и сквозь жалюзи следила за его тенью, медлившей под моими окнами.

То, чем был тогда Париж, уже в начале 20-х годов называлось «vieux Paris» или «Paris avant guerre»⁺. Еще во множестве процветали фиакры. У кучеров были свои кабачки, которые назывались «Au rendez-vous des cochers»⁺⁺, и еще живы были мои молодые современники, вскоре погибшие на Марне и под Верденом. Все левые художники, кроме Модильяни, были признаны. Пикассо был столь же знаменит, как сегодня, но тогда говорили «Пикассо и Брак». Ида Рубинштейн играла Саломею, становились изящной традицией дягилевские Ballets Russes (Стравинский, Нижинский, Павлова, Карсавина, Бакст).

Мы знаем, что судьба Стравинского тоже не осталась прикованной к 10-м годам, что творчество его стало высшим музыкальным выражением XX века. Тогда мы этого еще не знали. 20 июня 1910 года была поставлена «Жар-птица». ...13 июня 1911 Фокин поставил у Дягилева «Петрушку».

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя) была еще не совсем закончена (бульвар Prapeire). Вернер, друг Эдисона, показал мне в *Taverne du Panthéon* два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы — тут большевики, а там — меньше-

⁺ «Старый Париж» или «Довоенный Париж» (фр.).

⁺⁺ «Встреча кучеров» (фр.).

вики». Женщины с переменным успехом пытались то носить штаны (*jupes-culottes*), то почти пеленали ноги (*jupes-entravées*). Стихи были в полном запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую поэзию.

Рене Гиль проповедовал «научную поэзию», и его так называемые ученики с превеликой неохотой посещали мэтра.

Модильяни очень жалел, что не может понимать мои стихи, и подозревал, что в них таятся какие-то чудеса, а это были только первые робкие попытки (например, в «Аполлоне» 1911 г.). Над «аполлоновской» живописью («Мир искусства») Модильяни откровенно смеялся.

Рисовал он меня не с натуры, а у себя дома, — эти рисунки дарил мне. Их было шестнадцать. Они погибли в царскосельском доме в первые годы революции. Уцелел один, в нем, к сожалению, меньше, чем в остальных, предчувствуются его будущие «ню»...

Он просил, чтобы я их окантовала и повесила в моей царскосельской комнате.

Больше всего мы говорили с ним о стихах. Мы оба знали очень много французских стихов: Верлена, Лафорта, Малларме, Бодлера.

Данте он мне никогда не читал. Быть может, потому, что я тогда еще не знала итальянского языка.

Как-то раз сказал: «J'ai oublié de vous dire que je suis juif»⁺. Что он родом из-под Ливорно — сказал сразу, и что ему двадцать четыре года, а было ему двадцать шесть.

⁺ «Я забыл Вам сказать, что я еврей». Что мать его из рода Слинозы, я не знала, но о брате-социалисте почему-то помню. Может быть, сказал кто-нибудь.

Говорил, что его интересовали авиаторы (по-теперешнему — летчики), но когда он с кем-то из них познакомился, то разочаровался: они оказались просто спортсменами (чего он ждал?).

В это время ранние, легкие⁺ и, как всякому известно, похожие на этажерку аэропланы кружились над моей ржавой и кривоватой современницей — Эйфелевой башней (1889).

Она казалась мне похожей на гигантский подсвечник, забытый великаном среди столицы карликов. Но это уже нечто гулливеровское.

...а вокруг бушевал недавно победивший кубизм, оставшийся чуждым Модильяни.

Марк Шагал уже привез в Париж свой волшебный Витебск, а по парижским бульварам разгуливал в качестве неизвестного молодого человека еще не взошедшее светило — Чарли Чаплин. («Великий немой» (как тогда называли кино) еще красноречиво безмолвствовал).

«А далеко на севере»... (См. Пушкин: «Каменный Гость») в России умерли Лев Толстой, Врубель и Вера Комиссаржевская, символисты объявили себя в состоянии кризиса, и Александр Блок пророчествовал:

О, если б знали, дети, вы
Холод и мрак грядущих дней...
И
Земле несущий динамит.

И в прозе «Когда великий Китай двинется на нас» (1911 г.).

⁺ См. у Гумилева:

На тяжелых и гулких машинах
Грозовые пронзять облака.

Три кита, на которых ныне покоится XX век, — Пруст, Джойс и Кафка — еще не существовали как мифы, хотя и были живы как люди.

* * *

В следующие годы, когда я, уверенная, что такой человек должен просиять, спрашивала о Модильяни у приезжающих из Парижа, ответ был всегда одним и тем же: не знаем, не слышали⁺.

Только раз Н.С. Гумилев, когда мы в последний раз вместе ехали к сыну в Бежецк (в мае 1918 г.) и я упомянула имя Модильяни, назвал его «пьяным чудовищем» или чем-то в этом роде и сказал, что в Париже у них было столкновение из-за того, что Гумилев в какой-то компании говорил по-русски, а Модильяни протестовал. А жить им обоим оставалось примерно по три года, и обоих ждала громкая посмертная слава.

К путешественникам Модильяни относился пренебрежительно. Он считал, что путешествия — это подмена истинного действия. «*Les chants de Maldoror*»⁺⁺ постоянно носил в кармане; тогда эта книга была библиографической редкостью. Рассказывал, как пошел в русскую церковь к пасхальной заутрене, чтобы видеть крестный ход, так как любил пышные церемонии. И как некий «вероятно очень важный господин» (надо думать — из посольства) похристосовался с ним. Модильяни, кажется, толком не разобрал, что это значит...

⁺ Его не знали ни А. Экстер, ни Б. Анреп (известный мозаичист), ни Н. Альтман, который в эти годы (1914–1915) писал мой портрет.

⁺⁺ «Песни Мальдорора» (фр.).

Мне долго казалось, что я никогда больше о нем ничего не узнаю... А я узнала о нем очень много...

В начале нэпа, когда я была членом правления тогдашнего Союза писателей, мы обычно заседали в кабинете Александра Николаевича Тихонова (Ленинград. Моховая, 36, издательство «Всемирная литература»). Тогда снова наладились почтовые сношения с заграницей, и Тихонов получал много иностранных книг и журналов. Как-то (во время заседания) передал мне номер французского художественного журнала. Я открыла — фотография Модильяни... Крестик... Большая статья типа некролога; из нее я узнала, что он — великий художник XX века (помнится, там его сравнивали с Боттичелли), что о нем уже есть монографии по-английски и по-итальянски. Потом, в тридцатых годах, мне много рассказывал о нем Эренбург, который посвятил ему стихи в книге «Стихи о канунах» и знал его в Париже позже, чем я. Читала я о Модильяни и у Карко, в книге «От Монмартра до Латинского квартала», и в бульварном романе, где автор соединил его с Утрилло. С уверенностью могу сказать, что этот гибрид на Модильяни десяти-одиннадцатого годов совершенно не похож, а то, что сделал автор, относится к разряду запрещенных приемов.

Но и совсем недавно Модильяни стал героем достаточно пошлого французского фильма «Монпарнас, 19». Это очень горько!

Болшево, 1958—Москва, 1964

Модильяни как-то очень хорошо говорил о путеше-
 <1> ствиях, но когда я думаю об этих словах, почему-то вспо-
 минаю не Париж и Люкс<ембургский> сад, а Екатери-

нинский парк. Там, наверно, я пересказывала кому-то (N?) слова М<одилья>ни. А говорил он как-то так... Путешествия подменяют настоящее действие (action), создают впечатление чего-то, чего в самом деле нет в жизни.

Кр<асная> Кон<ница>,
июнь 1958

[Это] М<одильяни> был единственным в моей <2> жизни человеком, кот<орый> мог в любой час ночи [стоять] оказаться у меня под окном. Я втайне уважала его за это, но никогда ему не говорила, что видела его.

Общество бесконечно виновато перед М<одильяни>. При жизни он был не признан, голодал, жил в пыльной неубранной мастерской (Impasse Falguière)*. <...>

Католическая церковь канонизировала Жанну <3> д'Арк.

Et Jehanne, la bonne Lorraine,
Qu'Anglois brûlèrent à Rouen...+

Я вспомнила эти строки бессмертной баллады, глядя на статуэтки новой святой. Они были весьма сомнительного вкуса, и их начали продавать в лавочках церковной утвари.

* Тупик Фальгьер (фр.).

+ И добрая Жанна из Лотарингии,
Сожженная англичанами в Руане (фр.).

Итальянский рабочий украл Джоконду Леонардо, чтобы вернуть ее на родину, и мне (уже в России) все казалось, что я видела ее последняя.

Меня поразило, как Модильяни нашел красивым <4> одного заведомо некрасивого человека и очень настаивал на этом. Я уже тогда подумала: он, наверно, видит все не так, как мы.

Во всяком случае, то, что в Париже называют модой, украшая это слово роскошными эпитетами, Модильяни не замечал вовсе.

И эти заметки не имеют претензий характеризовать <5> всю эпоху и даже определить место, которое в ней занимал Модильяни.

<...> Надвигался кубизм. Первые самолеты неуверенно кружились возле Эйфелевой башни. Где-то вдали притворялось зарей зарево так называемой Первой мировой войны.

<...> На высоких беззвучных лапах разведчика, пряча за спину еще не изобретенную смертоносную ракету, к миру подкрадывался XX век.

К статье о Моди

(Стихи я ему, Моди, не писала. Надпись на не- <6> оконченном портрете («Вечер»), которую непременно будут приписывать ему, никакого отношения к Модильяни не имеет.) Стих: «Мне с тобою пьяным весело» тоже не относится к Модильяни.

В статью

(Я никогда не была с Моди в кафе или в ресторане, <7> но он несколько раз завтракал у меня на rue des Fleurus. У<го>л бул<ьвара> Распай). Как непохоже на Хема. Они только и делают, что говорят об еде, вспоминают вкусную еду, и это как-то разоблачает его беллетристику, где все время едят и пьют. («Мемуары повара», — сказал Миша А<рдов>.)

К «МОДИ»

Казалось, что ему всегда и всюду было словно душ- <8> но, даже в Люксемб<ургском> Саду, и он, делая какой-то привычный жест, будто собираясь рвать рубашку, нетерпеливо повторял: «On sort d'ici»*...+ (Прибавить к тексту статьи для начала из черновиков о изменениях воспоминаний.)

НОЧЬЮ ПРИГОВОР

(10 марта)

Вторник: Письмо от Вигорелли. Благодарит за <9> Модильяни. Упорно зовет в Италию к 30 мая. Montale. Премия... Дописала Модильяни. Несколько слов о России. Смерть Толстого. Пророчества Блока.

* «Надо уйти отсюда» (фр.).

+ Все французские фразы в этой статье — подлинные слова Модильяни, как я их запомнила. Я еще запомнила его слова: «Sois bonne — sois douce!..»++. Это он сказал мне, когда находился под влиянием гашиша, лежал у себя в мастерской и был почти без сознания. Ни «bonne», ни «douce» я с ним никогда не была.

++ «Будь доброй, будь нежной!..» (фр.).

Статья как бы пустила ростки (как клубника) и пошла, пошла, на глазах превращаясь в автобиографию. Пришлось отрезать в самом интересном месте, так что итальянские читатели не узнают, как 1 сент<ября> <19>11 г. я в Киеве в извозничьей пролетке пропускала царский поезд и киевское дворянство, направляющ<ее-ся> в театр, где через час будет убит Столыпин. <...>

Моди писал мне: «Voux êtes en moi comme une <10> hantise»⁺. И «Je tiens votre tête entre mes mains et je vous couvre d'amour»⁺⁺.

Прибавить к Моди

...а когда через 54 года в ослепительный июньский <11> день я ехала мимо Люксембургского сада, то вдруг вспомнила, что Моди страдал какими-то странными удушьями, начинал рвать рубашку на груди и уверял, что задыхается в саду...

<1958–1965>

⁺ «Вы во мне, как наваждение» (фр.).

⁺⁺ «Я держу Вашу голову в своих руках и окутываю Вас любовью» (фр.).

МАНДЕЛЬШТАМ

...28 июля 1957 г.

...И смерть Лозинского каким-то образом оборвала нить моих воспоминаний. Я больше не смею вспоминать чего-то, что он уже не может подтвердить (о Цехе поэтов, акмеизме, журнале «Гипсборей» и т.д.). Последние годы, из-за его болезни мы очень редко встречались, и я не успела договорить с ним чего-то очень важного и прочесть ему мои стихи 30-х годов (т.е. «Реквием»). Вероятно, потому он в какой-то мере продолжал считать меня такой, какой знал когда-то в Царском. Это я выяснила, когда в 1940 году мы смотрели вместе корректуру сборника «Из шести книг»...

Нечто похожее было и с Мандельштамом (который, конечно, все мои стихи знал), но по-другому. Он вспоминать не умел, вернее, это был у него какой-то иной процесс, названия которому сейчас не подберу, но, несомненно, близкий к творчеству. (Пример — Петербург в «Шуме Времени», увиденный сияющими глазами пятилетнего ребенка).

Мандельштам был одним из самых блестящих собеседников: он слушал не самого себя и отвечал не самому себе, как сейчас делают почти все. В беседе был учтив, находчив и бесконечно разнообразен. Я никогда не

слышала, чтобы он повторялся или пускал заигранные пластинки. С необычайной легкостью О<сип> Э<мильевич> выучивал языки. «Божественную Комедию» читал наизусть страницами по-итальянски. Незадолго до смерти просил Надю выучить его английскому языку, которого совсем не знал. О стихах говорил ослепительно, пристрастно и иногда бывал чудовищно несправедлив, например к Блоку. О Пастернаке говорил: «Я так много думаю о нем, что даже устал», и «Я уверен, что он не прочел ни одной моей строчки»⁺. О Марине: я антицветаец.

В музыке О<сип> был дома, что крайне редкое свойство. Больше всего на свете боялся собственной немоты. Называл ее удушьем. Когда она настигала его, он метался в ужасе и придумывал какие-то нелепые причины для объяснения этого бедствия. Вторым и частым его огорчением были читатели. Ему постоянно казалось, что его любят не те, кто надо. Он хорошо знал и помнил чужие стихи⁺⁺, часто влюблялся в отдельные строчки, легко запоминал прочитанное ему.

Любил говорить про то, что называл своим «истуканством». Иногда, желая меня потешить, рассказывал какие-то милые пустяки. Например, стих Малларме «*La jeune mère allaitant son enfant*» он будто в ранней юности перевел так: «И молодая мать, кормящая со сна».

⁺ Будущее показало, что он был прав. (Смотри «Автобиографию».)

⁺⁺ Например:

На грязь горячую от топота коней

Ложится белая одежда брата-снега...

Я помню это только с его голоса. Чье это?

Смешили мы друг друга так, что падали на поющий всеми пружинами диван на «Тучке» и хохотали так до обморочного состояния, как кондитерские девушки в «Улиссе» Джойса.

Я познакомилась с О<сипом> Мандельштамом на «башне» Вячеслава Иванова весной 1911 года. Тогда он был худошавым мальчиком, с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, с ресницами в полщеки. Второй раз я видела его у Толстых на Староневском, он не узнал меня, и Алексей Николаевич стал его расспрашивать, какая жена у Гумилева, и он показал руками, какая на мне была большая шляпа. Я испугалась, что произойдет что-то непоправимое, и назвала себя.

Это был мой первый «Мандельштам», автор зеленого «Камня» (изд. «Акмэ»), подаренный мне с такой надписью: «Анне Ахматовой вспышки сознания в беспомыслии дней. Почтительно — автор».

Со свойственной ему прелестной самоиронией, Осип любил рассказывать, как старый еврей хозяин типографии, где печатался «Камень», поздравляя его с выходом книги, пожал ему руку и сказал: «Молодой человек, Вы будете писать все лучше и лучше».

Я вижу его как бы сквозь редкий дым-туман Васильевского Острова и в ресторане бывш<его> Кинши [угол Второй Линии и Большого Проспекта; теперь там парикмахерская], где, когда-то по легенде, Ломоносов пропил казенные часы и куда мы (Гумилев и я) иногда ходили завтракать с «Тучки». Никаких собраний на «Тучке» не бывало и быть не могло. Это была просто студенческая комната Николая Степановича, где и сидеть-то было не на чем. Описание five o'clock на «Тучке» (Георгий Иванов — Поэты) выдуманно от первого до последнего слова. НВН не переступил порога «Тучки».

Этот Мандельштам был щедрым сотрудником, если не соавтором «Антологии Античной Глупости», которую члены Цеха Поэтов сочиняли (почти все, кроме меня) за ужином.

Лесбия, где ты была...
Сын Леонида был скуп...

Странник, откуда идешь? Я был в гостях у Шилея.
Дивно живет человек, за обедом кушает гуся,
Кнопки ль коснется рукой, — сам зажигается свет.
Если такие живут на Четвертой Рождественской люди,
Странник! Ответствуй, молю, кто же живет на Восьмой?

Помнится, это работа Осипа. Зенкевич того же мнения.

Эпиграмма на Осипа:

Пепел на левом плече и молчи —
Ужас друзей — Златозуб.
(Это — «Ужас морей — однозуб»)

Это, может быть, даже Гумилев сочинил. Куря, Осип всегда стряхивал пепел как бы за плечо, однако на плече обычно нарастала горка пепла.

Может быть, стоит сохранить обрывки сочиненной Цехом пародии на знаменитый сонет Пушкина («Суровый Дант не презирал сонета»):

Valère Brussoff не презирал сонеты,
Венки из них Иванов заплетал,
Размеры их любил супруг Анеты,
Не хуже ль их Волошин лопотал. —

И многие пленялись им поэты...
Кузмин его извозчиком избрал,

Когда забыв воланы и ракеты,
 Скакал за Блоком, да не доскакал.
 Владимир Нарбут — этот волк заправский,
 Облек в метафизический сюртук.
 И для него Зенкевич пренебрег
 Алмазными росинками Моравской
 Владимир Пяст.
 В метафизический сюртук облек
 Владимир Нарбут, словно волк заправский
 Скакал за Блоком, да не доскакал

 В метафизический сюртук облек
 И для него Зенкевич пренебрег
 Алмазными росинками Моравской

Вот стихи (Триолеты) об этих пятницах (кажется, В.В. Гиппиуса):

По пятницам в Гиперборее,
 Расцвет литературных роз...
 Выходит Михаил Лозинский,
 Покуривая и шутя,
 Рукой лаская исполниской
 Свое журнальное дитя.

2

У Николая Гумилева
 Высоко задрана нога,
 Для романтического сева
 Разбрасывая жемчуга.
 Пусть в Царском громко плачет Лева,
 У Николая Гумилева высоко задрана нога.

3

Печальным взором и манящим
Глядит Ахматова на всех,
Был выхухолем настоящим
Ее благоуханный мех.
Глядит в глаза гостей молчащих...

4

...Мандельштам, Иосиф, в акмеистическое ландо сев...

Недавно найдены письма Осипа Эмильевича к Вячеславу Иванову (1909). Эти письма участника Проакадемии (по Башне). Это Мандельштам — символист. Следов того, что Вячеслав Иванов ему отвечал, пока нет. Их писал мальчик 18 лет, но можно поклясться, что автору тех писем — 40. Там же множество стихов. Они хороши, но в них нет того, что мы называем Мандельштамом.

Воспоминания сестры Аделаиды Герцык утверждают, что Вячеслав Иванов не признавал нас всех. В 1911 году никакого пиэкета к Вячеславу Иванову в Мандельштаме не было.

Когда в 1917 году Вяч. Иванов приехал в Петербург, он был у Сологубов на Разъезжей. Необычайно парадный вечер и великолепный ужин. В гостиной подошел ко мне Мандельштам и сказал: «Мне кажется, что один мэтр — зрелище величественное, а два — немного смешное!»

В десятилетия мы, естественно, всюду встречались: в редакциях, у знакомых, на пятницах в Гиперборее, т.е. у Лозинского, в «Бродячей Собаке», где он, между про-

чим, представил мне Маяковского⁺. В «Академии Стиха» (Общество Ревнителей Художественного Слова, где царил Вячеслав Иванов) и на враждебных этой Академии собраниях Цеха Поэтов⁺⁺, где Мандельштам очень скоро стал первой скрипкой. Тогда же он написал таинственное (и не очень удачное) стихотворение про «Черного ангела на снегу». Надя утверждает, что оно относится ко мне.

С этим черным ангелом дело обстоит, мне думается, довольно сложно. Стихотворение для тогдашнего Мандельштама слабое и невнятное. Оно, кажется, никогда не было напечатано. По-видимому, это результат бесед с В.К. Шилейко, который тогда нечто подобное говорил обо мне. Но Осип тогда еще «не умел (его выражение) писать стихи «женщине и о женщине». «Черный ангел», вероятно, первая проба, и этим объясняется его близость к моим строчкам:

Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд,

И малиновые костры
Словно розы в снегу растут.

⁺ Как-то раз в Собаке, когда все ужинали и гремели посудой, Маяковский вздумал читать стихи. Осип Эмильевич подошел к нему и сказал: «Маяковский, перестаньте читать стихи. Вы не румынский оркестр». Это было при мне (1912–1913). Остроумный Маяковский не нашелся что ответить, о чем потешно рассказывал Харджиеву в 30-е годы.

⁺⁺ Цех бойкотировал Академию стиха. См., напр.:

Вячеслав Чеслав Иванов
Телом крепкий как орех
Академию диванов
Колесом пустил на цех.

Мне эти стихи Мандельштам никогда не читал. Известно, что беседы с Шилейко вдохновили его на стихотворение «Египтянин».

Гумилев рано и хорошо оценил Мандельштама. Они познакомились в Париже. (См. конец стихотворения Осипа о Гумилеве. Там говорилось, что Николай Степанович был напудрен и в цилиндре:

Но в Петербурге акмеист мне ближе,
Чем романтический Пьеро в Париже.)

Символисты никогда его не приняли.

Приезжал О<сип> Э<мильевич> в Царское. Когда он влюблялся, что происходило довольно часто, я несколько раз была его confidentкой. Первой на моей памяти была Анна Михайловна Зельманова-Чудовская, красавица-художница. Она написала его на синем фоне с закинутой головой (1914?) на Алексеевской улице. Анне Михайловне он стихов не писал, на что сам горько жаловался — еще не умел писать любовные стихи. Второй была Цветаева, к которой были обращены крымские и московские стихи, третьей — Саломея Андроникова (Андреева, теперь Гальперн, которую Мандельштам обессмертил в книге «Tristia» «Когда Соломинка»⁺). Я помню эту великолепную спальню Саломеи на Васильевском Острове.

В Варшаву О<сип> Э<мильевич> действительно ездил, и его там поразило гетто (это помнит и М.А. З<енкевич>), но о попытке самоубийства его, о которой сообщает Георгий Иванов, даже Надя не слыживала, как и о дочке Липочке, которую она якобы родила.

⁺ Там был стих: «Что знает женщина одна о смертном часе...». Сравните мое — «Не смертного ль часа жду».

В начале революции (1920), в то время, когда я жила в полном уединении и даже с ним не встречалась, он был одно время влюблен в актрису Александринского театра Ольгу Арбенину, ставшую женой Ю. Юркуна, и писал ей стихи (За то, что я руки твои и т.д.). Рукописи якобы пропали во время блокады, однако я недавно видела их у Х.

Всех этих дореволюционных дам (боюсь, что между прочим и меня) он через много лет назвал «нежными европейками»:

«И от красавиц тогдашних, от тех европейок нежных,
Сколько я принял смущения, насады и горя».

Замечательные стихи обращены к Ольге Ваксель и к ее тени «в холодной стокгольмской постели...». Ей же: — Хочешь валенки сниму.

В 1933—34 гг. Осип Эмильевич был бурно, коротко и безответно влюблен в Марию Сергеевну Петровых. Ей посвящено, вернее к ней обращено стихотворение «Турчанка» (заглавие мое), лучшее, на мой взгляд любовное стихотворение 20 века («Мастерица виноватых взоров...»). Мария Сергеевна говорит, что было еще одно совершенно волшебное стихотворение о белом цвете. Рукопись, по-видимому, пропала. Несколько строк Марья Сергеевна знает на память.

Надеюсь, можно не напоминать, что этот донжуанский список не означает перечня женщин, с которыми Мандельштам был близок.

Дама, которая через «плечо поглядела», — это, так называемая Бяка⁺; тогда подруга жизни С.Ю. Судейкина, а ныне супруга Игоря Стравинского.

⁺ Вера Артуровна.

В Воронеже Осип дружил с Наташей Штемпель. Легенда о его увлечении Анной Радловой ни на чем не основана.

«Архистратиг вошел в иконостас,
В ночной тиши запахло валерьяном⁺.
Архистратиг мне задает вопросы,
К чему тебе косы
И плеч твоих сияющий атлас...»,

т.е. пародию на стихи Радловой — он сочинил из веселого зловредства, а не *par dépit** и с притворным ужасом где-то в гостях шепнул мне: «Архистратиг дошел!», т.е. Радловой кто-то сообщил об этом стихотворении.

Десятые годы — время очень важное в творческом пути Мандельштама, и об этом еще будут много думать и писать (Виллон, Чаадаев, католичество). О его контакте с группой «Гилея» смотреть воспоминания Зенкевича.

Мандельштам довольно усердно посещал собрания Цеха, но в зиму 1913—14 (после разгрома акмеизма) мы стали тяготиться Цехом и даже дали Городецкому составленное Осипом и мною прошение о закрытии Цеха. Сергей Городецкий наложил резолюцию: «Всех повесить, а Ахматову заточить — Малая 63». Было это в редакции «Северных Записок».

Как воспоминание о пребывании Осипа в Петербурге в 1920 г., кроме изумительных стихов О. Арбениной, остались еще живые, выцветшие, как наполеоновские знамена, афиши того времени о вечерах поэзии, где

⁺ Намек на Валериана Адольфовича Чудовского — верного рыцаря Радловой.

* С досады (фр.).

имя Мандельштама стоит рядом с Гумилевым и Блоком. Все старые петербургские вывески были еще на своих местах, но за ними, кроме пыли, мрака и зияющей пустоты, ничего не было. Сыпняк, голод, расстрелы, темнота в квартирах, сырые дрова, опухшие до неузнаваемости люди. В Гостином Дворе можно было собрать большой букет полевых цветов. Догнивали знаменитые петербургские торцы. Из подвальных окон «Крафта» еще пахло шоколадом. Все кладбища были разгромлены. Город не просто изменился, а решительно превратился в свою противоположность. Но стихи любили (главным образом молодежь), почти так же как сейчас (т.е. в 1964 году).

В Царском, тогда «Детское имени товарища Урицкого», почти у всех был козы; их почему-то всех звали Тамарами.

НАБРОСОК С НАТУРЫ

Что же касается стихотворения «Вполоборота», история его такова: в январе 1914 г. Пронин устроил большой вечер «Бродячей Собаки», не в подвале у себя, а в каком-то большом зале на Конюшенной. Обычные посетители терялись там среди множества «чужих» (т.е. чуждых всякому искусству) людей. Было жарко, людно, шумно и довольно бестолково. Нам это наконец надоело, и мы (человек 20—30) пошли в «Собаку» на Михайловской площади. Там было темно и прохладно. Я стояла на эстраде и с кем-то разговаривала. Несколько человек из залы стали просить меня почитать стихи. Не меняя позы, я что-то прочла. Подошел Осип: «Как Вы стояли, как Вы читали», и еще что-то про шаль (см. Осип Мандельштам и воспоминания В.С. Срезневской). Таким же наброском с натуры было четверостишие «Черты

лица искажены». Я была с Мандельштамом на Царско-сельском вокзале (10-ые годы). Он смотрел, как я говорю по телефону, через стекло кабины. Когда я вышла, он прочел мне эти четыре строки.

О ЦЕХЕ ПОЭТОВ

Собрания Цеха Поэтов с ноября 1911 по апрель 1912 (т.е. наш отъезд в Италию): приблизительно 15 собраний (по три в месяц). С октября 1912 по апрель 1913 приблизительно десять собраний, по два в месяц. (Неплохая пожива для «Трудов и Дней», которыми, кстати сказать, кажется, никто не занимается.) Повестки рассылала я (секретарь?!); Лозинский сделал для меня список адресов членов Цеха. (Этот список я давала японцу Наруми в 30-х годах.) На каждой повестке было изображение лиры. Она же на обложке моего «Вечера», «Дикой Порфире» Зенкевича и «Скифских черепков» Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой.

ЦЕХ ПОЭТОВ 1911–1914 гг.

Гумилев, Городецкий — синдики; Дмитрий Кузьмин-Караваев — стряпчий; Анна Ахматова — секретарь; Осип Мандельштам, Владимир Нарбут, М. Зенкевич, Н. Бруни, Георгий Иванов, Адамович, Вас. Гиппиус, М. Моравская, Елизавета Кузьмина-Караваева, Чернявский, М. Лозинский, П. Радимов, В. Юнгер, Н. Бурлюк, Вел. Хлебников. Первое собрание у Городецких на Фонтанке; был Блок, французы!.. второе — у Лизы на Манежной площади, потом у нас в Царском (Малая 63), у Лозинского на Васильевском Острове, у Бруни в Академии Художеств. Акмеизм был решен у нас в Царском Селе (Малая 63).

Революцию Мандельштам встретил вполне сложившимся и уже, хотя и в узком кругу, известным поэтом.

Мандельштам одним из первых стал писать стихи на гражданские темы. Революция была для него огромным событием, и слово народ не случайно фигурирует в его стихах.

Особенно часто я встречалась с Мандельштамом в 1917—18 гг., когда жила на Выборгской у Срезневских (Боткинская 9) — не в сумасшедшем доме, а на квартире старшего врача Вяч. Вяч. Срезневского, мужа моей подруги Валерии Сергеевны.

Мандельштам часто заходил за мной, и мы ездили на извозчике по невероятным ухабам революционной зимы, среди знаменитых костров, которые горели чуть ли не до мая, слушая неизвестно откуда несущуюся ружейную трескотню. Так мы ездили на выступления в Академию Художеств, где происходили вечера в пользу раненых и где мы оба несколько раз выступали. Был со мной Осип Эмильевич и на концерте Бутомо-Названовой в консерватории, где она пела Шуберта (см. «Нам пели Шуберта...»). К этому времени относятся все обращенные ко мне стихи: «Я не искал в цветущие мгновения» (декабрь 1917 г.). Кроме того, ко мне в разное время обращены четыре четверостишия:

1. «Вы хотите быть игрушечной» (1911 г.),
2. «Черты лица искажены» (10-е годы),
3. «Привыкают к пчеловоду пчелы» (30-е годы),
4. «Знакомства нашего на склоне» (30-е годы).

Ко мне относится странное, отчасти сбывшееся предсказание: Когда-нибудь в столице шалой...

Когда-нибудь в столице шалой,
 <На диком празднике у берега Невы,
 Под звуки омерзительного бала
 Сорвут платок с прекрасной головы...>

А следующее: Что поют часы-кузнечики. Это мы вместе топили печку; У меня жар — я мер<яю> t°: «Лихорадка шелестит/(И шуршит сухая печка/Это красный шелк горит...»).

После некоторых колебаний, решаюсь, вспомнить в этих записках, что мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться, что может дать людям материал для превратного толкования характера наших отношений. После этого, примерно в марте, Мандельштам исчез. Тогда все исчезали и появлялись, и никто этому не удивлялся.

О<СИП> М<АНДЕЛЬШТАМ> В 3-м ЗАЧАТЬЕВСКОМ

В Москве Мандельштам становится постоянным сотрудником «Знамени Труда». Таинственное стихотворение «Телефон», возможно, относится к этому времени.

ТЕЛЕФОН

На этом диком страшном свете
 Ты, друг полночных похорон,
 В высоком строгом кабинете
 Самоубийцы — телефон!

Асфальта черные озера
 Изрыты яростью копыт,

И скоро будет солнце: скоро
Безумный петел прокричит.

А там дубовая Вальгалла
И старый пиршественный сон:
Судьба велела, ночь решала,
Когда проснулся телефон.

Весь воздух выпили тяжелые портьеры,
На театральной площади темно.
Звонок — и закружились сферы:
Самоубийство решено.

Куда бежать от жизни гулкой,
От этой каменной уйти?
Молчи, проклятая шкатулка!
На дне морском цветет: прости!

И только голос, голос-птица
Летит на пиршественный сон.
Ты — избавленье и зарница
Самоубийства — телефон!

<Москва. Июнь 1918>

Снова и совершенно мельком я видела Мандельштама в Москве 1918 г. В 1920 г. он раз или два приходил ко мне на Сергиевскую (в Петербурге), когда я работала в библиотеке Агрономического Института и там жила. (Особняк кн. Волконского. Там у меня была казенная квартира). Тогда я узнала, что в Крыму он был арестован белыми, в Тифлисе — меньшевиками.

Летом 1924 года Осип Мандельштам привел ко мне (Фонтанка 2) свою молодую жену. Надюша была то,

что французы называют *laide, mais charmante**. С этого дня началась моя дружба с Надюшей, и продолжается она по сей день.

Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно. Когда ей резали аппендикс в Киеве, он не выходил из больницы и все время жил в каморке у больничного швейцара. Он не отпускал Надю от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах. Вообще я ничего подобного в своей жизни не видела. Сохранившиеся письма Мандельштама к жене полностью подтверждают это мое впечатление.

В 1925 году я жила с Мандельштамами в одном коридоре в пансионе Зайцева в Царском Селе. И Надя, и я были тяжело больны, лежали, мерили температуру, которая была неизменно повышенной и, кажется, так и не гуляли ни разу в парке, который был рядом. Осип Эмилевич каждый день уезжал в Ленинград, пытаясь наладить работу, получить за что-то деньги. Там он прочел мне совершенно по секрету стихи к О. Ваксель, которые я запомнила и также по секрету записала («Хочешь, валенки сниму»). Там он диктовал мне свои воспоминания о Гумилеве⁺.

Одну зиму Мандельштамы (из-за Надиного здоровья) жили в Царском Селе, в Лицее. Я была у них несколько раз — приезжала кататься на лыжах. Жить они хотели в полуциркуле Большого Дворца, но там дымили печки и текли крыши. Таким образом возник Лицей. Жить там Осипу не нравилось. Он люто ненавидел так

* Некрасивая, но прелестная (фр.).

+ А тогда же он сообщил мне, что в декабре 1919 г. умер Н.В. Н<едоброво>.

называемых царскосельских сюсюк Голлербаха и Рождественского, и спекуляцию на имени Пушкина.

К Пушкину у Мандельштама было какое-то небывалое, почти грозное отношение — в нем мне чудится какой-то венец сверхчеловеческого целомудрия. Всякий пушкинизм был ему противен. О том, что «Вчерашнее солнце на черных носилках несут» — Пушкин, ни я, ни даже Надя не знали, и это выяснилось только теперь из черновиков (50-е годы). Мою «Последнюю Сказку» — статью о «Золотом Петушке» — он сам взял у меня на столе, прочел и сказал: «Прямо — шахматная партия».

«Сияло солнце Александра
Сто лет тому назад сияло всем»

(декабрь 1917 г.) —

конечно, тоже Пушкин (так он передает мои слова).

Была я у Мандельштамов и летом в Китайской Деревне, где они жили с Лифшицами. В комнатах абсолютно не было никакой мебели и зияли дыры прогнивших полов. Для Осипа Эмильевича нисколько не было интересно, что там когда-то жили и Жуковский и Карамзин. Уверена, он нарочно, приглашая меня вместе с ними идти покупать папиросы или сахар, говорил: «Пойдем в европейскую часть города», будто это Бахчисарай, или что-то столь же экзотическое. То же подчеркнутое невнимание в строке — «Там улыбаются уланы». В Царском сроду улан не было, а были гусары, желтые кирасиры и конвой.

В 1928 году Мандельштамы были в Крыму. Вот письмо Осипа от 25 августа (день смерти Гумилева):

Дорогая Анна Андреевна,

Пишем Вам с П.Н. Лукницким из Ялты, где все трое ведем суровую трудовую жизнь.

Хочется домой, хочется видеть Вас. Знайте, я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с Вами. Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервется. В Петербург мы вернемся ненадолго в октябре. Зимовать там Наде не велено. Мы уговорили П.Н. остаться в Ялте из эгоистических соображений. Напишите нам.

Ваш О. Мандельштам

Юг и море были ему почти так же необходимы, как Надя.

«На вершок бы мне синего моря,
На игольное только ушко».

Попытки устроиться в Ленинграде были неудачными. Надя не любила все, связанное с этим городом, и тянулась в Москву, где жил ее любимый брат Евгений Яковлевич Хазин. Осипу казалось, что его кто-то знает, кто-то ценит в Москве, а было как раз наоборот. В этой биографии поражает одна частность: в то время (1933 г.) Осипа Эмильевича встречали в Ленинграде как великого поэта, *persona grata** и т.п., к нему в Европейскую гостиницу на поклон пошел весь литературный Ленинград: Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский (Григорий Александрович Гуковский был у Мандельштамов в Москве) и его приезд и вечера были событием, о котором вспоминали много лет и вспоминают еще и сейчас (1962 год); из ленинградских литературоведов всегда хранили верность Мандельштаму — Лидия Яковлевна Гинзбург и Борис Яковлевич Бухштаб — великие знатоки поэзии Ман-

* Здесь: желательное лицо, пользующееся особым расположением (лат.).

дельштама. Следует в этой связи не забывать и Цезаря Вольпе...

Из писателей-современников Мандельштам высоко ценил Бабеля и Зощенко, который знал это и очень этим гордился. Больше всего Мандельштам почему-то ненавидел Леонова. Кто-то сказал, что Н. Ч-й написал роман. Осип отнесся к этому недоверчиво. Он сказал, что для романа нужна по крайней мере каторга Достоевского или десятины Льва Толстого.

В Москве Мандельштама никто не хотел знать, и, кроме двух-трех молодых ученых-естественников, Осип Эмильевич ни с кем не дружил. (Знакомство с Белым было коктебельского происхождения). Пастернак как-то мялся, уклонялся, любил только грузин и их «красавиц жен». Союзное начальство вело себя подозрительно и сдержанно.

Осенью 1933 года Мандельштам наконец получил (воспетую им) квартиру (две комнаты, пятый этаж, без лифта; газовой плиты и ванны еще не было) в Нащокинском переулке («Квартира тиха, как бумага»), и бродячая жизнь как будто бы кончилась. У Осипа завелись книги, главным образом, старинные издания итальянских поэтов (Данте, Петрарка).

На самом деле ничего не кончилось: все время надо было куда-то звонить, чего-то ждать, на что-то надеяться. И никогда из всего этого ничего не выходило. Осип Эмильевич был врагом стихотворных переводов. Он при мне на Нащокинском говорил Пастернаку: — «Ваше полное собрание сочинений будет состоять из двенадцати томов переводов и одного тома ваших собственных стихотворений». Мандельштам знал, что в переводах утекает творческая энергия, и заставить его переводить было

почти невозможно. Кругом завелось много людей, часто довольно мутных и почти всегда ненужных.

Несмотря на то, что время было сравнительно вегетарианское, тень неблагополучия и обреченности лежала на этом доме. Мы шли по Пречистенке (февраль 1934 г.), о чем говорили — не помню. Свернули на Гоголевский бульвар, и Осип сказал: «Я к смерти готов». Вот уже 28 лет я вспоминаю эту минуту, когда проезжаю мимо этого места.

Я довольно долго не видала Осипа и Надю. В 1933 году Мандельштамы приехали в Ленинград, по чьему-то приглашению. Они остановились в Европейской гостинице. У Осипа было два вечера. Он только что выучил итальянский язык и бредил Дантом, читая наизусть страданиями. Мы стали говорить о «Чистилище». Я прочла кусок из XXX песни (явление Беатриче):

Sopra candido vel cinta d'oliva
 Donna m'apparve, sotto verde manto,
 Vestita di color di fiamma viva.

 «Men che dramma
 Di sanque m'e rimaso non tremi:
 Conosco i seqni dell' antica fiamma»*.

(Цитирую по памяти)

* В венке олив, под белым покрывалом,
 Предстала женщина, облачена
 В зелсный плащ и в платье огнеалом.

 «Всю кровь мою
 Пронизывает трепет несказанный:
 Следы огня былого узнаю!» (Пер. М. Лозинского)

Осип заплакал. Я испугалась — «Что такое?» — «Нет, ничего, только эти слова и вашим голосом». Не моя очередь вспоминать об этом. Если Надя хочет, пусть вспоминает.

Осип читал мне на память отрывки стихотворения Н. Клюева «Хулители Искусства» — причину гибели несчастного Николая Алексеевича. Я своими глазами видела у Варвары Клычковой заявление Клюева (из лагеря о помиловании): «Я, осужденный за мое стихотворение «Хулители Искусства» и за безумные строки моих черновиков». Оттуда я взяла два стиха как эпиграф — «Решка», а когда я что-то неодобрительно говорила об Есенине — Осип возражал, что можно простить Есенину что угодно за строчку: «Не расстреливал несчастных по темницам».

Жить в общем было не на что: какие-то полупереводы, полурецензии, полуобещания. Пенсии едва хватало, чтобы заплатить за квартиру и выкупить паек. К этому времени Мандельштам внешне очень изменился: отяжелел, поседел, стал плохо дышать — производил впечатление старика (ему было 42 года), но глаза по-прежнему сверкали. Стихи становились все лучше, проза тоже.

Эта проза такая неслышанная, забытая, только сейчас начинает доходить до читателя, но зато я постоянно слышу, главным образом от молодежи, которая от нее с ума сходит, что во всем 20 веке не было такой прозы. (Это так называемая «четвертая проза»).

Я очень запомнила один из наших тогдашних разговоров о поэзии. Осип Эмильевич, который очень болезненно переносил то, что сейчас называют культом личности, сказал мне: «Стихи сейчас должны быть граж-

данскими», и прочел «Под собой мы не чуем». Примерно тогда же возникла его теория «знакомства слов». Много позже он утверждал, что стихи пишутся только как результат сильных потрясений, как радостных, так и трагических. О своих стихах, где он хвалит Сталина: «Мне хочется сказать не Сталин — Джугашвили» (1935?), он сказал мне: «Я теперь понимаю, что это была болезнь».

Когда я прочла Осипу мое стихотворение «Уводили тебя на рассвете» (1935), он сказал: «Благодарю Вас». Стихи эти в «Реквиеме» и относятся к аресту Н.Н. Пунина в 1935 году. На свой счет Мандельштам принял (справедливо) и последний стих в стихотворении «Немного географии» («Не столицей европейской»):

Он воспетый первым поэтом,
Нами грешными и тобой.

13-го мая 1934 года его арестовали. В этот самый день я после града телеграмм и телефонных звонков приехала к Мандельштамам из Ленинграда, где незадолго до этого произошло его столкновение с Толстым. Мы все были тогда такими бедными, что для того, чтобы купить билет обратно, я взяла с собой мой орденский знак Обезьяньей Палаты, последний данный Ремизовым в России (мне принесли его уже после бегства Ремизова) (1921), и статуэтку (работы Данько, мой портрет, 1924), для продажи. Их купила С. Толстая для Музея Союза Писателей.

Ордер на арест был подписан самим Ягодой. Обыск продолжался всю ночь. Искали стихи, ходили по выброшенным из сундучка рукописям. Мы все сидели в одной комнате. Было очень тихо. За стеной, у Кирсанова, иг-

рала гавайская гитара. Следовательно при мне нашел «Волка» и показал Осипу Эмильевичу. Он молча кивнул. Прощаясь, поцеловал меня. Его увели в 7 утра. Было совсем светло. Надя пошла к брату, я к Чулковым на Смоленский бульвар, 8, и мы условились где-то встретиться. Вернувшись домой вместе, убрали квартиру, сели завтракать. Опять стук, опять они, опять обыск. Евгений Яковлевич Хазин сказал: «Если они придут еще раз, то уведут Вас с собой». Пастернак, у которого я была в тот же день, пошел просить за Мандельштама в «Известия», к Бухарину, я в Кремль к Енукидзе. Тогда проникнуть в Кремль было почти чудом. Это устроил актер Русланов, через секретаря Енукидзе. Енукидзе был довольно вежлив, но сразу спросил: «А может быть, какие-нибудь стихи?» Этим мы ускорили и, вероятно, смягчили развязку. Приговор — три года Чердыни, где Осип выбросился из окна больницы, потому что ему казалось, что за ним пришли (см. Стансы, стр<офа> 4) и сломал себе руку. Надя послала телеграмму в ЦК. Сталин велел пересмотреть дело и позволил выбрать другое место, потом звонил Пастернаку⁺.

Остальное слишком известно. Вместе с Пастернаком я была и у Усиевич, где мы застали и союзное начальство, и много тогдашней марксистской молодежи. Была я у Пильняка, где видала Балтрушайтиса, Шпета и С. Прокофьева.

⁺ Все связанное с этим звонком требует особого рассмотрения. Об этом пишут обе вдовы, и Надя и Зина, и существует бесконечный фольклор. Какая-то Триолешка даже осмелилась написать (конечно, в пастернаковские дни), что Борис погубил Осипа. Мы с Надей считаем, что Пастернак вел себя на крепкую четверку.

А в это время бывший синдик Цеха Поэтов, бывший Сергей Городецкий, выступая где-то, произнес следующую бессмертную фразу: «Это строчки той Ахматовой, которая ушла в контрреволюцию», так что даже в Литературной газете, которая напечатала отчет об этом собрании, подлинные слова оратора были смягчены. (См. Литературную газету 1934 года, май).

Бухарин в конце своего письма к Сталину написал: «И Пастернак тоже волнуется». Сталин сообщил, что отдано распоряжение, что с Мандельштамом будет все в порядке. Он спросил Пастернака, почему тот не хлопотал. «Если бы мой друг поэт попал в беду, я бы лез на стену, чтобы его спасти». Пастернак ответил, что если бы он не хлопотал, то Сталин бы не узнал об этом деле. «Почему Вы не обратились ко мне или в писательские организации?» — «Писательские организации не занимаются этим с 1927 года». — «Но ведь он Ваш друг?» Пастернак замялся, и Сталин после недолгой паузы продолжил вопрос: «Но ведь он же мастер, мастер?» Пастернак ответил: «Это не имеет значения».

Борис Леонидович думал, что Сталин его проверяет, знает ли он про стихи, и этим он объяснил свои шаткие ответы.

«Почему мы всё говорим о Мандельштаме и Мандельштаме, я так давно хотел с Вами поговорить». — «О чем?» — «О жизни и смерти». Сталин повесил трубку.

Надя никогда не ходила к Борису Леонидовичу и ни о чем его не молила, как пишет Роберт Пейн⁺.

⁺ Эти сведения идут от Зины, которой принадлежит знаменитая бессмертная фраза: мои мальчишки (сыновья) больше всего любят Сталина — потом маму.

Навестить Надю из мужчин пришел один Перец Маркиш. Женщин в тот день приходило много. Мне запомнилось, что они были красивые и очень нарядные, в свежих весенних платьях: еще не тронутая бедствиями Сима Нарбут; красавица пленная турчанка (как мы ее прозвали), жена Зенкевича; ясноокая, стройная и необыкновенно спокойная Нина Ольшевская. А мы с Надей сидели в мятых вязанках, желтые и одеревеневшие. С нами была Эмма Герштейн и брат Нади.

Через 15 дней рано утром Наде позвонили и предложили, если она хочет ехать с мужем, быть вечером на Казанском вокзале. Все было кончено. Нина Ольшевская и я пошли собирать деньги на отъезд. Давали много. Елена Сергеевна Булгакова заплакала и сунула мне в руку все содержимое своей сумочки.

На вокзал мы поехали с Надей вдвоем. Заехали на Лубянку за документами. День был ясный и светлый. Из каждого окна на нас глядели тараканьи усища «виновника торжества». Осипа очень долго не везли. Он был в таком состоянии, что даже они не могли посадить его в тюремную карету. Мой поезд с Ленинградского вокзала уходил, и я не дождалась. Братья, т.е. Евгений Яковлевич Хазин и Александр Эмильевич Мандельштам проводили меня, вернулись на Казанский вокзал и только тогда привезли Осипа, с которым уже не было разрешено общаться. Очень плохо, что я его не дождалась и он меня не видел, потому что от этого ему в Чердыни стало казаться, что я непременно погибла. Ехали они под конвоем читавших Пушкина «Славных ребят из железных ворот ГПУ».

В это время шла подготовка к первому съезду писателей (1934 г.), и мне тоже прислали анкету для запол-

нения. Арест Осипа произвел на меня такое впечатление, что у меня рука не поднялась, чтобы заполнить анкету. На этом съезде Бухарин объявил первым поэтом Пастернака (к ужасу Демьяна Бедного), обругал меня и, вероятно, не сказал ни слова об Осипе.

В феврале 1936 года я была у Мандельштамов в Воронеже и узнала все подробности его «дела». Он рассказал мне, как в припадке умоисступления бегал по Чердыни и разыскивал мой расстрелянный труп, о чем громко говорил кому попало, а арки в честь челюскинцев считал поставленными в честь своего приезда.

Пастернак и я ходили к очередному верховному прокурору просить за Мандельштама, но тогда уже начался террор и все было напрасно.

Поразительно, что простор, широта, глубокое дыхание появилось в стихах Мандельштама именно в Воронеже, когда он был совсем не свободен.

«И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружие».

Вернувшись от Мандельштамов, я написала стихотворение «Воронеж». Вот его конец:

«А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед,
И ночь идет,
Которая не ведает рассвета».

О себе в Воронеже Осип говорил: «Я по природе ожидальщик. Оттого мне здесь еще труднее».

В начале 20-х годов (1923) Мандельштам дважды очень резко нападал на мои стихи в печати (Русское Искусство № 1, 2—3). Этого мы с ним никогда не об-

суждали. Но и о своем славословии моих стихов он тоже не говорил, и я прочла его только теперь (рецензии на «Альманах Муз» (1916) и «Письмо о Русской Поэзии» (1922 Харьков).

Там, в Воронеже, его с не очень чистыми побуждениями заставили прочесть доклад об акмеизме. Не должно быть забыто, что он сказал в 1937 году: «Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых». На вопрос, что такое акмеизм, Мандельштам ответил: «Тоска по мировой культуре».

В Воронеже при Мандельштаме был Сергей Борисович Рудаков, который, к сожалению, оказался совсем не таким хорошим, как мы думали. Он, очевидно, страдал какой-то разновидностью мании величия, если ему казалось, что стихи пишет не Осип, а он — Рудаков. Рудаков убит на войне, и не хочется подробно описывать его поведение в Воронеже. Однако все идущее от него надо принимать с великой осторожностью.

Все, что пишет о Мандельштаме в своих бульварных мемуарах «Петербургские Зимы» Георгий Иванов, который уехал из России в самом начале 20-ых годов и зрелого Мандельштама вовсе не знал, — мелко, пусто и несущественно. Сочинение таких мемуаров — дело немудреное. Не надо ни памяти, ни внимания, ни любви, ни чувства эпохи. Все годится и все приемлется с благодарностью невзыскательными потребителями. Хуже, конечно, что это иногда попадает в серьезные литературоведческие труды. Вот что сделал Леонид Шацкий (Страховский) с Мандельштамом: у автора под рукой две-три книги достаточно «пикантных мемуаров» («Петербургские Зимы» Георгия Иванова, «Полутораглазый стрелец» Бенедикта Лившица, «Портреты Русских По-

этов» Эренбурга, 1922). Эти книги использованы полностью. Материальная часть черпается из очень раннего справочника Козмина «Писатели Современной Эпохи», Москва, 1928. Затем из сборника Мандельштама «Стихотворения» (1928) извлекается стихотворение «Музыка на вокзале» — даже не последнее по времени в этой книге. Оно объявляется вообще последним произведением поэта. Дата смерти устанавливается произвольно 1945 (на семь лет позже действительной смерти — 27 декабря 1938 г.). То, что в ряде журналов и газет печатались стихи Мандельштама, хотя бы великолепный цикл «Армения» в Новом Мире в 1930 г., Шацкого нисколько не интересует. Он очень развязно объявляет, что на стихотворении «Музыка на вокзале» Мандельштам кончился, перестал быть поэтом, сделался жалким переводчиком, опустился, бродил по кабакам и т.д. Это уже, вероятно, устная информация какого-нибудь парижского Георгия Иванова. И вместо трагической фигуры редкостного поэта, который и в годы воронежской ссылки продолжал писать вещи неизреченной красоты и мощи, мы имеем «городского сумасшедшего», проходимца, опустившееся существо. И все это в книге, вышедшей под эгидой лучшего, старейшего и т.п. Университета Америки (Гарвардского), с чем и поздравляем от всей души лучший, старейший университет Америки.

Чудак? Конечно, чудак! Он, например, выгнал молодого поэта, который пришел жаловаться, что его не печатают. Смущенный юноша спускался по лестнице, а Осип стоял на верхней площадке и кричал вслед: «А Андрея Шенъе печатали? А Сафо печатали? А Иисуса Христа печатали?» С. Липкин и А. Тарковский и посеи-

час охотно повествуют, как Мандельштам ругал их юные стихи.

Артур Сергеевич Лурье, который близко знал Мандельштама и который очень достойно написал об отношении Осипа Мандельштама к музыке, рассказывал мне (10-е годы), что как-то шел с Мандельштамом по Невскому и они встретили невероятно великолепную даму. Осип находчиво предложил своему спутнику: «Отнимем у нее все и отдадим Анне Андреевне». (Точность можно еще проверить у Лурье.)

.....

Очень ему не нравилось, когда молодые женщины любили «Четки». Рассказывают, что он был как-то у Катаевых и приятно беседовал с красивой женой хозяина дома. Под конец ему захотелось проверить вкус жены, и он спросил ее: «Вы любите Ахматову?» — на что та, естественно, ответила: «Я ее не читала», — после чего гость пришел в ярость, нагрубил и в бешенстве убежал. Мне он этого не рассказывал.

Зимой в 1933/34 гг.: когда я гостила у Мандельштамов на Нащокинском в феврале 1934 г., меня пригласили на вечер Булгаковы. Осип взволновался: «Вас хотят сводить с московской литературой?» Чтобы его успокоить, я неудачно сказала: «Нет, Булгаков сам изгой. Вероятно, там будет кто-нибудь из МХАТа».

Осип совсем рассердился. Он бегал по комнатам и кричал: «Как оторвать Ахматову от МХАТа?»

Однажды Надя повезла Осипа встречать меня на вокзал. Он встал рано, озяб, был не в духе. Когда я вышла из вагона, сказал мне: «Вы приехали со скоростью Анны Карениной».

Комнатку (будущую кухню), где я у них жила, Осип назвал — Капище. Свою — называл Запьястье (потому что в первой комнате жил Пяст). А Надю называл Маманаш (наша мама).

Чудак? Но совсем не в этом дело. Почему мемуаристы известного склада (Шацкий, Миндлин, С. Маковский, Г. Иванов, Бен. Лившиц) так бережно и любовно собирают и хранят любые сплетни, вздор, главным образом обывательскую точку зрения на поэта, а не склоняют головы перед таким огромным и ни с чем не сравнимым событием, как явление поэта, первые же стихи которого поражают совершенством и ниоткуда не идут?

У Мандельштама нет учителя. Вот о чем стоило бы думать. Я не знаю в мировой поэзии подобного факта. Мы знаем истоки Пушкина, Блока, но кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама!

В мае 1937 года Мандельштамы вернулись в Москву «к себе» в Нащокинский. Я в это время гостила у Ардовых в том же доме. Осип был уже больным, много лежал. Прочел мне свои новые стихи, но переписывать не давал никому. Много говорили о Наташе (Штемпель), с которой дружил в Воронеже. (К ней обращены два стихотворения: «Клейкой клятвой пахнут почки» и «К пустой земле невольно припадая».)

Уже год, как, все нарастая, вокруг бушевал террор. Одна из двух комнат Мандельштамов была занята чело-
веком, который писал на них ложные доносы, и скоро им стало нельзя даже показываться в этой квартире. Разрешения остаться в столице Осип не получил, тогда Осип говорил Наде: «Надо уметь менять профессию. Теперь мы — нищие» и «Нищим летом всегда легче».

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин,
И мглой, и голодом, и вьюгой.

Последнее стихотворение, которое я слышала от Осипа, — «Как по улицам Киева — Вия» (1937). Это было так. Мандельштамам было негде ночевать. Я оставила их у себя (в Фонтанном Доме). Постелила Осипу на диване. Зачем-то вышла, а когда вернулась, он уже засыпал, но очнулся и прочел мне стихи. Я повторила их. Он сказал: Благодарю вас», — и заснул.

В это время в Шереметевском доме был так называемый «Дом занимательной науки». Проходить нам надо было через это сомнительное заведение. Осип озабоченно спросил меня: «А может быть, есть другой занимательный выход?»

В то же время мы с ним одновременно читали «Улисса» Джойса. Он — в хорошем немецком переводе, я — в подлиннике. Несколько раз мы принимались говорить об «Улиссе», но было уже не до книг.

Так они прожили год. Осип был уже тяжело болен, но он с непонятным упорством требовал, чтобы в Союзе писателей устроили его вечер. Вечер был даже назначен, но, по-видимому, «забыли» послать повестки, и никто не пришел. О.Э. по телефону приглашал Асеева. Тот ответил: «Я иду на «Снегурочку»», — а Сельвинский, когда Мандельштам попросил у него, встретившись на бульваре, денег, дал три рубля.

В последний раз я видела Мандельштама осенью 1937 года. Они — он и Надя — приехали в Ленинград дня на два. Время было апокалипсическое. Беда ходила по пятам за всеми нами. У Мандельштамов не было де-

нег. Жить им было уже совершенно негде. Осип плохо дышал, ловил воздух губами. Я пришла, чтобы повидаться с ними, не помню куда. Все было как в страшном сне. Кто-то пришедший после меня сказал, что у отца Осипа Эмильевича (у «деда») нет теплой одежды. Осип снял бывший у него под пиджаком свитер и отдал его для передачи отцу. Мой сын говорит, что ему во время следствия читали показания Осипа Эмильевича о нем и обо мне и что они были безупречны. Многие ли наши современники, увы, могут сказать это о себе?

Второй раз его арестовали 2 мая 1938 года в нервном санатории около станции Черусти (в разгар ежовщины). В это время мой сын сидел на Шпалерной уже два месяца. О пытках все говорили громко. Надя приехала в Ленинград. У нее были страшные глаза. Она сказала: «Я успокоюсь только тогда, когда узнаю, что он умер».

В начале 1939 года я получила короткое письмо от московской приятельницы (Э.Г. Герштейн): «У подружки Лены (Осмеркиной) родилась девочка, а подружка Надюша овдовела», — писала она.

...Когда старик М<андельшт>ам узнал, что Осип
 <1> арестован, он стал плакать и повторять...: «Ведь он такой нежный» (или: «нежненький мой Ося»). Я меньше всего стремлюсь создать М<андельшта>му «респектабельную» биографию. Да она совсем и не нужна ему. Это был человек с душой бродяги в самом высоком смысле этого слова и *poète maudit par excellence*⁺, что и доказала его биография. Его вечно тянул к себе юг, море, новые

⁺ Настоящий проклятый поэт (фр.).

места. О его иступленной влюбленности в Армению свидетельствует бессмертный цикл стихов 1929 <года>. Годами ему приходилось с утра думать, где достать денег на обед. Беречь и считать деньги он совсем не умел. Говорят, что «он у всех занимал деньги». У меня, кстати сказать, он никогда не попросил ни копейки. У Срезневской тоже.

Отметить и попытаться объяснить разницу отношения к М<андельшта>му Ленинграда и Москвы. (30-ые годы.)

Деятельность салона Лили Брик.

Были поэты знаменитые при жизни (Сологуб), но <2> совершенно забытые после смерти.

Были и неизвестные при жизни (Гумилев), но ставшие знаменитыми сразу после смерти. (Это и участь Модильяни.)

С Манд<ельштамом> дело обстоит сложнее. Он писал для своих правнуков. И вот эти правнуки, выросшие в крови, в грязи, в нужде, в неправде чистыми, умными и полными сил. Они пришли и сказали: «Вот он — не хотим никого другого».

песня...

минуя внуков к правнукам уйдет.

И новый бард чужую песню сложит

И как свою ее произнесет —

писал еще юношей О. М<андельштам>, провидя, что случится в 60-ых годах 20 стол<етия>.

(А были еще такие, как Вячеслав Иванов — великий мистификатор. Уехав за границу, он убедил и себя, и других, что был знаменитым на родине.)

ОПЯТЬ ОБ О. М<АНДЕЛЬШТАМЕ>

(Случайно встретив в редакции) Мандельштам —
 <3> Федину о его «Похищении Европы»: «Это голландское
 какао на резиновой подошве, а резина — советская».

О. М<АНДЕЛЬШТАМ>

25-го октября 1917 проходил по Дворцовой площа-
 <4> ди и видел там последний парад женщин. Одна из них
 крикнула с лошади даме в толпу: «Au revoir, tante Véra»*.

Когда Осип узнал, как мне плохо жить в Фонтан-
 <5> ном Доме (вероятно, от Нади), он, прощаясь (это было
 на Московском вокзале), сказал мне:

«Аннушка⁺, всегда помните, что мой дом — ваш...»
 (Что-то в отношении ко мне другого Иосифа напо-
 минает мне Мандельштама.)

Это могло быть уже перед самым концом (т.е. когда
 был нащокинский дом).

Мою прозу о Мандельшт<аме> — Жирмунскому.
 <6> О. М<андельштам> жил в Крыму <в> 1916—17 г.
 не только в Коктебеле, но и в Алуште у Магденко. Там в
 это время были Мочульский, Недоброво, Смирнов,
 бр<атя> Радловы, Жирмунский (1916—17 гг.), Сало-

* «До свидания, тетя Вера» (фр.).

+ Он никогда в жизни так не называл меня.

меня с Рафаловичем⁺, Чудовские. Судейкин и Вера Артуровна отдельно, недалеко от Алушты. Это она

Через плечо поглядела...

О. М. <АНДЕЛЬШТАМ>

Осип в цехе (это было у Лозинского) сказал мне:
<7> «У меня от Ваших стихов иногда впечатление полета. Сегодня этого не было, а должно быть. Следите, чтоб всегда было!». И другой раз: (цитата). «Эти ваши строки можно удалить из моего мозга только хирургическим путем». (О чем-то из «Четок»).

По поводу стихов Н. Бруни (в 1-ом Цехе) пришел в ярость и прорывал: [Есть] бывают такие стихи, которые воспринима<ешь> как личное оскорбление.

Продолжение

Сказать о «Собаке». Адрес: Михайл<овская> пл<ощадь>, 5. Две зимы. Пронин прятал в диванах рев<олюционную> литературу. Про «Привал» ничего не знаю, не бывала. [Там] В «Соб<аке>» бывали заезжие иностран<цы> — Paul Fort, Marinetti, — устраивали диспуты формалисты. Много музыки. Об «Изгнании из Рая»^{+++*}. Роли. Ольга — Ева. Миклашев<ская> —

⁺ Пара, из кот<орой> старый пасквилянт (Г. Иванов) мог слепить богатого армянина и его хорошенькую содержанку. Оба в это время были в Париже, и, конечно, без битья дело бы не обошлось⁺⁺, не зная, к кому относится соломка, Георгий Иванов просто не мог (это знали все), и если он называет ее хорошенькой содержанкой, ему нужна маска.

⁺⁺ Ср.: «Ахматова, Паллада, Саломея».

* Авторское примечание отсутствует.

змий. Юб<илей> Карсавиной. Каждый день или, вернее, ночь — Маяковский в желтой кофте. Любил там читать.

Помню:

Что за супруг
Прямо вырвал из рук...

FINALE

Функционируя летом,
Осенью сад закрывает засов.
Станция желтым билетам,
Нету местов...

Послали за лейб-медиком,
Лейб-медик тут как тут.
Игрушечным медведиком
Бежит придворный шут.

Из другой собачьей пьесы:

Ура, пошло лечение
Настало облегчение

При чем-то были колики с шикарной рифмой католики.

О. Мандельштам говорил мне: «Вы, как под покров
<8> людей принимаете, когда говорите с ними».

Царское в 20-х годах представляло собой нечто не-
<9> вообразимое. Все заборы были сожжены. Над откры-
тыми люками водопровода стояли ржавые кровати из ла-
заретов 1-ой войны, улицы заросли травой, гуляли и ора-
ли петухи всех цветов и козы, которых почему-то всех
звали Тамара. На воротах недавно великолепного дома
гр. Стенбок-Фермора красовалась огромная вывеска:

«Случный пункт», но на Широкой так же терпко пахли по осеням дубы — свидетели моего детства. И вороны на соборных крестах кричали то же, что я слышала, идя по соборному скверу в гимназию, и статуи в царскосельских парках глядели, как в 10-х годах. В оборванных и страшных фигурках я иногда узнавала царскоселов. Гостинный двор был закрыт.

Все каменные циркули и лиры, — мне всю жизнь кажется, что Пушкин это про Царское сказал, и еще потрясающее:

В великолепный мрак чужого сада, — самая дерзкая строчка из когда-нибудь прочитанных или услышанных мной (однако не плохо и «священный сумрак»).

На днях, перечитывая (не открывала книгу с 1928 г.) <10> «Шум времени», я сделала неожиданное открытие. Кроме всего высокого и первозданного, что сделал ее автор в поэзии, он еще умудрился быть последним бытописателем Петербурга. У него эти полузабытые и многократно обоганные улицы возникают во всей своей свежести 90-х — 900-ых годов. Мне скажут, что он писал всего через пять лет после революции — 1923 г., что он долго отсутствовал, а отсутствие — лучшее лекарство от забвения (объяснить потом), лучший же способ забыть навек — это видеть ежедневно (так я забыла Фонтанный Дом, в котором прожила 35 лет). А его театр — о Комиссаржевской, про которую он не говорит последнего слова: королева модерна, а Савина — барыня, разомлевшая после Гостиного двора, а запахи Павловского вокзала, которые преследуют меня всю жизнь. И все великолепие военной столицы, увиденное сияющими глазами пя-

тилетнего ребенка, а чувство иудейского хаоса и недоумение перед человеком в шапке (за столом).

Иногда эта проза звучит как комментарий к стихам, но нигде Мандельштам не подает себя как поэта, и если не знать его стихов, не догадаешься, что эта проза поэта. Все, о чем он пишет в «Шуме времени», лежало в нем где-то очень глубоко — он никогда этого не рассказывал, брезгливо относился к мирискусническому любованию старым (и не старым Петербургом).

Кроме того, очень интересны подробности политических манифестаций у Казанского собора, которые свидетельствуют об очень пристальном внимании к эти событиям и заставляют вспомнить о том, что сам Осип общился для помещения в книгу «Писатели современной эпохи» (цитата).

ПРИМЕЧАНИЕ К ЗАМЕТКЕ «О. М<АНДЕЛЬШТАМ>»

<11> Если хотите, я подробнее опишу, как это сделано в данном случае. У Ш<ацкого> под рукой две книги достаточно «пикантных» мемуаров — Г. Иванов и Эренбург. Они использованы полностью. Материальная часть черпается из справочной книги Козьмина «Писатели современной эпохи» (1928). Кроме того, в сборнике «Стихотворения» (1928) находится последнее по времени стих<отворение> М<андельшта>ма «Музыка на вокзале». Оно объявляется вообще последним произведением поэта. Дата смерти устанавливается произвольно — 1945 г. (на семь лет позже действительной смерти). (М<андельштам> умер 26 дек<абря>* 1938.) То, что

* Так в тексте. См. также с. 48, 292. О.Э. Мандельштам умер 27 декабря 1938 г.

в ряде журналов и газет до самого его ареста (май 1934) печатались стихи М<андельшта>ма (хотя бы великолепный цикл «Армения» в «Новом мире»), Шацкого нисколько не интересуется. Он объявляет, что на стих<отворении> «Музыка на вокзале» Мандельштам кончился, стал жалким переводчиком (М<андельштам> почти ничего не переводил), бродил по кабакам и т.д. (Это уже, вероятно, словесная информация Георгия Иванова), и вместо трагической фигуры [замечательного] редкостного поэта, который и в годы ссылки в Воронеже продолжал писать вещи неизреченной красоты и мощи, мы имеем «городского сумасшедшего», проходимца, опустившееся существо. И это в книге, вышедшей под эгидой лучшего и т.д. Университета Америки (Гарвардского). [Да будет стыдно «лучшему» университету Америки и тем, кто допустил такое скотство...]

Июнь 1958.

Кр<асная> Кон<ница>]

ЛОЗИНСКИЙ (Начало)

«Завтра день молитвы и печали»

Меня познакомила с ним Лиза Куз<ьмина>-Кар<аваева> в 1911 <г.> на втором собрании Цеха поэтов⁺ [у нее] на Манежной площади. Это была великолепная квартира Лизиной матери (Пиленко), рожд<денной> чуть ли не Нарышкиной. Сама Лиза жила с Митей Куз<ьминым>-Кар<аваевым> по-студенчески. Внешне М<ихаил> Л<еонидович> был тогда элегантным петербуржцем и восхитительным остряком, но стихи были строгие, всегда высокие, свидетельствующие о напряженной духовной жизни⁺⁺. Я считаю, что лучшее из написанных мне тогда стихов принадлежит ему («Не забывшая»). Дружба наша началась как-то сразу и продолжалась до его смерти (31 янв<аря> 1955 г.). Тогда же, т.е. в 10-х годах, составилась некий триумвират: Лозинский, Гумилев и Шилейко. С Лоз<инским> Гум<илев> играл в карты.

⁺ На этот вечер не пошел Блок. (См. «Зап<исная> книжка». Стр. ...).

⁺⁺ Это те стихи, кот<орые> обычно никто не любит. Его и не любили. «Горный ключ» успеха не имел.

Лозинский
(Продолжение)

Шилейко толковал ему Библию и Талмуд. Но главное, конечно, были стихи.

Гум<илев> присоветовал Маковскому пригласить Лоз<инского> в секретари в «Аполлон». Лучшего подарка он не мог ему сделать. Бездельник и [лентяй] болтун Маковский (Рара Масо или Моль в перчатках) был за своим секретарем, как за каменной стеной. Лоз<инский> прекрасно знал языки и был до преступности добросовестным человеком. Скоро он начал переводить, счастливо угадав, к чему «ведом»⁺. На этом пути он достиг великой славы и оставил образцы непревзойденного совершенства. Но все это гораздо позже. Тогда же он ездил с Тат<ьяной> Бор<исовной> в оперу, постоянно бывал в «Брод<ячей> собак<е>» и возился с аполлоновскими делами. Это не помешало ему стать редактором нашего «Гиперборея»⁺⁺ (ныне библиографическая редкость) и держать корректуры моих книг. Он делал это безукоризненно, как все, что он делал⁺⁺⁺. Я капризничала, а он ласково говорил: «Она занималась с своим секретарем и была не в духе». Это на Тучке, когда мы смотрели «Четки»⁺⁺⁺⁺, и через много лет («Из шести книг», 1940): «Конечно, раз вы так сказали, так и будут говорить, но, может быть, лучше не портить рус-

⁺ См. Бенвенуто Челлини. Пер<евод> Лозинского.

⁺⁺ И даже устраивать гиперборейские пятницы в своем доме (см. По пятницам в «Гиперборее» [Цветник] Расцвет акмеистичных роз...).

⁺⁺⁺ А какие-то чудачки читали доклады: «Пунктуация Ахматовой».

⁺⁺⁺⁺ «Вечер» он не смотрел.

ский язык». И я исправляла ошибку. Последняя его помощь мне: чтение рукописи «Марьон Делорм». Смотрел о<н> и мои «Письма Рубенса», для чего заходил в Ф<онтанный Д<ом> после работы в Публ<ичной> библ<иотеке>.

Во время голода М<ихаил> Л<еонидович> и его жена еле на ногах держались, а их дети были толстые, розовые, с опытной и тоже толстой няней. М<ихаил> Л<еонидович> был весь в фурункулах от недоедания...

Продолжение

Лозинский кончил два факультета СПб университета (юрид<ический> для отца и филолог<ический> для себя) и был образованнее всех в Цехе. (О шилейкинском чаромутии не берусь судить). Это он при мне сказал Осипу, чтобы тот исправил стих: «И отравительница Федра», потому что Федра никого не отравляла, а просто была влюблена в своего пасынка. Гуму он тоже не раз поправлял мифологические и прочие оплошности⁺. Они были на «ты» и называли друг друга по имени-отчеству. Целовались, здороваясь и прощаясь. Пили вместе так называемый «флогистон» (дешевое разливное вино). Оба, Лоз<инский> и Гум<илев>, свято верили в гениальность третьего (Шилея) и, что уже совсем непростительно, — в его святость. Это они (да простит им Господь) внушили мне, что равного ему нет на свете. Но это уже другая тема.

В 20-ых годах — тяжелые осложнения в личной жизни: он полюбил молодую девушку. Она была переводчицей⁺⁺ и его ученицей. Никаких подробностей я не

⁺ Напр<имер>, Самограсская победа — Самофракийская.

⁺⁺ Конечно, и сама писала, и даже неплохо.

знаю, и, если бы знала, не стала бы [писать], разумеется, и сообщать, но на каком-то вечере во «Вс<емирной> лит<ературе>» (Мох<овая>, 36) она потребовала, чтобы он на ней женился, оставив семью. Все кончилось тем, что М<ихаил> Л<еонидович> оказался в больнице⁺. Она вышла замуж, но скоро умерла. Когда она умирала, он ходил в больницу — дежурил всю ночь.

Хворал он долго и страшно. В 30-ых год<ах> его постигло страшное бедствие: разрастание гипофиза, исказившее его. У него так болела голова, что он до 6-ти час<ов> не показывался даже близким. Когда, наконец, справился с этим и с горловой чахоткой, пришла астма и убила его.

В прошлогодней телевизионной передаче (кот<ору> все же имеет смысл найти) я вспомнила много мелочей о Лоз<инском>, кот<орые> не следует забывать (о методе перевода «Divina Com<media>» и др.).

В моей книге прозы должна быть глава о моем дорогом незабвенном друге, образце мужества и благородства.

(Это развить)

Последней его радостью были театральные постановки его переводов. Он пригласил меня на «Валенсианскую вдову». В середине действия я шепнула ему: «Боже мой, М<ихаил> Л<еонидович>, — ни одной банальной рифмы. Это так странно слышать со сцены». — «Кажется — да», — ответил этот чудодей.

⁺ Он много и подолгу лежал в больницах. Я всегда его навещала. Раз он сказал мне: «У меня так болела нога, что когда я увидел первого человека с воли — я заплакал». А когда показал мне (в Мар<инской> больн<ице>) фотоснимок разросшегося гипофиза, сказал: «Здесь мне скажут, когда я умру». Сказал это совершенно спокойно.

«Собака на сене» всегда имела оглушительный успех.

Он был с нами в первые дни войны 1914 г. Ему я всегда давала Колины стихи с фронта (для «Аполлона») [(и свои)]. Наша переписка сохранилась.

Мой рисунок Судейкина, кот<орый> всегда висел в кабинете М<ихаила> Л<еонидовича>, возник так. Я пришла с Судейкиным в редакцию «Аполлона». К Лозинскому, конечно. (У Мако я никогда не была). Села на диван. С<ергей> Ю<рьевич> нарисовал меня на бланке «Ап<оллона>» и подарил Мих<аилу> Л<еонидовичу>.

1. О переводе «Гамлета» и испанцев (с цитатой). Мелкие завистливые и невежественные люди уверяют, что «Гамлет» — тяжел, темен и т.п. Им не приходит в голову, что он именно таков в оригинале, а что Лозинский умел быть легким, прозрачным, летучим, как никто, мы знаем хотя бы из испанских комедий.

.....
 Цитата

2. О его советах (не читать чужой перевод, пока не кончишь свой). «Иначе память может сыграть с вами злую шутку».

Как все люди искусства, Лозинский влюблялся довольно легко. К моей Вале (она одно время работала в Публичной библиотеке) относятся «тысячелетние глаза», «и с цепью маленькие руки» (браслет от часов). И как истинный поэт предсказал свою смерть:

+ Напечатано в альманахе Цеха поэтов (стр. ...).

«И будет страшное к истлению готово».

Это про свое тело. Еще молодой и здоровый, он словно видит себя, искаженного грозным недугом. (Стихи от нач<ала> 20-ых г<одов>.)⁺

Лозинский до тонкости знал орфографию и законы пунктуации чувствовал, как люди чувствуют музыку: «Точка — тире такого знака нет по-русски, а у вас есть», — говаривал он, когда держал корректуру моих стихов.

«Ах! одна в смье умеет
Грамоте она», —

постоянно говорил про него Гум<илев>.

Нечего говорить, что «Гиперборей» весь держался на Лозинском. Он, вероятно, почти всегда выкупал номер в типографии (кажется, 40 руб.), держал корректуру и совместно с синдиками приглашал сотрудников.

В другом месте я уже писала («Листки из дневника»), что, когда был прокламирован акмеизм (1911), Лоз<инский> (и В.В. Гиппиус) отказались примкнуть к новой школе. Кажется, даже от Бальмонта М<ихаил> Л<еонидович> не хотел отречься, что, на мой взгляд, уже чрезмерно.

«Многомятежно ремесло твое, о Царица», — (часто говорил), говаривал мне Лозинский, а я так и не знаю, откуда это. Очевидно, из каких-то древних русских письменных памятников.

Когда Шилейко женился на мне, он почти перестал из-за своей сатанинской ревности видаться с Лозинским. Мих<аил> Леон<идович> не объяснялся с ним и только грустно сказал мне: «Он изгнал меня из своего сердца».

⁺ Напечатано там же.

Михаил Леонидович сказал мне: «Я хотел бы видеть «Божественную комедию» с совсем особыми иллюстрациями. Чтобы изображены были знаменитые дантовские развернутые сравнения. Например, возвращение игрока-счастливицы, [выигравшего и] окруженного толпой льстецов... Пусть в другом месте будет венецианский госпиталь и т.д.»

Наверно, когда он переводил, все эти сцены проходили перед его умственным взором, пленяя его своей бесмертной живостью и великолепием, и ему было жалко, что они не в полной мере доходят до читателя.

Я думаю, что не все присутствующие здесь отдают себе отчет, что значит переводить терцины. Может быть, это наиболее трудная из переводческих работ. Когда я говорила об этом Лозинскому, он ответил: «Надо сразу, смотря на страницу, понять, как сложится перевод, — это единственный способ одолеть терцины, а переводить по строчкам просто невозможно». Я, по правде сказать, несколько от этого совета растерялась. Вот каково было мастерство этого необыкновенного человека.

В трудном и благородном искусстве перевода Лозинский для XX в. был тем же, чем был Жуковский для 19-ого.

Друзьям своим Михаил Леонидович был всю жизнь бесконечно предан. Он всегда и во всем был готов помогать людям.

Я горда тем, что на мою долю выпала высокая честь принести и мою лепту памяти этого неповторимого, изумительного человека, который сочетал в себе сказочную выносливость, самое изящное остроумие, благородство и верность в дружбе.

В труде Лозинский был неутомим. Пораженный тяжелой и длительной болезнью, которая неизбежно сло-

мила бы кого угодно, он продолжал работать и помогать другим. Когда я [была] еще в 30-ых годах навестила его в больнице, он показал мне фото своего разросшегося гипофиза и совершенно спокойно сказал: «Здесь мне скажут, когда я умру». [Но] Он не умер, и страшная, деформировавшая его болезнь оказалась бессильной перед его сверхчеловеческой волей. Он продолжал работать. Страшно подумать, именно тогда он предпринял подвиг своей жизни — перевод «Божественной комедии» Данте.

(Из многих десятков стихотворений, посвященных мне в ту пору (1912 г.), я считаю «Не забывшую» Лозинского — лучшим.)

Из советов Лозинского-переводчика мне хочется привести еще один, очень для него характерный. Он сказал мне: «Если вы не первая переводите что-нибудь, [никогда] не читайте работу своего предшественника, пока вы не закончите свою, а то память может сыграть с вами злую шутку».

Только совсем не понимающие Лозинского люди могут повторять, что перевод «Гамлета» темен, тяжел, непонятен. Задачей Михаила Леонидовича в данном случае было желание передать возраст шекспировского языка, его непростоту, на которую жалуются сами англичане.

Одновременно с «Гамлетом» и «Макбетом» Лозинский переводит испанцев, и перевод его легок и чист⁺. (Цитата). Когда мы вместе смотрели «Валенсианскую вдову», я [сказала] только ахнула: «Михаил Леонидович», — ведь это чудо. Ни одной банальной рифмы». Он только улыбнулся и сказал: «Кажется, да».

⁺ И невозможно отделаться от ощущения, что в русском языке больше рифм, чем [думала] казалось раньше. (Поэтам присуще «чувство рифмы», т.е. знание всех рифм.)

В пору «культа личности», когда все ждали гибели, я спросила М<ихаила> Л<еонидовича>: «А если вас будут спрашивать обо мне, что вы скажете?» — «...что вы очень сильный европейский поэт», — ответил Лозинский.

Верность была самой характерной для Лозинского чертою. Когда зарождался акмеизм и ближе Мих<аила> Леон<идовича> у нас никого не было, он все же не захотел отречься от символизма, оставаясь редактором нашего «Гиперборея», одним из основных членов I-го Цеха поэтов и другом нас всех.

А впрочем, когда [в] весной 1940 г. М<ихаил> Л<еонидович> держал корректуру моего сборника «Из шести книг», я написала ему стихи, в которых все это уже сказано:

Почти [что] от залетейской тени
В тот час, как рушатся миры,
Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары,
Чтоб та над временами года,
<Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена, —
Мне улыбнулась так же кротко,
Как тридцать лет тому назад...
И сада Летнего решетка,
И оснеженный Ленинград...
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал,
И над задумчивою Летою
Тростник оживший зазвучал>.

Ивановский, ученик и секретарь М<ихаила> Л<еонидовича>, сказал мне, что Лоз<инский> ни одно письмо не отправлял, не оставив себе копии. Т<аким> о<бразом>, я могу быть уверена, что все его письма ко мне существуют, несмотря на то, что оригиналы большинства из них погибли у меня, потому что все, что у меня, неизбежно гибнет.

Все это пишу в больнице, где нахожусь с 10 ноября (сегодня 2 февр<аля>), и мне еще предстоит полубольница — санатория. И подумать только, что когда-то бабушки мирно умирали на печке в родной избе. Сегодня день особенный. Кажется, никто не придет навестить меня. Вчера был пятидесятый посетитель — Толя Якобсон.

Нет! — была Ника Глен.

Чем больше я пишу, тем больше вспоминаю. Какое-то дальние поездки на извозчике, когда дождь уютно барабанит по поднятому верху пролетки и запах моих духов (Avia) сливается с запахом мокрой кожи, и вагон царскосельской ж<елезной> д<ороги> (это целый мир), и собрания Цеха, когда М<ихаил> Л<еонидович> говорил своим незабываем<ым> голосом. (Как страшно мне было слышать этот голос на вечере Его памяти в союзе, когда откуда-то сверху М<ихаил> Л<еонидович> стал читать которую-то песню «Ада»).

О [его] гражданском мужестве Лозинского знали все вокруг, но когда на собрании (1950) Правления [когда] при восстановл<ении> меня в союзе ему было поручено сказать речь, все вздрогнули, когда он [очень смело] припомнил слова Ломоносова о том, что скорее мож-

но отставить Академию от него, чем наоборот. А про мои стихи сказал, что они будут жить столько же, как язык, на котором они написаны. Я с ужасом смотрела на потупленные глаза Вел<иких> Пис<ателей> Зем<ли> Русс<кой>, когда звучала эта речь. Время было серьезное. Лева сидел, и я была вне закона, как, впрочем, почти всегда.

Из заключения

Теперь, когда я еду к себе в Будку, в Комарово, мне всегда надо проезжать мимо огромного дома на Кировском проспекте, и я вижу мраморную доску («Здесь жил...») и думаю: «Здесь он жил, а теперь он живет в сердцах тех, кто знал его и никогда не забудет, потому что доброте, благородство и великодушие нельзя забыть».

Finis

Лозинский до тонкости знал организацию
и законы функционирования чувств, как люди²¹³
чувствуют музыку: „Может-быть такого
знака нет по русски, а у вас есть“ говорил
он, когда делал корректуру моего стиха.
„Ах, один в своем уме“

Примите от
постанно говорил про него Чуи.
Нельзя говорить, что „Гиперборей“ все держал
на лозинском. Он вероятно почти всегда
выступал номер в типографии
(кажется Чар), делал корректуру и
совместно с синдиками прилагал
сотрудников.

Продолжение Первого

или не приводит в помину, что он имел
такое в официальном, а это лоз. чужая вещь
прозвучавшая как чужая и как чужая и как чужая
и танцевальная комедия

Чуишма.

В другом месте и уже писано / Листки
из дневника, что когда два прокламируют
акмеизма Лоз. и П.В. Гиперборей отказались
приступить к новой миссии. Казалось
дескать от Бальмонта. М.В. не
хотел отступить, что на мой взгляд
чужо презрительно.

ИЗ КНИГИ
«КАК У МЕНЯ НЕ БЫЛО
РОМАНА С БЛОКОМ»

ИЗ ГЛАВЫ «ТРАГИЧЕСКАЯ ОСЕНЬ»

Простишь ли мне эти ноябрьские дни
.....
Трагической осени скудны убранства...

Первое выступление. А было это 52 года тому
<1> назад.

Свое первое публичное выступление, наверно, нельзя забыть.

...Осенью 1913, в день чествования в каком-то ресторане (у Альберта?) приехавшего в Россию Верхарна, на Бестужевских курсах был большой закрытый, т.е. только для курсисток, вечер.

Кому-то из устроительниц (дам-патронесс) пришло в голову пригласить меня. Мне предстояло чествовать Верхарна, которого я нежно любила не за его прославленный урбанизм, а за одно маленькое стихотворение. Я никогда не видела эти стихи напечатанными, но навсегда запомнила их наизусть с чьего-то голоса:

Ils étaient deux enfants de rois
 Là bas, là bas au bout du monde
 Et rien là bas qu'un pont de bois...
 Ils s'aimaient sait-on pourquoi,
 Parce que l'eau coulait profonde...*

Но я представила себе пышное петербургское ресторанное чествование, почему-^{<то>} всегда похожее на поми^{<нки>}, — фраки, хорошее шампанское и плохой французский язык, [речи] [и т.д.] тосты и т.д., и предпочла курсисток.

В артистической встретила Блока. К нам подошла курсистка со списком и сказала, что мое выступление после блоковского. Я взмолилась: «А^{<лександр>} А^{<лександрович>}, я не могу читать после Вас». Он с упреком в ответ: «Анна Андреевна, мы не тенора!» В это время он был уже знаменит.

Я уже два года довольно часто читала мои стихи и в Цехе поэтов, и в Акад^{<емии>} стиха, и на башне В. Ив^{<анова>}, но здесь все было совершенно по-другому.

Насколько скрывает человека сцена, настолько его беспощадно обнажает [трибуна] эстрада. М.б., я тогда почувствовала это в первый раз. [Это] Трибуна — что-то вроде плахи. Все присутствующие начинают казаться выступающему какой-то многоголовой гидрой. Владеть залой очень трудно — гением этого дела был М.М. Зощенко. Хорош на трибуне был и Пастернак.

* Жили-были двое королевских детей
 Далеко, далеко, на краю света,
 И еще там был деревянный мостик...
 Они любили друг друга. А почему?
 Потому что вода <под мостиком> была глубока... (фр.)

Во-первых, меня никто не знал, и, когда я вышла, раздался возглас: «Кто это?»

На этот вечер приехали и дамы. Одна из них, Ариадна Владимировна Тыркова (Вергезская, по второму мужу Вильямс. Мой отец за глаза называл ее — Ариадна Великолепная), зная меня с детства, сказала: «Вот Анечка для себя добила [полно]равноправия». Тогда ли был шлиссельбуржец Морозов, кот<орый> принял меня за курсистку?..

В Ташкенте Тараховская (детская писательница, сестра С. Парнок, кот<орая> надписала мне книгу:

Под крышей дома бесноватого
Живет звезда моя — Ахматова,

мы жили — ул. К. Маркса, 7, общежитие м<осковских> писателей). Бывшая бестужевка вспоминала, что была на этом вечере и запомнила меня. Тогда мы думали, что никогда не увидим [тех] ни В<асильевского> О<строва>, ни тех, с кем были разлучены.

Я спросила Блока, почему он не на чествовании Верхарна. Поэт ответил с подкупающим прямодушием: [Оттого, что] «Там будут просить выступить, а я не умею говорить по-французски». Кажется, не там, но на каком-то лит<ературном> вечере Блок, послушав Северянина, вернулся ко мне и сказал: «У него жирный адвокатский голос».

(О Блоке). Летом 1914 г. я была у мамы в Дарнице, в сосновом лесу, раскаленная жара. Там, кроме меня, жила и сестра Ия Андреевна. Она ходила в другой лес, к Подвижнику, и он, увидев ее, назвал Христовой невестой. («Подошла я к сосновому лесу».) Беседы с Х. о

судьбах России. Нерушимая стена св<ятой> Софии и Мих<айловский> монастырь — ad periculum maris, т.е. оплот борьбы с Дьяволом — и хромой Ярослав в своем византийском гробу.

В начале июля поехала к себе домой, в Слепнево. <3> Путь через Москву. С вокзала (Киевск<ого>) на вокзал (Никол<аевский> на извозчике. Дремотная, пустоватая и тоже еще совсем мирная Москва, как всегда, в своем, одной ей свойственном колокольном звоне, в сети крошечных древних церквушек дивных колеров и окруженных маленькими кладбищами, полная юродивыми, поющи<ми> слепцами, монахинями, на ком-то звенят вериги, в церквах открытые гроба: «Со святыми упокой!»+ В общем Москва Марины Цветаевой, кот<о-рую> она через два года подарит мне. (Цитата.) «И я дарю тебе мой колокольный град».

В вагоне, когда подъезжаешь к Москве, неизбежный «московский» разговор о «великой» Ламановой++ (что самое интересное — говорят мужчины) и о лошадях, бегах, скачках, и, конечно, о Поддубном. Говор разительно не схожий с тем, какой я привыкла слышать в Петербурге.

Извозчик везет через Кремль, (в кот<орый> 20 лет нельзя будет войти). Меня, петербуржанку, поражает, что под Спасскими воротами он снимает шапку, берет ее в зубы и крестится. И все вместе это была предвоенная Москва 1914.

+ На закрытых складах огромные замки. Все оптово!

++ В Киеве Ася Экстер показывала последние парижские тряпки и клялась, что это нечто такое, что дальше некуда. «Что-то должно случиться!» Это что-то не заставило себя долго ждать.

Сажусь в первый попавшийся почтовый поезд. Курю на открытой площадке. Где-то у какой-то пустой платформы паровоз тормозит — бросают мешок с письмами. Перед моим изумленным взором вырастает Блок. Я от неожиданности вскрикиваю: «Ал<ександр> Ал<ександрович>!» Он оглядывается и, так как он вообще был мастер тактичных вопросов, спрашивает: «С кем вы едете?» Я успеваю ответить: «Одна». И еду дальше.

Сегодня, через 51 г<од>, открываю «Записную книжку» Блока, кот<орую> мне подарил В.М. Ж<ирмунский>, и под 9 июля 1914 читаю: «Мы с мамой ездили осматривать санаторию за Подсолнечной. — Меня бес дразнит. — Анна Ахматова в почтовом поезде.» (Станция называлась Подсолнечная.)

На этом можно бы и кончить, но так как я, кажется, обещала доказать кому-то, что Блок считал меня по меньшей мере ведьмой, напомним, что в его мадригале мне (ц<итата>), среди черновых набросков находится такая строчка: «Кругом твердят — вы Демон, вы красивы...» (СПб., 1913, дек<абрь>), да и самое предположение, что воспеваемая дама «Не так проста, чтоб просто убивать...», — комплимент весьма сомнительный. Его запись⁺ о чтении стихов «на башне» — не привожу, нет книги под рукой, а я на даче (Будка), все разъехались, и вокруг бушует одна осень.

(Отрывок из книги, которая могла бы называться «Как у меня не было романа с Блоком».)

⁺ Кажется (в дневнике): «Читала А<хмато>ва. Стихи все лучше. Она уже волнует меня» или что-то в этом роде. Свой роман с Блоком мне подробно рассказывала Вал<ентина> Андр<еевна> Щеголева. Он звал ее в Испанию, когда муж сидел в Крестах. Были со мной откровенны еще две дамы: О. С<удейки>на и Нимфа Городецкая.

К Ламановой. Забавно, что через несколько месяцев, когда я оказалась в моск<овской> Ботк<инской> больнице, со мной в палате (№ 11) лежала женщина, кот<орая> с гордостью сообщила, что ее мать была [уче-ниц] мастерицей Ламановой.

Существует письмо матери Блока (1914?) к сестре <4> Евг<ения> Иванова, где она сочувственно, если не восхищенно, говорит обо мне и выражает желание, чтобы у ее сына был со мною роман, но, к сожалению, ему такие женщины, как я, не нравятся. Удивительные нравы, когда старые почтенные дамы подбирают любовниц своим сыновьям, причем их жертв<ами> оказываются замужние женщины и матери двухлетних детей.

(Письмо находится в одном из московск<их> музеев — мне его читали несколько лет тому назад.)

Суб<бота>

<5> «Зап<исная> кн<ижка>» Блока дарит мелкие подарки, извлекая из бездны забвения и возвращая даты полузабытым событиям: и снова деревянный Исаакиевский мост, пылая, плывет к устью Невы, а я с Н.В. Н<е-доброво> с ужасом глядим на это невиданное зрелище, и у этого дня даже есть дата (...).

И снова я встречаю в театральной столовой исхудалого Блока с сумасшедшими глазами, и он говорит мне: «Здесь все встречаются, как на том свете...»

(...)

А вот мы втроем (Блок, Гум<илев> и я) обедаем на Царскосельском вокзале в первые дни войны (Гум<илев> уже в форме), Блок в это время ходит по жемам мобилизованных для оказания им помощи. Когда мы

остались вдвоем, Коля сказал: «Неужели и его пошлют на фронт. Ведь это то же самое, что жарить соловьев». (...)

...Но последняя встреча за кулисами Больш<ого> драм<атического> театра⁺ в мае (?) 1921 года, когда его фотографировал Наппельбаум, не записана. Я была с Замятиным и еще с кем-то. Шел большой блоковский вечер (с Корн<еем> Чуковский<им>). Он подошел и спросил меня: «*А где испанская шаль?*»^{*}. Это последние слова, кот<орые> я слышала от него. У меня никогда не было испанской шали, это он испанизировал меня, потому и выбрана строфа гоманзего и фигурирует «розан в волосах».

Надеюсь, никто не подумает, что <у меня> в волосах было столь странное украшение.

III-е киевск<ое> стих<отворение> в 1914. М.б., оно и не 14 г., но относится к этим дням:

И в Киевском храме Премудрости Бога,
Упав на колени, тебе я клялась,
Что будет твоею моя дорога,
Где бы она ни вилась.

И в голосе грозном софийского звона
Мне слышится голос тревоги твоей.

⁺ Когда мы шли в театр, кто-то из знакомых на улице крикнул: «На блокослужение идете?»

^{*} «У меня никогда не было испанской шали, это он испанизировал меня (строфа, шаль, роза), потому что уже тогда бредил [Кармен (дек<абрь> 1913 г.)]» <Запись поверх правленного текста>.

<21 сентября 1965>

КОНЕЦ (О БЛОКЕ)

...Мы пошли к Ремизовым передать рукописные
<6> книги Скалдина (Ольга и я). Не достучались. Через несколько часов там уже была засада — они накануне бежали за границу. На обратном пути во дворе Фонт<анки>, 18 встретили Тамару Персиц. Она плакала — умер Блок.

В гробу лежал человек, кот<орого> я никогда не видела. Мне сказали, что это Блок. Над ним стоял солдат — старик седой, лысый с безумными глазами. Я спросила: «Кто это?» — «Андрей Белый». Панихида. Ершовы (соседи) рассказывали, что он от боли кричал так, что прохожие останавливались под окнами.

Хоронил его весь город, весь тогдашний Петербург или, вернее, то, что от него осталось. Справлявшие на кладбище престольный праздник туземцы непрерывно спрашивали нас: «Кого хороните?»

В церкви на заупокойной обедне было теснее, чем бывает у Пасхальной заутрени. И непрерывно все [было] происходило, как в стихах Блока. Это тогда все заметили и потом часто вспоминали.

Finis

...Блок записывает, что я вместе с Дельмас и Лизой Кузьминой-Каравасовой измучила его телефону. Кажется, я могу дать по этому поводу кое-какие показания. Я позвонила. А<лександр> А<лександрович> со свойственной ему прямоотой и манерой думать вслух спросил:

<7>

«Вы, наверное, звоните, потому что Ариадна Владимировна Тыркова передала вам, что я сказал о вас».

Умирая от любопытства, я поехала к А<риадне> В<ладимировне> на какой-то ее день и спросила, что сказал Блок. Но А<риадна> В<ладимировна> была неумолима. «Аничка, я никогда не говорю одним моим гостям, что о них сказали другие».

Киевский Врубель. Богородица с безумными глазами в ...Дни, исполненные такой гармонии, кот<орая>, уйдя, ко мне так и не вернулась. И моя последующая жизнь была просто переходом из одного круга в другой. Только кто-то точный и внимательный наблюдал, как бы я не стала двигаться в обратном направлении, т.е. от худшего к лучшему.

Мария — Мон<ахиня> (Лиза Кузьмина-Карава<8>ева) пишет в своих парижских мемуарах (193...), что Блок на Башне, после того как я прочла стихи (до этого он слышал меня в Ак<адемии> ст<иха> и на первом собр<ании> Цеха у Городецких), сказал: «Ахм<атова> пишет стихи так, как будто на нее смотрит мужчина, а надо писать так, как будто на поэта смотрит Бог». Кроме того, что подобное выступление на Башне было просто невысказано.<...>

Когда мы (Ольга Судейкина и я) пришли на пер<9>вую панихиду по Блоку на Офицерскую, Ершовы (Ив<ан> Вас<ильевич> и его жена, жившие с Блоком в одном доме, говорили, что он так кричал от боли, что прохожие останавливались под окнами.

О Л.Д. М^{<енделеевой>} я не упоминаю вовсе. Надо
 <10> вспоминать только того, о ком можно сказать хоть что-
 нибудь хорошее.

ЕЩЕ О БЛОКЕ

- 1) Встреча в Подсолнечной (1914) перед войной.
- <11> 2) Отчего Рогачевское шоссе. 50-ые годы.
- 3) В Акад^{<емии>} худ^{<ожеств>} в зиму 17—18 гг.
 (Дельмас).
- 4) Я — confidentка Вал^{<ентины>} Андр^{<еев-}
 ны[>] Щеголевой («Валентина, звезда, мечтанье»), Оль-
 ги и Нимфы («Перед судом»).
- 5) О Блоке как посетителе «Башни».
- 6) Письма Блока к Коган (ит^{<альянская>} антоло-
 гия) (Кроче).
- 7) Гумилев (уже в солд^{<атской>} форме о Блоке)
 (соловей).
- 8) Блок о Гумилеве (м.б., свой...). Их ссорили ок-
 ружающие...
- 9) Перед смертью Блок сжег все «дамские» пись-
 ма, а письма жены и Дельмас вернул (узнала еще в
 1921 г.).
- 10) Ал^{<ександра>} Анд^{<реевна>} (мать Блока),
 тетка и Любовь Дмитриевна (все в глубоком трауре) были
 на панихиде по Н.С. Г^{<умилеву>} в Каз^{<анском>} Со-
 б^{<оре>}.
- 11) Не верить Вс^{<еволоду>} Рождественскому.
- 12) Портсигар Блока. (Я отдала Н. Павлович).
- 13) Ариадна Владимировна Тыркова (Вергежская).
 Ее воспоминания вышли в ... году в США <в> из-
 д^{<ательстве>} им. Чехова. Ей Блок сказал что-то <...>

14) В голодную зиму (19—20?) я встретила Блока в театральной столовой (на Миллионной). Он сказал: «Здесь все встречаются, как на том свете».

15) Блок на премьере театра марионеток на Английской набережной (1916). Был очень любезен, чистил мне грушу и спросил: «С кем Вы теперь часто видите?» Я вспомнила: «С кем Вы едете?» (1914) — Подсолнечная.

16) Блок и студент-распорядитель на бестужевском вечере, которого Блок уговаривал не провожать нас в машине, потому что он простудится.

17) В мае 21 г. в Большом драматическом театре, когда Наппельбаум фотографировал Блока, он подошел ко мне и спросил: «А где испанская шаль?» — Можете себе представить, в каком рубище я тогда щеголяла.

К Листкам. Блок — знакомств^о. Стихи. Про поэм^у. В Подсолнечной. В Театральн^{ой} столовой. Блок и Толстой. Как читал стихи. Посл^{едняя} встреча, лето 1921 г. Б^{ольшой} драматический театр. Я — confidentка В.А. Щеголевой. Ключев — ловец человеков. («Правит горным невидимым градом»).

<Сентябрь. 1964>

Точные даты из записных книжек Блока.
1) Встреча в Подсолнечной⁺. 1914 г. — 9 июля (почтовый поезд).

+ Ср. с его черновиком мадригала «Красота страшна...» Кругом шумят — вы демон, вы красивы и в дневнике: «Она меня уже волнует» (1911 г.). Это на «башне».

2) Пожар моста 1916 —

3) Вечер в нын^{<е>}шнем Д^{<ом>}е офицера, ^{<бывшем>} Армии и Флота —

4) [На царск^{<осельском>} вок^{<зале>}, нач^{<ало>} войны] (с Гум^{<илевым>}).

5) Обед у Недоброво с Вяч. Иван^{<овым>}. Кр^{<асной>} Кон^{<ницы>}, 20 — 1914.

Блок не пошел.

6) «Четки» у Блока — 25 марта 1914.

7) Знакомство с Лурье. (Тен^{<ишевский>} зал) — 8 февраля 1914.

8) В теат^{<ральной>} столовой (голод) на Мил^{<лионной>}. («Здесь все, как на том свете, встречаются»).

9) На вечере в Акад^{<емии>} худ^{<ожеств>} (1918?). Я видела, как он целовался с Дельмас.

10) На Царскос^{<ельском>} вокзале. Я была с Гумил^{<евым>}.

11) Скоро после Октября. Я была с Гум^{<илевым>} (где?).

12) На премьере марионеток. Дом Браза. 1916. (Он спросил: «Кого вы часто видите?»). Это после длительного туберкулезного лежания. Я была в моем «последнем» платье. А^{<лександр>} А^{<лександрович>} принес мне грушу, был необычайно любезен и, следуя своей привычке думать вслух, спросил: «А с кем вы теперь часто видите?»

13) На башне у В. Иванова⁺ (См. дневник, стр. ...).

⁺ Был со мной Борис Анреп.

Х Х Х Х
 [Отрывок из книги, которая могла бы
 называться: "Как у меня не было романа
 с Блоксом"]
 (в дневнике)
 Учитель: "Почему А.в. Станис все знает. Она
 уже знает меня" или что-то в этом роде.
 Свой роман с Блоксом мне подросток
 рассказывал Кат. Андр. Уголова.
 Он был в Испании, когда меня сидели
 в Крестях.

Н.С. ГУМИЛЕВ –
САМЫЙ НЕПРОЧИТАННЫЙ ПОЭТ XX ВЕКА

...Чувство, с кот<орым> я прочитала цитату из
<1> «Пет<ербургских> зим», относящуюся к моим выступлениям («Дом лит<ераторов>») 1921 г., можно сравнить только с последней главой «Процесса» Кафки, когда героя просто ведут на убой у всех на глазах и все находят это в порядке вещей. В этой цитате нет ни слова правды — стихотворение

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все тоскою голодной [последней] изглодано...⁺

автор изображает образцом продажной лирики и примером того, как я исписалась. Слушатели якобы «по привычке хлопали». По привычке никто не хлопает или хлопают дверьми, уходя.

Люди до сих пор с волнением вспоминают эти вечера и пишут мне о них.

А вот Георгий Иванов и Оцуп уже в то время были чрезвычайно заняты всяческой дискредитацией моих сти-

⁺ «Чудесное» и «вишневый сад» — образы душевного просветления и никакого отношения к политике не имеют.

хов⁺. Они знали некоторые подробности моей биографии и думали, что мое место пусто, и решили передать его И. Одоевцевой.

Я бы не стала вспоминать об этих делах «давно минувших дней», если бы этой страничке из меморий Г. Иванова так по-особенному не повезло в зарубежной прессе. Она стала для всего мира канвой для моей после-революционной биографии. Ее перевел и напечатал в своей книге («Гумилев, Ахматова, Мандельштам») Страховский (1949), ее я узнаю в писаньях Харкинса, Di Sarra, Ripellino, а друзья говорят мне: «Охота Вам обращать внимание». Может быть, и не охота, но совет странный. Если я в течение пятидесятилетней литературной деятельности ни разу ни против чего не возражала, это все же что-то значит, и на мое возражение можно бы обратить внимание.

Почему на эту удочку клюнули иностранцы, совершенно понятно. Было слишком соблазнительно объявить, что Революция убила молодое дарованье, тем более, что после 1924 г. мои стихи перестали появляться в печати (т.е. были запрещены), гл^{авным} образом, за религию.

Но иностранцы дело десятое, а как мог русский писатель, который знал настоящее положение вещей, так

⁺ Что они начали еще до отъезда — см. рецензию Иванова о «Подорож^{нике}» («Дом искусства», № 2) и Оцупа (в сборн^{ике} Цеха поэтов, №..., стр... <1921>), а также Адамовича She is finished*... (стр...) об Одоевцевой. В «Дракон» и альманахи Цеха поэтов я даже не была приглашена. Там появилась совершенно неприличная рецензия на «Подорож^{ник}» (Н. Оцуп), в «Доме Иск^{усств}» П писал в том же тоне Г. Иванов, Ад^{амович} об Одоевцевой.

* Она кончилась (англ.).

быстро прийти до такого разложения, для меня — непостижимо.

Георгий Иванов не мог не знать, что мои книги в нэп расходились очень быстро (15 тыс<яч> у Алянского в «Алконосте»), что тогда появилась работа (книга) Б.М. Эйхенбаума о моей поэзии, огромная статья Виногр<адова> «Стилистика Ахмат<овой>» в первом номере «Лит<ературной> мысли», главы в книгах Чулкова («Наши спутники»), Айхенвальда и т.д. Чуковский читал доклад — «Две России». О выступлениях я уже говорила. [Он, конечно, как и все тогда, знал, что] Ими занимались формалисты, о чем могут в свою очередь свидет<ельствовать> В. Виноградов и Жирмунский. Все это prospérité* кончилось моей поездкой в Москву (апр<ель> 1924), где я на вечере «Русского современника» прочла «Новогоднюю балладу» и после этого решением ЦК была изъята из обращения до 1939 г. В период культа личности имя мое было под запретом, при обысках снимали со стен мои портреты (1927)+, ругань шла, как вода по водопроводу++. Пастернак еле уговорил редакцию «Нов<ого> мира» разрешить напечатать мою фамилию над посвященным мне его стихотворением и т.д. (1930?) — Мне кажется, я подберу... А мне кажется, настало время до конца разоблачить эти смрадные «мемуары» Г. Иванова+++ , не писать о них с явным

* Благополучие (фр.).

+ Их снимали и с выставок (Делла-Вос-Кардовская).

++ Напр<имер>, Перцов, Малахов, Лелевич и т.д.

+++ Вспомнить только, что он пишет там о Гумилеве и Мандельштаме! Теперь, оказывается, вся группа отрекается от Гумилева, т.е. Петр отрекается и предает Иуду.

сочувствием, как это делает сеньор Ло Гатто в только что вышедшей книге⁺.

Вероятно, он поступает так, потому что нет ничего другого. Но, по моему мнению, лучше ничто, чем заведомая клевета.

Dixi*.

<13 августа 1961. Комарово>

Примечания

1) Вот какой упрек можно сделать даже самому пристойному из них — Штаммлеру⁺⁺. Он отводит мне одно десятилетие (1912—1922), и я оказываюсь современной Блока и Гумилева, т.е. на поколение старше Мандельштама (†1938) и М. Цветаевой (†1941). Он не догадывается, что и Пост<ановления> 46 г. не могло быть, если бы мои стихи не были связаны с текущей поэзией, если бы меня не так приняла Москва в апр<еле> 1946 г. С какими-то неопределенными призраками прошлого никто у нас *так* не борется.

Прод<олжение>

В фельетоне «Поэты» Георгий Иванов стилизует меня под «Незнакомку Блока» в большой шляпе с перьями (1922). Это уже верх безвкусицы. Какие перья в 22 г. Я носила тогда шелковую шапочку (см. фотографии). Никаких файфоклоков на «Тучке» не бывало.

⁺ Авторское примечание отсутствует.

^{*} Я сказал (*лат.*), т.е. все необходимое сказано.

⁺⁺ Он указывает как лит<ературу> о нас книгу Страховского, очевидно, еще не разоблаченную.

О Н. Г. <УМИЛЕВЕ>

В стихах Н. Г. <Николая> С. Г. <Тепановича> везде, где
 <2> луна («И я отдал кольцо этой деве Луны...») — это я.
 (Все пошло с «Русалки», «Из города...», «Нет тебя...»
 1910, «Семирамида». Жемчуга — тоже мой атрибут.)
 Затем — Анна Комнена. (Тема ревности.) «Рощи пальм
 (08) и через 10 лет «Эзбек<ие>»). Последнее воспо-
 минание (в «Памяти»): «Был влюблен, жег руки...»

Машу К. <узьмину> - К. <араваеву>, кот. <орая> его
 не любила, он ни в чем не попрекает, а только благослов-
 ляет и живую и мертвую. До самого конца.

Самой страшной я становлюсь в «Чужом небе»
 (1912), когда я в сущности рядом (влюбленная в Мефи-
 стофеля Маргарита, женщина-вамп в углу, Фанни с ад-
 ским зверем у ног, просто отравительница, киевская кол-
 дунья с Лысой Горы) (а выйдет луна — затомится). Там
 борьба со мной! Не на живот, а на смерть! (И упрек: Но
 как...) А потом:

Ты победительница жизни,
 И я товарищ вольный твой.

и:

Я ведаю, что обо мне, далеко,
 Звенит Ахматовой сиренный стих.

М.б., никто так глубоко не понял и так тонко и вер-
 но не изобразил Вяч. Иванова, как Б. <ердяев>, но гово-
 рит о нем с точки зрения современника и не поэта. (Во-
 обще удивительно, как поэзия чужда этому необыкновен-
 ному человеку.) Конечно, Вяч. и шармёр, и позёр, но
 еще больше хищный, расчетливый Ловец человеков.
 Б. <ердяев> видел его в период сред, мистического анар-

хизма, соборности и Зин<овьевой> -Аннибал, я в период однолюбства (!?), понедельников и вдовства, кот<орое> кончилось беременностью Веры. В I-ый период была на башне и проакадемия, при мне только «верные» (Скадин, Верховский, Бородаевский, Княжнин...), и Вяч. витийствовал в «Академии стиха».

Ни прельстителем, ни соблазнителем Вяч. Ив<анов> для нас (тогдашней молодежи) не был. А «мироносицы», разумеется, млели. См. цеховую эпиграмму:

Вячеслав, чеслав Иванов...

Сейчас, прочитав Б<ердяева>, считаю, что у нас были все основания *так* относиться к башне.

Очень многое, о чем пишет Б<ердяев>, «двоится», «троится» в моей поэме, там угадано что-то, м.б., даже главное.

Ведаю, что обо мне, далеком,
Звучит Ахматовой сиренный стих⁺.

А вот другое. Мой первый портрет — в «Пут<и>
<3> Конквистадоров» — «и властно требует мечта, чтоб этой не было улыбки». Кроме того, что очень рано («П<уть> Конквистадоров») в Ц<арском> С<еле> я стала для Г<умиле>ва в стих<ах> (почти Лилит, т.е. злое начало в женщине). Затем (напр<имер>, см. «Сон Адама» — Ева).

Он говорил мне, что не может слушать музыку, пот<ому> что она ему напоминает меня.

⁺ Ср. Виллон: ...au voix de sirène*.
(«Баллада о дамах старых времен»)

* Голосом сирены (фр.).

ДЛЯ МАРТЫНА

6 ноября 1962

Москва

I. Два акростиха 1911. То же в сне Адама про Еву.
<4> Она — двойтсся. Но всегда чужая. Это в общем плане, но уже было приложено к А<хматовой>. Вечная борьба, сравни с «Жемч<угами>». (Цитаты.)

II. Посвящ<ение> «Русалки». Автограф.

III. На даче Шмидта сжег рукопись пьесы «Шут короля Батинволя» за то, что я не захотела ее слушать.

(IV. Тема — Гумилев и царскоселы. Вс<еволод> Рождест<венский>, Оцуп и т.д.).

V. Поздние воспоминания («Эзбекские» и «Память»).

VI. Мое первое письмо в Париж:

«Что это снова угроза
Или мольба о пощаде?»

VII. Глухонемые не демоны, а литературоведы совершенно не понимают, что они читают, и видят Парнас и Леконт-де-Лиля там, где поэт истекает кровью (Вяч. Иванов и Брюсов). Я согласна, что в «Дворце великанов» (стр...) трудно угадать Царск<осельскую> башню, с кот<орой> мы (я и Коля) смотрели, как брыкался рыжий кирасирский конь, а седок умело его умирал, что в неньюфарах «Озер» не сразу рассмотришь желтые кувшинки в пруду между Ц<арским> С<елом> и Павловском, что только говоря об Анненск<ом>, Г<умилев>, уже поэт-акмеист, осмелился произнести имя своего рода, кот<орый> казался ему слишком прозаичным и

будничным для стихов⁺ (см. «Путь Конквистадоров» и «Ром<антические> цветы»), но ощущение, но трагедия любви — очевидна во всех юных стихах Г<умиле>-ва. Героиня так зашифрована, как и пейзаж — иначе и быть не могло. Ее первый портрет:

Стр. 21.

У той жены, всегда печальной,
Глаза являют полутьму,
Хотя и кроют отблеск дальний?

Зачем высокое чело
Дрожит морщинами сомненья
И меж бровями залегло
Веков тяжелое томленье?
И улыбаются уста и т.д.

И дальше:

И, в солнца ткань облечена,
Она великая святыня
.....
А венценосная богиня.

И она же девичий труп в песне певца (стр...), она же та, кто отказалась идти за чародеем (стр...) и «Невеста дьявола», и та, кому отдан волшебный перстень с рубином — «за неверный оттенок разбросанных кос» (Ц<арница> — иль, может быть, только печальный ребенок...)++. Это ее он обещает взять на вершины и показать ей величье мира.

⁺ Это Царское <Село>.

⁺⁺ (Ты, для кого собирал я на Леванте)

И страшен... сумрак волос
(Анна Комнена)

Она же Русалка «Пути конк<вистадоров>» опять (У русалки чарующий взгляд/У русалки печальные очи» (ср. «Анна Комнена»: но очи унылы/Как сумрак могилы).

В 10-ом году привез в подарок «Бал<ладу>».

Тебе, подруга, эту песнь отдам,
Я веровал всегда твоим стопам,
Когда велела ты, нежа и карая...

(Ср. с стих<отворением> «Она — учиться светлой боли).

Следующий период — страшные стихи в «Чужом небе»: «И тая в глазах» — (прислал с дороги в Африку), «Укротитель зверей», «Маргар<ита>», «Отравленный»...

К ИСТОРИИ АКМЕИЗМА

Понять зарождение акмеизма без знания фактов и <5> соображений, которые будут изложены здесь, просто невозможно. Когда я в последний раз говорила на эту тему с М.А. Зенкевичем, он обратил мое внимание на то, что у акмеистов никогда не было меценатов, чего нельзя сказать об символистах. Это тоже верно, хотя отнюдь не самое главное⁺. Даже номера «Гиперборея» покупали мы сами, а журнал почти единолично вел Лозинский. Жирмунский признается, что напутал с Кузминым и его «прекрасной ясностью» (см. статью Кузмина через несколько недель после смерти Н<иколая> С<тепановича>).

⁺ Волков в весьма смягченном виде в каком-то IV-ом изд<ании> продолжает витийствовать о связи акмеистов с крупной буржуазией, забывая, что «культ личности» довольно давно сдан на слом.

Чтобы говорить об акмеизме, следует твердо усвоить, когда он появился на свет, а не цитировать Гумилева 1910 г., как делает Глеб Струве («Мы не можем не быть символистами»). Гумилев надеялся, что его поддержит Брюсов («Русская мысль») в пику Вяч. Иванову, кот<орый> сразу был откровенно враждебен (см. письмо), но что бы осталось у Брюсова, если бы он отрекся от символизма? И Брюсов обрушился на акмеизм, и Н. Гумилев в его статье превратился в г-на Гумилева, что на языке того времени означало нечто стоящее вне литературы.

Но все это сведения, хотя и необходимые, но второстепенные. Всего нужнее понять характер Г<умиле>ва и самое главное в этом характере: мальчиком он поверил в символизм, как люди верят в Бога. Это была святыня неприкосновенная, но по мере приближения к символистам, в частности к «Башне» (В. Иванов), вера его дрогнула, ему стало казаться, что в нем поругано что-то.

Андрей Белый где-то сообщает, что он дал Гумилеву программу акм<еизма>, небрежно набросав ее на бумаге, и Г<умилев> взял, сказав, что это ему подходит. Более отчаянной и бессмысленной выдумки я никогда не слыхала. От себя добавлю, что когда Г<умиле>в пригласил Белого с женой к нам в Ц<арское> С<ело>, тот почти невежливо уклонился. И акмеизм находит в 10-ом году (см. ...). Да и почему бы Белый, один из столпов символизма и автор основной работы по символизму, стал бы свержать самого себя.

В 1914 произошел внутренний раскол цеха. Гумилев и Городецкий поссорились. Уцелели письма, которыми они обменялись, т.е. я имею в виду письма Городецкого к Гумилеву, недавно кто-то приобрел их у вдовы Рудакова, кот<орой> я дала их на сохранение, а она, как изве-

стно, торгует всем ей доверенным. Но сейчас не в этом дело. В 1915 году произошла попытка примирения, и мы были у Городецких на какой-то новой квартире (около мечети) и даже ночевали у них, но, очевидно, трещина была слишком глубокой, и возвращение к прежнему было невозможно.

Потом возникали цехи, куда-то меня приглашали, куда-то нет, но все они никакого значения для истории акмеизма не имели.

Статья Мандельштама «Утро акмеизма» написана, вероятно, в 1913 г., а не тогда, когда напечатана в «Сирене» (1919). Самый термин «акмеизм» до следующих поколений донесли не мы и не друзья (их не было, а враги).

Помню, еще в редакции «Сев<ерных> записок» Осип и я пристали к синдикам, что пора кончать Цех (Первый). В моей записной книжке написали как бы прошение, и я тут же подделала все подписи. (С. Гор<одецкий> наложил резолюцию: «Всех повесить, а Ахм<атову> заточить пожизненно — Малая 63». Все это шутка, но...)

Там же, помнится, мне было неприятно, что Гор<одецкий> поносит последними словами стихи Блока «Свирель запела...».

На этом же собрании от нас публично отрекся Н. Клюев, а когда пораженный Н.С. спросил его, что это значит, он ответил: «Рыба ищет, где глубже, человек, где лучше»...

Действительно, быть акмеистом в это время было не слишком уютно.

Было, как полагается, и генеральное сражение в Акад<емии> Стиха. Я вернулась из Киева от мамы, и у меня вскочила температура.

В зиму Sturm und Drang акмеизма мы несколько раз выступали как группа. Гум<илев> и Гор<одецкий> читали доклады, помню, как старик Рад<е>цкий (?) с гигантской бородой потрясал кулаками и кричал: «Эти Адамы и эта тощая Ева» (т.е. я).

В расчеты этой группы входило изъять меня из обращения, пот<ому> что у них была готовая кандидатка на эту вакансию. Потому и в своих бульварных мемуарах Георгий Иванов («Пет<ербургские> зимы») так описывает эти вечера: <см. цитату на с. 567–568>.

Надо признаться, что этой страничке необычайно повезло. Я видела ее и по-английски⁺, и по-итальянски⁺⁺.

Однако справедливость требует отметить, что в ней (как, впрочем, и во всех писаниях Г. Иванова) нет ни слова правды.

В начале 20-ых годов вышли мои книги — впервые большие тиражи (5000) и немедленно были распроданы (15 тыс<яч>): «Подорож<ник>» и «Anno Domini» (Алянский — «Алконост», Блох — «Petropolis»).

Но ни по-английски, ни по-итальянски нет конца абзаца, — там, наоборот, мое якобы «падение» было окончательным и бесповоротным. Я, якобы, сама осознала его (в 32 году) и перестала писать стихи до самого 1940 г., когда почему-то вышло «полное» собрание моих сочинений, тогда же вышла какая-то книга «Ива». Так называется в сборнике «Из шести книг» 1-ый отдел, никогда отдельно не выходивший и который содержал горсточку

⁺ Страховский (Шадский) стр. <74>.

⁺⁺ Примечания в Антологии поэзии XX в. 1961. Стр. (Эйнауди).

стихов из тех, что я писала с 22 по 40 год (название по первому стихотворению) «Ива»; это в самом деле «Тростник»). Что же касается полноты сборника, то само заглавие опровергает это утверждение. Но иностранцам почему-то хочется замуровать меня в 10-е годы, и ничто, даже тиражи моих книг, не могут их разубедить. С 1940 по 1961 г^{од} были напечатаны в СССР *девять тысяч* экземпляров мною написанных книг, и купить сборники моих стихов — невозможно. Что же касается начала 20-х годов (так называемый НЭП), то после того, что К. Чуковский противопоставил меня Маяковскому («Две России»), В. Виноградов написал известную статью «Стилистика Ахматов^{ой}», Б.М. Эйхенбаум — целую книгу (1922), моими стихами занимались формалисты, о них читали доклады и т.д. Все это действительно (как, впрочем, все в моей жизни) кончилось довольно печально. В 1925 г. ЦК вынес постановление (не опубликованное в печати) об изъятии меня из обращения. Уже готовый двухтомник («Петроград» Гессена) был запрещен, и меня перестали печатать.

В частности, я считаю, что стихи (в особенности лирика) не должны литься, как вода по водопроводу, и быть ежедневным занятием поэта. Действительно, с 1925 г. по 1935 я писала немного, но такие же антракты были у моих современников (Пастернака и Мандельштама). Но и то немного не ^{могло?} появляться из-за пагубного культа личности. Кроме того, я писала тогда царскосельскую поэму «Р^{усский} Т^{рианон}», кот^{орая} не сохранилась, пот^{ому} что я расслышала в ней Онегинскую интонацию (отд^{ельные} стр^{офы} нап^{ечатаны}).

К «СУДЬБЕ АКМЕИЗМА»

Я уже раньше указывала, что Городецкий, вкусив <6> мис<тического> анархизма и соборности, в 1911–12 г. вступил в союз с Гум<илевым>, но, немного поклевав акмеизма, убедился в его непитательности (и даже ядовитости), отряс прах и устремился дальше.

Картина этого «дальше» ярко обрисована в составленной или анонимно подсказанной им Антологии 1914 (очевидно, довоенной), где Г<умилев>, бывший недавний союзник, объявлен стилизатором, а сам С. Г<ородецкий> — народником (!?) вместе с Ключевым, [Затея не] а слово акмеизм вообще отсутствует. Вся затея совершенно провалилась. Никаких народников и природников нст и в помине, а вопрос об акмеизме обсуждается на всех языках. Рецепт же С<ергея> М<итрофановича> был довольно прост: немного мифотворчества (Вяч. Ив<анов>) и stile russ'a и снова чулковского мис<тического> анарх<изма>, но «Не тем в то время сердце полно было» у элиты, за бывшим «солнечным мальчиком Сережей Городецким» уже никто не пошел, а он сам через несколько месяцев писал — «Что думает державный Он» (сб. «1914 г.»). Дальнейшая судьба этого персонажа, вероятно, любопытна с многих точек зрения, но к истории русской поэзии никого отношения не имеет.

(Москва, 27 сент<ября> 1962)

ГУМИЛЕВ

1) Автограф «Русалки». (1904)

<7> 2) Отчего не сказано, что парижск<ие> «Ром<антические> цветы» посвящены мне (цитата из пись-

ма Брюсову). Это же посвящ^ение повторено в «Жемчугах» <в> 1910 г.

3) Зачем жалеть об отсутствии мемуаров врагов (Волошин, Кузмин), а не друзей (Лозинский, [и др.] Зенкевич...)

4) Как можно придавать значение и вообще подпускать к священной тени мещанку и кретинку А.А. Гумилеву, кот^орая к тому же ничего не помнит не только про Н. Гумилева, но и про собственного мужа. Единственным близким человеком в доме для Н^иколая С^{те}пановича была мать. Об отце он вообще никогда не говорил (характ^ер Степ^ана Яковл^евича), над Митей открыто смеялся и так же открыто презирал. Когда Митя шел на войну, любящая супруга потребовала раздела имущества А^нны И^вановны (т.е. будущего наследства) и завещания в свою пользу: «Я совсем не хочу, чтобы, если Митю убьют, А.А. на мамины деньги открыла публичный дом». Больше он о ней ни слова не сказал.

5) О радостях земной любви (посвящение мне) 2 раза.

6) Отчего выпали все приезды Н^иколая С^{те}пановича ко мне (Киев, Севастополь, дача Шмидта, Люстдорф) из Парижа и Петербурга.

7) Отчего выпали: Таня Адамович (1914—1916), Лариса Рейснер (1916—1917), Арбенина (1920) и др.

Но этому не приходится удивляться, если этой бойкой шайке удалось изъять из биографии Н^иколая С^{те}пановича даже меня. В данном случае мне жаль [не столько] Гумилева [как человека] как поэта. Все начало его творчества оказывается парнасской выдумкой («поражает беспечностью» и т.д. И это всерьез цитиру-

ет якобы настоящий биограф в 1962 г.), а это стихи живые и страшные, это из них вырос большой и великолепный поэт. (См. отзывы о Г<умиле>ве Брюсова и Иванова). Его страшная сжигающая любовь тех лет выдается за леконтделиливцину, и биограф через ½ века выдает [его] это как факт непререкаемый. Неужели вся история литературы строится таким манером?

5)* В никаких цирковых программах я не участвовала (1911—1912), верхом не ездила (в 1912 донашивала ребенка), а когда все в Подобине или в Дубровке (лето 1913 г. Г<умиле>в был в Африке) валялись на сеновале, м.б., раза два и демонстрировала свою гибкость. У Веры Ал<ексеевны> был, по-видимому, довольно далеко зашедший флирт с Н<иколасм> С<тепановичем>, помнится, я нашла не поддающееся двойному толкованию ее письмо к Коле, но это уже тогда было так не интересно, что об этом просто не стоит вспоминать.

Ездить верхом не умел. Конечно, в 1911—12 г. ездить верхом не умел, но в маршевом эскадроне Улан<ского> полка осенью 1914 г (деревня Наволоки около Новгорода) он, по-видимому, все же несколько научился это делать, так как почти всю мировую войну провел в седле, а по ночам во сне кричал: «По коням!» Очевидно, ему снились ночные тревоги, и 2-ой Георгий получил за нечто, совершенное на коне. А когда В.А. Ч<удовский> приезжал ко мне из П<етербур>га в Ц<арское> С<ело> верхом, Коля недоумевал, зачем это ему нужно, и говорил, что у них в полку в подобн<ых> случа<ях> спрашивали: «Что ты, голубчик, моряк?»

Почему нигде и никогда не прочла, что развод попросила я, когда Н<иколай> С<тепанович> приехал из-

* Так у Ахматовой.

за границы в 1918, и я уже дала слово В.К. Ш<илейко> быть с ним. (Об этом я рассказывала М.А. З<енкевичу> на Серг<иевской ул.>, 7. См. в его романе 1921 г.)

Почему этим, якобы грамотеям, не приходит в голову отметить тот довольно, по-моему, примечат<ельный> факт, что на моих стихах нет никакого влияния Г<умилева>, несмотря на то, что мы были так связаны, а весь акмеизм рос от его наблюдения над моими стихами тех лет, так же как над стихами Мандельштама. Георгий Иванов даже позволяет себе выдумывать *прямую речь* Гумилева («Петер<бургские> зимы», стр...) по этому поводу. Что Н<иколай> С<тепанович> не любил мои ранние стихи — это правда. Да и за что их можно было любить! — Но, когда 25 марта 1911 г. он вернулся из Аддис-Абебы, и я прочла ему то, что впоследствии стало называться «Вечер», он сразу сказал: «Ты — поэт, надо делать книгу». И если бы он хоть чуть-чуть в этом сомневался, неужели бы он пустил меня в акмеизм. Надо попросту ничего не понимать в Гумилеве, чтобы на минуту допустить это. Оно, впрочем, так и есть. Примерно половина этой достойной шайки (Струве...) честно не представляют себе, чем был Г<умилев>, другие, вроде Веры Невед<омской>, говоря о Гумилеве, принимают какой-то идиотский покровительств<енный> тон, третьи сознательно и ловко передергивают (Г. Ив<анов>). Ярость Одоевцевой уже совсем непонятна. А все вместе это, вероятно, называется славой. И не так ли было и с Пушкиным и с Лермонтовым. Гумилев — поэт еще не прочитанный. Визионер и пророк. Он предсказал свою смерть с подробностями вплоть до осенней травы. Это он сказал: «На тяжелых и гулких машинах» и еще страшнее («Орел» — ...), «Для старцев все запретные тру-

ды» и, наконец, главное: «Земля, к чему шутить со мною...»

Конечно, очень мило, что семейная легенда хочет (la légende veut) видеть его однолюбом и рыцарем Прекрасной Дамы — Мар<ии> Ал<ександровны> Кузьминой-Караваемой († дек<абрь> 1911), тем более, что Н<иколай> С<тепанович> был действительно влюблен в Машу и посвятил ей весь первый отдел «Чужого неба» (это собственно стихи из Машиного альбома), но однолюбом Гумилев не был. (Когда он предложил Л. Рейснер (1916 г.) жениться на ней, а она стала ломать руки по моему поводу, он сказал: «Я, к сожалению, ничем не могу огорчить мою жену.») В том же «Чужом небе» в следующих отделах помещены стихи, кот<орые> относятся [6 песнь стр. 460. Против воли я твой, царица, берег покинул] или прямо ко мне («Из города Киева» и «Она»), и [ли] так или иначе связанные с нашими отношениями. Их много и они очень страшные. Последним таким стихотворением были «Ямбы» (1913 г.), в кот<о-ром> теперь проникательные литературоведы (Г. Струве и Оцуп) начинают узнавать меня (и только потому, что, по их мнению, запахло разрывом). А где они были, когда возникали «Ром<антические> цветы» — целиком просто посвященные мне (Париж. 1908), а в «Жемчугах» $\frac{3}{4}$ лирики тоже относится ко мне. (Ср. Еву в «Сне Адама», «Рощи пальм...») Думается, это произошло пот<ому>, что к стихам Гумилева никто особенно внимательно не относился (всех привлекает и занимает только экзотика) и героиня казалась вымышленной. А то, что это один и тот же женский образ (возникший еще в «Пути конквистадоров»), а иногда просто портрет (Анна Комнена), никому и в голову не приходило.

Кроме напечатанных стихотворений того времени, существует довольно много в письмах к Брюсову стихов, где эта тема звучит с той же трагической настойчивостью.

Последний раз Гумилев вспоминает об этом в «Эзбекине» (1918) и в «Памяти» (1920?) — «Был влюблен, жег руки, чтоб волнение...», т.е. в последний год своей жизни.

Весь цикл «Чуж<ого> неба» очень цельный и двойному толкованию не поддается. Это ожесточенная «последняя» борьба с тем, что было ужасом его юности — с его любовью. Стихотворений не очень много, они разительно отличаются от Машиного альбомного цикла и одно страшнее другого. «Укротитель зверей» с эпиграфом Фанни Аппи, «Ты совсем, ты совсем...», «И тая в глазах злое торжество» (прислал с дороги), «Маргарита» (просто мой сон), сюда же относится и не включенное парижское («сделалась мучительно бледна»), ничего не меняет парадный портрет «Она», где он утверждает: «...к ней иду / Учиться светлой мудрой боли / В ее истоме и бреду» (ср. «Посылка» в «Бал<ладе>» 1910 г.: «Когда вела ты, нежа и карая»). Тайное и самое значительное — «Товарищ от Бога»..., «Из города Киева». М<ои> попытки отшутиться.

ЕЩЕ О ГУМИЛЕВЕ

Итак, оказывается, что Г<умилева> нам описывают <8> три дементные, ничего не помнящие старухи. (А.А. Г<умилева>, Вера Неведомская и Ирина Одоевцева). Его стихи рекомендуются не любившим его Вячеславом Ива-

новым и вообще ничего не понимавшим Валерием Брюсовым. Оба тщательно пропускают в его творчестве главное (ясновидение), закладывают основание здания *непрочитанности*, своды которого до сих пор тяготеют над его стихами. Отрекшийся («Петр отрекается») от него Г. Иванов (см. последнюю книгу Г. Иванова) рекомендуется другом. Вяч. Иванов якобы был в Цехе. Здесь уместно привести цеховую песенку:

Вячеслав, Чеслав Иванов,
Телом крепкий, как орех,
Академию диванов
Колесом пустил на Цех.

МАРГАРИТА

<9> Мне в юности приснился странный сон, будто кто-то (правда, не помню кто) мне говорит: «Фауста вовсе не было — это все придумала Маргарита... А был только Мефистофель...» Не знаю, зачем снятся такие странные сны, но я рассказала мой сон Н<иколаю> С<тепановичу>. Он сделал из него стихи. Ему нужна была тема гибели по вине женщины — здесь сестры.

<КАНАТНАЯ ПЛАСУНЬЯ>

<10> В другой главе я объяснила корни этого стихотворения и указала место, которое оно занимает в поэзии Гумилева. <Ср. «Игры» — заклинание зверей>.

Здесь ограничусь тем, что напомним с<тихотворение> «Догорала тень...». В них соседние темы. <Страшная женщина>. С ними почти одновременно — «Из города Киева»⁺, где автор — добрый малый, кот<орый> думал — забавницу, гадал — своенравницу, веселую птицу-певунью. Тоже мне — *stile russe!*

ЛУНА

1) Семирамида, вероятно, посвящ<ена> И.Ф. А<н-
<11> ненскому> потому, что он ее похвалил.

Других причин нет, но она («Семир<амида>»), очевидно, примыкает к антилунным стихам («А выйдет луна, затомится», 1911. «Жену, что слишком была красива//И походила на луну», конец — «Нет тебя тревожней и капризней» (цитата...) и «Я отдал кольцо этой деве Луны», то «Лунная дева, то дева земная», а еще просил отдать насовсем две мои «бродячие строчки»:

Я только голосом лебединым
Говорю с неправедною луной.

А Семирамида, кроме того, еще и мужеубийца. А это тоже его тема. См. «Ч<ужое> небо — «Отравленный» и его корни в «Жемчугах»:

Все свершилось, о чем я мечтал
Еще мальчиком странно-влюбленным,
Я увидел блестящий кинжал...

Сразу три слоя... Обо всем этом никто ни слова не сказал.

⁺ «Из логова — змиева» — меня за гибкость называли — женщина-змея.

5 авг<уста> <1963>

САМЫЙ НЕПРОЧИТАННЫЙ ПОЭТ

Продолжение

Невнимание критиков (и читателей) безгранично.
 <12> Что они вычитывают из молодого Гумилева, кроме озера Чад, жирафа, капитанов и прочей маскарадной рухляди? Ни одна его тема не прослежена, не угадана, не названа. Чем он жил, к чему шел? Как случилось, что из всего вышеназванного образовался большой замечательный поэт, творец «Памяти», «Шестого чувства», «Трамвая» и т.п. стихотворений? Фразы вроде: «Я люблю только «Огненный столп», отнесения стих<отворения> «Рабочий» к годам Революции и т.д. ввергают меня в полное уныние, а их слышишь каждый день.

ДЛЯ М. М<АЛИЯ>

Разбор статьи Г. Иванова: Поэты. Разгром его си-
 <13> стемы. Никогда и нигде он не сказал ни слова правды. Лично обо мне он ничего не помнит. Был кузминский мальчик. Знал, что я не признавала его как поэта, ни разу с ним не говорила, в издании 1928 <г.> пишет (сл<еду-ет?> окаменелая цитата), в издании 1952 <г.> (Чехова) снимает эту цитату. Он циник — ему все равно. В честь Одоевцевой «ссаживает меня с трона» (20-ые годы), в 50-ых, узнав поэму через Гуля, вещает: «Осталось два громких петербургских голоса — Г<умилев> и Ахм<атова>». Отрекается от сделавшего его («Петр отрекается и предаёт Иуда...») Гумилева (позорит его в

28 г. — снимает в 52 <г.>), и мертвая девочка оказывается в «Разложении атома», очевидно, его собственная жертва.

Показать все вранье о «Тучке» и объяснить, что вся книга на этом уровне. Отношение к сер<сбряному> веку (лицеисты [и], правоведы и <нрзб>); (в скобках: Познер с будуарным столом, кот<орый> оказывается тюремными нарами. Издали не рассмотрел); (в скобках: Никакой реконстр<укции> (см. Ло Гатто) поэмы Б. Филип<пов> не делает. Ни с чем она не связана, кроме («Или вышедший вдруг из рамы». «Cinque») и чего-то относительно «гостя» из будущего — но он живой, и я им не заведую).

Глеб Струве непонятно мягко пишет о «Зимах». Это — вреднейшая книга. Как можно [отдать] русское Возрожд<ение> отдать в руки глупому, злому и абсолютно безграмотному педерасту и позволить ему разыгрывать роль учителя жизни, он не упоминает ни одной вышедшей тогда книги, не подозревает о религиозно-философском обществе, о жизни духа вообще. См. Бердяева. Это пустой снобик из кузминской своры — сплетник и мелкий, но довольно хитрый дьяволенок. Этот портрет отразился в «Зимах», и больше ничего там нет. Написав это, он сам себя казнил, и на этом надо с ним проститься. Недаром он выбрал или вернее выдумал себе под статью и героиню — Веру Александровну (жену Пронина), надс<лил> ее красотой, умом и т.д., хотя в самом деле это была накрашенная, как лиговская девка, мошенница, мелкая спекулянтка, о<т> которой даже Луначарский отказывался в газетах. (Что-то о векселях или о детях...)

Ни Одоевцева, ни Оцуп Петербурга и не нюхали. Они появились в 19 г., когда все превратилось в свою

противоположность и, во-первых, все уехали. Если Од<оевцева> и Оц<уп> дожили до начала нэп'а — это не меняет дела. Нэп был дьявольской карикатурой на 10-е годы.

Культ экслибрисов и аресты целых семей и полное их уничтожение.

К СТАТЬЕ Г. С<ТРУВЕ> (О ГУМИЛЕВЕ)

I. Три безумные старухи (А.А. Гумилева, Вера и <14> Одоевцева). Это не конкурс красоты.

II. Волошин и Кузмин — враги.

III. Два критика: один его ненавидел (Вяч. Иванов), другой — не понимал (В. Брюсов). Надо было дать В.М. Ж<ирмунскому>.

IV. Мнимая объективность. Все его стихи — преобр<аженная> жизнь.

V. Я — в ранних стихах Г<умиле>ва (и в биографии, что следует из «Биографической канвы», кот<о-рая> существует), начиная с портрета в «Пути конкв<истадоров>».

VI. Замазывание акмензма — большой грех перед страдальческой тенью. Автор должен забыть собств<ен-ные> пристрастия. Вяч. Ив<анов> — в Цехе не бывал.

VII. К чему ложные и непров<еренные> свед<е-ния> об аресте Л.Н. Г<умилева>.

IX.* Бредовые сказки о конце препятствуют выходу Г<умиле>ва на Родине.

А.

* Так у Ахматовой.

Несколько слов об «Пет^{<ербургских>} зимах» (за
<15> кот^{<орые>} автор был бит). См. стр. Черубина де Габ-
риа^{<к>}. После дуэли Вяч^{<еслав>} Иванов и Анненский
были у Г^{<умиле>}ва, а Волошин скрылся с петерб<sup><ург-
ского></sup> горизонта и стал ездить в Москву.

Лиз^{<авета>} Иван^{<овна>} все же чего-то не рас-
считала. Ей казалось, что дуэль двух поэтов из-за нее
сделает ее модной петерб^{<ургской>} дамой и обеспечит
почетное место в литературных кругах столицы, но и ей
почему-то пришлось почти навсегда уехать (она возник-
ла в 1922 г. из Ростова с группой молодежи...). Она
написала мне надрывное письмо и пламенные стихи Ни-
к^{<олаю>} Степ^{<ановичу>}. Из нашей встречи ничего не
вышло. Всего этого никто не знает. В Кокт^{<ебеле>} бол-
тали и болтают чушь.

Очевидно, в то время (09—10 г.) открылась какая-
то тайная вакансия на женское место в русской поэзии.
И Черубина устремилась туда. Дуэль или что-то в ее сти-
хах помешали ей занять это место. Судьба захотела, что-
бы оно помешала ей занять это место. Судьба захотела,
чтобы оно стало моим. Замечательно, что это как-то по-
лупонимала Марина Цветаева. (Найти в ее «Прозе» это
место) стр. 152.

Какой, между прочим, вздор, что весь «Аполлон»
был влюблен в Черубину. Кто? — Кузмин, Зноско-Бо-
ровский? — И откуда этот образ скромной учительни-
цы. Дм^{<итриева>} побывала уже в Париже, блистала в
Коктебеле, дружила с Марго, занималась провансальс-
кой поэзией, а потом стала теософской богородицей.

А вот стихи Анненского, чтобы напечатать ее, Ма-
к^{<овский>} действительно выбросил из перв^{<ого>} но-

мера, что и ускорило смерть Ин<нокентия> Феод<оровича>. (См. Ан<ненский> — Мак<овскому> письмо...) «Не будем больше говорить об этом и постараемся не думать». Об этом Цветаева не пишет, а разводит вокруг Волошина невообразимый очень стыдный сюсюк.

<Декабрь, 1962>

Я делаю это не для себя, но неверное толкование <16> истоков поэзии Гумилева, это отсечение начала его пути, ведут к целому ряду самых плачевных заблуждений. Выбросить меня из творческой биографии Г<умиле>ва так же невозможно, как Л.Д. Менделееву из биографии Блока. Я не претендую ни на что после «Ямбов» (1913). О своей «страшной» любви Г<умиле>в вспоминает потом только два раза:

- 1) «Эзбекине» (1918) (Ровно десять лет назад)
- 2) «Память (1920)

первый раз с ужасом, второй, особенно значительный, звучит так:

Был влюблен, жег руки, чтоб волненье
 Усмирить, слагал стихи тогда,
 Ведал солнце ночи — вдохновенье,
 Дни окостенелого труда.
 Он совсем не нравится мне — это
 Он хотел быть богом и царем,
 Он повесил вывеску поэта
 Над дверьми в мой одинокий дом.

Это последние слова Гумилева о его царскосельско-парижской трагедии, и кот<орые> дурные критики принимали за леконтделивщину.

Из нее вырос тот поэт, кот<орого> сейчас так ценят, отсюда его донжуанство, его страсть к путешествиям, кот<орыми> он лечил душу, и отсюда — Стихи.

7 янв<аря> — в 1 час. <1963>

ГУМИЛЕВ И АФРИКА

<17> «Шатер» — заказная книга географии в стихах и никакого отношения к его путешествиям не имеет.

В 1908 был в Каире (Эзбекие). Путешествия было два, одно длилось полгода. Уехал он осенью 1910 г., а вернулся 25 марта ст<арого> ст<иля> 1911 г. Был в Аддис-Абебе через Джибути.

Второй раз он уехал в 1913 г. с открытым листом от Ак<адемии> наук с племянником Николаем Леонидовичем Сверчковым (†19) (сыном сестры) для приобретения предметов быта (этнография).

Статья «Ловля акулы» (в «Ниве»). Был африканский дневник. В «Трудах и днях», что-то в «Ниве» («Сомали»), могут быть какие-нибудь подробности. Афр<и>канские охоты. (Нарбут в Абис<синии>) Африканская лихорадка. Триптих подарил проф<ессору> Тураеву. Песни записывал.

Х был очень силен и мать

Х плачет очень громко

М.б., существуют письма с пути и с места.

Забавные плакаты — запрещение охов.

Книга Сверчкова о пут<ешествии> 1913 г. была отдана в И<здательство> Гржебина и, по-видимому, там пропала.

Это лекарство — «*Рощи и пальмы*» (1908?)

Сопоставить это стихотворение с «*Эзбекине*», 1918 (Париж), когда новая несчастная любовь напомнила ему то, что было с ним ровно десять лет назад, т.е. в 08 году.

О скорой смерти я молился Богу
И сам ее приблизить был готов.

Две мои фотографии (зимн<ая> и летн<ая> в Царскосельском Екатерининском парке на той самой скамейке, где Н<иколай> С<тепанович> сказал мне, что любит меня, когда он был гимназистом 7 класса. (Февраль...)

ЕЩЕ ДЛЯ М. М<АЛИЯ>

Сохранились письма Ларисы Рейснер («К сожалению, я ничем не могу огорчить мою жену», — так передала мне Лар<иса> слова Н<иколая> С<тепановича>, это когда она сказала, что боится огорчить меня, выйдя за него замуж. Как я теперь думаю, весь мой протест в этом деле было инстинктивное желание сохранить себя, свой путь в искусстве, свою индивидуальность. Действитель<но> поразительно, как девочка, 10 л<ет> находившаяся в непосредственной близости от такого властного человека и поэта, наложившего свою печать на несколько поколений молодых, ни на минуту не поддавалась его влиянию, и, наоборот, он от внимательного наблюдения за ее творчеством как-то изменился (имею в виду «Чужое небо»), но это уже другая тема, кот<орая> скорее относится к зарождению акмеизма.

В «Сне Адама» тот же ахматовский комплекс «Чужая, чужая» (1909 г.)

В 1915 г., когда уже давно все было кончено, он пишет в очень ответственном месте (с фронта)

....

Я вижу записи судеб моих
И ведаю, что обо мне, далеком,
Поэт Ахматова сиренный⁺ стих

<До 3 января 1963>

ДЛЯ М<АЛИЯ>

1. Поэма — волшебное зеркало, в котором каждый <19> видит то, что ему суждено видеть (4-примера — Чу-к<овский>, М<ихайлов>, Blot, Филиппов).

2. Про Гарвард — снять.

3. Зачем смазывать акмеизм, зачем писать, что Вячеслав Иванов был в Цехе. (Все о Маше.) В. И<ванов> об акм<еизме> в <восп.?> сестры Герцык.

4. Кузмин и Волошин не друзья, а враги. К чему три дементные старухи.

5. Зачем приводить цитаты из Вяч. Иванова и Брюсова. Один его ненавидел, другой не понимал.

5.** Русалка потому, что я жила у моря и плавала. (Посвящения.) Мой первый портрет 1904. Ср<авни>. Мой последний портрет — в «Ямбах» (1913). Затем:

+ Au voix de sirène
Villon*

* Голосом сирены. Виллон (фр.).

** Так у Ахматовой.

Я ведаю, что обо мне, далеко,
Поэт Ахматова сиренный стих (1915?)

Донжуанство как результат нашего «романа».
Освобождение через стихи «Чужого неба». Итог —
«Ямбы» (1913). Два поздние воспоминания: 1) «Эзбек-
ские» 1918 — ровно 10 л<ет> назад. 2) «Память»
1920 —

Был влюблен, жег руки, чтоб волнение
Усмирить, слагал стихи тогда,
Ведал солнце ночи — отдохновение,
Дни окостенелого труда.

И тут же отрекается от того:

Мне совсем не нравится он — это
Он хотел быть богом и царем,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.

[В этом нельзя не видеть] Из этого следует, что из той любви вырос поэт. Но из нее же вырос и Дон Жуан и Путешественник. И донжуанством и странствиями он лечил себя от того смертельного недуга, кот<орый> так тяжело поразил его и несколько раз приводил к попыткам самоубийства. В сущности, все рассказано в стихах всеми словами, такой молодой и неопытный поэт, конечно, еще не умел шифровать свои стихи. Стоит только выбрать нужные цитаты и сопоставить их, может быть, даже разделив на периоды.

I. «Путь конкв<истадоров>».

(«Русалка» (от плаванья и морского детства, авт<ограф> у меня) — первый портрет — стр...

Дева Луны (от лунатизма — эта линия идет довольно далеко, и ее легко проследить до «Чуж<ого> неба».

А выйдет Луна — затомится... и т.д.).

II. «Ром<антические> цветы (парижск<ое> посвящение). В письме к Брюсову пишет, что не включил «Маскарад», потому что его посвящение (де Орвиц Занетти) противоречит общему.

В этой книге весь ужас этой любви — все ее кошмары, бред и удушье. Призрак самоубийства неотступно идет за Поэтом. К этому следует прибавить, что это только «избранные» стихи того периода. (См., напр<имер>, «Анна Комнена» с почти портретом.) К этому времени Она становится для поэта — *Лилит*, т.е. злым и колдовским началом в женщине. Он начинает прозревать в ней какую-то страшную силу. Надписывает «Цветы зла»: «Лебедю из лебедей — путь его к озеру». Надо вспомнить, чем он питался. Если «Charogne»* — любовное стихотворение, почему эти гиены, блудницы и т.д. не могут быть тоже любовной лирикой:

Лиру положили в лучшей зале,
А поэту выкололи очи.

Черная ревность душит, сводит с ума. Измена чудится всюду («Она Мэзи, ей все можно» — говорил из «Свет погас»).

III. «Жемчуга» [«Ч<ужое> н<ебо>»]

Надписал: «Кесарю — Кесарево»**, привез, когда приехал венчаться, тогда же (1910) подарил «Балладу»:

* «Пададь» (фр.).

** На полях вдоль текста на л. 4 помета Ахматовой, вписанная позднее: «На «Жемчугах» написал мне: «Кесарю — Кесарево. Анне Горенко»».

Тебе, подруга, эту песнь отдам,
Я веровал всегда твоим стопам,
Когда вела ты, нежа и карая. («Чужое» и «ебо».)

(См. цикл «Беатриче».)

IV. И последний цикл стихов в «Чужом»⁺ — повесть о том, что случилось с ним и его любовью, как он с ней борется, какая она все же страшная, но в этих стихах уже и освобождение. Тут же цикл стихов из Машиного альбома. Потом — только «Ямбы».

На дальнейшее творчество Николоая Степановича я не претендую. Он писал и М. Левберг (II-ой Цех без меня) и [его] своей «большой любви» Тане Адамович (познакомился 6 января 1914 г.), и будущей жене А.Н. Энгельгардт (см. их переписку), и Арбениной, и Одоевцевой. Целый сборник посвящен парижской даме («К синей звезде»).

Прекращаю перечисление, потому что не хочу превратиться в Лепорелло, поющего свое знаменитое ариозо «Каталог побед».

Январь 1963

Даже трудно себе представить, кому могло прийти в голову так зло подшутить над стариком. Очевидно, у него были очень опасные враги. Но совершенно несомненно, что кого-то в Париже чрезвычайно устраивала легенда о

⁺ Я имею в виду «Набегала тень...», «Укротитель зверей», «Ты совсем, ты совсем...». Сюда же: «Из города Киева», «Она», два акростиха, где двойственность, и парижское «Нет тебя» (1911), где и луна, и «Тебе предался я давно». И как ни странно — Товарищ от Бога. («Маргарита» — просто запись моего сна).

моей ревности. Лариса Р<ейснер> сказала мне, что когда Н<иколай> С<тепанович> предложил ей на ней жениться, она только заикнулась, что не хочет меня огорчить, он сказал: «К сожалению, я ничем не могу огорчить мою жену». За точность этих слов я ручаюсь.

Кому же было нужно выдумывать сказки о ревности и т.д. С<ергей> К<онстантинович> клюнул на эту удочку — жены так часто ревнуют. Идет ли это от Веры, или Лизы, или Одоевцевой, не все ли равно. Маковский поверил басне, кот<орой> в 10-ых годах не существовало, и вместо того, чтобы писать об участии Гумилева в «Аполлоне», о зарождении акмеизма, о позиции «Башни», он, старый человек, срамится, передавая с чьих-то слов, злобные и насквозь лживые семейные истории. Никакая Вера Неведом<ская> не может быть истолковательницей отношений Гумилева и Ахматовой. Это была «летняя» отдаленная знакомая, с кот<орой> Гумилев катался верхом два лета (1911—12 г.). В 1913 он был в Африке, 14 — поехал к Тане Адамович в Вильну, потом война. За себя ручаюсь, что я не сказала с ней десяти слов.

<1963>

3 августа

Рыбакова. Наб. Кутузова, 12 кв. 5.

<21> Открываю эту тетрадь критикой чудовищной писанины С.К. Маковского, кот<орую> я получила сегодня из Парижа.

Он умудряется сделать почти столько же ошибок, сколько пишет слов: развязность его не имеет предела. Это то, что Ш. называет маразмист-затейник. Перед ним меркнут и Страховский, и Георгий Иванов. В Париже ему

кое-что рассказали — Митя Караваев, Дима Бушен, м.б., Вера Неведомская. Сам он в Слепневе никогда не был.

Никакую красавицу в царскосельском доме я не поселяла (имеется в виду Таня Адамович, которая была просто дурнушка), и это мог выдумать только человек, кот<орый> насмерть забыл дореволюционный быт и, в частности, дом Анны Ивановны, в кот<ором> такая вещь была просто невозможной. Своими письмами я прекратила Г. Иванова и Страховского, но тотчас же возникли Маковский и Вера Неведомская, и А.А. Гумилева (Митина жена). Хорош и отец Дмитрий (Кузьмин-Караваев), кот<орый>, несмотря на свой монашеский сан, не нашел ничего лучшего, как рассказывать о своем, так страшно погибшем друге, непристойные истории. Лучше бы отслужил по нем une messe funèbre*.

Вера пользуется тем, что в Слепневе нас, естественно, почти никто не видел, и пишет почему-то злостный вздор. М.б., она знала, что мы смеемся над ее очевидной ревностью (к мужу Володе), и решила отплатить той же монетой.

Относительно Татьяны Викторовны Адамович, которую так роскошно подает Маковский, могу только напомнить мою строчку:

«Мужа к милой привожу» (1914). (Из стих<отворения>: «Мне не надо счастья малого».) Это была моя единственная реакция на этот «роман» Гумилева.

Начался он в 1914 г., а в 1916 — уже во всем блеске была Лариса Рейснер, что следует из их сохранившейся переписки и из ее «исповеди» 1920, с которой она пришла ко мне в Фонт<анный> Дом.

Но в сущности ко мне это никакого отношения не имеет, пот<ому> что скоро после рождения Левы, мы

* Заупокойную службу (фр.).

молча дали друг другу полную свободу и перестали интересоваться интимной стороной жизни друг друга. Тем не менее в 1915 г. Г<умиле>в писал с войны:

Я ведаю, что обо мне, далеком,
Звучит Ахматовой сиренный⁺ стих,

а в 1916, когда я сказала что-то неодобрительное о наших отношениях, он возразил: «Нет, ты научила меня верить в Бога и любить Россию».

Н. ГУМИЛЕВ САМЫЙ НЕПРОЧИТАННЫЙ ПОЭТ XX ВЕКА

Стихи, отзывы, письма. Из «Пути конквистадоров» — «Русалка». 1904 г. (автограф с посвящением) и первый портрет. (Цитата⁺⁺.) «Баллада». Кольцо с рубином. Женский труп.

⁺ ...au voix de sirène.

⁺⁺ Кто объяснит нам, почему
У той жены всегда печальной
Глаза являют полутьму,
Хотя и кроют отблеск дальний.

Зачем высокое чело
Дрожит морщинами сомненья,
И меж бровями залегло
Веков тяжелое томленье?

И улыбаются уста
Зачем загадочно и зыбко?
И властно требует мечта,
Чтоб этой не было улыбки?

Зачем в ней столько тихих чар?
Зачем в очах огонь пожара?

Она для нас больной кошмар
Иль правда горестней кошмара.

«И увидел там деву
больную, как сон».

(И он отдал кольцо этой деве Луны
За неверный оттенок разбросанных кос.)

Глаза серые два раза. (У Веры Арэнс были ярко-голубые глаза). Ей он написал, что стихи ей, во время нашей длительной ссоры, а мне прислал его гораздо раньше, записанным на Обри Бердслее. (В Севастополь.).

Другое стихотворение («Царица иль, может быть, просто капризный ребенок»), кот<орое> в том же письме к Вере он якобы обращал к О.В. Голенищевой-Кутузовой, тоже имеет другую адресатку. (Мы сидели у моря, дача Шмидта, летом 1907 г., и волны выбросили на берег дельфина. Н<иколай> С<тепанович> уговаривал меня уехать с ним в Париж — я не хотела. От этого возникло это стихотворение и еще один мой портрет в ряду других.) В 1910 г. привез «Балладу» — мне.

См. envoi⁺:

Тебе, подруга, эту песнь отдам,
Я веровал всегда твоим стопам,
Когда вела ты, нежа и карая,
Ты знала все, ты знала, что и нам
Блеснет сиянье розового рая.

А вот мелькнувшая надежда:

Девушка, игравшая судьбой,
Сделается нежною женой,
Милым сотоварищем в работе...⁺⁺

⁺ Заключительную строфу стихотворения, поэмы (посылку) (фр.).

⁺⁺ Парижское стихотворение 1910 <г.> — «Нет тебя...» описывает то, что действительно было, но уже начинается двойственность — дневная — ночная (и как всегда — луна). Ср. «Семирамида» и «Из города Киева».

(1910 — летом, из IV главы «Открытия Америки».)
Там же («Открытие Америк») Гумилев писал летом на Бульварной после Парижа):

Знаю, сердце девушек бесстрастно,
Как они, не мучить никому.

В «Сне Адама» опять эта «проблема женщины» (Ева и Лилит — святая и блудница). И ужас: «Чужая, чужая!» Книга «Романтические цветы» 1908 г. целиком обращена ко мне. Когда Брюсов спросил, почему там нет «Маскарада», Гумилев ответил: «Потому что посвящение противоречит общему посвящению книги». Об этот ужас, «больной кошмар», разбиваются, все надежды. (Укрощенье зверей:

И голодные тигры лизали
Колдуну его пыльные ноги.)

Через несколько лет, в 1911 г.:

Зверь тот свернулся у вашей кровати,
Смотрит в глаза вам, как преданный дог.

А это тот зверь, который «первым мои перекусит колени». Вторая надежда (экзотическое путешествие) кончается точно так же, причем и начало, середина, и конец в одном стихотворении):

И тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его⁺.

И наконец:

⁺ А в итоговых «Ямбах»:

Ты, для кого искал я на Леванте
Нетленный пурпур королевских мантий.

«Я увидел блестящий кинжал
В этих милых руках обнаженным».

Прислал из Парижа в период самоубийства, а [в том же]
1911 г.:

И мне сладко, не плачь, дорогая,
Знать, что ты отравила меня.

И все время как непрерывный аккомпанемент —
черная жгучая ревность.

Лиру положили в лучшем зале,
А поэту выкололи очи.

Н.Н. П<унин> говорил: «Я боролся с ней, как
Иаков с ангелом и всегда оставался хром».

ЧУЖОЕ НЕБО

Стихи из «Ч<ужого> неба», ко мне обращенные,
<23> несмотря на всю их мрачность, уже путь к освобождению, кот<орое>, по мнению некоторых лиц, никогда не было полным, но предположим, что было. После «Ям-
бов» я ни на что не претендую. Но и в «Чуж<ом> небе»
я не одна.

<1963>

Цикл стихов Маше — просто стихи из ее альбома, там же какая-то лесбийская дама (не то В. Яровая, не то Паллада), потом (уже в 14 г.) Таня Адамович, М. Левберг, Тумповская, Лариса Рейснер, А. Энгельгардт. На ком-то он собирался жениться (Рейснер), на ком-то женился (Энгельгардт), по кому-то сходил с ума («Синяя звезда»), с кем-то ходил в мебл<ированные> комнаты

(Ира?), с кем-то без особой надобности заводил милые романы (Дмитр<иева> и Лиза К<узьмина>-К<араваева>), а от бедной милой Ольги Николаевны Высотской даже родил сына Ореста (13 г.). Все это не имело ко мне решительно никакого отношения. Делать из меня ревнивую жену в 10-ых годах очень смешно и очень глупо⁺.

⁺ Но так как я привыкла доходить до корня вещей, — мне стало ясно, что старушкам в эмиграции очень захотелось, чтобы к ним ревновала Ахматова своего мужа, что они были как минимум m-mes Виже Лебрен, Аделины Патти, Лины Кавальери, m-me de Сталь и m-me Рекамье. Это несомненно их священное право, но лучше пусть они теснятся вокруг книг Н<иколая> С<тепановича> и выбирают, кому вершки, кому корешки, и оставят меня в покое. Обо всем, что я написала в этой тетради, они не имели представления. Ни Гумилев, ни я не разглашали подробности наших отношений, эти дамы (и кавалеры) застали нас в совершенно иной (завершит<ельной>) стадии, они и не подозревали и до сих пор не подозревают о трагических годах 05—09, о том, сколько раз я разрушала наши отношения и отрекалась от него, сколько раз он, по секрету от родных, заняв деньги у ростовщика, приезжал, чтобы видеть меня (в Киев <в> 1907 <г.>, на дачу Шмидта летом 07 <г.> возле Херсонеса, в Севастополь, в Люстдорф <в> 1909 под Одессой, опять в Киев), как в Париже через весь город ездил взглянуть на дощечку — Boulevard Sebastopol, пот<ому> что я жила в Севастополе, как он не мог слушать музыку, потому что она напоминала ему обо мне, как он ревновал, причем, чтобы доказать его ревность по стихам, не надо пускаться на такие мелкие хитрости, как Мако (стр...), кот<орый> цитирует вторую и третью строфы (цитата) и опускает первую:

Муж хлестал меня узорчатým,
Вдвое сложенным ремнем,
Для тебя в окошке створчатом
Я всю ночь сижу с огнем —

из которой следует, что ревность героини обращена отнюдь не к мужу, если уж стихи эти обо мне. Хотя очевидно, никакой муж и т.д., и нико-то я не ждала до зари. Как, наконец, получив после длительного молчания мое самое обыкновенное письмо, ответил, что он окончательно по-

Уже, когда в начале 20-х годов я руководила сборами воспоминаний о Н<иколае> С<тепановиче>, я называла эти и еще очень многие женские имена, не для сплетен, разумеется, а для того чтобы указать, к кому что относится.

Ошибка современных зарубежных литературоведов заключается главным образом в том, что они <видят> автобиографию только в «Ямбах». После «Ямбов» Гумилев вспоминает о своем молодом бреде два раза.

I. «Эзбеки»+ (1918 г. в Париже, когда он переживал очень глубокое чувство к «Синей звезде»). (Цитата.)

II. «Память» — тут он прямо всеми словами <говорит>, что это тут «он повесил вывеску поэта/Над дверьми в мой одинокий дом», т.е. оттуда пошли стихи.

<24> ...и уже совершенно чудовищная басня (из мемуарий С. Маковского) о том, что Аня была ревнивой женой. Если покопаться, наверно, окажется, что эта легенда идет от эмигрантских старушек, которым очень хо-

нял, что все на свете интересуется его постольку, поскольку это имеет отношение ко мне, как из моей брошки (голова и крылья орла) он сделал одно из своих самых значительных стихотворений, как от обиды и ревности ездил топиться в Трувилль и в ответ на мою испуганную телеграм<му> ответил так: «Vivrai toujours»*, как он рассказывал Ал. Толстому, что из-за меня травился на fortification** (это было записано со слов Толстого).

* Проживу еще (фр.).

** Укреплениях (фр.).

+ Прошу сравнить: «Рощи пальм и заросли алоэ» (1908). Это и есть 10 лет, о которых говорится в «Эзбеки».

чется быть счастливыми соперницами такой женщины, как Аня. Но, боюсь, что им ничего не поможет. Они останутся в предназначенной им неизвестности. А Аня — Ахматовой. А то, что все на свете позабывший и перепутавший 83-лет<ний> Маковский мог перепечатать этот злостный вздор, не вызывает ничего, кроме жалости. И хороши же его доказательства. (Примеры). А все это в конце концов — месть Ахматовой за то, что она не стала эмигранткой.

Вторая басня, [которую сочинил или пере] имеет [гораздо] более преступное намерение. Кому-то просто захотелось исказить образ поэта. Не будем вдумываться, с какими грязными намерениями это было совершенно, но оставить это так, как есть, не позволяет мне моя совесть.

Мне точно известно, что та, кого Маковский именует Татьяна Александровна А., познакомилась с Н<и-колаем> С<тепановичем> в начале 1914 г., т.е. через год после «Ямбов», т.е. через год после того, как «Аня (очень нарядная) приехала ко мне и сказала: «С Колей все кончено».

Единственное отражение этого романа в поэзии Ахматовой — строчка «Мужа к милой привожу» (1914). Все остальное в клеветническом бормотании Мако находится на уровне предложенного дневника Вырубовой.

9 мая. <1963> День Победы

<25> Я совершила по этой поэзии долгий и страшный путь и со светильником и в полной темноте, с уверенностью лунатика шагая по самому краю. Сама я об этом не писала ни тогда, ни потом. Кроме двух стихотворений

<нрзб> — одно [из них] даже напечатано⁺, но описанию домашних ночных страхов царск<осельского> дома посвящена одна из семи «Ленинградских элегий» 1921 г. («В том доме было очень страшно жить»).

Я знаю главные темы Гумилева. И главное — его тайнопись.

В последнем издании Струве отдал его на растерзание двум людям, из которых один его не понимал (Брюсов), а другой (Вяч. Иванов) — ненавидел.

Мне говорят, что его (Гл<еба> Струве) надо простить, потому что он ничего не знает. Я тоже многого не знаю, но в таких случаях избегаю издавать непонятный мне материал. Писать про мать сына Гумилева Ореста, ныне здравствующую (О.Н. Высотскую), что «не удалось выяснить, кто это», считать женой Анненского жену его сына (Кривича) Наталию Владимировну, рожд<енную> фон Штейн, сообщать, что адмирал Немитц был расстрелян вскоре после Гумилева⁺⁺, и этим препятствовать выходу стихов Н<иколая> С<тепановича> на родине, жалеть, что нет воспоминаний Волошина и Кузмина, называя их друзьями, в то время как они были лютые враги, приводить впечатления 8-милет<него> Оцупа о внешности Г<умиле>ва, верить трем дементным старухам (А.А. Гумилевой, В.А. Неведомской, И. Одоевцевой), все забывшим, все мощно опошляющим и еще сводящим какие-то свои темные счета — все это едва ли достойное занятие, когда дело идет о творчестве

⁺ «И когда друг друга проклинали» и «Пришли сказали: “Умер твой брат”».

⁺⁺ Недавно мы чествовали 83-летие первого советского адмирала Немитца. (См. «Лит<ературная> Россия», 1963, № ...).

и жизни большого поэта и человека сложного и исключительного.

Но, конечно, Гл<ебу> Струве еще далеко до озарений 83-л<етнего> Маковского, о которых придется говорить отдельно.

В Петербурге Маковского никто никогда не принимал всерьез. Его называли <рара Масо> и «моль в перчатках». Таким он и остался, приобретя в эмиграции все, что полагалось там приобрести⁺. Кроме того, он, по-

⁺ Надо думать, что у старика (С.К. М<аковского> в эмиграции были очень жестокие враги, которые так беспощадно расправились с ним. Выдумка про мою ревность совершенно бесподобна. У Масо или не было моих книг, или он не удосужился их перечитать. А там ведь просто все написано. (Напр<имер>: «Я и плакала и каялась...», «Муж хлестал меня узорчатым».) Про первое из этих стихотворений (1911 г.) Н<иколай> С<тепанович> довольно язвительно сказал: «Ты пишешь по образцу украинской песни:

“Сама же наливала
Ой, ой, ой, ой...
Сама же выпивала
Ой, Боже мой”».

Но все-таки ему принадлежат «бродячие строчки»:

«Ты — победительница жизни,
И я товарищу вольный твой» (10-ые годы).

И напечатанные во время войны:

И ведаю, что обо мне, далеком,
Звучит Ахматовой сиренный стих⁺⁺.

Бесконечное жениховство Н<иколая> С<тепановича> и мои столь же бесконечные отказы, наконец, утомили даже мою кроткую маму и она сказала мне с упреком «Невеста невестная», что показалось мне кощунством. Почти каждая наша встреча кончалась моим отказом выйти за него замуж. А «рара Масо» пишет: «Он не торопился жениться». Нет, Серг<ей> Конс<тантинович>, он очень торопился.

⁺⁺ Сиренный стих из Вил<лона> баллады о дамах..., «Au voix de sirène».

видимому, попал в какой-то специфический слепневский кружок (Митя Караваев — *rèrè Dm<itry>*, Дима Бушен, Вера Неведомская, Оля Оболенская), прямо хоть в Дубровку к Ермолаевым ехать на именины, но они не поехали в Дубровку, а занялись на досуге пустыми и зловредными сплетнями о людях, кот<орые> уже не могли защитить себя, — о Гумилеве и обо мне. В начале этого очерка я привожу ряд доказательств, теперь прошу читателя самому судить.

Поступить так толкают меня не личные соображения, а уважен<ие> к памяти так страшно погибш<его> поэта. Отсечение его корней или неверное толкование истоков творчества никогда не помогало понять и его расцвет.

1

Н<иколай> С<тепанович> говорил, что согласился бы скорее просить милостыню в стране, где нищим не подают, чем перестать писать стихи.

2

Когда в 1916 г. я как-то выразила сожаление по поводу нашего в общем несостоявшегося брака, он сказал: «Нет — я не жалею. Ты научила меня верить в Бога и любить Россию».

3

Сейчас, как читатель видит, я не касаюсь тех особенных, исключительных отношений, той непонятной связи, ничего общего не имеющей ни с влюбленностью, ни с брачными отношениями, где я называюсь «*тот другой*» («И как преступен он, суровый»), который «положит посох, улыбнется и просто скажет: «Мы пришли». Для обсуждения этого рода отношений действительно еще не настало время. Но чувство именно этого порядка

заставило меня в течение нескольких лет (1925—1930) заниматься собиранием и обработкой материалов по наследию Г<умиле>ва.

Этого не делали ни друзья (Лозинский), ни вдова, ни сын, когда вырос, ни так называемые ученики (Георгий Иванов). Три раза в одни сутки я видела Н<иколая> С<тепановича> во сне, и он просил меня об этом (1924. Казанская, 2).

Царское Село в стихах Н<иколая> С<тепановича> как будто отсутствует. Он один раз дает его как фон к стихотворению «Анненский» («Последний из царско-сельских лебедей». Сам царскосельск<им> лебедем быть не хочет.)

Однако это не совсем так. Уже в поэмах «Пути конквистадоров» мелькают еще очень неуверенной рукой набросанные очертания царскосельских пейзажей и парковая архитектура. (Павильоны в виде античных храмов.) Но все это не названо и как бы увидено автором во сне. Не легче узнать во «дворце великанов» — просто башню-руину у Орловских ворот. Оттуда мы действительно как-то раз смотрели, как конь золотистый (кирасирский) «вставал на дыбы».

Еще царскосельское впечатление (как мне сказал сам Гумилев):

Был вечер тих. Земля молчала,
Едва вздыхали цветники,
Да от зеленого канала,
Взлетая, реяли жуки.

А это где-то около Большого Каприза и на пустыню Гоби мало похоже.

Третье — в стихотворении «Озера», «печальная девушка» — это я. Написано во время одной из наших дли-

тельных ссор. Н<иколай> С<тепанович> потом показывал мне это место. Ненюфары, конечно, желтые кувшинки, а ивы действительно были. Ц<арское> С<ело> было для Н<иколая> С<тепановича> такой унылой неизменной прозой.

Две мои фотографии в царскосельск<ом> парке (зимняя и летняя) в 20-х годах сняты на той скамейке, где Н<иколай> С<тепанович> впервые сказал мне, что любит меня (февраль...).

Его решение больше не жить, если я не уеду с ним (на Пасхе 1905), вероятно, точно отражено в «Трудах и днях» — их у меня сейчас нет под рукой.

Записать Духов день в Бежецке 1918. Церковный звон, зеленый луг, юродивый («Угодника раздели!»). Н<иколай> С<тепанович> сказал: «Я сейчас почувствовал, что моя смерть не будет моим концом. Что я как-то останусь... может быть».

(Недавно, <в> 1963 г., Лида Аренс сказала мне, что стих<отворение> «Андрогин» относится к ней, а Зоя Аренс призналась, что в страшные времена сожгла два письма Н<иколая> С<тепановича>.)

Записала в декабре 1963 г. Москва

Об акмеизме (продолжение)

...Гум<илев> имел намерение опереться на Брю<сов> сова, кот<орый> вел систематическую борьбу с «Орами», — т.е. Вячеславом Ивановым⁺. Вместо этого Брюсов стал бешено защищать символизм, кот<орый> он

⁺ См. Мочульский «Валерий Брюсов», стр. ...

сам только что объявлял конченным, а манифест Гумилева назвал опоздавшим на два года документом, к тому же еще списанным с «Заветов символизма» Вячеслава Иванова. Что могло быть убийственнее!

Как известно, манифест Г<умиле>ва вызвал мощную бурю протестов, негодования, издевательства. Мы стали настоящими «*poètes maudits*»*. Отчего же, спрашивается, «Заветы символизма» прошли совершенно незамеченными. А дело в том, что опытный литературный политик Б<рюс>ов стал бить из тяжелых, как скакали б на фронте.

Милый, но наивный Мочульский многого недопонял в Брюсове.

В<алерий> Я<ковлевич> принадлежал к тем [поэтам] мыслителям (таков был и Пастернак), кот<орые> считают, что на страну довольно одного поэта и этот поэт — это сам мыслитель.

В данном случае, примеряя маски, Брюсов решил, что ему (т.е. единственно истинному и Первому поэту) больше всего идет личина ученого нео-классика.

Акмеисты все испортили, — приходилось вместо покойного кресла дневного ясного нео-классика (т.е. как бы Пушкина XX в.) опять облекаться в мантию мага, колдуна, заклинателя, и со всей свойственной ему яростью, грубостью и непримиримостью Брюсов бросился на акмеистов.

А Белый еще лучше! — Он просто придумал, что дал <название?>.

Я отчетливо помню то собрание Цеха (осень 1911, у нас, в Царском), когда было решено отмежеваться от

* Проклятые поэты (фр.).

символистов, с верхней полки достали греческий словарь (не Шульца ли!) и там отыскиали — цветение, вершину. Меня, всегда отличавшейся хорошей памятью, просили запомнить этот день. (Записать никому не приходило в голову). Что, как видите, я и сделала... Из свидетелей этой сцены жив лишь один Зенкевич. (Городецкий хуже, чем мертв).

...Стихи Нелли, как брюсовская реакция на успех моих ранних стихов. Когда просиял Пастернак, Б<рюсов>, как известно, стал подражать ему. На вечере женской поэзии Б<рюсов> выступил против меня, — очевидно, в честь Адалис (см. воспоминания Цветаевой). Затем объявил Адалис нео-акмеисткой, как бы перешагнув через нас и объявив совершенно конченными».

«В ДЕСЯТОМ ГОДУ»

Всем, в особенности за границей, хочется, чтобы
<27> меня «открыл» Вячеслав Иванов. Кто отец этой легенды — не знаю. М.б., Пяст, который бывал на «башне» (см. «Встречи»...)

А в самом деле было так: Н.С. Гумилев после нашего возвращения из Парижа (летом 1910 г.) повез меня к Вяч. Иванову, он действительно спросил меня, не пишу ли я стихи (мы были в комнате втроем), и я прочла: «И когда друг друга проклинали» (1909. Киевская тетрадь) и еще что-то (кажется: «Пришли и сказали»), и Вяч<еслав> очень равнодушно и [иронично] насмешливо [сказал] произнес: «Какой густой романтизм!» Я тогда до конца не поняла его иронии. Осенью Н<иколай> С<тепанович>, успев снискать вечную немилость

Иванова рецензией на «Cor ardens» (см. «Аполлон» № ... и письмо Иванова Гумилеву), уехал на полг<о-да> в Африку, в Аддис-Абебу. Вяч<еслав> встретил меня на Раевских курсах, где он читал лекции, и пригласил на «Понедельники» (уже не «Среды»). Там я действительно несколько раз читала стихи, и он действительно их хвалил, но их тогда уже хвалили все (Толстой, Маковский, Чулков и т.п.), они <были> приняты в «Аполл<он>» и напечата<ны>, а тот же Иванов лицемерно посылал меня к Э. Гиппиус. Александра Николаевна Чеботаревская увела меня в соседнюю комнату и сказала: «Не ходите к ней. Она злая и вас очень обидит». Я ответила: «А я и <не> собираюсь к ней идти». Кроме того, Вяч<еслав> И<ванов> очень уговаривал меня бросить Г<умиле>ва. Помню его слова: «Этим вы его сделаете человеком». О том, как он tête à tête плакал над стихами, потом выводил в «салон» и там ругал довольно едко, я так часто и давно рассказыва<ю>, что скучно записывать.

Вячеслав был не Великолепный и не Таврический (это он сам себе придумал), а «ловец человеков», и лучше всех о нем написал Бердяев. (Автобиография.) Н.В. Н<едоброво>, который был на башне в неизменном фаворе, и Блок, которого Вяч<еслав> в глаза называл соловьем, — оба знали о нем очень много и не верили ни единому его слову. Нынешняя молодежь, т.е. уже настоящие потомки, читают «Cor ardens», недоумевают и говорят: «Плохой Бальмонт».

Каким «хотел» казаться Вячеслав Иванов, может узнать всякий, кто потрудится прочесть о нем в антологии Эйнауди, где он, кстати сказать, помещен первым (Блок — вторым).

Нас (тогдашнюю молодежь) забавляло, как этого совершенно здорового 44-лет<него> человека, кот<о-рому> предстояло прожить до 1949 г., холили седые дамы, и М.М. Замятина сбегала с «башни», чтобы пледом укутать ноги Учителя (в апреле месяце), кот<орый> ехал со мной на Мойку — в Академию. Он «играл» кого-то, кто никогда не существовал и, по-моему, не должен был существовать. Мне особенно была неприятна «игра» в «однолюба», как он любил себя именовать, потому что я жалела и любила бедную Веру.

То, что рассказывал об его семейных «забавах» Х. — ужасно. «Покойницу в доме» Кузмина — не читала.

РАЗЪЯСНЕНИЕ ОДНОГО НЕДОРАЗУМЕНИЯ

Теперь настает очередь Маковского. Сейчас прочла <28> у Др<айвера> (стр. 71), что они, Маковские, почему-то стали моими конфид<ентами>, и против воли Гумилева Сер<гей> Конст<антинович> напечатал мои стихи в «Аполлоне» (1911). Я не позволю оскорблять трагическую тень поэта нелепой и шутовской болтовней, и да будет стыдно тем, кто напечатал этот вздор.

Вначале я действительно писала очень беспомощные стихи, что Н<иколай> С<тепанович> и не думал от меня скрывать. Он действительно советовал мне заняться каким-нибудь другим видом искусства, напр<имер>, танцами. («Ты такая гибкая».) Осенью 1910 г. Гум<илев> уехал в Аддис-Абебу. Я осталась одна в гумилевском доме (Бульварная, д<ом> Георгиевского), как всегда, много читала, часто ездила в Петербург (главным образом к Вале Срезневской, тогда еще Тюльпано-

вой), побывала у мамы в Киеве, и сходила с ума от «Кипарисового ларца». Стихи шли ровной волной, до этого ничего похожего не было. Я искала, находила, теряла. Чувствовала (довольно смутно), что начинает удаваться. А тут и хвалить начали. А вы знаете, как умели хвалить на Парнасе серебряного века! На эти бешеные и бесстыдные похвалы я довольно кокетливо отвечала «А вот моему мужу не нравится». Это запоминали, раздували, наконец, это попало в чьи-то мемуары, а через полв<ека> из этого возникла гадкая злая сплетня, преследующая «благородную цель» — изобразить Гумилева не то низким завистником, не то человеком, ничего не понимающим в поэзии. «Башня» ликовала.

Продолжение

...«Башня» — ликовала.

25 марта 1911 г. (Благовещение ст<арого> стиля) Гумилев вернулся из своего путешествия в Африку (Аддис-Абеба). В нашей первой беседе он, между прочим, спросил меня: «А стихи ты писала?» Я, тайно ликуя, ответила: «Да». Он попросил почитать, прослушал несколько стихотворений и сказал: «Ты поэт — надо делать книгу». Вскоре были стихи в «Аполлоне» (1911, № 4, стр. ...).

Окончание

Вернувшись в Царское Село, Коля написал мне два акростиha (они в моем альбоме) — «Ангел лег у края небосклона» и «Аддис-Абеба — город роз». В те же дни он сочинил за моим столиком «Из города Киева» — полухушка, полустрашная правда. Снова признание своего бессилья в нашей вечной борьбе, о кот<ором> столько говорится в прошлых стихах. (...«и оставался хром, как

Иаков».) Я сейчас записала про акrostихи, потому что, кажется, забыла показать их Аманде и даже не помню, датированы ли они в моем альбоме. Замечание, что Гумилеву разонравились мои стихи, вызывает некоторое недоумение.

По тогдашним правилам поведения ему совсем не подобало печатно хвалить стихи своей жены. Это теперь Арагон всех растлил, да и я бы этого не потерпела⁺. Довольно того, что он сочувственно отозвался о «Четках» (1914, «Ап<оллон>», № <5. С. 36—38>).

Как всегда бывало в моей жизни, случилось то, чего <29> я больше всего боялась. Бульварные, подтасованные, продажные и просто глупые мемуары попали в научные работы. Первый попался на эту удочку Бруно Карневали (Падуанский сборник — предисловие), но он сравнительно легко отделался.

Второй жертвой стал С. Драйвер. Его случай тяжелее. Из-за этого вся его работа не может приобрести нужный тон. Вначале он говорит, что его объект — *легендарен*, а затем подробно рассказывает, как какую-то унылую молчаливую женщину постепенно бросает ее совершенно несимпатичный муж.

Все это должна написать Аманта Хейт или ее руководительница Mrs. Levenson (Лонд<онский> университет) (Дончин).

⁺ Однако, в ненапечат<анн>ом <письме> в издании Г. Иван<ова> «Писем» [кажется] есть мое имя. Там Гум<илев> поругивает Жоржика, а тот счел за благо воздержаться от включения его в редак<тированный> им сборник.

С 1904 г. — по 1910 (начиная с «Русалки») можно проследить наши отношения, зафиксированные в «Трудах и днях» и абсолютно неизвестные «мемуаристкам» типа Неведомской и А.А. Гумилевой, и вообще моим биографам.

Нельзя просто сказать — напечатал «Ром<антические> цветы» и посвятил их Ахматовой и точка, в то время как это почти поэтизирован<ая> история его любви (ей же посвяще<ны> «Радости земной любви»), его отчаяния, его ревности... (см. А.Н. Т<олстой> о самоуб<ийстве>).

Тема музыкально растет, вытекает в «Жемчуга» и расплавляется в «Чужом небе». А Вера Алексеевна усмотрела «И тая в глазах злое торжество», а здесь и [покоритель] заклинатель (заветная тема покорения природы), и тот, кто говорит: «Зверь тот свернулся у вашей кровати». Она хихикает от колдуньи «из г<орода> Киева», не понимая, что в то же время (1911 г.) написаны — «Она» и «Нет тебя» (1910. Париж).

(На его путеш<ествия> можно пожертвовать один абзац) (о том, куда я ездила, нет ни слова, напр<имер>, в Париж в 1911 г., в Киев — к маме много раз, в Крым (юго-зап<адный>) в 1916.

Советую вместо кусков перепутан<ной> биографии Г<умиле>ва написать самым подробнейшим образом, каким он был для молодежи и даже <в> 30-е годы, и удивительно, что поэт, влиявш<ий> на целые поколения после своей смерти, не оказал ни малейшего влияния на девочку, которая была с ним рядом и к которой он был привязан так долго огромной трагической любовью (а м.б., именно потому). Это сократит работу переписывания Струве и придаст неожид<анный> интерес да еще

покажет, какой заряд творческ<ой> энергии был заложен в эту душу. Вот эта тема, над которой стоит поработать, но не стоит походя называть Гумилева учеником Брюсова и подражателем Леконт де Лиля и Эредиа. Это неверно, тысячу раз сказано, затрогано такими ручками! Дешево, вульгарно и к теме дис<сертации> (Ах<матова>) не имеет никакого отношения. Лучше скажем, что Г<умиле>в поэт, еще не прочитанный, и человек, еще не понятый. Теперь уже кто-то начинает догадываться, что автор «Огн<енного> столпа» был визионер, пророк, фантаст. Его бешеное влияние на современную молодежь (в то время как Брюсов хуже, чем забыт).

Описать 1924 <год>. «Русский современник. Москва. 2 вечера. «Новогодняя бал<лада>». I-ое пост<ановление>.

Иначе при первом прикосновении к биограф<афии> Г<умиле>ва живых рук все мгновенно превратится в кучу зловонного мусора. Нап<ример>, новелла Неведомской о «Сельском цирке» или ее наглое улюлюканье по поводу его неумения ездить верхом. Во-первых, это не имеет ни малейшего отношения к теме дис<сертации>, т.е. <к> Ахматовой, во-вторых, так, вероятно, было в 1912 г. (послед<нее> слепневское лето Гумилева), и поэтому вовсе не обязательно быть жокеем, а кроме того, надо думать, что этому искусству Г<умиле>в все же несколько подучился через два года в маршевом эскадроне лейб-гвардии уланского полка, в деревне Наволоки около Новгорода (куда я к нему ездила), потому что второй Георгий он получил за нечто, совершенное в строю, и дни и ночи проводил в седле. Даже дома во сне страшным голосом кричал: «По коням». Можно себе представить, что ему снилось.

Мой совет: убрать какую-то побочную ублюдочную биографию Г<умиле>ва, заменить ее моей (по возможности). М.б., даже стоит дожидаться опуса Хейт — Левенсон, кот<орый> должен дать гигантский материал, кот<орый> с легкостью уничтожит работу С. Драйвера, бред Маковского, вранье Г. Иванова и меццанские сплетни старушек. Им и в голову не приходит, что никакой seclusion after the «tragic events»* не было. Печатались стихи всюду и книги. Стала членом Правления Дом<а> иск<усств> и Дома лит<ераторов>. Наоборот, я именно тогда и возникла (выступления, журналы, альманахи), потому что рассталась с Вл<адимиром> Каз<имировичем> Ш<илейко>. Это он, одержимый своей сатанинской ревностью, не пускал меня никуда. Я оставила его навсегда весной 1921 и летом написала большой цикл стихов («Путник милый» — «Заплаканная осень» 15 сент<ября>), из кот<орых> возник сборник «Anno Domini».

Не скажу, чтобы было особенно приятно видеть себя и Колю глазами мелкого жулика Г. Иванова, абсолютно впавшего в детство, [но почему-то] злобствующего, умирающего от зависти С. Маковского и убогих, и меццанских сплетниц, вроде Веры Неведомской (с кот<орой> Гум<илев> был мельком в связ<и>), и А.А. Гумилевой-Фрейганг, с которой Коля слова не сказал. (Когда Митя шел на войну, А<нна> А<ндреевна> потребовала у него завещания в ее пользу (?)). Коля сказал: «Я не хочу, чтобы мамины деньги (братья были не деленные) Аня употребила на устройство публ<ичного> дома».

Кроме всего прочего, все эти персонажи были совершенно чужды нашей жизни, ничего в ней не понима-

* Уединение после «трагических событий» (англ.).

ли, хотят заработать на этом деле какие-то деньги или имя.

Критика источников в современном литературоведении — насущная задача (знаю по пушкиноведению).

Одна зависть — самая слепотствующая из страстей, какие се деяния, страшно подумать!

Надо сказать, что С. Драйвер попал во все подставленные западни — не пропустил ни одной. Нигде не усомнился — поверил всем.

К библиографии тоже стоит отнестись иначе. Напр<имер>, Шагинян — только дневник (1923), а что она писала раньше!

А я, наконец, не согласна! Я не хочу, чтобы мне подсовывали какую-то чужую и мне отвратительную жизнь и старались уверить меня, что я ее прожила, а она просто — плод воображения 5—6-ти каких-то подозрительных личностей (в основном выживших из ума).

А еще, милый Сэм, нельзя говорить, что меня взрастили какие-то «петерб<ургские> салоны», между тем, как я попала в эти салоны со стихами, которые создали мою известность. (Стихи зимы 1910—1911 г.)

Цитаты.

Меня не печатали 25 лет. (С 25 до 40 и с 46 по 56). Это отнюдь не значит, что я не писала 25 лет. Во второй антракт я писала «Поэму без Героя», в первый — «Реквием» (1935—1940), «Русский Трианон» (уцелели отрывки) и ряд не самих моих дурных стихотворений. Вы говорите, что кончается 22 годом. Добро вам, но «Лотова жена» и «Муза» — 1924, «Последний тост» — 1934 и т.д., и «Если плещется», 1 дек<абря> 1928 г.

Всем, что я сегодня (18 мая 1965, Комарово) здесь пишу, я меньше всего хочу оправдаться. Я, может быть, скажу о себе нечто во много раз худшее, чем все они, но это будет по крайней мере — правда.

Нашу переписку (сотни писем и десятки telegrammes) мы сожгли, когда женились, уже тогда понимая, что это не должно существовать.

На фото надпись из «Fleurs du Mal»*:

Mais brulé par l'amour du beau
Je n'aurai pas l'honneur sublime
De donner mon nom à l'abîme
Qui me servira de tombeau.

(«La plainte d'un Icare» **)

Надпись на этой книге:

«Лебедю из лебедей — путь к его озеру».

Посвящение мне, А.А. Г<оренко> — «Русалки» 1903. Автограф, каким-то чудом уцелевший у меня, — могу прислать вам фото, так же как надпись на парижских «Романтических цветах». Мой экземпляр на *papier japon**** или что-то в этом роде, — единственный в мире.

Вот и все. Подумайте — нет ни обиженной талантливой девочки, ни мужа-тирана, ни конфиденнта — Маковского.

* «Цветы зла» (фр.).

** В мечту влюбленный, я сгораю,
Повергнут в бездну взмахом крылий,
Но имя славного могиле,
Как ты, Икар, не подарю!

«Жалоба Икара» (фр.).

*** Японская бумага (фр.).

О моей роли в зарождении акмеизма здесь говорить неуместно.

14-ое, дома

ДЛЯ АМАНДЫ

Примечание № 1

Взять цитату из письма Гум<илева> к Сол<огу-
<30> бу> (с фронта).

Во-первых, там находим растроение себя, столь характерное для Гумилева: поэт — воин — путешественник, причем он явно отдает предпочтение двум последним. Ср<авнить> одно из [последних] поздних и замечательнейших стихотворений Г<умиле>ва «Память» (цитаты), а также его парижский портрет-триптих. (Гончарова.) А еще в 13 г. «Пятистоп<ные> ямбы», где то же построение.

Во-вторых, в этом письме Гумилев совершенно недвусмысленно говорит о своей горькой литературной судьбе. Добро Глебу Струве утверждать, что Г<умиле>в прославился после «Жемчугов» (1910) и его (Глебины) товарищи по ком<мерческому> училищу зачитывались «Капитанами». Сам поэт прекрасно знал, что такое лит<ературный> успех и еще лучше знал, что успеха не имел. В 1918 г. он писал Лоз<инскому> из Лонд<она>, чтобы тот купил его книги (кажется, «Чуж<ое> небо», П., 1912) и послал ему, уверенный, что их можно достать в любой кн<ижной> лавке.

И не только от несчастной любви (как мы видели выше), но и от литературных неудач и огорчений Гумилев лечился путешествиями.

К сожалению, даже такие явные вещи недоступны для наших исследователей, а все-таки, когда пишешь о стихах, следует заниматься и столь элементарным их подтекстом, а не только тупо повторять, что Г<умиле>в ученик Брюсова и подражатель де Лиля и Эредиа. Дело в том, что и поэзия, и любовь были для Гумилева всегда трагедией. Оттого и «Волшебная скрипка» перерастает в «Гондлу». Оттого и бесчисленное количество любовных стихов кончается гибелью (почти все «Ром<антические> цветы»), а война была для него почти эпосом, Гомером, и когда он шел в тюрьму, то взял с собой [Гомера] «Иллиаду». А путешествия были вообще превыше всего и лекарством от всех недугов («Эзбекие», цитата). И все же в них он как будто теряет веру (временно, конечно). Сколько раз он говорил мне о той «золотой двери», которая должна открыться перед ним где-то в недрах его блужданий, а когда вернулся в 1913, признался, что «золотой двери» нет. (См. «Пятист<опные> ямбы».) Это было страшным ударом для него.

Примечание № 2

Он так любил «У самого моря», что просил меня посвятить ему эту поэму.

Примечание № 3

Могло бы называться — «На ком женился Гумилев» или «За кого вышла замуж Ахматова».

...

По мнению одних (Di Sarra) — модная петербургск<ая> поэтесса, хозяйка великолепного салона на Фонтанке, вышла замуж в 1910 за путешественника, поэта и искусного организатора литературных групп. (См. Мо-

чульск<ий> «Андрей Белый».) По мнению других (Глеб Струве), уже знаменитый после «Жемчугов» Н. Гумилев женился в Киеве на дочери отс<тавного> инж<енера> -мех<аника> флота А. Горенко. Еще: Гум<илев>, глава акм<еистов>, открывает Ахм<атову> (нем<ецкая> цитата). (И такое приходится читать чуть не каждый день⁺.) Некоторые прибавляют: которую он встречал [уже] еще в Царском Селе.

Разумеется, из этих двух страниц, которые я написала сегодня, можно сделать не очень тонкую книжку, но это я предоставляю другим, напр<имер>, авторам диссертаций о Гумилеве, кот<орые> до сих пор пробавляются разговорами об ученичестве у Брюсова и подража<нии> Леконт де Лилу и Эредиа.

И где это они видели, чтобы поэт с таким плачевным прошлым стал автором «Памяти», «Шестого чувства» и «Заблудившегося трамвая», тончайшим ценителем стихов («Письма о русской поэзии») и неизменным best seller'ом, т.е. его книги стоят дороже всех остальных книг, их труднее всего достать. И дело вовсе не в том, что он запрещен — мало ли кто запрещен. По моему глубокому убеждению, Г<умилев> — поэт, еще не прочитанный и по какому-то странному недоразум<ению> оставшийся автором «Капитанов» (1909 г.), которых он сам, к слову сказать, — ненавидел.

⁺ ...del salotto letterario ch'essa teneva sulla Fontanka a Pietroburgo... a veva sposato nel 1910 N.C. que eccelleva come viaggiatore fantastico come poeta ed abite organisatore di gruppi letterari*.

* ...литературного салона (кружка), находившегося на Фонтапке в Петербурге... Женились в 1910. Н<иколай> Г<умилев> был знаменит как фантастический путешественник, как поэт и как основатель литературной группы (направления) (ит.).

Разочарование в войне Г<умиле> в тоже перенес, и очень горькое:

До чего безобразные трупы
На лугах венценосной весны.
(«Гондла», 1916?)

Но потом (1921) он любил вспоминать себя солдатом:

«И святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.»
(«Память»)

И в «Пятистопных <ямбах> и в «Памяти» последнюю полную гармонию несет только религия. (Цитаты).

2 июня 1965

Лондон

<31>

1. Кем нельзя пользоваться как источником (С. Маковский, Страховский, Г. Иванов, Гумилева-Фрейганг, Вера Неведомская, Оцуп, Вс<еволад> Рождествен<енский>) и все соученицы.

2. Итак, найти и выбрать узкую тему.

3. Разрушить легенду о 18 годах молчания⁺ (R<е-quiet>) 1935—1940, что в 10-ых <годах> большая изв<естность>, чем теперь, и о том, что В. Иванов открыл и т.д. Показать книги переводов.

4. [Все] Вздор о Гумилеве не заменяет мою биографию.

⁺ «Муза», «Лотова жена» — 1924, «Когда я ...» — 1928 (1 дек<абря>).

ПСЕВДОМЕМУАРИИ

Современное литературоведение невозможно без
<32> критики источников. Пора научиться отличать маразматический (Мако) и злопыхательский (Неведомская) бред от добросовестной работы памяти. По обстоятельствам XX в. огромное количество людей остались совершенно без архивов и прекрасно научились без них обходиться. Еще Руссо говорил: «Я лгу только там, где не помню».

В 1924 три раза подряд видела во сне Х. — 6 лет
<33> собирала «Труды и дни» и другой матрениал: письма, черновики, воспоминания. В общем сделала для его памяти все, что можно. Поразительно, что больше никто им не занимался. Так и называемые ученики вели себя позорно. Роль Георгия Иванова. За границей они все от него отреклись.

<1965>

ИЗ «БЕГЛЫХ ЗАМЕТОК»

ТРАГЕДИЯ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО

В связи с тем, что я писала статью «Последняя трагедия Анненского», мне было необходимо поговорить об Ин<нокептии> Ф<едоровиче> с двумя людьми: с Пастернаком и с Мандельштамом.

С Пастерн<аком> я говорила осенью 1935 г., в ту ночь, когда я случайно попала к ним, в полном беспмятстве бродя по Москве. Борис Леонидович со свойственным ему красноречием ухватился за эту тему и категорически утверждал, что Анненский сыграл большую роль в его [жизни] творчестве. К сожалению, я не помню точно его слова — а импровизировать чужие речи никогда не буду.

С Осипом я говорила об Анненс<ком> несколько раз. И он говорил об Анненском с неизменным пиететом. Знала ли Анненского М. Цветаева, не знаю. Любовь и преклонение перед Учителем и в стихах и в прозе Гумилева. Меж тем, как Бальмонт и Брюсов сами завершили ими же начатое (хотя еще долго смущали провинциальных графоманов), дело Анненского ожило с страшной силой в следующем поколении. И, если бы он так рано не умер, мог бы видеть свои ливни, хлещущие на страницах книг Б. Пастернака, свое полузаумное «Деду Лиду ладили...» у Хлебникова, своего расешника (шарики) у Маяковского и т.д.

Я не хочу сказать этим, что все подражали ему. Но он шел одновременно по стольким дорогам! Он нес в себе столько нового, что все новаторы оказывались ему сродни. Те же два были фейерверками местного значения. Прошу не путать с Блоком, у которого тоже не было продолжателя и от которого ничто не пошло, но это надо сравнивать с судьбой Пушкина. (См. мою работу об «Евг<ении> Онегине» и русской поэме.)

Интонация «Онегина» — была [гибельна] смертельна для русской поэмы. Начиная с «Бала» Баратынского до «Возмездия» Блока, «Онегин» систематически губил русскую поэму (хороша только доонегинская...). Потому и прекрасен «Мороз, Красный нос», что там «Онегин» и не ночевал. Следующий за Некрасовым был прямо Маяковский и «Двенадцать» Блока.

<До 14 января 1963>

Он если бы он так рано не умир-
 мог бы видеть свои любимые
 картины на страницах книги
 Б. Пастернака, ^{та. изданием} свое! Видеть бы
 картины... у Кустодиева,
 своего родственника (мариниста)
 у Савицкого и т. д.
 А не могу сказать точно, что все
 подражания ему. Но он шел
 долго времени по своим
 дорогам! — Он не в себе, стою
 нового, что все новаторы скажут
 ему ородни. Это же два разных
 направления местного значения.
 Промы не путать с Блок, у
 которого бы же не было предостере-
 жения от которого никто не пошел, но
 это надо сравнивать с судьбой
 Пушкина (см. мою работу об «Евг.
 Онегине» и русской поэзии).

ПАСТЕРНАК

1960 г. 15 мая

Москва

Сейчас звонили, что Пастернаку очень плохо. По-
 <1> ложение угрожающее, — боюсь, что меня готовят к его
 концу. Маруся сказала, что он плакал, когда ему сказа-
 ли, что я приезжала узнать о его здоровье. Переделкино
 показалось мне очень мрачным и даже невзрачным, не-
 смотря на великолепную весну, которая так поразила меня
 в Коломенском (там чуть не накануне божественно пах-
 ло травой и водой).

А здесь, казалось, со всего был снят какой-то не-
 зримый покров и все стало плоским и низменным.

Таким же я в этом году увидела Ц<арское> С<е-
 ло> (еще хуже).

<До 13 марта 1961>

Я сказала Пастернаку: «Вы должны написать Фа-
 <2> уста». Он смутился: «Т.е. как? — Перевести?» — «Нет,
 написать своего». Не оттуда ли слово доктор при Жи-
 ваго?

...

«Второе рождение» заканчивает первый период лирики. Очевидно, дальше пути не было. (К тому же «грудная клетка», дамская доля и т.д.) Наступает долгий (10 лет) и мучительный антракт, когда он действительно не может написать ни одной строчки. Это уже у меня на глазах. Так и слышу его растерянную интонацию: «Что это со мной?!» Появилась дача (Переделкино) сначала летняя, потом и зимняя. Он, в сущности, навсегда покидает город. Там, в Подмосковии, — встреча с *Природой*. Природа всю жизнь была его единственной полноправной музой, его тайной собеседницей, его невестой и Возлюбленной, его Женой и Вдовой — она была ему тем же, чем была Россия — Блоку. Он остался ей верен до конца, и она по-царски награждала его. Удушье кончилось. В июне 1941 г., когда я приехала в Москву, он сказал мне по телефону: «Я написал 9 стихотворений. Сейчас приду читать». И пришел. Сказал: «Это только начало — я распишусь».

1 дек<абр> 1961.

Больница

Я сейчас поняла в Паст<ернаке> самое страшное: <3> он никогда ничего не вспоминает. Во всем цикле «Когда разгуляется» он, уже совсем старей человек, ни разу ничего не вспоминает: ни родных, ни любовь, ни юность. (Провалы неписания у Пастернака — просто ужасны. Я была свидетельницей одного такого провала (1932—1941)⁺. Другой — мнимый. 44—56. Это время стихов из «Живаго» (Еванг<ельский> цикл и др.).

⁺ К тому же еще в дек<абре> 35 г. Стихи Сталину (Поступок ростом в шар земной), напечатанные в «Известиях».

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

От Р. Я<кобсона> 1962, дек<абрь>

НЕЧТО ИЗ ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Р<оман> Я<кобсон> сказал мне, что ему извест-
<1> на вся трагедия Маяк<овского>, потому что Вероника
Витольдовна Полонская поведала ее Е.И. Замятину, а
Замятин в свою очередь передал ее тогда же, т.е. в 1931 г.,
самому Я<кобсону>.

Поэтому в том, что говорила Нина и я, нет для него
ничего нового и он почти отказался прочитать мемуары
Вероники.

Все это произвело на меня довольно странное впечатление. Я сразу поняла, что [произошло] случилось какое-то недоразумение, и вдруг догадалась, что в самом деле произошло: Замятин «дружил» с Мусей Малаховской (ей было поручено за ним следить)⁺. И не только Якобсону, но и мне рассказывал Мусину версию гибели Маяковского.

⁺ Узнала от В. Щег<олевой>, кот<орая> слышала, что говорила Муся Павлу Елисеевичу.

Якобсон (в 1931 г.) узнал от Замятина эту новеллу, рассказанную молодой красавицей, с кот<орой> жил Маяковский. Якобсон начисто забыл ее фамилию, а потом стал думать, что это и была Полонская. Для него ведь существовала только другая «пара» маяковских дам: Лиля и Яковлева, и сделать из Муси и Норы одно существо было проще простого.

Я позвонила Полонской. Она твердо и уверенно сказала, что *никогда* не была знакома с Евгением Ивановичем Замятиным. Я, по правде сказать, не ждала ничего другого.

Вывод таков: у Маяковского был роман и с Мусей, чего, естественно, не знала Нора, — Якобсон не особенно внимательно относится к своему герою (и своему alter ego*).

Ш<кловский> сегодня (8 марта) говорил: «М<а-
<2> яковский?» был скандалистом, а вокруг него все было тихо и спокойно, вы — тишайшая раз и навсегда, спокойная, сдержанная. А вокруг вас (т.е. ваших стихов) неумолкающий бешеный дьящийся десятилетиями — скандал с желтой прессой, милицией, пожарными, чуть не с войсками. В чем же дело? Что все это значит? И с-тихи ваши такие же тихие, бесшумные, спокойные и дру-зья тихие.

А кругом вопли, драки, безобразие...»

(Ночь, Ленинград)

* Второе я (лат.).

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Марина ушла в заумь. См. «Поэму воздуха». Ей
 <1> стало тесно в рамках Поэзии. Она dolphinlike*, как гово-
 рит у Шекспира Клеопатра об Антонии. Ей было мало
 одной стихии, и она удалилась в другую или в другие.
 Пастернак наоборот: он вернулся (1941 году. Передел-
 кинский цикл) из своей пастернаковской зауми в рамки
 обычной (если поэзия может быть обычной) Поэзии.
 Сложнее и таинственней был путь Мандельштама.

1959

Здесьшний вечер, или Два дня (о Марине Цветаевой)

Марина подарила мне:

- <2> 1. Свою детскую *шкатулочку* (я отдала Берггольц).
 2. *Брошку* (см. ее фотографию), кот<орую> я раз-
 била о пол Мар<инского> театра.

* Подобна дельфину (англ.).

3. Синюю шелковую шаль, кот<орой> я прикрывала мое тогдашнее рубище («лохмотья сиротства») — см. фотографию Наппельбаума 1921 г. Магом<етанские> четки — освящ<енные> в Мекке.

4. Московский Кремль, с кот<орым> я, по правде сказать, не знала что делать.

5. Переписала своей рукой «Поэму воздуха» (в 1941 г.) и щедро посвящала стихи.

Наша первая и последняя двухдневная встреча произошла в июне 1941 г. на Большой Ордынке, 17, в квартире Ардовых (день первый) и в Марьиной Роще у Н.И. Харджиева (день второй и последн<ий>). Страшно подумать, как бы описала эти встречи сама Марина, если бы она осталась жива, а я бы умерла 31 авг<уста> 41 г.

Это была бы «благоуханная легенда», как говорили наши деды. Может быть, это было бы причитание по 25-лет<ней> любви, кот<орая> оказалась напрасной, но во всяком случае это было бы великолепно.

Сейчас, когда она вернулась в свою Москву такой королевой и уже навсегда (не так, как та, с кот<орой> она любила сравнивать, т.е. с арапчонком и обезьянкой в французском платье, т.е. décolleté gorge*), мне хочется просто, «без легенды», вспомнить эти Два дня.

В театре со мной была Эмма. Э<мма> приезжает к Н<иколаю> И<вановичу>. Там хозяин, Гриц, Марина, я. Все идет к концу. М<арина>, стоя, рассказыв<ает>, как Пастернак искал шубу для Зины и не знал ее размеры, и <с>просил <у> Марины, и сказал: «У тебя нет ее прекрасной груди».

* Глубокое декольте (фр.).

Про Бальмонта — он получил деньги, и жена Б<альмонта> в ресторане жалостно прижимала сумочку к груди.

Мы вышли вместе — театр был совсем близко. Светлый летний вечер. Человек, стоявший против двери (но, как всегда, спиной), медленно пошел за нами. Я подумала: «За мной или за ней?»

PRO DOMO SUA

~ ~ ~

<1> В первый раз я стала писать свою биографию, когда мне было одиннадцать лет, в разлинованной красным маминой книжке, для записывания хозяйственных расходов (1900 г.). Когда я показала свои записи старшим, они сказали, что я помню себя чуть ли не двухлетним ребенком (Павловский парк, щенок Ральф и т.п.).

~ ~ ~

<2> Биографию я принималась писать несколько раз, но, как говорится, с переменным успехом. Последний раз это было в 1946 году. Ее единственным читателем оказался следователь, который пришел арестовывать моего сына, а заодно сделал обыск и в моей комнате (6 ноября 1949). На другой день я сожгла рукопись вместе со всем моим архивом. Она, насколько помню, была не очень подробной, но там были мои впечатления 1944 года — «Послеблокадный Ленинград», «Три сирени» — о Царском Селе и описание поездки в конце июля в Териоки — на фронт, чтобы читать стихи бойцам. А также «Царь-Гриб» (Гунгербург, 1895), «Мишка — будка, морда — окошко» (Киев, 1893). Их мне теперь трудно восстановить. Остальное же настолько окаменело в памяти, что исчезнет только со мною вместе.

<1957>

В первый раз я написала несколько страничек про-
 <3> зой в 1944, вернувшись из Ташкента. Страшный при-
 зрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня,
 что я не удержалась и описала эту мою с ним встречу:

(«Столицей распятой иду я домой»).

Тогда же возникли «Три сирени» и «В гостях у смер-
 ти». (Это как я ездила читать стихи раненым на фронт в
 Териоки).

Все убедительно и неожиданно хвалили меня, но я,
 конечно, не верила ни одному их слову. Позвала Зощен-
 ку. Он велел убрать грибоедовскую цитату («Рассудку
 вопреки...») и еще одно слово и сказал, что с остальным
 согласен. Я была рада. Потом, после ареста Левы
 (6 ноября 1949 г.), вместе со всем архивом — все сожгла.

<1957>

Начинать совершенно все равно с чего: с середины,
 <4> с конца или с начала. Я вот, например, хочу сейчас на-
 чать с того, что эти зеленые домики с застекленными тер-
 расами (в одном из них я живу) непрерывно стояли пе-
 ред моими закрытыми глазами в 1951 году в Пятой Со-
 ветской больнице (Москва), когда я лежала после ин-
 фаркта и, вероятно, находилась под действием пантопо-
 на. Дома эти тогда еще не существовали — их построили
 в 1955 году, но когда я их увидела, я тотчас припомнила,
 где видела их раньше. Оттого я и написала в «Эпилоге»:

Живу, как в чужом мне приснившемся доме,
 Где, может быть, умерла...

Кстати о бреде. Во время тифа в Ташкенте, в 1942 году круглоголовый человек без лица сел на стул около моей кровати и рассказал мне все, что случится со мной, когда я вернусь в Ленинград. Запись его рассказа я сожгла вместе со всей остальной прозой того времени...

<1957>

И кто бы поверил, что я задумана так надолго, и <5> почему я этого не знала. Память обострилась невероятно. Прошное обступает меня и требует чего-то. Чего? Милые тени отдаленного прошлого почти говорят со мной. Может быть, это для них последний случай, когда блаженство, которое люди зовут забвением, может миновать их. Откуда-то выплывают слова, сказанные полвека тому назад и о которых я все пятьдесят лет ни разу не вспомнила. Странно было бы объяснить все это только моим летним одиночеством и близостью к природе, которая давно напоминает мне только о смерти...

Теперь, когда все позади — даже старость, и остались только дряхлость и смерть, оказывается, все как-то почти мучительно проясняется — (как в первые осенние дни) — люди, события, собственные поступки, целые периоды жизни. И столько горьких и даже страшных чувств.

Непременно, 9 января и Цусима — потрясение на <6> всю жизнь, и так как первое, то особенно страшное.

(БУДКА)

Начало

<7> Я родилась в один год с Чарли Чаплином и «Крейцеровой сонатой» Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом! В это лето Париж праздновал столетие падения Бастилии — 1889. В ночь моего рождения справлялась и справляется знаменитая древняя «Иванова ночь» — 23 июня (Midsummer Night).

Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой. Ее мать была (чингизидкой) татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собираюсь быть русским поэтом, я сделала своим лит<ературным> именем. Родилась я на даче Саракини (Большой Фонтан, 11-ая станция паровичка) около Одессы. Дачка эта (вернее, избушка) стояла в глубине очень узкого и идущего вниз участка земли — рядом с почтой. Морской берег там крутой, и рельсы паровичка шли по самому краю.

Когда мне было 15 лет, и мы жили на даче в Лустдорфе, проезжая как-то мимо этого места, мама предложила мне сойти и посмотреть на дачу Саракини, которую я прежде не видела. У входа в избушку я сказала: «Здесь когда-нибудь будет мемориальная доска». Я не была тщеславна. Это была просто глупая шутка. Мама огорчилась. «Боже, как я плохо тебя воспитала», — сказала она.

<1957>

В сущности никто не знает, в какую эпоху он живет.
<8> Так и мы не знали в начале 10-х годов, что жили накану-

не первой европейской войны и Октябрьской революции. Увы!

С конца XIX века (то есть за 60 лет) меньше всего изменилась одежда и больше всего — способы передвижения. Человек (в особенности, бедно одетый) может кое-как надеть костюм и пальто 90-х годов, но выехать в шарабане вместо «Победы» или «Москвича» невозможно.

Мне было десять лет, и мы жили (одну зиму) в доме Дауделя (угол Средней Леонтьевской в Царском Селе). Живущий где-то поблизости гусарский офицер выезжал на своем красном и дикого вида автомобиле, проезжал квартал или два — затем машина портилась, и извозчик вез ее с позором домой. Тогда никто не верил в возможность автомобильного и тем более воздушного сообщения.

Когда (в прошлом году) ставили в кино горьковскую «Мать», никому не пришло в голову справиться, как в самом деле одевались участницы революционного движения того времени, и нарядили их в парижские модели 60-х, кажется, годов. Очень интересно было бы посмотреть, как барышня в таком виде пришла бы агитировать рабочих и что бы они ей сказали. Я пробовала протестовать, но Алеша Баталов, который играл Павла, только рукой махнул: «Ну, это вы одна помните!»

Почему я одна?

<1957>

<9> Боюсь, что все, что я пишу здесь, относится к мрачному жанру — «Дочь Фауста» (см. Доде «Жак»), то есть все это попросту не существует. И чем больше люди хвалят это убогое скудное бормотание, тем меньше я им верю.

Это происходит оттого, что я сама вижу и слышу за этими словами так много, что оно совершенно стирает самые слова.

22 ноября 1957

Москва

Как все уже было давно... И первый день войны, <10> который еще недавно был таким близким, и день Победы, который, кажется, еще вчера стоял за плечом, и 14 августа 1946... И это уже история. Недавно были переводы, кот<орые> я сдала и не сдала, замоскворец<кое> житие и те сосенки, кот<орые> сейчас сердито качаются на фоне белой ночи.

Здесь северно очень, и осень в подруги
Я выбрала в этом году, —

писала я в прошлом году, и как это уже далеко, а я собралась сейчас описывать 90-е годы XIX века!

1957

У поэта существуют тайные отношения со всем, что <11> он когда-то сочинил, и они часто противоречат тому, что думает о том или ином стихотворении читатель.

Мне, например, из моей первой книги «Вечер» (1912) сейчас по-настоящему нравятся только строки:

Пьянся звуком голоса,
Похожего на твой.

Мне даже кажется, что из этих строчек выросло очень многое в моих стихах.

С другой стороны, мне очень нравится оставшееся без всякого продолжения несколько темное и для меня вовсе не характерное стихотворение «Я пришла тебя сменить, сестра...» — там я люблю строки:

И давно удары бубна не слышны,
А я знаю, ты боишься тишины.

То же, о чем до сих пор часто упоминают критики, оставляет меня совершенно равнодушной.

Стихи еще делятся (для автора) на такие, о которых поэт может вспомнить, как он писал их, и на такие, которые как бы самозагорались. В одних автор обречен слышать голос скрипки, некогда помогавший ему их сочинить, в других — стук вагона, мешавшего ему их написать. Стихи могут быть связаны с запахами духов и цветов. Шиповник в цикле «Шиповник цветет» действительно одуряюще благоухал в какой-то момент, связанный с этим циклом.

Это, однако, относится не только к собственным стихам. У Пушкина я слышу царскосельские водопады («сии живые воды»), конец которых еще застала я.

<1957>

ДОМ ШУХАРДИНОЙ

<12> ...Этому дому было сто лет в 90-х годах XIX века, и он принадлежал купеческой вдове Евдокии Ивановне Шухардиной. Он стоял на углу Широкой улицы и Бельманного переулка. Старики говорили, что в этом доме «до чугулки», то есть до <18> 38 года, находился заезжий двор или трактир. Расположение комнат подтверж-

дает это. Дом деревянный, темно-зеленый, с неполным вторым этажом (вроде мезонина). В полуподвале мелочная лавочка с резким звонком в двери и незабываемым запахом этого рода заведений. С другой стороны (на Безымянном), тоже в полуподвале, мастерская сапожника, на вывеске — сапог и надпись: «Сапожник Б. Неволин». Летом в низком открытом окне был виден сам сапожник Б. Неволин за работой. Он в зеленом переднике, с мертвенно-бледным, отекавшим лицом пьяницы. Из окна несется зловонная вонь. Все это могло быть превосходным кадром современной кинокартины. Перед домом по Широкой растут прямые складные дубы средних лет; вероятно, они и сейчас живы; изгороди из кустов кротегуса.

Мимо дома примерно каждые полчаса проносятся к вокзалу и от вокзала целая процессия экипажей. Там всё: придворные кареты, рысаки богачей, полицмейстер барон Врангель — стоя в санях или пролетке и держащийся за пояс кучера, флигель-адъютантская тройка, просто тройка (почтовая), царскосельские извозчики на «брак-ковках». Автомобилей еще не было.

По Безымянному переулку ездили только гвардейские солдаты (кирасиры и гусары) за мукой в свои провиантские магазины, которые находились тут же, поблизости, но уже за городом. Переулок этот бывал занесен зимой глубоким, чистым, не городским снегом, а летом пышно зарастал сорняками — репейниками, из которых я в раннем детстве лепила корзиночки, роскошной крапивой и великолепными лопухами (об этом я сказала в 40-м году, вспоминая пушкинский «ветхий пук дерев» в стихотворении «Царское Село» 1820 года — «Я лопухи любила и крапиву...»).

По одной стороне этого переуллка домов не было, а тянулся, начиная от шухардинского дома, очень ветхий, некрашенный дощатый глухой забор. Вернувшийся осенью того (1905) года из Березок и уже не заставший семьи Г<оренко> в Царском Н.С. <Гумилев> был очень огорчен, что этот дом перестраивают. Он после говорил мне, что от этого в первый раз в жизни почувствовал, что не всякая перемена к лучшему. Не туда ли он заехал в своем страшном «Заблудившемся трамвае»:

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...

Ни Безымянного переуллка, ни Широкой улицы давным-давно нет на свете. На этом месте разведен привокзальный парк или сквер.

Весной 1905 года шухардинский дом был продан наследниками Шухардиной, и наша семья переехала в великолепную, как тогда говорили, барскую квартиру на Бульварной улице (дом Соколовского), но, как всегда бывает, тут все и кончилось. Отец не сошелся характером с великим князем Александром Михайловичем и подал в отставку, которая, разумеется, была принята. Дети с бонной Моникой были отправлены в Евпаторию. Семья распалась. Через год — 15 июня 1906 года — умерла Инна. Все мы больше никогда не жили вместе.

Напротив (по Широкой) была в первом этаже придворная фотография Ган, а во втором жила семья художника Клевера. Клеверы были не царскоселы, жили очень уединенно и в сплетнях унылого и косного общества никакого участия не принимали. Для характеристики «Города Муз» следует заметить, что царскоселы (включая

историографов Голлербаха и Рождественского) даже понятия не имели, что на Малой улице в доме Иванова умер великий русский поэт Тютчев. Не плохо было бы хоть теперь (пишу в 1959 году) назвать эту улицу именем Тютчева.

Дом Анны Ивановны Гумилевой стоял тоже на Малой (63). Но мне не хочется его вспоминать, как Шухардинский дом, и я никогда не вижу его во сне, хотя жила в нем с 1911 до 1916 года, и никогда не перестану благословлять судьбу за то, что не оказалась в нем во время Революции.

Людям моего поколения не грозит печальное возвращение — нам возвращаться некуда... Иногда мне кажется, что можно взять машину и поехать в дни открытия Павловского Вокзала (когда так пустынно и душно в парках) на те места, где тень безутешная ищет меня, но потом я начинаю понимать, что это невозможно, что не надо врываться (да еще в бензинной жестянке) в хоромы памяти, что я ничего не увижу и только сотру это, что так ясно вижу сейчас.

...А иногда по этой самой Широкой от вокзала или к вокзалу проходила похоронная процессия невероятной пышности: хор (мальчики) пел ангельскими голосами, гроба не было видно из-под живой зелени и умирающих на морозе цветов. Несли зажженные фонари, священники кадили, маскированные лошади ступали медленно и торжественно. За гробом шли гвардейские офицеры, всегда чем-то напоминающие брата Вронского, то есть «с пьяными открытыми лицами», и господа в цилиндрах. В каретах, следующих за катафалком, сидели важные старухи с приживалками, как бы ожидающие своей очере-

ди, и все было похоже на описание похорон графини в «Пиковой даме».

И мне (потом, когда я вспоминала эти зрелища) всегда казалось, что они были частью каких-то огромных похорон всего XIX века. Так хоронили в 90-х годах последних младших современников Пушкина. Это зрелище при ослепительном снеге и ярком царскосельском солнце — было великолепно, оно же при тогдашнем желтом свете и густой тьме, которая сочилась отовсюду, бывало страшным и даже как бы <инфернальным>.

<1942—1959>

Который-то день возьмусь с биографической книгой.

<14> Замечаю, что очень скучно писать о себе и очень интересно писать о людях и вещах (П<етербург>, запах Пав<ловского> Вокзала, парусники в Гунгербурге, Одесский порт в конце 40-дн<евной> забастовки). Себя надо давать как можно меньше...

<15> Успеть записать одну сотую того, что думается, было бы счастьем. <...>

Однако книжка — двоюродная сестра «Охранной грамоты» и «Шума времени» — должна возникнуть. Боюсь, что по сравнению со своими роскошными кузинами она будет казаться замарашкой, простушкой, золушкой и т.д.

Оба они (и Борис, и Осип) писали свои книги, едва достигнув зрелости, когда все, о чем они вспоминают, было еще не так сказочно далеко. Но видеть без головокращения 90-е годы XIX века почти невозможно.

ВВЕДЕНИЕ

...Что же касается мемуаров вообще, я предупреждаю читателя: двадцать процентов мемуаров так или иначе фальшивки. Самовольное введение прямой речи следует признать деянием, уголовно наказуемым, потому что оно из мемуаров с легкостью переключивается в [серьезные] почтенные литературоведческие работы и биографии. Непрерывность тоже обман. Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак. При великолепной памяти можно и должно что-то забывать...

ГОРОД

О «красоте» Петербурга догадались художники-
<16>мирискусники, которые, кстати сказать, открыли и мебель красного дерева. Петербург я начинаю помнить очень рано — в девяностых годах. Это в сущности Петербург Достоевского. Это Петербург дотрамвайный, лошадиный, коночный, грохочущий и скрежещущий, лодочный, завешанный с ног до головы вывесками, которые безжалостно скрывали архитектуру домов. Воспринимался он особенно свежо и остро после тихого и благоуханного Царского Села. Внутри Гостиного двора тучи голубей, в угловых нишах галерей большие иконы в золоченых окладах и неугасимые лампы. Нева — в судах. Много иностранной речи на улицах.

В окраске домов очень много красного (как Зимний), багрового, розового и совсем не было этих бежевых и серых колеров, которые теперь так уныло сливаются с морозным паром или ленинградскими сумерками.

Тогда еще было много великолепных деревянных домов (дворцовых особняков) на Каменноостровском проспекте и вокруг Царскосельского вокзала. Их разобрали на дрова в 1919 году. Еще лучше были двухэтажные особняки XVIII века, иногда построенные большими зодчими. «Плохая им досталась доля» — их в 20-х годах надстроили. Зато зелени в Петербурге 90-х годов почти не было. Когда моя мама в 1927 году в последний раз приехала ко мне, то вместе со своими народовольческими воспоминаниями, она невольно припомнила Петербург даже не 90-х, а 70-х годов (ее молодость), она не могла надивиться количеству зелени. А это было только начало! В XIX веке были гранит и вода.

ДАЛЬШЕ О ГОРОДЕ

Три замечания

I. Сейчас с изумлением прочла в «Звезде» (статья <17> Льва Успенского), что Мария Федоровна каталась в золотой карете. Бред! — Золотые кареты, действительно, были, но им полагалось появляться лишь в высокостепенных случаях — коронации, бракосочетания, крестин, первого приема посла. Выезд Марии Федоровны отличался только медалями на груди кучера. Как странно, что уже через 40 лет можно выдумывать такой вздор. Что же будет через 100?

II. Глазам не веришь, когда читаешь, что на петербургских лестницах всегда пахло жженым кофе. Там часто были высокие зеркала, иногда ковры. Ни в одном respectable петербургском доме на лестнице не пахло ничем, кроме духов проходящих дам и сигар проходящих господ. Товарищ, вероятно, имел в виду так назы-

ваемый «черный ход» (ныне в основном ставший единственным) — там действительно могло пахнуть чем угодно, потому что туда выходили двери из всех кухонь. Например, блинами на Масляной, грибами и постным маслом в Великом посту, невской корюшкой — в мае. Когда стряпали что-нибудь пахучее, кухарки отворяли дверь на черную лестницу — «чтобы выпустить чад» (это так и называлось), но все же черные лестницы пахли, увы, чаще всего кошками.

III. Вечером вуали носили только проститутки.

<18> Звуки в петербургских дворах. Это, во-первых, звук бросаемых в подвал дров. Шарманщики («пой, ласточка, пой, сердце успокой...»), точильщики («точу ножи, ножницы...»), старьевщики («халат, халат»), которые всегда были татарами. Лудильщики. «Выборгские крендели привез». Гулко на дворах-колодцах.

Дымки над крышами. Петербургские голландские печи. Петербургские каминны — покушение с негодными средствами. Петербургские пожары в сильные морозы. Колокольный звон, заглушаемый звуками города. Барабанный бой, так всегда напоминающий казнь. Санки с размахом о тумбу на горбатых мостах, которые теперь почти лишены своей горбатости. Последняя ветка на островах всегда напоминала мне японские гравюры. Лошадина обмерзшая в сосульках морда почти всегда у вас на плече. Зато какой был запах мокрой кожи в извозчичьей пролетке с поднятым верхом во время дождя. Я почти что все «Четки» сочинила в этой обстановке, а дома только записывала уже готовые стихи...

После П<етербурга>, каким я застала его (тогда я
 <19> была в полном смысле слова только зрительницей), я
 скажу несколько слов о П<етербурге> десятих годов, о
 военном П<етербурге>, о П<етрограде> революцион-
 ном. О незабываемом 19 г. (почему-то начисто забытом),
 и, наконец, о послеблокадном Ленинграде. Сколько сло-
 ев!!! Эти темы кое-как затронуты в моей «Поэме без ге-
 роя», послеблокадный Ленинград подробно описала по
 возвращении из Ташкента (из эвакуации).

Не мудрено, что погребальным звоном
 Звучит порой неукрошенный стих
 уже за Ахероном
 Три четверти читателей моих.

Я ни в какой мере не собираюсь воскрешать жанр
 <20> «физиологического очерка...»

Первое стихотворение я написала, когда мне было
 <21> 11 лет (оно было чудовищным), но уже раньше отец на-
 зывал меня почему-то «декадентской поэтессой»... Кон-
 чать мне пришлось (потому что семья переехала на юг)
 уже не Царскосельскую гимназию, а Киевскую (Фун-
 дуклеевскую), в которой я училась всего один год. По-
 том я два года училась на Киевских Высших женских
 курсах... Все это время я (с довольно большими пере-
 рывами) продолжала писать стихи, с неизвестной целью
 ставя над ними номера. Как курьез могу сообщить, что,
 судя по сохранившейся рукописи, «Песня последней
 встречи» — мое двухсотое стихотворение.

На север я вернулась в июне 1910 года. Царское
<22> после Парижа показалось мне совсем мертвым. В этом нет ничего удивительного. Но куда за пять лет провалилась моя царскосельская жизнь? Не застала там я ни одной моей соученицы по гимназии и не переступила порог ни одного царскосельского дома. Началась новая петербургская жизнь. В сентябре Н.С. Гумилев уехал в Африку. В зиму 1910—1911 годов я написала стихи, которые составили книгу «Вечер». 25 марта вернулся из Африки Гумилев и я показала ему эти стихи. Его изумление и одобрение.

Эти бедные стихи пустейшей девочки почему-то перепечатаются тринадцатый раз (если я видела все контрафакционные издания). Появились они и на некоторых иностранных языках. Сама девочка (насколько я помню) не предрекала им такой судьбы и прятала под диванные подушки номера журналов, где они впервые были напечатаны, «чтобы не расстраиваться». От огорчения, что «Вечер» появился, она даже уехала в Италию (1912 год, весна), а сидя в трамвае, думала, глядя на соседей: «Какие они счастливые — у них не выходит книжка».

XX век начался осенью 1914 года вместе с войной,
<24> так же как XIX начался Венским конгрессом. Календарные даты значения не имеют. Несомненно, символизм — явление 19-го века. Наш бунт против символизма совершенно правомерен, потому что мы чувствовали себя людьми 20 века и не хотели оставаться в предыдущем...

10-й год — год кризиса символизма, смерти Льва Толстого и Комиссаржевской, 1911 — год Китайской революции, изменившей лицо Азии, и год блоковских записных книжек, полных предчувствий... «Кипарисовый ларец»... Кто-то недавно сказал при мне: «10-е годы — самое бесцветное время». Так, вероятно, надо теперь говорить, но я все же ответила: «Кроме всего прочего, это время Стравинского и Блока, Анны Павловой и Скрябина, Ростовцева и Шаляпина, Мейерхольда и Дягилева».

Конечно, в это, как и во всякое время, было много безвкусовых людей (например, Северянин)... По сравнению с аляповатым первым десятилетием 10-е годы — собранное и стройное время. Судьба остригла вторую половину и выпустила при этом много крови (война 1914 г.)...

СЛЕПНЕВО

Я носила тогда зеленое малахитовое ожерелье и чепчик из тонких кружев. В моей комнате (на север) висела большая икона — Христос в темнице. Узкий диван был таким твердым, что я просыпалась ночью и долго сидела, чтобы отдохнуть... Над диваном висел небольшой портрет Николая I не как у снобов в Петербурге — почти как экзотика, а просто, серьезно по-Онегински («Царей портреты на стене»). Было ли в комнате зеркало — не знаю, забыла. В шкафу остатки старой библиотеки, даже «Северные цветы», и барон Брамбеус, и Руссо. Там я встретила войну 1914 года, там провела последнее лето (1917).

...Присяжная косила глазом и классически выгибала шею. Стихи шли легкой свободной поступью. Я ждала письма, которое так и не пришло — никогда не пришло. Я часто видела это письмо во сне; я разрывала конверт, но оно или написано на непонятном языке, или я слепну...

Бабы выходили в поле на работу в домотканых сарафанах, и тогда старухи и топорные девки казались стройнее античных статуй.

В 1911 году я приехала в Слепнево прямо из Парижа, и горбатая прислужница в дамской комнате на вокзале в Бежецке, кото<рая> веками знала всех в Слепневе, отказалась признать меня барыней и сказала кому-то: «К Слепневским господам хранцужанка приехала», а земский начальник Иван Яковлевич Дерин — очкастый и бородатый увалень, когда оказался моим соседом за обедом и умирал от смущенья, не нашел ничего лучшего, чем спросить меня: «Вам, наверно, здесь очень холодно после Египта?» Дело в том, что он слышал, как тамошняя молодежь за сказочную мою худобу и (как им тогда казалось) таинственность называли меня знаменитой лондонской мумией, которая всем приносит несчастье.

Николай Степанович не выносил Слепнева. Зевал, скучал, уезжал в неизвестном направлении. Писал «такая скучная не золотая старина» и наполнял альбом Кузьминых-Караваевых посредственными стихами. Но, однако, там что-то понял и чему-то научился.

Я не каталась верхом и не играла в теннис, а только собирала грибы в обоих слепневских садах, а за плечами еще пылал Париж в каком-то последнем закате (1911). Березки и Подобино. Дубровка. Тетя Пофи и Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (рожд. Пиленко). Неведомские, Хилковы (1916).

Один раз я была в Слепневе зимой. Это было великолепно. Все как-то вдвинулось в XIX век, чуть не в Пушкинское время. Сани, валенки, медвежьих полости, огромные полушубки, звенящая тишина, сугробы, алмазные снега. Там я встретила 1917 год. После угрюмого военного Севастополя, где я задыхалась от астмы и мерзла в холодной наемной комнате, мне казалось, что я попала в какую-то обетованную страну. А в Петербурге был уже убитый Распутин и ждали революцию, которая была назначена на 20 января (в этот день я обедала у Натана Альтмана. Он подарил мне свой рисунок и надписал: «В день Русской Революции». Другой рисунок (сохранившийся) он надписал: «Солдатке Гумилевой, от чертежника Альтмана»).

Слепнево для меня как арка в архитектуре... сначала маленькая, потом все больше и больше и наконец — полная свобода (это если выходить).

О книге, которую я никогда не напишу, но которая все равно уже существует, и люди заслужили ее. Сначала я хотела писать ее всю, теперь решила вставить несколько кусков из нее в повествование о моей жизни и о судьбе моего поколения. Эта книга задумана давно, и отдельные новеллы известны моим друзьям.

Я родилась в Иванову ночь (европейскую) 1889 г., т.е. в один год с Чарли Чаплином, Эйфелевой башней, Крейцеровой сонатой, чилийкой Мистраль и т.п. Случилось это на берегу моря под Одессой (11 станция парового трамвая, Большой Фонтан). Когда я родилась, мой

отец был отставным капитаном второго ранга (инженером-механиком) флота. Вскоре после рождения была перевезена на север. Сначала в Павловск, а затем в Царское Село, где с недолгими перерывами прожила до 16 лет. (Широкая, дом Шухардиной — описание.) Пяти лет, когда старших детей учили французскому языку, я от нечего делать выучилась болтать по-французски. Первые стихи, кот<орые> я узнала, были Державин и Некрасов. Первые воспоминания — Цар<скосельские> и Павл<овские> парки. (Розовый павильон.) Много и подолгу жила у моря — Стрелецкая бухта около Херсонеса — плавала ровно так, как полагается это делать всем приморским детям. (Последняя херсонидка).

Первое стихотворение я написала в Ц<арском> С<еле>, когда мне было 11 л<ет> (оно было чудовищным), но уже раньше отец называл меня почему-то «декадентской поэтессой». (Тут дом Шухардиной.) В гимназии училась разно: в младших классах — плохо, в старших — хорошо. (Царскосельская гимназия — бурса.) Кончать мне пришлось (потому что семья переехала на юг) уже не царскосельскую гимназию, а киевскую (Фундуклеевскую), в которой я училась всего один год. Г.Г. Шпет. Потом я два года училась на Киевских высших женских курсах (юридическое отделение).

Все это время (с довольно большими перерывами) я продолжала писать стихи, с неизвестной целью ставя над ними номера. Как курьез могу сообщить, что, судя по сохранившейся рукописи, «Песня последней встречи» — мое двухсотое стихотворение. Однако качество моих стихов до зимы 1910—11 г. было столь же плачевно, так что даже [самые близкие люди отговаривали меня от этого занятия. (Напр<имер>], влюбленный в меня без памяти Н.С. Гумилев не был в силах их хвалить.)

(25 апреля 1910 г. я вышла замуж.) (Величайшим событием считаю выход «Кипарисового ларца», кот<орый> я прочла еще в корректуре в брьюл<ловском> зале Русского музея.) [Весной] Летом 1910 г. я после пятилетнего отсутствия вернулась в Царское Село, где почти безвыездно жила до весны 1916 г. (летом в Слепневе). Глава могла бы называться: «Малая, 63», улица, кот<орая> одним концом упирается в дворцовые ворота Александровского парка, последний дом ее другого конца — гимназия, где много жил Анненский. На даче Иванова по Малой ул<ице> умер Тютчев. Дом, в кот<ором> жила, погиб во время войны 1941—1945 г.

С весны 1911 г. начала регулярно печататься в журналах («Аполлон», «Новая жизнь», «Gaudeamus» и т.д.). была членом и секретарем (?) первого «Цеха поэтов» и одним из шести поэтов-акмеистов (седьмого никогда не было).

В 1912 вышла моя первая книга «Вечер». В этом же году я провела с Н<иколаем> С<тепановичем> два месяца в Италии (Генуя — Пиза — Флоренция — Болонья — Падуя — Венеция).

(Читать научилась очень поздно, кажется, семи лет (по азбуке Льва Толстого), но в восемь лет уже читала Тургенева). Первая бессонная ночь — «Бр<атья> Карамазовы». Сведения Di Saga, Laffitte (неизвестно, откуда идущие) о том, что меня лансировал Вячеслав Иванов, не соответствуют действительности. Когда я в первый раз летом 1910 г. по его просьбе прочла ему стихи («Пришли и сказали — умер твой брат»), он кисло улыбнулся и сказал: «Какой густой романтизм», что по-тогдашнему было весьма сомнительным комплиментом. Затем (зимой 10—11 гг.) он действительно раза 2—3 хва-

лил мои стихи и у себя на «башне» и в «Академии стиха» («Я пришла сюда, бездельница»), но это была скорее литературная политика и никакого влияния ни на критику, ни на читателя оказать не могла. И посылал меня <к> Э. Гиппиус, зная, как она меня примет. (Вяч. Иванов действительно сказал мне о моих стихах: «Вы сами не понимаете, что вы делаете».) И о нас: «Г<умилев> — мальчик, кот<орый> читает М. Рида. А<хматова> — девочка, кот<орая> читает Мюссе». В самом деле В<яч.> Иванов [любил и] покровительствовал Верховскому, Бородаевскому и Скалдину, которых он действительно любил, но никак не мог их лансировать. Все, что пишет о моем якобы первом выступлении на «башне» Мария—Мон<ахиня> (Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева) — просто придумано. С 1911 по 1917 г. я проводила каждое лето в имении моей свекрови Слепнево (бывший Бежецкий уезд) Тверской губ<ернии>. Там написана почти вся «Белая стая» и начата поэма «У самого моря». Вторая «легенда», с которой я прошу моих читателей распрощаться навсегда, относится к моему так называемому «роману» с Блоком. Уже одно опубликование архива А.А. Блока должно было прекратить эти слухи. Однако так не случилось, и в предисловии к только что мной полученной книге моих переводов [на фр<анцузский> язык] г-жа Лаффит пишет обо мне: «qui connut et, dit-on, aime Blok»⁺. Блока я считаю [одним из] не только величайшим европейским поэтом первой четверти двадцатого века, но и человеком-эпохой, т.е. самым характерным представителем своего времени, каким-то чудесным образом впитавшим <все>, горько оплакивала

⁺ «Которая знала и, как говорят, любила Блока» (фр.).

его преждевременную смерть, но знала его крайне мало, в то время, когда мы (вероятно, раз 10) встречались⁺, мне было совсем не до него, и я сначала, когда до меня стала доходить эта, по-видимому, провинциального происхождения сплетня, только смеялась. Однако теперь, когда она грозит перекосить мои стихи и даже биографию, я считаю нужным остановиться на этом вопросе. Очень сожалею, что 3 мои письма к Блоку (ответы на его известные в печати письма), по-видимому, не сохранились. Все мои воспоминания о Блоке могут уместиться на одной странице обычного формата, и среди них интересна только его фраза о Льве Толстом.

25 апр<еля> 1910 я вышла замуж за Н.С. Гумилева и вернулась после пятилетнего отсутствия в Ц<арское> С<ело> (см. стих<отворение> «Первое возвращение»).

В отношении Н<иколая> С<тепановича> к моим стихам тоже надо, наконец, внести ясность, потому что я до сих пор встречаю в печати (зарубежной) неверные и нелепые сведения. Так, Страховский пишет, что Гумилев считал мои стихи просто «временепрепровождением жены поэта», а ... (в Америке ж), что Г<умилев>, женившись на мне, стал учить меня писать стихи, но скоро ученица превзошла... и т.п. Все это суший вздор! Стихи я писала с 11 лет совершенно независимо от Н<иколая> С<тепановича>, пока они были плохи, он, со свойственной ему неподкупностью и прямоотой, говорил мне это. Затем случилось следующее: я прочла (в брюлловском зале Русского музея) корректуру «Кипарисового ларца» (ког-

⁺ На Бес<тужевских> курсах. — О Север<янине>. Последн<ая> встреча — «Где шаль?»

да приезжала в Петербург [на] в начале 1910 г.) и что-то поняла в поэзии. В сент<ябре> Н<иколай> С<тепанович> уехал на полгода в Африку, а я за это время написала то, что, примерно, стало моей книгой «Вечер». Я, конечно, читала эти стихи моим новым литературным знакомым. Маковский взял несколько в «Аполлон» и т.д. (см. «Аполлон», 1911 г., № 4, апрель). Когда 25 марта Н<иколай> С<тепанович> вернулся, он спросил меня, писала ли я стихи — я прочла ему все, сделанное мною, и он по их поводу произнес те слова, от которых, по-видимому, никогда не отказался (см. его рецензию на сб<орник> «Арион»). Заодно в скобках и опять в ответ на Di Sarra и Laffitte напоминаю, что я выходила замуж не за главу акмеизма, а за молодого поэта-символиста, автора книги «Жемчуга» и рецензий на стихотворные сборники («Письма о русской поэзии»). Акмеизм возник в конце 1911 г., в десятом году Гумилев был еще правоверным символистом. Разрыв с «башней» начался, по-видимому, с печатного отзыва Г<умиле>ва о «Cor ardens»* на страницах «Аполлона». О всем, что последовало за этим, я много раз писала в другом месте (статья «Судьба акмеизма»). В<яч.> Иванов ему чего-то в этой рецензии никогда не простил. Когда Н<иколай> С<тепанович> читал в академии стиха своего «Блудного сына», В<ячеслав> обрушился на него с почти непристойной бранью. Я помню, как мы возвращались в Царское совершенно раздавленные произошедшим и потом Н<иколай> С<тепанович> всегда смотрел на В<яч.> И<ванова> как на открытого врага. С Брюсовым было сложнее. Н<иколай> С<тепанович> надеялся, что тот под-

* «Пламенеющее сердце» (лат.).

держит акмеизм, [что] как видно из его письма к Б<рюсо>ву. Но как мог человек, который считал себя [одним из создателей] столпом русского символизма и одним из его создателей, отречься от него во имя чего бы то ни было. Последовал брюсовский разгром акмеизма в «Русской мысли», где Гумилев и Городецкий даже названы господами, т.е. людьми, не имеющими никого отношения к литературе.

Запахи Павловского Вокзала. Обречена помнить их <29> всю жизнь, как слепоглухонемая. Первый — дым от допотопного паровозика, который меня привез, — Тярлево, парк, *salon de musique* (который называли «соленый мужик»), второй — натертый паркет, потом что-то пахнуло из парикмахерской, третий — земляника в вокзальном магазине (павловская!), четвертый — резеда и розы (прохлада в духоте) свежих мокрых бутоньерок, которые продаются в цветочном киоске (налево, потом сигары и жирная пища из ресторана. А еще призрак Настасьи Филипповны. Царское — всегда *будни*, потому что дома, Павловск — всегда праздник, потому что надо куда-то ехать, потому что далеко от дома. И Розовый павильон (*Pavillon de roses*). Я как Птишоз с его женским монастырем, в который превратился его рай, его бумажная фабрика. Херсонес (куда я всю жизнь возвращаюсь) — запретная зона. Слепнева, Царского и Павловска — нет. Страннее всего, что я *почти* все это знала, когда росла там⁺.

⁺ В юности я говорила, что не могу понять, как люди жили во время войны и террора.

Париж как-то чудом уцелел, но туда не пускают. В Фонтанный Дом тоже не пускают, а я там жила 35 лет.

<1960>

БЕРЕЗЫ

<30> Во-первых, таких берез еще никто не видел. Мне страшно их вспомнить. Это наваждение. Что-то грозное, трагическое, как «Пергамский алтарь», великолепное и неповторимое. И кажется, там должны быть вороны. И нет ничего лучше на свете, чем эти березы, огромные, могучие, древние, как друиды, и еще древней. Прошло три месяца, а я не могу опомниться, как вчера, но я все-таки не хочу, чтобы это был сон. Они мне нужны *настоящие*.

<1960>

НАБРОСОК

19 апреля 1962

Ленинград — Москва

<31> Это написано для Вас, это Вам почему-то пришло в голову в великолепном марте 1962 года показать мне (может быть, в последний раз) сквозь беспощадное солнечное сияние страшный фон моей жизни и моих стихов: от разбойной безыконной столовой в Петровском домике и чудовищной могилы царевича Алексея под лестницей в Петропавловском соборе до пруда, куда в 1917 году бросили труп Распутина. И пустые окна Мраморного дворца («Там пью я с тобой золотое вино...») и угол Марсова Поля, откуда не хочет и не может уйти моя по-

эма; и ворота, в которые мы когда-то входили, чтобы по крутой подвальной лестнице сойти в пеструю прокуренную, всегда немного таинственную «Бродячую собаку»⁺; и на Жуковской «вылеп головы кобылей», который я видела в последний раз в день смерти Маяковского. Стену бывшей конюшни ломали, серый двухэтажный особняк надстраивали. И самый страшный дом в городе (угол Садовой, наискосок от Никольского рынка) — там Раскольников убил старуху. Дом этот совсем недавно снесли, и на его место поставлен пузатый урод.

Первый (нижний) пласт для меня — Петербург 90-х годов, Петербург Достоевского. Он был с ног до головы в безвкусных вывесках (белье, корсеты, шляпы), совсем без зелени, без травы, без цветов, в барабанном бое, так всегда напоминающем смертную казнь, в хорошем столичном французском языке, в грандиозных похоронных процессиях и описанных Мандельштамом высочайших проездах.

Мимо Фонтанного Дома мы, кажется, не проезжали. Это было бы уже слишком...

Снятые давным-давно надписи: «Дому сему подобает святыня Господня в долготу дней» на Инженерном замке, «Господеви помолитесь во святем дворе его» на Владимирском соборе — выступали на фронтонах.

Гигантская копилка у церкви (где я слушала «канон Андрея Критского» и на которой было написано: «Где

⁺ См. «Последние полчаса в “Собаке”». Это было так: Б.В. Томашевский зашел за мной, чтобы отвести меня на канал Грибоедова в сент<ябре> 1941 к дворнику Моисею, в бомбоубежище. Мы на Мих<айловской> площади вышли из трамвая. Тревога! — всех куда-то гонят. Мы идем. Один двор, второй, третий. Крутая лестница. Пришли. Сели и одновременно произнесли: «Собака».

сокровище ваше, там и сердце ваше»), снова стояла на своем месте.

...И два окна в Мих<айловском> замке, кот<о-
рые> остались таким же, как в 1801 г.⁺, и казалось, что
за ними еще убивают Павла, и Семеновские казармы, и
Семеновский плац, где ждал смерти Достоевский, и
Фонтанный Дом — целая симфония ужасов: от тишай-
ших — «Шереметевские липы, переключка домо-
в<ых>...» до мирового резонанса 14 авг<уста> 1946 г.:

Я была со всеми,
С этими и с теми,
А теперь осталась
Я сама с собой.

И военная прокуратура на Невском рядом с знаменитой лавкой «Смерть мужьям»; и чайки около Литейного моста, через который я ходила в тюремные очереди под Крестами, тюрьма № 1) «...и трехсотая с передачею...»; и Арка Штаба, где был военный суд и где судили сына; и Летний — первый благоуханный, замерший в июльской неподвижности, и второй, под водой в 1924 г., и снова Летний, изрезанный зловонными рвами-щелями (1941); и Марсово — плац-парад, где ночью обучали новобранцев в 1915 г. (барабан), и Марсово — огород, уже разрытый, полузаброшенный (1921), «под тучей вороньих крыл»; и ворота, откуда вывозили на казнь народовольцев, и близко от них — грузный дом Мурузи (уг<ол> Литейного), где я в последний раз в жизни видела Н.С. Гумилева (в тот день, когда меня нарисовал Ю. Анненков).

⁺ Комната была заперта до 1917 г.

...И друзья, превратившиеся в мемориальные доски (Лозинский); и Соловьевский переулок, куда мы не переехали из-за войны 1914 г. («Как щелочка чернеет переулок...»); и меблированный дом «Нью-Йорк» против Зимнего дворца), где меня писал Натан Альтман⁺, и откуда я выходила через окно седьмого этажа, «чтобы видеть снег, Неву и облака», и шла по карнизу навестить Веню и Веру Белкиных.

Все это — мой Ленинград.

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Искра паровоза

Я ехала летом 1921 года из Царского Села в Петербург. Бывший вагон III класса был набит, как тогда всегда, всяким нагруженным мешками людом, но я успела занять место, сидела и смотрела в окно на все — даже знакомое. И вдруг, как всегда неожиданно, я почувствовала приближение каких-то строчек (рифм). Мне нестерпимо захотелось курить. Я понимала, что без папиросы я ничего сделать не могу. Пошарила в сумке, нашла какую-то дохлую Сафо, но... спичек не было. Их не было у меня, и их не было ни у кого в вагоне. Я вышла на открытую площадку. Там стояли мальчишки-красноармейцы и зверски ругались. У них тоже не было спичек, но

⁺ Гранди (ит<альянский> художник), живший рядом) зашел взглянуть на почти готовый портрет Альтмана. Это он произнесет бессмертную фразу, которую так любил повторять Мандельштам: «Будет большой змеязь» (очевидно, смех).

крупные, красные, еще как бы живые, жирные искры паровоза садились на перила площадки. Я стала прикладывать (прижимать) к ним мою папиросу. На третьей (примерно) искре папироса загорелась. Парни, жадно следившие за моими ухищрениями, были в восторге. «Эта не пропадет», — сказал один из них про меня. Стихотворение было: «Не бывать тебе в живых...» См. дату в рукописи — 16 августа 1921 (может быть, старого стиля).

<1962>

ДЛЯ ЭРЕНБУРГА

Считаю не только уместным, но и существенно важным возвращение к 1946 г. и роли Сталина в 14 августа^{<33>}. Считаю удачной находкой сравнения с Черчиллем^{<ил-лсм>}.

Абсолютно невозможно приводить дословные цитаты из Жданова, что-то вроде: Он позволил себе... (недописано).

С одной стороны, новая молодежь всего этого не помнит и нечего их этому учить⁺, а не читавшие мои книги мещане до сих пор говорят — «альковные стихи Ахматовой» (ссылаюсь на Озерова), не надо давать им их любимое блюдо. Еще более невозможен тон. Здесь [надо] по крайней мере нужен тон дуэлянта 18 века^{<ека>}. («Я отказываюсь верить моим глазам» и т.д. Нельзя поверить, что о женщине, о поэте-лирике, никогда не написавшем ни одного эротического стихотворения...)

⁺ «Молодежь узнала слово блуд из доклада Жданова».

[Теперь не веришь глазам...] И все это [15] целый ряд лет давали нашей молодежи как назидание... Это был билет на экзамен во всех уч^{<ебных>} заведениях).

Главное показать беспрецедентность такого факта. Можно и о «мнимой популярности» Ахматовой. Зо^{<енко>} и Ахм^{<атова>} были исключены из Союза ^{<писателей>} и обречены на голод. Число ругательных статей — четырехзначно на всех языках. Зо^{<енко>} и Ахм^{<атова>} — антич^{<ные>} маски (ком^{<ическая>} и траг^{<ическая>}).

В Москве: вечер в Клубе пис^{<ателей>}, когда дважды все встали. Ст^{<алин>} спрашивал: «Кто организовал вставанье?»

I. Итак, поздняя А^{<хматова>}: выход из жанра «лю^{<бовного>} дневника» («Четки»), — жанра, в кот^{<ором>} она не знает соперников и кот^{<орый>} она оставила, м.б., даже с некоторым сожалением и оглядкой и переходит на раздумия о роли и судьбе поэта (Античн^{<ые>} страницы, Б. П^{<астернаку>}), о ремесле («Бывает так»), «Пос^{<ледние>} стих^{<отворения>}», на легко набросанные широкие полотна («Рос^{<сия>} Дос^{<тоевского>}», «Ц^{<арскосельская>} ода», «На Смол^{<енском>}», кот^{<орые>} утверждают равенство всего для поэта. Появляется острое ощущение истории («Русский Трианон») — в парке — карикатурная беглая зарисовка <нрзб> и первый слой восп^{<оминаний>} (переулок).

II. Время доказало еще одно качество ее стиха — прочность. С выхода ее первой книги «В^{<ечер>}» прошло полвека. Его знают по крайней мере четыре поколения читателей, часто и по-разному заглядывая в него.

III. «Клеоп<атра>». «Данте», «Мелхола», «Дидона» — сильные портреты. Их мало, они появляются редко. Но они очень выразительны. Исполнены каждый по-своему. Горчайшие.

IV. «Есть три эпохи у воспом<инаний>...» открывает какие-то сокровеннейшие тайники души, м.б. даже переходя черту дозволенного.

V. Архитектуру сменяет музыка, воду — земля. Давно умолкли царскосельские водопады, шумят комаровские [липы] сосны, умирают люди, воскресают тени.

VI. 1940

«Мои молодые руки», «Россия Достоевск<ого>», «Путем вся земля» и [«Россия Дост<оевского>»] начало «Триптиха» (в один год — 1940).

<Май, 1962>

ОБ ОДНОМ ИНТЕРВЬЮ

Очевидно, около Сталина в 1946 был какой-то умный человек, кот<орый> посоветовал ему остроумнейший ход: вынуть обвинение в религиозности [моих] стихов (им были полны ругательные статьи 20-ых и 30-ых годов — Лелевич, Селивановский) и заменить его обвинением в эротизме.

Несмотря на то, что, как всем известно, я сроду не написала ни одного эротического стихотворения, и «здесь» все громко смеялись над «Пост<ановлением> и Докладом т. Ж<данова> — для заграницы дело обстоит несколько иначе. Ввиду полной непереводимости моих стихов,

(Хулимы, хвалимые,
Ваш голос прост и дик —
Вы неперевоаемые
Ни на один язык.)

они не могли и не могут быть широко известны. Однако обвинение в религиозности сделало бы их «*ges sasga*»* и для католиков, и для лютеран и т.д. и бороться с ними было бы невозможно. (Меня бы объявили мученицей).

То ли эротизм! — Все шокированы (в особенности в чопорной Англии, что тогда было существенно, см. флут<онскую> речь Черчилля).

Позволю себе напомнить одну интересную подробность 1946 г., кот<орую>, кстати сказать, все, кажется, забыли, а там, м.б., и не знали. В этом самом <1946> г., по-видимому, должно было состояться мое полное усыновление. Мои выступления (их было 3 в Ленинграде) просто вымогали. Мне уже показывали планы издания моих сборников на всех языках, мне даже выдали (почти бесплатно) посылку с носильными вещами и кусками материи, чтобы я было чем-то прикрытой (помню, я потом называла это — «последний дар моей Изоры»).

Еще в последний день июля мне позвонил А.А. Прокофьев и просил вечером быть в «Астории», где Ленинград весьма торжественно принимал американцев, помогавшим СССР во время войны. Все они были духовными лицами. Прошу читателя поверить мне на слово, что я между последним днем июля 1946 г. и 14 августа того же года «эротических стихов» не писала. Откуда же эта немилость?! Слышны крики: «Да еще женщина — какой ужас». Дело дошло до того, что

* «Священное дело» (лат.).

страшному большевистскому правительству после победы над Гитлером приходится посредством государственного акта бороться с этой чудовищной поэтессой. Каково! И через 20 лет (в 1961) мы имеем «бессмертную» статью А. Уильямса в самой распротр<аненной> газете мира (Нью-Йорк Триббюн). Обвинение в эротизме так заманчиво, что оно делается шапкою: «Русские переиздают стих<отворения>, запрещенные в 20-е годы как эротическ<ие>».

Не мне судить о моем творческом пути до 1950 г., когда [чтобы спасти] (1949. 6 ноября) второй раз взяли уже пытанного и приговоренного к расстрелу сына, и надо было его спасать (тогда я написала цикл «Слава миру»), но то, что происходит сейчас, вероятно, имеет свои глубокие корни, и, несмотря на полную мою неактивность (между прочим, когда статья появилась, я лежала в больнице под кислородом), я стою у кого-то на пути, мешаю кому-то. («Там».) Но кому и в чем?

Каждый новый документ, который я вижу, перекрывает все предыдущие (Г. Иванов, Страховский, Di Sarra, Рипеллино), а ныне моей Викторией Регией должно признать — Аллана Уильямса.

А С.К. Маковский (?!)

А.

12 июня 1962

Ленинград

P.S. Не лишнее напомнить, что книга Гослита издана как бы к моей 50-лет<ней> лит<ературной> деятельности (1910—1960) и к тому уже содержит одно «поздравление» в виде «Послесловия» А.А. Суркова.

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
ЛИТ<ЕРАТУРНОЙ> ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЛЕКЦИИ

АХМАТОВА И БОРЬБА С НЕЙ

<I.>

«А лсебдя — за ахматовщину»

Мои стихи в «Аполлоне» весны 1911 года. Немед-
<36> ленная реакция Буренина в «Новом времени», кот<о-
рый> предполагал, что уничтожил меня своими пародия-
ми, даже не упоминая мое имя.

В 1919 году меня уничтожали Бунин в Одессе (эпиграмма «Поэтесса») и Брюсов в Москве (в честь Аделины Адалис)⁺. Затем в 1925 году меня совершенно перестали печатать и планомерно и последовательно начали уничтожать в текущей прессе (Лелевич в «На посту», Перцов в «Жизни искусства», Степанов в «Лен<инградской> правде» и множество других). (Роль статьи К. Чуковского «Две России».) Можно представить себе, какую жизнь я вела в это время⁺⁺. Так продолжалось до

⁺ См.: «Проза» Цветаевой. Стр. 243 (Вечер девяти поэтесс).

⁺⁺ После первого Постановления ЦК (1925?), о котором мне сообщила на Невском М. Шагинян и которое никогда не было опубликовано, меня, естественно, перестали приглашать выступать. Это видно по списку выступлений. После значительного перерыва я в первый раз читала стихи на вечере памяти Маяковского (10-<лети>е его смерти) в Доме культуры на Выборгской стороне вместе с Журавлевым.

Это (1-е) Постановление не было, по-видимому, столь объемлющим, как знаменитое Пост<ановление> <19>46 г., потому что мне разрешили перевести «Письма Рубенса» для издательства «Academia» и были напечатаны две мои статьи о Пушкине, но стихи перестали просить.

Тут я еще из сочувствия П<ильня>ку и Зам<ятину> ушла из Союза.

В 1934 году не заполнила анкету и т<аким> о<бразом> не попала в образованный тогда С<оюз> С<оветских> П<исателей>.

1939 г., когда Сталин спросил обо мне на приеме по поводу награждения орденами писателей.

Были напечатаны горсточка моих стихов в журналах Ленинграда, и тогда из<дательст>во «Сов<етский> пис<атель>» получило приказание издать мои стихи. Так возник весьма просеянный сборник «Из шести книг», которому предстояло жить на свете примерно шесть недель⁺.

Отдельной «Ивы» никогда не было, вопреки указаниям за рубежом.

Затем, как известно, я, уже бесчисленное количество раз начисто уничтоженная, снова подвергалась уничтожению в 1946 дружными усилиями людей (Сталин, Жданов, Сергневский, Фадеев, Еголин), из которых последний умер вчера, а стихи мои более или менее живы, но имя мое в печати не упоминается (может быть, по старой и почтенной традиции), и о вышедшей в 1958 году книжке «Стихотворения» не было ни одного упоминания.

II.

«Так было над Невою льдистой» и над Москвой-рекой, но примеры, как известно, заразительны.

⁺ На судьбу этой книги повлияло следующее обстоятельство: Шолохов выставил ее на Стал<инскую> премию (1940). Его поддержали А.Н. Толстой и Немирович-Данченко. Премии должен был получить Н. Асеев за поэму «Маяковский начинается». Пошли доносы и все, что полагается в этих случаях: «Из шести книг» была запрещена и выброшена из книжных лавок и библиотек. Итальянец Di Sarra почему-то считает этот сборник полным собранием моих стихов. Иностранцы считают, что я перестала писать стихи, хотя в промежутке 1935—1940 написала хотя бы «Реквием».

«...и борьба с ней» перенеслась за пределы нашей родины. Там мое положение было еще более безнадежным, потому что моя единственная защита, т.е. сами стихи — отсутствовали, а на их месте были чудовищные переводы-подстрочники с перепутанным смыслом (см. <Einaudi> — итал<ьянские> и <Laffitte> — французские) и не менее чудовищные слухи, вроде моей безнадежной страсти к А. Блоку, которая почему-то всех до сих пор весьма устраивает⁺. Кроме того, вин у меня набралось порядочно. Кто-то обвиняет меня в том, что я не символика. Кто-то противопоставляет меня «новаторам» и непрерывно сдает в архив. Шацкий утверждает, что Г<умилев> считал мои стихи «временпровождением жены поэта» (вопреки всем печатным отзывам Н<иколая> С<тепановича>). Георгий Иванов всю жизнь под диктовку Одоевцевой старался как-нибудь уколоть меня, начиная со своих бульварных «Петербургских зим».

Харкинс, не знаю, под чью диктовку и с какой целью, в своем «Алфавите русской литературы» написал нечто столь непристойное, что, когда я пытаюсь пересказать это кому-нибудь из знакомых, мне просто не верят. Каковы же были его источники?! Пьер Сегер выносит на обложку книги переводов моих стихов (1959) заманчивое сведение о том, что я была разведена два раза (и это на обложке!), причем первый раз я была принуждена это сделать, а случилось это перед Революцией. Бедный мой разводик! (Начало августа 1918 г.). Думал ли он, что ему будет такая честь, что через сорок лет он

⁺ Повторяю еще раз, что это сплетня провинциального происхождения, возникла в 20-х годах, т.е. после смерти Блока, что в 10-х годах все прекрасно знали, у кого с кем роман, про Дельмас говорили громко, что она — Кармен, никто не сомневался и т.д.

будет выглядеть как мировой скандальный процесс. А я даже никуда не ходила, ни с кем не говорила, абсолютно не знаю, как это происходило. Я просто получила бумажку, что разведена с таким-то. Был голод, был террор — все куда-то уезжали (многие навсегда), быта не было, все разводились. Нас так давно уже все привыкли видеть врозь, никто не интересовался чужими делами. До того ли было! И вот проходит сорок лет, и я узнаю, что перед Революцией была принуждена развестись. Почему перед, почему принуждена? Кого я должна благодарить за такую информацию. Вероятно, давший такие роскошные сведения пожелал остаться неизвестным, как говорили в старину⁺.

(Случайно сняв у друзей книгу с полки (у Р<ожанс>ких), узнаю, что я amie intime* и, кого бы вы думали? — Пастернака — открытие Раупе, кот<орого>, вероятно, никто не будет оспаривать.)

ПРИМЕЧАНИЕ № 3

(к статье «Ахматова и борьба с ней»)

Нормальная критика тоже прекратилась в начале <37> 20-х годов (попытки Осинского и Коллонтай вызвали немедленный резкий отпор), на смену ее пришло нечто, может быть, даже беспрецедентное, но во всяком случае [совершенно] недвусмысленное. Уцелеть при такой прессе

⁺ Я из озорства проверила: только обо мне одной Х. пишет о разводе, хотя почти все, о ком он пишет, были разведены, и хорошо еще, если один раз (Толстой, Симонов, Берггольд и т.д.).

* Интимная подруга (фр.).

по тем временам казалось совершенно невероятным. Понемногу жизнь превратилась в непрерывное ожидание гибели (*charité*)*. Пытаться найти какую-нибудь работу было бессмысленно, потому что после первой [же] статьи Перцова, Лелевича, Степанова⁺ и т.д. всякая работа тут же бы рухнула.

ЕЩЕ ПРИМЕЧАНИЕ:

Два поэта породили целые полчища учеников — Гумилев и Мандельштам. Первый сразу после своей смерти, в двадцатых годах (Тихонов, Шенгели, Багрицкий), им бредила вся литературная южная Россия, второй сейчас (1961), им бредит почти вся начинающая молодежь Москвы и Ленинграда.

ГODOBЩИНЫ

Этот день (14 августа) стал чем-то вроде праздника литературы: ругательные статьи в газетах, доклады, обсуждения.

В 1948 г. все протекало с обычной торжественностью, и вдруг через несколько дней умирает Жданов. И опять все сначала (на *bis*). Казалось, этот государственный деятель только и сделал в жизни, что обозвал непечатными словами старую женщину, и в этом его

* Дом для престарелых (фр.).

⁺ Среди заглавий мне почему-то вспомнилось: «Лирика и контрреволюция» (!)

немеркнущая слава. Тогда же ему был обещан памятник и полное собрание сочинений. Ни то, ни другое не состоялось.

Такой мой быт, состоящий, главным образом, из голода и холода, был еще украшен тем обстоятельством, что сына, уже побывавшего в вечной мерзлоте Норильска и имеющего медаль «За взятие Берлина», начали гнать из аспирантуры Ак<адемии> н<аук> (под руководством Боровкова и Козина), причем было ясно, что беда во мне. (Выгнали, кажется, осенью 1947 г.) Я в ту зиму писала работу о «Каменном госте». А Сталин, по слухам, время от времени спрашивал: «А что делает монахиня?»

Таким образом, мне была предоставлена возможность присутствовать не только при собственной гражданской смерти, но даже как бы и при физической. Люди просто откровенно не хотели, чтобы я была жива. Так и говорили: «Я бы умер». (Напр<имер>, Осмеркин.)

Не то был пущен слух, не то он сам возник — о самоубийстве Ахматовой. Сын врача, вскрывавшего труп. Поминутно звонили незнакомые люди (даже из Москвы) и проверяли достоверность известия. В очередях и на ком<мунальных> кухнях очень курьезно обсуждали событие. Фольклор. Для разъяснения акции населению были посланы эмиссары:

1. Павленко — Крым,
2. Шагинян — Ср<едняя> Азия,
3. Тихонов — Закавказье,
4. Вишневский — Белград,
5. Фадеев — Прага.

На «место преступления» был послан А.А. Жданов. На его доклад в Смольном был вызван Союз писа-

телей *in corpore**. Кроме того, в зале появились странно-го вида незнакомцы, которые заняли места между членами союза. Двери почему-^{<то>} заперли и никого не выпускали (даже тех, кому стало дурно). Ко мне пришел некто и предложил 1 мес^{<яц>} не выходить из дома, но подходить к окну, чтобы меня было видно из сада. В саду под моим окном поставили скамейку, и на ней круглосуточно [сидел] дежурили агенты.

О 1925 г.

...по этой тропинке над пропастью надо было яко-
<40> бы добираться куда-то. Куда? ... За этим сразу началось многолетн^{<ее>} пребывание «под крылом у гибели», но у ворот этого «пребывания» твердо стоят еще не собранные в один цикл стихи о судьбе: «Клевета», «Новогодняя баллада», «Видел я тот венец» («Предсказание»), «И мы [остались] забыли навсегда», «Многим» («Я голос ваш, жар вашего дыханья»).

Затем мое имя вычеркнуто из списка живых до 1939 г. (1-ое пост^{<ановление>}).

Вокруг бушует первый слой рев^{<олюционной>} молодежи, «с законной гордостью» ожидающий великого поэта из своей среды. Гибнет Есенин, начинает гибнуть Маяковский, полузапрещен и обречен Мандельштам, пишет худшее из всего, что он сделал (поэмы), Пастернак⁺, уезжают Марина и Ходасевич. Так проходит десять лет. И принявшая опыт этих лет — страха, скуки,

* В полном составе (лат.).

+ Умирает уже забытый Сологуб (1927 г.).

пустоты, смертного одиночества — в 1936 я снова начинаю писать, но почерк у меня изменился, но голос уже звучит по-другому. А жизнь приводит под уздцы такого Пегаса, кот<орый> чем-то напоминает апокалипсического Бледного Коня или Черного Коня из тогда еще не рожденных стихов.

Возникает «Реквием» (1935—1940). Возврата к первой манере не может быть. Что лучше, что хуже — судить не мне. 1940 — апогей. Стихи звучали непрерывно, наступая на пятки друг другу, торопясь и задыхаясь: разные и иногда, наверно, плохие. В марте «Эпилогом» кончился «R<equiem>». В те же дни — «Путем вся земли» («Китежанка»), т.е. большая панихида по самой себе, осенью одновременно — две гостьи: Саломея («Тень») и моя бедная Ольга («Ты в Россию пришла ниоткуда»), с этой таинственной спутницей я проблуждала 22 года.

15 марта <19>63

Через год «Четкам» исполнится полвека.

<41> Книга вышла 15 марта 1914 г. ст. ст., и жизни ей было отпущено примерно 6 недель. В начале мая петербургский сезон начинал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом [было] оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а в Петроград, из 19 в. сразу попали в 20-ый, все стало иным, начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. С «Четками» это<го> не случилось...

И потом еще много раз она выплывала и из моря крови, и из полярного оледенения, и побывав на плахе, и украшая собой списки запрещенных изданий (*Index librorum prohibitorum**), и представляя собою краденое добро (изд<ание> Ефрона, Берлин и одесская контрафакция при белых (1919) (*Habent sua fata libelli*)**.

24 июня 1963

Дм<итрий> Евг<еньевич> Максимов утверждает, что «Четки» сыграли совсем особую роль в истории русской поэзии, что им было суждено стать надгробным камнем на могиле символизма. (См. также Матезиус.) Он в какой-то мере повторяет то, что недавно говорили мне и Виктор Максимович Ж<ирмунский> и М. Зенкевич, один как исследователь, другой как свидетель.

«Четки», как я уже говорила, вышли 15 марта 1914, т.е. вскоре после того, как окончилась кампания по уничтожению акмеизма. С необычайным воодушевл<ением> и редкостным единодушием всё и все ринулись душить новое течение. От суворинского «Нового времени» до футуристов, салоны символистов (Сологубы, Мережковские), литературные общества [(т<ак> н<азываемая> Физа)], бывш<ая> «башня», т.е. окружение В<яч.> Иванова и т.д., и т.д. без жалости когтили аполоновские манифесты. Борьба с занявшими командные высоты символистами была делом безнадежным. Они владели огромным опытом литературной политики и борьбы, мы и понятия обо всем этом не имели. Дошло до того, что пришлось объявить «Гиперборей» не акмеистическим журналом. Одни заглавия антиакмеистических ста-

* Каталоги запрещенных книг (лат.).

** Книги имеют свою судьбу (лат.).

тей могут дать представление об общем тоне полемики («Замерзающий Парнас», «У ног африканского идола», «Без божества, без вдохновенья» и т.п.). Брюсов в влиятельной «Русской мысли» назвал Н<иколая> С<тепановича> — «господин Гумилев», что на тогдашнем языке означало некто, находящийся вне литературы.

...Все это я говорю в связи с моими воспоминаниями о «Четках», потому что в нескольких десятках хвалебных рецензий об этом сборнике ни разу не встречается слово акмеизм. Это было почти бранное слово. Первое настоящее об акмеизме: «Преодолевшие символизм» Ж<ирмунского>, дек<абрь> 1916 г.

Прошло полвека. Чьи-то внуки стали чьими-то дедами. Первые читатели «Четок» встречаются реже, чем зубры вне Беловежской пуши. Все это, разумеется, в порядке вещей. Но изменилась и орфография (примеры), и счет времени (стиль новый и старый — не 15 марта, а ...), название города, где вышла книга (не Петербург, а Ленинград), страны (не Россия, а СССР).

В этом месте читатель [ждет, что я скажу, что] готовится (не без раздражения) узнать, что не изменились только стихи. Вот было бы славно!

Однако я полагаю, что изменились и стихи, что сбывшиеся предсказания (Кузмин в предисл<овии>, Ходасевич) заставляют иначе воспринимать то или другое место, что то, что в 1914 было оглушительно новым, от бесчисленного количества подражаний кажется обычным. Так сотый поцелуй безошибочно стирает первый.

В дни выхода «Четок» нас пригласила к себе изд<ательни>ца «Сев<ерных> зап<исок>» эсерка Чагкина. (Я была в том синем платье, в кот<ором> меня изобразил Альтман.) У нее [было] собралось видимо-

невидимо гостей. Около полночи начали прощаться. Одних хозяйка отпускала, других просила остаться. Потом все перешли в столовую, где был накрыт парадный стол, и мы оказались на банкете в честь только что выпущенных из Шлиссельбурга народовольцев. Я сидела с Л. К<аннегисером> против Германа Лопатина. Потом часто с ужасом вспоминала, как Л. К<аннегисер> сказал мне: «Если бы мне дали «Четки», я бы согласился провести столько времени в тюрьме, как наш визави». Кто-то представил мне Степуна. Он тотчас же сказал: «Возьмите ваш бокал, обойдите стол и чокнитесь с Германом Лопатиным. Я [подош] хочу присутствовать при этом историческом моменте». Я подошла к старику и сказала: «Вы меня не знаете, но я хочу выпить за вас». Старик ответил какую-то полулюбезность, полудерзость, но это уже неинтересно.

26 июня. Ленинград

БЕЛАЯ СТАЯ

К этой книге читатели и критики несправедливы. <42> Почему-то считается, что она имела меньше успеха, чем «Четки».

Этот сборник появился при еще более грозных обстоятельствах, чем «Четки». Он вышел в сентябре 1917 г. Если «Четки» опоздали, «Б<елая> ст<ая>» прилетела просто к шапочному разбору. Транспорт замирал — книгу было нельзя послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде. Бумага грубая — почти картон.

Журналы закрывались, газеты тоже. Поэтому, в отличие от «Четок», у «Белой стай» не было шумной

прессы. Голод и разруха росли с каждым днем. Как ни странно, ныне все эти обстоятельства не учитываются, и принято считать, что «Белая стая» имела меньше успеха, чем «Четки».

Через год Михайлов («Прометей») купил у меня право на переизд<ание>. Это было в 1918 г. в уже совсем голодном и полупустом Петербурге. В 1919 вышла сокращенная контрафакция в Тифлисе, затем Блох и Алянский напечатали «Б<елую> стаю» (допол<нительно> в Берлине) в и<здательст>ве «Petropolis» и один Алянский в «Алконосте» (1922). Так же, как «Четки», «Белая стая» заняла свое место в однотомниках («Из шести книг», 1940, «Сов<етский> пис<атель>»; американский, 1952, изд<ательст>во им. Чехова, и в зеленой книге 1961 г.).

Ее именем называется чешский однотомник моих стихов <недописано> в пер<евode> Марчановой с очень дельным послесловием Матезиуса. (Вышло два издания, одно еще до войны.) Никакого неуспеха «Белой стаи» я никогда не наблюдала.

В книге «Из шести...» остались ошметки «Бел<ой> стаи», как, впрочем, так случилось и с «Четками». Пример, стих<отворение> «У меня есть улыбка...» выброшено за слово «аналой» (1913 г.). Это же, конечно, относится и к сб<орнику> 1961 г., т<аким> о<бра>зом> современные читатели не знают мои стихи ни новые, ни старые.

Что касается III-его сборника «Anno Domini» — дело обстоит сложнее. Он вышел (II-ое издание) в 1923 г. в Берлине. («Petropolis» и «Алконост») и не был допущен на родину. Тираж, по тем временам значительный, остался за границей.

То, что там были стихи, не напечатанные в СССР, стало одной третью моей вины, вызвавшей первое постановление обо мне (1925 г.), вторая треть — статья К. Чуковского — «Две России (Ахматова и Маяковский)», третья треть — то, что я прочла на вечере «Русского современика» (апрель 1924) в зале Консерватории (Москва) «Новогоднюю балладу».

Она была напечатана в № 1 «Русского современика» (без заглавия), и очень дружески ко мне расположенный Замятин с неожиданным раздражением сказал мне, показывая пачку вырезок: «Вы — нам весь номер испортили». (Там была еще «Лотова жена».)

Об этом выступлении в зале Консерватории в Москве вспоминает Перцов («Жизнь искусства») в статье «По литературным водоразделам» (1925).

Статью у меня взяли, но я помню одну фразу: «Мы не можем сочувствовать женщине, которая не знала, когда ей умереть...» Кроме того, там было легкое изумление по поводу того, что Ахматова еще в прошлом году наполнила какими-то девушками московскую залу Консерватории.

После моих вечеров в Москве (весна 1924) состоялось постановление о прекращении моей литературной деятельности. Меня перестали печатать в журналах и альманахах, приглашать на литературные вечера. (Я встретила на Невском М. Шагинян. Она сказала: «Вот вы какая важная особа. О вас было постановление ЦК: не арестовывать, но и не печатать».) В 1929 г. после «Мы» и «Красного дерева» и я вышла из союза.

.....

В мае 1934 г., когда рассылались анкеты для вступления в новый союз, я анкеты не заполнила. Я член союза с 1943 г., что видно из моего билета. Между 1925—1939 меня перестали печатать совершенно. (См. критику, начиная с Лелевича 1922—33.) Тогда я впервые присутствовала при своей гражданской смерти. Мне было 35 лет. Изд<ания> «Четки», «Белая стая» и «Анно Доміні», напечатанные в Берлине Алянским («Четки» и «Белая стая») и Блохом («Анно Доміні»), не были допущены в Сов<етский> Союз.

I

[Однотомник] Двухтомник. Издательство «Петроград». 1925. (Гессен) — уничтожен. Существует один экземпляр у издателя.

II

Однотомник. Госиздат, 1940. Ленинград. Уничтожен. Существует один экземпляр у Чагина (редактор, кажется, Рыбасов).

III

Однотомник. Госиздат. Уничтожен. 1946, под ред<акцией> Орлова. Экз<емпляр> у меня. (Сначала ред<актором> был Саянов — отказался. Дымшиц тоже.)

IV

«Нечет» — седьмой сборник стихов. Принят в 1946. Возвращен «за истечением срока архивн<ого> хранения». 1952 г. (Ленинград. «Сов<етский> пис<атель>»). (Рукописи у меня.)

V

Двухтомное собрание стих<отворений>. 1935(?). Договор с Федором Левниным. «Сов<етский> <писа-
тель>». Москва. Рукопись возвращена.

VI

«Избранное». 1935. «Сов<етский> пис<а-
тель>»... Рукопись с пометкой и<здательст>ва у меня.

Вместо всего этого в Ташкенте в 1943 г. вышла ма-
ленькая книжка «Избранное» под ред<акцией> К. Зе-
линского (10.000 экз.). Рецензий о ней не было, и ее
было запрещено рассылать по стране. Продавалась она
в каких-то полужакрытых распределителях. На книге не
обозначено место издания. (Запрещали ее, по словам
А.Н. Тих<онова>, 8 раз.)

VII

«Из шести книг». «Сов<етский> пис<атель>». 1940. Ленинград. Под ред<акцией> Тынянова (10.000 экз.). Через 6 недель была изъята из продажи и из б<иб-
люоте>к, запрещена в букинист<ической> продаже. (По распоряжен<ию> Сталина.) Пресса была исключитель-
но ругательная. (См. библиогр<афию>.) Теперь она
продается от 100 до 150 рб.

VIII

Избранное. Огонечное из<да>ние. 1946. Уничто-
жено. Существует один экземпляр у Корниловых.

IX

6 ноября 1958 г. в Москве вышла моя книга «Сти-
хотворения». Ред<актор> А. Сурков. Гослитиздат.

(25.000 экз.) По словам продавцов, она была распродана в несколько минут. [Рецензий о ней не было.] Писателям в Москве и в Ленинграде давали по ранее составленному списку — многим не хватило. В книге всего 85 стих<отворсний> и переводы.

X

После пастернаковской истории (1958) был *запрещен* проектированный сборник стихов по-польски.

XI

В 1963 мне вернули VII сборн<ик> моих стихов «Бег времени» с ругат<ельной> статьей Книпович.

ОТВЕТ РАННИТУ

Когда я увидела в Вашем письме просьбу о еще че-
<44> тырех ответах, мне захотелось воскликнуть, перефразируя чеховскую старушку: «Давно я, грешница, анкет не заполняла».

Дело в том, что при мысли об этой деятельности — я леденею, и мне кажется, как недавно сказала одна остроумная женщина: «Теперь я думаю, что никогда никого не любила и меня никто не любил».

Поэтому [постараюсь] в порядке эпистолярной *causerie** [сообщить Вам кое-что из того, что Вас интересует] я выберу для Вас из моей новой автобиографии несколько фрагментов.

Затем в молодости, как это ни странно, музыку мне заменяла архитектура. В 20-ых год<ах> я занималась

* Беседы (фр.).

арх<итектурой> старого Петербурга. Последнее сильное архитектурное впечатление — Таллин (орденская готика) на Новый в 1954 г. Когда-то Киевская София. Новг<ород> в 1914 г. Псков. Серг<иевская> Лавра, Моск<овский> Кремль, Коломенское.

Живопись: иконы, начиная с Визант<ийской>, Владимирской-Новгород<ской>. Из художников Ал<ександр> Иванов, Федотов, Врубель.

Египет в Лувре с Модильяни.

Испанцы Эль Греко.

Французы

[Как вы знаете] М.б., Вы знаете, что я последняя херсонидка, т.е. росла у стен древнего Херсонеса (т.е. с 7-ми до 13 лет проводила там каждое лето), и мои первые впечатления от изобразительных искусств тесно связаны с хер<сонесскими> раскопками и хер<сонесским> музеем, а так как все это находится на самом морском берегу, античность для меня неотделима от моря. Все это в какой-то мере отразилось в моей ранней поэме «У самого моря». Там меня называли «дикая девчонка» и считали чем-то средним между русалкой и щукой за необычайное умение нырять и плавать.

А в Царском была другая античность и другая вода. Там кипели, бушевали или о чем-то повествовали сотни парковых водопадов, звук кот<орых> сопровождал всю жизнь Пушкина («сии живые воды», 1836), а статуи и храмы дружбы свидетельствовали о иной «гиперборейской» античности.

Итак, когда-то архитектура (Фонтанный Дом) и вода (море в Херс<онесе> и водопады в Царском), а теперь земля и музыка.

15 янв<аря> 1963

Москва

ДЛЯ А. КРОССА

- <45> 1. Дать рецензию Ходасевича <на> «Четки».
2. Предисловие М. Кузмина к «Вечеру». Мандельштама 1926 и <19>22. Матезнус.

3. Показать контрафакцию 1919 г.

4. «Письма о русской поэзии»

«Четки» — 15 марта 1914. Корректуру держал Лозинский. Гумилев, когда мы обсуждали тираж, задумчиво сказал: «А может быть, ее придется продавать в каждой мелочной лавке». Тираж 1-го изд<ания> 1100 экз<емпляров>. Разошлось меньше, чем в год. Главная статья — Н.В. Недоброво. Две — ругательные. С. Боброва и Тальникова. Остальные — похвальные. Мельком о «Белой стае». Обратить внимание на то, что Мако не заметил «Четки» (стр.). («Муж хлестал меня узорчатым» и прочий бред.)

«Все мы бражники...» — стихи скупающей капризной девочки, а не описание разврата, как принято думать теперь. О «Собаке». Стихи, посвящ<енные> мне, периода «Четок». (Образ Ахматовой.)

Сказать об Эшлиман Франсуазе. М.б., дать фото (лето 1914 г. Слепнево).

В поэме «У самого моря» — эпизод с мальчиком («Сероглаз был высокий мальчик») — это история любви Н<иколая> С<тепановича> ко мне.

Гумилев очень любил эту поэму и просил меня посвятить ее ему.

Отношение к моим стихам будущих формалистов.

Полное уничтожение меня, начиная с Буренина до Жданова (Бобров, Тальников, Брюсов...).

Непонятно из чего склубившееся злобное шипение эмигрантов и как его *Victoria Regia* — opus Маковского.

Обижал меня сегодня запад,
И восток родной был тут как тут,
Но весь вечер надо мною плакал
Милый север, давший мне приют.

.....

И сама железная Суоми
Мне сказала: «Ничего — живи».

30 июня 1963. Комарово

МИНИМАЯ БИОГРАФИЯ

Царское было зимой. Крым (дача Тура) — летом,
<46> но убедить в этом никого не возможно, потому что все считают меня украинкой. Во-первых, оттого, что фамилия моего отца Горенко, во-вторых, оттого, что я родилась в Одессе и окончила Фундуклеевскую гимназию, в-третьих, и главным образом, потому, что Н.С. Гумилев написал «Из города Киева, // Из логова Змиева // Я взял не жену, а колдунью...» (1910).

А в Киеве я жила меньше, чем в Ташкенте (1941—1944, во время эвакуации). Одну зиму, когда кончала Фундуклеевскую гимназию, и две зимы, когда была на Высших женских курсах. Но невнимание людей друг к другу не имеет предела. И читатель этой книги должен привыкнуть, что все было не так, не тогда и не там, как ему чудится. Страшно выговорить, но люди видят только то, что хотят видеть, и слышат только то, что хотят слышать. Говорят «в основном» сами с собой и почти всегда отвечают себе самим, не слушая собеседника. На этом

свойстве человеческой природы держится 90% чудовищных слухов, ложных репутаций, свято сбереженных сплетен. (Мы до сих пор храним змеинное шипение Полестики о Пушкине!!!) Несогласных со мной я только попрошу вспомнить то, что им приходилось слышать о самих себе.

Говорить о детстве и легко и трудно. Благодаря его
<47> статичности его легко описывать, но в это описание слишком часто проникает слащавость, кот<орая> совершенно чужда такому важному и глубокому периоду жизни, как детство. Кроме того, одним хочется казаться слишком несчастными в детстве, другим — слишком счастливыми. И то и другое обычно вздор. Детям не с чем сравнивать, и они просто не знают, счастливы они или несчастны.

Как только появляется сознание, человек попадает в совершенно готовый и неподвижный мир, и самое естественное не верить, что этот мир некогда был иным. Эта первоначальная картина навсегда остается в душе человека, и существуют люди, которые только в нее и верят, кое-как скрывая эту странность. Другие же, наоборот, совсем не верят в подлинность этой картины и тоже довольно нелепо повторяют: «Разве это был я?»

В молодости и в зрелых годах очень редко вспоминает свое детство. Он активный участник жизни, и ему не до того. И кажется, всегда так будет. Но где-то около пятидесяти лет все начало жизни возвращается к нему. Этим объясняются некоторые мои стихи 1940 года «Ива», «Пятнадцатилетние руки...», которые, как известно, вызвали неудовольствие Сталина и упреки в том, что я тянусь к прошлому.

<1957–1964>

ДИКАЯ ДЕВОЧКА

Языческое детство. В окрестностях этой дачи («От-
<48> рада», Стрелецкая бухта, Херсонес. Непосредственно
отсюда античность — эллинизм) я получила прозвище
«дикая девочка», потому что ходила босиком, бродила
без шляпы и т.д., бросалась с лодки в открытом море,
купалась во время шторма и загорала до того, что сходи-
ла кожа, и всем этим шокировала провинциальных сева-
стопольских барышень. Однако в Царском Селе она де-
лала все, что полагалось в то время благовоспитанной
барышне. Умела, сложив по форме руки, сделать реве-
ранс, учтиво и коротко ответить по-французски на воп-
рос старой дамы, говела на Страстной в гимназической
церкви. Изредка отец брал ее с собой в оперу (в гимна-
зическом платье) в Мариинский театр (ложка). Бывала в
Эрмитаже, в Музее Александра III и на картинных выс-
тавках. Весной и осенью в Павловске на музыке — Вок-
зал... Музеи и картинные выставки... Зимой часто на
катке в парке.

В Царскосельских парках тоже античность, но со-
всем иная (статуи). Читала много и постоянно. Большое
(по-моему) влияние (на нее) оказал тогдашний власти-
тель дум Кнут Гамсун («Загадки и тайна»); Пан, Вик-
тория — меньше. Другой властитель Ибсен... Училась в
младших классах плохо, потом хорошо. Гимназией все-
гда тяготилась. В классе дружила только с Тамарой Ко-
стылевой, с которой не пришлось больше встретиться в
жизни...

<1957–1964>

Анина комната: окно на Безымянной переулок...
 <49> который зимой был занесен глубоким снегом, а летом пышно зарастал сорняками — репейниками, роскошной крапивой и великанами-лопухами... Кровать, столик для приготовления уроков, этажерка для книг. Свеча в медном подсвечнике (электричества еще не было). В углу — икона. Никакой попытки скрасить суровость обстановки — безд<елушками>, откр<ытками>.

Крестили в соборе на Большом Фонтане.
 <50> Крестный отец — народоволец Романенко — убийца ген<ерала> Стрельникова.

Крестная мать — Мария Федоровна Вальцер — ее визит к Достоевскому.

В Царском Селе я жила в общем с двух до шестнадцати лет. Из них одну зиму (когда родилась сестра Ия) семья провела в Киеве (Институтская ул.⁺) и другую в Севастополе (Соборная, д<ом> Семенова). Основным местом в Ц<арском> С<еле> был дом купчихи Ев-

⁺ Там история с медведем в Шато де Флер, в загородку которого мы попали с сестрой Рикой, сбежав с горы. Ужас окружающих. Мы дали слово бонне скрыть событие от мамы, но маленькая Рика, вернувшись, закричала: «Мама, Мишка — будка, морда — окошко»; а наверху в Царском Саду я нашла булавку в виде лиры. Бонна сказала мне: «Это значит, ты будешь поэтом», но самое главное случилось не в Киеве, а в Гунгербурге, когда мы жили на даче Краббу — я нашла царь-гриб.

Нилька «калуцкая» — Татьяна Ритивкина говорила обо мне: «Это преец будет!», «Наши дела, как сайка бела» и «Отворотятся, не насмотрятся».

до <кни> Ив<ановны> Шухардиной (Широкая, второй дом от вокзала, угол Безымянного переулка). Но первый год века, 1900, семья жила (зиму) в доме Дауделя (угол Средней и Леонтьевской. Там корь и даже, м.б., оспа).

<1964>

(1 октября)

ОПЯТЬ ПРОЗА

О прозе вообще⁺.

I

Ее приходы и уходы. (В 100+2). Невозможность
<51> беллетристики (роман, повесть, рассказ и в особ<е>ниос-

+ Мостик.

Проза всегда казалась мне тайной и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи — я никогда решительно ничего не знала о прозе. Я или боялась ее — или ненавидела. В приближ<е>нии к ней чудилось кощунство или обозначало редкие для меня минуты душевной гармонии.

В первый раз я написала несколько страничек прозой в 1944 г., вернувшись из Ташкента. Страшный призрак, притворивший <ся> Монм Городом, так поразила меня, что я не удержалась и описала эту мою встречу с ним:

Столицей распятой
Иду я домой.

Тогда же возникли «Три сирени» и «В гостях у смерти». (Это как я ездила читать стихи раненым на фронте в Терноки.)

Все убедительно и неожиданно хвалили меня, но я, конечно, не верила ни одному их слову. Позвала Зоценку. Он велел убрать грибоведовскую цитату («Рассудку вопреки...») и еще одно слово и сказал, что с остальным согласен. Я была рада. Потом, после ареста Левы (6 ноября 1949 г.), вместе со всем архивом — все сожгла.

ти> стих<отворение> в прозе). Нечто среднее между зап<исными> книжками, дневниками... т.е. то, что так изящно делали мои милые современники. («Шум времени», «Охранная грамота».)

Вопр<ос>: Сколько времени нужно, чтобы какой-то самый будничнейший отрезок времени превращался в «Тысячу вторую ночь Шахеразады»?

Ответ: Довольно долго, но <если> в нем есть изюминка, вроде [Пушкина] Достоевского или Модильяни (из людей) и войны и революции (из событий), время значительно сокращается.

Предположим, что у книги будет два начала:

(23 марта 1964)

I. Год Эйфелевой башни, Крейцеровой сонаты...

II. Мое детство так же уникально, великолепно...

Затем пойдет «Дому было сто лет», потом опять раздвоение:

I. Царское Село. Укон<инская> фабрика — Царь Максимильян... при нем Гунгер<бург>. Смерть Рики. Пенье m-me Берты. Парки, Роз<овый> павильон. Ли-хун-Чанг. Державин — Некрасов. Дом Дауделя — корь. Начало чтения.

II. Херсонес (дикая девочка) Купанье. Смерть 1903. (раскопки).

ВВЕДЕНИЕ

Не все, что будет сказано сейчас, — сказано мною.
<52> В описании Ц<арского> С<ела> и его обитателей по-

явится другой голос, но я точно знаю, что ничего [другого] иного я сказать не могу и не хочу, что все это мы тогда обсуждали вместе и что этому голосу уже давно пора прозвучать.

Что же касается мемуаров вообще, я предупреждаю читателя: 20% мемуаров так или иначе фальшивки. Самовольное введение прямой речи следует признать деянием уголовно наказуемым, потому что оно из мемуаров с легкостью переключивается в [серiousные] почтенные литературоведческие работы и биографии. Непрерывность тоже обман. Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак⁺. При великолепной памяти можно и должно что-то забывать. Мне приходит в голову такой пример: если бы я до такого-то года писала о Б.Л. Пастернаке, могла ли я написать, что он заставил М.С. Петровых принять от меня в подарок золотой перстень с гладким черным камнем. Я насмерть и бесповоротно забыла этот факт, а таинственное кольцо украшает тонкую юную руку дочери Марии Сергеевны Ариши. Моей же памяти до сих пор дивятся люди. (О матер<иальной> гибели всех мест: Ц<арское> С<ело>, Севастополь, Киев, дача Тура.)

Сны — война — террор.

I. В «ЛИСТКИ ИЗ ДНЕВНИКА»

Это был 1934 г. Я уже девять лет не печаталась (пос-
 <53> ле первого пост<ановления> обо мне), мои портреты
 снима<ли> на выставках, имя вычеркивали из перечисле-

+ Проп<уски>

ний, книги не переиздавали, иностранцам говорили, что я перестала писать, и они свято верили.

В 1930 г. я подала заявление об уходе из союза в связи с «Мы» Замятина и «Крестным» деревом» Пильняка. Это, надо думать, не улучшало мое положение. Я жестоко хворала и бедствовала, это отвлекало меня от мыслей о моей судьбе вообще, но, конечно, тогда казалось, что так будет всегда. Царскосельская поэма «Русский Трианон» подвигалась туго. («О, знал ли он, любитель двух столетий, // Как страшно третьим будет принят он»)⁺. Так я пророчила Царскому Селу финальную иллюминацию 1941 г.

II. В очереди у «Крестов»

Молочница поставила бидон на снег и громко сказала: «Ну! У нас сегодня ночью последнего мужика взяли».

Я стояла [в очереди] на прокурорской лестнице. С моего места было видно, как мимо длинного зеркала (на верхней площадке) шла очередь женщин. Я видела только чистые профили — ни одна из них не взглянула на себя в зеркало...

Адмирал Чичагов сказал на свиданье своей жене: «Ils m'ont battu»*. (20-е годы.)

Во время террора, когда кто-нибудь умирал, дома его считали счастливецом, а об умерших раньше матери, вдовы и дети говорили: «Слава Богу, что его нет».

Посадить кого-нибудь было легче легкого, но это не значило, что вы сами не сядете через 6 недель.

<1964–1965>

⁺ Мне суждено запомнить этот сон,
Как помнят мать, осиротевши, дети.

* «Они меня били» (фр.).

Для ТАСС'а

В БЛОКАДЕ

(До 28 сент<ября> 1941)

I

Первый день войны. Первый налет. Щели в саду —
<54> Вовка у меня на руках. Литейный вечером. Праздничная толпа. Продают цветы (белые). По улицам тянется бесконечная процессия: грузовики и легк<овые> машины. Шоферы без шапок, одеты по-летнему, рядом с каждым — плачущая женщина. Это ленинградский транспорт идет обслуживать финский фронт. Увоз писательских детей. Сбор в переулке у союза. Страшные глаза неплачущих матерей.

Крупные деньги вывезены из города (ответ в банке).

Моряки с чемоданчиками идут на свои суда. Все писатели уже в военной форме. Похороны «Петра» Ра-ст<релли> и статуй в Летнем <Саду>. Первый пожар. Я — по радио из квартиры М.М. З<ощенко>.

Тревога каждый час. Город «зашивают» — страшные звуки.

II

Возвращение 1 июня 1944

ДАТЫ

(малый список)

<55> Одесса. Большой Фонтан 11 ст<анция> паровика, дача Саракини. 1889 (Иванова ночь). Ночь на 24 июня нов. ст.

Павловск. Солдатская ул<ица>. (Есть фото.)

Царское Село. Холодный дом. Широкая, первый от вокзала (налево). Сгорел от «белой» бомбы в 1919 г. (Есть семейная группа.)

Дача Бернаскони. Безымянный пер<еулоч>. (Мне 4 года (?))

Малая, д<ом> Сергеева. (Там сумасшедший Дубельт — внук Пушкина.)

Киев. Институтская. Рожд<ение> сестры Ин. (Мне 5 лет.)

Дифтерит у брата. Мы в гостинице над Бессарабкой.

Царское Село. Широкая, д<ом> Шухардиной⁺ (низ). На углу Безымянного пер<еулоч>. Рож<дение> брата Викт<ора>. Лето у тетки Вакар в Шелихове. Смерть сестры Рики (Ириши).

Гунгербург. Мерикульская ул<ица>, д<ом> Шкотта (низ). Есть фото. Старшие дети дружат с <нрзб>.

Гунгербург. Дача Крабба. (Царь-гриб). Группа на гимнастике. (Мне 6 лет?)

Севастополь. Соборная, д<ом> Семенова, одна зима. (Хожу в школу.)

Царское Село. Уг<ол> Средней и Леонтьевской, дом Дауделя. (1900?) Корь. 1-ый смертный приговор.

Лустдорф, дача..... (Лето 1904.) около Севастополя (Стрелецкая бухта) дача Н.И. Тура — «Отрада» (семь лет). Херсонес.

Царское Село. Широкая, д<ом> Шухардиной (верх). Гимназия. (Стихи.) До весны 1905. У брата Андрея бывает Н.С. Гумилев.

⁺ См. мою прозу «Дому было сто лет».

Царское село. Бульварная, д<ом> Соколовск<о-го>. (Лето 1905 г.) (Отъезд в первых числах августа.)

Евпатория. (На въезде в город) последний дом, Пасхалиди. (1905—06). Готовлюсь в посл<едний> кл<асс> гимназ<ии>. Стихи.

Киев. Меринговская, д<ом> Демчинко (1-ый этаж). У кузины М.А. Эмунчила. Последний год в гимназии. Приезд Гумилева.

Дача д<окто>ра Шмидта ок<оло> Севастополя. (Грязелечебница.) Приезд Н.С. Г<умилева>.

Севастополь: Малая Морская, д<ом> Мартино (II-ой этаж). Приезды Н.С. Г<умилева>.

Балаклава (одно лето). Поездка к отцу. (Наб<ережная> Средней Невки № ...) II-ой этаж.

Киев. Предславинская ул<ица>. (На юр<идических> курсах.) Приезды Н.С. Г<умилева>.

Киев (не помню ул<ицу>) 1910 г. (Выхожу замуж, уезжаю в Париж.)

Paris, rue Bonaparte, 10.

Царское село. Бульварная, д<ом> Георгиевского. (Пишу в зиму 1910—11 будущий «Вечер».)

В 1912 в Швейц<арии> и Италии. Лозанна, Уши, Оспедалетти, Слепнево Бежецкого уезда, Тверской губ<ернии>. (Каждое лето с 1911 до 1917.) («Бел<ая> ст<ая>».)

Вас<илиевский> Остр<ов> — «Тучка». 1914. («Четки».)

Царское Село. Малая, 63. (С осени 1911 г. до весны 1916 г.)

П<етербур>г Бол<ьшая> Пушкарская. Весна 1915 г. (обострение t.b.c.).

Петербург. Боткинская, 9 (у Срезневских). 1916
конец — 1918 г.

Москва (первая) с Шилейко. III-ий Зачатьевский,
3? Осень 1918. С Вл<адимиром> Каз<имировичем>
Шилейко. Стихи.

Петербург. Фонтанка, 34. Фонтанный Дом Ше-
р<еметевых>. Южн<ый> фли<гель>, потом — север-
ный, кв. № 44, т. 2-12-40 (Не считая короткие отъез-
ды, прожила 35 л<ет>.)

Сергиевская, 7 (комнаты при службе, т.е. Агроно-
м<ический> и <нстит>ут.)

Казанская, 3 (III-ий этаж). Несколь<ко> месяцев
в 1924 с Ольгой Судейкиной. («Лотова жена», «Муза».)

Фонтанка, 18. (Четвертый двор, у Ольги Аф<а-
насьевны> Глебовой). Верхний этаж.

Царское Село. Полубольница против д<ома> Ки-
таевой. Там 1 сент<ября> — весть о смерти Н.С. Г<у-
милева>.

Царское Село. Полуциркуль больш<ого> дворца.
Есть фото. (20-ые годы.) В кварт<ире> Рыбаков<ых>.

Царское Село. Пансионат Зайцева (против Епар-
хиального училища) с Мандельштамами. Все время боль-
на — туберкулез.

Фонтанка, 2. С О.А. С<удейкиной> — несколь-
ко месяцев (наводнение). Есть фото. Отъезд Ольги.

Царское Село. С больной В.А. Щегловой в 1931 г.
Средняя улица.

Мраморный дворец (одно окно — на Суворова, дру-
гое — на М<арсово> Поле. 20-ые годы (Кварт<ира>
Шилейко — он в Москве.) Туберкулез.

Ташкент. Ул. Карла Маркса, 7. Общежитие моск<овских> писателей. («Какая есть...»). (Начала трагедию.)

Ташкент. Улица Жуковского, «Белый Дом».

Балахана. («Новоселье».) Трагедия (продолж<ение>).

Мысли о Достоевск<ом> и Толстом.

Ленинград. Красная Конница, 4, кв. 3. (Февраль 1952—1961 г.) («Последнее стихотворение».)

Ленинград. Ул. Ленина, 34, кв. 23. Там узнала о смерти Н.Н. П<унина>. С 1955 дача в Комарове — Будка.

Декабрь 1964 — в Риме, Таормине и Катанье.

В Риме. Hôtel «Piazza» (могила Августа).

Hôtel «Victoria».

I «Paisiello»

Таормина. «St. Dominico».

Катанья. Hôtel «Exelsior»

Июнь 1965 г. — в Лондоне, Оксфорде и Париже (Hôtel «Napoléon»).

Лондон. Отель «Президент» Расселсквер.

Оксфорд. Отель «Рандольф».

Париж. Hôtel «Napoléon» (июнь 1965).

Стратфорд. Несостоявш<ийся>.

Париж. Boul<evard> Raspai.

В Москве

У Мандельштамов — Нащокинский переулок 1933—34 г. Большая Ордынка, 17, кв. 13. С 1950 <по> 1962. (У Ардовых.)

У Любы: Сокольники. Ул. Короленко, 7.

У Западовых: ул. Шевченко (дом «Известий»), кв.
У Маруси: Беговая; Хор<ошевское> шоссе.
У Ники: Садово-Каретная.

В Севастополе

С мамой в детстве до дачи Hôtel Кидонис на Екатерининской (Grand Hôtel) и в 1916 нанимала комнату на Екатерининской ул<ице>. Стихи. Уехала на север 19 дек<абря> 1916. Месяц в Слепневе. (Русская зима, тяжелая астма). (Предрев<олюционный> Петербург.)

Генеральная репетиция «Маскарада». Я с Б.В. А<нрепом>. На разведенном мосту (Литейном) 25 окт<ября> 1917.

Горит окружной суд, я — в толпе.

25 авг<уста> 1915 г. — Смерть отца. Набережная Средней Невки.

Осенью 1916 — в Бахчисарае (гостиница). Н.В. Н<едоброво>.

На Бельбеке (осень 1916 г.) (Гощу несколько дней у Юнии Анреп.) Стихи: «Судьба ли...»

Взрыв «Марии». Я с сестрой — на Графской пристани.

Приезд Колчака (1916).

Я на царской ферме у Рыковых (1919 г.) («Я спросила у кукушки»).

Санатории

Хювинкя. Около Гельсинки. Туберкулезный санаторий («Как невеста получаю...» Осень 1915 г.). Была недолго после смерти отца, потом провалялась всю зиму в Царском. О моей болезни «не вспоминает» никто.

Дюрмень. 17 килом<етров> от Ташкента. Была после перс<идского> тифа, перед брюшным.

В 1951 летом после первого инфаркта Удельная под Москвой. В *Болшевце* — «Сосновый бор» была несколько раз (Четыре?), первый раз в 1952. Санатория Ак<адемии> наук. (Проза о Модильяни.) II-ой корпус. Там подружилась с сестрами Игнатовыми.

В Кисловодске. На Крестовой Горе. Цекубу. Июль 1927. («Здесь Пушкина...») (Качалов, Рубен Орбели, Маршак).

Гаспра. 1929. Осенью. Тяжелая астма. Весь месяц пролежала.

Голицыно. (Три? Раза) «Дом творчества».

Комарово. «Дом творчества» (несколько раз). С Ханной, с Любочкой Большинцевой.

В Старках у Шервинских (ст<анция> Пески под Коломной) месяц в 1936 г. и в 1952 г. Месяц в 1956 (стихи из цикла «Шиповник цветет»). На альте играет мне Др<ужинин> Чакону Баха. Вязы. Вороны. (Есть фото.) Портрет Анюты Шерв<инской>. Грозы.

На Сиверской у уехавших в Крым Щеголевых [(Есть фото)] с Людмилой Замятиной. (В альбоме есть фото — на диване.)

Н.В. Н<едоброво>. В Дарнице на даче у мамы летом 1914 (июнь).

В апреле 1924 — поездка в Москву (2 вечера — свой в Политехническом музее и «Русского современника») и в Харьков, где пела Зоя Лодий. (Чуковский, Замятин, А.Н. Тихонов.) В Москве жила в гостинице, в Харькове — у антрепренера Якобсона (?) (Результат выступления — первое пос<тановление> ЦК.)

В марте 1936 г. ездила в Воронеж к Мандельштамам (Стихи — «Воронеж».)

Летом 1936 жила в *Разливе* с Н.Н. П<униным> (после Старков) («Данте»). Дача № ...

Гостила у Вали Срезневской с больной Ириной Пунинной на *Горской* (один месяц) летом 1931 г.

(Перенесла [три] четыре клинических голода: I — 1918—1921, II — 1928—1932 (карточки, недоедание), III — война, в Ташкенте, IV — после пост<ановления> ЦК 1946 г.)

(Базедова болезнь 1936—1938 гг.). Лечил доктор Баранов (Мариинская больница).

Ездила в Таллин смотреть готику на Новый год 195<4>. Со мной Аня Каминская. Жила у Тани Пумпянской (Юпоны). Адрес. Мужа Тани за то, что он провозжал меня, — вызывали куда следует.

9 июня 1914 ехала из Киева (Дарницы) от мамы в Слепнево. На станции Подсолнечной на минуту встретилась с Блоком. (См. Зап<исные> кни<жки> Блока, стр. и мои восп<оминания> о Блоке и многом другом.)

Вместе с Н.В. Н<едоброво> <в> 1916 смотрела, как уплывал горящий деревянный мост на Неве. (См. Зап<исные> кн<ижки> Блока.)

В 1918 (май) с Ник<олаем> Степ<ановичем> Гумилевым ездила в Бежецк к сыну. Развод был уже решен. Адрес А.И. Г<умилевой>: Гражданская, 70.

Август — развод (повестка) (начало).

В день убийства Столыпина в Киеве (1911) ехала на извозчике и больше получаса пропускала мимо сначала царский поезд, затем киевское дворянство на пути в театр...

В 1916 — в день именин царицы (23 апреля по ст<а-рому> стил<ю>) — ехала в Царское Село в одном вагоне с Распутиным. Он сидел против меня, и я его хорошо разглядела.

В апреле 1946 с другими ленингр<адскими> поэтами ездила в Москву (7 выступлений. Клуб писателей, Колонный зал, Университет и т.д.). С нами выступал Пастернак.

Была чл<еном> II-ого съезда писателей (1954) в Москве (с решающим голосом, есть фото). Жила в гост<инице> «Москва».

В этом (1965) тоже. Со мной была Аня.

На Рождество 1914 провожала Ник<олая> Ст<е-пановича> на фронт до Вильны. Там ночевали в гостинице, и утром я увидела в окно, как молящиеся на коленях двигались к церкви, где икона [Ченстоховской] Остробрамской Божьей Матери.

Ну, довольно Ахматовой, дат, адресов, названий книг и всего на свете. Дождь льет, добрый старей финский дождь. Осень царствует и великолепствует, как молодая королева в своей любимой столице. Я сегодня ночью чуть не умерла. Начинался припадок — потушила его полным дыханьем, но все-таки он напомнил, как это все близко лежит. <...>

ДЛЯ ЛИДЫ

^{<36>} 1. «Закат»
2. «Одна звезда» (284) | } | Не признаю своими
«Если плещется» 1 дек<абря> 1928 (неверн<ая> дата). |
|--|---|--|

«Тот город» — 1929.

«R<equiem>» — 1935–1940.

1936 — один из удачнейших годов⁺.

Безобразно напечат<ано> стих<отворение> «Угадаешь...».

Где «Многим» («Я — голос ваш...»), сент<ябрь> 1922. — «Флейта Марсия»

Нет 6 стих<отворений>;

1. «Последний тост»

2. «Один идет»

3. «Что войны, что чума»

4. «А человек, который»

5. «Вместо посвящения» нап<счатано> к циклу «Из сож<женной> тетради»

6. «И это будет для людей» (Рим).

7. «Важно с мальчиками простились...»

Опечатка в эпиграфе к «Дидоне».

В стихах к Марине — *Маринская башня.*

<...>

Стр<уве> не подозревает, что после вечера «Р<усского> сов<ременника>» в Москве было первое пост<ановление> в 1925 г.

Даже упоминание моего имени (без ругани) было запрещено. Оно выброшено из всех перечислений — оно просто не существует. Г-ну Струве кажется мало, что я тогда достойно все вынесла, он, якобы занимаясь моей поэзией и издавая толстенный том моих стихов, предпочитает вещать: «Ее звезда закатилась». И бормочет что-

⁺ Кончила сказку (Москва). Написала «Данте» (Разлив) и уже дома «Творч<ество>», «От тебя я сердце...» В марте — «Мандельштам» (Воронеж). «Одни глядятся в ласковые взоры».

то о новом рождении в 1940 г. Но почему же тогда «Четки» и «Белая стая», кот<орых> переписывали от руки и искали у букинистов, не находили себе издателя. Просто оттого, что книги находились в *index librorum prohibitorum*. Двухтомник Гессена («Петроград», 1928) был запрещен — корректура есть у Лукницкого. Ругань (о кот<орой> г-н Струве умалчивает) началась систематическая примерно с Лелевича («На посту»). «Мы не можем почувствовать женщине, кот<орая> не знала, когда ей умереть», — писал Перцов, и это самая приличная фраза из его статьи («Жизнь искусства», 1925). Позднее (1946) про Сергиевского в Москве говорили: «Он себе из Ахматовой шубу сшил». Как про дачу Плоткина: «На ваших костях стоит».

Затем, как может не прийти в голову г-ну Струве, что в то время я писала нечто, что не только печатать было нельзя, но даже читать т<ак> н<азываемым> «друзьям». (Таков был «Реквием».) Вот несколько таких стих<отворений>:

0. Не мудрено, что похоронным звоном («Лит<ературная> газ<ета>»).

1. Алекс<андрийские> стихи (О, лучше б ястребом). 20-е годы⁺.

2. Зачем вы отравили воду. 1935.

3. Эпиграммы (20-ые годы).

4. Пива светлого наварено (1922).

5. Не столицей европейской (30-ые годы).

6. Привольем пахнет дикий мед⁺⁺ (30-е годы).

⁺ Стихи никогда не были записаны, оттого невозможно точно их датировать.

⁺⁺ И Манд<ельштам> и Пастернак считали это одним из лучших моих стихотворений.

7. Последний тост (1931 г.?).
8. Русский Трианон (сгорел).
9. И ты мне все простишь (20-ые годы).
10. Морозова (30-ые годы).
- 11–13. Черепки (30-ые годы).
14. Подражание армянск<ому>.
15. Стекланный звонок.
16. И неоплаканною тенью (20-ые г.).
17. На стеклах нарастает лед (30-ые).
18. Что войны, что чума (Метал<лург Новокузнецка>).
19. Заклинание (Из тюремных ворот) (30-ые годы).
20. В том доме было очень страш<но> (20-ые годы) (полузабыла).
- Итого 20 при беглом больничном.
- (21. Стансы.
22. Подвал памяти).
23. Заклинание (30-ые годы).
24. Застольная.

Продолжение

Когда Осинский и Коллонтай попытались пикнуть, их немедленно утомили. Простые смертные не смели рот открыть. (Книга Виноград<ова> шла как научная, «Образ Ахм<атовой>» — как рукопись.) Очень мило звучат критические статьи того времени. Напр<имер>: «Критика и контрреволюция». Можно еще заглянуть в тогдашнюю «Литературную энциклопедию» (!?) (авторы Маслин и Рыбасов). Всем этим с высоты своего калифорн<ийского> великолепия г-н Струве пренебрегает. Он говорит о тяжело больной (находили даже туб<еркулез> брюшины) женщине, кот<орая> чуть не

каждый день читала о себе оскорбительные и уничтожающие отзывы и, если бы не поддержка верного читателя, вероятно, так или иначе погибла. Это были годы голода и самой черной нищеты. То странное «пособие», кот<орое> я получала, я делила между мамой илевой и жила на несколько рубл<ей> в месяц. Это тогда знали все. Знают и теперь.

Почему-то под стих<отворением> «Если плещется» Струве ставит 1940. Оно написано 1 дек<абря> 1928. «Я — голос ваш» («Многим»). Было нап<ечата>но в журнальчике «Флейта Марсия» — и отсутствует. «Видел я тот венец», «И мы забыли навсегда» были в некоторых экземплярах «Анпо Domini» (Берл<ин>), <их> тоже нет. Все это узловыи вещи. «И мы забыли навсегда» — самое настоящее предсказание...

Этот I-ый том производит впечатление последней корректуры, над которой еще надо серьезно поработать: перепутаны даты («Если <плещется>»), [пропала] развалилась целая поэма («Путем...»), нет цикла («Новоселье»), возникли произвольн<ые> инициалы («Нам встречи нет»), все в чудовищных опечатках, никуда не годится расположение стихов.

А все дело в том, что когда человек по природе своей лентяй, нечего ему заниматься изданием якобы академических изданий.

Болгарин Георгиев работал несколько лет и прислал мне мою болгарскую библиографию на четырех листах (даже книжечка [была], разыскал). В Чехии вышло два однотомничка «Белая стая» (один до войны), с интересным послесловием Матезиуса, (еще раньше роск<ош>ное изд<ание>, пер<евод> Баблера), затем недавняя

книга с заглавием...⁺ (всего — 4). Синьор Эйнауди с Божьей помощью у себя в Турине печатает «Поэму без героя», «Requiem» и еще что-то (перевод Карло Риччо). Неплохо было бы этому видному калифорнийцу также посмотреть, что делается в Германии («Requiem», «Das Echo tönt», двухтомник 1965 г. и отзывы вроде Гюнтера в книге женских русских стихов). (См. стр. ...). Ландольфи — ученик Ло Гатто — еще в 30-ых годах — диплом.

Сейчас я записывала в больнице без возможности малейшей справки, что приходило в голову, но могу уверить калифорнийца, что это только капля в море.

Между прочим, существует хорошая статья о «Поэме без героя» пера Жана Бло в журнале «Reuues». Это уже не Болгария.

Профессор говорит о предисловии Ло Гатто, но почему не сказать о столь же пространном предисловии Бруно Карневали в пармской Ахматовой, о предисловии Скукалека в словацкой книге («Козырная дама русской поэзии») et ainsi de suite⁺⁺. Существует, например, очень значительная статья Зветермича в «Paese Sera». Книга в Англии в 20-ых годах (Daddington).

Если бы Струве дождался выхода «Бега»⁺⁺⁺, он понял бы, что существует маленькая поэма 1940 г. «Путем вся земля», что «Шаг времени» — случайное, так и называемое редакторское заглавие и к «Предыстории» никакого отношения не имеет, стихотворе-

⁺ Всего в Чехии — 4, пятую готовит Марчанова. В Италии тоже — 4, пятая печатается. У Эйнауди.

⁺⁺ И тому подобное (фр.).

⁺⁺⁺ а не печатал бы куски из разных журналов. Существование цикла «Новоселье» тоже неизвестно просвещенному редактору.

ние» «Зов» могло бы быть не изуродовано до бессмыслицы, по крайней мере [пять], [семь], [10], 11 стих<отворений> не были бы забыты («Последний гост», 1934, «Один идет...», 1940, «А человек, кот<орый> для меня...», «И это будет для людей», 1964, посл<еднее> стих<отворение> «Полночных стихов», 1965 [«Что войны»], «Вместо посвящения» в «Шип<овник> цветет», «Важно с девочками простились», «Ты пьян и все равно...» (из «Новоселья»), стихотв<орение> «Я не была здесь лет семьсот...» имеет 1-ую строфу, кроме 2-ой и 3-ей. Все это довольно существенно. В самом «Беге» только две пустячные опечатки. (В стих<отворении> Срезневск<ой> — лишнее С и «шапках» вместо «шляпах» в «Под Коломной», и редактор из зловердства неверно датировал «Смерть поэта» (Б. П<астернаку>). У Струве пропушено и последнее стихотворение из цикла «Новоселье»: «Как будто страшной песенки» («Встреча»). Кроме того, пропушена моя ташкентская «Смерть»: «А я уже стою на подступах...» и «Я была на краю чего-то», а главное и самое непростительное, нету «Всем обещаьям вопреки» («Б<ег> в<ремени>», стр. 440).

Итак, при двух неизвестно чьих стих<отворениях> («Закат» и «Одна звезда...») не хватает 11-ти проверенных и одобренных автором стихотворений, всунуты стихи из старых журналов, отвергнутые автором для книг, из цикла «Новоселье» выпало заглавие и два стих<отворения> (второе и четвертое), «Полночные стихи» испорчены тем, что произошло с «Зовом». (Выпала строка.)

Не надо было печатать и кусок «Поэмы без Героя», раз она вся идет во II-ом томе. Что сделано с «Путем

вся земли» — «неприятно и речь затевать», как говорил Некрасов. Еще неприятнее писать о Предисловии. С этого я начинаю мою критику и не буду повторяться.

КОРОТКО О СЕБЕ

Я родилась 11 (23) июня 1889 года под Одессой (Большой Фонтан). Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север — в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет.

Мои первые воспоминания — царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошади, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царскосельскую оду».

Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет — древний Херсонес, около которого мы жили.

Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже начала говорить по-французски.

Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет. Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфирородного отрока») и Некрасова («Мороз, Красный нос»). Эти вещи знала наизусть моя мама.

Училась я в Царскосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно.

В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории,

где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов. Отзвуки революции Пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории. Последний класс проходила в Киеве, в Фундуклевской гимназии, которую и окончила в 1907 году.

Я поступила на Юридический факультет Высших женских курсов в Киеве. Пока приходилось изучать историю права и особенно латынь, я была довольна; когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела.

В 1910 (25 апреля старого стиля) я вышла замуж за Н.С. Гумилева, и мы поехали на месяц в Париж.

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя) была еще не совсем закончена (бульвар Raspai). Вернер, друг Эдисона, показал мне в *Taverne de Panthéon* два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы, тут — большевики, а там — меньшевики». Женщины с переменным успехом пытались носить то штаны (*jupes-culottes*), то почти пеленали ноги (*jupes-entravées*). Стихи были в полном запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую поэзию.

Переехав в Петербург, я училась на Высших историко-литературных курсах Раева. В это время я уже писала стихи, вошедшие в мою первую книгу.

Когда мне показали корректуру «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского, я была поражена и читала ее, забыв все на свете.

В 1910 году явно обозначился кризис символизма и начинающие поэты уже не примыкали к этому течению. Одни шли в футуризм, другие — в акмеизм. Вместе с мои-

ми товарищами по Первому Цеху поэтов — Мандельштамом, Зенкевичем и Нарбутом — я сделалась акмеисткой.

Весну 1911 года я провела в Париже, где была свидетельницей первых триумфов русского балета. В 1912 году проехала по Северной Италии (Генуя, Пиза, Флоренция, Болонья, Падуя, Венеция). Впечатление от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь.

В 1912 году вышел мой первый сборник стихов — «Вечер». Напечатано было всего триста экземпляров. Критика отнеслась к нему благосклонно.

1 октября 1912 года родился мой единственный сын Лев.

В марте 1914 года вышла вторая книга — «Четки». Жизни ей было отпущено примерно шесть недель. В начале мая петербургский сезон начинал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а в Петроград, из XIX века сразу попали в XX. Все стало иным, начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. Время распорядилось иначе.

Каждое лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в пятнадцати верстах от Бежецка. Это неживописное место: распаханное ровными квадратами на холмистой местности поля, мельницы, трясины, осушенные болота, «воротца», хлеба, хлеба... Там я написала очень многие стихи «Четок» и «Белой стай». «Белая стая» вышла в сентябре 1917 года.

К этой книге читатели и критика несправедливы. Почему-то считается, что она имела меньше успеха, чем

«Четки». Этот сборник появился при еще более грозных обстоятельствах. Транспорт замирал — книгу нельзя было послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде. Журналы закрывались, газеты тоже. Поэтому в отличие от «Четок» у «Белой стаи» не было шумной прессы. Голод и разруха росли с каждым днем. Как ни странно, ныне все эти обстоятельства не учитываются.

После Октябрьской революции я работала в библиотеке Агрономического института. В 1921 году вышел сборник моих стихов «Подорожник», в 1922 году — книга «Anno Domini».

Примерно с середины двадцатых годов я начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина. Результатом моих пушкинских штудий были три работы — о «Золотом петушке», об «Адольффе» Бенжамена Констана и о «Каменном госте». Все они в свое время были напечатаны.

Работы «Александрина», «Пушкин и Невское взморье», «Пушкин в 1828 году», которыми я занималась почти двадцать последних лет, по-видимому, войдут в книгу «Гибель Пушкина».

С середины двадцатых годов мои новые стихи почти перестали печатать, а старые — перепечатывать.

Отечественная война 1941 года застала меня в Ленинграде. В конце сентября, уже во время блокады, я вылетела на самолете в Москву.

До мая 1944 года я жила в Ташкенте, жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте. Как и другие поэты, часто выступала в госпиталях, читала стихи раненым бойцам. В Ташкенте я впервые узнала, что такое в палящий жар древесная тень и звук воды. А еще я узнала, что такое человеческая доброта: в Ташкенте я много и тяжело болела.

В мае 1944 года я прилетела в весеннюю Москву, уже полную радостных надежд и ожидания близкой победы. В июне вернулась в Ленинград.

Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я описала эту мою с ним встречу в прозе. Тогда же возникли мои очерки «Три сирени» и «В гостях у смерти» — последнее о чтении стихов на фронте в Териоках. Проза всегда казалась мне и тайной и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи — я никогда ничего не знала о прозе. Первый мой опыт все очень хвалили, но я, конечно, не верила. Позвала Зощенку. Он велел кое-что убрать и сказал, что с остальным согласен. Я была рада. Потом, после ареста сына, сожгла вместе со всем архивом.

Меня давно интересовали вопросы художественного перевода. В послевоенные годы я много переводила. Перевожу и сейчас.

В 1962 году я закончила «Поэму без героя», которую писала двадцать два года.

Прошлой зимой, накануне дантовского года, я снова услышала звуки итальянской речи — побывала в Риме и на Сицилии. Весной 1965 года я поехала на родину Шекспира, увидела британское небо и Атлантику, повидалась со старыми друзьями и познакомилась с новыми, еще раз посетила Париж.

Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных.

1965

Все вкисало болити, слезозова, а перед
смертью все таки ^{попытки} ~~отважился~~ ^{отважился}, сторожил, выжидал
ее стрелу: "Добавь мне немного"
"Где же ты тебе немного достанешь"
ответил ей стрелой.
И за это величайшего эту страстицу
биографии слезозова.

Х: Относится ко мне, как Микеланджело
 Андреа к Виктории Колонте. ^(Она умерла в 43)
 она умерла от долгого горя, что не
 поцеловал ее мёртвее лицо, а только
 руку.

Продолжение

Thos. Gordon.

Нет! — Дима Николаевич.

Чем больше я пишу, тем больше вспоминаю.

Какие то дамыные порозки на извожнике,
когда дожде ушито бардабант ^{поднятому}
и вапс лине дураб (Avia) сибирей с заплом, издрот
привлекли и в атом издрот сибирей и
(Горбунинский)

Учред. и ^исодруж. Цена, когда М. П.
говарит своим издателям поносом.

[Как страшно мне было услышать
этот голос на верши Еропалки в Союзе,
когда откуда то сверху м.д. стал
читать Котляренко то письмо "Ада".

О ^{государственных} гражданских ^{дел} ~~мурсе~~ ^{востанов}

Все вокруг по поводу на собраниях
при восстании. Мир в Союзе

(1950) Привлечен, когда ему было поручено

Искать прав он имеет право припомнить
слова Ломоносова о том, что скорее можно

(216) Отставит Академию от него, чем наоборот.
 А про мои стихи скажут, что они будут жить
 столько же, как язык на котором они
 написаны. А с грустью смотрю на
 потупившие глаза Вал. Яко. Вал. Гус. —
 когда звучат эти реч. Времени много
 серьезное, много сидит и в доме в законе,
 как в тюрьме почти всегда.

[См. Блейк. Стр. 29. Сравнить с Паминг "Гус"
 Блейк / Паминг
 Мы возведем Гусанит / Стены. Новых Гусанит
 в зеленых Англии / Ни покаяний родной
 родной стране

Молния и вобрала давний град
 Жаркое сердце / земли и град —
 И всё мне казалось, что в Раю
 из камня последнюю ступень.
 Кто-то такое есть и Блейк, но и в 1917 г.
 Блейк не знала (Блейк) — ах, рад на
 Книга Псалм "авно также тема. (Блейк)
 Я матерью стала рибенку,
 усатому тому кто тем, в догору
 Не грозно и ирадно в догору
 Мне ветер извиринит суден.

ИЗ ПЛАНОВ
НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ КНИГ
ПРОЗЫ АННЫ АХМАТОВОЙ

КНИГА МОИ ПОЛВЕКА

(1910–1960)

Вступление

[1] Ф.М. Достоевский (рассказ М.Ф. Вальцер).

<1> Ависага.

2. Ам<едео> Модильяни (Париж)

3. Ал<ександр> Блок (1911–1921). Выступления.
Единственная беседа. Легенда. Объяснение ее стойкости.
Похороны. Про Ремизова (засада).

4. Мандельштам (1910–1937).

5. Пастернак в 1935 г. Письмо Сталину.

6. Цветаева (2 дня 1941 г.). (Стихи.)

7. Башня (1910–1911) Вяч. Иванов (Вера и др.).

8. Бродячая собака (1912–1914). (Две зимы).

9. Цех поэтов (I-ый).

10. Акмеизм – («Судьба акмеизма»).

10. Царское Село (Г<умиле>в, тайна его любви).

11. Петербург. С 90-ых годов 19 века до наших дней.

12. Москва в 1918 (3-ий Зачатьевский).

13. Слепнево 1911–1917. Его огромное значение в
моей жизни.

14. Проза или вернее «О прозе».
15. Все о лирике. Жанр, в кот<ором> человек меньше всего выдает себя и почему.
16. Павловский вокзал. (Его запахи, шумы, дымы, парк, люди.)
17. Москва в 1914. (С вокзала на вокзал через Кремль. Накануне войны 1914). В 1918 — Третий Зачатьевский. Голодная Москва.
18. Февральск<ая> революция. Генеральная репетиция «Маскарада». Октябрь на мосту.
19. Мои жилища. Дворцы и нищая жизнь в них. I. Фонтанный Дом. II. Мраморный. III. Сергиевская, 7.
20. Заметки о Поэме [и о прозе]. (Несколько.)

<1961–1962?>

МОИ ПОЛВЕКА

(продолж<ение>)

Первая часть

«Мы еще не знаем, что такое
животные и растения...»

Один: Как клетка похожа на правду!

Другой: Да. На правду не похожа

Только сама правда.

(Из подслушанных бесед)

I-ая глава: Дому было сто лет. (Начала писать в Ташкенте.) Царско<се>льские похороны. Царское Село с большой цитатой из мемуаров Н. Пунина «Город Муз». Стихи Н.С. Г<умилева>. Гимназия.

II-ая глава. Мнимая юность. Евпатория. Севастополь. Киев. Стихи. Рассказ М.Ф. <Вальцер> о Достоевском.

III-я гл<ава>. Париж 1910—1911. Слепнево. Его великое значение в моей жизни.

IV-ая гл<ава>. Петербург 10-ых годов. Башня. Цех поэтов. Акмеизм. Малая, 63. «Четки». Война 1914 г. Н.В. Н<едоброво>. Ген<еральная> репетиция «Маскарада» (25 ф<евраля> 17 г.)

1) Севастополь, 2) Слепнево 1916 г.

Февральская революция (Боткинск<ая>, 9). «Белая стая» (сент<ябрь> 1917).

Вторая часть

I. Мои дворцы (Шерем<етевский>. Серг<иевская>, 7. Мрам<орный>. Первый голод. Нищета. Анпо Domini. [1925—1935]. Нэп. Журналы и выступления. Обширная критика (К. Чуковский, Г. Чулков, Айхенвальд, Эйхенбаум, Виноградов и т.д.). Литературные вечера. К<нигоиздательств>а «Алконост» и «Petroropolis». В Москве. Первое постановление 1925 (?). Запрещение печат<а>ния в журналах, уничтожение двухтомника в из<дательст>ве «Петроград» (Гессена). «Русский Трианон» (поэма) и «лирика». Часть забыта и пропала.

II. 1925 год—1940 — большой цикл стихов. Реквием. Сороковой год — непрерывный поток стихов. «Из шести книг».

III. 1941. Поэма без Героя. Война. Эвакуация. Ташкент. Тиф. Скарлатина. Смерт<ельный> грипп. 13 мая 1944 — возвращенье в Москву. Послеблокадный Л<енингра>д. Стихи. Cinque, 14 ав<густа> 1946 (второе постановление). 6 ноября 1949 арест сына. То, что знают все...

Третья часть

1946—1961

15 мая 56 г. возвращение Левы. Фонтанный Дом — Красная Конница. Ордынка. Комарово. Временами работа над поэмой, с 1955 г. — стихи. С 1958 («Лит<ера-тура> и жизнь») печатаюсь в журн<алах>. 1951 (мая) — инфаркт. Больница. С 1950 г. — переводы. Работа над Пушкинным.

ЛЮДИ В МОЕЙ КНИГЕ «ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ»

(Глава «Современники»)

- +1. О. Мандельштам.
- <2> +2. Б. Пастернак.
- +3. Отречение от Блока.
- 4. Шенгели.
- 5. Нора Полонская.
- 6. Нина Ольшевская.
- 7. Н.Я. Мандельштам.
- 8. Модильяни (1964).
- 9. Вяч. Иванов и А. Белый (по Б<ердяеву>).

КИГА

I. М.Ф. Вальцер у Достоевского [Крестн<ая> и <3> <Достоевский>]

II. Свита Фальстафа и «Макбет». (Единство метода, т.е. нечто, что знает автор, но чем он не собирается

делиться с читателем, что не входит в замысел данного произведения.)

III. Дафнис и Хлоя или царскосельская идиллия и парижская трагедия (Ранний Гумилев) начала XX века.

IV. Модильяни (1910—1911).

V. Мандельштам (+) и Надя.

VI. Царское Село, Слепнево, Паул<овский> Вокзал<ал>.

VII. Проза или вернее «О прозе». (Пр<оза> о поэме.)

VIII. Все о лирике.

IX. Люди.

Вероника Полонская, Нина Ольшевская, Ира Пунина.

<1962>

ОПЯТЬ КИГА

I. Шекспир: 1) О леди Макбет. 2) О Фальстафе.
<4> 3) М.б., настоящее открытие в Гамлете (Ш<експир> и Достоевский full of Knight-based*).

II. Пушкин. Пушкин и Невское взморье. (И все лучшее из той книги).

III. Достоевский (М.Ф. Вальцер у Достоевского.)
Вера Фигнер.

СНОВА КИГА (КИТАБ)

<5> Мандельштам } Готово
Модильяни }

* Истинный рыцарь (англ.).

I. Пушкин и Невское взморье	} Черн<новики>
для
Милана
II. Пушкин в 1828 г.	
III. Заметки о Пушкине	

Дому было сто лет (нач<ала> в Таш<кенте>)

Пушкин и дети

В Слепневе. (Десятые годы.)

На «Маскараде» в Алек<сандринском> театре.

Искра паровоза.

В гостях у смерти (1944)

Три сирени (1944)

Из блокады (1944)

Второе предисловие к «Поэме без Героя» и все вокруг поэмы.

(Для Эйнауди)

Автобиография. Сокровенное сказание. Предыстория: Чингиз, островные греки — черноморск<ие> пираты или контрабандисты. Мотовиловы. (XIV в. Симбирск.)

1889

Год: Эйфелева башня, Крейцеровна соната, Чарли Чаплин. (Лето. Сотая годовщина Вел<икой> фр<анцузской> революции. Взятие Бастилии. День (или вернее ночь) Midsummer night... Иванова ночь.)

Крестные: Отец — Романенко, народоволец, убийца ген<ерала> Стрельникова.

Мать — Мария Федоровна Вальцер — ее рассказ о Достоевском.

Нянька — Татьяна Ритифкина (калуцкая) — говорила обо мне: «Это перец будет».

Главы из Книги

I. В Севастополе — осень 1916. (Гибель «Марии»).
(Не с вашим счастьем — рассказ Х. о Распутине.) «Маскарад в Ал<ександринском> театре.

II. Все о Поэме. (Дом Адамини.) Второе предисловие.

III. Мои дворцы — Фонтанный, Мраморный, Серг<иевская>, 7, Фонтанка, 18 — четвертый двор. — Красная Конница, Смольный собор.

«Мой город» (написано в синей записной книжке 1962).

<1964>

(И МОЯ ПРОЗА)

Продолжение миланской книги

Распутин

I. [Слух] Встреча в вагоне.

II. Москов<ские> слухи. 1916. Дек<абрь>.

III. Рассказ В.И. Гедройц. 17 г.

IV. Х. у Замятиных.

V. Могила (от М.И.Б.)

О Комаровском

Знакомство — «Судьбы русской поэзии в ваших руках». (Ц<арское> С<ело> 1910?)

«Mes sympathies à Madame Hupathie»*.

* «Мои симпатии мадам Ипатии» (фр.), надпись Комаровского на подаренном им Ахматовой альбоме для стихов.

(Ц<арское> С<ело>)

«До Цусимы».

Чтение романа у Кардовск<их>.

Что я помню из романа про сестру героя.

?

Последняя трагедия Анненского.

Судьба акмеизма.

Последняя глава

Пушкин в 1928 г.

?

Проза о Поэме.

Рим — Таормина — Катанья.

<Январь 1965>

РЕЦЕНЗИИ. ЗАМЕТКИ.
ПУБЛИЦИСТИКА
(1914–1965)

О СТИХАХ Н. ЛЬВОВОЙ

Тяжело, когда умирает поэт, но когда умирает молодой поэт, еще тяжелее. С мучительным вниманием вчитываешься в немногис, оставшиеся после него строки, жадно ловишь в еще неокрепшем голосе и так по молодому скупых образах тайну смерти, которая скрыта от нас, живых. Эту горькую радость дает нам книга недавно умершей поэтессы Надежды Львовой.

Ее стихи, такие неумелые и трогательные, не достигают той степени просветленной ясности, когда они могли бы быть близки каждому, но им просто веришь, как человеку, который плачет. Главная и почти единственная тема книги «Старая сказка»* — любовь. Но странно: такие сильные в жизни, такие чуткие ко всем любовным очарованиям женщины, когда начинают писать, знают только одну любовь, мучительную, болезненно прозорливую и безнадежную.

«О пусть будет больно, мучительно больно!
Улыбкою счастья встречаю все муки.
Покорная падаю ниц богомольно
Пред реющим призраком вечной разлуки».

* Л в о в а Н. Старая сказка. Предисловие Вал. Брюсова, М., Кн-во «Альциона», 1913.

Эта покорность, почти безволие, особенно характерна для всего творчества Н. Львовой. Ее страдание ищет выхода в мечте, не романтической, которую можно завоевать подвигом воли, но остро-лирической, преображающей для нее все мгновения жизни. Она уверена, что слышит «шаг снов», видит «призрак вечной разлуки», прикасающийся к ее устам, чувствует, «будто кто-то злобно-мстительный глядит из туч».

Лучший отдел книги «Старая сказка» — *Ad mortem*.

Все девять стихотворений, заключенных в нем, представляются мне заклинанием смерти.

Значительно первое стихотворение, которое начинается словами:

Ты, кто славил тайны страсти в безднах лет, —
Славь со мною — смерть несущий вечный свет.

И та, которая с такой горькой печалью поведала нам свою любовь, таким задыхающимся голосом припоминала о встречах и разлуках, говорит совсем просто и уверенно, когда почувствовала дыхание смерти:

«Я нынче светлая. Я нынче спокойная».

И ни одного лишнего слова нет в ясных и страшных стихах, где поэт предсказывает свою смерть:

Что́ мне до ласк и поцелуя!
Что́ мне до запоздалых слов.
Взгляни, взгляни, как тихо сплю я
И не могу и не хочу я
Тебе ответный бросить зов.

Мне кажется, что Н. Львова ломала свое нежное дарование, заставляя себя писать рондо, газеллы, сонеты. Конечно, и женщинам доступно высокое мастерство

формы, пример — Каролина Павлова, но их сила не в этом, а в умении полно выразить самое интимное и чудесно-простое в себе и окружающем мире. А все, что связывает свободное развитие лирического чувства, все, что заставляет предугадывать дальнейшее там, где должна быть одна неожиданность, — очень опасно для молодого поэта. Оно или пригнетает его мысль или искушает возможностью обойтись совсем без мысли. В книге «Старая сказка» — это наименее удачные страницы.

Слова еще не были покорны Н. Львовой, но так как она была покорна словам, глубоко веря в значительность каждого из них, дух музыки реет над ее стихами.

1913

НАД ЧЕМ Я РАБОТАЮ

Последние годы я занята изучением творчества Пушкина. Первой моей работой по этому вопросу была статья, напечатанная в 1933 году в журнале «Звезда», — «Последняя сказка Пушкина». В этом году в «Пушкинском Временнике» Академии наук напечатана моя работа — «“Адольф” Бенжамена Констан в творчестве Пушкина».

Сейчас я работаю над комментарием для третьего тома академического издания Пушкина (к «Сказке о золотом петушке»). Эта работа поглощает почти все мое время и отодвигает осуществление других замыслов.

Много времени я уделила переводам. Недавно в «Звезде» напечатан мой перевод большого стихотворения армянского поэта Даниэля Варужан — «Первый грех». Сейчас я закончила перевод двух стихотворений современного армянского поэта Чаренца.

Кроме того, для первого тома академического издания Пушкина я перевела на русский язык все французские стихи, печатающиеся в комментариях, а также французские стихи Пушкина.

Я писала лирические стихи. Мною подготовлен к печати сборник «Избранное» (для издательства «Советский писатель»), в который вошли не только ранее изданные стихотворения из всех моих книг, но и стихи 1930—1935 гг.

Я слежу за советской поэзией. Из современных поэтов я ценю и уважаю Б. Пастернака. Недавно я написала стихотворение, посвященное ему. Вот последняя строфа этого стихотворения:

Он награжден каким-то вечным детством,
Той зоркостью и щедростью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.

По окончании работы над комментарием к академическому изданию Пушкина я предполагаю продлить свои исследования над источниками пушкинского творчества. Тем много, и какую я выберу — мне трудно сказать.

Возможно, что я буду переводить трагедию Шелли «Ченчи», которую предполагает издать «Академия».

1936

<ВЫСТУПЛЕНИЕ АННЫ АХМАТОВОЙ В РАДИОПЕРЕДАЧЕ «ГОВОРIT ЛЕНИНГРАД»>

Мои дорогие сограждане, матери, жены и сестры Ленинграда. Вот уже больше месяца, как враг грозит нашему городу пленом, наносит ему тяжелые раны. Городу Петра, городу Ленина, городу Пушкина, Досто-

евского и Блока, городу великой культуры и труда враг грозит смертью и позором. Я, как и все ленинградцы, замираю при одной мысли о том, что наш город, мой город может быть растоптан. Вся жизнь моя связана с Ленинградом — в Ленинграде я стала поэтом, Ленинград стал для моих стихов их дыханием...

Я, как и все вы сейчас, живу одной непоколебимой верой в то, что Ленинград никогда не будет фашистским. Эта вера крепнет во мне, когда я вижу ленинградских женщин, которые просто и мужественно защищают Ленинград и поддерживают его обычную, человеческую жизнь...

Наши потомки отдадут должное каждой матери эпохи Отечественной войны, но с особой силой взоры их прикует ленинградская женщина, стоявшая во время бомбежки на крыше с багром и щипцами в руках, чтобы защитить город от огня; ленинградская дружинница, оказывающая помощь раненым среди еще горящих обломков здания...

Нет, город, взрастивший таких женщин, не может быть побежден. Мы, ленинградцы, переживаем тяжелые дни, но мы знаем, что вместе с нами — вся наша земля, все ее люди. Мы чувствуем их тревогу за нас, их любовь и помощь. Мы благодарны им, и мы обещаем, что мы будем все время стойки и мужественны...

<Сентябрь 1941>

О СЕБЕ

Недавно в Государственном издательстве художественной литературы вышел сборник моих переводов

классической корейской поэзии — «Неувядаемые слова страны зеленых гор». Это — произведения корейских поэтов XV—VIII веков. Все они переведены на русский язык впервые. В сборник вошла поэма Юн Сон До «Времена года рыбака», сюжет и общее настроение которой неожиданно напоминает повесть Хемингуэя «Старик и море».

Стихи корейских поэтов очень близки к живописи, в них отсутствует рифма, и это обстоятельство дает переводчику большую свободу и в то же время позволяет сделать перевод особенно точным. Известно, если в собственных стихах рифмы — крылья, то при переводе они превращаются в гири.

Я перевела поэму Рабиндраната Тагора «Африка». Работаю также над переводами древнекитайских поэтов. В Ростовском театре идет драма Виктора Гюго «Марион Делорм» в моем переводе. Собираюсь в скором времени познакомить советских читателей с творчеством сербских и чешских поэтов.

Меня давно привлекала мысль поглубже заглянуть в творческую лабораторию Пушкина. Мною уже закончена одна из работ такого рода — о «Каменном госте»; другая — о некоторых моментах биографии Пушкина, об обстоятельствах и причине гибели поэта — находится в стадии завершения.

Что касается поэтического моего творчества, то в сентябре прошлого года вышел сборник «День Поэзии», включающий произведения свыше ста советских поэтов, в том числе и одно из моих стихотворений — «Есть три эпохи у воспоминаний»... К сороковой годовщине Октябрьской революции выйдет двухтомная антология со-

ветской поэзии. Там будет помещено свыше двадцати моих стихотворений разных лет.

И, наконец, в этом году Гослитиздат наметил выпустить книгу моих произведений — «Избранное». В сборник войдут стихи 1910—1956 годов, а также отрывки из новой поэмы — «Тысяча девятьсот тринадцатый год». Над этой поэмой я продолжаю работать и сейчас.

1957

ИРИНА КНОРРИНГ

По своему высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка, стихи Ирины Кнорринг заслуживают увидеть свет. Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно и скучно на Западе. Для нее судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далекой и даже, может быть, не совсем понятной. Это простые, хорошие и честные стихи.

24 марта 1962 Ленинград

Анна Ахматова

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ. ПЕРЕД СНЕГОМ

Сборник стихов Арсения Тарковского «Перед снегом» — неожиданный и драгоценный подарок современному читателю. Эти долго ожидавшие своего появ-

ления стихи поражают рядом редчайших качеств. Из них самое поразительное то, что слова, которые мы как будто произносим каждую минуту, делаются неузнаваемыми, облеченными в тайну и рождают неожиданный отзвук в сердце.

Я тот, кто жил во времена мои,
Но не был мной. Я младший из семьи
Людсй и птиц: я пел со всеми вместе
И не покину пиршества живых...

Как вечно и в то же время современно это звучит! Он уже ожил «на пиршестве живых» и рассказал нам много о себе и о нас.

Этот новый голос в русской поэзии будет звучать долго. Огромные пласты работы чувствуются в стихах книги «Перед снегом». Чувствуется, что поэт прошел через ряд более или менее сильных воздействий предшественников и современников (сейчас они скорее угадываются).

Тем, у кого нет этой книги, я советую как-нибудь достать ее, чтобы судить о ней самым строгим судом. Эта книга ничего не боится.

Можно ли сказать изящнее:

И ткань твоей одежды
Из ветра и дождя.

А как великолепно и первозданна Азия в ламентациях переводчика!

Да пребудет роза редифом.
Да царит над голодным тифом

И соленой паршой степей
Лунный выкормыш — соловей.

Ржа пустыни щепотью соды
Ни жива шипит, ни мертва...

Вероятно, такой азийский пейзаж появляется в поэзии впервые.

Рифма Тарковского — всегда крепка, нова, никогда не вычурна и не навязчива.

Одно из самых пронзительных стихотворений «Ветер», где героиня изображена с благоговейным ужасом, от которого мы что-то стали отвыкать, — кажется мне одной из вершин современной русской поэзии.

А я любил изодранную в клочья,
Исхлестанную ветром темноту.
.....
И на цыганской масляной реке
Шатучий мост, и женщину в платке,
Спадавшем с плеч над медленной водою,
И эти руки, как перед бедою.
.....
Слова горели, как под ветром свечи,
И гасли, словно ей легло на плечи
Все горе всех времен. Мы рядом шли,
Но этой горькой, как полынь, земли
Она уже стопами не касалась
И мне живою больше не казалась.
Когда-то имя было у нее.
Я не один, но мы еще в грядущем...

Вера в огромное и общее будущее делает эту поэзию специфической поэзией шестидесятих годов двадцатого

века. О стихах Тарковского будут много думать и много писать.

* * *

А вокруг та Москва, которую мы видим из каждого окна:

Эй, в черном ситчике, неряха городская,
Ну, здравствуй, мать-весна! Ты вот теперь какая...

.....

Девчонки-крашенки с короткими носами.
Как на экваторе, толкнутся под часами
В древнеегипетских ребристых башмаках,
С цветами желтыми в русалочьих руках.

(«Ранняя весна»)

Наверно, излишне упоминать о том, что книга уже по достоинству оценена читателем — 6500 экземпляров разошлось за несколько дней.

Книга издана просто и изящно — без надоевшего всем золота. Стихи не любят, чтобы их рядили в очень нарядные одежды.

<1962?>

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ И ПАОЛО ЯШВИЛИ

С Тицианом Табидзе и Паоло Яшвили я познакомилась в начале 30-х годов у Бориса Леонидовича Пастернака. Тициан и Паоло — эти два имени представляли в то время для нас, русских поэтов, Грузию. Оба они часто приезжали в Москву и Ленинград вместе.

Мне запомнились отдельные моменты наших встреч — у Б.Л. Пастернака, у известного поэта-переводчика М.Л. Лозинского, на банкете в 1935 году в Москве, устроенном в честь дня рождения Тициана. Во время встреч велись нескончаемые разговоры о поэзии, о литературе, читались стихи, переводы.

На одном из вечеров Паоло Яшвили прочел свое первое стихотворение «Нита-капитан», посвященное дочери Тициана — Танит Табидзе. Я помню возникший тут же разговор о желании девочки непременно стать штурманом дальнего плавания.

Тициан Табидзе всегда читал свои стихи по-грузински. Иногда он читал их мне, и я старалась глубоко вникнуть в них, лучше постичь их звучание на языке поэта.

Тициана мы все очень любили. Это был очень теплый, искренний человек, всей душой преданный поэзии, живущий в искусстве; к тому же он обладал редким умением держать себя в обществе. Гибель его мы, ленинградские поэты, вместе со всей общественностью оплакивали очень горько.

Всей своей жизнью, творчеством, неутомимой деятельностью Тициан Табидзе и Паоло Яшвили крепили дружбу между нашими литературами, между поэтами Грузии и России.

ОТ АВТОРА

Последнее время я все чаще получаю из разных городов письма почти одинакового содержания. Эти письма от читателей, которые просят меня прислать им «хотя бы одну мою книгу». Очевидно, они полагают, что я об-

ладаю какими-то запасами собственных произведений. На самом же деле у меня давным-давно нет ни одного экземпляра моих собственных сборников. Поэтому я с особой охотой соглашаюсь на предложение «Юности» напечатать несколько страниц моих стихов разных лет. Их я дарю авторам этих писем. Стихи выбирала я сама.

Ленинград. 1965

ДИАЛОГИ
С АННОЙ АХМАТОВОЙ

МИР ПОЭЗИИ

*<Интервью А. Авдеско с А. Ахматовой
в Доме творчества ленинградских писателей «Комарово»>*

<...>

— *Кто Вам нравится из молодых поэтов?*

— Я не буду называть имен. Это не значит, что у меня нет любимых и нелюбимых поэтов, но в конце концов оценки всегда очень субъективны. Скажу вообще о поэзии. По-моему, сейчас в нашей поэзии очень большой подъем. В течение полувека в России было три-четыре стихотворных подъема — в десятилетия-двадцатые годы, например, или во время Отечественной войны, но такого высокого уровня поэзии, как сейчас, думаю, не было никогда.

— *А Вы сейчас работаете над стихами?*

— Никогда в жизни этого не делала. Мне всегда казалось, что кто-то стоит за моей спиной и диктует стихи. Иначе, по-моему, писать невозможно.

Перед Ахматовой лежала пухлая папка с рукописями. *<...>* Среди рукописей была небольшая репродукция портрета Ахматовой. Я видел ее и раньше, у друзей поэта. Портрет был выполнен знаменитым художником Модильяни. Я попросил Анну Ахматову рассказать о встречах с художником.

— Мы познакомились с Модильяни в Париже в 1910 году. Он тогда очень увлекался египетским искусством и даже меня рисовал в образе египетской царицы. Как-то мы пошли в Лувр. Модильяни сказал: «Нужно идти в египетский отдел — только там есть, что смотреть...» Между прочим, рисунков, похожих на тот, что Вы рассматриваете, было много. Правда, тогда Модильяни не был знаменит...

— *Входит в Ваши планы работа над мемуарами или очерками <...>?*

— Меня очень увлекает работа над прозаической книгой. Это что-то вроде автобиографии. В ней я как раз и хочу написать о людях, с которыми встречалась в течение полувека. Начну с главы, где расскажу о том, как моя крестная мать была у Достоевского. Помню ее рассказ об этом во всех подробностях.

Вообще я считаю прошедший год очень удачным — много писала: и прозу, и стихи. Выступала даже в непривычном для себя жанре — записалась на долгоиграющую пластинку на четырнадцать минут. Это цикл стихов «Тайны ремесла». Каковы планы? Заканчиваю работу о Пушкине, о его трагедии 1836—1937 годов. Есть еще одна небольшая работа — о сестре жены Пушкина, о ее роли в этой трагедии. Продолжаю работать и над другими произведениями. И, конечно, пишу стихи. Трудно загадывать наперед. Вот за час до Вашего прихода у меня был кинорежиссер Григорий Козинцев. Он много лет увлечен одним замыслом — поставить «Гамлета» в кино. Он предложил мне принять участие в работе над сценарием, сделать новый перевод — возможно, в прозе — некоторых монологов. Вы понимаете, как это заманчиво и интересно?

— Если Вы будете работать с Козинцевым, это станет Вашим дебютом в кино?

— С «Гамлетом» еще ничего не решено. Однако к кино я все-таки имею отношение, — засмеялась Ахматова. — Я помогала Алексею Баталову готовиться к экзамену по французскому языку. Правда, тогда он не был известным актером — всего лишь заканчивал седьмой класс. С большим вниманием слежу за его работой в кино. Ведь я его помню пятилетним ребенком, а два года назад он приходил ко мне уже как постановщик фильма «Шинель». Мы много разговаривали с ним о будущем фильме, о великом произведении Гоголя. А теперь я горячая поклонница экранизированной повести.

<...>

Между прочим, Вы пришли ко мне почти в юбилейный день — ровно пятьдесят лет назад, в конце февраля или начале марта, вышел мой первый сборник стихов «Вечер». Его тираж был триста экземпляров...

— А какой тираж Ваших последних сборников?

— Недавно подсчитала, что тираж моих книг с 1940 года по сей день — девяносто пять тысяч экземпляров.

<...>

РАЗГОВОРЫ С АХМАТОВОЙ

<Встречи М.В. Латманизова с А.А. Ахматовой>

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ

23 АПРЕЛЯ 1963 ГОДА

Накануне, 22 апреля, я позвонил по телефону А.А. Ахматовой, сначала подошла компаньонка или ведущая хозяйство, спросила: «Кто спрашивает?» Ответил, назвал себя, после которого перерыва уже подошла сама А.А. Ахматова:

А. — Я, слушаю Вас.

Я. — Анна Андреевна, говорит Михаил Владимирович Латманизов, я к Вам обращался с просьбой о встрече, Вы были любезны — согласились, когда я мог бы надеяться на эту встречу?

А. — Пожалуйста, в любой день — вторник, четверг, пятницу.

Я. — В какое время Вам было бы удобнее?

А. — В какой день?

Я. — Завтра, во вторник.

А. — В четыре часа. Это Вам удобно?

Я. — Да, я Вам очень благодарен.

А. — Всего хорошего.

Я. — До свидания.

23 апреля, ровно в 4 часа, я позвонил (ул. Ленина, д. 34, кв. 23), открыла компаньонка:

«Вы к Анне Андреевне?» — «Да». — «Я сейчас скажу, раз-
давайтесь». Через минуту: «Анна Андреевна Вас просит».

В глубине небольшого коридора дверь, вхожу, почти против двери сидит в кресле пожилая полная дама, совсем седая, в темном платье, без украшений, только одно кольцо на левой руке — серебряное с черным камнем. (Я первый раз видел А.А. Ахматову и знал ее в основном по портретам ранним, они главным образом создавали видимое представление об А.А., поэтому сразу было трудно привыкнуть к ее теперешнему облику, хотя я и был несколько подготовлен двумя ее фотографиями — одной в Краткой литературной энциклопедии, а другой на футляре долгоиграющей пластинки с записью ее выступления с чтением своих стихов. Но, немного привыкнув, узнал все ее знакомые черты — нос, глаза, посадку головы.)

А. — Здравствуйте, садитесь.

Я. — Анна Андреевна, я очень благодарен Вам за разрешение встретиться с Вами, к сожалению, я не мог

сразу воспользоваться этим — был болси — и только сейчас смог это сделать.

А. — Меня тоже все это время не было в Ленинграде. Я была в Москве, шесть месяцев, а потом отдыхала в Комарово. Недавно здесь. Чем Вы были больны? Сердце?

Я. — Да. Инфаркт. Проболел шесть месяцев.

А. — У меня был инфаркт три раза. Первый раз в 1951 году. Довольно тяжелый — передняя и задняя стенка, одновременно. Потом было еще два раза. Вы тяжело болели? У Вас первый раз?

Я. — У меня тоже довольно тяжелый — передняя стенка и перегородка. Первый раз. Как Вы теперь себя чувствуете?

А. — Сейчас? Хорошо. Садитесь, вот здесь. (Показала на стул напротив.) Положите портфель — там сзади. Что Вас интересует?

Комната, в которой меня принимала А.А. Ахматова, по-видимому, служит ей одновременно и спальней и рабочей комнатой. Комната небольшая — примерно 20 кв. м, с одним окном, выходящим на ул. Ленина. Ближе к окну стоит кровать, наполовину закрытая ширмой, а в глубине комнаты, у двери, — небольшой рабочий стол, слева у стены — полка с книгами, у самой задней стены — низкий столик, покрытый покрывалом, тоже с книгами. У столика, спиной к окну, и сидела А.А.

Я. — Анна Андреевна, я уже много лет занимаюсь Вашим творчеством и собираю все, что относится к Вашей жизни, биографии, к Вашему творчеству, к Вашей переводческой деятельности. У меня возник ряд вопросов, и я просил бы, если это возможно, ответить на них. У меня подготовлен список вопросов. Позвольте Вам их задать?

А. — Пожалуйста. Что Вас интересует?

Я. — Когда Вы начали заниматься переводами? Были ли это письма Рубенса в издании «Академия» в 1933 году? или еще раньше?

А. — Для поэта переводческая деятельность не является творческой, характерной, я ей не придаю большого значения.

Я. — Но все-таки на переводе сказывается и индивидуальность поэта, и его талант, и черты его творчества.

А. — Да, но это не его творчество. Приходится заниматься переводами главным образом из-за материальных соображений. Начало действительно относится к этим годам. И возможно, эта книга была первой.

Я. — Меня интересует Ваша «Поэма без героя». Какова ее судьба?

А. — Да, у этой поэмы действительно судьба. Я над ней работала двадцать лет. Начала в 1940 году и кончила только в прошлом году. Писала ее частями, фрагментами, печатала в разных изданиях и только в 1962 году закончила полностью. Сейчас в списках уже многие познакомились с этой поэмой. Поэма возбудила очень разные отклики. Многие возражают против нее. Фрагменты этой поэмы напечатаны в последних сборниках. В сборниках «День поэзии» — московском и ленинградском. Какое впечатление произвела на Вас эта поэма?

Я. — Эта поэма на меня произвела большое впечатление, хотя я ее полностью не видел, в окончательном виде.

А. — Это интересно. У этой поэмы есть много противников.

Я. — Анна Андреевна, а поэма «1913 г.»?

А. — Это та же поэма — «Поэма без героя», ее другое название.

Я. — Были ли созданы Вами какие-нибудь пьесы? Я слышал, что Вы написали одну пьесу, но потом, позже, сожгли ее.

А. — Это совершенно так. Я написала одну пьесу задолго до войны, всего одну пьесу, которую сожгла по возвращении после войны в Ленинград, в 1944 году.

Я. — В последнем сборнике Ваших стихотворений был напечатан ряд новых циклов стихотворений. Многие циклы состоят из небольшого числа стихотворений, меня очень интересует, каков полный состав этих циклов, не предполагаете ли Вы выпустить сборники с полнотой собранными циклами этих стихотворений. Я говорю о циклах: «Тростник», «Нечет», «Ветер войны», «Луна в зените», «Шестая книга», «Шиповник в цвету» и «Тайна ремесла». Под какими названиями предполагаете опубликование этих циклов? Не будут ли они изменены?

А. — Некоторые циклы являются законченными и полностью помещены в последний сборник, например «Cinque», другие дополнялись стихотворениями, напечатанными в разных сборниках, журналах, в газете «ЛиЖи» («Литература и жизнь»). Названия циклов остаются такими же, но только у цикла «Шиповник цветет» настоящее название — «Сожженная тетрадь». Сейчас, когда я была в Москве, я передала сборник стихов для печати, но когда он выйдет в свет — не знаю. Я и не тороплю. Надо немного подождать. Пусть немного все успокоится.

Я. — Почему в сборнике «Из шести книг» под шестой книгой значится цикл под названием «Ива», а в последнем сборнике 1961 года этот цикл стихотворений назван «Тростник» и, кроме того, есть самостоятельный

цикл «Шестая книга» — стихотворения 1945—1957 годов?

А. — Названия «Ива» никогда не было. В сборнике «Из шести книг» для этого цикла еще не было оформлено наименование, и поэтому он был назван случайно — по первому стихотворению этого раздела. Первое стихотворение — «Ива». Дальше этот цикл всегда назывался «Тростник», это его настоящее название. «Шестая книга» — это самостоятельный цикл.

Я. — Не предполагаете ли издать сборники по циклам, полностью?

А. — Сейчас трудно об этом говорить. Сейчас, когда я была в Москве, я сделала один сборник, но когда он будет напечатан — не знаю. Я не тороплю.

Я. — Когда было написано Вами первое стихотворение? В 1900 году? Были ли собраны Ваши ранние стихотворения? Где было напечатано первое стихотворение? В каких журналах и сборниках Вы печатались до появления первого сборника?

А. — Первое стихотворение я написала действительно в 1900 году. Ранние стихотворения собраны не были. Первые стихотворения были напечатаны в «Аполлоне» за 1911 год и в «Гиперборее». Мои стихотворения печатались — более чем в ста сборниках и журналах.

Я. — Где была написана поэма «У самого моря»? и когда? В 1914 году?

А. — Начата была эта поэма в Слепиеве в 1914 году и закончена в Царском Селе.

Я. — Эта поэма в значительной мере автобиографична?

А. — Да, это так.

Я. — Была ли статья «О “Золотом Петушке”» в «Звезде» в 1930 году первым исследованием Пушкина?

А. — Да, это было первой работой о Пушкине.

Я. — Всего Вами напечатано три работы?

А. — Три работы: о «Золотом петушке», о Бенжамене Констане и его «Адольфe», о «Каменном госте» — и еще «Слово о Пушкине» в «Звезде» в 1962 году.

Я. — В этом году мы увидим Вашу работу о Пушкине — книгу «Дуэль и смерть Пушкина»? В план изданий «Молодой гвардии», в серии «ЖЗЛ», включена эта Ваша книга.

А. — Это они сделали без моего ведома и теперь боятся показываться мне на глаза. Над этой книгой я много работала, но еще не закончила и когда кончу — не знаю. Ведь, чтобы писать о Пушкине, надо очень много работать, много работать в хранилищах, в библиотеках, много ездить. Я сейчас это делать не могу. Материала очень много, написано у меня тоже много. Сейчас я пишу работу о Пушкине другую — «Пушкин на Невском взморье». Может быть, закончу в этом году.

Я. — Когда было Ваше первое публичное выступление? Было ли это у Вячеслава Иванова? Было ли это стихотворение «Песня последней встречи»? Это Ваше первое выступление описано у Георгия Иванова в «Петербургских зимах» — в его воспоминаниях. Так ли это?

А. — Я вышла замуж за Николая Степановича Гумилева в 1910 году и уехала в Париж с мужем почти сразу. Перед отъездом мы были с мужем у Вячеслава Иванова. Я была тогда у него первый раз. Мы были только троим: я, Гумилев и Вячеслав Иванов. Кажется, я прочитала ему стихотворение, может быть, это было «Песня последней встречи». Потом, после возвращения, мы снова приходили к нему, было больше народа. Читали стихи, я тоже читала. Кажется, Вячеславу Иванову по-

нравились мои стихи. Он пригласил меня принять участие в Обществе ревнителей художественного слова, там я выступала не раз.

Георгий Иванов выступил с очень недобросовестными воспоминаниями. Он ничего не мог помнить и все выдумывал или писал с чужих слов и, главное, в искаженном, недоброжелательном виде. Он тогда был слишком молод, он был кадетом, был среди нас раза два, поэтому ничего и не мог знать. Он все искажил и обо мне, и о Гумилеве, и о других. Вы читали эти воспоминания? Я Вам покажу их в следующий раз.

Я. — У меня есть «Петербургские зимы».

А. — Какое издание? Их было два. Одно парижское, 1934 года, другое издано в Нью-Йорке в 1954 году.

Я. — У меня последнее.

А. — В последнем издании еще много выброшено. В 1954 году издательство Чехова выпускало мой сборник с очень хорошим и доброжелательным предисловием и одновременно выпускало воспоминания Георгия Иванова «Петербургские зимы». Они потребовали, чтобы он выпустил все выпады против меня. Не могли они выпускать мой сборник с очень доброжелательным предисловием и вместе с тем воспоминания, направленные против меня. Поэтому там много выпущено. Этим воспоминаниям нельзя верить, там все неверно.

Я. — Георгий Иванов много пишет о «Бродячей Собаке»...

А. — О «Бродячей Собаке» тоже все неправильно. Это был очень приличный клуб поэтов. Мы там собирались, читали стихи, придумывали разные развлечения. Было все очень хорошо, приятно. Никакого пьянства и разгула, как это изображает Георгий Иванов, там не было.

Это все появилось там после начала войны, в четырнадцатом году, «Бродячей Собаки» уже не стало, ее переименовали в «Привал Комедиантов», завсегдатаями ее стали прапорщики, отправлявшиеся на войну, началось действительно пьянство и все что угодно. Мы тогда там уже не бывали. При нас «Бродячая Собака» была очень хорошим местом — ведь в наше время, когда собиралась молодежь, выпивки никакой обычно не было. Георгий Иванов ничего не помнит, совмещает разные вещи, все искажает. Теперь он умер — в 1958 году, от рака.

Я. — Когда состоялось Ваше знакомство с М.И. Цветаевой? У меня создалось такое впечатление, что Вы провели вместе лето 1916 года и она, живя рядом с Вами, создала цикл стихотворений, посвященный Вам, — каждый день по стихотворению.

А. — Я познакомилась с Цветаевой только в 1941 году, видела ее в Москве два дня. Раньше я ее никогда не видела.

Я. — В воспоминаниях Марины Цветаевой — в очерке «Нездешний вечер» — она пишет о своем приезде в Петроград в 1916 году, о своем выступлении перед поэтами Петрограда, пишет, что были все, кроме Вас, пишет, что читала стихи только для Вас, хотя Вас и не было. Пишет, что Вы были в это время в Севастополе. С чем была связана эта поездка в Севастополь в 1916 году?

А. — Я в Севастополь не уезжала. Я была в Царском Селе. Я была в это время больна, у меня начинался туберкулез. Я знала о приезде Цветаевой, но не могла быть на этом вечере.

Я. — Скажите пожалуйста, писательница Елизавета Ахматова, писавшая в середине XIX века повести и

рассказы в изданиях Смирдина, не Ваша ли родственница, не та ли Ваша бабушка, в честь которой Вы приняли свой псевдоним?

А. — Нет, эта писательница ко мне не имеет никакого отношения. Моя бабушка — княжна Анна Егоровна Ахматова, вышла замуж за Мотовилова, потом ее фамилия стала Мотовилова. Вот в память ее фамилию — девичью — я и взяла за псевдоним. Моя фамилия была Горенко.

Я. — Ряд стихотворений в 1915 году вышел с посвящением: Н.В.Н. Кому принадлежат эти инициалы, если можно, скажите?

А. — Николай Владимирович Недоброво.

Я. — Николай Владимирович Недоброво! Который написал статью о Вашем творчестве в «Русской мысли» за 1915 год?

А. — Да. Это лучшая статья о моем творчестве.

Я. — Я несколько раз слышал упоминание фамилии Тавилдарова Федора Николаевича в разговорах о Вас. Какое он имеет к Вам отношение?

А. — Это доктор, к нему я никакого отношения не имела. Встречалась с ним у нашего общего врача-психиатра Срезневского.

Я. — В чем выражалось Ваше сотрудничество в различных издательствах в 1917—20 годах, о чем упоминается в автобиографии, помещенной в сборнике 1961 года?

А. — Я ни в каких издательствах не сотрудничала. Это ошибка.

Я. — Можно ли узнать, какие у Вас планы на ближайшее время?

А. — Какие могут быть планы? Определенных планов нет. Это приходит само.

Я. — У меня еще один вопрос — относительно книги Страховского. Как Вы относитесь к этой книге — я говорю о книге «Три поэта современной России»?

А. — Вы и до этой книги добрались? Об этом мы поговорим в следующий раз.

Я. — Анна Андреевна, в заключение я хотел бы обратиться к Вам с одной просьбой...

А. — Надписать книгу? Покажите, что у Вас? (Я вынул два сборника — «Стихотворения», 1958 г. и «Стихотворения», 1961 г.) Нет, что-нибудь другое. Вы мне позвоните через пять дней, я приготовлю Вам фотографию и найдем какой-нибудь сборник.

Я. — Простите, Анна Андреевна, что я Вас так долго задержал. Я Вам очень благодарен, что Вы меня приняли. Я очень много получил. Всего хорошего!

А. — До свидания. (Обращаясь к пришедшему молодому человеку.) Проводите, пожалуйста.

Из передней я вернулся с еще одним вопросом.

Я. — Анна Андреевна, мне очень хочется посмотреть на Ваш портрет, написанный Модильяни. Вы позволите?

А. — Пожалуйста, вот он висит в изголовье кровати. Посмотрите.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 30 АПРЕЛЯ 1963 ГОДА

Как было мне сказано А.А. Ахматовой, я через пять дней после первой встречи позвонил ей — 29 апреля, вечером.

А. — Я слушаю Вас.

Я. — Анна Андреевна, говорит Михаил Владимирович Латманизов. Здравствуйте! Вы позволили мне позвонить Вам через пять дней...

А. — Да, да. Здравствуйте. Вы уже собрали вопросы ко мне? Когда Вы можете зайти? Хотя сейчас наступают праздники и Вы свободны, наверное?

Я. — Анна Андреевна, я могу в любое время. Я не так строго связан работой. Пожалуйста, в любое время, когда Вы назначите.

А. — Да? Где же Вы работаете?

Я. — Я преподаю в Политехническом институте. И не так жестко связан со временем.

А. — Что Вы там преподаете? Что читаете?

Я. — Я преподаю электротехнику — электрические машины. Я по образованию инженер-электрик.

А. — Это очень интересно. Я буду свободна завтра с двух до трех часов. Можете в это время ко мне придти?

Я. — Да, конечно. Большое спасибо.

А. — Я буду ждать. До свидания.

30 апреля, ровно в два часа, я пришел к А.А. Ахматовой. В этот раз А.А. встретила меня стоя — она высокого роста (порядка 175 см), — в фиолетовом шелковом халате. Окликнула своего секретаря: «Дайте тот список, что Вы приготовили».

А. — Здравствуйте. Ну как, набрались у Вас вопросы?

Я. — Здравствуйте, Анна Андреевна. Да, конечно.

А. — Вот я приготовила перечень моих стихотворений, которые появились в печати после последней книги. Здесь, перед этим списком, я поместила эпиграф: «Я играю в них во всех пяти...» Это из Пастернака... Ну, какие у Вас вопросы?

Я. — Анна Андреевна, я хотел прежде всего исправить свою некоторую бестактность. Я в прошлый раз должным образом не отрекомендовался, не рассказал, кто я.

А. — Вчера по телефону Вы мне рассказали о себе. Теперь я знаю, кто Вы.

Я. — Я ведь не специалист-литературовед. Я любитель. Уже двадцать пять лет собираю все, что касается Вашего творчества: Ваши сборники, альманахи, журналы с Вашими произведениями, все, что касается Вашей жизни, биографии, деятельности, все, что пишут о Вас. Меня интересует все, что относится к Вам.

А. — Это и хорошо, что Вы не «специалист-литературовед». Вот посмотрите, что мне пишет один литературовед. *(Вынимает из-под крышки стола письмо. Подает мне. Письмо — адрес: Ахматовой А.А. ... — не потрудился написать имя и отчество полностью; обратный адрес: Москва...)*. Читайте, читайте.

Письмо примерно такого содержания: Многоуважаемая Анна Андреевна. Я был в Красноярске. Там познакомился с одной девушкой. У нее я увидел тетрадь со стихами. Там были «Настоящую нежность не спутаешь...», «Проводила друга до передней...» (и т.д., около десяти названий), она говорит, что это Ваши или Цветаевой. Не могли бы Вы написать — чьи это стихи, Ваши ли, Цветаевой, знакомы ли Вам эти стихи... *(Подпись незнакома)*.

А. — Вот, пожалуйста, «специалист-литературовед». Вы, вероятно, знаете, что это за стихи?

Я. — Это все из Ваших «Четок».

А. — Да, это все из «Четок». И вот, вместо того чтобы хотя бы посмотреть в мои сборники, узнать, откуда эти стихи, «специалист» пишет мне. Как Вам это нравится?

Я. — Да, дальше некуда. До двадцати пяти лет, до женитьбы, я ничего почти не знал о нашей новой поэзии. Но когда женился, в семье моей жены имел место прямо

«культ Ахматовой—Гумилева». Братья жены на память читали десятки стихотворений Гумилева, моя жена познакомила меня с Вашей поэзией — прочитала на память всю Вашу «Белую стаю». Вот когда я вошел в круг новой поэзии, Вашего творчества; поэзии Н.С. Гумилева. Потом начал собирать все, что относится к Вашему творчеству, к Вашей жизни.

А. — Вас интересует также и творчество Николая Степановича Гумилева?

Я. — Да, я очень интересуюсь и его творчеством. Я собрал почти все его сборники, тоже стараюсь собрать все, что относится к его жизни и деятельности.

А. — Это очень большой поэт.

Я. — К сожалению, он не дал всего того, что мог бы сделать.

А. — Да, он очень рано ушел. Но и так он много сделал.

Я. — В первых сборниках Н.С. Гумилева еще чувствуется влияние символистов, но уже начиная с третьего, с четвертого сборника он уже находит себя и полностью открывает свое творчество. Но в первых сборниках, наряду с символистскими стихами...

А. (*перебивая*) — Почему наряду? Все, что он сделал, — все значительно. А в «Колчане» и в «Костре» — все свое, здесь он достигает вершин. Его долго не печатали и его очень мало знают. Но сейчас начали печатать. О творчестве Гумилева надо судить не по «Капитанам». У него много очень серьезных и важных стихотворений. «Капитаны» — это игрушка. Вот сейчас напечатали ряд стихотворений Гумилева в хрестоматии.

Я. — Да, в хрестоматии, составленной Тимофеевым для педагогических училищ.

А. — Его скоро начнут печатать. Мне сейчас предложили составить, отобрать его стихотворения и прокомментировать их. Но мне не очень удобно это. Может быть, Вы взялись бы составить свод его ранних стихотворений и прокомментировать их?

Я. — ?!

А. — За границей Гумилева много издают. Вот посмотрите — сзади Вас — мне прислали первый том сочинений Гумилева, которые издают сейчас в Америке, в издательстве Чехова.

С интересом листаю первый том четырехтомного собрания сочинений Н.С. Гумилева. Издается под редакцией Глеба Струве. В предисловии указано, что делается попытка собрать наиболее полно все творчество Гумилева — стихотворения, поэмы, драматические произведения, прозу и литературоведческие работы. К собранию сочинений даны: биография, статья о творчестве и копия послужного списка Н.С. Гумилева. Первый том — порядка пятисот страниц — стихотворения. Просто белая обложка. Издательство им. Чехова. 1962 г.

Я. — Это очень интересно. Я знаком только с работой Г. Струве «Неизданный Гумилев», где он собрал неопубликованные произведения Гумилева. Тоже очень интересная работа.

А. — Гумилев вел очень тяжелую борьбу за новые пути в поэзии. Когда образовалась группа акмеистов, нам было очень трудно. У символистов были сильные позиции. У них были меценаты — такие, как миллионер Рябушинский, сахарозаводчик... <Терещенко>. У них были журналы «Золотое Руно» и много денег. Наш журнал «Гиперборей» мы по очереди выкупали. Нас было только шесть человек — не семь, как говорят, а только шесть поэтов. На нас смотрели как на бунтарей, нам не давали

проходу, нас поносили везде и всюду. И в таких условиях мы работали. Гумилев вел совсем неравную борьбу, очень тяжелую борьбу, и все-таки мы добились признания. Это заслуга Гумилева. Какие же у Вас вопросы ко мне?

Я. — Мне хочется снова вернуться к поэме — «Поэме без героя». Как была задумана эта поэма? Какой был план поэмы? Когда можно надеяться увидеть полный текст этой поэмы?

А. — Очень трудно сказать, как была задумана поэма. Она сама пришла. Она вытекает из всего моего творчества. Плана не было. Я писала ее частями, фрагментами. Некоторые фрагменты печатала. Может быть, это я делала напрасно. И вот теперь она полностью закончена. Вот ее полный текст. Прочитайте. Только читайте все подряд. Не пропускайте и то, что Вы уже знаете. Читайте.

А.А. передала мне напечатанную на машинке поэму, примерно страниц пятьдесят, с заголовком на первой странице: «Поэма без героя», с латинским эпитафией: «Deus conservat omnia». Сама А.А. занялась пометками в записной книжке. Я начал читать. Поэма — это история, история живого времени, предшествующего полной катастрофе старой России, приведшего Россию к войне и революции — 1913 год. Так эта поэма и была озаглавлена сначала («1913 год»). Поэма с очень интересным ритмом и рисунком, с очень своеобразным звучанием. Поэма — зрима. При чтении сразу возникают перед глазами образы, вызываемые поэтом. А это самое главное в большом произведении, когда художник заставляет не только понимать, а видеть и чувствовать то, что видит и чувствует он сам. Я читал эту поэму примерно полчаса.

А. — Прочитали?

Я. — Да, Анна Андреевна.

А. — Что Вы скажете?

Я. — Это очень большое произведение. Эту поэму надо прочитать еще два-три раза, чтобы все прочувствовать и понять. Это — история. Это самое большое, что написано Вами. Поэма, мне кажется, занимает в Вашем творчестве, такое же положение, как поэма «Двенадцать» в творчестве Блока. На меня поэма произвела очень сильное впечатление.

А. — К поэме очень разное отношение. Многие ее не принимают. Я писала эту поэму долгое время. Она вытекает из всего моего творчества. За границей говорят, что это самое большое, что я написала. Там поэма уже вышла в двух изданиях. Недавно у меня был один швед литературовед. Он говорил, что у них эта поэма произвела тоже большое впечатление. Он много со мной говорил о ней. Даже записал на пленку магнитофона некоторые фрагменты.

Я. — Анна Андреевна, когда эта поэма будет напечатана?

А. — Это трудно сказать.

Я. — Мне очень хочется прочитать еще как следует эту поэму.

А. — У меня сейчас только один экземпляр ее. Сейчас я не могу Вам дать ее, но мне скоро напечатают еще и я Вам тогда дам.

Я. — Я Вам очень благодарен. Теперь я хотел бы вернуться к книге Страховского «Три поэта современной России». Каково Ваше отношение к материалам очерка? Заслуживают ли доверия высказывания?

А. — Книга Страховского дает совсем неправильное представление и обо мне, и Гумилеве, и Мандельштаме. Это книга вредная. Страховский пишет о том, чего

совсем не знает. Он даже искажает облик людей. Он пишет о лице Мандельштама с глазами, лишенными ресниц! В то время как у Мандельштама были длинные шелковистые ресницы. Он дает биографию Гумилева, подробно пишет о каких-то мелочах, о каких-то старухах, опуская главное в его жизни, в его творчестве. О себе я уже не буду и говорить. Он совсем неправильно рассматривает и оценивает творчество поэтов, о которых пишет. Этой книгой пользоваться нельзя.

Я. — Анна Андреевна, я собрал все Ваши сборники, за исключением одного...

А. — Это, вероятно, «Вечер»?

Я. — Нет, это сборник 1946 года, который был напечатан и потом уничтожен. Я этот сборник ищу уже много лет, но пока еще не достал. Очень немного осталось экземпляров этого сборника. Здесь, в Ленинграде, насколько я знаю, есть всего один — у Татьяны Михайловны Вечесловой, который Вы подарили, полученный Вами сигнальный экземпляр. Говорят, что Вы сами не имеете этого сборника. В Москве, насколько я знаю, имеется несколько десятков экземпляров этого сборника. Найти его очень трудно. Но я не теряю надежды.

А. — У Вас не совсем точные сведения. В Ленинграде этот сборник есть еще у Макогоненко. У меня тоже есть этот сборник, мне привез его Сурков. Он как-то был у Ермилова, увидел у него этот сборник и забрал (стацил) его для меня. Ермилов в конце сороковых годов написал ряд статей против меня, он тогда и получил экземпляр этого сборника. Сурков и завладел им. А Тапюше Вечесловой я действительно подарила этот сборник. Только не сигнальный экземпляр, а я как-то, накануне выпуска этого сборника в свет, была в издательстве, уви-

дела там целые штабеля готовых книг и взяла один себе. Вскоре ко мне пришла Таня Вечеслова, попросила что-нибудь почитать новое — я ей и подарила этот сборник.

Я. — Это очень интересно. Вот относительно этого сборника я хотел задать вопрос. Какова история этого сборника? В «Литературной газете» 24 ноября 1945 года было помещено интервью, в котором Вы отметили, что в этом сборнике предполагается дать цикл «Луна в зените». Этого не было, но был дан цикл «Нечет». Как был составлен этот сборник?

А. — Перед этим сборником был сборник «Из шести книг» в 1940 году. Во время войны я много работала. И в этот — новый сборник, кроме уже известных стихотворений, должны были войти стихотворения военных лет, ташкентские стихотворения. Почему не вошла туда «Луна в зените»? По-видимому, этот цикл не окончательно оформился. Цикл же «Нечет» мне представлялся в то время законченным.

Я. — Почему в сборнике 1960 года нет книги «Anno Domini MCMXXI»?

А. — Стихотворения и из этого сборника включены в эту книгу. Когда мы с Владимиром Орловым компоновали этот, последний сборник, то он, очень не любящий иностранные начертания, выпустил этот заголовок.

Я. — Анна Андреевна, где и когда было Ваше первое выступление в печати? Есть указания, что первым выступлением в печати было в журнале «Сириус», который издавал Н.С. Гумилев во время своего пребывания в Париже, в 1907 году. Журнал этот очень недолго существовал — всего выпущено было три номера. Об этом, например, есть в книге Козьмина «Писатели современной эпохи»: «В этом журнале дебютировала Ахматова...»

А. — Нет, это не верно. Я впервые стала печатать свои стихи в журнале «Аполлон» в 1911 году и в акмеистском журнале Цеха Поэтов «Гиперборей» в 1912 году. В журнале же «Сириус» Гумилев напечатал мои стихи по своей инициативе — по памяти и под моей старой фамилией — Горенко. Вы знаете — моя фамилия была не Ахматова, а Горенко?

Я. — Да, конечно.

А. — А я в этот журнал своих стихов не помещала.

Здесь наш разговор был прерван. Анну Андреевну вызвали к телефону. Пользуясь перерывом, внимательно осматриваю комнату, стараясь запомнить детали.

От окна справа — горка красного дерева, за стеклом разные сувениры. Направо — тумбочка красного дерева, с ящиками и с круглым зеркалом наверху (по-видимому, служащая вместо туалета). Дальше — большая кровать красного дерева, с колонками в четырех углах, увенчанных чашами-светильниками. На правой колонке в изголовье повешены четки деревянные. Над изголовьем — рисунок Модильяни — портрет А.А. Дальше стоит ширма, отгораживающая кровать от второй половины комнаты. Дальше справа — шкаф красного дерева, с глухими дверцами, старинный. Слева напротив — полка-стеллаж с книгами. За ней — рабочий столик, за которым и протекали все наши разговоры. Спинной к окну, в широком кресле, обитом красным бархатом, сидит А.А. В левом заднем углу — небольшая горка. Вдоль задней стены — дубовый резной ларь, на котором разложены папки с бумагами и книги. В правом углу — дверь. Сверху комната освещается небольшим фонарем. А.А. вернулась, уселась в кресло.

А. — Какой у Вас следующий вопрос?

Я. — А. А., меня интересует история сборника «Белая Стая», изданного в Тифлисе в 1919 году. В сборнике помещена незначительная часть стихотворений Вашего

основного цикла «Белая Стая». Как производился отбор стихотворений в этот сборник? Вот этот сборник, я захватил его с собой.

А. — Покажите! Покажите! Я вижу этот сборник первый раз. Это очень интересно. Ничего об этом сборнике не знаю. Возможно, что кто-нибудь из петербуржцев был там и предпринял это издание. Это было сделано без моего ведома. Это так называемое контрафакционное издание. Вы знаете, что такое контрафакционное издание?

Я. — Это издание без разрешения автора.

А. — Да. По прежним законам, при обнаружении такого издания в магазинах, на него накладывался арест и продажа разрешалась лишь в пользу автора. Таких изданий было немало. Вот еще имеется издание моего сборника «Четки», оно было напечатано где-то под Одессой.

Я. — Это издание без обозначения года издания, без обозначения места издания и самого издательства?

А. — Вы видели этот сборник?

Я. — Да. Этот сборник у меня имеется.

А. — Я сейчас занесу этот сборник — тифлисскую «Белую Стаю» — в мою библиографию. Сколько в нем страниц? Сколько стихотворений? (*Записывает.*) Что еще интересует Вас?

Я. — Мне хотелось бы остановиться на статьях Льва Озерова. Им написано о Вас две статьи — в «Литературной газете» и в «Литературной России». Первая статья несколько осторожная. Вторая статья — «Тайны ремесла» — в «Литературной России» № 5 этого года очень доброжелательная. Интересно, что он перекликается со статьей Валериана Чудовского в пятом номере «Аполлона» за 1912 год. И тот, и другой проводят сравнение

Вашего творческого метода с методами японского искусства — легким контуром подчеркивать идею, вложенную в произведение. Меня интересует, как Вы относитесь к статьям Льва Озерова?

А. — Лев Озеров — мой большой друг. В своей статье он очень благожелательно и хорошо отзывался обо мне и моем творчестве. Надо сказать, что эта статья была приготовлена для первого номера «Литературной России», но стали откладывать от номера к номеру, и только в пятом номере статья была напечатана. Это не так просто.

Я. — Сколько времени Вы принимали участие в работе Общества ревнителей художественного слова, организованного Вячеславом Ивановым?

А. — Я вступила в Общество по предложению Вячеслава Иванова в 1912 году и была там до самого конца.

Я. — С чем была связана Ваша поездка в Новгород в 1914 году?

А. — В 1914 году, сразу после объявления войны, мой муж, Николай Степанович Гумилев, поступил добровольцем в армию — «вольноопределяющимся». Он был зачислен в лейб-гвардии уланский полк и направлен в этот полк для военной подготовки перед отправлением на фронт. Полк в это время был размещен в Новгороде. Я отправилась в Новгород, чтобы провести с мужем те месяцы, которые остались до его отъезда.

Я. — А поездка в Воронеж в 1936 году?

А. — В Воронеж я ездила навестить Мандельштама. Он был выслан в Воронеж на жительство. А после этого вскоре он был отправлен в Сибирь.

Я. — Там он и погиб.

А. — Да. Он умер 28 ноября 1939 года. Об этом совершенно точно известно. Есть много рассказов и воспоминаний очевидцев.

Здесь наш разговор был прерван: Анне Андреевне вручили конверт большого формата с каким-то официальным штампом.

А. — Интересно, что там прислали? (*Вскрывая конверт.*) — А! Вот хорошо, что это не напечатано, — сказала она, вынимая два листка со стихотворениями. — Нет, все-таки напечатали (*вынимая газету и разворачивая ее*).

Газета — «Металлургист Новокузнецка» от 16 марта 1963 года. На первой странице, внизу, напечатаны два стихотворения. Одно — «Один идет прямым путем...», второе — «Что́ войны, что́ чума?..».

А. — Ну вот теперь можно внести в библиографию еще одну газету, которой еще там не было, — «Металлургист Новокузнецка». Эти два стихотворения тоже следует внести в цикл «После книги». Запишите в свой список. Я, пожалуй, могу Вам отдать эти копии, которые мне прислали. Даже подпишу их. (*Подписывает на каждом листе под стихотворением: «Анна Ахматова».*) Пусть это останется у Вас.

Я. — Большое спасибо, Анна Андреевна! Скажите, пожалуйста, Анна Андреевна, кроме Вас, в Вашей семье были дети или Вы были единственной дочерью Ваших родителей?

А. — Я была средней. Старше меня было двое и младше двое — два брата и две сестры.

Я. — Еще один вопрос о Н.С. Гумилеве. Н.С. Гумилев совершил три путешествия в Абиссинию. Не известно ли Вам, были ли отчеты об этих путешествиях и где они были помещены?

А. — Да, действительно, Николай Степанович три раза был в Африке. Первый раз, в 1907 году, он был в

Джибути. Второй раз он был в Аддис-Абебе, в Абиссинии. Эти два путешествия он совершил сам, по своей инициативе. Последнее путешествие — в Сомали, в 1913 году. Эта поездка была организована Академией наук и за ее счет. Николай Степанович возглавлял эту экспедицию, имел определенные средства для ее организации, отчитывался в ней. Вероятно, есть материалы этой экспедиции, но это — в Академии наук.

Я. — Я очень благодарен вам, Анна Андреевна за все. (*Встаю и раскланиваюсь.*)

А. — Подождите. Я еще что-нибудь скажу. Вот, посмотрите: вырезка из одной газеты двадцатых годов. Георгий Иваиов. Он пишет о «Тучке» — о студенческой квартире Гумилева. Вот пример того, как недобросовестно можно относиться к событиям и людям. Прочитайте ее.

Я читаю. Статья в газетный подвал — воспоминание о Кузmine, о Блоке, о Гумилеве — случайные сведения в очень легковесном тоне.

А. — Это все неверно. Он и не мог всего этого знать. Он тогда не бывал у нас и ничего о нас знать не мог. Ни о нашей жизни, ни о том, кто у нас бывал. Вообще все эти люди — Георгий Иванов, Страховский, Оцуп — были значительно моложе Николая Степановича и ничего достоверного не могли написать. Все их «воспоминания» построены на случайных слухах, сплетнях и измышлениях.

Недавно в «Нью-Йорк триббюн» была напечатана пошлая статья, что большевики разрешили Ахматовой печатать эротические стихи. А я, слава Богу, за всю жизнь не написала ни одного эротического стихотворения, хотя мне никто этого не запрещал.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ
27 ИЮНЯ 1963 ГОДА

Пришел ровно в час дня. Дождь. Открыла сама Анна Андреевна.

А. — Здравствуйте. Вы совсем промокли.

Я. — Здравствуйте, Анна Андреевна. Это ничего. Большое спасибо, что Вы разрешили мне сегодня навес-
тить Вас.

А. — Садитесь вот сюда. Подождите, пожалуйста, немного, я кончу свой завтрак.

Выходит в соседнюю комнату-кухню. Я сижу, осматриваю комнату. На столе — книга с воспоминаниями. Это макет одного из томов последнего издания «1001 ночи». Я все удивлялся в прошлые посещения, заставая Анну Андреевну с этой книгой в руках, ее повышенному интересу к «Арабским сказкам». Оказалось все просто: она записывала в эту тетрадь свои воспоминания. На шкафу — две старинных фарфоровых вазы в виде «роговизобилия», синие с золотом. С изголовья кровати икона была снята. Четки <нрзб.> — за спиной на горке, сверху стоят две небольшие иконы. На стене слева — старый небольшой натюрморт с потускневшими красками — фрукты. От окна налево — деревянный резной медальон-венки и в нем голова юноши в берете диаметром сантиметров тридцать...

А. — Ну вот, нам теперь ничего мешать не будет.

Я. — Анна Андреевна, еще раз разрешите поздравить Вас с прошедшим днем рождения. Я надеюсь, что Вы хорошо провели свой день рождения?

А. — Спасибо. Это все затянулось на два дня. Было много народу. Это очень утомительно. Был один литературовед англичанин. Приехал из Москвы. И опять то же самое, что у всех у них. Он пишет обо мне работу. Счи-

таст, что все мое творчество закончилось на «Четках». А все, что дальше писала, их не интересует. Они считают, что после «Четок» я уже ничего не писала, ничего не сделала. Это сознательная тенденция относительно меня, которая проводится многими зарубежными и эмигрантскими литературоведами. Это все перепевы Страховского и других. Они совсем не понимают моего положения в Советском Союзе. Конечно, я была под запретом у нас — в конце 20-х, в 30-х годах. Меня практически не печатали. Но я не переставала работать.

Я. — Достаточно просмотреть Ваши сборники 1940 и 1961 годов, чтобы убедиться — ряд стихотворений, и их не мало, датирован годами этого периода — 1924 год, 1925 год, 1927 год, 30-е годы. Какая же может быть речь о том, что Вы в это время не работали?

А. — Конечно, в разные годы, у каждого поэта, писателя продуктивность не одинакова. В конце 20-х годов я писала меньше, в 30-е годы я писала больше, особенно много писала в середине 30-х годов. Но я никогда не переставала работать. Это прямо с какой-то определенной целью хотят меня поставить в такое положение, что вот, Ахматова интенсивно работала, много писала, выпустила ряд сборников и вдруг замолчала — все кончилось. Кому-то нужны эти выдумки. Вот и этот англичанин тоже на той же позиции — его интересует мое творчество только до «Четок», а когда я ему возражала, это просто не доходило до него.

Я. — Анна Андреевна, в прошлый раз Вы очень интересно рассказали о создании акмеизма — нового направления в поэзии. О влиянии в этом направлении на Н.С. Гумилева Вашего творчества и творчества О. Мандельштама. Мне хотелось бы больше узнать об истоках акмеизма, об истории его возникновения.

А. — Что же можно здесь дополнительно сказать? Возникло это направление в 1911 году. Был организован «Цех Поэтов», куда входили все акмеисты. Был создан орган акмеистов — журнал «Гиперборей»; с августа или сентября 1911 года он начал выходить; был выпущен манифест акмеиста Н.С. Гумилевым. Николай Степанович предложил тогда многим символистам, связанным с нами дружбой и творчеством, в частности М. Лозинскому и В. Гиппиусу, войти в наше объединение. М. Лозинский отказался, сказав: «Я был символистом и умру символистом». Вас.Вас. Гиппиус тоже отказался — так что нас оказалось акмеистов 6 человек (Н. Гумилев, А. Ахматова, С. Городецкий, О. Мандельштам, М. Зенкевич и Н. Нарбут). Конечно, творчество мое и Мандельштама оказало влияние на Н. Гумилева, когда он формулировал основные положения акмеизма, манифест акмеизма. Разве мои «Четки» имеют что-нибудь общего с символизмом? Где тут символизм? Точно так же и творчество Осипа Мандельштама: ничего общего с символизмом оно не имело к тому времени. Оно потеряло всякие связи с ним. Вот о Мандельштаме за границей тоже вымышляют самые невероятные вещи. Этот англичанин, который у меня был, утверждал, что Мандельштама утопили в канаве — так он кончил свою жизнь. Когда я ему говорила, что это неверно, что нам точно известно все о последних днях Мандельштама, он мне не верил, говорил: «У Вас неверные сведения». Не хотел верить, предпочитал другую версию. Вот Нарбут, тот действительно «утонул». Они там, за границей, совсем изолгались и пользуются самыми ненадежными источниками.

Я. — Сейчас должны выпустить «Сочинения О. Мандельштама» в издательстве «Советский писа-

тель», в большой «Библиотеке поэта». Это даст правильную ориентировку читателю.

А. — Да, я знаю. Эта книга уже готова и скоро выйдет. Я вхожу в состав редакционной коллегии этой книги. Но не знаю, пойдет ли это на пользу.

Я. — Конечно, должно пойти. В особенности, если книга будет иметь хорошее предисловие — вводную статью — и снабжена хорошим комментарием. Кто это сделал?

А. — И вводная статья, и комментарий в книге хороши. Вводную статью писал Македонов, комментарий Хазин. Но я не знаю, нужна ли эта книга? Мандельштам далек от современного читателя. Надо знать очень хорошо те условия, в которых он писал, литературные интересы того времени и все те особенности жизни общества 10-х годов, чтобы ясно представлять творчество Мандельштама — понимать его. Таких людей не так много. Кто по-настоящему любит и понимает Мандельштама, тому этой книги не надо. У них и так все есть, что написал он. А остальным он не нужен — не понятен.

Я. — А Ваша книга, Анна Андреевна? Когда можно ждать ее?

А. — Я уже говорила, что отдавала свой сборник в одно из московских издательств, но он пролежал там 9 месяцев без результата. Я забрала его оттуда. Теперь есть указания, чтобы им занялись ленинградские издательства. Когда и как он будет напечатан — трудно сказать.

Я. — Я хотел бы вернуться к Вашему циклу «Реквием». Что положено в основу этого цикла? Когда он создан? Каков его состав?

А. — Как это этот цикл не дошел до Вас? Ведь он уже давно и достаточно широко распространен среди моих

читателей. Ну, может быть, у меня будет свободный экземпляр, тогда я Вам дам. Реквизм составлен из моих стихов, самые ранние из которых относятся к 1935 году и до 1940 года. Это лишний раз опровергает мнение, что я ничего не писала в 30-е годы.

Я. — Окончательная редакция «Поэмы без героя» к какому относится году?

А. — Окончательная редакция относится к 1962 году. Дайте, пожалуйста, из чемодана сзади Вас желтую папку, я Вам сейчас покажу. (*Перебирает папки.*) Здесь «Реквиема» нет, а вот последняя редакция «Поэмы без героя». Посмотрите.

Экземпляр полный, с латинским эпиграфом, правками рукой Анны Андреевны. В примечаниях отмечено, что заключительная часть изменена и приводится ранняя редакция (1957 год). Этот экземпляр датирован 1962 годом и в конце подпись: «Анна Ахматова».

А. — У меня сейчас опять ни одного экземпляра. Был для Вас приготовлен, но мне пришлось отдать его. Сейчас в Комарово перепечатывают для меня поэму, и я оставляю Вам экземпляр.

Я. — Спасибо. Анна Андреевна, кто подготавливал сборник 1946 года?

А. — Кто подготавливал? Конечно, я его готовила сама. Главным редактором был Владимир Орлов.

Я. — В каком положении находится сейчас Ваша работа «Пушкин на Невском взморье»?

А. — «Пушкин и Невское взморье». Я эту работу сейчас уже закончила полностью и передала в «Новый мир».

Я. — Можно надеяться, что мы скоро увидим эту работу напечатанной?

А. — Это трудно сказать.

Я. — Анна Андреевна, у меня еще три вопроса о Николае Степановиче Гумилеве. Можно Вам их задать?

А. — Пожалуйста.

Я. — В «Биржевой газете» в 1914–1915 годах печатались корреспонденции Н.С. Гумилева — «Записки кавалериста». Были ли они в дальнейшем собраны?

А. — Нет, «Записки кавалериста» собраны дальше не были. Они остались в газете. Николай Степанович писал очень много корреспонденций с фронта, которые печатались в «Биржевой газете» под общим названием «Записки кавалериста». Это продолжалось, пока он был в лейб-гвардии уланском полку. Но потом, в конце 1915 года или в начале 1916 года, его перевели в другой полк, и начальство ему запретило писать в газеты. Пришлось прекратить.

Я. — Что Вам известно о повести «Веселые братья...»? Когда Н.С. начал работать над этой повестью? Какова ее идея?

А. — Об этой повести я мало знаю. Н.С. работал над ней, когда был в Лондоне в заграничной командировке. В начале 1917 года Н.С. был отправлен на Салоникский фронт. Туда он ехал через Париж. В Париже он задержался. Жил то в Париже, то в Лондоне. В это время он и писал эту повесть. Я ее мало знаю.

Я. — Когда Н.С. Гумилев начал работу над сборником «Шатер»?

А. — Это заказной сборник. Он начал этот сборник во время войны, находясь в госпиталях. Он был ранен несколько раз, находился достаточно долгое время на излечении, вот в это время он и работал над этим сборником. Потом, в 1921 году, он был в Севастополе и там напечатал этот сборник.

Я. — Этот сборник был напечатан также в Ревеле. Причем с очень сильными разночтениями.

А. — Да. За этим сборником приезжали из Риги (?), и Н.С. дал туда подбор сборника «Шатер» в вариантах, сильно отличающихся. Потом сборник переправили в Ревель, там и напечатали.

Я. — Вы сказали, что «Шатер» был заказным сборником. Какое издательство его заказывало?

А. — Кажется, Гржебина.

Я. — Еще один вопрос, Анна Андреевна. Чем был обусловлен Ваш переезд в Киев в 1905-м и в 1910 годах?

А. — До 1905 года мы жили сначала недолго в Павловске, а затем в Царском Селе. В 1905 году мои родители разошлись, и моя мать с детьми уехала на юг. Там у нас было много родственников со стороны моей матери. В Киеве жила моя двоюродная сестра, я у нее и поселилась. В Киеве в 1906 году поступила в последний класс Фундуклеевской гимназии, ее окончила в 1907 году. Потом мы ездили на юг к маминой сестре. Естественно, что моя мать после развода хотела быть поблизости к своим родным и мы, дети, были вместе с ней. После я снова вернулась в Киев и поступила на Высшие женские курсы. Прочиталась там один год. Дальше мы решили снова обосноваться в Петербурге и переехали туда. А затем, в 1910 году, я ездила летом в Киев и провела там лето на даче у знакомых перед тем, как вышла замуж за Николая Степановича.

Я. — Большое спасибо, Анна Андреевна. Простите, что я отнял у Вас столько времени и утомил Вас.

А. — Нет, ничего. Не спешите. Ко мне в два часа должен прийти Солженицын. Он звонил и просил разрешения зайти. Я сейчас свободна. *(Вынимает папку с бумагами, перебирает их.)* Меня за границей не хотят при-

знавать совсем после «Четок». Всячески поддерживают легенду, что я все последние годы молчала и ничего не писала. И этот самый англичанин литературовед, который был у меня, пишет сейчас исследование о моем творчестве и тоже только до «Четок». Все последующее они прямо перечеркивают. И это имеет далекие корни. Вот Георгий Иванов пишет обо мне еще в 1928 году — это из нью-йоркского издания «Петербургских зим» было включено — вот посмотрите, заметка...

Передает мне вырезку-подвал из газеты. Там Г. Иванов пишет о Блоке, Кузmine и дальше об А. Ахматовой... Примерно следующего содержания: «Читатель ждет от Анны Ахматовой таких стихов, какие она писала раньше, до революции: "На правую руку надела перчатку с левой руки..."», а не то, что она стала писать позже: "Все расхищено, предано, продано...". Ее стиль, ее творчество кончилось, а это новое не найдет читателя...» (Таков смысл заметки).

А. — Вот видите, это совершенно сознательная тенденция показать, что я как поэт, как Ахматова завершила свой путь на «Четках», а дальше ничего не дала. Так писать — значит ничего не понимать в творчестве, в развитии поэта.

Я. — А как же, Анна Андреевна, последующие сборники — «Белая Стая», «Подорожник», «Анно Domini»?

А. — Ну, это все на их совести. Я еще раз повторяю. Эмиграция вся настолько выродилась, изолгалась, запуталась, что не только нельзя им верить — к ним нельзя серьезно относиться. К сожалению, их слова, всех этих Ивановых, Страховских, Оцупов, повторяют и многие иностранные литературоведы. Вот письмо Марины Цветаевой ко мне — это копия, два экземпляра. Возьмите один экземпляр себе.

Я. — Большое спасибо. Марина Цветаева меня очень интересует. Я заинтересовался ею, когда познакомился с циклом ее стихотворений, посвященных Вам, в сборнике «Всрсты», и затем увлекся ее творчеством. Очень сложная и тяжелая жизнь пришлось на ее долю.

А. — Да, у меня есть ее воспоминания. Я их знаю. Вот посмотрите... Вы знаете немецкий язык? Переводы моих стихотворений на немецкий язык. Это прислал мне один немецкий пастор, он живет в Израиле, он занимается литературой и переводит стихи на немецкий язык. Специалисты немецкого языка говорят, что переведено точно и хорошо. Здесь ряд стихотворений с копиями — заберите себе.

Я. — Большое спасибо. Анна Андреевна, были ли собраны Ваши ранние стихотворения, написанные до «Вечера»?

А. — Нет, они не были собраны и не печатались. И я считаю, что это не надо делать, и не собираюсь делать. Вот Лермонтова и погубило то, что в его собраниях сочинений все его зрелые стихотворения тонут в массе детских и юношеских стихотворений. Его бабушка, которая тщательно, с самого раннего возраста собирала все написанное им, сослужила ему плохую службу. Зачем это надо?

Я. — А Пушкин? Ведь у него собраны юношеские стихотворения и тоже очень хороши.

А. — Пушкин — исключительное явление, все, что он писал, — гениально!

Я. — Анна Андреевна, Вы ведь состоите в Пушкинской комиссии Академии наук. Какими вопросами занимается эта комиссия?

А. — С изучением Пушкина — пушкиноведением — сейчас очень плохо. Старые специалисты сейчас уходят

один за другим, а молодежь не хочет им заниматься. Это очень трудно: надо знать иностранные языки, надо знать прекрасно историю того времени, жизнь общества, условия жизни, современников Пушкина, их интересы. Это одно уже очень сложно, трудно, требует большой культуры исследователя и очень много труда. Чтобы написать одну оригинальную работу, надо очень много затратить времени в библиотеках, в архивах и т.д. Это, по-видимому, и отталкивает молодых литературоведов от этого пути. А Пушкинская комиссия почти совсем не работает. Проведет одно-два заседания в год по случаю знаменательных дат — в июне и в феврале — этим и ограничиваются. Собираются в эти юбилейные дни, сделают один-два доклада и этим ограничиваются, друг друга в глаза не смотрят — стыдно!

Я. — Большое спасибо. Теперь, я надеюсь, Вы поедете отдыхать окончательно? А то Вам пришлось поехать в Москву, а сейчас приехать в Ленинград. Это утомительно.

А. — Значительную часть времени я живу в Москве, там и работаю. Я пробыла там всю осень. Занималась переводом одного румынского поэта.

Я. — Какого поэта, Анна Андреевна?

А. — Аргези. И в Ленинград приходится приезжать, здесь уже ничего не поделаешь. Сейчас поеду в Комарово и буду там жить до глубокой осени.

Я. — Вы меня простите, Анна Андреевна. Я у Вас столько отнял времени. Вы, наверное, очень утомились.

А. — Нет, что Вы. Я сейчас свободна. Сейчас ко мне еще придут. Когда вернетесь из санатория, из отпуска, приезжайте в Комарово ко мне на дачу.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ
26 ИЮНЯ 1964 ГОДА

Утром, около 11 часов, 26 июня позвонила по телефону А.А.

А. — Здравствуйте, я приехала в Ленинград, и если Вы свободны, заходите. Я дома.

Я. — Здравствуйте, Анна Андреевна. Наконец-то Вы приехали. Разрешите Вас еще раз поздравить с днем рождения. Мне очень хотелось бы Вас увидеть. В какое время можно зайти к Вам?

А. — Можно сейчас.

Я. — Сейчас, к сожалению, я еду в институт.

А. — Я буду свободна до семи часов. В семь часов ко мне придут по делу. А вечером сегодня я уеду в Комарово.

Я. — Я обязательно постараюсь быть у Вас часов в пять.

А. — Приходите. Много интересного.

Ровно в пять я был у А.А.

А. — Здравствуйте! Я Вас попрошу немного подождать, я сейчас кончу свои дела. Вот посмотрите: «L'Unità» с заметкой обо мне и Модильяни. Журнал с моей статьей о Модильяни. Эту статью Вы знаете. Вот новый польский сборник моих стихов. Посмотрите.

Я. — Спасибо.

Страница из газеты «L'Unità» с заметкой «Ахматова и Модильяни» — фотография 1911 года: А.А. стоит, освещается солнцем, в белом костюме, в белой шляпе.

Толстый журнал, майский номер, на итальянском языке «Европейская литература. Европейское искусство. Европейское кино». В нем перевод статьи А. Ахматовой «Модильяни» — воспоминания о встречах в 1911 и 1912 годах, с рядом фотографий:

а) фотография 1911 года — та же, что в «L'Unita»;
 б) фотография 1912 года: сидит без шляпы, в белом;
 в) 1924 года: лежит на постели, закинув руку за голову;
 г) 1926 года: сидит в кресле в комнате, с короткой причес-
 кой;

д) 1946 года: стоит, в черном костюме, с сумочкой в руках,
 надпись: «А. Ахматова во время выступления А. Жданова с ре-
 чью против ее творчества»;

е) 1963 года: голова, профиль;

ж) 1963 года: у входа на дачу, с А. Сурковым и двумя ита-
 льянскими литераторами;

з) снимок с единственного уцелевшего (из 16-ти) рисунка
 Модильяни (свинцовый карандаш или уголь), который висит над
 кроватью А.А.

Сборник стихов, переведенный на польский язык, выпу-
 щенный в Варшаве в 1966 году.

Вскоре вернулась А.А.

А. — Ну как, интересно?

Я. — Очень интересно! Вам известно, Анна Андре-
 евна, что в Праге вышел тоже сборник Ваших стихов?

А. — Нет, в Праге еще не вышел. Это объявили
 преждевременно. Спасибо Вам за поздравление ко дню
 рождения. Я его получила.

Я. — Как вы провели свой день рождения? «Лите-
 ратурная газета» отметила Ваш юбилей...

А. — Не только «Литературная газета». В «Лите-
 ратурной России» была тоже заметка о юбилее и о вече-
 ре, посвященном юбилею. Вы разве не видели? Но я к
 этому отношусь спокойно. Вот видите, какая куча по-
 здравлений! (Показывает на ларь, на котором действительно
 лежит гряда писем). Все поздравления к юбилею.

Я. — Я в «Литературной России» за 26 июня ниче-
 го не нашел.

А. — Это было за 19 июня. Сейчас я Вам покажу. (Пошла за портьеру, где стоит кровать.) Вот, смотрите.

Я. — Ах, это я пропустил. (Просмотрел заметку.) Постараюсь обязательно достать.

А. — Ну, это сейчас, наверное, уже невозможно.

Я. — Буду пытаться. Анна Андреевна, как Вы провели время в Москве? Много работали? Что-нибудь подготовили к печати?

А. — Я была очень занята. Очень много работала, хорошо работала. Вот окончательно (показывает на папку) подготовила к печати сборник «Бег времени». Его включают в план выпуска 1965 года.

Я. — Его выпускают в Москве?

А. — Нет, в Ленинграде.

Я. — Вы за время пребывания в Москве много напечатали — в «Новом мире», в «Звезде», в «Литературной России», в «Днях Поэзии». В московском «Дне Поэзии» напечатали значительную часть «Поэмы без героя». Когда же эта поэма полностью увидит свет?

А. — Вот в этом новом сборнике «Бег времени» «Поэма без героя» будет напечатана полностью. Мною подготовлено много. «Новому миру» я передала полный цикл стихов «Requiem». Для «Литературной России» дала также подборку стихов. Перевела много стихов латышского поэта Межелайтиса, и перевела хорошо. В Москве я встречалась с латышским писателем... <пропуск> он говорит, что это наиболее точные, наиболее близкие переводы из всех ему известных. Переводила <...> поэта Аргези.

Я. — Анна Андреевна, мне еще раз хочется поздравить Вас с премией, которую Вам присудили в Италии.

А. — Вы знаете об этом? Да, мне присудили премию — Большую литературную премию Италии — мил-

лион лир. Вот теперь собираюсь в сентябре в Италию для получения премии.

Я. — Это Вам не будет трудно?

А. — Я сейчас чувствую себя очень хорошо. И если так буду чувствовать себя, то я смогу поехать. Это все было очень интересно. Я узнала, что мне присуждена премия, и когда меня спросили, где я хочу, чтобы мне вручили премию — в Москве или в Италии на Празднике вручения премий в мае или в сентябре, я ответила, что буду получать премию в Италии. В мае там стоит очень жаркая погода — я не поеду, а вот в сентябре, если все будет благополучно, я поеду туда: погода будет хорошая и будет легко. Ну вот, согласие я дала, а думаю, как же дальше, надо иметь разрешение на выезд, визу, паспорт, а хлопотать я о себе не хочу. Я считаю, что о присуждении мне премии известно и, следовательно, мне должны выдать соответствующие документы без моего ходатайства. Вскоре мне позвонили из правления Союза писателей, спрашивают, намерена ли я ехать за премией. «Да, намерена». — «Так надо подать соответствующую просьбу, заявление». На это я сказала, что заявления подавать не буду, так как о присуждении мне премии знают и если считают, что я могу и должна ехать за ее получением, то соответствующие документы и без моих заявлений будут выданы. Об этом разговоре сообщили Суркову. Он обратился в ЦК. Там ответили: «о премии знаем», «пусть подает заявление», «рассмотрим». Сурков говорил, что Ахматова подавать заявление не собирается, и передает разговор со мной. В ЦК отвечают: «обсудим», «сообщим». Потом недели через три звонят из Союза писателей и сообщают: «Анна Андреевна, из ЦК пришло письмо: разрешить поэтессе Ахматовой вы-

ехать за границу за получением Литературной премии в Италии. Срок выезда и время пребывания установить по усмотрению Ахматовой, когда найдет нужным и на сколько найдет нужным». Вот после этого я обратилась к Суркову и сказала ему: «Я получила разрешение на выезд за границу. Это все сделано было без моих просьб, а вот теперь, имея это разрешение, я хочу Вас спросить — как Вы думаете, могу ехать за границу я одна, без сопровождающего, после того как отметили мой такой солидный юбилей, после перенесенных инфарктов?» Сурков: «Думаю, Анна Андреевна, что это нельзя». — «Так вот теперь я уже буду просить, чтобы мне разрешили иметь сопровождающего». Сурков: «Кого бы вы хотели взять с собой?» Я назвала троих: Ирину Николаевну (Пунину), ее дочку (Анечку) и мою «московскую дочку» Нину Ольшевскую. С ними я буду совершенно спокойна и уверена. Кого же из них выберут, мне все равно. Это я предоставляю на усмотрение тех, кто будет выдавать разрешения. Ирину Николаевну и Анечку вы знаете, а с Ниной вы сегодня встретились в дверях, при входе. Сурков сказал, что передаст о моей просьбе. Он снова позвонил в ЦК, рассказал о нашем разговоре. Там ответили: «обсудим», «сообщим». Дня через три звонят из правления и говорят, что в ЦК склонны отпустить со мной москвичку, Нину.

Я. — Как все это интересно! Как же Вы поедете туда, Анна Андреевна?

А. — Я хочу самолетом долететь до Парижа, побыть там немного. Я ведь не была в Париже 50 лет. Со времени встреч с Модильяни. Там много изменилось. Из Парижа мы поедem в Северную Италию. Потом в Рим. А из Рима — на остров Сицилия — там будет Праздник вру-

чения премий. А после этого я, наверное, побуду некоторое время там. Как Вы думаете, за что я получила премию?

Я. — Вы так много работали, Анна Андреевна, последние годы, так много сделали. Вероятно, это за совокупность всей работы...

А. — Я уверена, что премию я получила за «Реквием». Эта вещь произвела большое впечатление. Она в 1963 году вышла в Германии, в Мюнхене, и после этого была переведена на все языки мира, была напечатана во всех странах мира.

Я (вынимая из портфеля мюнхенское издание «Реквиема»). — Анна Андреевна, вот это издание? Вы его видели? Здесь прекрасный ваш портрет Сорины.

А. — Вы уже имеете? (Перелистывая.) Хорошо. Как же вы достали?

Я. — Совсем случайно.

А. — Сколько вы дали за этот сборник? (Видя, что мнусь.) Ну, сколько? Не смущайтесь!

Я. — Я заплатил сорок рублей. Это ведь большая редкость. А для меня это громадная ценность.

А. — Как дорого!

Я. — Ну что ж поделать.

А. — А теперь я вам расскажу о самой большой сенсации. Недели за три до моего отъезда в Ленинград ко мне пришел один очень высокопоставленный человек. Он близок к Аджубею, к редакции «Известий». С ним очень считаются, он пользуется большим авторитетом. И он мне сказал, что собираются реабилитировать Гумилева, и спросил, как бы я к этому отнеслась. Я сказала, что никогда не верила в виновность Гумилева. Он, конечно, ни в чем не виноват и его реабилитация была <бы> только

восстановлением справедливости. Дальше он рассказал, что были подняты дела, связанные со следствием по делу Гумилева, по делу «таганцевского заговора», по делу самого Таганцева, и выяснилось, что собственно никакого «таганцевского заговора» не было. Что Гумилев ни в чем не виноват, не виноват и сам Таганцев ни в чем. Никакого заговора он не организовывал. Он был профессор истории в университете в Ленинграде. Был большим оригиналом, но политикой, а тем более заговорами, не занимался. А было следующее: действительно была группа — пять моряков, которые что-то замышляли и, чтобы отвести от себя подозрения, составили списки якобы заговорческой группы во главе с профессором Таганцевым. Включили в эти списки много видных лиц с именами, в том числе и Гумилева, отведя каждому свою определенную роль. Для того, чтобы самим, таким образом, остаться в тени при любых обстоятельствах. Всего ими в списках было упомянуто 61 человек. Из них казнили — 51 (?). Так вот, весь этот заговор оказался несуществовавшим, и теперь, после рассмотрения всех материалов, Гумилев будет реабилитирован. И даже сам Таганцев будет тоже реабилитирован. Вот так мне сказал этот человек, которому нельзя не верить: он слов на ветер не бросает. Потом он увидел у меня 1-й том четырехтомника Гумилева, сказал, что он эту книгу еще не видел, что эту книгу они еще не получали, и попросил у меня ее на несколько дней посмотреть. Я дала. Он ушел, и долго о нем я ничего не слышала. Я уже начала беспокоиться. Недели через две он снова пришел ко мне. Вернул книгу. Я у него спросила: «Ну, как же с реабилитацией Гумилева, Вы не ошиблись?» «Нет, — говорит он, — это вопрос решенный. И в самом скором времени это будет сдела-

но». Далее он сказал, что решено издать сочинения Гумилева, и просил меня порекомендовать — кого из писателей следовало бы поставить редактором.

На этом разговор наш прервался, так <как> вошли и сказали, что пришел посетитель.

А. — Я сегодня вечером уезжаю в Комарово. Хочу застать белые ночи на взморье. Но я, наверное, там долго не пробуду. Я здесь оставляю все дела и очень может быть, что через несколько дней снова появлюсь здесь. Звоните и заходите.

Я. — Всего хорошего, Анна Андреевна!

А. — До свидания.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 2 ЯНВАРЯ 1965 ГОДА

В 18.30 я пришел к А.А. Проводили в комнату А.А.

А. — Здравствуйте. С Новым Годом. (А.А. сидела на кровати.)

Я. — Здравствуйте, Анна Андреевна, очень рад Вас видеть, я совсем не думал, что Вы в Ленинграде. Звонил перед Новым Годом, мне сказали, что Вы выехали из Рима и едете в Москву и пробудете там до середины января. Я послал Вам поздравление с Новым Годом в Москву. Как жаль, что я не знал, что Вы здесь.

А. — Так случилось, что я приехала раньше. Пойдемте к столу. Садитесь сюда, вот на этот стул.

Я. — Как Вы себя чувствуете, Анна Андреевна? Вы, вероятно, очень устали с дороги?

А. — Да, дорога была трудная, неудобная, ехали через Сен-Готардский туннель, очень трясло. Хотела

ехать обратно другим путем, но сказали — каким путем ехали сюда, таким надо ехать и обратно. Утомительно.

Я. — Как Вы себя там чувствовали, А.А.? Все ли было хорошо?

А. — Было нелегко. Жарко, до 50°.

Я. — Как там все прошло? Было интересно?

А. — Все это было в г. Катания. В старинном замке Урсино XII века. Было очень много народа. Пришлось идти по проходу между стульев по залу к президиуму. Там мне председатель вручил конверт. Этот конверт я положила на стол, не посмотрев в него. Но председатель улыбнулся, взял этот конверт со стола, открыл его, показал, что в нем чек на миллион лир — это премия, и положил мне в сумочку. Затем мне вручили вот этого рыцаря-марионетку. Мужчинам, получающим премию, вручают такую же куклу, но даму в костюме тех времен.

Я. — Вам был вручен какой-нибудь значок, диплом?

А. — Нет, ничего этого не было. Конечно, было бы неплохо, если бы они вручали, например, кольцо-перстень с гербом. Ничего не было. Везде в газетах об этом много писали, и поэтому считается, что все и так знают об этом хорошо. Мне там было предложено вот это издание «Божественной комедии» Данте — вот оно лежит сзади Вас — с замечательными рисунками Боттичелли. Это именной том, на нем вытеснено мое имя.

(Том размером 30×45 см, толщиной 5—6 см, в футляре.)

Я. — У нас в газетах было много заметок об этом событии. Вот у меня здесь восемь вырезок. А там это обсуждалось в газетах? Много писали?

А. — Было много всего написано. Была статья с безобразной руганью. Вот одна газета с большой статьей.

Вот смотрите: статьи на первой странице с продолжением на третьей, на пятой. Вот фотографии: 12 года и последняя. На последней странице перевод всего «Реквиема». А наши заметки мы собрали, не все, конечно. Передайте мне сумочку! (*Передаю.*) Вот три газетные вырезки из «Литературной газеты» и «Известий», вот одна из «Литературной России» и вот небольшая заметка Чуковского «Красные костры»* в «Неделе». Это, наверное, все у Вас есть?

Я. — Все, кроме заметки Чуковского. Ее я пропустил. Без Вас вышел восьмой том Тагора с большим количеством Ваших переводов.

А. — Да, это мне досталось с большим трудом. Все это было перед самым отъездом. Как понравились Вам переводы? Их там много.

Я. — Это громадный труд! Больше 760 строк. Переводы очень хороши, я прочел их с интересом, с большим интересом. Затем, вот вышел ленинградский «День поэзии» с Вашими «Песенками». Московский «День поэзии» пока не появлялся. Вот здесь, на 22-й странице. Ваши стихи и после них статья Алексея Павловского к Вашему юбилею.

А. — Статья вам понравилась? Хорошая статья?

Я. — Статья хорошая.

А. (*смотрит «День поэзии», листает*). — А это, последнее мое стихотворение откуда они взяли? Вы мне хотите подарить эту книгу?

Я. — Мне было бы очень приятно, если Вы ее примете.

А. — Спасибо. Мне ее, конечно, пришлют, но пока ее у меня нет. Но деньги уже перевели.

* «Малиновые костры».

Я. — Вот, А.А., я еще принес Вам <нрзб.> сборник.

А. — Это что — надо подписать? Напомните.

Я. — Это Вы хотели дать с Вашей подписью москвичу в обмен на ваш двухтомник 22—23 годов.

А. — Ах да! Это я для Вас достану.

Я. — 13 декабря канадское радио сообщало на русском языке, что подготавливается сборник ваших стихотворений на английском языке и что переводы для этого сборника подготавливает посол Канады в Москве.

А. — Это я слышала. Это очень интересно. Может быть, этого канадца мне и представляли на приеме в посольстве. Наш посол Кузнецов (?) мне представлял многих из дипломатического корпуса, возможно, что и этот был там.

Я. — Но это переводит посол Канады в Москве.

А. — Да. Но там было очень много разных дипломатов из разных стран.

Я. — Интересно, что подготовкой сборника занимается посол.

А. — Ну, в этом ничего удивительного нет, дипломаты часто занимаются литературоведением, интересуются литературой, поэзией.

Я. — А.А., какие сборники стихов Вы видели в Италии? Что там нового издали из Ваших стихов?

А. — Ничего нового там нет, кроме тех двух сборников, которые вышли два года тому назад. Поэзией мало интересуются, мало издают, очень дорого стоит. Мой сборник стоит 3500 лир. Хороший завтрак на двоих из нескольких блюд с вином стоит 2000 лир. Вот какие цены на книги! Переводы плохие.

Я. — А Гумилева издают?

А. — Ничего об этом не слышала. Вот моя статья о Модильяни итальянским издателем продана в Англию солидному литературному журналу. Должна скоро там выйти с некоторыми дополнениями.

Я. — И с тем же циклом фотографий?

А. — Да, наверное.

Я. — А об этом Вас поставили в известность? Как-нибудь Ваши интересы обеспечили?

А. — Нет! Что Вы! Все это делается помимо автора.

Я. — А.А., я видел сводный план издания на 1965 год, и там помечен в издательстве «Советский писатель» Ваш сборник «Бег времени» с включением циклов «Полночные стихи», «Реквием» и «Поэмы без героя». Я был приятно удивлен, потому что перед отъездом Вы говорили, что «Реквием» не включается. Правда, Вы говорили, что рецензент, кажется Твардовский, выражал пожелание, чтобы этот цикл был включен в Ваш новый сборник. Может быть, это оказало действие на издательство, а может быть, премия, полученная Вами, и большая популярность «Реквиема» во всем мире.

А. — Вот это очень интересно. «Реквием», конечно, пора печатать. Его переводят на все языки мира. Печатают во всех странах. Это хорошо.

Я. — Что еще нового, А.А.? Какие приглашения еще были?

А. — Когда я была там, я получила приглашение из Франции, из Парижа. Приглашали приехать и выступить. Но это не удалось сделать. Вот что я хочу спросить у Вас. Какое Ваше мнение — мнение человека, связанного с научными кругами, — скажите, как по-вашему, случайно или нет сообщение о присуждении мне почетной степени доктора филологии Оксфордского универ-

ситета появилось во время моего пребывания в Италии? Может быть, это случайно. А может быть, это сделано намеренно.

Я. — Сам факт присвоения Вам этого почетного звания не случаен. Он был оговорен раньше. Еще в ноябре Вы получили телеграмму, где они запрашивали Ваше согласие.

А. — Да. И я тогда же отправила им ответ с согласием. Потом получила от них подтверждение получения моей телеграммы.

Я. — Так как они точно знали, что Вы получаете премию Этна-Таормина, и знали время вручения премии, то очень может быть, что эта торжественная часть — заседание, на котором утверждалась присвоенная Вам почетная степень, специально было организовано в это время, в надежде, что Вам удастся приехать. Это не исключено.

А. — Да. Это может быть и так.

Я. — А.А., Вы в Москве долго задерживались? Были там какие-нибудь запросы к Вам со стороны издательств?

А. — В Москве я была очень недолго. Ко мне никто не обращался там. Меня только навестили трое молодых людей — из них одна девушка, очень симпатичная. Отрекомендовались, что они из АПН — это бывший ТАСС (?), и сказали, что меня разыскивает представитель «Лайфа» — это такой журнал типа нашего «Огонька» — и хочет получить от меня интервью. Я сказала — пусть приезжают в Ленинград. Она меня разыщет в Ленинграде. Вообще, «Лайф» — журнал среднего пошиба. В первом номере «Нового мира» должны появиться мои стихи. Они долго лежали в «Литературной России» и так и не были напечатаны.

Я. — Какие Ваши ближайшие планы? Поживете ли в Ленинграде или поедете в Комарово?

А. — Я сейчас на несколько дней уеду в Москву, потом побуду немного в Ленинграде, а потом поеду в Комарово. Всего хорошего.

Я. — До свидания, А.А.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 14 ЯНВАРЯ 1965 ГОДА

В 15 часов позвонила А.А., меня не было дома, придя домой, я позвонил в 18 часов и в 18.45 был у А.А.

А. — Здравствуйте. Садитесь вот сюда. (А.А. сидела за письменным столом, в черном шелковом халате, в сандалиях, прическа — хвостом.)

Я. — Здравствуйте, Анна Андреевна. Как съездили в Москву? Как Вы себя чувствуете?

А. — Я никуда не ездила. Плохо себя чувствовала. Сказывается и погода, и усталость. А в Москве мороз. У меня был врач — очень хороший, и он запретил мне уезжать.

Я. — Плохо с сердцем? Это, вероятно, погода — такая неустойчивая. Я очень чувствую всякую перемену погоды.

А. — Общее состояние нехорошее. А сердце — оно всегда откликается на все. И погода тоже действует. Вообще, чувствую себя неважно. Этот доктор обещал зайти еще раз — и уже не с визитом, как был, а как врач — и как следует осмотреть меня.

Я. — Не собираетесь ли Вы, Анна Андреевна, в ближайшие дни в Комарово?

А. — Нет. Не поеду. При такой погоде, как сейчас, там совсем нехорошо. Все будет чувствовать: и аорта, и сердце — все, на воздух выйти нельзя. Да, я Вам приготовила интересный подарок. Вот только куда он делся? (*Перебирает бумаги на столе.*) Вот пока это — возьмите. (*Передает входной билет на заседание Etna-Taormina.*) Это Вам интересно? Правда?

Я. — Спасибо. Это очень интересно. Но, может быть, Вам приятно было бы сохранить его?

А. — Ну, что Вы. Зачем? (*Продолжает перебирать бумаги.*) Вот могу Вам дать — это у меня второй экземпляр — журнал «L'Europa Litteraria» с моей статьей о Модильяни. У Вас она была на русском языке, в подлиннике, теперь будет и на итальянском. Здесь интересные фотографии. А! Вот она! Вот что я хотела Вам подарить — это приглашенный билет на торжества в Катании. Вот что здесь написано (*читает-переводит*): «Я почтительно приглашаю Вашу честь на торжественную церемонию вручения VI интернациональной премии за поэзию “Etna-Taormina”, которая состоится 12 декабря 1964 года в 17 часов на заседании парламента в замке Урсино, любезно предоставленном для этой цели мэром Катании». Здесь, слева, видите, напечатаны имена всех лауреатов этой премии за прошлые годы, с 1951 года: в 1951 году — Umberto Saba; в 1953 году — Salvatore Quasimodo e Dylan Thomas; в 1956 году — Camillo Sbarbaro e Jules Supervielle; в 1959 году — Jorge Guillen e Diego Valeri и в 1961 году — Tristan Tzaro e Leonardo Sinisgalli. Ну вот, а здесь, ниже, надо вписать мое имя и Марио Луци. Вот еще эта книга будет для Вас интересна. Этот французский сборник моих стихотворений. У меня это дубликат. Возьмите.

Я. — Спасибо, Анна Андреевна, это все очень интересно. Большое спасибо. Вот здесь на французском сборнике Ваш портрет — тот, что помещен в книге Эйхенбаума.

А. — Да, это тот самый. Вот дайте с полки, наверху, газету. (Я достаю.) Нет, не это. Это Бяка — жена Стравинского, Вера Артуровна.

Я. — Итальянская газета? Вот эта?

А. — Да. Вот видите, как хорошо увеличили этот портрет? Я хочу дать его сфотографировать.

Я. — Это замечательный портрет. И как им удалось так хорошо увеличить? Прямо мастерски!

А. — Вот еще интересная вещь. Получила на днях из Америки «Реквием» на чешском языке. Это издала чешская колония в Америке. Прислали мне экземпляр с надписью. Оригинальный рисунок на обложке — тюремная решетка?!

Я. — Да, пожалуй, это решетка. Это в их стиле. А как выполнен перевод? Хорошо ли?

А. — Я внимательно не смотрела. Вообще, плохо переводят.

Я. — Чешский язык нам все-таки понятен. Ваш сборник на сербском языке, я его у Вас видел, там совсем хорошо ясно, они даже используют русский алфавит. Польский менее понятен.

А. — Да. Вообще, и с группой славянских языков, и с группой романских и германских языков можно справиться. Французский — итальянский — испанский, польский — чешский — болгарский — сербский. Это все не чуждые нам звуки. Вот что совсем чужое — это финский, эстонский, венгерский. Это чужое. Литовский язык тоже малопонятен. У меня, вероятно, будет дубликат польского сборника, я приберегу для Вас.

Я. — Спасибо. А Ваш литовский сборник я попытаюсь выписать из Вильнюса. Может быть, и получу. Анна Андреевна, были ли у Вас из издательства? Оставались ли окончательно на составе сборника? Ведь в июле издательством было указано, что в сборник «Бег времени», издаваемый «Советским писателем», включены циклы «Полночные стихи», и «Реквием», и «Поэма без героя».

А. — Я сомневаюсь, что все это будет так. Это какая-то ошибка. Я им даже не передавала «Реквием». У них его нет. Даже есть сомнения в отношении «Поэмы без героя». Что-то не очень хотят ее печатать.

Я. — Я все-таки удивляюсь тому, с каким трудом все это происходит.

А. — Ну, что же поделать. Вот интересно — я последнее время получаю через редакцию журнала «Юность» много писем. В четвертом номере был напечатан ряд моих стихотворений, в ответ на них пишут, просят прислать сборник моих стихов, другие пишут, что потеряли или пропали во время войны мои сборники стихов, и просят прислать что-нибудь. Но ведь у меня нет моих книжек, я сама не имею своих сборников. Они думают, что у меня их большой запас.

Я. — Это очень интересно и приятно.

А. — Да. Так вот, редактор «Юности» — они ведь письма, направляемые писателям, прочитывают как редакционную почту — предложил мне напечатать в третьем номере, в мартовском этого года, поместить триста строк моих стихотворений. Просил отобрать, но только из уже напечатанного. Я сначала думала, что это очень трудно, ведь триста строк — это очень много. Но потом как-то вечером села и быстро отобрала. И написала к ним

предисловие. (*Берет свою записную книжку — «Тысяча и одна ночь».*) Вот, прочитайте.

Я читаю. Содержание, примерно, такое: «Последнее время я получаю много писем от читателей «Юности» с просьбой прислать сборник моих стихотворений. Но у меня их нет, этих сборников. Редакция «Юности» любезно предложила, в ответ на эти просьбы, напечатать ряд моих стихотворений в мартовском номере. Их я дарю всем, обратившимся ко мне с просьбой, моим читателям. Анна Ахматова».

А. — Ну как?

Я. — Очень хорошо. Что же может быть лучше. Вообще все это будет прекрасно. Во-первых, 300 строк — это 25—30 стихотворений. У Вас ведь большинство стихотворений 8—12 строк. А затем ведь это тираж 500 тысяч.

А. — В 65 году тираж 1,5 миллиона. Если все выйдет так, то, конечно, будет хорошо. Посмотрим.

Я. — Анна Андреевна, Тагора Вы переводили еще для какого-нибудь тома его собрания сочинений, кроме восьмого тома?

А. — В седьмом томе помещен ряд моих переводов, в восьмом томе очень много.

Я. — Да, в восьмом томе помещено 765 строк.

А. — Что-то в этом роде. Вот еще интересную телеграмму я получила из Оксфорда. Просят прислать мерку — рост, объем в плечах и т.д., объем головы. Все это необходимо, пишут, чтобы сшить мантию и шапочку к торжественному заседанию, на котором будут присуждать почетное звание доктора филологии и облачать в мантию. Просили сообщить также, когда для меня удобно приехать в Оксфорд. Я ответила относительно возможности приезда, написала — должна уточнить, потом

дополнительно сообщу. Позвонила Суркову в Москву. Он это встретил кисло. Сказал: «Переговорю и позвоню». Пока еще ничего не ответил.

Я. — Но ведь это будет Вам очень тяжело. Поездка в Италию была такой тяжелой для Вас. А здесь снова такое далекое путешествие.

А. — Это значительно легче. Из Москвы в Париж идут комфортабельные самолеты — «Каравеллы» — три часа. А там несколько часов Париж—Лондон, поездом без пересадки. Это ничего. Положите эту газету вот туда, на папки, и дайте папку, там о Кузмине, сверху. Нет, не это и не это. Подождите, я сама. Вот, у Вас есть «Говорит Дидона»?

Я. — У меня есть перепечатанная на машинке.

А. — Вот возьмите. Теперь будет в подлиннике. Это Вы знаете?

Я. — Да, это «Литература и жизнь».

А. — Да.

Я. — Большое спасибо, Анна Андреевна, Вы, наверное, очень устали? Я так задержал Вас.

А. — Посидите еще. Сейчас без двадцати восемь. Ко мне придут в восемь. Посидите.

Я. — Анна Андреевна. Прошлый раз Вы говорили, что в Москве к Вам заходили трое молодых людей и одна из них — девушка — говорила, что Вас разыскивал представитель «Лайфа» — хотел получить от Вас материалы для корреспонденции. Был ли он у Вас?

А. — Нет, никто не был. Здесь был один молодой человек из издательства и в разговоре пытался меня уверять, что я после революции ничего не писала — замолчала.

Я. — Ну как же это так?! Можно понять, когда за границей пишут так, желая показать, что революция за-

ставила Вас замолчать. А здесь? Ведь можно проследить год за годом. До 1923 года выходили Ваши сборники. Потом был перерыв. Но в сборнике 1940 года — «Из шести книг» — появился новый цикл «Ива», где все стихотворения помечены 1922—1940 годами. Вы ведь все время работали! А статьи о Пушкине?

А. — Речь идет о стихах. Ведь в этот период, с 1935 по 1940 год, был создан «Реквием». Это очень много.

Я. — Вы начали работу над «Поэмой без героя» в 1940 году. Как же можно так говорить? Это прямо перепевы позиции некоторых западных литераторов. А то, что Вы не печатались с 1923 по 1940 год, в этом, вероятно, не Ваша вина, так же как и после 1946 года.

А. — Ведь в 1925 году было первое постановление, которое налагало на меня запрет. Такое же, как в 1946 году.

Я. — Вот этого я не знал. Тогда понятно, почему Вас не печатали. Но как можно говорить, что Вы не работали, молчали!

А. — Да. Ну вот, кажется, пришли ко мне. Всего хорошего. Я Вам скоро позвоню. Мы скоро встретимся. До свидания.

Я. — До свидания, Анна Андреевна.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 27 ЯНВАРЯ 1965 ГОДА

Мне позвонили от А.А. Ахматовой в воскресенье 24 января, спросили, могу ли я зайти к А.А. в один из ближайших дней, договорились на среду 27 января, в 13.00.

Пришел в среду, ровно в час. Провели к А.А.

А. — Здравствуйте. Садитесь вот сюда.

Я. — Здравствуйте, Анна Андреевна!

А. — Вот посмотрите, только что получила фотографии из Италии. Это снимали во время церемонии. Хорошие фотографии. *(Передаст набор из 14 фотографий, на которых показана вся церемония вручения премии в г. Катания в замке Урсино.)*

Я. — Как себя чувствуете, Анна Андреевна?

А. — Все еще недостаточно хорошо. Даже не знаю что, но какое-то очень неуверенное состояние.

Я. — Чем сейчас Вы заняты?

А. — Сейчас идет подготовка к годовщине смерти Пушкина. Меня просили выступить по телевидению, но я в таком состоянии, что сама, естественно, выступить не могу. Поэтому в сообщении того, кто будет вести передачу, будет сказано о моих работах о Пушкине. Меня просили прочитать ряд стихотворений, посвященных Пушкину. Я прочитала три стихотворения — записали на магнитофон. Во время телевизионной передачи эту запись включают.

Я. — Получили ли, Анна Андреевна, из Москвы разрешение на поездку в Англию?

А. — Нет, пока ничего нет. Я ведь Вам говорила, что я, как только получила из Англии приглашение приехать в Оксфорд на торжественное собрание, сразу позвонила Суркову и сказала об этом. До сих пор он не ответил. Я больше звонить и напоминать не буду. Зачем? Это их дело теперь беспокоиться.

Я. — Какие еще новости были за это время?

А. — Вы о перевыборе правления Ленинградского отделения Союза писателей знаете? Там было очень интересно. После всех выступлений в дискуссии по докладу Прокофьева, а были, говорят, очень острые выступ-

ления, Прокофьев снял свою кандидатуру в правление Союза. Сослался на плохое состояние здоровья. Выбрали новое правление. Теперь во главе будут стоять Дудин и Гранин. Выбрали меня в правление, причем третьей по порядку по числу голосов. Также, третьей по порядку, выбрали меня в правление и в 1945 году — 20 лет назад. А потом, вскоре, в 1946 году, было выступление Жданова. Выбрали меня также делегатом на съезд писателей. Во главе поэтов Ленинградского отделения сейчас будет Вадим Шефнер. Это порядочный человек.

Я. — Анна Андреевна, скажите, пожалуйста, что произошло в 1924 году? Почему был наложен запрет на Ваши стихи? Почему Вас перестали печатать? Почему был уничтожен подготовленный двухтомник ваших стихов?

А. — В 1924 году я получила приглашение из Москвы провести там литературный вечер со своими новыми стихами. Я поехала в Москву и прочитала много стихотворений. Я прочитала «Клевету» и ряд стихотворений из последнего издания «Anno Domini», которые раньше не печатались. На вечере присутствовало какое-то высокопоставленное лицо, которому не понравились мои стихи. И вот, после этого вечера я была запрещена. Меня перестали печатать. Подготовленный к выпуску, уже напечатанный, двухтомник моих стихов был уничтожен. Этот запрет был очень длительный. До 1939 года меня не печатали. Совсем ничего. Я переводила, занималась литературоведением, писала о Пушкине. Меня не печатали. Вот потому, вероятно, сложилась легенда, что я замолчала. Но я непрерывно работала, я не переставала писать стихи. В 1939 году на каком-то литературном совещании меня вдруг вспомнил Сталин: «Где Ахматова?» Ему сказали — в Ленинграде. «Почему ничего не пишет?» Ему объясни-

ли. Рассказали о 1924 году. «Разрешить ей печататься». Вот, в 1939 году мне и разрешили снова печататься. Я напечатала ряд стихотворений в 1939 году в журнале. Потом еще. Подготовила и выпустила сборник «Из шести книг». Но после этого сборника опять было запрещено печататься. Сборник вышел в 1940 году, опять попал к Сталину. Ему не понравилось одно из стихотворений. Он не обратил внимания даже на дату. Стихотворение было старое, 1922 года. И опять — теперь уже Сталин наложил запрет. Снова печататься я стала уже во время войны. А после войны, в 1946 году, — выступление Жданова.

Я. — Да. Трудно Вам было. Анна Андреевна, я хотел Вам показать ряд заметок в «Литературной газете», «Известиях», вот Ваша фотография в первом номере «Огонька».

А. — Я видела это. Кое-что из этого у меня есть.

Я. — Теперь стало много появляться заметок о Вас.

А. — Мне брат предлагал пересылать вырезки из американских газет и журналов. Там много пишут.

Я. — Это было бы интересно.

А. — К чему это? Да, скажите, как называется улица, параллельная Большому проспекту или Карла Либкнехта? Никак не могу вспомнить. Спрашивала у всех своих — никто не знает. Я на этой улице жила.

Я. — Это Большая Пушкинская.

А. — Конечно, Большая Пушкинская. Во время войны Николай Степанович заболел и был направлен в Петроград лечиться. Его положили в больницу на Петроградской стороне (Петропавловскую), и я, чтобы быть поближе — мы жили в Царском Селе тогда, сняла комнату на Большой Пушкинской. Вот только в каком доме? Этот дом стоял прямо против улицы, идущей с Большо-

го проспекта (*рисует план*), третьей улицы от Каменно-островского.

Я. — Это, наверное, дом около Матвеевской церкви. Кажется, это был приходской дом.

А. — Это я не помню. По-моему, это не был церковный дом. Но это был большой дом, своеобразной архитектуры, и в него прямо упиралась улица.

Я. — Надо будет посмотреть, что это за дом.

А. — Это вот почему я вспомнила. Меня просили составить список всех мест, где я жила. Очень просили. Я попыталась, и, вот смотрите, получилось много. Все вспомнила, а вот эту улицу не могла вспомнить. Спасибо Вам. (*Показывает список, напечатанный на 3 страницах.*)

Я. — Анна Андреевна, это так интересно. Здесь все: от Большого Фонтана под Одессой до этого дома. Я Вас очень прошу разрешить мне это переписать. Это важно для меня.

А. — У меня останется список, я Вам потом дам.

Я. — Вы устали наверное, Анна Андреевна. Пожелаю Вам всего хорошего.

А. — Да. До свидания. Спасибо за Большую Пушкинскую.

Пройдя на Большую Пушкинскую <осмотрел дом>. Этот дом оказался № 57-а напротив Подковыровой улицы, которая упиралась в него.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 21 ФЕВРАЛЯ 1965 ГОДА

20 февраля позвонила А.А.

А. — Здравствуйте. Я приехала. Скоро уезжаю в Москву.

Я. — Здравствуйте, Анна Андреевна. Как Вы отдохнули?

А. — Я хорошо отдохнула. Была в Доме творчества в Комарово. Очень хорошо. Спокойно. Немного скучно. Такая благородная скука. Но, в общем, хорошо. Что нового?

Я. — Опубликован результат выборов в ЛО Союза писателей. Очень хотелось бы Вас видеть, Анна Андреевна. Можно надеяться, что у Вас найдется время?

А. — Вы завтра свободны? Можете прийти?

Я. — Конечно. В любое время...

«ТАЙНЫ РЕМЕСЛА»

Беседа с А.А. Ахматовой критика Д. Хренкова

— Сегодня получила два подарка.

Анна Ахматова положила на стол изящный том с рисунком Модильяни на суперобложке. Это экземпляр ее книги «Бег времени», только что вышедшей.

— Удивительное совпадение, — продолжает хозяйка дома. — Ровно сорок восемь лет назад, именно в эти дни, я получила сигнал книги своих стихов «Белая стая»...

Книг тогда издавалось мало: не хватало бумаги. «Белая стая» была напечатана на отходах тиражом в две тысячи экземпляров. Молодой поэтессе такой тираж казался космическим.

«Бег времени» издан тиражом в 50 тысяч. В этой книге — стихи, давно ставшие хрестоматийными, известные всем любителям поэзии, и стихи новые, которые читатель прочтет впервые.

— Анна Андреевна, а второй подарок?

На столе появляется газета башкирских комсомольцев «Ленинец». 14 августа этого года на ее литературной странице напечатана удивительная фотография: на бересте нацарапаны знакомые стихи Ахматовой. Под снимком подпись: «Тираж этой кни-

ги — один экземпляр. И «отпечатана» она не на бумаге, а на березовой коре».

...Анна Андреевна не слишком охотно говорит о том, что ею сделано. Может быть, потому, что она полна новых замыслов, что работа над новыми произведениями идет по-молодому горячо.

Поэтесса берет в руки тетрадь в твердом переплете. Все страницы ее густо испещрены записями. Часто попадаются стихи. Нет, не те, что вошли в «Бег времени». Конечно, есть среди них и написанные давно, лет двадцать, пожалуй, назад. К ним поэтесса возвращается снова и снова, что-то дописывает, перedeлывает. А рядом — совсем новые. О них не знают, наверное, даже самые близкие люди. Иные из этих стихов уже объединены в циклы «Сожженная тетрадь», «Тайны ремесла». Впрочем, названия циклов могут измениться...

Я спрашиваю у Анны Андреевны, можно ли сообщить читателям об этих стихах. Она соглашается.

— Уже ведутся переговоры об издании их отдельной книгой. В эту книгу, по всей вероятности, кроме стихов, войдет проза. Наверное, у каждого поэта приходит пора, когда ему хочется взяться за «презренную прозу». Но то, что я пишу, вовсе не будет «прозой поэта». Меня издавна увлекает исследовательская работа в бесценных и необозримых владениях Пушкина. С частью ее читатели Александра Сергеевича уже имели возможность познакомиться. Едва закончив работу о «Каменном госте», я захотела написать о Пушкине и Невском взморье. Почти одновременно легли на бумагу воспоминания о художнике А. Модильяни. Недавно читала и перечитывала записные книжки Блока. Они как бы возвратили мне многие дни и события. Чувствую: об этом нужно написать! Это будут автобиографические заметки...

— В «Беге времени» напечатаны отрывки из трагедии «Пролог». Скоро ли читатели познакомятся с этой вашей работой?

— Над трагедией «Пролог, или Сон во сне» работаю все время. У меня в «заделе» всегда несколько вещей.

— Не труден ли вам переход от одного жанра к другому?

— Трудности вовсе не в «переключении» с одного жанра на другой. Писать всегда трудно. Бояться надо «простоев», хотя это, конечно, вовсе не значит, что все написанное нужно сразу же выносить на суд читателя. В «Беге времени» есть стихи, которые, как мне кажется, точно определяют условия работы поэта и в какой-то мере технологию ее. Эти стихи были написаны недавно на побережье Финского залива.

Земля хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.

На дне песок белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.

Анна Андреевна рассказывает о том, что «Поэму без героя» писала совсем не так, как лирику. Трудно ей точно сказать, что послужило тому причиной. Может быть, то, что, оказавшись

во время эвакуации в Ташкенте, она ближе познакомилась с читателем.

— Читатель стал тогда для меня чем-то вроде соавтора. Его волнение помогало мне, было очень дорого.

Я не писала, как обычно, записывая и перечеркивая строки, а словно бы под диктовку — так ложилась на бумагу строфа за строфой. И почти каждая строфа приходила уже с запевом, кульминацией, концовкой...

— Не потому ли «Поэму без героя» трудно втиснуть в жанровые рамки?

— Может быть. Находились люди, которые уверяли меня, что это вовсе не поэма. Я в какой-то мере понимала их заблуждение: в представлении многих поэма как жанр очень канонизирована. А с поэмой происходят вещи поразительные.

Вспомним первую русскую поэму «Евгений Онегин». Пусть нас не смущает, что автор назвал ее романом. Пушкин нашел для нее особую 14-строчную строфу, особую интонацию. Казалось бы, и строфа, и интонация, так счастливо найденные, должны были укорениться в русской поэзии. А вышел «Евгений Онегин» и вслед за собой опустил шлагбаум. Кто ни пытался воспользоваться пушкинской «разработкой», терпел неудачу. Даже Лермонтов, не говоря уже о Баратынском. Даже позднее Блок — в «Возмездии». И только Некрасов понял, что нужно искать новые пути. Тогда появился «Мороз, Красный Нос». Понял это и Блок, услышав на улицах революционного Петрограда новые ритмы, новые слова. Мы сразу увидели это в его поэме «Двенадцать». Это же следует сказать о поэмах Маяковского... Я убеждена, что хорошую поэму нельзя написать, следуя закону жанра. Скорее вопреки ему...

Я возвращаюсь к разговору о стихах Анны Андреевны и замечаю, что последние лирические стихи, в частности, вошедшие в цикл «Полночные стихи» (1963), существенно отличаются от ранней лирики. Анна Андреевна не возражает, хотя и не говорит об этом подробно.

— Кто внимательно прочтет эти стихи, тот поймет сам. Другому поможет критика. Кстати, о критике. Я не обижена ее вниманием. Тем не менее у меня есть свой счет к критике. Всем известны успехи нашей советской поэзии. А критика уж очень часто ограничивает свою роль посредничеством или популяризаторством. Между тем сама критика должна быть, как стихи, увлекательной, неожиданной, острой не только в выводах, но и в мысли, способной помочь и автору, и читателю...

Ленинград, ноябрь 1965

КОЛЛЕКТИВНОЕ

<ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В.С. СРЕЗНЕВСКОЙ>

Уже близко то время, когда я не смогу ни сказать, <1> ни записать ничего. Мои записи без плана и системы, я никогда не думала и не хотела сделать их достоянием истории.

Я много видела, много испытала, много знаменитых современников прошло — одни ближе к моей жизни, другие дальше — наконец, третьи просто в беглых встречах оставили чисто зрительное и слуховое впечатление. Но ведь истина выявляется даже из перекрестных взглядов и мнений, а значит, каждый свидетель ценен по-своему — только бы он не лгал и не выдумывал фактов.

Постараюсь следовать этому правилу и как можно точнее восстановить в моей еще не совсем угасающей памяти образы далеких, милых, а иногда и вовсе далеких, запомнившихся мне людей.

С А. мы познакомились в Гунгербурге — довольно модном тогда курорте близ Нарвы — где семьи наши жили на даче. Обе мы имели гувернанток — обе болтали бегло по-фр<анцузски> и по-нем<ецки> — и обе ходили с нашими «мадамами» — на площадку около курзала, где дети играли в разные игры, а мад<амы> сплетнич<али>, сидя на скамьях. А. была худенькой стриженной девочкой, —

ничем не примечательной, довольно тихонькой и замкнутой. Я была очень подвижной, веселой, шаловливой и общительной — особенной дружбы у нас не возникло — но встречи были частые, болтовня непринужденная и основа для дальнейших отношений возникла прочно. Настоящая большая, на всю жизнь, тесно связавшая нас дружба, возникла позже, — когда мы жили в одном и том же доме — в Царском Селе близ вокзала на ул. Широкой и Безымянного пер^{<еулка>} в доме Шухардиной, — где у нас была квартира внизу, — а у Горенко наверху.

В этот дом мы переехали после пожара, когда потеряли всю обстановку и все имущество — были очень рады найти квартиру, где можно было разместиться уютно, близ вокзала (наши отцы были связаны с поездками в Птб. на службу — а старшие дети с уже недалекой мечтой продолжения образования).

При доме был большой хороший сад, куда обе семьи могли на целый день выпускать своих детей — и не затруднять себя и своих гувернанток прогулками, которые не всегда были желанными.

Вот когда мы по-настоящему ^{<ему>} «подружились» с Нюточкой ^{<Г>}-вой.

Н^{<юта>} писала стихи — очень много читала дозволенных и недозволенных книг, — и очень изменилась внутренне и внешне.

Она очень выросла, стала очень стройной, с прелестной хрупкой фигуркой чуть развившейся девушки, с очень черными, очень длинными и густыми волосами, прямыми, как водоросли, с очень белыми точеными красивыми руками и ногами — с несколько безжизненной бледностью очень определенно вычерченного лица, с глубокими большими светлыми глазами, странно выделяющимися на фоне черных волос и темных бровей и ресниц.

Она была неутомимой наядой в воде, неутомимой скиталицей — пешеходом, — лазала как кошка и плавала как рыба. Почему-то считалась лунатичкой — и не очень импонировала «добродетельным» обывательницам затхлого и очень дурно и глупо воспитанного Царского Села — имевшего все недостатки близкой столицы, без ее достоинств. Так и полагается пригородам. Наши семьи жили замкнуто, — отцы всеми интересами связанные с Птб., мамы многодетные и обремененные хлопотами о детях и хозяйстве — уже дворянского приволья не было нигде и в помине — прислуга была вольнодумная и небрежная, жизнь дорогая, гув<ернантки> большею частью швейцарки и немки, претенциозные и не ахти как образованные, и растить многочисленную семью было довольно сложно. Отсюда не всегда ровная атмосфера в доме, не всегда и ровные отношения к многочисленной и разнохарактерной обстан<овке> семьи. Не мудрено, что мы отдыхали, удаляясь от бдительных глаз — в садах и гущах прекрасного заброшенного в своих бывших затеях, и меланхолического Ц<арского> Села.

Н<юта> свои ранние стихи, к сожалению, не сохранила — и потому для исследования ее творчества навек утеряны истоки ее прекрасного таланта.

Могу сообщить одну, — и довольно существенную черту в ее творчестве: предчувствие своей судьбы. Еще совсем девочкой, она писала о таинственном кольце (позже черном «бабушкином кольце», который она получила в дар от месяца):

Мне сковал его месяца луч голубой,
И во сне надевая, шепнул мне с мольбой:
«Береги этот дар! будь мечтою горда!»
Я кольца не отдам — никому никогда!

Правда, много позже, живя у меня в 15—16 г., она его отдала — и при каких обстоятельствах! Память! Память! Сколько черных глубин ты таишь в себе!

Много судеб сплетались с судьбою А. Но надо быть исторически последовательной. С К<олей> Г<умилевым>, тогда еще гимназистом VII класса, она познакомилась в 1903 г. под Рождество. Мы вышли из дому — А. и я с моим братом Сережей прикупить какие-то милые украшения для елки — которая у нас всегда бывала на 1-ый день Рождества.

Был чудный солнечный день, около Гостиного двора мы встретились с мальчиками — Митей (старшим, тогда морским кадетиком, и Колей — гимназистом). Я с ними была раньше знакома через общую учительницу музыки — Елизавету Мих. Баженову, которая учила музыке и меня и — <Гумилевых>, — ввела в наш дом своего почему-то очень ей понравившегося старшего Митю — и уже много позже познакомила меня с Колей.

Встретив их на улице, мы уже дальше пошли, — я с Митей, Н<юта> с Колей за покупками, и они проводили нас до дому. Н<юта> ничуть не была заинтересована этой встречей, — я тем менее, потому что с Митей мне всегда было скучно, — он не имел никаких достоинств в моих глазах.

Но, очевидно, не так отнесся Н<иколай> С<тепанович> к этой встрече.

Я, часто возвращаясь из гимназии, видела, как он маячил вдали в ожидании появления Н<юты>.

Он постарался познакомиться с Нютиным старшим братом Андреем, постарался проникнуть в их довольно замкнутый дом.

Н<юте> он не нравился — вероятно, в этом возрасте девочки мечтают о разочарованных молодых людях старше 25 лет, познавших уже много запретных плодов и пресытившихся их пряным вкусом. Но уже тогда Коля не любил отступать перед неудачами. Он не был красив, — в этот ранний период он был несколько деревянным, очень высокомерным с виду — и очень неуверенным в себе внутри. Он много читал, любил франц<узских> символистов, хотя не очень свободно владел франц<узским> языком. Однако вполне достаточно, чтобы читать, не нуждаясь в переводе. Он был высок ростом, худощав, с очень красивыми руками, несколько длинным бледным лицом, без особых примет, — я бы сказала, не очень заметной, но не лишенной элегантности наружности. Блондин, каких у нас на севере можно часто встретить.

Позже, возмужав и пройдя суровую кавалерийскую военную школу, он сделался лихим наездником, обучавшим молодых солдат, — храбрым офицером (он имел 2 Георгия за храбрость), подтянулся — и благодаря своей очень хорошей длинноногой фигуре и широким плечам — был очень приятен и даже интересен, особенно в мундире.

А улыбка и несколько насмешливый, но милый взгляд больших, несколько пристальных, чуть косящих глаз — просто мог понравиться и нравился многим и многим.

Говорил он чуть нараспев, нетвердо выговаривал «р» и «л», что придавало его говору совсем не безобразное своеобразие, — отнюдь не похожее на косноязычие.

Мне нравилось, как он читал стихи, — а часто бывая у нас, когда я уже была замужем, и он очень дружил с моим мужем, и по старой памяти и со мною, — мы много и часто просили его читать его стихи.

Но вернемся к первой юности. В 905 году Горенко уехали из Ц^арского С^ела, — по семейным обстоятельствам, и этот очень короткий промежуток наших жизней держался только на переписке, к сожалению, потерянной нами в течение потрясений наших нелегких судеб. А. никогда не писала о любви к Гумилеву — но часто упоминала о его настойчивой привязанности — о неоднократных предложениях брака и своих легкомысленных отказах и равнодушии к этим проектам.

В К^иеве у нее были родственные связи, кузина, вышедшая позже замуж за Аниного старшего брата Андрея, — она, кажется, не скучала.

Н^иколай С^тепанович приезжал в Киев, — и вдруг в одно прекрасное утро я получила извещение об их свадьбе: — меня это удивило.

Вскоре приехала Аня. Она сразу пришла ко мне. Как-то мельком сказала о своем браке, — и мне показалось, что ничего в ней не изменилось, и даже нет какого-то часто встречающегося у новобрачных желания поговорить о своей судьбе... как будто это незначительное событие не может иметь ни для нее — ни для меня — какое-то бы ни было значение.

Мы много и долго говорили на разные темы — она читала стихи, — гораздо более женские и глубокие, чем раньше... в которых я не нашла образа Коли — как вообще в последующей ее лирике, где скупое и мимолетно можно найти намеки на ее мужа, — в отличие от лирики Гумилева, где властно и неотступно — до самых последних дней его жизни — маячит образ его жены, сквозь все его увлечения и разнообразные темы. То русалка, — то колдунья, то просто женщина, «таящая злое торжество».

«И тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его».

Это стихотворение стоит того, чтобы его полностью процитировать в подтверждение моих, — всегда основанных не только на впечатлении — но и на признаниях и фактах, — моих высказываниях.

Конечно, они оба были слишком свободными и большими людьми для пары воркующих сизых голубков... их отношения были скорее тайным единоборством: — с ее стороны для самоутверждения как свободной женщины, — с его стороны — с желанием не поддаться никаким колдовским чарам и остаться самим собой, независимым и властным... увы, без власти над этой вечно ускользающей от него многообразной и не подчиняющейся никому женщиной. Если говорить о любви (я не совсем понимаю, что многие люди подразумевают под этим словом), то, если любовь это навязчивый, иногда любимый, иногда ненавидимый образ — и всегда один и тот же, — но смею определенно сказать, что если была любовь у Н<иколая> С<тепановича> (а что она, с моей точки зрения, прошла сквозь всю его жизнь), — то это была А. — Оговорюсь: я думаю, что в Париже, может быть, была еще так называемая «Синяя звезда» — во всяком случае — нежность ведь тоже любовь? Та «Синяя звезда» тоже была им любима — и очень нежно. Остальное, как бы это ни называлось, вызывало у него улыбку, не без иронии и шуточный тон.

Но разве существует на свете моногамия для мужчины? Я помню, раз (мы шли по набережной Невы с Колей — и мирно беседовали о чувствах женщин — и мужчин), и он сказал: «Я знаю только одно, что настоящий мужчина полигамист, — а настоящая женщина мо-

ногамична». «А вы такую женщину знаете?» — спросила я. «Пожалуй, нет, — но думаю, что она есть», — смеясь, ответил он. Я вспомнила А. — но зная, что ему будет больно, — промолчала.

У А. большая и сложная жизнь сердца — я-то это знаю, как, вероятно, никто.

Но Н<иколай> С<тепанович> отец ее единственного ребенка! — занимает в жизни ее сердца скромное место. — Странно, непонятно, может быть и необычно, но это так.

Великий сердцевед Л.Н. Толстой отметил эту черту в Анне Карениной...

Но не надо аналогий... они ни к чему. Люди очень различны, в этом повинны и жизнь, и время.

И несмотря на то, что часто в больших и сложных биографиях всегда звучит тема «роковой любви» и Пушкина, и Байрона, Тютчева, Блока и даже Лермонтова, — не будем до поры до времени трогать ее! А пожалуй, у меня есть что сказать о ней... так уж мне довелось вчитаться в чужие жизни.

Могу сказать еще то, что я знаю очень хорошо: Гумилев был нежным и любящим сыном, любимцем своей умной и властной матери. Он, несомненно, радовался, что сын растет под крылом, где ему самому было так хорошо и тепло, — не берусь оспаривать, где он был в момент рождения сына, — отцы обычно не присутствуют при этом, и благочестивые отцы должны лучше меня знать, что если им и удалось соблазнить своего приятеля сопровождать их в меѐто своих обычных увеселений, — то их приятель решился скоротать это тревожное время, выживая и заглушая внутреннюю тревогу (пусть не совсем понятным способом!..) Мне думается, что если бы

Г—у подвернулся другой приятель, менее подверженный таким «весельям», — Коля мог бы поехать в монастырь — мужской или женский и отстоять монастырскую вечерню с переполненным умилением сердца.

Знаю, как он звонил в клинику, где лежала Аня (самую лучшую тогда клинику проф. Отта — очень дорогую и очень хорошо обставленную на Вас<ильевском> Острове). — Затем, по окончании всей этой эпопеи, заехал за матерью своего сына, и привез их обоих в Ц<арское> С<ело> к счастливой бабушке, где мы в те же дни обедали с мужем и пили шампанское за счастливое событие... Все как полагается. Видели, что все, кроме злой, завистливой и чрезвычайно неумной Шуры Сверчковой, — искренне радовались и были, по-видимому, в полном согласии.

А что большой поэт — А. и Г. были или имеют много граней и внутренне и внешне — много оттенков света и даже тьмы внутри. — Какой же думающий и понимающий человек может оспаривать всю сложность всякого настоящего интеллекта.

Смею высказать еще одну продуманную до конца мною мысль. — Не признак ли это мужского характера — совмещение в себе крайностей, иногда совершенно полярных, — и все же над этими крайностями иметь какое-то свое глубокое чувство единого самого заветного, самого нужного — одного. А голые факты — это только внешние свидетели, отданные во власть толкования, характеризующие только самого толкователя.

Они должны быть точны — все, что от них можно требовать.

Рождение сына очень связало А.А. — Она первое время сама кормила сына, — и прочно обосновалась в Ц<арском> С<еле>.

Не думаю, что тогда водились чудаки-отцы, катающие колясочки с сыном, — для этого были опытные няни. Коля был как все отцы, навещал своего сына всякий раз, когда это было возможно, — и конечно, был не хуже, если не лучше многих образцовых отцов. Но едва ли дети связывают тысячами нитей своих родителей. Все эти нити могут называться любовью? Так различны роли отцов и матерей... особенно в первые годы жизни ребенка.

Понемногу и А. освобождалась от роли матери в том понятии, которое сопряжено с уходом и заботами о ребенке: там была бабушка и няня — и вошла в свою обычную жизнь литературной богемы.

Ни у одного, ни у другого не было каких-либо поводов к разлуке или разрыву отношений, — а очень тесного общения вне поэзии (различно понимаемой) — тоже не было.

У А. под строками всегда вполне конкретный образ — вполне конкретный факт, — хоть и не названный по имени, — у Г—ва всегда мечта и фантазия, за которой только близкий, знающий человек может видеть причину чувств, родивших эту мечту и фантазию. И, как всегда, реальность принимает причудливые формы, ощущения разрастаются до пределов галлюцинаций и ведут к бесконечному... к ощущению смерти — так часто присутствующей в поэзии Г—ва, и рождают тоску по неизвестному, куда-то влекут — и поэт уходит за ними в мечты о неизвестных ему краях и встречах, и вот тревожные строки полноразмерных стихов завораживают слушателя или читателя. —

«Я тело в кресло уроню —
Я свет руками заслоню
И буду думать долго, долго...»

Г — в поэт раздумий и предчувствий. Может, в этом жутком мире он, если и не знал, то провидел свою трагическую судьбу?

2 АНЯ

Совсем маленькой девочкой она писала стихи. И отец Н<юты> в шутку называл ее поэтом. Непокорная и чересчур свободолюбивая, она в семье была очень любима, но не пользовалась очень большим доверием. Все считали, что она может доставить много хлопот: уйдет на долгое время из дома, не сказав никому ни слова, — уплывет слишком далеко в море, где уже и татарчата не догонят ее. Вскрабкается на крышу поговорить с луной, — словом, огорчить прелестную синеглазую маму и добродушную и веселую фрейлейн Мону. Вот мое первое впечатление от высокой, слишком тоненькой стриженной девочки.

Когда в 14-летнем подростковке я снова узнала Аню Горенко — она была совсем другая — она как-то рано сформировалась — высокая девичья грудь, тонкая талия, длинные черные волосы, прозрачные большие глаза на бледном личике... Все в моей семье сказали, что она красива, но опять не совсем одобрительно отнеслись к нашей возродившейся, — гораздо более глубокой — дружбе.

Со мной и так было довольно хлопотно в семье. Я была упряма и замкнута. Но в конце концов нас было очень трудно контролировать: Ц<арское> было почти «дачей», семья была большая, и свобода как-то рождалась сама собой.

В своей семье А. больше других дружила с братом А<ндреем> — года на два старше ее, — очень бледным,

не по летам развитым и одаренным мальчиком. Привыкнув говорить в семье по-французски (мать Ани иначе не говорила с детьми), они, т.е. Аня и Андрей, были на «вы»; что меня удивило сначала. У нас в семье не о каких «вы» не могло быть и речи, несмотря на иностранных гувернанток. До англичанки, приходившей к старшей сестре — гулявшей и читающей ей, которую мы все видели за завтраком, — моя любимая м-м Регор почему-то мне всегда говорила «тута», вероятно, оттого, что я была очень мала — старшим она говорила — «ву».

В доме Горенко не было большого чинопочитания — у нас оно было очень развито, — и мне доставляло много удовольствия бывать у них.

Правда, красавец-черноморец папа Горенко любил пошуметь, но был так остроумен, так неожиданно весело шутив (а это ведь был период, который мы охарактеризовали периодом — «шлехтер-фатер» — все папы были грозами семьи, все орали на весь дом и были деспотами, таков был быт).

Мне кажется, что Аня в семье пользовалась большей свободой, она не признавала никакого насилия над собой — ни в физическом, ни тем более психологическом плане.

Наши отношения были необыкновенно далекими от какого-либо институтского «обожания», ничего физического, как часто встречается в литературе — особенно во французской — они в себе не имели, и это преобладание интеллекта над физиологией осталось на всю жизнь на всех отношениях. Без всякой натяжки могу сказать, что в наших отношениях была та чистейшая бескорыстная дружба, которую так неохотно приписывают поэты и прозаики женщинам. И все же она, как видите, бывает, и даже сквозь всю жизнь.

Мы много гуляли, и в этих прогулках иногда (особенно когда мы не торопясь шли из гимназии домой) — нас часто «ловил» поджидавший где-то «за углом» Н<иколай> С<тепанович>.

Сознаюсь... мы обе не радовались этому — и (злые, гадкие девочки) — мы его часто принимались изводить. Зная, что Коля терпеть не может немец<кого> языка, мы начинали вслух вдвоем читать длиннейшие немецкие стихи, вроде — зенгер флук «Уланда» или Ландау, — уже не помню... и этого ритмически цветистого стихотворения, которое мы запомнили на всю жизнь, — нам хватало на всю дорогу. А бедный Коля терпеливо стоически слушал его всю дорогу — и все-таки доходил с нами до самого дома! Ну, не гадкие ли это злые маленькие женщины! Мне и сейчас смешно и грустно вспоминать это!

И как надо стремиться к кому-нибудь, чтобы вынести такую издевку. Настойчивость Коли в отношении «завоевания близости Ани» была, по-моему, одной из «мужских черт» Гумилева. Она как-то во всем: в стремлении к «Леванту», к войне, к солдатской карьере — эта черта его отчасти вообразяемого — отчасти врожденно-го «я».

В нем много было честолюбия.

«Древний я открыл храм из-под песка,
Именем моим названа река,
И в чужой стране пять больших племен
Слушали меня, чтили мой закон!»

И конец честолюбию и власти!

«Но теперь я слаб, я во власти сна —
И больна душа — тягостно больна».

Единоборство? С чьей победой?

И тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

А есть ли что-либо похожее в лирике А.? Нет, и быть не могло. Во всяком случае, только раз в жизни я подумала, что Аня побеждена и сломлена... но ненадолго... «руками я замкнула слух, чтоб этой речью недостойной не омрачался скорбный дух!»

Женщина — слабый пол... чушь какая!

Женщина почти всегда сильнее мужчины!

Мы с Аней обе любили Россию. Я через няню и отчасти через Пушкина и Блока — Аня, конечно, через Пушкина и через «Слепнево» и «те неясные просторы, где даже голос ветра — слаб, и осуждающие взоры спокойных загорелых баб».

О моей необычной великолепной няне — «подвижнице в миру» — монолитной как драгоценная глыба, как чисто русская порфира — я когда-нибудь отдельно расскажу. И это стоит сделать сейчас, когда все сдвинулось, сломилось, когда нет ни одного четкого очертания... когда все «*im werden*» (в будущем).

Память... память... ты мучаешь меня своими нагромождениями!

Но вернемся к Коле: — «Ты, для кого собирал я на Леванте — нетленный жемчуг королевских мантий — я проиграл тебя, как Дамаянти, когда-то проиграл безумный Наль!»

Но ведь у Жуковского Наль все же получил Дамаянти...

Сидя у меня в небольшой темно-красной комнате на большом диване, Аня сказала, что она навеки хочет расстаться с ним. Коля страшно побледнел... помолчал и сказал: «Я всегда говорил, что ты совершенно свободна делать все, что ты хочешь!» Встал и ушел.

Многого ему стоило сказать это... ему, властно желающему распоряжаться женщиной по своему желанию и даже по прихоти. Но все же он это сказал.

Ведь во втором браке меньше чем через год он отправил свою юную жену к «маме» в Бежецк, в глушь, в зиму, в одинокую и уж совсем безрадостную жизнь! Она ему была — «не нужна»! Вот это тот Гумилев, который только раз (но смертельно) был сражен в поединке с женщиной! И это-то и есть настоящий Гумилев!

Не знаю, как называют поэты или писатели такое единоборство между женщиной и мужчиной... Мне кажется, что это секс, только в каком-то очень широком плане. Если это «любовь», то как она не похожа на то, что обычно описывают так тщательно большие сердцеведы, как Толстой и Тургенев, Флобер и Шекспир, и поэты, как Пушкин и Блок! И даже Тютчев, который не так описывал женские чувства, как свои собственные настроения и эмоции. У него была холодная душа и горячее воображение. И у Гумилева, пожалуй, во многом было тоже что-то от очень развитого воображения. Ему не хотелось иметь в своей жизни просто спокойную, милую, скромную жену, мать нескольких детей, хозяйку дома... И он, пожалуй, только там и нашел бы другую судьбу.

Но у человека ведь всегда одна судьба — его судьба, и праздные догадки ни к чему.

Во всяком случае, брак Н<иколая> С<тепановича> Г. был браком по своей воле и по своей любви... а что его нельзя назвать счастливым браком... то, кто скажет, в чем заключается счастье каждого индивидуально-го человека?

Пушкин ведь не без горечи сказал: «Я знаю, счастья нет, но есть покой и воля». (Правда, покоя у Коли было мало... а воли много). А у Ахматовой?

Женщины с таким свободолобием и с таким громадным внутренним содержанием, мне думается, счастливы только когда ни от чего и, тем более, ни от кого не зависят. До некоторой степени и Аня смогла себе это создать. Она не зависела от своей свекрови... не зависела от мужа... (она уже рано стала печататься, имела свои деньги...) Но счастья в ней я никогда не наблюдала. Почему? Да, внутренний покой в ней чувствовался, гораздо больше, чем в ее муже. Временами, пожалуй, я назвала бы его «светлым» покоем. Откуда шел он? Отчасти извне, но больше всего изнутри. «И слаще всех песен пропетых, мне этот исполненный сон, — качание веток задетых и шпор твоих легонький звон!»

Гумилев? ... О, нет, совсем нет, — и Г<умилев> здесь ни при чем.

Но как мало надо для поэта, да и для женщины, чтобы это сказать! А она это сказала (и я тому свидетель), сказала от всей души.

«Много тому простится, кто много любил», — сказал Христос... а отказать образу Христа в великом учении о любви — это быть не только болваном, но и гадким болваном.

Есть еще одна черта у Ахматовой, ставящая ее далеко от многих современных поэтов, — и ближе всего подводящая ее к Пушкину: любовь и верность сердца к людям... за редким исключением всегда обоснованного презрительного равнодушия к некоторым...

Осуждения и ненависти я в ней не видела ни к кому из окружавших ее... Кроме «врагов человечества», вообще жестоких к человеку как таковому и считавших себя «сверхчеловеком». А насмешлива она была очень... иногда и не совсем безобидно. Но это как-то шло от внутрен-

него веселья. И мне казалось, насмешка даже не мешала ей любить тех, над кем она подсмеивалась... за редким исключением... Таких на моей памяти были единицы. Стоит ли называть их? Среди них глупая, злая и очень завистливая Шура Сверчкова. Но эту домашнюю ведьму не любил никто... и все тяготились ею, даже ее несчастные дети.

Эта злая ведьма, к сожалению, всегда была рядом с Левушкой — Аниным сыном, и во многом виновата в замкнутом недовольстве его характера.

Вообще мне кажется, что уживчивости в характере Ани было достаточно, чтобы жизнь с ней рядом не была несносной. У меня она жила в небольшой (остальные комнаты были очень большие), но теплой и приятной комнате с окном в наш тенистый и тихий сад при клинике — дверь в мою комнату почти всегда была открыта — так что мы разговаривали, не выходя из своих комнат. У меня был очень хороший слух, и иногда я окликала Аню: «Отчего ты не спишь?» — «А почему ты это знаешь?» — «По ритму дыхания».

И тогда она часто входила ко мне и, сидя у меня на кровати, рассказывала мне причину своей бессонницы. Она часто бормотала стихи по ночам, — прислушиваясь, как они звучат.

Милое время! А кругом грохотали выстрелы, тарактели пулеметы. Ведь мы жили на первой из восстановленных окраин Петрограда — Выборгской стороне! Но в нашей клинике, лежащей в глубине большого сада, было очень тихо и спокойно.

Жизнь с ее жестокостями и бурями была от нас отдалена высоким каменным забором. Это, конечно, не значит, что мы ничего не переживали.

Наоборот, сквозь все запоры жизнь иногда врывается и сюда. Помню такой эпизод: мы с Аней мирно пили чай у меня в столовой, вдруг шум, звонок и мужские голоса. Наш военный писарь Семенов и отряд красноармейцев и матросов требуют моего мужа, исполнявшего тогда обязанности директора душевно-нервной клиники при Военно-морской академии.

Я вышла к ним (я никогда трусихой не была), они мне ткнули какую-то бумагу, где, по их словам, есть приговор на смертную казнь пяти людей из клиники, в том числе и моего мужа и почему-то и меня (верно, для счета). Я послала Семенова за своим мужем с просьбой объяснить ему, зачем его ищут, а сама по внутреннему ходу из нашей квартиры прошла в квартиру профессора Осипова, где я часто вечером бывала, дружив с его женой — Верой Николаевной и четырьмя ее девочками, кот<орые> все меня любили: придя к ним, я вкратце сообщила о цели моего визита, и Виктор Петр<ович> стал звонить в Губчека, вызывая кого-нибудь из тогдашних властей. Вскоре нам обещали прислать отряд для проверки этого дела к нам в клинику. Я осталась ждать в кв<артире> Осип<овых> дальнейших событий, сказав швейцару, чтобы он немедленно сообщил нам о прибытии каких-либо «властей» из Губчека. Профессор О<сипов> поддержал мои слова своим авторитетом з<аведующего> клиникой. Но, к сожалению, за дежурным врачом послали уже, а это не очень удачно оказался доктор Добротворский — довольно бойкий и мало уравновешенный молодой врач, любивший пошуметь. Он и вышел первый к прибывшему отряду и завязал с ними пререкания, быстро перешедшие в рукопашную схватку (и мы оказались в гуще дерущихся людей). Но спокойствие

водворил очень выдержанный и властный тон Осипова, положивший конец взаимным крикам и объяснениям. Бумаги были проверены представителем горздрава Семашкой, и смерть наша была отсрочена на неопределенное время.

Вот что иногда приходилось переживать нам. Потом все это распутал мой муж, выяснив инициатора всей этой истории, — оказалось, душевнобольной комиссар, прибывший в нашу клинику в качестве буйно больного и водворенного в беспокойное отд<еление> рядом с нашей квартирой и выдавшего меня через окно. Уж не знаю, чем я ему так не угодила, что он захотел моей смерти. Остальное было понятнее — мой муж отдал распоряжение о его водворении в буйный отдел, пр<офессор> Осипов был главой клиники. А я, вероятно, просто для компании была пристегнута к этой почетной компании. В те времена и не такие события имели место, но остались целы и невредимы. Аня одна в моей квартире с моей чудной собакой переживала страх за конец этой нелепой истории. Но все же одним пострадавшим оказался очень тихий и невинный помощник швейцара Лаченков — романтический герой нашей клиники, ему подбили глаз и разрезали ухо. Но это только прибавило ему интереса в глазах женского населения нашей клиники. Женщины везде одинаковы.

Но мое геройство прошло незамеченным никем, кроме писаря Семенова, — который признал меня «храброй дамой», и это было единственной наградой за мое выступление спасительницы! Но я не честолюбива. И я вернулась успокоить Аню и Руслана к себе и лечь спать — хотя уже под утро.

Отошли в область прошлого Версальские и английские куши Ц^{<арского>} С^{<ела>} и Павловска, лунные ночи с тоненькой девочкой в белом платьице на крыше зеленого углового дома («Какой ужас! Она лунатик!») и все причуды этого вольнолюбивого ребенка, купанье в ручейке у Тярлева беленьких (негде было загореть!) стройных ножек, — и ласковый голос Вел. кн. Владимира Александровича, совершавшего пешком с адъютантом утреннюю прогулку: «А если вы простудитесь, барышня?» — и ужас узнавшей о наших проказах все той же m-me Винтер, обещавшей рассказать «все» нашим родителям, и наше смущение перед красивым стариком, так мило сделавшим нам замечание.

Мы нарочно долго искали эту Расе (богиню мира) с Аней — и нашли в заглохшей части парка на маленькой поляне и долго смотрели на ее израненное дождями белое в темных пятнах лицо и «тяжелый узел кос». И так странно жутко повторяли (в каком-то проникновении в будущее, что ли?) последнее восклицание этого удивительного стихотворения: «О, дайте вечность мне, — и вечность я отдам за равнодушие к обидам и годам». И странно: почти дети, подростки, девочки, как любили мы издали наблюдать за высокой худощавой фигурой поэта, за которой неизменно старый лакей нес небольшое складное кресло — И^{<ннокентий>} Ф^{<едорович>} страдал тогда болезнью сердца.

Конечно, никто, вероятно, и не ждет, что у нас был тогда «абсолютный вкус». До Надсона и Вербицкой мы,

правда, не докатились, но весьма модного среди молодежи Апухтина почитывали и проглатывали без особого отвращения тогдашние французские романы вроде Бурже, Прево, Жип. (Я имею в виду 900-е годы, в 10-х все уже было иначе.)

Когда Инн <окентию> Федоров <ичу> Анипен-
 <5> скому сказали, что брат его belle-fille Наташи (Штейн) женится на старшей Горенко, он ответил: «Я бы женился на младшей». Этот весьма ограниченный комплимент был одной из лучших драгоценностей Ани.

Кстати сказать, отъезд Аниной семьи из Царского (1905) спас ее от более или менее явной травли со стороны озверелых царскоселов, кот<орую> пришлось пережить Гумилеву. В этом страшном месте все, что было выше какого-то уровня — подлежало уничтожению. Об этом прекрасно пишет в своих неизданных мемуарах Н.Н. Пунин, почти не говорит ныне разоблаченный Всеволод Рождественский, и об этом, по-видимому, не подозревали ни Голлербах, ни Оцуп.

О таком огромном, сложном и важном явлении конца 19 и начала 20 в <ека>, как символизм, царскоселы знали только: «О закрой свои бледные ноги» и «Будем как солнце»⁺.

Поэтому Оцуп (предисловие к изб<ранному> Гумилева), повторяя одну из бесчисленных басен о Гумиле-

⁺ При мне почтенные царскоселы издевались над стихами Блока:

Твое лицо в его простой оправе
 Своей рукой убрал я со стола.

Их рупором был нововременный Буренин.

ве, сообщает, что Н<иколай> С<тепанович> сказал какой-то барышне, когда он ехал с ней на извозчике: «Будем как солнце». Всякому, кто тогда жил в Царском, ясно, что это ложь, а написать это — то же, что написать, что Гумилев сказал это барышне, сидя с ней в ванне. Но Оцуп уехал из Ц<арского> С<ела> почти ребенком, да и к тогдашнему обществу не принадлежал. Долгие годы парижской жизни стерли отдаленные полудетские воспоминания, но злобредная сплетня и желание сделать поэта смешным уцелели. Так-то!

ПРОЗА АННЫ АХМАТОВОЙ
(ФРАГМЕНТ И ЦЕЛОЕ)

О своей прозе Ахматова говорила: «Книга, которую я никогда не напишу, но которая все равно уже существует, и люди заслужили ее»*. О том, какой она хотела видеть свою до конца не осуществленную книгу прозы, можно судить, обратившись к планам-проспектам и даже оглавлениям книги, сохранившимся в рукописях Ахматовой, ее рабочих тетрадях. Из них видно, что и в какой мере было завершено, что утрачено в результате нескольких сожжений, последний раз, по-видимому, поздней осенью 1949 г., после очередного ареста сына — Л.Н. Гумилева и последовавшего обыска.

Можно согласиться с автором, что эта ненаписанная книга действительно существовала и существует, вопреки канону и жанровым определениям. Свое грандиозное биографическое повествование Ахматова одно время хотела назвать «Мои полвека». Судя по развернутому плану-проспекту, это было бы эпохальное произведение, рассказ «о времени и о себе», о себе во времени, о современниках и их трагических судьбах.

Ахматова, как можно судить по запискам Л.К. Чуковской, «не любила Герцена» и не предполагала писать

* М а н д р ы к и н а Л. Ненаписанная книга. «Листки из дневника А. Ахматовой». Книги. Архивы. Автографы. М., 1973. С. 62.

свое «Былое и думы», она оставила людям свое «Мимолетное», свои «Опавшие листья», приближающиеся к «коробам» В.В. Розанова, открывшего в литературе Серебряного века свой жанр — вроде бы случайных записей, фрагментов, однако запоминающихся и вызывающих эмоциональный отклик читателя. Свое повествование Ахматова определила как «вспышки памяти», «беглые заметки», «пестрые заметки».

Просматривается три захода к написанию автобиографической прозы. В Ташкенте в 1942—1943 гг. приходят первые воспоминания, воспоминания детства, пишется «Дом Шухардиной», где в Царском Селе жила семья Горенко, третьим ребенком в которой и была Ахматова.

Вернувшись в Ленинград 1 июня 1944 г., Ахматова продолжает работать над прозой, пишет две большие работы «Трагедия Анненского», «Пушкин и Достоевский». Обе были сожжены и не были восстановлены, заново был написан фрагмент о И.Ф. Анненском.

В 1960-е годы Ахматова снова возвращается к автобиографической прозе, восстанавливает утраченное, пишет новые фрагменты.

Фрагментарность автобиографической прозы Ахматовой определяет ее жанровое своеобразие, а незавершенность позволяет снова и снова возвращаться к тому или иному эпизоду, высвечивая в нем новую фактологию, новые мысли и чувства. Своеобразную роль в поэтике автобиографической прозы Ахматовой играют письма, вернее ее ответы на вопросы зарубежных исследователей. В них содержится немало удивительных автобиографических миниатюр.

Судя по записям в рабочих тетрадях, Ахматова намеревается ввести в повествование «другой голос», пре-

доставив слово подруге детства и юности В.С. Срезневской, или включить в описание Царского Села «голос» Пунина, или «диктует» портрет Ахматовой молодому исследователю.

Ахматова много размышляла о природе мемуаров, главным образом в связи с выходом за рубежом воспоминаний русских эмигрантов, как она говорила, увезших с собой «свой последний день в России». Ее глубоко возмущала интерпретация ее отношений с Гумилевым в воспоминаниях автора «На Парнасе Серебряного века» С.К. Маковского, в мемуарах Н. Оцупа, В. Неведомской (соседки по родовому поместью матери Н.С. Гумилева). С убийственным презрением характеризуются ею беллетризированные мемуары Г. Иванова «Петербургские зимы» и И. Одоевцевой «На берегах Невы».

Г. Иванов и сам не раз говорил, что в его «Зимах» не более двадцати пяти процентов правды*.

Одной из первых работ с историко-культурным подходом к «Петербургским зимам» Г. Иванова стала статья Н. Богомолова «Двойное зрение». Рассматривая «Петербургские зимы» и как определенный плацдарм для нового взлета поэтического творчества Иванова-поэта, Богомолов приводит цитату из труда Ю. Лотмана «К проблеме работы с недостоверными источниками» («Временник Пушкинской комиссии», 1975. Л., 1979. С. 94): «При наличии методов дешифровки заведомая фальшивка может быть источником ценных сведений, при отсутствии их самый достоверный документ может сделаться источником заблуждений» — и продолжает: «Подвергнутые тщательной проверке, многие детали: "Петер-

* Б е р б е р о в а Н. Курсив мой. Мюнхен. 1972. С. 547.

бургских зим” подтверждаются, да немаловажно и то, что сами попытки разобраться, что здесь ложь, а что истина, стимулируют многие дальнейшие разыскания, приводящие к немаловажным выводам>*. Тем более ценны критические замечания Ахматовой, при всей резкости, продиктованные ее удивительной памятью и открытой полемичностью. И тем не менее «Петербургские зимы» вызывают законный интерес как читателей, так и исследователей.

В одном из предполагаемых «введений» к книге прозы Ахматова пишет: «Что же касается мемуаров вообще, я предупреждаю читателя: 20% мемуаров так или иначе фальшивки. Самовольное введение прямой речи следует признать деянием, уголовно наказуемым, потому что оно из мемуаров с легкостью переключивается в [серiousные] почтенные литературоведческие работы и биографии. Непрерывность тоже обман. Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак. При великолепной памяти можно и должно что-то забывать»**.

Здесь не только предупреждение, но и сознательная эстетическая установка на фрагментарность — «прожектор освещает отдельные моменты». И тем не менее до конца жизни Ахматова мечтала сделать книгу как большое и целостное повествование о событиях и людях. В конце 1950-х—начале 1960-х она принимается за автобиографию, начинающуюся традиционно: «Я родилась

* Богомолов Н. Талант двойного зрения // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 132.

** Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). М.; Torino: Einaudi, 1966. С. 555.

в Иванову ночь (европейскую) 1889 г., т.е. в один год с Чарли Чаплином, Эйфелевой башней, Крейцеровой со-
натой, чилийкой Мистраль и т.п. (под «т.п.», по-види-
мому, имеется в виду Гитлер, названный в вариантах на-
чала автобиографии, хранящихся в РНБ. — С.К.). Слу-
чилось это на берегу моря под Одессой. (11 станция па-
рового трамвая, Большой Фонтан). Когда я родилась,
мой отец был отставным капитаном второго ранга (ин-
женером-механиком) флота. Вскоре после рождения
была перевезена на север. Сначала в Павловск, а затем в
Царское Село, где с недолгими перерывами прожила до
16 лет»*. Текст этот многовариантен, однако везде пове-
ствование доведено до 1917 г. Далее автор как бы не вы-
держивает традиционной «плавности» речи. «Вспышки
памяти» воскрешают эпизоды и факты, теснящие, а по-
рой и вытесняющие ту или иную «картинку», с тем, что-
бы возникнуть снова через некоторое время в ином виде
и в ином контексте. Автобиографическая проза, запечат-
левшая события, увиденные глазом художника, уступает
место литературоведу, переходит в научные изыскания,
жесткий анализ литературно-критической ситуации.

Закончено повествование не было, хотя задумыва-
лось как широкое историческое полотно. В начале марта
1965 г. появляется запись в одной из рабочих тетрадей:
«Суббота: Сделать шесть вставок в автобиографию
(Шухардинский дом, Херсонес, Царь-Гриб, Мишка-
будка, морда-окошко, первое стихотворение, “Четки”,
война (1914), “Вечер” — Италия — Левушка (1912),
“Белая стая” <...>. Первый день войны 1941. Моя
Италия 1964 г.)»**.

* Там же. С. 79.

** Там же. С. 596.

Композиция книги была для Ахматовой главной проблемой, а проза — главной заботой. За полтора месяца до смерти, 24 января 1966 г., в Москве, в Боткинской больнице, где Ахматова лежала с последним инфарктом, сделана запись, приоткрывающая трагизм сироты и бездомности поэта: «Сегодня Т. уехал в Ленинград. Представляю себе оледенелый, суровый, все забывший город — и Пушкина, и Гоголя, и Достоевского. Хочу увидеть его уже предвесенним, когда он оживает и начинает вспоминать <...>. Но домой хочу — было бы сил побольше. Хочу простой домашней жизни. *А прозу почти слышу...*»* (выделено мной. — С.К.).

Обратим внимание: «Прозу почти слышу». Менее года назад, в Вербное воскресенье 1965 г., Ахматова записывает: «Много думаю о прозе. Досадно, что я так поздно спохватилась, но одну книгу прозы я еще успею сделать»**.

30 января 1966 г., за месяц и четыре дня до кончины, Ахматова вносит в рабочую тетрадь фрагмент текста литературного портрета Лозинского с указанием: «Начало».

И еще одна из последних записей: «8 фев<раля> <1966> Вторник. Луна продолжается. После рентгена я заболела. Ночь без сна. Лежу. Вечером Ира будет звонить. Здоровье нисколько не возвращается. Так ли было в том январе в Гавани. 1961 (?). С ужасом думаю о санатории (любой). В Гавани я написала «Родная земля» и еще что-то, а здесь удушье и безмолвие. Десятого день Пушкина (смерть) и Пастернака (рождение).

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 701.

** Там же. С. 619.

Я знаю, что после Лозинского должна писать о Борисе. *C'est compliqué**, как сказал злодей Толстой о выманивании цар^{<евича>} Алексея из Италии^{**}.

Почти завершённый литературный портрет Михаила Лозинского и ненаписанный портрет Пастернака предназначались для книги «Листки из дневника»: «Первое и самое желанное, т^{<ак>} н^{<азываемые>} “Листки из дневника”, то есть мои расширенные воспоминания о Мандельштаме. (Можно прибавить Блока, Клюева, Город, взять у Иры “Ц^{<арское>} С^{<ело>}” Н.Н. Пу^{<у>}нина[>], оттуда о Комар^{<овском>} и Анненском)^{***}.

Как видим, «Листки из дневника» — книга разномасштабная: литературные портреты соседствуют с очерком «Город» и воспоминаниями Н.Н. Пунина о Царском Селе. В бесцензурном миланском издании Ахматова хотела напомнить об О. Мандельштаме и Пунине, в те времена не имевших права на «голос» у себя на родине.

В 1957 г. был написан первый вариант очерка об О. Мандельштаме, получивший название «Листки из дневника». Теперь книга мыслилась как серия портретов.

Одновременно создается удивительное эссе «Амедео Модильяни», задуманное в 1951 году. С художником Ахматова встречалась в Париже в 1910 и 1911 годах. Безвестный и нищий, снискавший славу через многие годы после ранней смерти, Модильяни становится знаковой фигурой в мире творчества Ахматовой как образ художника, поэта, человека, не похожего на других, «надмирного», у которого «ничего нельзя отнять и которому

* Это сложно (фр.).

** Записные книжки Анны Ахматовой. С. 709.

*** Там же. С. 554.

ничего нельзя дать». Очерк был передан через итальянского литературоведа Витторио Страду и напечатан в Италии, на родине Модильяни, затем, как и «Мандельштам», опубликован в «Воздушных путях» (Нью-Йорк) — альманахе, в котором впервые увидела свет «Поэма без героя».

Это был «прорыв» в мир свободной литературы, возвестивший о том, что Анна Ахматова, крупнейший поэт XX века, полна зрелой творческой воли. Это была новая Ахматова, писатель масштабного исторического мышления и видения, обратившаяся к болевым точкам бытия. Модильяни к этому времени был знаменит, о нем уже писали книги и снимали фильмы. Неожиданно появившееся эссе Ахматовой, лирическое и изысканное, насыщенное глубоким гуманистическим содержанием, стало событием. Равно как через три десятилетия после смерти Ахматовой стало событием открытие в одной из коллекций двадцати трех рисунков, сделанных Модильяни в пору их встреч и в которых некоторые исследователи склонны видеть Ахматову как натуру*.

Ахматова гордилась тем, что знала Модильяни до того, как он стал знаменитым и привлек к себе внимание

* Однако, как всегда в оценках фактов жизни Ахматовой, голоса разделились. Так, И. Берлин писал: «Вы спрашиваете о Модильяни. Я пошел и посмотрел эти рисунки. Боюсь, они не представляют значительного интереса. Я большой поклонник этого художника, но эти рисунки множатся на бесконечные копии и вариации классического искусства — греческого и египетского; затем ряд обнаженных в различных позах; наконец, портрет французской дамы (живопись). Поверьте, я обошел всю выставку в Королевской академии, помня Ваши слова, — искал хоть малейшего сходства с А.А., но не нашел никакого. Уверяю Вас <...>. Я пошлю Вам каталог, и Вы сами убедитесь (12 декабря 1994 г. Архив С.А. Коваленко. Пер. с англ.).

мемуаристов. То, что она увидела в 1910-е годы и описала уже на рубеже 1960-х, не было известно другим и открывало новую страницу в жизни художника. По-видимому, в пору раздумий и воспоминаний о Модильяни Ахматова написала две строфы о себе и о нем для «Поэмы без героя». Обычно их публикуют в разделе «Строфы, не вошедшие в “Поэму без героя”». Однако в фонде Отдела рукописей Российской национальной библиотеки имеется список поэмы, где они занимают свое место в «Решке» (второй части триптиха):

В черноватом Париж тумане,
И наверно, опять Модильяни
Незаметно бродил за мной.
У него печальное свойство
Даже в сон мой вносить беспокойство
И быть многих бедствий виной.

Но он мне — своей Египтянке...
Что играет старик на шарманке,
А под ней весь парижский гул,
Словно гул подземного моря —
Этот тоже довольно горя
И стыда и лиха — хлебнул.

Эти строфы в сопоставлении с прозой о Модильяни позволяют понять и «технологию» творческого процесса, и его тайну. В одной из заметок о Пушкине Ахматова писала: «...из стихов может возникнуть нужная нам проза, которая вернет нам стихи обновленными и как бы увиденными в ряде волшебных зеркал»*.

Обратившись к тогда еще не опубликованным прозаическим заметкам Ахматовой, Р. Тименчик отмечал:

* РНБ. Ф. 1073.

«Ахматова чувствовала эстетическую остроту самой ситуации “прозы и поэзии”. Сталкивая два ряда, два типа мироотображения, она извлекала из стиха, из отдельного “блуждающего стиха”, дополнительные смыслы»*.

Опубликовав фрагмент о психологии творчества, как бы примыкающий к прозе о «Поэме без героя», автор статьи еще раз доказывает взаимодействие поэзии и прозы как побудительного импульса нового художественного целого: «У поэта существуют тайные отношения со всем, что он когда-то сочинил, и они часто противоречат тому, что думает о том или ином стихотворении читатель.

Мне, например, из моей первой книги «Вечер» (1912) сейчас по-настоящему нравятся только строки:

Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.

Мне даже кажется, что из этих строчек выросло очень многое в моих стихах.

С другой стороны, мне очень нравится оставшееся без всякого продолжения несколько темное и для меня вовсе не характерное стихотворение «Я пришла тебя смелить, сестра»...» — там я люблю строки:

И давно удары бубна не слышны,
А я знаю, ты боишься тишины.

То же, о чем до сих пор так часто упоминают критики, оставляет меня совершенно равнодушной.

Стихи еще делятся (для автора) на такие, о которых поэт может вспомнить, как он писал их, и на такие, кото-

* Т и м е н ч и к Р. Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 43. 1984. № 1. С. 67.

рые как бы самозагорались. В одних автор обречен слышать голос скрипки, некогда помогавший ему их сочинять, в других — стук вагона, мешавшего ему их написать. Стихи могут быть связаны с запахами духов и цветов. Шиповник в цикле «Шиповник цветет» действительно одуряюще благоухал в какой-то момент, связанный с эти циклом.

Это, однако, относится не только к собственным стихам. У Пушкина я слышу царскосельские водопады («сии живые воды»), конец которых еще застала я»*.

Авторские размышления об отношениях поэта с читателем выводят, однако, к мысли о прозе, о книге, которая так и не написана, но которую — «читатель заслужил».

Интересно, что Борис Пастернак, которого Ахматова напрасно упрекала в невнимании к ее поэзии, провидчески относил начало ахматовской прозы к первым ее книгам, где находил «событие», т.е. первооснову эпоса:

...Бывает глаз по-разному остер,
По-разному бывает образ точен.
Но самой страшной крепости раствор —
Ночная даль под взглядом белой ночи.

Таким я вижу облик ваш и взгляд.
Он мне внушен не тем столбом из соли,
Которым вы пять лет тому назад
Испуг оглядки к рифме прикололи.

Но, исходяв от ваших первых книг,
Где крепи прозы пристальной крупницы,

* Там же.

Он и во всех, как искры проводник.
Событья былью заставляет биться.*

(Курсив мой. — С.К.)

Пастернак писал Ахматовой, размышляя о соположении поэзии и прозы в мире творческой личности: «Я третий месяц очень усидчиво работаю над большой повестью, которую пишу с верой в удачу <...> далекий от мысли, что я это осуществляю, я вновь, как бывало, умилен до крайности всем тем, что человеку дано почувствовать и продумать. Мне некуда девать это умиление. Повесть потеряла бы в плотности, если бы я все это излил на нее одну. Мне приходится исподволь писать стихи. Их теперь в моем возрасте я понимаю как долговую расплату с несколькими людьми наиболее мне дорогими, потому что, конечно, именно они — истинные адресаты, к которым должно быть обращено это умиление...» (цит. по: П а с т е р н а к Б. Собр. соч.: В 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 682).

Пастернак имеет в виду стихи, обращенные к Ахматовой, Б. Пильняку, М. Цветаевой, Мейерхольдам и другим близким ему людям.

«Таинство прозы» раскрывалось для Ахматовой «в соположении с великими образцами стихотворной речи»**.

Очерк «Амедео Модильяни» сыграл особую роль в формировании «ненаписанной» автобиографической книги, раскрыв специфику ахматовского письма и выводя к феномену ахматовского текста как индивидуальной художественной системе, не имеющей аналогов.

* П а с т е р н а к Б. Анне Ахматовой // Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М.: Худож. литература, 1989. С. 227.

** Т и м е н ч и к Р. Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой. С. 66.

10 марта 1964 г. — этот день Ахматова считала черным и роковым — она сделала запись: «Сегодня день смерти Замятина (1937), Булгакова (1940), ареста Левы (1938) и приговор Данте (). В прошлом году в этот день я написала “Предвесеннюю элегию” (В Комарове — при кедре)»*. Появление «Кедра» всегда связано у Ахматовой с горестной тайной. В недописанном ею киносценарии «О летчиках» преступно убитый герой воровски зарыт на краю болота под Кедром, а подменивший убитого двойник занимает в мире его «законнейшее место». Одновременно появляется запись к автобиографической прозе: «Вторник: Письмо от Вигорелли. Благодарит за Модильяни. Упорно зовет в Италию к 30 мая. Montale. Премия... Дописала Модильяни. Несколько слов о России. Смерть Толстого. Пророчества Блока.

Статья как бы пустила ростки (как клубника) и пошла, пошла, на глазах превращаясь в автобиографию. Пришлось отрезать в самом интересном месте, так что итальянские читатели не узнают, как 1 сент<ября> 11 г. я в Киеве в извозничьей пролетке пропускала царский поезд и киевское дворянство, направляющ<еся> в театр, где через час будет убит Столыпин»**. В этой записи присутствует чрезвычайно важное для понимания поэтики автобиографической прозы Ахматовой авторское признание: «Статья... пустила ростки... и пошла, пошла, на глазах превращаясь в автобиографию». Ахматова отвечает на вопрос, мучивший ее самое и занимающий исследователей и читателей, — почему не была написана книга в традиционном восприятии этого понятия. «Клуб-

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 445.

** Там же.

ничные усы» шли во все стороны, укреплялись корешками в почву, образуя новые кусты, «вспышки памяти» — множество «силовых полей», требуя самостоятельности. На традиционную последовательность изложения исторических событий уже не хватало жизненных сил. Но были и иные причины.

По-видимому, существовала некоторая внутренняя сопротивляемость, убежденность в невозможности поставить точку и навсегда отойти от уже сделанного. «Дополнения» или, как Ахматова говорила, «осколки» сопровождали и собственно уже завершённые произведения. Так было с «Поэмой без героя», так было и с портретами Мандельштама и Модильяни. Дополнения к ним, новые фрагменты прозы возникали в рабочих тетрадях до последних месяцев ее жизни.

Созданные ею литературные портреты Ахматова, очень внимательная к развитию жанровых структур, называла «новеллами», а свою ненаписанную книгу — «автобиографической прозой» — не романом, не повестью, но *книгой*, главы — *новеллами*. Ее привлекал жанр новеллы, литературной формы, трудно поддающейся определению и тем не менее развивающейся по своим законам, то отождествляясь с рассказом, то обособляясь как особый художественный мир сюжетостроения. Ахматова «не любила» своих современников, крупнейших русских новеллистов — Чехова и Бунина. А «не любила», как нередко у нее бывало, значит и ревновала, желая создать свою, ахматовскую, форму новеллы.

Ее художественным открытием стала новелла, построенная на материале биографии, «портрета», включенного в поток истории, с обязательным присутствием повествователя, равного по своей значимости герою

произведения. Создавая свою новеллу, Ахматова, конечно же, помнила слова Гёте, что «новелла и есть совершившееся неслыханное событие»*. Соответствовали ее новеллы и требованиям Г. Форстера, разделявшего взгляд Гёте на утвердившуюся изысканную повествовательную форму: «...Новелла в каждый момент своего существования и своего становления, должна быть новой и поражающей...»**

Судьбы О. Мандельштама, А. Модильяни, Н. Гумилева, как и самой Ахматовой, были тем самым «совершившимся и неслыханным», «новым и поражающим», что произошло с ними в XX веке.

Осталась ненаписанной новелла о романе Маяковского с Вероникой Витольдовной Полонской, которую Ахматова хорошо знала и хотела назвать повествование о ней «Невинная жертва». В «Беглых заметках» Ахматова, со слов Е. Замятина, развертывает почти детективный сюжет, по которому художница Муся Малаховская предстает как бы двойником Полонской в последний, трагический период жизни поэта, в самый канун его смерти.

Еще об одной утраченной ахматовской новелле или о нескольких новеллах свидетельствуют фрагменты главы из задуманной книги с ироническим названием «Как у меня не было романа с Блоком». Автобиографические заметки о Блоке, пространные планы дают интереснейший материал для сравнения образа поэта, созданного в «Поэме без героя», с Блоком-человеком, представленным в многообразии его повседневной жизни. Сохранив-

* Э к к е р м а н И.П. Разговоры с Гёте. М., 1981. С. 215.

** Ф о р с т е р Г. Из «Атенийских фрагментов» // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 59.

шиеся фрагменты с их тайнописью позволяют увидеть Блока возможным адресатом еще ряда ахматовских стихотворений, и среди них одного из наиболее значительных (1914):

И в Киевском храме Премудрости Бога,
Припав к солее, я тебе поклялась,
Что будет моею твоя дорога,
Где бы она ни вилась.

То слышали ангелы золотые
И в белом гробу Ярослав.
Как голуби, выются слова простые
И ныне у солнечных глав.

И если слабею, мне снится икона
И девять ступенек на ней.
И в голосе грозном софийского звона
Мне слышится голос тревоги твоей.

Сравнивая, в частности, последнюю строку «Мне слышится голос тревоги твоей» с надписью на книге «Четки», подаренной Блоку: «От тебя приходила ко мне тревога и умение писать стихи», Алла Марченко в своей полемической, но достаточно аргументированной статье, доказывает адресованность этого стихотворения Блоку, отводя Н.В. Недоброво, считавшегося его адресатом*.

Рабочие тетради Ахматовой полны записей, позволяющих судить о психологии творчества, о динамике авторской мысли, ведущей к рождению будущей книги. Приведем пример. В канун 1962 г., когда завершалась

* М а р ч е н к о А. «С ней уходил я в море...». Анна Ахматова и Александр Блок: Опыт расследования. //Новый мир. 1988. № 9. С. 192.

работа над «Поэмой без героя» и велась работа над театральным либретто и прозой о поэме, появляется запись под заголовком «Рождение стиха. Искра паровоза». Далее следует известный рассказ Ахматовой, раскрывающий реалии возникновения стихотворения «Не бывать тебе в живых...» — гибель Н.С. Гумилева. Здесь же маленькая помета к автобиографии: «Какие-то получаемые мной гроши я отдавала Пуниным за обед (свой и Лёвин) и жила на несколько рублей в месяц.

Круглый год в одном и том же замызганном платье, в кое-как заштопанных чулках и в чем-то таком на ногах, о чем лучше не думать (но в основном прынелевом), очень худая, очень бледная — вот какой я была в то время. И это продолжалось годами»*.

После этих записей следует новый отрывок, озаглавленный: «А вот другое»: «Мой первый портрет — в “Пут<и> Конквистадоров” — “и властно требует мечта, чтоб этой не было улыбки”. Кроме того, что уже очень рано (“П<уть> Кон<квистадоров>”) в Ц<арском> С<еле> я стала для Г<умиле>ва (в стих<ах>) почти Лилит, т.е. злое начало в женщине. Затем (напр<имер>, см. “Сон Адама” — Ева).

Он говорил мне, что не может слушать музыку, пот<ому> что она ему напоминает меня»**.

Движение мысли ведет от стихотворения 1921 г. «Не бывать тебе в живых...» в последующую жизнь, в семью Пунина, и снова вспять, к стихам Гумилева начала 1910-х годов, лирической героиней которых была Ахматова. Между «Искрой паровоза» и обращением к сти-

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 207.

** Там же.

хам «Пути конквистадоров» вписан отрывок о жалком существовании и «кое-как заштопанных чулках», который у внимательного читателя (а ахматовский читатель всегда внимателен и, по возможности, все знает или пытается узнать) может вызвать воспоминание, записанное И. Одоевцевой со слов Гумилева о его рождественском подарке юной жене: «Я купил у Александра на Невском большую коробку, обтянутую материей в цветы, и наполнил ее доверху, положил в нее шесть пар шелковых чулок, флакон духов «Коти», два фунта шоколада Крафта, черепаховый гребень с шишками — я знал, что она о нем давно мечтает — и томик «*Les amours jaunes*» Тристана Корбьера. Как она обрадовалась! Она прыгала по комнате от радости»*.

Когда прошли долгие годы в эмиграции и престарелые воспоминатели взялись за мемуары, судьба Ахматовой и Гумилева оказалась в центре их внимания. Естественно, что многое было забыто, что-то восстановлено, что-то домыслено. Именно сюжетная линия, связанная с судьбой Гумилева, интерпретация его личности и творчества, взаимоотношений с Ахматовой и другими близкими ему в тот или иной период жизни женщинами, причины и обстоятельства ареста и трагической гибели открывают новую тему в автобиографической прозе Ахматовой, определенную ею как «антимемуарии».

Детальный разбор «псевдомемуариев» явился ответом Ахматовой главным образом мемуаристам русской эмиграции. Читая или перечитывая сегодня «Петербургские зимы» Г. Иванова, «На Парнасе Серебряного века» С.К. Маковского, «На берегах Невы» И. Одоевцевой, «Курсив мой» Н. Берберовой и др., современный чита-

* О д о е в ц е в а И. На берегах Невы. М., 1988. С. 295.

тель с благодарностью воспринимает беллетризированную и нередко мифологизированную прозу. Другой нет и не было. Теперь Ахматова в подробнейшем анализе всех доходивших до нее публикаций — а материалом она владела в совершенстве (можно только гадать, по каким каналам она его получала), — пытается противопоставить мифу свою правду, в той или иной мере сама вовлекаясь в процесс мифотворчества. Особенно огорчил Ахматову выход в 1962 г. в США первого тома Собрания сочинений Гумилева под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Случилось то, чего она больше всего боялась: импровизации мемуаристов во вступительной статье Г.П. Струве препятствовали, как она считала, изданию Гумилева в Советском Союзе.

И она яростно защищает себя, свою биографию, биографию Гумилева от вольных толкований мемуаристов и исследователей. Книгу прозы о «Поэме без героя» (см. Т. 3. С. 652—653) и фрагменты из книги, представленные в данном томе, она назвала *pro domo mea* и *pro domo sua* (о себе, в защиту себя и своего дома), отсылая к знаменитой лекции Цицерона, обличающего Клодия. М.Л. Гаспаров замечает по этому поводу: «...Клодий тем и был скандально известен, что перешел из патрициев в плебеи и во время изгнания Цицерона сжег его дом в Риме — без этого слова *pro domo mea* <и *pro domo sua*> не понятны»*.

Известно, что даже в самых достоверных и честных мемуарах при сопоставлении двух и более воспоминаний различных лиц об одних и тех же событиях неизменно очевиден любимый Уильямом Фолкнером образ «Тринадцать способов увидеть черного дрозда», заимствован-

* Из письма к Н.В. Королевой от 22 мая 2000 г.

ный им у американского же поэта Уоллеса Стивенса. В одной из бесед в Виргинском университете Фолкнер говорил, как в мире творчества в освещении событий одна версия вытесняет другую. Каждый видит и осмысляет событие по-своему: «Мне кажется невозможно смотреть на правду: она ослепляет. Смотрит один и видит одну ее фазу. Смотрит другой — и видит другую... Так что действительно получилось «тринадцать способов взглянуть на черного дрозда», а у читателя, после того как он узнал все эти тринадцать точек зрения, пусть будет четырнадцатый, и как мне хотелось бы думать, верный взгляд»*.

Критика Ахматовой «псевдомемуариев», ее многочисленные письма зарубежным исследователям, представляют собой бесценный источник информации, а страницы, посвященные Н.С. Гумилеву, дают не просто выстроенную, но выстраданную концепцию творчества, как она говорила «самого непрочитанного поэта XX века».

Мемуары в большинстве своем не фотокопия действительности, особенно писательские мемуары, в которых запечатлен целостный мир творческой индивидуальности автора. Причем ахматовские штудии мемуарной литературы показывают всю сложность положения мемуариста, особенно если живы современники, не только помнящие, но и воспринимающие события и факты по-своему, имеющие свою нередко непоколебимую точку зрения на то, что было и чего не было**. Еще более катастрофично, если мемуаристу уже некому ответить.

* Ф о л к н е р У. Статьи, речи, интервью, письма. М., 1985. С. 354–355.

** См.: О д о е в ц е в а И. Ожившие голоса//Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 111–117. См. также: О д о е в ц е в а И. Открытое письмо Н.Я. Мандельштам//С а а к я н ц А. Спасибо Вам! М.: Эллис Лак, 1998. С. 388–402.

Не так давно в издательстве «ИНАПРЕСС» вышел объемистый том мемуаров Эммы Григорьевны Герштейн. В течение десятилетий она была близким другом сына Ахматовой и Гумилева — Льва Николаевича, писала ему письма, отправляла посылки, когда он был в ГУЛАГе, принимала участие в его судьбе, была доверенным лицом Ахматовой в хлопотах о его реабилитации.

29 октября 1928 г. Эмма Герштейн познакомилась в подмосковном санатории «Узкое» с Осипом Эмильевичем и Надеждой Яковлевной Мандельштам. Всю последующую жизнь она была связана с семьей опального поэта, что не преминуло отразиться на ее жизни и «послужном списке». Являясь талантливым исследователем, она не имела постоянной работы и жила в ожидании худшего.

Эмма Григорьевна Герштейн остается свидетелем и участницей наиболее трагического десятилетия в жизни Мандельштамов, вовлекших в водоворот событий близких им людей, что, в свою очередь, отразилось на их судьбах. В мемуарах она подвергла аналитическому разбору «Листки из дневника» Ахматовой, пытаясь «разъять гармонию алгеброй». Герштейн пишет: «...в 1957 году Ахматова, с ее точной ассоциативной памятью, была совершенно сбита с толку постоянным взятым на себя обязательством идеализировать образ Мандельштама, вопреки ее же сентенции "...поэтам вообще не пристали грехи", "он ни в чем не повинен, ни в этом, ни в другом и ни в третьем..."». Тут, то есть в «Поэме без героя», речь идет об амнистии грешнику, а в «Листках» отрицается самый факт греха. Безусловно, Анна Андреевна была не свободна в своих «Листках», находясь под сильным воздействием направляющей руки Надежды Яковлевны»*.

* Герштейн Э. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 418.

Многие страницы книги посвящены истории арестов О.Э. Мандельштама и причинам того, почему при жизни Сталина и позже, до оглашения письма о культе личности, никто из высоких чиновников и членов правительства, к которым обращалась Ахматова, не мог и не хотел взять на себя ответственность за пересмотр дела Льва Гумилева. Как пишет Э.Г. Герштейн, в деле «Левы» лежал список стихотворения-эпиграммы Мандельштама на Сталина «Мы живем, под собою не чуя страны...». В опубликованных материалах следствия по делу О.Э. Мандельштама перечислены лица, которым он читал эпиграмму, и их отношение к этому. Среди указанных значатся и А.А. Ахматова, и Л.Н. Гумилев, и Э.Г. Герштейн.

Герштейн приводит фразу Ахматовой из «Листков из дневника»: «Мой сын говорит, что ему во время следствия читали показания Осипа Эмильевича о нем и обо мне и что они были безупречны. Многие ли наши современники могут сказать это о себе?»* Далее следует ее комментарий: «Ничего кроме недоумения эти слова Анны Андреевны вызвать не могут. Разве она забыла, как Надя вернулась со свиданья на Лубянке с Осипом и объявила в отчаянии, обращаясь ко мне: “Эмма, Ося вас назвал...”. Тут же выяснилось, что Мандельштам назвал остальных 9 или 11 человек, которым он читал свою сатиру на Сталина, за которую и был арестован. Среди них он назвал и саму Ахматову и ее сына Льва Гумилева. Теперь (девяностые годы) мы уже располагаем документальным подтверждением этого события. Имею в виду публикации судебного дела Мандельштама в № 1 “Огонька” за

* Герштейн Э. Мемуары. С. 416.

1991 год и в "Известиях" за 1992 год, № 121—125. Правда, напечатаны только выдержки из следственного дела, но чем бы они ни были дополнены при исчерпывающей публикации, никто, — как полагает Э.Г. Герштейн, — не сможет назвать безупречными показания Мандельштама об Ахматовой и Льве Гумилеве: "...одобрил вещь неопределенно-эмоциональным восклицанием, вроде "здорово", но его оценка сливалась с оценкой его матери Анны Ахматовой, в присутствии которой эта вещь была ему зачитана". Как же отнеслась Анна Андреевна к этой сатире? По словам протокола, она указала "на монументально-лубочный и вырубленный характер этой вещи". Какие благородные показания Мандельштама могли предъявить Леве на следствии в 1949—1950 годах — непонятно. Во всяком случае Особым Совещением и генеральным прокурором СССР они были поняты однозначно: "Факты антисоветской деятельности Гумилева, изложенные в его показаниях, подтверждаются показаниями Пунина, Борова, Махаева, Мандельштама и Шумовского"»*.

Э.Г. Герштейн, исследуя психологию поведения Мандельштама на Лубянке и свои дальнейшие разговоры с ним, говорит об избранной им защите *«искренности перед ЧК»*, всем ходом размышлений утверждая, что поэта должно судить «по законам им самим над собою поставленным»**.

Вызывают интерес и ее комментарии к отношениям и разговорам Пастернака со Сталиным, после ареста Мандельштама: «Мы с Надей решили, что он вел себя

* Там же. С. 416—417.

** См. Письмо Пушкина А.А. Бестужеву. Январь 1825 г. // Пушкин А.С. Т. 10. С. 121.

на полную четверку. По-новому рассказана Э.Г. Герштейн история о пощечине А.Н. Толстому, после того как он председательствовал на товарищеском суде по случаю ссоры с поэтом Амиром Саргиджаном*. На основании изучения архива С.Б. Рудакова, петербуржца, отбывавшего ссылку в Воронеже одновременно с Мандельштамом и обвиненного в невозвращении доверенных ему рукописей Гумилева и Мандельштама, Герштейн в поисках истины, пытается снять обвинения с погибшего в 1943 г. на фронте талантливого филолога.

Мемуары Герштейн в большинстве случаев документированы: вызывает уважение сочетание документа с филологическим и интуитивным прозрением. И тем не менее... Ни Анна Андреевна Ахматова, ни Лев Николаевич Гумилев, ни Мандельштамы ответить или возразить ей уже не могут. Почему Ахматова именно так изложила события в «Листках из дневника», хотя еще был жив Лев Николаевич, который мог бы их опровергнуть, однако не сделал этого. «Листки из дневника» не просто мемуары, их жанр определен самой Ахматовой — новеллы. Она так видела, знала и понимала Мандельштама, таким мы воспринимаем замечательного русского поэта, заложника и пленника эпохи. Над феноменом его личности еще долго будут размышлять, изучая эпоху и ее поэтов.

Книга Э.Г. Герштейн, как и откомментированное ныне издание воспоминаний Н.Я. Мандельштам, с которыми жестко и, пожалуй, жестоко полемизирует Герштейн, представляет собой серьезный вклад в восприятие и познание большого пласта историко-культурной биографии века.

* Герштейн Э. Мемуары. С. 38—39.

Столь же интересны, важны и еще более полемичны мемуары, или антимемуарии, самой Ахматовой в ее борьбе с воспоминаниями давних друзей и «врагов», как она многих из них воспринимала в поздние годы жизни, внимательно читая все доходившее до нее о себе и Гумилеве.

Противостояние Ахматовой тем, кого она считала своими оппонентами, было яростным, бескомпромиссным и не всегда справедливым. В «воспоминателях» она заранее видела противников. Этим объясняются столь резкие суждения в адрес Gleba Струве и Бориса Филиппова, издавших за рубежом первые собрания сочинений Николая Гумилева, Осипа Мандельштама, Николая Клюева и ее самой. Несмотря на ошибки и искажения, имевшие место в этих изданиях, они были актом доброй воли и самоотверженного труда издателей. Ахматова не могла этого не понимать и тем не менее отмечала каждую ошибку, каждую неточность с отнюдь не христианским смирением. И для этого у нее были свои основания.

В последние годы жизни Ахматова очень заботилась о своей «Биографии» и не раз говорила: «Я не хочу, чтобы мне подменили мою биографию». Книгу под полемическим названием «Как у меня не было романа с Блоком...» она решилась написать, когда поняла, что слухи о романе, «которого всем хотелось», способны «перекосять ее биографию». Уважение к биографии как достоверному жизнеописанию проявилось еще в одном из ее ранних стихотворений, вопрос об адресате которого так и не решен: «В биографии славной твоей разве можно оставить пробелы?». Теперь этот вопрос или утверждение были обращены к Н.С. Гумилеву и к ней самой.

Намерение подготовить жизнеописание Н.С. Гумилева возникло еще до массового выхода воспоминаний,

или «мемуариев». Работу по составлению «Трудов и дней Гумилева» Ахматова вела с 1924 г., с того момента, как, по ее словам, Гумилев трижды в течение одной недели являлся ей во сне и просил об этом. Несколько лет под диктовку Ахматовой и по записям бесед с нею трудился над книгой молодой поэт и литератор Павел Николаевич Лукницкий. Были опрошены многие из знавших Гумилева, охотно откликнувшиеся, приносившие автографы, письма, воспоминания. Сбор материалов по воссозданию облика казненного поэта, осмысление его жизненного и творческого пути были восприняты Ахматовой как завет, о котором она всегда помнила.

В 1960-е годы, в разгар полемики с «псевдомемуаристами», Ахматова обращалась к Лукницкому за справками и материалами по «Трудам и дням» Н.С. Гумилева, предполагая ввести главу о нем в книгу «Листки из дневника».

Сама склонная к прозрениям и пророчествам, она не раз говорила о Гумилеве как о «поэте-визионере», предсказавшем свою смерть. Напоминала при этом, что не следует иметь в виду стихотворение «Рабочий», написанное Гумилевым в годы войны и по другому поводу. Из его визионерских стихотворений она выделяла: «Память» («Только змеи сбрасывают кожу...»), «Дева-птица» (в упоминании Ахматовой «Мальчик-птица» по строке «Хоть мальчик-птица, // Исполненный давних желаний...»), «Родос» (в ее упоминании «На тяжелых и гулких машинах...»), «Заблудившийся трамвай».

Или:

...Когда-нибудь при лунном свете,
Раб истомленный, я исчезну.

Я побегу в пустынном поле
 Через канавы и заборы,
 Забыв себя и ужас боли,
 И все условия, договоры.

И не узнаешь никогда ты,
 Чтоб в сердце не вошла тревога,
 В какой болотине проклятой
 Моя окончилась дорога.

(«Ты пожалела, ты простила...»)

Ко всему написанному о Гумилеве Ахматова относилась не только ревностно, но и ревниво, с «бегом времени» в ней проснулось чувство неизбывной вины перед поэтом-царскоселом, полюбившим ее гимназисткой 4-го класса, много раз отвергнутым, не раз оскорбленным в своей мальчишеской гордости, и теперь, как ей представлялось, унижаемом мемуаристами, неверно трактующими их отношения. А отношения эти, как пишет Ахматова, были «особенными, исключительными», являясь «непонятной связью, ничего общего не имеющей ни с влюбленностью, ни с брачными отношениями» — и добавляла, что «для обсуждения этого рода отношений действительно еще не настало время».

Здесь мы подошли к ахматовской тайне. Слово *тайна* много раз встречается в ее записных книжках, перетекая в маргиналии к автобиографической прозе.

По-видимому, в слове «тайна» содержится «ключ» к тайнописи записных книжек Анны Ахматовой. См. ее запись для интервью с «Лит<ературной> газ<етой>: «“Белая стая” вышла 21 [ноября] сентября 1917 (т.е. 48 лет тому назад). Лучше не надо: Тайна тайн...»*.

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 672.

И если не наше дело ее разгадывать: «Пусть читатель потрудится», — говорил Достоевский, о котором Ахматова много думала, то наше дело обратить внимание читателя на то, что остается неразгаданным. Приведем два фрагмента: «В течение своей жизни любила только один раз. Только один раз. “Но как это было!” В Херсонесе три года ждала от него письма. Три года каждый день, по жаре, за несколько верст ходила на почту, и письма так и не получила»*.

«Когда в 1910 г. люди встречали двадцатилетнюю жену Н. Г<умилева>, бледную, темноволосую, очень стройную, с красивыми руками и бурбонским профилем, то едва ли приходило в голову, что у этого существа за плечами уже очень большая и страшная жизнь, что стихи 10—11 г. не начало, а продолжение»**.

После окончания киевской Фундуклеевской гимназии Ахматова в июне 1907 г. живет под Севастополем на даче доктора Шмидта, там ее навещает Гумилев, уезжавший в Париж. «На даче Шмидта были разговоры, из которых Николай Степанович узнал, что АА не невинна. Боль от этого довела Николая Степановича до попытки самоубийства в Париже»***.

В своих записках о Гумилеве, прямо не касаясь факта этого разговора, Ахматова прослеживает сюжет обожествления девушки в поэзии Гумилева, который «признавал только девушек». Отсюда Ахматова в его стихах, как она не раз напоминает — «женщина-вамп», «Лилит»,

* Лукницкий П.Н. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924—25 гг. Paris: YMCA-Press. 1991. С. 44.

** Записные книжки Анны Ахматовой. С. 220.

*** Лукницкий П.Н. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. С. 143.

«отравительница», «киевская колдунья с Лысой Горы» и т.д.

В первой половине марта 1964 г. запись о разговоре с Вадимом Андреевым (сыном Леонида Андреева) по поводу «Поэмы без героя», явно понравившемся Ахматовой: «Вадим Леонид<ович> Андреев сказал мне: “Я думал, что здесь есть тайна и я ее разгадаю, если приеду. Нет, здесь нет тайны. Тайна — это вы”. На его другое высказывание я ответила: “Я не стажирую<сь> на Елену Троянскую” (О холодной войне)*». По-видимому, под «холодной войной» подразумеваются строки из Третьего посвящения к «Поэме без героя» — «Но мы с ним такое заслужим, // Что смутится двадцатый век». Как известно, Ахматова видела в своей встрече с Исаей Берлином причину не только постановления 1946 г., предавшего ее анафеме, но и похолодание в отношениях между Советским Союзом и Западом.

Благодаря полемике Ахматовой с «псевдомемуариями» мы имеем строго продуманную летопись акмеизма, его историю, записанную участницей литературного движения, прекрасно знающей и помнящей причины многих неприязней к Гумилеву как главе нового направления, утверждавшего себя в спорах с символизмом.

Отсюда некоторые характеристики Вячеслава Иванова, обидевшегося на Гумилева не только за отказ от символизма, но и за рецензию в «Аполлоне» на его поэтические сборники «Cor ardens»**, стихами которых мэтр символизма очень дорожил. Ахматова не простила

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 152.

** И в а н о в В. Cor ardens. Ч. 1. М.: «Скорпион». 1911; Ч. 2. См. рецензию Н. Гумилева: Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 124–126, 147–148.

Вяч. Иванову и резкий отзыв о поэме Гумилева «Блудный сын», подвергнутой на «башне», как она писала, уничижительной критике.

Открытая Ахматовой полемика доходила до ее зарубежных адресатов, вынуждая их к защите. Уже после смерти Ахматовой, близкий друг Вяч. Иванова О. Дешарт пытается «защитить» мэтра от язвительных суждений Ахматовой, пишет об отношении Иванова к молодым, о его завете — «нежными и вещными должны быть творческие прикосновения» — возвращается к первой встрече хозяина «башни» с Ахматовой: «Как-то в 1911 году поэт Гумилев на башню привел свою молодую жену, писавшую стихи. Ей, как всем поэтам, В.И. предложил “прочесть”, она “решилась”, прочла <...>. Все ждали, что скажет В.И., какой даст “разбор”. Он молча подошел к молодой женщине, поцеловал ей руку: “Приветствую Вас и поздравляю. Ваши стихи — событие в русской словесности. Вы будете знаменитой поэтессой”»^{*}.

Дешарт напоминает, что Вяч. Иванов отрицательно относился к «Петербургским зимам», к описанию того вечера, на котором Ахматова впервые читала стихи, и приводит цитату: «Георгий Иванов сообщал, что Гумилев смотрел на ее стихи как на причуду “жены поэта”. Когда их хвалят, он насмешливо улыбается — “Вам нравится? Очень рад. Моя жена и по канве прелестно вышивает”» (И в а н о в Г. «Петербургские зимы. Париж, 1928. С. 66, 67). «Вопрос, здесь возникающий, — продолжает Дешарт, — вопрос об отношении В.И. к ак-

^{*} И в а н о в Вяч. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1971–1979. Т. 1. С. 125.

менстам <...>. К сожалению, по сей день еще раздаются «голоса», утверждающие его вражду к представителям акмеизма <...>. Выяснять взаимоотношения символистов и акмеистов здесь, конечно, не место. Но, однако, не следует забывать: как бы ни отзывался В.И. на акмеизм в период его возникновения, он всю жизнь свою, непосредственно, неизменно любил трех главных представителей этого литературного направления. Угадав сразу Ахматову, он впоследствии радовался ее духовному росту и поэтическому усовершенствованию. Мандельштам он не только признавал поэтом подлинным, но питал к нему, хрупкому, горящему, большую, почти отеческую нежность. А Гумилева, не говоря уже о высокой оценке его творчества, В.И. горячо любил, порою бывал в него восторженно влюблен, в его безумную дерзость, в его рыцарское бесстрашие. Когда Гумилев рассказывал ему о своих абиссинских походах на львов и леопардов, В.И. слушал его, замирая от волнения, как дети слушают сказки. А военные доблести Гумилева, его два Георгиевских креста вызывали в душе В.И. восторг и умиление <...>. Возможно, что в будущем какие-нибудь воспоминания или, по открытии архивов, какие-нибудь письма и обнаружат (восходящие к десяткам лет) отрицательное отношение суждения В.И. о направлении или об отдельных акмеистах...»*

Записки Ахматовой раскрывают подоплеку многих конфликтов в литературной среде, вспоминая которые она неизменно отстаивала правоту Гумилева. Так, ссора Кузмина с Гумилевым, после того как последний назвал кни-

* Там же. С. 848–849

** В печатном тексте — «салонной».

гу его стихов «будуарной»^{**}, была усугублена отношениями Михаила Александровича с поэтессой и переводчицей Анной Радловой. Ахматова была убеждена, что Кузмин плел против нее интриги и хотел отдать ее «престольное место» в поэзии другой поэтессе. И самоубийство Всеволода Князева, одного из прототипов поэта-самоубийцы в первой части «Поэмы без героя» (Петербургской повести), — лишь повод изображения Кузмина в поэме как воплощения зла. Ахматова до конца дней своих не простила Кузмину ни Гумилева, ни Анны Радловой, ни Всеволода Князева. Хотя другой виновнице трагедии — «Коломбине», в которой нельзя было не узнать Ольгу Афанасьевну Глебову-Судейкину, все простила, обозначила ее во Втором вступлении к «Поэме без героя» и даже назвала своим двойником, согласившись разделить с ней вину за разыгравшуюся в 1913 году трагедию.

В пристальном анализе поэзии Гумилева, расшифровке «адресаток» его любовной лирики и восстановления своего, главного, сюжета в ней Ахматова преподавала урок глубокого проникновения в психологию личности и творчества. Критика «псевдомемуариев» стала поводом прочтения Гумилева на новом уровне, в контексте биографии эпохи, т.е. их общей биографии. Не написав целостной работы о Гумилеве, Ахматова выстроила как бы жесткий каркас, по которому будущие исследователи смогут возвести свои новые здания.

Обратившись к воспоминаниям «родных и близких» — родственников, соседей по Слепневу (куда она приезжала вместе с Гумилевым и где бывала после развода с ним), к воспоминаниям царскоселов Н. Оцупа и Вс. Рождественского, аполлоновца С. Маковского, младших современников, входивших в поздние «Цехи по-

этов», она отмечает все ошибки — в датах, в оценках, в системе родственных и дружеских отношений, ничего не пропуская. Редко ошибаясь в фактах, Ахматова тем не менее далеко не всегда справедлива в оценках. В значительной части мемуаров (исключение составляют воспоминания золовки Н.С. Гумилева, жены брата Дмитрия, тоже Анны Андреевны, и Веры Неведомской, не всегда корректных в описании молодой жены Н.С. Гумилева и их отношений), к Ахматовой отношение почтительное, если не сказать подобострастное. Во всяком случае, заведомого стремления исказить ситуацию и унижить Ахматову в них трудно найти. Однако в разгар работы над «антимемуариями», после прочтения только что вышедшей книжки воспоминаний С.К. Маковского «На Парнасе Серебряного века», где Гумилеву и ей отведена глава, Ахматова в ярости обращается ко всем грядущим исследователям (запись от 29 апреля 1963 г.):

«Предупредить против:

- 1) *Маковского* (85 лет, дурное окружение).
- 2) *В. Неведомской* — случайная слепневская соседка (Дур<ища>).

3) *А.А. Гумилева* (Вдова брата, с кот<орой> всю жизнь был в *никаких* отношениях. Ничего не знала. Все путает. Я — с ней 10-ти слов не сказала.

4) *Страховский* — просто самозванец.

5) *Г. Иванов* должен быть дезавуирован как обоглавший всю эпоху, весь «серебряный век», неграмотный и бездельный хулиган.

...Легенда о ревности просто смехотворна»*.

С зарубежными же корреспондентами Ахматова была исключительно корректна, отвечала всем, надеясь

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 318.

спасти ситуацию, оградив «биографии» от неожиданностей. Своему постоянному корреспонденту Алексису Ранниту в письме от 15 февраля 1962 г. она писала: «Трудно понять, зачем кому-то понадобилось тревожить мой прах и сообщать бредовые легенды о моем пребывании в Париже в 1938 г. На Западе [я] после 1912 г. я не была, а в 1938 г. дальше Москвы не ездила.

Я совершенно уверена, что Ваша работа будет интересной и нужной, но меня несколько беспокоит ее биографическая часть. Во всяком случае я предупреждаю Вас, что писаниями Георгия Иванова и Л. Страховского пользоваться нельзя. В них нет ни одного слова правды»*.

Много времени Ахматова уделяла молодой английской исследовательнице Аманде Хейт, приехавшей в Москву собирать материалы к биографии Н. Гумилева. Ахматова со всей серьезностью отнеслась к работе Хейт, увидев в ней человека, через которого можно донести до читателей правду о Гумилеве и себе, передать ее, как говорится, из рук в руки. Она специально готовилась к работе с Амандой, перечитывала статьи и книги десятых годов, делала многостраничные записи в своих рабочих тетрадях с пометами: «Аманде», «Для Аманды». Аманда Хейт практически под руководством Ахматовой написала и защитила в Лондоне диссертацию, создав первую ее литературную биографию. Книга Аманды Хейт об Ахматовой издана на русском языке, в Москве, уже после ее безвременной смерти**.

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 151.

** Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. М.: Радуга, 1991.

А. Хейт приезжала в Москву на международную конференцию, посвященную столетию Ахматовой, в июне 1989 г., за два месяца до своей кончины. Выступая на конференции в Институте мировой литературы, она, в частности, сказала: «Ее тяжким огорчением в... первый раз, когда я ее увидела, была статья Сергея Маковского, только что полученная из-за границы. Я не стану входить здесь в подробности этого дела, упомяну только, что по ходу разговора я поняла, что ее жизнь, так же как жизнь Гумилева, была описана неверно и дурно, и она чувствовала, что это делает бессмыслицей их творчество»*.

С 1963 г. происходит возвращение к автобиографической прозе на новом витке. Огорченная «псевдомемуариями», искажавшими не только творческие связи, но и личные, в которых Ахматова представлена, как ревнивица, чуть ли не нелюбимая жена, брошенная мужем, она намеревается противопоставить писаниям друзей и родственников Гумилева мемуары, как она говорила, «настоящие», предлагает подруге детства и юности по Царскому Селу, Валерии Сергеевне Срезневской, познакомившей ее с Гумилевым, написать воспоминания.

Судя по записи от 8 марта 1964 г., к этому времени воспоминания В.С. Срезневской уже были завершены. В вопроснике «Для Аманды», длинном и дотошном, первым пунктом обозначено: «Восп<о>минания В.С. Срезневск<ой>». (Их преимущество над эмигрантским бредом. Точность, ясность, чистота)». Через несколько дней — «Записки Вали»**.

* Там же. С. 15.

** Записные книжки Анны Ахматовой. С. 444.

Однако Ахматова, с ее максималистскими требованиями, не было удовлетворена написанным, судя по сделанному ею списку необходимых уточнений и дополнений. По-видимому, ознакомившись с первым их вариантом, она пишет список дополнений для Срезневской, но более, как можно полагать, уже для себя:

- 1) Учились не в одном классе.
 - 2) Мы уехали на юг в начале авг<уста> 1905 г. (отставка отца и разлука родителей).
 - 3) Отец — специалист по торговому мореплаванью (насколько помню).
 - 4) Подчеркнуто простая обстановка дома — следствие полного равнодушия отца и народовольч<еских> традиций матери, кот<орая> всю жизнь одевалась, как старая революционерка.
 - 5) Во время нашей разлуки мы вели оживленную переписку. (В 11 г. для В<алерии> кончилось Ц<арское> С<ело>).
 - 6) ...вышла замуж и переехала в Петербург.
 - 7) Эпизод с Верой Викторовной Азбелевой (Ю.Е. Нольде).
 - 8) Характеристики женской гимназии. Учителя. Кл<ассные> дамы. (Бурса.)
 - 9) Одной из... Шура — ее роль.
 - 10) М.б., С.В. Штейн и Ек. Колесова.
- Каток. Мар<инский> театр — ½ лож. *Кнут Гамсун*. Пан. Виктория. *Ибсен*. Выставки. Музеи.
- Апухтин и рядовые фр<анцузские> романы.
- Уроки фр<анцузского> языка у m-те Матье. Немецкого — у Fr<ан> Шульц.
- Критика Голлерб<аха>, Рождественск<ого> и т.п. (сбор сплетен, вранья).

11) Фотографии и портреты (в частности, портрет Альтмана).

12) Гибкость и физкультура.

13) Анненский об Инне и обо мне.

(к «Расе»*)

14) *Туберкулез 1913 г.* («Как страшно <изменилось тело...>»)

15) — жур<авли>, сыну.**

Кроме этого списка, свидетельствующего о точности целого и детали, требования, как бы переходящего из мира ее поэзии в прозу, сохранилось несколько развернутых планов-конспектов, предполагающих бытописание Царского Села. Ни один из них не был реализован. Но, вчитываясь в скупые назывные предложения, убеждаешься, что они обращены к «чреву» города и, быть может, могли быть развернуты в подобие «физиологического очерка», что существенно отметить, поскольку Ахматова предупреждала, что своего «физиологического очерка» создавать не предполагает. Однако, когда Ахматова делала какие-либо категорические заявления, очень часто за этим скрывалось что-то неосуществленное или неудавшееся.

«Физиологического очерка» Ахматова не написала, но она создала свой особый жанр фрагмента в прозе, взаимодействующий с ее же поэзией. «Царскосельская ода», датированная 3 августа 1961 г., в первой публикации имела подзаголовок «Безымянный переулок. Девяностые годы», возвращая к «Дому Шухардиной» в Бе-

* К «Миру» (ит.).

** Записные книжки Анны Ахматовой. С. 14.

зымянном переулке, т.е. к одному из первых фрагментов автобиографической прозы.

Наброски к «Городу» создавались одновременно с картинами Петербурга в «Поэме без героя», где город предстает двойником Достоевского:

И царицей Авдотьей заклтый,
Достоевский и бесноватый
Город в свой уходил туман,
И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка!
Как пред казнью бил барабан...

Многовариантность строфы, не вошедшей в окончательный текст поэмы, также, по-видимому объясняется стремлением заглянуть в «чрево города». Приведем одну из них, датированную 1961 г. Ахматова определила ее место в поэме в одном из неопубликованных списков. Этот фрагмент как отдельное стихотворение был включен Ахматовой в книгу «Бег времени» под названием «Петербург в 1913 году»:

За заставой воеет шарманка,
Водят мишку, пляшет цыганка
На заплеванной мостовой.
Паровик идет до Скорбящей,
И гудочек его щемящий
Откликается над Невой.
В черном ветре злоба и воля,
Тут уже до Горячего Поля,
Вероятно, рукой подать.
Тут мой голос смолкает веций,
Тут еще чудеса похлеще,
Но уйдем — мне некогда ждать.

В незавершенном либретто по «Поэме без героя» Ахматова настойчиво ведет будущего зрителя на улицы ночного «зверского» Петербурга, словно забыв, что только что призывала уйти от этого мира — «но уйдем, мне некогда ждать».

«Мейерхольдовы арапчата» раздвигают второй, легкий занавес. <...> показывают город Питер, [Петрушку], трактир, тройку, [тюрьму], [Вяземскую Лавру] — все, что придется» (Т. 3. С. 284). А героиню поэмы — Коломбину, — Ахматова видит пляшущей, вместе с другими пятью Коломбинами в Вяземской Лавре, страшных петербургских трущобах, скрывающихся за фасадом пустующего дворца князей Вяземских, между Фонтанкой и Сенной площадью.

В последний год жизни Ахматова предпринимает попытки собрать фрагменты автобиографической прозы в целое, «под одну крышу». В ее рабочих тетрадях появляются термины строителя — «мостик», «перемычка», обозначающие переходы тем, одна в другую, в поисках целостности. Однако задача эта была обречена на неудачу, воссоединения не произошло.

Свою последнюю книгу Ахматова назвала «Бег времени». В 1961 г. в одном из четверостиший написанной ею «вереницы» она создала как бы толкующую ее название строфу-сопровождение:

Что́ войны, что́ чума! — конец их виден скорый,
Им приговор почти произнесен...
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?

Но поздняя Ахматова все явственнее тяготела к философской лирике, к осмыслению вопросов мироздания, времени и пространства. Среди ее друзей были физики, с которыми она любила обсуждать космические темы, не поддающиеся одномерному толкованию. «Куда уходит время» — одна из ахматовских мадригалей, встречающаяся в ее записных книжках.

Событием в ее жизни стало письмо астрофизика Б. Шкловского, упомянувшего в своей статье, в «неупоминаемое время», стихотворение Н. Гумилева «На Венере». По-видимому, Ахматова не могла полностью соотнести развитие своей прозы с «бегом времени», отсюда «вспышки памяти» как маленькие метеориты в черном хаосе современной ей действительности. Она не раз говорила, что в своей прозе ориентируется на «Шум времени» О. Мандельштама и «Охранную грамоту» Б. Пастернака, называя их «двоюродными сестрами» своей будущей книги, уверяя, что та останется при них «Золушкой».

Об этих ее сомнениях вспомнил в своих «Диалогах» И. Бродский, с которым Ахматова была особенно дружна в последние годы и даже предполагала взять эпиграф к «Листкам из дневника» из письма И. Бродского: «Из чего же он (Человек) состоит: из Времени, Пространства, Духа? Писатель, надо думать, и должен, стремясь воссоздать Человека, писать Время, Пространство, Дух...»*. Бродский, хорошо улавливавший ход мысли Ахматовой, отнюдь не однозначной, замечал: «Обе эти книжки — и Пастернака, и Мандельштама — совершенно замечательные. Просто мне «Шум времени» дороже,

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 724.

да? Но если взглянуть на них издали — а издали мы и смотрим — то между этими двумя книгами есть нечто общее в фактуре, в том, как используются детали, как строится фраза. И я думаю, что если Ахматова называла свою планируемую книгу «двоюродной сестрой» этих двух, то она на самом деле указывала на истинное положение вещей. На то, что происходило в ее авторском сознании. Потому что я думаю, что таким образом она писать прозу была не в состоянии. Ее проза ни в коей мере не могла быть подобной ни мандельштамовской, ни пастернаковской. И она осознавала это. Она осознавала преимущество их прозы, и, видимо до известной степени ее гипнотизировала эта перспектива — что так она не напишет...»*

Если И. Бродский полностью прав, говоря о различных жанровых построениях «Шума времени», «Охранный грамоты» и ахматовской прозы, то и сама Ахматова тоже ощущала эти жанровые несовпадения, тщательно отрабатывая фрагменты, прекрасно понимала, что движется к познанию времени и себя в его потоке другим путем. Бродский также не мог не понимать этой специфики, когда сказал в той же беседе: «Прозу Ахматовой я обожаю! Ей я это сказал первой, но потом продолжал утверждать всю жизнь: лучшая русская проза в XX веке написана поэтами. Ну, за исключением, быть может, Платонова. Но это другие дела. И при том, что прозы у Ахматовой написано мало, то, что существует, — это совершенно замечательно: пушкинские штудии, воспоминания о Модильяни и Мандельштаме, мемуарные записи. И помимо содержания, их интерес — в совершенно

* Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998. С. 270.

замечательной стилистике. По ясности — это образцовая русская проза, настоящий кларизм. У нее просто нет лишних слов. <...> Фрагментарность — это совершенно естественный принцип, присутствующий в сознании любого поэта. Это принцип коллажа или монтажа, если угодно. Протяженная форма — это то, чего поэт просто по своему темпераменту не выносит. Поэту с протяженной формой совладать труднее всего. И это не потому, что мы люди короткого дыхания, а потому, что в поэтическом бизнесе принцип конденсации — чрезвычайно важный. И если ты начинаешь писать подобной конденсированной фразой, то все равно, как ни крути, получается коротко»*.

Фрагментарность ахматовского письма, отмеченная Бродским, и, как он замечает, «присутствующая в сознании любого поэта», в художественном мышлении Ахматовой имеет свои глубокие культурно-литературные истоки. Нами и ранее отмечалась связь ахматовской поэзии с поэзией европейского романтизма. Идея фрагмента, как художественной единицы, связана с именем С.Т. Колриджа, Новалиса, Ф. Шлегеля и отвечала, как тогда, так и ныне, потребностям новых свободных форм лирической выразительности.

Немецкий писатель и мыслитель Г. Форстер, один из последних представителей Просвещения, в известной мере предвосхитивший теории романтизма и почитаемый романтиками, обосновал свое понятие литературного фрагмента. Он писал: «Многие сочинения древних ныне стали фрагментами. Многие сочинения новых писателей были фрагментами уже при своем возникновении. <...> Диалог есть цепь или венок фрагментов. Переписка есть

* Диалоги с Иосифом Бродским. С. 268.

диалог большого масштаба, мемуары же — целая система фрагментов...» (Из «Атенийских фрагментов». 1798)*.

Современный исследователь видит в системе фрагментов «переходную стадию на пути к некой универсальной книге, которая так и не была написана ни Новалисом, ни Ф. Шлегелем» (Махов А. Фрагмент. Из неопубликованной работы).

В литературе XX века принцип фрагментарности обретает новое дыхание: маргинальные жанры — письма, дневники, обрывки сновидений — вводятся в высокую литературу. Как прием он широко используется литературой постмодернизма в виде «иерархически неупорядоченных фрагментов»**.

С осознанной или подсознательной установкой на фрагмент связан в художественном мире Ахматовой и принцип эстетической незавершенности: фрагментарны «Северные элегии», последняя из которых — «Седьмая» — имеет несколько редакций, но остается незавершенной. За пределами последней редакции «Поэмы без героя» осталось несколько великолепных строф, каждая из которых содержит в себе целый мир новеллы или даже трагедии. Не была завершена трагедия «Энума элиш. Пролог, или Сон во сне», вобравшая в себя опыт мировой поэзии от древнеавилонского эпоса до абсурдистской литературы нашего века***.

* Цит. по кн.: Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 55–56.

** Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 205.

*** Коваленко С. Свершившееся и недоовощенное. Поэмы и театр Анны Ахматовой//Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. С. 452–459.

Эстетический прием незавершенности, как один из принципов поэтики ахматовской прозы, связан с творчеством западноевропейских романтиков, с их осознанием ценности фрагмента в искусстве и архитектуре, с вниманием к древним руинам, осколкам ушедших миров. К поэзии 1910-х годов не без оснований так часто применяли частицу нео: неоклассицизм, неоромантизм. Называя Ахматову «русской Сафо», эстетическая критика имела в виду не только прелесть, но и фрагментарность формы ее лирических миниатюр.

Создавая, или восстанавливая, свою биографию, Ахматова при верности детали и целого, как и в поэзии, творила свой «ахматовский миф», в котором немалую роль занимает детство, проведенное на берегу древнего «античного» Херсонеса. В литературную родословную ее лирической героини включены и Дидона, и Кассандра, и Антигона. Художественное сознание Ахматовой плотно насыщено аллюзиями, ассоциациями, совпадениями, пророчествами, как историко-культурными, так и реально-событийными. В одной из биографических заметок она пишет, что нашла в парке брошку в виде лиры и бонна предсказала ей судьбу поэта. По ряду воспоминаний Ахматова рассказывала, что ребенком принесла с морского берега обломок мрамора с греческими письменами. Этот фрагмент утраченного текста был передан в городской музей Херсонеса.

Думается, что ближе других к истине в определении прозы Ахматовой подошел В.Б. Шкловский, когда писал предисловие к незавершенной книге автобиографической прозы Юрия Олеши «Ни дня без строчки», собранной и изданной после смерти автора*.

* О л е ш а Ю. Ни дня без строчки. М., 1965. С. 5.

Шкловский увидел в ней прозу, «соединяющую в одно целое новеллу, статью, философское исследование»*. В одном из писем Олеши матери в 1954 г. читаем: «Я пишу между прочим сейчас книгу воспоминаний, глубже чем воспоминания, но форма этой книги ближе всего именно к воспоминаниям. Там фигурирует Одесса с детскими и гимназическими ее годами. Так что я сейчас нахожусь в сфере детства, в близости с тобой»**.

Очевидно сходство недоволощенных замыслов Анны Ахматовой и Юрия Олеши, обусловленное не только близостью судеб писателей современников — Олеша бедствовал: после знаменитых произведений «Три толстяка» (1924 г.) и «Зависть» (1927 г.) его перестают печатать. Перебиваясь случайными заработками, писатель живет в нищете.

Юрий Олеша умер от инфаркта 10 мая 1960 г. В годы вынужденного молчания и забвения в отечестве был весьма популярен и широко издавался за рубежом, а почитатели его таланта и те, кому довелось оставаться с ним в годы гонений, столь же пристрастны в оценке его значения в литературе XX века, как и близкие Ахматовой.

Сама Ахматова скорее всего читала книгу Олеши, о чем свидетельствует ее запись, видимо, сделанная после 18 сентября 1965 г.: «Ю. Олеша. Ни дня без строчки»***. И, как можно полагать, не могла не заметить некой общности в подходе к осмыслению жизненного материала.

В бумагах Юрия Карловича Олеши остались неоконченные пьесы и груды папок, полные вариантов. Осталось несколько планов книги, письма о ней. Его пос-

* Там же. С. 5.

** Там же. С. 7.

*** Записные книжки Анны Ахматовой. С. 743.

ледняя книга собиралась уже после смерти «по строкам, строки переписывались, досоздавались, но рукопись не была разобрана, на многих кусках ее нет даты, а книга писалась семь лет. Рукописи пришлось долго разбирать...» — писал В.Б. Шкловский*.

Как видим, ситуация, судьба публикации биографической прозы двух современников, каждый из которых писал и не дописал свою книгу, — семь лет трагического времени подведения итогов. В это время поколение Ахматовой, как бы готовясь уйти из жизни, осмысляло прошлое и будущее. В. Луговской уже завершил книгу поэм «Середина века», назвав ее «исповедью сына века». Классик американской литературы Роберт Пенн Уоррен написал трагическую поэму раздумий о судьбах человека в XX веке.

Ахматова была величайшим поэтом, и ее проза прежде всего — проза поэта, при этом существенно, что не в смысле лиризации (те, кому Ахматова читала или давала читать фрагменты написанного, называли ее прозу «суровой»), но в смысле неизбывной связи ее с ахматовской поэзией. На эту особенность в свое время обратил внимание Р.Д. Тименчик, исследователь творчества поэта, уловивший эту взаимосвязанность как отличительную черту художественного мышления Ахматовой. В частности, он писал, что проза Ахматовой была опытом формулирования проблем, вставших перед ней самой. Прежде всего проблем — как писать прозу. «“Таинство прозы” раскрывалось для нее в соположении с великими образами стихотворной речи»**.

* О л е ш а Ю. Ни дня без строчки. С. 8.

** Т и м е н ч и к Р. Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой. С. 66.

Для понимания этой важнейшей проблемы, как импульса в возникновении поэтических строк, строф, глав поэм Ахматовой, неоценимым источником являются рабочие тетради, при «медленном чтении» раскрывающие перед читателем или исследователем процесс взаимодействия поэзии и прозы в сознании писателя, возникновения поэтической строфы как итога размышления, слитого с переживанием во всем многообразии чувства, единения памяти с сиюминутным состоянием души.

«Улисс» Джойса был одним из читаемых и перечитываемых Ахматовой романов. Ее рабочие тетради, собранные в огромный том и изданные как «Записные книжки», с их сложнейшим лабиринтом авторской мысли, «сердца горестными заметами», где за каждым словом, поэтической строкой или строфой, ответом на письмо, адресами и указаниями мест, где когда-то жил поэт, скрывается до конца не разгаданная тайна, это своего рода «Улисс» Ахматовой.

Большая часть ахматовской прозы вкраплена в текст ее рабочих тетрадей, а сами они пока ждут своего вдумчивого и внимательного комментатора, поскольку в них представлен тот «мировой текст», к постижению которого стремились акмеисты. Пушкин, Лермонтов, Блок, Врубель, Гумилев, Мандельштам, Мейерхольд, Данте, Гёте, Джойс — вечные спутники Ахматовой в ее поисках высшей и, как она говорила «горьчайшей», художественной и бытийной истины.

Светлана Коваленко

- 1) Кизичи - предисл. к Вер;
- 2) ~~Кизичи~~ Петки " "
- 3) Мандарины; 2 рецензии
- 4) Пастернак (о ташк. театре)
- 5) Блок (пер. к союзов)
- 6) Гуминев (Сток. портрет)
- и в статьи, ахматовы -
- 7) М. Цветаева (В стихах)
- и прозе)
- 8) Три итальянцы: Логато, Ландольфи, Б. Карнавалли
- 9) Космограф Франциска
- 10) Др. Мейергольц
- и прозе
- Придурков предисл.:
- Белоговского (о нем,
- дурное окружение)
- 2) В. Неведомский (о нем,
- списки соседей (о нем)

КОММЕНТАРИИ

Работа над биографической прозой, «Pro domo sua», как назвала ее Ахматова, занимала значительное место в последние годы жизни поэта. В ее рабочих тетрадях, или «Записных книжках», многие страницы отведены воспоминаниям и размышлениям о природе мемуарного жанра. Задумав книгу «Мои полвека», которая не была завершена, Ахматова ставила перед собой определенную творческую и нравственную задачу — восстановить истину в изложении фактов историко-литературной жизни и репутации, как своей, так и близких ей людей, вычеркнутых из литературы того времени или представленных в заведомо искаженном виде. Отлученные от читателя в своем отечестве, крупнейшие русские поэты XX века — Н. Гумилев, О. Мандельштам, сама Ахматова (которую долгие годы замалчивала и порочила официальная критика) мифологизировались, образы их искажались, с ее точки зрения, в мемуарах русского зарубежья и некоторых работах зарубежных исследователей.

Новеллы Ахматовой, как она называла главы из неосуществленной книги «Листки из дневника» о современниках — Амедео Модильяни, Осипе Мандельштаме, Михаиле Лозинском, — раскрывают возможности лаконичного и глубокого письма Ахматовой-прозаика. Ее литературно-критические очерки о Николае Гумилеве, которого

она называла «самым непрочитанным поэтом XX века», выявляют дарование Ахматовой как исследователя-полемиста.

Среди бумаг Ахматовой сохранилось множество планов ее неосуществленных книг. Однако, судя по развернутому и детально разработанному плану-проспекту, предпочтение отдавалось ею грандиозному замыслу — «Мои полвека», вобравшему в себя другие замыслы.

Готовя материалы к публикации, мы следовали, по возможности, жанрово-хронологическому принципу в расположении материала. Наиболее же значимые планы книг помещены в разделе «Из планов неосуществленных книг прозы Анны Ахматовой», за исключением ее «Пушкинских штудий».

В приложении к тому воспроизводятся мемуары В.С. Срезневской, любезно предоставленные Д.Л. Файнбергом из семейного архива Л.Д. Большинцовой-Стенич, а также отделом рукописей Фонтанного Дома.

В настоящем томе печатается значительная часть из выявленных на сегодняшний день фрагментов биографической прозы Ахматовой. При составлении тома учтены публикации и консультации Л. Мандрыкиной, Е. Лямкиной, Р. Тименчика, А. Лаврова, В. Виленкина, Н. Крайневой, М. Кралина, В. Черных, А. Хейт и др., а также рукописи и авторизованные списки из государственных архивов и частных коллекций: отделов рукописей РГАЛИ (Москва), ГЛМ (Москва), РНБ (Петербург). Выражаем глубокую благодарность А. Богдановскому (собрание В.Я. Виленкина) и Д.Л. Файнбергу (собрание Л.Д. Большинцовой-Стенич), безвозмездно предоставивших в пользование хранящиеся у них материалы.

К сожалению, не все источники текста сверены по автографам, поскольку материалы фонда Ахматовой в Российской национальной библиотеке (Петербург) частично находятся на реставрации.

Примечания к тексту, принадлежащие Ахматовой, сохраняются внизу страницы и обозначаются применяемой ею пометой «⁺».

Сокращения и условные обозначения,
принятые в «Комментариях»

КНИГИ АННЫ АХМАТОВОЙ

БО 1, БО 2	— Сочинения: В 2 т./Сост. и подгот. текста М.М. Кралина. М.: Правда, 1990. (Б-ка «Огонек»).
БП	— Стихотворения и поэмы/Сост., подгот. текста и примеч. В.М. Жирмунского. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1976. (Б-ка поэта. Большая сер.).
РТ (ед. хр.)	— Рабочие тетради А. Ахматовой.
(РГАЛИ, РНБ).	Рукопись.
Соч. (с указанием тома)	— Сочинения: В 3 т. Т. 1/Общая ред., вступ. ст., примеч. и библиография Г.П. Струве и Б.А. Филиппова; 2-е изд. Мюнхен: Международное литературное содружество, 1967; Т. 2/Общая ред., вступ. ст., примеч. и библиография Г.П. Струве и Б.А. Филиппова; Мюнхен: Международное литературное содружество, 1968; Т. 3/Общая ред. Г.П. Струве, Н.А. Струве, Б.А. Филиппова. Париж: YMCA-Press, 1983.

- Соч., 1986 — Сочинения: В 2 т./Сост., подгот. текста и коммент. В.А. Черных. 1-е изд. М.: Худож. литература, 1986. Т. 2.
- Соч., 1990 — Сочинения: В 2 т./Сост., подгот. текста и коммент. В.А. Черных. 2-е изд. М.: Худож. литература, 1990. Т. 2.
- «Стихотворения», 1958 — Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1958.
- «Стихотворения», 1961 — Стихотворения. 1909—1960. М.: Гослитиздат, 1961.

КНИГИ ДРУГИХ АВТОРОВ И СБОРНИКИ,
СОСТАВЛЕННЫЕ ДРУГИМИ АВТОРАМИ
ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ
НАЗВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ

- Б л о к
(с указанием тома) — Б л о к А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960—1963.
- «Воспоминания» — Воспоминания об Анне Ахматовой/
Сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных.
Коммент. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991.
- ВЛ — Вопросы литературы.
- «Встречи с прошлым»
(с указанием выпуска) — Встречи с прошлым. Сборник материалов РГАЛИ. Москва.
- «Десятые годы» — Анна Ахматова. Собр. соч.: [В 5 т.]
Десятые годы/Сост. и примеч. Р.Д. Тименчика и К.М. Поливанова. М.: Изд-во МПИ, 1989.

- Герштейн — Герштейн Э. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.
- ГЛМ — Государственный литературный музей. Москва.
- Гумилев — Гумилев Н. Собр. соч.: В 4 т. М.: Терра—Тетта, 1991. Воспроизведено Собр. соч.: В 4 т./Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Изд-во кн. магазина Victor Kamkin Inc. Вашингтон. 1962—1966.
- «Записные книжки» — Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966)/Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой. Вступ. статья Э.Г. Герштейн, указ. В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi. 1996 (РГАЛИ).
- ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Москва.
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург.
- ЛН — Литературное наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Т. 92. Кн. 2—5. М.: Наука, 1981—1993.
- ЛО — Литературное обозрение. М., 1989. № 5.
- Лукницкий (с указанием тома) — Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924—1925 гг. Paris: YMCA-Press, 1991; Т. II. 1926—1927. Париж; Москва: YMCA-Press, 1997

- Л я м к и н а** — Вдохновение, мастерство, труд. (Записные книжки Анны Ахматовой). Публ. Е.И. Лямкиной//Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1987. С. 363–392.
- М а н д е л ь ш т а м Н.** — М а н д е л ь ш т а м Н.Я. Воспоминания. 4-е изд. Paris: YMCA-Press, 1982–1987. Т. 1–3.
(с указанием тома)
- М а н д е л ь ш т а м** — М а н д е л ь ш т а м О.Э. Собр. соч.: В 4 т./Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. М.: Терра, 1991. Перепечатка собр. соч.: В 3 т. 2-е изд. Международное литературное содружество. 1967–1971.
- М а н д р ы к и н а** — Ненаписанная книга: «Листки из дневника» А.А. Ахматовой/Публ. Л.А. Мандрыкиной. Книги. Архивы. Автографы. Обзоры, сообщения, публикации. М.: Книга, 1973. С. 57–76.
- Николай Гумилев** — Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М.: Вся Москва. (Репринтное издание. 1990. — Ред.-сост., автор предисл. и коммент. В. Крейд. Третья волна. Париж; Нью-Йорк; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1989).
в воспоминаниях
- «Поэма без героя»** — Ахматова А.А. Поэма без героя / Вступ. ст. Р.Д. Тименчика; Сост. и примеч. Р.Д. Тименчика при участ. В.Я. Мордерер. М.: Изд-во МПИ, 1989.
- РГАЛИ** — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.

- РГБ — Российская государственная библиотека (бывш. ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина). Москва.
- РНБ — Российская национальная библиотека (бывш. Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина). Санкт-Петербург.
- Фонтанный Дом — Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Санкт-Петербург.
- Хейт — Хейт А. Анна Ахматова: Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма/Предисл. А. Наймана. Комментар. В. Черных. М.: Радуга, 1991.
- Черных (с указанием части) — Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1. 1889–1917. М., 1996; Ч. 2. 1918–1934. М., 1998.
- Чуковская (с указанием тома) — Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Согласие, 1997.
- «Requiem» — Ахматова А.А. Requiem./ Предисл. Р.Д. Тименчика; Сост. и примеч. Р.Д. Тименчика при участ. К.М. Поливанова. М.: Изд-во МПИ, 1989.

ЛИСТКИ ИЗ ДНЕВНИКА

АМЕДЕО МОДИЛЬЯНИ

Впервые — журн. «Europa Letteraria». Roma. 1964. № 3, marzo. На русском языке — альм. «Воздушные пути». Вып. IV. Нью-Йорк. 1965. С. 15–22; Соч., 2. С. 157–165. В России — в первой публикации в альм. «День поэзии 1967» новелла Ахматовой сопровождается этюдом Н.И. Харджиева «О рисунке А. Модильяни».

Печ. по авторизованному машинописному тексту с поправками и дополнениями Ахматовой; воспроизводится впервые. Представляет собой «книгу» в формате машинописного листа, в обложке из толстой бумаги желтоватого цвета, с цветной орнаментальной графикой, абстрактные орнаментальные знаки не повторяют друг друга. Авторский титульный лист синими чернилами: Анна Ахматова. «Амедео Модильяни. 1964» (РГАЛИ).

Известны и другие авторизованные списки с разночтениями, зафиксированными в рабочих тетрадях Ахматовой (см. «Записные книжки»). И хотя все известные списки датированы 1964 г., Ахматова в течение последующего времени не раз обращалась к этой своей работе. Последняя запись сделана по впечатлениям от Парижа, где она провела три дня, проездом из Лондона в Москву, в июне

1965 г. Новеллу о Модильяни Ахматова называла началом и средоточием работы над автобиографической книгой.

В рубрике «Фрагменты» представлены отрывки из других опубликованных текстов новеллы, по тем или иным причинам не введенных Ахматовой в публикуемый нами текст. По-видимому, это те «пограничные» куски, которые она предполагала включить в книгу автобиографической прозы, оставшейся незавершенной. В этот раздел также вошли маргиналии, сопутствующие работе над текстом, ответы кому-то, иногда вопросы к себе самой и т.п. Первая попытка систематизировать такого рода «осколки», как их называла Ахматова, была предпринята искусствоведом и литератором, другом Ахматовой В.Я. Вилениным в его книге «Амедео Модильяни» (М., 1996. С. 90–95).

7 Модильяни Амедео (1884–1920) — итальянский художник, скульптор, представитель парижской школы. Учился в Академии художеств во Флоренции. С 1906 г. жил в Париже. Творческая манера определилась к 1910 г. В созданных им портретах и однофигурных картинах, часто ню, мир образов исполнен тонкого психологизма, просветленной поэтичности в сочетании с трагическим ощущением незащищенности человека. Писал стихи. В Париже жил в глубокой бедности, умер в больнице для бездомных и бедных «Шарите», на ул. Жакоб. Похоронен в той части старого кладбища Пер-Лашез, где в прежние годы хоронили бедноту Парижа. Всемирное признание и слава пришли посмертно. На надгробии надпись по-итальянски: «Смерть настигла на пороге славы».

М.М. Кралин в комментарии к тексту «Амедео Модильяни» приводит свидетельство З.Б. Томашевской, полагавшей, что одним из «толчков» к созданию этого автобиографического произведения стала присылка в 1956 г.

известным итальянским славистом, профессором Этторе Ло Гатто Б.В. Томашевскому «Словаря искусств» в четырех томах. Его дочь, «Зоя Борисовна, перелистывая это издание, обнаружила в нем вкладыш (картина “Жанна в желтой кофточке”) и статью, посвященную великому итальянскому художнику и скульптору Амедео Модильяни <...>. Она немедленно отправилась, захватив с собой книгу, к Анне Андреевне, которая жила тогда на ул. Красной Конницы. Ахматова очень внимательно прочитала итальянский текст... и на следующий день забрала у З.Б. Томашевской рисунок работы Модильяни, который хранился в семье Томашевских (Зоя Борисовна взяла его с собой при эвакуации семьи из блокадного Ленинграда) и который впоследствии висел у нее в комнате в течение 15 лет. Взамен подлинника Ахматова подарила Зое Борисовне контактную фотографию с рисунка с дарственной надписью на обороте: “Зое, которая спасла этот единственный рисунок во время войны”» (БО 2. С. 353).

7 ...не очень понятная двадцатилетняя женщина, иностранка... — Встречавшаяся с Ахматовой в то лето в Париже Н.Г. Чулкова вспоминает: «Ахматова была тогда очень молода, ей было не больше двадцати лет. Она была очень красива, все на улице заглядывались на нее. Мужчины, как это принято в Париже, вслух выражали свое восхищение, женщины с завистью обмеривали ее глазами. Она была высокая, стройная и гибкая. (Она сама мне показывала, что может, перегнувшись назад, коснуться головой своих ног.) На ней было белое платье и белая широкополая соломенная шляпа с большим белым страусовым пером — это перо ей привез только что вернувшийся тогда из Абиссинии ее муж — поэт Н.С. Гумилев» (Чулкова Н. Об Анне Ахматовой // «Воспоминания». С. 36).

8 *...страшным бодлеровским Парижем...* — Бодлер Шарль (1836—1867) — французский поэт-символист, автор книги «Цветы зла», воплотил в творчестве и личности понятие «проклятый поэт», введенное позже другим французским поэтом-символистом Полем Верленом. В поэзии и «Дневниках» передал атмосферу эстетизированного неблагополучия, размывания понятий добра и зла в облике города и мире творческой личности, борьбы между плотью и духом в их слиянности и размыкании в поисках «соответствий» и символов: «...когда “восторг”, испытанный в “искусственном раю”, оборачивается ужасом, а “ужас” от которого нет спасения нигде, кроме как в пучине “небытия”, с неизбежностью начинает эстетизироваться, превращается в “красоту тоски”, в “красоту страдания”, в “Цветы зла”» (К о с и к о в Г. Шарль Бодлер между «восторгом жизни» и «ужасом жизни» // Б о д л е р Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. М., 1993. С. 40).

Голова Антиноя. — См. т. 3. С. 573—577.

...он был совсем не похож ни на кого на свете, кроме А. Тышлера... — Тышлер Александр Григорьевич (1898—1980) — художник, график, театральный оформитель. Знакомство с Ахматовой относится к 1930 г.: «Примерно в 1930 году Анна Ахматова посетила мою мастерскую вместе с поэтом Осипом Мандельштамом и его женой Надей. Они смотрели вещи по-разному. Анна Андреевна все видимое как бы вбирала в себя с присущей ей тишиной. Мандельштам, наоборот, бегал, подпрыгивал, нарушал тишину... Я подумал: как это они сумели мирно и благополучно дойти до меня?» (Т ы ш л е р А. Я помню Анну Ахматову // Воспоминания. С. 401). Ахматова говорила о Тышлере, что он «так же, как Модильяни, любил

и понимал стихи. Это такая редкость среди художников» (Воспоминания. С. 702).

Упоминание о А.Г. Тышлере не раз встречается в записных книжках Ахматовой; в частности: «В Ташкенте после брюшного тифа меня рисовал Ал. Тышлер. Он отдал мне почти все рисунки. Лучше у Гинзбург, у Берггольц, у Рыбаковой и у [него] самого художника» («Записные книжки». С. 666). Рисунки, по-видимому, нравились Ахматовой, она вклеивала их на место фронтисписа в экземпляры списков «Поэмы без героя», которые оформляла в виде «книги», отдавая их в дар ближайшим из друзей. В настоящее время такие списки находятся в коллекциях В.Я. Виленкина, Н.И. Харджиева, Д.Л. Файнберга (архив Л.Д. Большинцовой-Стенич) и др.

8 Жил он тогда (в 1911 году) в Париже в *Impasse Falguière*. — О жизни Модильяни на Ситэ Фальгьер — в общении художников и скульпторов на Монпарнасе — пишет В. Виленкин со слов друга художника Ортиса де Сарате: «Однажды, придя к нему в Ситэ Фальгьер, верный Ортис нашел его на полу в “голодном обмороке”» (Виленкин В. Амедео Модильяни. С. 120).

Люксембургский сад — парк при Люксембургском дворце, построенном (1615—1621) С. Дебросом по велению Марии Медичи, вдовы короля Генриха IV.

Латинский квартал в описываемое Ахматовой время — один из беднейших в Париже, как и Монпарнас, прибежище художников, артистов и литераторов, тогда еще не был блистательным и приспособленным к успешному привлечению туристов. Однако центром притяжения литературной и художественной богемы уже стали маленькие кафе, распо-

ложенные в районе бульваров Монпарнас и Распай — «Кафе дю Дом», «Куполь», «Ротонда», «Клозери де Лиля».

9 Скульптуру свою он называл *la chose* — она была выставлена, кажется, у «*Indépendants*» в 1911 году. — По поводу этих строк В. Виленкин замечает: «В 1911 году Модильяни выставляет свои “головы” и гуаши в ателье своего друга, художника Амадео де Суза Кардосо, на улице Полковника Комба (вероятно, там, а не в “Салоне независимых”) была выставлена и скульптура, упоминаемая А.А. Ахматовой, та, которую Модильяни называл “*la chose*”» (В и л е н к и н В. С. 119).

Во время моих больших пропаж исчезла и подаренная им мне фотография с этой вещи. — Возможно, речь идет о «головке» работы Модильяни, ныне хранящейся в филладельфийском музее «Barnes Foundation». См. сб.: Филладельфийская находка. Амедео Модильяни, Жак Липшиц, Анна Ахматова. Филладельфия, 1996 (подготовлено Наталией Гельфанд).

Рисовал мою голову в убранстве египетских цариц и танцовщиц... — В балетном либретто «1913» по первой части «Поэмы без героя» Ахматова записывает в картине «Маскарад. Новогодняя чертовня»: «...Ужас в том, что на этом маскараде были “все”. Отказа никто не прислал. <...> Себя я не вижу, но я, наверно, где-то спряталась, если я не эта Нефертити работы Модильяни. Вот такой он множество раз изображал меня в египетск<ом> головном уборе в 1911 г. Листы пожрало пламя, а сон вернул мне сейчас один из них» (т. 3. С. 266–267).

«Драгоценности должны быть дикарскими» (по поводу моих африканских бус), и рисовал меня в них. — Ахматова носила украшения, которые привозил из Афри-

ки Н.С. Гумилев. Первое знакомство Ахматовой с Модильяни произошло, по-видимому, в мае 1910 г. Гумилев вернулся из Абиссинии 2—3 февраля 1910 г., 25 апреля состоялось их венчание с Ахматовой; 2 мая они уехали в свадебное путешествие в Париж и вернулись в начале июня. В начале мая 1911 г. Ахматова уезжает в Париж одна, возвращается в начале июля. В этот ее приезд встречи с Модильяни были частыми.

10 Верлен Поль (1844—1896) — французский поэт, один из основателей символизма.

Беатриса Х., та самая, которая называет его... — В.Я. Виленкин в монографии о Модильяни, которую по праву считают одной из наиболее объективных в изложении и освещении фактов, возражает Ахматовой по поводу ее суждений о друге и возлюбленной Модильяни. Им отмечена «несправедливость и рискованная неполнота в ахматовской характеристике многие годы близкой художнику женщины и дает ее развернутый портрет: «В 1915—1916 годах на улице Монпарнаса можно было часто видеть довольно странную пару. Она — высокая, стройная рыжеватая блондинка в стиле портретов Гейнсборо, элегантно одетая, но всегда с причудой: то в какой-нибудь «немыслимой» вызывающей шляпе, то вдруг почему-то с живой уткой в корзинке, преспокойно болтающейся на руке вместо сумки; он — помоложе и пониже ростом, смуглый брюнет в живописных отрепьях, в которых некоторые знакомые с трудом узнавали “роскошный” серебристый бархатный костюм. Спутницей Амедео была недавно переехавшая в Париж английская поэтесса и журналистка Беатриса Хестингс. <...> Беатриса жила неподалеку от новой мастерской Модильяни, в маленьком домике на улице Норвен, который она превратила в уютно обставленную сту-

дию, где Амедео мог заниматься живописью и скульптурой. Однако жизнь их в этом домике меньше всего походила на идиллию. Обоим природа наградила для этого слишком яркой самобытностью, слишком буйным темпераментом, при всем их несходстве, одинаково неистовой нетерпимостью» (В и л е н к и н В. Амедео Модильяни. С. 148–151).

Настоящее имя Беатрисы Хестингс (р. в 1879 г. в Лондоне) — Эмили-Элис Хей. Семья ее эмигрировала в начале 1890-х гг. в Южную Африку, и она действительно какое-то время была в Трансваале цирковой наездницей, затем начала писать стихи, обнаружила талант певицы, владеющей всеми регистрами — от высокого сопрано до баса, выучилась игре на фортепиано, и о ней говорили как о талантливой пианистке. Вернувшись в Лондон, посвятила себя литературной деятельности: была ведущей сотрудницей известного журнала «Нью эйдж», сотрудничала с Шоу, Честертоном, Уэллсом.

И. Эренбург, встречавшийся с Беатрисой Хестингс и Модильяни в Париже, вспоминал, как не раз в дешевой столовой, которую устроила в Париже художница Мария Васильева для своих товарищей, Беатриса увещевала разбушевавшегося друга: «...Модильяни, ведь Вы аристократ, Ваша мать — светская женщина...» (В и л е н к и н В. С. 154).

10 Первый иностранец... — Имеется в виду И. Берлин, посетивший Ахматову в конце ноября 1945 г.

11 ...«ни вспомнить, ни забыть», как сказал один неизвестный поэт о чем-то совсем другом. — Строка из стихотворения Наталии Васильевны Крандиевской (1888–1963):

Не могу я вспомнить, что мне снилось,
Не могу ни вспомнить, ни забыть.

(Стихотворения. М., 1913. С. 18).

11 Ренье Анри Франсуа Жозеф (1864–1936) — французский писатель, как поэт сложился под влиянием символизма. С 1911 г. — член Французской академии.

Франс Анатоль (наст. имя Анатоль Франсуа Тибо; 1844–1924) — французский писатель, член Французской академии (с 1896 г.).

А Верлен в Люксембургском саду существовал только в виде памятника... — Верлен скончался 8 января 1896 г. В том же году утвержден комитет по сооружению памятника, который был открыт 28 мая 1911 г. (скульптор Родо де Нидерхаузен).

Гюго Виктор Мари (1802–1885) — французский писатель, поэт, романист, драматург. Ахматова перевела несколько стихотворений и драму Гюго «Марион Делорм» после 1946 г., когда ее вновь перестали печатать и она занялась переводами.

12 ...погибшие на Марне и под Верденом. — Имеются в виду кровопролитные сражения Первой мировой войны на реке Марна (5–8 сентября 1911 г.) и под Верденом (февраль 1916 г.), где объединенными силами Англии, Франции и России были разбиты немецкие войска.

«Пикассо и Брак» — Пикассо Пабло (наст. имя Руис Пикассо, 1881–1973), Брак Жорж (1882–1963) — художники, основатели кубизма во французской живописи.

Рубинштейн Ида Львовна (1885–1960) — танцовщица и актриса, из любительниц. Брала уроки у знамени-

того танцовщика М. Фокина, обладала удивительной пластикой. В 1909–1910 гг. выступала с большим успехом в Парижских сезонах — 4 июня 1910, Grand-Opéra, Париж — «Клеопатра» (по «Египетским ночам» А. Аренского), 21 июня 1910, Grand-Opéra, Париж, театр Шатле — «Шахерезада».

12 ...дягилевские Ballets Russes... — Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) — русский импресарио, издатель, театральный деятель, организатор «Русских сезонов» в Париже.

Стравинский Игорь Федорович (1882–1971) — композитор и дирижер. После 1914 г. жил за рубежом.

Нижинский Вацлав Фомич (1889/90–1950) — артист балета, балетмейстер. С 1911 г. жил за границей. Участник «Русских сезонов», в 1916–1917 гг. — в труппе С.П. Дягилева.

Павлова Анна Павловна (Матвеевна; 1881–1931) — артистка балета. Участница «Русских сезонов». С 1910 г. гастролировала с собственной труппой во многих странах мира.

Карсавина Тамара Платоновна (1885–1978) — артистка балета Мариинского театра. Участница «Русских сезонов», работала в труппе С.П. Дягилева. См. о ней также т. 1. С. 779.

Бакст Лев Самойлович (наст. фам. Розенберг; 1866–1924) — живописец, график, театральный художник. С 1909 г. жил в Париже. Декоратор «Русских сезонов».

Фокин Михаил Михайлович (1880–1942) — танцовщик, балетмейстер, педагог, хореограф «Русских сезонов».

Огромный интерес вызвала его постановка «Жар-птица» (музыка И. Стравинского, оформление А. Головина). Премьера состоялась в Grand-Opéra. Вершиной творчества Фокина в «Русских сезонах» стал балет И. Стравинского «Петрушка» (премьера — 13 июня 1911 г. в Париже, в театре Шатле).

12 Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа, которую описал Золя... — Эмиль Золя — французский писатель, романист (1840—1902). Выступил бытописателем Парижа, запечатлев перемены в облике города за многие десятилетия.

13 Рене Гиль проповедовал научную поэзию... — Гиль Рене (наст. фам. Гильбер; 1862—1925) — французский поэт, выступил с манифестом так называемой научной поэзии в предисловии к своей книге «Легенда души и крови» (1885). Критические статьи Рене Гиля печатались в русских журналах «Весы» (1904—1909) и «Русская мысль» (1910—1913). Его стихи переводили В. Брюсов, Ф. Сологуб.

Уцелел один, в нем, к сожалению, меньше, чем в остальных, предчувствуются его будущие «ню»... — Однако в 1993 г. в Венеции в Палаццо Грасси было выставлено 23 ранее неизвестных рисунка «ню» — с изображением прекрасной юной женщины, напоминающей лицом и пластикой форм Ахматову (коллекция врача Поля Александра, близкого к Модильяни в пору его безвестности и ставшего владельцем значительной части живописи и графики художника).

...Лафорг, Малларме... — Лафорг Жюль (1860—1887), Малларме Стефан (1842—1898) — французские поэты-символисты. Эклога Малларме «Послеполуденный

отдых фавна», послужившая темой симфонической прелюдии Клода Дебюсси (1892), была интерпретирована в одноименном балете, демонстрировавшемся в «Русских сезонах» Дягилева.

13 «Я забыл Вам сказать, что я еврей». Что мать его из рода Спинозы, я не знала, но о брате социалисте почему-то помню. — Мать художника Евгения Гарсен-Модильяни происходила из старинного испано-еврейского рода, ее прабабка, по преданию, носила фамилию Спиноза и, возможно, состояла в родстве с нидерландским философом (Спиноза Бенедикт (Борух); 1632–1677). О брате И. Эренбург пишет: «В конце 1914 года из Италии приезжал в Париж брат Модильяни — социалист, депутат парламента. Джузеппе Модильяни был против вступления Италии в войну; в “Ротонде” он назначил свидание Ю.О. Мартову и П.Л. Лапинскому. Говорили, что он очень огорчился, увидав своего брата в безумном состоянии, и приписал это дурным знакомствам “Ротонды”» (Э р е н - б у р г Э. Люди, годы, жизнь. Кн. 1. Собр. соч.: В 8 т. М., 1996. Т. 6. С. 484).

14 ...аэропланы кружились над моей ржавой и кривоватой современницей — Эйфелевой башней (1889). — В автобиографических заметках Ахматовой несколько раз упоминается, что открытие Эйфелевой башни, выстроенной по проекту французского инженера А.Г. Эйфеля для Всемирной выставки в Париже, приходится на год ее рождения.

Марк Шагал уже привез в Париж свой волшебный Витебск... — Шагал Марк (1887–1985) — художник, учился у М. Добужинского и Л. Бакста. Для продол-

жения образования в августе 1910 г. уехал в Париж. «Волшебный Витебск» — родина М. Шагала становится поэтической идеей его творчества позже. Первая персональная выставка состоялась в берлинской галерее «Der Sturm» в июне 1914 г.

14 Чаплин Чарлз Спенсер (1889–1977) — американский актер, кинорежиссер, сценарист, композитор.

«А далеко на севере»... — строка, произнесенная Лаурой за ужином (А.С. Пушкин. Каменный гость. Сц. 2).

Александр Блок пророчествовал... — Ниже приведена кантоминация строк из двух стихотворений: «О, если б знали, дети, вы//Холод и мрак грядущих дней («Голос из хора»; 1910, 1914) и «Авиатор» (1912):

Иль отразил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

И в прозе «Когда великий Китай двинется на нас (1911 г.). — Запись Блока в дневнике от 10 ноября 1911 г. Ахматова цитирует по памяти. У Блока: «...когда на нас пойдут великий Китай» (Б л о к, 7. С. 85). Имеются в виду размышления Блока о судьбах России и цивилизации.

См. у Гумилева; На т я ж е л ы х и гулких машинах... — Ахматова цитирует строки стихотворения Н. Гумилева «Родос» из книги «Чужое небо».

15 Пруст Марсель (1871–1922) — французский писатель. Опыт изображения им внутренней жизни человека как «потока сознания» имел большое значение для мировой литературы.

15 Джойс Джеймс (1882–1941) — ирландский писатель, представитель модернистской и постмодернистской прозы.

Кафка Франц (1883–1924) — австрийский писатель, в гротескной форме показал трагическое бессилие человека в его столкновении с абсурдностью современного мира.

Н.С. Гумилев... назвал его «пьяным чудовищем»... — В записках П.Н. Лукницкого сохранились обрывки рассказа Ахматовой о причинах заведомой неприязни Гумилева к Модильяни. См. в записи от 4 марта 1925 г.: «По возвращении из Парижа АА подарила Н.С. книжку Готье. Входит в комнату — он белый сидит, склонив голову. Дает ей письмо... Письмо это прислал АА один итальянский художник, с которым у АА ничего решительно не было. Но письмо было сплошным символом... Последняя фраза была такая... <обрыв>. АА, получив это письмо, положила его в... <обрыв> ...ссора между ними — по какому-то пустяшному поводу — ссора, вызванная этим художником. (Это — о Модильяни!) Повод был такой: Николай Степанович заговорил с кем-то по-русски. Художник сказал ему, что нельзя говорить по-русским там, где русского языка не понимают» (Л у к н и ц к и й, 1. С. 75–76).

...тогда эта книга была библиографической редкостью. — «Песни Мальдорора» графа Лотреамона (наст. имя Изидор Дюкас; 1846–1870) — мистифицированный сборник стихов, песен, ритмической прозы с ориентацией на «чужой текст», на что не могла не обратить внимание Ахматова. Граф Лотреамон (Дюкас) явился предвестником сюрреализма и постмодернизма. Изданный Дюкасом сборник не имел успеха, тираж не был распродан, и книж-

ку можно было купить на развале или в букинистическом магазине еще в 1910-е гг. (см.: К о с и к о в Г. Адская машина Лотреамона // Лотреамон. Песни Мальдорора. М., 1998). По-видимому, Модильяни ощущал свою близость к отвергнутому обществом Дюкасу, разрушавшему в своих «песнях» границы между реальным миром и вымышленным, уходящим в область «ужасного» и иррационального. Изидор Дюкас умер двадцати четырех лет. Возможно, имея в виду эту роковую цифру смерти, Модильяни сказал Ахматовой, что ему двадцать четыре года, хотя на самом деле было 26 (см. с. 14).

15 Экстер Александра Александровна — См. о ней т. 1. 708–710, 823, 827, 828, 843 и др.

Анреп Борис Васильевич. — См. о нем т. 1. С. 802–804.

Альтман Натан Исаевич (1889–1970) — художник.

16 Тихонов Александр Николаевич (псевд. А. Серебров; 1880–1956) — писатель, литературный деятель, автор мемуаров; в те годы заведовал издательством «Всемирная литература».

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) — поэт, романист, публицист. В 1910-х гг., несколько лет до событий октября 1917 г. и после установления Советской власти, жил в Париже, где враждовал в литературно-художественной среде. Дружил с А. Модильяни, П. Пикассо, Д. Риверой, М. Шагалом и др. В 1960-х гг. началась публикация его мемуаров «Люди, годы, жизнь», страницы которой были посвящены и встречам с Модильяни. Во все еще закрытом архиве Эренбурга (РГАЛИ) имеется спи-

сок новеллы Ахматовой «Амедео Модильяни». Пользовался расположением властей и пытался содействовать реабилитации ряда писательских имен, «неупоминаемых» в России. Поддерживал отношения с Ахматовой, имя его часто встречается в ее записных книжках.

16 «Стихи о канунах», адресованные Модильяни, написаны Эренбургом в апреле 1915 г.:

Ты сидел на низенькой лестнице,
Модильяни.
Крики твои — буревестника,
Улыбки обезьяньи.
А масляный свет приспущенной лампы,
А жарких волос синева!..
И вдруг я услышал страшного Данта —
Загудели, расплескались темные слова.
Ты бросил книгу,
Ты падал и прыгал,
Ты прыгал по зале,
И летящие свечи тебя пеленали.
О, безумец без имени!
Ты кричал: «Я могу! Я могу!»
И четкие черные пинии
Вырастали в горящем мозгу.
Великая тварь —
Ты вышел, заплакал и лег под фонарь.

(Из цикла «Ручные тени» в кн.: Стихи о канунах (1914–1915). Цит. по: Собр. соч. М., 1990. Т. 1. С. 41).

...и у Карко, в книге «От Монмартра до Латинского квартала»... — Карко Франсис (псевд. Франсуа Карко Пино-Тюзольи; 1886–1956) — французский писатель, ав-

тор романов, стихотворений, мемуаров о писателях и художниках, чья жизнь была связана с Парижем, — «Морис Утрилло» (1921), «Легенда и жизнь Утрилло» (1927), многие страницы его произведений посвящены Модильяни.

16 Утрилло Морис (1883–1955) — французский живописец, в 1910-х гг. был близок к Модильяни.

Модильяни стал героем достаточно пошлого французского фильма «Монпарнас, 19». — Фильм вышел на экраны в 1958 г. (режиссер Жан Беккер). В роли Модильяни снимался знаменитый французский киноактер Жерар Филип. Илья Эренбург, как и Ахматова, увидел в фильме погоню за сенсацией и «мелкое» прочтение трагической жизни великого художника. Эренбург пишет: «Из него сделали героя ходкого фильма, написали о нем несколько пошлых романов... Так создалась легенда о голодном, беспутном, вечно пьяном художнике, о последнем представителе богемы, который в редкие часы между двумя попойками писал своеобразные портреты, умер в нищете, а после смерти стал знаменитым. Все здесь правда и все ложь. Правда, что Модильяни голодал, пил, глотал зернышки гашиша; но объяснялось это не любовью к распутству или к «искусственному раю». Ему вовсе не хотелось голодать, он ел всегда с аппетитом, он не искал мученичества. Может быть, больше других он был создан для счастья. Он был привязан к сладкой итальянской речи, к мягкому пейзажу Тосканы, к искусству ее старых мастеров. Он не начал с гашиша...» Герой фильма и романов — это Модильяни в минуты отчаяния, безумия. Но ведь Модильяни не только пил в «Ротонде», не только рисовал на бумаге, залитой кофе, он проводил дни, месяцы, годы перед мольбертом, писал маслом ню и портреты» (Э р е н б у р г И. Т. 6. С. 490, 492).

Как в опубликованных текстах новеллы о Модильяни, так и в рабочих тетрадях Ахматовой содержатся отрывки, авторские пометы, размышления «по поводу», не вошедшие в текст настоящего тома, но раскрывающие историю создания произведения как главы из незавершенной автобиографической книги.

<1>

Впервые — «Записные книжки». С. 19. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97).

16 *Екатерининский парк* — один из парков в Царском Селе.

<2>

Впервые — «Записные книжки». С. 33. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 98).

<3>

Отрывки вошли в публикацию: «День поэзии 1967». М., 1967, после строки «Рене Гиль». Печ. по указанному изданию.

17 *Я вспомнила эти строки бессмертной баллады...* — Имеется в виду «Баллада о дамах минувших дней» Франсуа Вийона (р. не позже апреля 1431, след затерян после января 1463); переводили В. Брюсов, Н. Гумилев, В. Жаботинский и др.

18 *Итальянский рабочий украл Джоконду..* — Картина Леонардо да Винчи была украдена из Лувра в 1913 г. и в том же году возвращена в музей.

<4>

Отрывок вошел в публикацию: «День поэзии 1967». М., 1967. С. 248–252. Печ. по указанному изданию.

<5>

Впервые — «Записные книжки». С. 436, 446. Печ. по автографам РГАЛИ (РТ 110).

<6>

Впервые — «Записные книжки». С. 439. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

<7>

Впервые — «Записные книжки». С. 479. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

19 «Мемуары повара», — сказал Миша Ардов>. — По-видимому, имеется в виду мемуарная проза Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой. Страницы автобиографии», беллетризованные воспоминания о Париже 20-х гг. Были опубликованы в 1964 г. и тогда же переведены на русский язык (Иностранная литература. 1964. № 7). Ардов Михаил Викторович (р. 1935) — сын ближайшей подруги Ахматовой Н.А. Ольшевской и писателя-сатирика В.Е. Ардова.

<8>

Впервые — «Записные книжки». С. 487. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

<9>

Впервые — «Записные книжки» С. 445. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

19 Письмо от Вигорелли... — Вигорелли Джанкарло (р. 1913) — итальянский литературовед, критик и публицист, генеральный секретарь Европейского сообщества писателей. Был представлен Ахматовой А.А. Сурковым, который привез Вигорелли в Комарово после международного симпозиума, проходившего в Ленинграде летом 1963 г. От 22 до 27 февраля 1964 г. запись Ахматовой: «Статья о Модильяни. Сегодня посылаю Вигорелли» («Записные книжки». С. 438). Имя Вигорелли упомянуто в списках «Кому дать книгу», т.е. «Бег времени». На с. 591 две надписи, по-видимому, сделанные в феврале 1965 г., после поездки в Таормино. Варианты дарственной надписи: «А. Giancarlo Vigorelli на память о нашем путешествии и о наших собраниях зимой 1964. Анна Ахматова»; «А. Giancarlo Vigorelli. С лучшими чувствами. Анна Ахматова».

<10>

Впервые — «Записные книжки». С. 546—547. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 112).

Ахматова помечает, что часть французских фраз Модильяни, к ней обращенных, запомнилась ей из его писем («Записные книжки». С. 127). Письма, по-видимому утрачены.

<11>

«Записные книжки». С. 724. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

20 ...а когда через 54 года в ослепительный июньский день... — Возвращаясь из Оксфорда после присуждения ей почетного звания доктора, Ахматова провела три дня в Париже.

Н. Харджиев о рисунке А. Модильяни. Впервые — в альм. «День поэзии 1967». Очерк об единственном из сохранившихся шестнадцати рисунков, подаренных Модильяни Ахматовой во время их встреч в Париже летом 1911 г., сопровождал публикацию ее новеллы о Модильяни. В тексте после слов «будущие ню» Ахматова сделала подстрочное примечание: «Известный искусствовед, мой друг Н.И. Харджиев, посвятил этому рисунку очень интересный очерк, который приложен к этой статье» («День поэзии 1967». С. 253—254).

Н. ХАРДЖИЕВ

О РИСУНКЕ А. МОДИЛЬЯНИ

В длинном ряду изображений Анны Ахматовой, живописных, графических и скульптурных, рисунку Модильяни, несомненно, принадлежит первое место. По силе выразительности с ним может быть сопоставлен только «скульптурный» стиховой образ Ахматовой, созданный Мандельштамом (1914):

Вполоборота, о печаль,
На равнодушных поглядела.
Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль...

Небезынтересно отметить, что «Ахматова» Модильяни имеет случайное, но почти портретное сходство с его первым рисунком, находившимся в собрании д-ра Поля Александра — «Maud Abrantès écrivant au lit»*. В стилистическом

* «Мод Абрантес, пишущая в кровати» (фр.).

отношении эти произведения чужды друг другу и характеризуют различные этапы эволюции художника. Беглый набросок с натуры, заставляющий вспомнить гениальные кроки Тулуз-Лотрека, портрет Мод Абрантес (1908) нарисован за год до встречи Модильяни со скульптором Константом Бранкюзи. Как известно, под воздействием Бранкюзи Модильяни увлекся негритянским искусством и в течение нескольких лет занимался скульптурой. Портрет Ахматовой, относящийся к этому периоду, трактован художником как фигурная композиция и чрезвычайно похож на подготовительный рисунок для скульптуры. Здесь Модильяни достигает необычайной выразительности линейного ритма, медлительного и уравновешенного. Наличие художественной формы монументального стиля позволяет этому небольшому рисунку выдерживать любые масштабные вариации.

Дружба с Бранкюзи, одним из основоположников абстрактного искусства, не увела Модильяни в область отвлеченного формального экспериментаторства. В эпоху гегемонии кубизма Модильяни, не боясь упреков в традиционализме, остался верен образу человека и создал замечательную портретную галерею современников. На всем протяжении своего пути он не утратил живой связи с художественной культурой итальянского Ренессанса. Об этом можно прочесть и в воспоминаниях друзей художника, и в работах исследователей его творчества.

Поэтому нет ничего неожиданного в том, что образ Ахматовой перекликается с фигурой одного из известнейших архитектурно-скульптурных сооружений XVI столетия. Я имею в виду аллегорическую фигуру «Ночи» на крышке саркофага Джулиано Медичи, этот едва ли не самый значительный и таинственный из женских образов Микеланджело*. К «Ночи» восходит и композиционное построение рисунка Модильяни.

* Микеланджело посвятил своей «Ночи» четверостишие, переведенное на русский язык Тютчевым.

Подобно «Ночи», фигура Ахматовой покоится наклонно. Постамент, с которым она составляет единое конструктивное целое, повторяет дугообразную (расчлененную надвое) линию крышки двухфигурного саркофага Медичи. Но в отличие от напряженной позы «Ночи», как бы соскальзывающей со своего наклонного ложа, фигура на рисунке Модильяни статична и устойчива, как египетский сфинкс*.

По свидетельству Ахматовой, у Модильяни было весьма смутное представление о ней как о поэте, тем более что тогда она только начинала свою литературную деятельность. И все-таки художнику, с присущей ему визионерской прозорливостью, удалось запечатлеть внутренний облик творческой личности.

Перед нами не изображение Анны Андреевны Гумилевой 1911 года, но «ахроничный» образ поэта, прислушивающегося к своему внутреннему голосу.

Так дремлет мраморная «Ночь» на флорентийском саркофаге. Она дремлет, но это полусон ясновидящей.

4 мая 1964

МАНДЕЛЬШТАМ

Впервые — альм. «Воздушные пути». Вып. IV. 1965. Нью-Йорк. С. 23—43. Печ. по более позднему и значительно доработанному автором тексту, имеющему две даты — 1963 и 1964, отражающие разновременное обращение Ахматовой к авторизованной ею машинописи, с поправками и дополнениями ее рукой и рукой, печатавшей текст под ее диктовку Л.Д. Большинцовой-Стенич.

* По прочтении этих строк А.А. Ахматова вспомнила, что в одной из бесед с ней Модильяни упомянул Микеланджело. «Великие люди не должны иметь детей, — сказал Модильяни. — *C'est ridicule d'être le fils le Michel-Ange*» <«Смешно быть сыном Микеланджело»> (фр.).

Существует ряд авторизованных текстов, отличающихся один от другого. Текста, который Ахматова считала бы окончательным, не существует. До последнего года жизни Ахматова дополняла и редактировала имевшиеся у нее списки. В ее черновых рукописях (РНБ) и в рабочих тетрадях (РГАЛИ) сохранились фрагменты и маргиналии, которые она называла «осколками», возникавшими в ходе работы над автобиографической прозой.

Одним из наиболее авторитетных является текст, подготовленный к публикации Л.А. Мандрыкиной, хранительницей Фонда Анны Ахматовой в РНБ, многие годы посвятившей изучению прозы Ахматовой (Звезда. 1989. № 6. С. 20—39. Комментар. Л.А. Ильюниной и Т.Ц. Снеговской). Всего в РНБ зафиксировано шесть авторизованных списков и ряд рукописных фрагментов.

Значительная текстологическая работа по сличению черновых рукописей и авторизованных машинописных списков проведена В.Я. Виленкиным. Изучив все доступные ему источники текстов в государственных и частных хранилищах, В.Я. Виленкин выбрал в качестве основного текст из коллекции Л.Д. Большинцовой-Стенич, в который внес дополнения из других источников (эти дополнения заключены им в угловые скобки, каждый факт кантоминации специально оговорен в комментариях). (ВЛ. 1989. № 2. С. 178—217.) По пути кантоминации пошел и М.М. Кралин (БО 1).

Наиболее корректной представляется публикация Р.Д. Тименчика, однако подготовленный им текст, по-видимому, представляет собой один из ранних вариантов и не отличается полнотой («Requiem». С. 121—148).

В.Я. Виленкин в беседах не раз отстаивал право опубликованного им текста, как наиболее приближенного к ав-

торской воле, и выражал желание, чтобы будущие издатели «новеллы» о Мандельштаме, так по его словам Ахматова определяла жанр этой «главы» из несостоявшейся книги, публиковали подготовленный им текст и обращались к его комментариям.

Текст публикации В.Я. Виленкина сверен при подготовке настоящего издания со списком из семейного архива Л.Д. Большинцовой-Стенич (любезно предоставленный нынешним владельцем коллекции Д.Л. Файнбергом). Добавленные Виленкиным из других списков фрагменты перенесены в комментарии. Фрагменты, взятые из рабочих тетрадей Ахматовой (РГАЛИ) и из других автографов (РНБ), даются после текста новеллы с соответствующими комментариями.

21 Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938) — поэт, прозаик, эссеист, окончил Тенишевское коммерческое училище, 1907–1910 гг. провел в Европе — слушал лекции в Сорбонне, два семестра учился в Гейдельбергском университете, жил в Швейцарии. Некоторое время учился на отделении романских языков историко-филологического отделения Петербургского университета. В Петербурге посещал «башню» Вяч. Иванова, где 14 марта 1911 г. познакомился с Ахматовой. Первая книга «Камень» (1913) вышла под маркой издательства «Акмэ». Близкий друг Гумилева и Ахматовой, автор статьи-манифеста «Утро акмеизма». Вторая книга стихов «Tristia» (Пг.; Берлин, 1922); последний сборник поэта «Стихотворения» (1928), книга «О поэзии» (М.; Л.: Academia, 1928). В 1920-е гг. пишет мемуарно-автобиографическую прозу, которую высоко ценила Ахматова, — «Шум времени», «Египетская марка» (1925 и 1928), путевые очерки и литературные эссе.

В мае 1934 г. арестован и выслан — сначала в Чердынь-на-Каме, за эпиграмму на Сталина «Мы живем, под собою не чуя страны...», а затем в Воронеж. По возвращении из ссылки был вновь арестован (1938), отправлен на Дальний Восток, где погиб в пересыльном лагере «Вторая речка», под Владивостоком.

21 Лозинский Михаил Леонидович (1886—1955) — поэт, переводчик, теоретик перевода, друг Гумилева и Ахматовой, входил в «Цех поэтов». В 1912—1913 гг. — редактор-издатель акмеистического журнала «Гиперборей» (ежемесячник стихов и критики). С 1913 по 1917 г. — секретарь журнала «Аполлон». Автор сборника стихов «Горный ключ» (М.; Пг., 1916). В его квартире на Васильевском острове в 1910—1912 гг. проходили заседания «Цеха поэтов», собрания редакции «Гиперборея», а также собрания так называемого «Трансгоса», в частности посвященные писаниям «благоглупостей».

Вспоминая вечера у Лозинского, В. Пяст писал: «Что касается Лозинского, он и в ту пору был и оставался впоследствии все-таки непревзойденным мастером всех родов *Gelegenheits Gedichte**. Его сонетам-акростихам, сонетам-рондо на невероятные рифмы неизменно присуждались первые призы. Кто мог бы так очаровательно описать, ...заседания “Трансгоса” — посвященные благоглупостям в стиле дружининского “Чернокнижия”, то есть главным образом писанию шуточных стихов да зачитыванию некоторых рефератов на театральные темы» (П я с т В. Стихотворения. Воспоминания. Томск, 1997. С. 302). Под «дружининским “Чернокнижием”» имеется в виду праздное времяпрепровождение с обильной дозой фривольнос-

* Стихотворение на случай (нем.).

ти; происходит от юмористических фельетонов Александра Васильевича Дружинина (1824—1964) о похождениях Чернокнижникова. См. «Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам» (журн. «Современник». 1850. № 7,8,12).

В августе 1965 г. Ахматова записывает: «Был Жирмунский. <...> Вик<тор> Макс<имович> вспоминал, что Лозинский и Мочульский при участии Мандельш<та>ма> переводили: «Что ты спишь, мужичок?..» — «Quid vernis zepheris dormis rustice vir?» и обратно: «При зефирах весны, что ты спишь, сельский муж?» («Записные книжки». С. 655).

И. Платонова-Лозинская вспоминает о дружбе Ахматовой с М. Лозинским не только как феномене личной приязни, но как о явлении культурологическом: «В бесценном архиве Лозинского сохранились сбереженные им в самые трудные годы некоторые материалы по истории русской культуры XX века. Руководимый велением долга и требованиями совести, Лозинский в наших глазах и в глазах благодарных потомков останется еще и хранителем Памяти. И эту грань его жизни, вероятно, имела в виду Ахматова, когда говорила: «Друзьям своим Михаил Леонидович был всю жизнь бесконечно предан. Он всегда и во всем был готов помогать людям, верность была самой характерной для Лозинского чертою».

1940 год. В издательстве «Советский писатель» выходит сборник Ахматовой «Из шести книг». Корректуру его Ахматова держала вместе с Лозинским. На экземпляре книги, подаренной ею Лозинскому, Ахматова написала стихи:

М. Л. Лозинскому

Почти от залетейской тени
В тот час, как рушатся миры,

Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары, —
Чтоб та, над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена,
Мне улыбнулась также кротко,
Как тридцать лет тому назад...
И Сада Летнего решетка,
И оснеженный Петроград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал,
И над задумчивою Летою
Тростник оживший зазвучал.

Анна Ахматова
28–29 мая 1940

(П л а т о н о в а - Л о з и н с к а я И. Летом семнадцатого года...//ЛО. 1989. № 5. С. 64).

21 «Цех поэтов» — творческая группа, объединившая молодых литераторов. Ахматова имеет в виду первый «Цех поэтов», созданный Н.С. Гумилевым и С.М. Городецким осенью 1911 г. Заседания Цеха проводились на квартире у Гумилева, членов группы, в редакции журнала «Аполлон», Академии художеств у Н. Бруни. После вступления Гумилева в действующую армию (1914) Цех распался. Второй «Цех поэтов» существовал в 1916–1917 гг., третий был основан в конце 1920 г. в Петрограде и распался во второй половине 1922 г., после отъезда его основных участников в эмиграцию; в 1922–1923 гг. «Цех поэтов» пытался возобновить свою деятельность в Берлине и Париже.

21 Гиперборей — журнал «Цеха поэтов», малоформатный «ежемесячник стихов и критики», редактируемый М.Л. Лозинским (всего десять номеров). В журнале печатались Блок, Клюев, Эренбург и др. Позже под маркой «Гиперборей» выходили изящно изданные книги. В 1921 г. в Петрограде увидел свет гектографированный номер журнала «Новый Гиперборей», изданный обновленной группой акмеистов (Н.С. Гумилев, О.Э. Мандельштам, В.А. Рождественский, И.В. Одоевцева, Н.А. Оцуп и др.). Эта группа издавала альманах «Дракон» и «Цех поэтов», куда, как говорила Ахматова, ее «не приглашали».

Петербург в «Шуме Времени» — книга историко-биографической прозы Мандельштама (Л., Время, 1925). Ахматова высоко ценила прозу Мандельштама, особо выделяла его «Четвертую прозу», а «Шум времени» называла «двоюродной сестрой» своей ненаписанной прозы.

22 Надя — Надежда Яковлевна Мандельштам (урожд. Хазица; 1899—1980). С Мандельштамом познакомилась 1 мая 1919 г. В юности училась живописи в студии Александры Экстер, позже преподавала английский язык, автор воспоминаний о Мандельштаме (в трех книгах), изданных за рубежом в 1960—1980-е гг.

...иногда бывал чудовищно несправедлив, например к Блоку. — В.Я. Виленкин приводит пояснение Ахматовой из черновой записи (РНБ): «К Блоку О.Э. Был несправедлив. Он всегда попрекал его красотой» (ВЛ. С. 183).

О Пастернаке говорил ... «Я уверен, что он не прочел ни одной моей строчки». — Фраза снабжена подстрочным примечанием Ахматовой: «Будущее показало,

что он был прав. (Смотри «Автобиографию»)» — имеется в виду автобиографический очерк «Три тени», где сказано: «Я долго недооценивал Цветаеву, как по-разному недооценивал многих — Багрицкого, Хлебникова, Мандельштама, Гумилева» (П а с т е р н а к Б. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. литература, 1989–1992. Т. 4. С. 339). Опубликованная позже переписка Б. Пастернака с О.Э. и Н.Я. Мандельштамами позволяет пересмотреть это polemическое положение, учитывая, что биографический очерк датирован 1923 г. Как свидетельствуют письма, Пастернак с интересом и уважением относился к творчеству Мандельштама, особо выделяя его прозу (см.: П а с т е р н а к Е.В., П а с т е р н а к Е.Б. Координаты лирического пространства // ЛО. 1990. № 3. С. 91–100).

22 «О Марине: я — антицветаевец». — Эти строки, странные в контексте отношений Цветаевой и Мандельштама, Ахматова поясняет следующим образом: «Я — антицветаевец», — может быть, оттого, что зарубежная Цветаева осталась ему неизвестной» (В и л е н к и н В. А. Ахматова. Листки из дневника [О. Мандельштам] // ВЛ. С. 183).

...боялся собственной немоты. Называл ее удушьем. — Ср. в последней строфе «Стансов» (1935):

Как Слово о полку, струна моя туга,
И в голосе моем — после удушья
Звучит земля — последнее оружие —
Сухая влажность черноземных га!

И молодая мать, кормящая со сна... — По поводу казуса с переводом строки из стихотворения Малларме. В.Я. Виленкин приводит дополнение Ахматовой из руко-

писи, хранящейся в РНБ: «Мандельштам рассказал мне, что был у Анненского и тот (как ни странно) дал ему совет переводить. И тут же О. не удержался и рассказал, что перевел стих...» — после чего приведен тот же стих Малларме и перевод» (ВЛ. С. 184).

22 *На грязь горячую от топота коней//Ложится белая одежда брата-снега...* — Неточная цитата из стихотворения Тихона Чурилина «Ноябрь», входившего в цикл «Месяцеслов»:

На грязь, горячую от топота коней,
Упала легкая одежда брата-снега.
И лепет горестный иззябших голубей
Ласкает сладостно, и тень все голубей.

23 *«Тучка»* — комната, которую Гумилев снимал в Тучковом переулке (дом 17, квартира 29) в студенческие годы. После женитьбы (1910) Гумилев и Ахматова жили в Царском Селе (в доме А.И. Гумилевой. Малая улица, дом 63), иногда оставаясь на «Тучке».

Это был мой первый «Мандельштам», автор зеленого «Камня»... — Имеется в виду первое издание книги О. Мандельштама (март, 1913 г.).

Иванов Георгий Владимирович (1894–1958) — поэт, критик, беллетрист, автор мемуаров «Петербургские зимы», мифологизировавших события и факты. Сам автор не воспринимал, однако, книгу как документальное повествование. Н. Берберова, свидетель многих из описанных событий, сообщает: «...он объявил мне, что в его “Петербургских зимах” семьдесят пять процентов выдумки и двадцать пять — правды» (Б е р б е р о в а Н. Курсив мой. Мюнхен, 1972. С. 547).

23 НВН — не переступал порога «Тучки». — Имеется ввиду Н.В. Недоброво. В очерке «Поэты» Г. Иванов, мемуары и критические статьи которого неизменно вызывали возмущение Ахматовой, писал: «Редкий гость на “Тучке” Н.В.Н., барин-дилетант, высоким голосом с английским акцентом просит извинения, что стихи, которые он сейчас прочтет, не отделаны, так как недавно написаны — всего лет пять назад. Отделанные или нет, его сонеты несколько тяжелы» (Возрождение. Париж. 1950. № 10).

24 Антология Античной Глупости, как и Антология житейской глупости — шуточные литературные произведения, в значительной мере культивировались в «Цехе поэтов» Мандельштамом. При этом им пародировались не отдельные произведения, а целые литературные направления. Например, эллинский цикл:

АНТОЛОГИЯ АНТИЧНОЙ ГЛУПОСТИ

<I>

Ветер с высоких дерев срывает желтые листья.

Лесбия, посмотри: фиговых сколько листов!

Катится по небу Феб в своей золотой колеснице —

Завтра тем же путем он возвратится назад.

— Лесбия, где ты была? — Я лежала в объятиях Морфея.

— Женщина, ты солгала: я в них покоился сам...

<II>

М. Лозинскому

Сын Леонида был скуп, и кратеры берег он ревниво.

Редко он долу струил пенное в чаши вино.

Так он любил говорить, возлежа за трапезой с пришельцем:
— Скифам любезно вино, — мне же любезны друзья.

М. Лозинскому

Сын Леонида был скуп, и когда он с гостем прощался,
Редко он гостю совал в руку полтинник иль рубль;
Если же скромн был гость и просил лишь тридцать копеек,
Сын Леонида ему тотчас, ликуя, вручал.

К. Шилейко

— Смертный, откуда идешь! — Я был в гостях у Шилея,
Дивно живет человек, смотришь — не веришь очам:
В креслах глубоких сидит, за обедом кушает гуся.
Кнопки коснется рукой — сам зажигается свет.
— Если такие живут на Четвертой Рождественской люди,
Боги, скажите, молю, — кто же живет на Восьмой?

Сама идея «Антологии античной глупости», зародившаяся в начале 1910-х гг., восходит к контрасту двух пушкинских элегических стихов, обращенных к Н. Гнедичу. В середине 20-х гг. создавалась уже «Антология житейской глупости», где пародировался на этот раз не «высокий штиль», а, наоборот, подчеркнуто сниженная русская калька немецкой фразы. Мандельштам особенно любил куплеты, начинающиеся (или заканчивающиеся) всякий раз одной и той же строкой или фразой: «Старик Моргулис...», «Служил Гаврила...», «Однако» и др.» (цит. по: М а н д е л ь ш т а м О. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990. Комментар. А.Д. Михайлова и П.Н. Лернера. С. 592).

24 *Пепел на левом плече и молчи —// Ужас друзей — Златозуб.* — Парафраза из стихотворения Ф. Шиллера «Кубок» в переводе В.А. Жуковского:

Я видел, как в черной пучине кипят,
В громадный свиваясь клуб,
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей — однозуб.

В. Пяст во «Встречах» приписывает эту эпиграмму М. Лозинскому и приводит ее полный текст, опустив, однако, собственную фамилию:

За жизнь свою медной полушки не даст,
Кто зрел, как собираются в клуб
И Блок ледяной, и уродливый <Пяст>,
И ужас друзей — Златозуб...

Имеется в виду клуб поэтов, открывшийся в 1921 г. в «Доме Мурузи» на Литейном.

24 «Златозуб». — Вставленный Мандельштамом золотой зуб служил поводом для дружеских шуток.

Это, может быть, даже Гумилев сочинил... — В. Пяст склонен видеть автора в М.Л. Лозинском (П я с т В. Стихотворения. Воспоминания. С. 304).

...обрывки сочиненной Цехом пародии на знаменитый сонет Пушкина «Суровый Дант не презирал сонета...» — Имеется в виду сонет Пушкина (1830).

Волошин Максимилиан Александрович (наст. фам. Кириенко-Волошин; 1877—1932). По-видимому, имеется в виду цикл шуточных сонетов, написанных Волошиным в Коктебеле ко дню своего рождения, 16 мая: «К этому дню Макс собственноручно сколотил фанерный ящик — вроде почтового — и прибил его к стене на террасе. Было пред-

ложено всем желающим опустить в гостеприимную щель любые шуточные (а также серьезные) стихи и рисунки, карикатуры, смешные пожелания — любые творческие подарки. И вот — сам Макс, без подписи, опустил в ящик рукопись «коктебельских сонетов»: подарок самому себе и всем другим» (цит. по кн.: В о л о ш и н М. Стихотворения и поэмы. СПб., 1995. С. 660). С этого лета в Коктебеле проводились так называемые «обормоты», своего рода аналог петербургского «Трансгоса». Первыми членами «Ордена обормотов» стали члены семьи Эфрон и Марина Цветаева.

25 Владимир Нарбут — этот волк заправский. — Нарбут Владимир Иванович (1888—1938) — поэт, прозаик, критик, был репрессирован и погиб, по слухам, на затопленной барже. См. мифологизированный рассказ о Нарбуте в беллетризованных мемуарах Валентина Катаева «Алмазный мой венец». Входил в «Цех поэтов» со времени его создания и в число «шести акмеистов». Автор стихотворения «Волк», из второй книги Нарбута «Аллилуйя», издания «Цеха поэтов» (СПб., 1912):

...алмазными росинками Моравской. — Моравская Мария-Магдалина-Франческа Людвиговна (1889—1947) — поэтесса, прозаик, критик. До 1914 г. входила в «Цех поэтов», объявивший в 1911 г. выход ее книги стихотворений «Голубые лютики» (издание не состоялось). В эмиграции издала беллетризованные мемуары, роман «Жар-птица» на английском языке (Нью-Йорк, 1927).

Пяст Владимир (наст. Владимир Алексеевич Пястовский; 1886—1940) — поэт, критик, мемуарист, близкий друг Блока. Как мемуарист весьма точен. Был заметной

фигурой в литературно-критической жизни Серебряного века.

25 Вот стихи (Триолеты) об этих пятницах (кажется В.В. Гиппиуса). — См. запись Ахматовой («Записные книжки». С. 277): «...Мандельштам Иосиф// В акмеистическое ландо сев... — шутил “испытанный остряк” В.В. Гиппиус в своих триолетах “По пятницам в Гиперборее”. (Его же пародия на <Мандельштама>:

Неуверенная рука
В небе вывела облака...»).

В записных книжках Ахматова подтверждает, что автор этих шуточных стихов, введенных ею в новеллу о Мандельштаме, В.В. Гиппиус (см. «Записные книжки». С. 286–287).

Гиппиус Василий Васильевич (псевд. Василий Галахов, Росмер, 1890–1942) — поэт, переводчик, критик, литературовед. В журнале «Новая жизнь» выступил с рецензией на первую книгу стихотворений Ахматовой «Вечер». В журн. «Куранты» (1918. № 2) рецензировал «Жемчуга» Н. Гумилева, первый том сочинений Ф. Сологуба, «Ночные часы» А. Блока. С 1910 г. принимал деятельное участие в работе «Общества ревнителей художественного слова», куда был рекомендован Блоком. В 1911 г. вступил в «Цех поэтов», печатался в акмеистическом журнале «Гиперборей». В 1918 г. опубликовал воспоминания о «Цехе поэтов» (Жизнь. Од. 198, № 5), в которых высоко ценил атмосферу цехового содружества, но несколько скептически рассматривал акмеизм как литературную школу. Стихи Гиппиуса печатались в «Русской мысли», «Северных записках», «Сатириконе» и др. К памяти Гиппиуса Ахматова относилась с неизменным

теплом и доброжелательностью, назвав его «нежным поэтом» (в инскрипте на книге «Вечер»).

В своих рабочих тетрадях Ахматова несколько раз отсылает к В.В. Гиппиусу, неутомимому сочинителю «благоглупостей» и участнику собраний «Трансгоса». В ее записи сохранились отрывки утраченных произведений из шуточных стихов «Цеха».

25 Для романтического сева//Разбрасывая жемчуга. — Каламбур, соединяющий название двух сборников Н. Гумилева: «Романтические цветы» (1908) и «Жемчуга» (1910).

Пусть в Царском громко плачет Лева — сын Ахматовой и Гумилева Лев Николаевич Гумилев (1912–1992).

26 Недавно найдены письма Осипа Мандельштама к Вячеславу Иванову (1909). — В примечаниях к публикации текста «Листков из дневника», подготовленного Л.А. Мандрыкиной, отмечено, что в «Воспоминаниях о Мандельштаме» в машинописи, датированной 1963 г., приложено девять писем Мандельштама к Вячеславу Иванову — 20/VI, 1909–21/III, 1911 г. (Ф. 1073, № 80). Эти письма опубликованы А. Морозовым в кн.: «Записки отдела рукописей РГБ им. В.И. Ленина». Вып. 34. М., 1973.

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) — поэт, мыслитель, переводчик, мэтр символизма. Квартира Ивановых, расположенная в верхнем этаже дома по Таврической, 25, именовалась «башней», где собирались представители литературно-художественной публики, писатели, философы, ученые, артисты, художники. На «башне» вела работу «Поэтическая академия», слушателями которой были Н. Гумилев, О. Мандельштам, М. Кузьмина-Кара-

ваева и др. После исхода из символизма Н. Гумилева, С. Городецкого, О. Мандельштама и др., будущие акмеисты создали при журнале «Аполлон» свою «Академию стиха», после чего ивановская именовалась ими «*Проакадемией*». Отказ от символизма осложнил отношения между старшим и новым поколением поэтов. В дневниковых записях Ахматовой отражена ее неприязнь к фигуре Вяч. Иванова и собраниям на «башне».

26 *Воспоминания сестры Аделаиды Герцык.* — Сестры Герцык — Аделаида Казимировна *Лубны-Герцык* (1874—1925) — поэтесса, прозаик, переводчица, автор мемуаров «Подвальные очерки» (журн. «Перезвоны». Рига. 1926. № 25—27); *Герцык* Евгения Казимировна (Лубны-Герцык; 1878—1944) — переводчица, критик. Обе сестры были близки к салону Вяч. Иванова, а Аделаида Казимировна долгие годы была его ближайшим другом.

В главе «Вячеслав Иванов» Евгения Казимировна писала: «...Ученики приходили к мэтру, подобие литературных семинаров произвольно возникало из просмотра нового стихотворного сборника, из обсуждения новой театральной постановки. Каждый вечер студенты Модест Гофман, Ивойлов, изредка Гумилев, Ахматова, совсем юные, ставшие впоследствии поэтами или так и не ставшие, а также уже и несомненные, как Верховский и другие. Однажды бабушка привела внука на суд к Вячеславу Иванову, и мы очень веселились на эту поэтову бабушку и на самого мальчика Мандельштама, читавшего четкие фарфоровые стихи. Щедрость Вячеслава Ивановича в выслушивании и углублении чужого творчества была изумительна. Детальнейший технический разбор непременно переходил в грозное испытание совести молодого автора, в смысле философском, общественном. Мастер слова, влюбленный в тончайшие оттен-

ки его, внезапно оборачивался моралистом. Это не всем было по нутру. Помню, как я единственный раз видела Анненского у В.И. — два мэтра, два поздних александрийца вели изысканнейший диалог, мы кругом молчали: в кружево такой беседы не вставишь простого слова. Но Анненский за александрийзмом расслышал другое; высокий, застегнутый на все пуговицы, внешне чиновный, он с раздражением, подергиваясь одной стороной лица, сказал: “Но с Вами же нельзя говорить, Вячеслав Иванович, Вы со всех сторон обставлены святынями, к которым не подступись!” У обоих были свои потаенные святыни, но ими они не соприкоснулись. Вскоре Вяч. Ив. писал Анненскому:

Зачем у кельи ты подслушал,
Как сирий молится поэт,
И святотатственный запрет
Стыдливой пустыни нарушил?

В тот год зародилась литературная группа “Аполлон”. В отдельности цenia некоторых из молодых поэтов, будущих акмеистов, Вяч. Иванов яростно нападал на эстетствующий дух кружка» (Герцык Е. Воспоминания. М.: Моск. рабочий, 1996. С. 128—129).

26 Сологубы — Сологуб Федор Кузьмич (наст. фам. Тетерников; 1863—1927) — писатель, поэт; Чеботаревская Анастасия Николаевна (1876—1921) — писательница, жена Ф.К. Сологуба.

27 ...стихотворение про «Черного ангела на снегу» — написано О. Мандельштамом в 1910 г., впервые было опубликовано в альм. «Воздушные пути» (Нью-Йорк. 1963. № 3) с посвящением «Анне Ахматовой»:

Как черный ангел на снегу
Ты показалась мне сегодня,

И утанть я не могу —
 Что на тебе печать Господня.

Такая странная печать —
 Как бы дарованная свыше,
 Что, кажется, в церковной нише
 Тебе назначено стоять.

Пускай нездешняя любовь
 С любовью здешней будут слиты,
 Пускай бушующая кровь
 Не перейдет в твои ланиты

И пышный мрамор оттенит
 Всю призрачность твоих лохмотий,
 Всю наготу нежнейшей плоти,
 Но не краснеющих ланит.

27 Шилейко Владимир (Вольдемар) Казимирович (1891–1930) — второй муж Ахматовой (с 1918 г.). Официальный развод состоялся в 1926 г. Крупнейший исследователь культуры древнего Вавилона, поэт, переводчик. Адресат ряда стихотворений Ахматовой. Посвятил ей несколько стихотворений. Ахматова обязана ему знакомством с шумерско-вавилонским эпосом, что нашло отражение в ее незавершенной трагедии «Энума Элиш. Пролог, или Сон во сне».

Черных ангелов крылья остры... — Цитата из книги «Белая стая» с изменениями в последней строке: «Словно розы в снегу цветут».

Харджиев Николай Иванович (1903–1996) — искусствовед, историк литературы, знаток поэзии, близкий друг Мандельштамов и Ахматовой. Подготовил первое в СССР посмертное собрание стихотворений О. Мандель-

штама, в большой серии «Библиотеки поэта» (1973). В 1994 г. эмигрировал в Амстердам вместе с женой Л. Чагой, забрав с собой бесценную коллекцию картин русских модернистов и рукописей. И он, и жена погибли при трагических невыясненных обстоятельствах. Часть архива возвращена в Россию.

27 Вячеслав Чеслав Иванов... — По свидетельству В. Пяста, эта эпиграмма (приведенная Ахматовой по памяти) была написана В. Нарбутом:

«Не расцвев и не увянув,
С телом, крепким как орех,
Вячеслав, Чеслав Иванов
На посмешище для всех
Академию диванов
Колесом пустил на Цех...

Как хохол, Нарбут произносил очень явственно э обратное после д. Комизм от этого усугублялся...» (П я с т В. Стихотворения. Воспоминания. С. 301–302).

Академия диванов. — По-видимому, имеется в виду так называемое Общество друзей Гафиза, которое собиралось на свои «диваны» у Вячеслава Иванова.

28 «Египтянин» — под этим названием Мандельштамом написано два стихотворения: «Надпись на камне 18–19 династии» (1913) и «Я выстроил себе благополучья дом...» (1914).

Я избежал суровой лени
И почестей достиг;
От радости мои колени
Дрожали, как тростник...
(1913)

Я выстроил себе благополучья дом.
 Он весь из дерева, и ни куска гранита!
 И царская его осматривала свита,
 Там виноградники, цветник и водоем...

(1914)

28 Но в Петербурге акменст мне ближе, // Чем романтический Пьеро в Париже. — Из незавершенного или утраченного (М а н д е л ь ш т а м, 3. С. 347).

Зельманова Анна Михайловна (в замуж. Чудовская; ум. в 1948 г.) — художница, член «Союза молодежи», приятельница Ахматовой и Гумилева, жена критика В.А. Чудовского, сотрудница «Аполлона». Портреты Ахматовой и Мандельштама ее работы выставлялись в 1914 г. (см.: М о л о к Ю. Ахматова и Мандельштам (к биографии ранних портретов) // Творчество. 1988. № 7. С. 3). По воспоминаниям современников, была «прирожденной хозяйкой салона». Бенедикт Лившиц вспоминает: «...В тот вечер, когда меня впервые привел к Чудовским Мандельштам, у них были Сологуб с Чеботаревской, Гумилев, Георгий Иванов, Константин Миклашевский, Люсцинус, певец Мозжухин и еще несколько из музыкального и актерского мира. <...> автор тоненького зеленого “Камня” вскидывал кверху зародыши бакенбардов, дань свирепствовавшему тогда увлечению 1830 годом, который обернулся к нему Чаадаевым, предлагал “поговорить о Риме” и послушать апостольское credo...» (Л и в ш и ц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1933. С. 269—270).

...Цветаева, к которой были обращены крымские и московские стихи... — В письме от 25 июля 1923 г. М. Цветаева писала А. Бахраку: «М<ожет> б<ыть>»,

Вам будет любопытно узнать (как одно из моих отражений), что стихи “В разногласии девического хора”, “На розвальнях, уложенных соломой”, “Но в этой странной, деревянной — и юродивой слободе” — и еще несколько — написаны мне. Это было в Москве, весной 1916 г., и я взамен себя дарила ему Москву. Стихов он из-за жены (недавней и ревлившей) открыто посвятить не решился. У меня много стихов к нему...” (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1974–1975. Т. 6. С. 579).

28 Андроникова Саломея Николаевна (в замуж. Гальперн; 1888–1982) — одна из красавиц «Тринадцатого года», подруга Ахматовой и адресат стихотворения «Тень», первоначальное название «Современница» (1940). Парафраза строки из известного стихотворения «Соломинка» введена Ахматовой в одну из сцен либретто к «Поэме без героя»: «И в круглом зеркале кровать отражена». См. у Мандельштама в диптихе «Соломинка» (1916):

В часы бессонницы предметы тяжелее,
Как будто меньше их — такая тишина!
Мерцают в зеркале подушка, чуть белея,
И в круглом омуте кровать отражена.

В Варшаву О<сип> Э<милевич> действительно ездил... — См. «Избранные даты жизни О.Э. Мандельштама» // Камень. АН СССР. Литературные памятники. Л., 1990. С. 367: «1914. <...> 22 декабря уезжает в Варшаву. 1915. Возвращается в Петроград (ок. 6 января)».

...о попытке самоубийства его, о которой сообщает Георгий Иванов, даже Надя не слыхивала, как и о дочке Липочке... — Возможно, речь идет о предполагаемой

мистификации Мандельштама, о которой он мог рассказывать всерьез. Таким образом предполагалось воздействовать на Н.Я. Мандельштам в пору его романа с Ольгой Ваксель, в разгар которого Надежда Яковлевна собиралась порвать с ним: «...он мне признался, что у него с самого начала сложился совершенно мальчишеский план, как меня вернуть, если я обижусь и не захочу с ним жить. Он решил достать пистолет, впрочем, тогда были револьверы, и стрелнуть в себя, но не всерьез, а только оттянув кожу на боку. Рана бы выглядела страшно — сколько крови! — опасности же никакой — просто порванная кожа...» (М а н д е л ь ш т а м Н., 2. С. 240).

В статье «Осип Мандельштам» (Новый журнал. 1955. № 43), написанной Г. Ивановым в виде рецензии на собрание сочинений О.Э. Мандельштама, вышедшее в 1955 г. в нью-йоркском издательстве им. Чехова (под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова), рецензент, в частности, сетовал, что во вступительной статье, названной «Опыт биографии и критического комментария» «...мы не находим... вообще нигде, даже упоминания ни о трагической женитьбе Мандельштама, ни об обожаемой им дочке “Липчке”!». На рецензию последовало письмо в редакцию «Нового журнала» Г. Струве и Б. Филиппова, опровергающее большинство фактов, приведенных в рецензии Иванова, в частности и по поводу «дочери Липочки» (Новый журнал. 1956. № 45). В этом же номере помещен ответ Г. Иванова, назвавшего в доказательство существования «обожаемой дочки Липочки» стихотворение, напечатанное под фамилией О. Мандельштама в 1923 г.:

Пылает за окном звезда,
Мигает огоньком лампада.

Так значит суждено и надо,
 Чтоб стала горечью отрада,
 Невесть ушедшая куда.
 Над колыбелью тихий свет
 И как не твой напев баюнний,
 И снег и звезды, лисий след,
 И месяц золотой и юный,
 Ни дней не знающий, ни лет.

И жаль и больно мне спугнуть
 С бровей знакомую излуку,
 И взять, как прежде, в руки руку.
 Прости ты мне земную муку,
 Земную ж радость не забудь.
 В окне звезда, в углу лампада
 И колыбели тихий след.
 Поутру стол и табурет.
 Так значит суждено, и нет
 Иного счастья и не надо.

Стихотворение было опубликовано в «Красной Ниве» (1923. № 4, 28 января) за подписью Мандельштама и перепечатано в собрании его сочинений, подготовленном Г.П. Струве и Б.А. Филипповым, однако с комментарием: «По полученным нами из очень хорошего источника сведениям, стихотворение это ошибочно приписывается Мандельштаму. Оно было написано “в шутку” Сергеем Клычковым» (М а н д е л ь ш т а м, 1. С. 482). Авторство С. Клычкова подтверждено (см.: К л ы ч к о в С. Собр. соч.: В 2 т. М.: Элис Лак, 2000. Т. 1. С. 130).

Заклячая свой «ответ», Г. Иванов все же признается во вторичности изложенных им фактов: «Мало ли что я еще знаю и о чем “умолчал” в моих полубеллетристичес-

ких фельетонах, из которых составились “Петербургские зимы”? Известие о женитьбе Мандельштама, удивившее весь тогдашний литературный Петербург, привез из Москвы весной 1922 года Корней Чуковский. Вскоре, осенью того же года, перед своим отъездом за границу, я в Москве прощался с Мандельштамом и познакомился с его женой. Позднее, уже в Париже, от наезжавших сюда из России общих знакомых — Альтмана, Мейерхольтда, Миклашевского, я слышал разные грустные и даже трагические подробности о судьбе этого брака» (Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Согласие, 1994. С. 633).

28 Там был стих: «*Что знает женщина одна о смертном часе...*» — Неточное цитирование. В стихотворении «Соломинка» (1):

...Нет, не соломинка в торжественном атласе,
В огромной комнате над черною Невой,
Двенадцать месяцев поет о смертном часе,
Струится в воздухе лед бледно-голубой.

29 Арбенина Ольга Николаевна (наст. фам. Гильдебрандт; 1897–1979) — дочь артиста Императорских театров Николая Федоровича Арбенина (наст. фам. Гильдебрандт), окончила в Петербурге одну из лучших гимназий — Лохвицкой-Скалон, училась на Женских педагогических курсах новых языков. В 1919 г. окончила курсы «Акдрамы» при Александринском театре и была зачислена в его труппу. Как художник-акварелист, входила в группу «13». Писала стихи, была близка к среде литературно-художественной молодежи последних предреволюционных лет — В. Чернявским, В. Курдюмовым, К. Ляндау, Л. Каннегисером, М. Струве. Подруга второй жены Н. Гумилева — А.Н. Эн-

гельгардт, жена Ю.И. Юркуна. Оставила мемуары, отличающиеся непосредственностью, искренностью и правдивостью. По словам М.В. Толмачева (их публикатора), «мемуары очень красивой женщины» (см. в кн.: Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 427—470). С Мандельштамом познакомилась на излете своего бурного романа с Гумилевым: «Когда появился в городе Мандельштам, точно не помню. Внешне он был неприметен. Стихи (неожиданно) меня ошеломили. Может быть, мой восторг перед этими стихами был ударом в сердце Гумилеву? Тут была и Греция, и море!.. Не помню, как мы с Мандельштамом разболтались (в Доме литераторов, конечно!), я у него была впервые в день вечера Маяковского. <...> У меня не было ссор с Гумилевым; не было как будто ревности ни с его, ни с моей стороны. Моя “беготня” с Мандельштамом и редкие свидания с Мандельштамом в его комнате не вызывали сомнений у Гумилева. Или он ревновал к моему восхищению стихами Мандельштама с “греческими” именами?» (Т а м ж е. С. 455—456).

29 Юркус Юрий Иванович (наст. фам. Юркунас; 1895—1938) — прозаик, художник-график, близкий друг и, по словам А.С. Лурье, миньон «милейшего Кузмина». Был осужден на «десять лет без права переписки», что означало расстрел.

...писал ей стихи... — Среди стихов, посвященных О.Н. Арбениной: «За то, что я руки твои не сумел удержать...», «Когда ты уходишь, и тело лишится души...», «Мне жалко, что теперь зима...».

«...нежные европейки». — См. стихотворение «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (январь 1931). Ахматова цитирует строки из третьей строфы:

Чуя грядущие казни, от рева событий мятежных
 Я убежал к nereидам на Черное море,
 И от красавиц тогдашних, — от тех европейнок нежных —
 Сколько я принял смущенья, насады и горя!

29 Ваксель Ольга Александровна (1903—1932). — Училась в Институте св. Екатерины, после закрытия — в советской восьмилетней школе. Учебу совмещала с работой на книжном складе. Автор стихотворений и мемуарных записок (в большинстве неопубликованных, оригиналы в Отделе рукописей Пушкинского Дома). Ряд страниц посвящен поэтам — М. Волошину, Н. Гумилеву, О. Мандельштаму. Посещала руководимый Н. Гумилевым «Кружок поэтов» при Институте живого слова. По некоторым сведениям, находилась в дальнем родстве с Гумилевыми, по линии Львовых. Адресат стихотворений Мандельштама: «...Я буду метаться по табору улицы темной...», «Жизнь упала, как зарница...», «На мертвых ресницах Исаакий замерз...», «Возможна ли женщине мертвой хвала...». По свидетельству Н.Я. Мандельштам, О. Мандельштам знал Ольгу Ваксель девочкой, еще по Коктебелю. В его жизнь она вошла в середине 1925 г., осложнив на время его отношения с Н.Я. Мандельштам. «...Все началось почти сразу, Мандельштам был по-настоящему увлечен и ничего вокруг себя не видел. Это было его единственное увлечение за всю нашу совместную жизнь, но я тогда узнала, что такое разрыв, — вспоминает Н.Я. Мандельштам. — Ольга добивалась разрыва, и жизнь повисла на волоске. В Ольге было много прелести, которую даже я, обиженная, не могла не замечать, — девочка, заблудившаяся в страшном одичалом городе, красивая, беспомощная, беззащитная... Ее бросил муж, и она с сыном целиком зависела от матери и отчима, который, ви-

димо, тяготился создавшейся ситуацией....История с Ольгой подарила меня новым знанием: страшной и слепой власти над человеком любви, потому что с Ольгой было нечто большее, чем страсть. Через много лет он мне сказал, что в жизни он только дважды знал настоящую любовь-страсть — со мной и с Ольгой...» (М а н д е л ь ш т а м Н., 2. С. 235, 236, 239, 240). Как пишет Н.Я. Мандельштам, этот бурный роман длился около двух месяцев. После решения Осипа Эмильевича остаться с женой и наступившего разрыва с Ольгой, она через несколько лет вышла замуж, уехала в Норвегию и 26 октября 1932 г. покончила жизнь самоубийством в Осло.

29 В 1933–34 гг. Осип Эмильевич был бурно, коротко и безответно влюблен в Марию Сергеевну Петровых. — История отношений Мандельштама с Марией Сергеевной Петровых (1908–1979) рассказана Э.Г. Герштейн по-другому. Ахматова называет посвященное М.С. Петровых стихотворение «Мастерица виноватых взоров» «Турчанкой», по-видимому, устанавливая связь между ним и одним из стихотворений Гумилева — отсюда и название: согласно обычаю, неверную жену зашивали в один мешок с любовником и бросали на дно Босфора. См. у Н. Гумилева стихотворение «Константинополь» (1914):

Отец печален, но понимает
И шепчет мужу: «Что ж, пора?»
Но глаз упрямых не поднимает,
Мечтает младшая сестра:

Так много, много в глухих заливах
Лежит любовников других,
Сплетенных, томных и молчаливых...
Какое счастье быть среди них!

Однако Э.Г. Герштейн, исследуя ситуацию, видит в М.С. Петровых и адресата стихотворения «Черная свечка»: «Трудно понять, кому посвящены эти стихи. Об этом говорила и писала Надежда Яковлевна. Она приводила разумные доводы в пользу своей кандидатуры, но не могла отмахнуться и от не менее убедительных признаков какой-то другой женщины, за чью участь поэт боялся. И не только боялся, но чувствовал себя виновным в ее возможной гибели. Об этом недвусмысленно говорят заключительные строки этого загадочного стихотворения:

Ну а мне за тебя черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть и молиться не сметь*.

Надежда Яковлевна заканчивает свой этюд словами: «Я не знаю, что о них думать, и это меня огорчает». Но после ее смерти, а также уже после смерти Марии Петровых в печати впервые появились документы, проливающие свет на происхождение этих стихов. <...> Это протоколы 1934 года» (Герштейн. С. 432).

* Приводим полный текст стихотворения (февраль 1934):

Твоим узким плечам под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.
Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать да веревки вязать.
Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком, да кровавым песком.
Ну, а мне за тебя черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть да молиться не сметь.

Впервые опубликовано в журнале «Подъем» (1966. № 1, январь—февраль. С. 94).

29 Дама, которая через «плечо поглядела»... — Вера Артуровна Шиллинг (1892—?; урожд. дс Боссе, впоследствии жена Стравинского) — актриса Камерного театра, уехала за границу вместе с С.Ю. Судейкиным. Мандельштам посвятил ей стихотворение (1917):

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
— Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скупаем, — и через плечо поглядела.

30 Штемпель Наталья Евгеньевна (1908—1989) — преподавала литературу в Воронеже, близкий друг О.Э. Мандельштама и его жены Надежды Яковлевны, автор воспоминаний о Мандельштаме (Новый мир. 1987. № 11). Ей посвящена воронежская любовная лирика: «Клейкой клятвой липнут почки...», «На меня нацелилась груша да черемуха...», «Я к губам подношу эту зелень...» и др., а также ряд шуточных стихотворений.

Радлова Анна Дмитриевна (урожд. Дарматолова; 1891—1949) — поэт, переводчик, печаталась в «Аполлоне», автор стихотворных сборников «Соты» (1918), «Корабли» (1920), «Крылатый гость» (1922), умерла в ссылке. Не пользовалась расположением Аматовой, относившей ее к враждебному себе, как считала, «салону Кузмина».

«Архистратиг вошел в иконостас...» — Пародируются строки из стихотворения А.Д. Радловой, посвященного В.А. Чудовскому: «Ты будешь мне архистратигом сниться...» (отмечено Р.Д. Тименчиком. «Requiem». С. 149).

Виллон — В 1910 г. Мандельштам написал статью «Франсуа Вийон». Впервые — Аполлон. 1913. Кн. 4. С. 30—35.

30 Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) — мыслитель, публицист, принял католичество. Очерк «Петр Чаадаев» был написан Мандельштамом в 1915 г. под заглавием «Чаадаев» (опубликован в журнале «Аполлон». 1915. Кн. 6–7. С. 57–62). С религиозно-философскими воззрениями того времени связано также стихотворение Мандельштама «Посох» (1914).

«Гилея» — одна из ранних футуристических группировок (позже кубофутуристы), издавшая первые альманахи футуристов — «Пощечина общественному вкусу», «Садок судей 2», «Требник троих», «Трое», «Дохлая луна». С «Гилеей» были связаны братья Д. и Н. Бурлюки, В. Каменский, А. Крученых, Б. Лившиц, В. Маяковский, В. Хлебников.

...смотреть воспоминания Зенкевича. — Зенкевич Михаил Александрович (1891–1973) — поэт, переводчик, входил в группу акмеистов, о которой Ахматова не раз говорила («Нас было шестеро. Седьмого — никогда не было»). Автор книги «Эльга. Беллетристические мемуары», посвященной акмеистической молодости, событиям 1910-х—начала 1920-х гг. В.Я. Виленкин приводит строку из черновой рукописи (РНБ): «Спросить у З<енкевича>, как они с Ос<ипом> выступали с кубофутуристами».

...в зиму 1913–14 (после разгрома акмеизма)... — Имеется в виду оскорбительное выступление Вяч. Иванова на заседании «Общества ревнителей художественного слова», при обсуждении первого программного акмеистического произведения — поэмы «Блудный сын» Н. Гумилева. Заседание состоялось <13> апреля 1911 г., Н.С. Гумилев прочел циклическое произведение «Блудный сын»,

вызвавшее споры и требования о пределах той свободы, с которой поэт может обрабатывать традиционные сюжеты (см.: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 46. 1987. № 1. С. 66).

30 Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) — акмеист, один из организаторов, или «синдиков», «Цеха поэтов».

...кроме изумительных стихов О. Арбениной. — См. запись Ахматовой: «В 20 г. он был один в Петербурге (и влюблен в Арбенину. См. “Стихи”))» («Записные книжки». С. 246). Ахматова имеет в виду стихи из «Tristia». В июне 1965 г. она вновь вспоминает: «Мал<енькая> актриса и художница Ольга Ник<олаевна> Арбенина была необычайно хороша собой. Жива и находится в Ленинграде. Вдова Юрия Юркуна и следов<ательно> хозяйка салона Кузмина. У нее был очень бурный роман с Гумилевым, ей же посвящено все театральное Мандельштама (1920). С Гум<илевым> была оживленная переписка, она давала читать письма Г<умилева> П.Н. Л<укницкому> (20-ые годы). Дружила с А.Н. Гумилевой» (т а м ж е. С. 731).

Чудовский Валериан Адольфович (1891–1937) — критик, поэт, член «Цеха поэтов», приятель Н. Гумилева, автор рецензии на первую книгу стихотворений Ахматовой «Вечер». О поэзии Анны Радловой писал: «Для Анны Радловой смысл и освящение и последняя мера величайших событий в том, что возвращается словам их бессмертная и потому так легко в сердцах людских умирающая правда... В этом маленьком сборнике (Корабли) открывается разительное явление: для этого поэта слова стали опять

совсем простыми и сильными простотой своей. Хлеб, любовь, кровь. И еще смерть — “добрая смерть”... И очень часто — Бог. Я хочу в этом видеть признак возрождения в русской поэзии словесного примитивизма» (Начала. Журнал истории литературы и истории общественности. Пб. 1921. № 1. С. 209).

31 Догнивали знаменитые петербургские торцы. — Описывая Петербург начала 1920-х гг., один из его бытописателей замечает: «Невский вплоть до Аничкова моста вымощен булыжником. Мы встретим торцовую мостовую, лишь перейдя последний» (К о н и А.Ф. Петербург. Воспоминания старожила. Пб.: АТЕНЕЙ, 1922. С. 21).

Крафт. — Возможно, Крафт Николай Юльевич (1849—?) — купец 1-й гильдии, совладелец торгового дома «Братья Крафт», либо один из его сыновей Александр Николаевич или Константин Николаевич (1882—1918).

В Царском, тогда «Детское имени товарища Урицкого», почти у всех были козы... — В первые годы советской власти Царское Село было переименовано в Детское село (с 1937 г. — г. Пушкин), а бывшие железнодорожные вагонные мастерские Царской ветки в Царское Село иронически называли дачей Урицкого. Во времена, описанные Ахматовой, на этом месте стояли вагоны, вокруг которых росла трава и паслись козы.

Пронин Борис Константинович. — См. т. 3. С. 598.

...и еще что-то про шаль. — Имеется в виду стихотворение Мандельштама «Ахматова» (1914):

Вполоборота, о печаль,
На равнодушных поглядела.

Спадая с плеч, окаменела
 Ложноклассическая шаль.
 Зловещий голос — горький хмель —
 Души расковывает недра:
 Так — негодующая Федра —
 Стояла некогда Рашель.

31 См. *Осип Мандельштам и воспоминания В.С. Срезневской*. — Частично опубликованные воспоминания ближайшего друга Ахматовой еще по царскосельской гимназии В.С. Срезневской, текстуально близки рассказу Ахматовой об этом эпизоде (существуют в нескольких вариантах: Отдел рукописей РНБ. Фонтанный Дом. Собрание Д.Л. Файнберга, Москва).

Таким же наброском с натуры было стихотворение «Черты лица искажены». — Первая строка стихотворения, написанного в 1913 г. (впервые опубликовано в альм. «Воздушные пути». Нью-Йорк. 1963. № 3).

Черты лица искажены
 Какой-то старческой улыбкой.
 Кто скажет, что Гитане гибкой
 Все муки Данта суждены...

Вариант строки 3: «Ужели и Гитане гибкой».

32 *...наш отъезд в Италию...* — 3 апреля 1912 г. супруги Гумилевы уехали в Италию.

«Труды и дни» — так Ахматова предполагала назвать летопись жизни и творчества Н.С. Гумилева, работа над которой велась ею с середины 1920-х гг., с помощью П.Н. Лукницкого. Название восходит к поэме Гесиода

(8—7 вв. до н.э.). Вошло в литературную традицию, как повествование о жизни и трудах (см.: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1—22. СПб., 1888—1910; Лернер Н. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910). В 1912—1914 и 1916 гг. под таким же названием выходил двухмесячник в издательстве «Мусажет».

32 Этот список я давала... Наруми. — Кандзо Наруми (1899—1974) — японский филолог-славист.

«Вечер», «Дикая порфира», «Скифские черепки» — первые стихотворные сборники акмеистов.

Кузьмина-Караваева Елизавета Юрьевна (урожд. Пиленко, во втором браке Скобцова, в монашестве мать Мария; 1891—1945) — поэтесса, прозаик, публицист. С 1919 г. в эмиграции. Участница французского Сопротивления. Погибла в лагере Равенсбрук.

Кузьмин-Караваев Дмитрий Владимирович (1886—1959) — двоюродный брат и приятель Н. Гумилева, стряпчий «Цеха поэтов». Юрист по образованию, первый муж Е.Ю. Кузьминой-Караваевой. Перешел в католичество и принял духовный сан.

Бруни Николай Александрович (1891—1938) — поэт. В записных книжках Ахматовой имеется помета о словах Мандельштама: «По поводу стихов Н. Бруни (в I-ом Цехе) пришел в ярость и прорычал: [есть] бывают стихи, которые восприни<маешь> как личное оскорбление» («Записные книжки». С. 556).

Адамович Георгий Викторович (1892—1972) — поэт и литературный критик, принадлежал к младшим акмеис-

там, член «Цеха поэтов». В эмиграции с 1923 г. Брат Татьяны Викторовны Адамович. В 1965 г. в Париже у Ахматовой состоялся диалог с Г. Адамовичем о судьбах русской интеллигенции, оказавшейся в результате октябрьских событий и прихода большевиков к власти по разные стороны границы. Темой острой и бескомпромиссной дискуссии послужил эпиграф к «Реквиему»:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

32 Чернявский Владимир Степанович (1889—1948) — поэт, артист-декламатор.

Радимов Павел Александрович (1887—1967) — поэт, художник. Первые сборники стихотворений «Полевые псалмы» (1912), «Земная отрада» (1914) были отмечены Н. Гумилевым в «Письмах о русской поэзии».

Юнгер Владимир (Вольдемар) Александрович (1883—1918) — поэт, друг рано умершего художника — Александра Митрофановича Городецкого, брата С.М. Городецкого. Автор книги терцин «Песни полей и комнат», вышедшей в годы войны. В книге воспоминаний В. Пяст приводит стихи из этой книги, посвященные С.М. Городецкому:

Тебе, я знаю, любо все земное:
На скромно убранном столе
Ты встретишь острый сыр с душистою слезою,
И фрукты крымские в старинном хрустале;

И золотой налив, и виноград жемчужный.
Обступят вин любимых ярлыки...
И мирно полетят слова беседы дружной,
Как журавлиной стаи вожаки...

(П я с т Вл. Встречи. М.: Новое литературное обозрение. 1997. С. 64).

32 Бурлюк Николай Давидович (1890—1920) — брат Д.Д. Бурлюка, поэт, прозаик, теоретик искусства, принимал участие в основных изданиях «Гилеи» и выступлениях футуристов.

Хлебников Велимир (наст. имя Виктор Владимирович; 1885—1922) — поэт, мыслитель.

...французы — ученые-слависты Луи Рео и Поль Буайе.

Акмеизм был решен у нас в Царском Селе (Малая 63). — Ахматова сообщает об этом факте в одной из записных книжек 1964 г. Об этом собрании см. также в дневнике А. Блока от 20 октября 1911 г. В записных книжках Ахматовой есть и другой расширенный список принимавших участие в работе «Цеха» («Записные книжки». С. 447)

ЦЕХ ПОЭТОВ

С 1911—1914

Гумилев }
Городецкий } синдики

Дм<итрий> Вл<адимирович> Кузьмин-Караваев — стряпчий.

О. Мандельштам }
Нарбут } с самого начала
Зенкевич }

Ахматова — секретарь
 + Макридин
 + Вас<илий> Вас<ильевич> Гиппиус
 Вас<илий> Ал<ексеевич> Комаровский
 Верхоустинский
 М. Моравская
 Е<лизавета> Юр<ьева> Кузьмина-Караваева — с начала
 до весны 12 г.

М. Лозинский (с 2-ого собрания)
 Г. Иванов (не с начала)
 Г. Адамович (с 1914)
 Клюев Н.
 Клычков
 Бруни Н.А.
 Грааль-Арельский
 Чернявский
 В. Гейдройц (Сергей) Царское С<ело> <аллоним, взято имя
 умершего брата. Наст. имя Вера Игнатьевна>
 Владимир Юнгер

Как можно полагать, уточнения были сделаны Ахматовой для молодой английской исследовательницы Аманды Хейт.

33 Срезневский Вячеслав Вячеславович (1880—1942) — врач-психиатр, профессор Военно-медицинской академии, муж подруги Ахматовой.

Срезневская Валерия Сергеевна (урожд. Тюльпанова; 1888—1964) — друг детства и юности Ахматовой по Царскому Селу. Отношения сохранялись всю жизнь, адресат стихотворений «Жрицами божественной бессмыслицы» (1910-е годы), «Памяти В.С. Срезневской» (1964). В конце жизни Ахматова уговорила В.С. Срезневскую на-

писать воспоминания, которые сама тщательно редактировала и стремилась противопоставить лжемемуарам современников, которые, как полагала Ахматова, умышленно искажали факты ее отношений с Гумилевым. Мемуары Срезневской завершены не были, однако частично опубликованы в ряде изданий (Г у м и л е в Н. Неизданное и несобранное. Paris: YMCA-Press, 1986. С. 157–168).

33 ...на концерте Бутомо-Названовой в Консерватории, где она пела Шуберта (см. «Нам пели Шуберта»...) — Имеется в виду строчка из стихотворения Мандельштама «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» (1918). *Бутомо-Названова* Ольга Николаевна (1888–1960) — камерная певица (меццо-сопрано), педагог. Ахматова встречалась с ней в салоне Ф. Сологуба и А. Чеботаревской. Речь идет о концерте (30 декабря 1917 г.), на котором исполнялись песни Н. Метнера и Ф. Шуберта (К а ц Б., Т и м е н ч и к Р. Анна Ахматова и музыка. М., 1989. С. 27).

...все обращенные ко мне стихи... — Речь идет о стихотворении «Я не искал в цветущие мгновенья» (1917), получившем позднее название «Кассандре», и «Твое чудесное произношение...» (начало 1918):

Я не искал в цветущие мгновенья
Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз,
Но в декабре торжественные бденья —
Воспоминая мучат нас.

И в декабре семнадцатого года
Всего лишились мы, любя,
Один ограблен волею парода,
Другой — ограбил сам себя.

Когда-нибудь в столице шалой
На скифском празднике, на берегу Невы,
Под звуки омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы.

Но если эта жизнь — необходимость бреда
И корабельный лес — высокие дома, —
Лети, безрукая победа —
Гиперборейская чума.

На площади с броневиками
Я вижу человека — он
Волков горящими пугает головнями:
Свобода, равенство, закон!

Касатка, милая, Кассандра!
Ты стонешь, ты горишь — зачем
Сияло солнце Александра
Сто лет тому назад сияло всем?

(1917)

Твое чудесное произношение —
Горячий посвист хищных птиц;
Скажу ль: живое впечатленье
Каких-то шелковых зарниц.

«Что» — голова отяжелела.
«Цо» — это я тебя зову!
И далеко прошелестело:
— Я тоже на земле живу.

Пусть говорят: любовь крылата, —
Смерть окрыленное стократ.
Еще душа борьбой объята,
А наши губы к ней летят.

И сколько воздуха и шелка
И ветра в шепоте твоём,
И как слепые ночью долгой
Мы смесь бессолнечную пьем.

(Начало 1918)

33 *Кроме того, ко мне в разное время обращены четыре четверостишия.* — Написаны в 1911, 1913, 1933—1934 гг. Приводим их тексты:

1. Вы хотите быть игрушечной,
Но испорчен Ваш завод:
К вам никто на выстрел пушечный
Без стихов не подойдет.

2. Черты лица искажены
Какой-то старческой улыбкой.
Ужели и Гитане гибкой
Все муки Данта суждены...

3. Привыкают к пчеловоду пчелы,
Такова пчелиная порода...
Только я Ахматовой уколы
Двадцать три уже считаю года.

4. Знакомства нашего на склоне
Шервинский нас к себе зазвал
Послушать, как Эдип в Колоне
С Нилендером маршировал.

М.М. Кралин обратил внимание, что к последнему четверостишью относятся строки из черновой рукописи Ахматовой: «Мы (Мандельштам и я) у Шервинского слушали перевод Ш<ервинского> и Нилендера “Эдип в Ко-

лоне" (когда?) Эпиграмма» (РНБ. Ф. 1073, ед. хр. 76).

34 Что поют часы-кузнечики. — Н. Харджиев пишет в комментарии к этому стихотворению: «По сообщению А.А. Ахматовой, Мандельштам, беседуя с нею у горящей печки, сказал, что огонь очень похож на красный шелк» (М а н д е л ь ш т а м О. Стихотворения. Л., 1973. Б-ка поэта. Большая сер. С. 275).

...мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться... — См. запись П.Н. Лукницкого со слов Ахматовой 27 февраля 1925 г.: «Было время, когда О. Мандельштам сильно ухаживал за нею. "Он был мне физически неприятен. Я не могла, например, когда он целовал мне руку". Одно время О.М. часто ездил с ней на извозчиках. АА сказала, что нужно меньше ездить, во избежание сплетен. "Если б всякому другому сказать такую фразу, он бы ясно понял, что он не нравится женщине... Ведь если человек хоть немного нравится, женщина не считается ни с какими разговорами. А Мандельштам поверил мне прямо, что это так и есть..."» (Л у к н и ц к и й, 1. С. 36—37).

О<сип> М<андельштам> в 3-м Зачатьевском. — Запись не получила развития. По-видимому, связана с периодом жизни Ахматовой с ее вторым мужем В.К. Шилейко в 3-м Зачатьевском переулке в Москве. См. стихотворение «Переулочек, переул...//Горло петелькой затянулось...» (лето 1940).

...Мандельштам становится постоянным сотрудником «Знамени Труда». Таинственное стихотворение «Телефон», возможно, относится к этому времени. — «Знамя труда» — левозеровская газета. Мандельштам

сотрудничал в ней в 1918—1919 гг. Стихотворение «Телефон» написано в июне 1918 г.

35 *Особняк кн. Волконского. Там у меня была казенная квартира.* — Отмечено В.Я. Виленкиным (ВЛ. С. 197).

Тогда я узнала, что в Крыму он был арестован белыми, в Тифлисе — меньшевиками. — В августе 1919 г. Мандельштам был арестован врангелевской контрразведкой по подозрению в связи с красным подпольем. Освобожден усилиями писавшего стихи и почитателя поэзии, полковника А.В. Цыгальского, М. Волошина и др., после чего, примерно 12 сентября, отправился на барже из Феодосии в Батум. По прибытии немедленно был арестован местными властями. По имеющимся сведениям, освобожден с помощью конвойного, по фамилии Чигуа. По другой версии, благодаря заступничеству грузинских поэтов Т. Табидзе и Н. Мицишвили.

36 *И Надя, и я были тяжело больны...* — Имеется в виду обострение туберкулезного процесса.

«Хочешь, валенки сниму» — строка из стихотворения «Жизнь упала, как зарница...» (1925).

Там он диктовал мне свои воспоминания о Гумилеве. — С декабря 1924 по 1929 г. Ахматова с помощью П.Н. Лукницкого собирала материалы к биографии Н.С. Гумилева: «В одни сутки 3 раза снился, я подумала, что я должна что-то сделать, что это какой-то вызов... И тогда я составила канву...» (Л у к н и ц к и й, 1. С. 89).

37 *Голлербах Эрик Федорович (1895—1942)* — литературовед, искусствовед, историограф Царского Села,

работа которого вызывала резкое неудовольствие Ахматовой. В 1925 г. издал антологию «Образ Ахматовой» (1925) со своей вступительной статьей.

37 Рождественский Всеволод Александрович (1895–1977) — поэт, мемуарист, царскосел, автор воспоминаний «Из книги «Повесть моей жизни»» (Звезда. 1945. № 3. С. 107–115) и др., к которым Ахматова относилась резко отрицательно. Запись в августе 1963 г.: «О Голлербахе, Рождественском, Оцупе. (У Ц^{арского} С^{ела} нет историографа)» («Записные книжки». С. 528). Позже Ахматова намеревалась противопоставить воспоминаниям Голлербаха и Рождественского точные, биографически и научно выверенные воспоминания о Царском Селе Н.Н. Пунина (см.: «Царское Село: Большая цитата из Н.Н. П^{унина}»). «Записные книжки». С. 556).

О том, что «Вчерашнее солнце на черных носилках несут» — Пушкин, ния, ни даже Надя не знали... — Цитата из стихотворения Мандельштама «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» (1920).

...это выяснилось только теперь из черновиков (50-е годы). — Речь идет об обнаруженных в 1950-х гг. рукописных отрывках статьи О. Мандельштама «Пушкин и Скрябин», написанной по поводу смерти композитора: «Пушкин и Скрябин — два превращения одного солнца. Дважды смерть художника собирала русский народ и зажигала над ним солнце. ...Они явили пример соборной, русской кончины, умерли *полной* смертью, как живут *полной* жизнью, их личность, умирая, расширилась до символа целого народа, и солнце-сердце умирающего остановилось навеки в зените страдания и славы.

Я хочу говорить о смерти Скрябина, как о высшем акте его творчества. Мне кажется, смерть художника не следует

выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее заключительное звено. С этой вполне христианской точки зрения смерть Скрябина удивительна. Она не только замечательна как сказочный посмертный рост художника в глазах массы, но и служит как бы источником этого творчества, его телеологической причиной. Если сорвать покров смерти с этой творческой жизни, она будет свободно вытекать из своей причины — смерти, располагаясь вокруг нее, как вокруг своего солнца, и поглощая его свет.

Пушкина хоронили ночью. Хоронили тайно. Мраморный Исаакий — великолепный саркофаг — так и не дождался солнечного тела поэта. Ночью положили солнце в гроб, и в январскую стужу проскрипели полозья саней, увозивших для отпевания прах поэта.

Я вспоминаю картину пушкинских похорон, чтобы вызвать в вашей памяти образ ночного солнца, образ последней греческой трагедии, созданной Еврипидом — видение несчастной Федры» (М а н д е л ь ш т а м О. Пушкин и Скрябин» (Фрагменты). — Цит. по: М а н д е л ь ш т а м, 2. С. 313–314).

По-видимому, умышленная неточность: Исаакиевский собор, сооружение которого было завершено лишь в 1858 г., не имеет отношения к отпеванию Пушкина. Отпевание предполагалось в Исаакиевской церкви при Адмиралтействе, но по воле Николая I было перенесено в церковь Конюшенного ведомства. Возможно, здесь, как и в строфе: «Поедем в Царское Село! // Свободны, ветрены и пьяны, // Там улыбаются уланы...» та же «умышленная неточность», фиксирующая внимание читателя на определенном образе.

37 *Сияло солнце Александра.* — Из стихотворения Мандельштама «Кассандре» (1917).

37 *Была я у Мандельштамов и летом в Китайской Деревне, где они жили с Лифшицами.* — Китайская деревня — часть архитектурного ансамбля Царского Села. Прав.: Лившиц Бенедикт Константинович (1886/87—1939) — поэт, мемуарист. Лившиц Екатерина Константиновна (1902—1987) — балерина, жена Б.К. Лившица.

...подчеркнутое невнимание к строке — «Там улыбаются уланы». — Из стихотворения Мандельштама «Царское Село», посвященного Георгию Иванову:

Поедем в Царское Село!
Свободны, ветрены и пьяны,
Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...
Поедем в Царское Село!

По поводу этой строфы комментаторы замечают: «Полагаем, что здесь мы имеем дело с тем же сознательным “сгущением пространства и времени”, какое заставило его, великолепно знавшего Петербург, переместить фиванских сфинксов с набережной перед Академией Художеств на набережную перед университетом» (в “Египетской марке”)... *Отрыв от реального места* делает реальную вещь еще более реальной (ошибка — особенно подчеркнуто — сознательная — заставляет другого не пропустить мимо сознания эту вещь) — и, вместе с тем, в какой-то мере *ирреальной*» (М а н д е л ь ш т а м, 1. С. 413).

В издании «Стихотворений», подготовленных Н.И. Харджиевым (Л., 1973), дана другая редакция строфы, возможно, как отклик на замечание Ахматовой:

Поедем в Царское Село!
Там улыбаются мещанки,

Когда гусары после пьянки
Садятся в крепкое седло...
Поедем в Царское Село!

37 *Лукницкий* Павел Николаевич (1902–1973) — писатель, путешественник, альпинист, друг Ахматовой. С декабря 1924 по 1929 г. Ахматова с помощью Лукницкого восстанавливала «Дни и труды» Н.С. Гумилева.

38 *На вершок бы мне синего моря, // На игольное только ушко...* — строки из стихотворения «День стоял о пяти головах...» (июнь 1935, Воронеж), один из образцов стихов, которые Ахматова называла «гражданскими стихами Мандельштама»:

День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток
Я, сжимаясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах.
Сон был старше, чем слух, слух был старше, чем сон, — слитен, чуток,
А за нами неслись большаки на ямщицких вожжах...

День стоял о пяти головах, и, чумая от пляса,
Ехала конная, пешая шла черноверхая масса:
Расширеньем аорты могущества в белых ночах, — нет, в ножах —
Глаз превращался в хвойное мясо.

На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко,
Чтобы двойка конвойного времени парусами неслась хорошо.
Сухомятная русская сказка, деревянная ложка — ау!
Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ?

Чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам дармоедов,
Грамотеет в шинелях с наганами племя пушкиноведов —
Молодые любители белозубых стишков,
На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко!

Поезд шел на Урал. В открытые рты нам
 Говорящий Чапаев с картины скакал звуковой...
 За бревенчатым тыном, на ленте простынной
 Утонуть и вскочить на коня своего!

По поводу этого стихотворения критик русского зарубежья Ю. Терапиано писал: «Страшные стихи... "День стоял о пяти головах..."», изображающие в сложных, криптограмматических строках шествие арестантов по этапу: "Ехала конная, пешая шла черновехая масса...". Что это — поэтическая символика или реальность?» (Грани. Франкфурт н/М., 1951. Кн. 50. С. 121).

По свидетельству Э.Г. Герштейн, Мандельштам несколько раз смотрел фильм Васильевых «Чапаев» (1934). Стихотворение как бы накладывалось на фильм, где впервые белая армия была представлена не бандой трусов и негодяев, но достойных и уверенных в себе противников. Особое впечатление производила атака белых офицеров, идущих строевым шагом на отряды чапаевцев. Россия в его восприятии была безмерным историческим пространством, общей родиной. «Я русский поэт — Мандельштам», — повторял он.

Из записей 31 мая 1935 г. С.Б. Рудакова (Ночь): «Основное — вещь о Пушкине и Чапаеве. Она говорит о русском фольклоре, о сказке, о стране и впервые о новом "племени", о ГПУ, о молодежи, у которой будущее, о пленном времени, вечности, и материально, на основе реального бреда при поездке на Урал, образы безумного пространства, расширяющегося, углубленного и понятного через "синее море пушкинских сказок..."» (цит. по: Герштейн. С. 118–119).

38 Хазин Евгений Яковлевич (1893–1974) — брат Н.Я. Мандельштам, литератор.

Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) — литературовед, прозаик, переводчик, один из теоретиков формальной школы (ОПОЯЗ), автор беллетризованных исторических романов «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара», популярного и экранизированного рассказа «Подпоручик Киже». Работал над романом о Пушкине, оставшимся незавершенным.

Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) — историк русской литературы, текстолог, входил в ОПОЯЗ. Разрабатывал проблемы поэтики. В своих исследованиях обращался к центральным фигурам литературного процесса — Пушкину, Лермонтову, Толстому. Автор книги «Анна Ахматова. Опыт анализа» (1923) и ряда статей, посвященных ее творчеству.

Гуковский Григорий Александрович (1902–1950) — исследователь русской литературы XIX–XX вв., профессор. В 1949 г. репрессирован.

Гинзбург Лидия Яковлевна (1902–1990) — исследователь русской поэзии, автор воспоминаний об Ахматовой.

Бухштаб Борис Яковлевич (1904–1985) — литературовед, исследователь русской литературы. Автор работ о Н.А. Некрасове, Н.А. Добролюбова, А.А. Фете, Ф.И. Тютчеве, публикаций и комментариев к изданиям русских классиков.

39 Следует в этой связи не забывать и Цезаря Вольпе... — Цезарь Самойлович Вольпе (1904–1941) — критик, редактор, литературовед, редактор журнала «Звез-

да». «Он напечатал запрещенный цензурой конец “Путешествия в Армению”. Это — т<ак> н<азываемое> “По древнеармянским мотивам” — про царя Шапуха, которого держит в крепости Аньюш победивший его ассириец» («Записные книжки». С. 593).

Н.Я. Мандельштам вспоминает: «...Вольпе сняли с работы, но его не посадили — ему повезло. Погиб он во время войны — никто не знает как — пробираясь из осажденного Ленинграда через Ладогу» (М а н д е л ь - ш т а м Н., 2. С. 460–461).

39 Бабель Исаак Эммануилович (1894–1941).

Зощенко Михаил Михайлович (1895–1958).

Леонов Леонид Максимович (1899–1994). — См. запись Ахматовой: «Признавал Зощенку и Бабеля. Больше всех ненавидел — Леонова» («Записные книжки». С. 286).

Кто-то сказал, что Н. Ч-й... — возможно, Николай Корнеевич Чуковский (1904–1965), детский писатель, сын К.И. Чуковского. Однако суждение Мандельштама имеет более широкий историко-литературный контекст. Статья «Конец романа» (1922) и беседы с Пастернаком, обратившимся к большой прозе и мечтавшим о произведении в форме романа, объясняют резко негативное отношение Мандельштама к современным писателям-романистам: «...его раздражало необоснованное употребление самого слова “роман” как обозначения жанра... по отношению к своей собственной работе он признавал только два понятия — проза и стихи...» (П а с т е р н а к Е.В., П а с - т е р н а к Е.Б. Координаты лирического пространства. С. 50).

39 Знакомство с Белым было коктейбельского происхождения. — В апреле 1933 г. Мандельштамы уехали в Старый Крым, где жили у вдовы писателя Грина — Нины Николаевны Грин. Из Старого Крыма они направились в Коктебельский Дом творчества писателей, там общались с Андреем Белым. Причину смерти Белого Мандельштамы видели в предисловии Л.Б. Каменева к мемуарной книге «Между двух революций», где литературная деятельность Белого была названа «трагифарсом», разыгравшимся на задворках истории». «Андрей Белый скупал свою книгу и вырывал из нее предисловие. Он ходил по книжным магазинам до тех пор, пока его не настиг инсульт, отчего он и умер. Мандельштамы были на похоронах. Надя отметила, что только одна учительница отважно привела туда своих учеников проститься с гениальным писателем» (Герштейн. С. 50). См. стихотворение Мандельштама на смерть Андрея Белого: «Голубые глаза и горячая лобная кость...» Ахматова вспоминает, что о смерти Белого Мандельштам сообщил ей в Ленинград: «Сейчас я стоял в почетном карауле у гроба Андрея Белого» (цит. по ВЛ. 1989. № 2. С. 201).

Пастернак... любил только грузин и их «красавиц жен». — К этому времени относятся частые поездки Б.Л. Пастернака с женой Зинаидой Николаевной Пастернак (Нейгауз) в Грузию и приемы грузинских друзей в Москве с богатыми застольями. Пастернак в эти годы увлекается грузинской поэзией, переводит Н. Бараташвили, А. Церетели, Г. Леонидзе, Т. Табидзе, С. Чиковани, П. Яшвили. Пастернак писал, что грузинские поэты стали частью его личного, духовного мира: «Годы моего первого знакомства с грузинской лирикой составляют особую, светлую и незабываемую страницу в моей жизни. Воспомина-

ния о толках и побуждениях, вызвавших эти переводы, а также подробности обстановки, в которой они производились, слились с целым мир, далекий и драгоценный...» (1 декабря 1946. Т. 4. С. 412).

39 Осенью 1933 года Мандельштам наконец получил (воспетую им) квартиру... — Нащокинский переулок, дом 5, квартира 26. В этой квартире в ночь на 14 мая 1935 г. Мандельштам был арестован. Ходили слухи, что среди стихов, свидетельствующих о неблагонадежности поэта, фигурировали и написанные на получение квартиры (ноябрь 1933):

Квартира тиха, как бумага —
Пустая без всяких затей,
И слышно, как булькает влага
По трубам внутри батарей.

Имущество в полном порядке,
Лягушкой застыл телефон,
Видавшие виды манатки
На улицу просятся вон.

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать —
А я как дурак — на гребенке
Обязан кому-то играть...

Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни наглей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей.

Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю
И грозное баюшки-баю
Кулацкому паю пою.

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель,
Достоин такого рожна.

Какой-нибудь честный предатель,
Проверенный в чистках, как соль,
Жены и детей содержатель —
Такую ухлопает моль...

И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намек,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

Давай же с тобой, как на плахе,
За семьдесят лет начинать, —
Тебе, старику и неряхе,
Пора сапогами стучать.

И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвется в халтурные стсны
Московского злого жилья.

Печ. по автографу В.Я. Виленкина, переданному ему Н.Я. Мандельштам (см. ВЛ. С. 202). Одним из поводов к созданию стихотворения явились слова Б. Пастернака, пришедшего посмотреть новое жилье Мандельштамов: «Ну вот, теперь и квартира есть — можно писать стихи». Однако «Мандельштам почувствовал себя пойманным в клетку, за которую еще потребуют с него страшной платы. Этот страх и ужас прорвались стихотворением, написанным как бы в ответ на веселые и легкие слова Пастернака, пришедшего поздравить его с новосельем» (ЛО. 1990. № 3. С. 94).

40 «Я к смерти готов» — фраза, сказанная О. Мандельштамом Ахматовой в феврале 1934 г., вошла в текст «Поэмы без героя»:

Это все наплывает не сразу.
 Как одну музыкальную фразу,
 Слышу шепот: «Прощай! пора!
 Я оставляю тебя живою,
 Но ты будешь моей вдовою,
 Ты — Голубка, солнце, сестра!»
 На площадке две слитые тени...
 После — лестницы плоской ступени,
 Вопль: «Не надо!» — и в отдалении
 Чистый голос:
 «Я к смерти готов».

Эта фраза, а также дата первого посвящения к «Поэме без героя» позволяет считать, что в мифологеме поэта в «Поэме без героя» присутствуют и черты О.Э. Мандельштама.

41 «Хулители Искусства» — не совсем точное свидетельство Ахматовой: «Осип читал мне на память отрывки стихотворения Н. Клюева “Хулители искусства” — причину гибели несчастного Николая Алексеевича. Я своими глазами видела у Варвары Клычковой заявление Клюева (из лагеря о помиловании): «Я осужденный за мое стихотворение “Хулители искусства” и за безумные строки моих черновиков». В действительности: «Из заявления во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет административно ссыльного в Нарымский край, в поселок Колпашево поэта Клюева Николая Алексеевича: “После двадцати пяти лет моей поэзии в первых рядах русской литературы я за безумные непродуманные строки из моих черно-

виков, за прочтение моей поэмы под названием «Погорельщина», основная мысль которой та, что природа выше цивилизации, сослан Московским ОГПУ в Нарым на пять лет»» (Николай Кляев в последние годы жизни: письма и документы. По материалам семейного архива // Новый мир. 1988. № 8. С. 171. Публ. С.И. Субботина).

41 Клычкова Варвара Николаевна — жена писателя Сергея Антоновича Клычкова (наст. фам. Лешенков; 1889—1940). Клычковы были соседями Мандельштамов по писательскому «Дому Герцена», поддерживали дружеские отношения и опекали приезжавшего из Ленинграда Л.Н. Гумилева.

Не расстреливал несчастных по темницам. — Строка из стихотворения С.А. Есенина: «Я обманывать тебя не стану...» (1922). См. в «Четвертой прозе» Мандельштама: «Есть прекрасный русский стих, который я не стану твердить в московские псиные ночи, от которого, как наваждение, рассыпается рогатая нечисть. Угадайте, друзья, этот стих — он полозьями пишет по снегу, он ключом верещит в замке, он морозом стреляет в комнату:

...Не расстреливал несчастных по темницам.

Вот символ веры, вот подлинный канон настоящего писателя, смертельного врага литературы» (М а н д е л ь ш т а м, 2. С. 184).

Эта проза такая неслышанная, забытая, только сейчас начинает доходить до читателя... — Борис Филиппов в предисловии издания нью-йоркского собрания сочинений писал в августе 1965 г.: «Проза Мандельштама — огромный шаг вперед... Впрочем, в культуре нет ни “вперед” ни “назад”: проза Мандельштама отходит от пси-

хологического повествования А. Белого, от фольклорного реализма Замятина, от старого фабульного повествования. Иногда она обыгрывает остроту сюжетного или словесного анекдота, иногда — сюитное построение целой свиты афоризмов. Она ведет повествование всегда не по линии стержня прежней фабулы: поступки героя и их психологическая мотивация. Она рисует героя при посредстве окружающих его вещей, исторического фона его жизни. Этот фон так приближается к герою, что иногда буквально пригнетает его к земле, иногда заслоняет его лицо. Но, как это ни парадоксально, мы видим персонажи Мандельштама много лучше, чем если бы они были нарисованы по старинке — прямой наводкой фотообъектива.

Проза Мандельштама — одновременно летопись и оратория эпохи» (М а н д е л ь ш т а м, 2. С. XVIII).

41 *Осип Эмильевич... сказал мне: «Стихи сейчас должны быть гражданскими», и прочел “Под собой мы не чуем”*. — Имеется в виду стихотворение, написанное Мандельштамом в ноябре 1933 г.:

Мы живем, под собою не чуя страны,
 Наши речи за десять шагов не слышны,
 А где хватит на полразговорца, —
 Там припомнят кремлевского горца.
 Его толстые пальцы, как черви, жирны,
 А слова, как пудовые гири, верны,
 Тараканьи смеются усища,
 И сияют его голенища

А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
 Он играет услугами полулюдей.
 Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
 Он один лишь бабачит и тычет.

Как подковы, кует за указом указ —
 Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
 Что ни казнь у него — то малина.
 И широкая грудь осетина.

Э. Герштейн рассказывает об истории создания и бытования этого стихотворения, ставшего, по ее убеждению, причиной ряда трагедий, и главным образом Льва Николаевича Гумилева, в следственном деле которого содержался текст стихотворения, переписанный его рукой: «Утром неожиданно ко мне пришла Надя, можно сказать, влетела. Она заговорила отрывисто. “Ося сочинил очень резкое стихотворение. Его нельзя записать. Никто, кроме меня, его не знает. Нужно, чтобы еще кто-нибудь его запомнил. Это будете вы. Мы умрем, а вы передадите его потом людям. Ося прочтет его вам, а потом вы выучите его наизусть со мной. Пока никто не должен об этом знать. Особенно Лева”.

Надя была очень взвинчена. Мы тотчас пошли в Нащокинский. Надя оставила меня наедине с Осипом Эмильевичем в большой комнате. Он прочел: “Мы живем, под собою не чуя страны” и т.д. все до конца — теперь эта эпиграмма на Сталина известна. Но прочитав заключительное двустиие — “Что ни казнь у него, то малина. И широкая грудь осетина”, он вскричал:

— Нет, нет! Это плохой конец. В нем есть что-то цветаевское. Я его отменяю. Будет держаться и без него... — И он снова прочел все стихотворение, закончив с величайшим воодушевлением:

Как подковы дарит за указом указ —
 Кому в лоб, кому в пах,
 Кому в бровь, кому в глаз!!

— Это комсомольцы будут петь на улицах! — подхватил он сам себя ликующе. — В Большом театре... на съездах... со всех ярусов... — И он зашагал по комнате.

Обдав меня своим огненным взглядом, он остановился:

— Смотрите — никому. Если дойдет, меня могут... **РАССТРЕЛЯТЬ!**» (Герштейн. С. 51).

Однако Мандельштам не удержался и читал это стихотворение не только людям, которым было можно доверять. Вскоре его пригласили на Лубянку, и он, решив быть до конца откровенным с ЧК, полагая таким образом доказать искренность и правоту поэта, которого, он был уверен, «следует судить по законам, им самим над собой поставленным», назвал всех, кому читал стихи, как они были восприняты, и даже через несколько дней припомнил «забытую» им М.С. Петровых, в результате чего, по мнению Э. Герштейн, было написано стихотворение «Черная свечка».

42 *«Мне хочется сказать не Сталин — Джугашвили»...* — Строка из «Оды» (январь-февраль 1937). У Мандельштама: «Хочу назвать его — не Сталин, Джугашвили». Написано в состоянии отчаяния. Как пишет С. Аверинцев: «Не признавая и все же каждодневно ощущая себя “тенью”, изверженной из мира людей и только по видимости замешкавшейся в нем, поэт проходит через свое последнее искушение: попросить милостыню у тени, поддаться иллюзорному соблазну, использовать свой дар, чтобы вернуться в жизнь. Так возникает “Ода Сталину”. Вполне очевидно, что Мандельштам — какими бы противоречивыми ни были к этому времени его, может быть, уже не всегда вменяемые мысли — должен был причинить себе при работе над “Одой” немалое насилие; внешним его знаком было уже то, что стихи не рождались на ходу, в движении,

“с голоса”, как обычно, — нет, поэту пришлось засадить себя за стол. “Каждое утро О.М. садился к столу и брал в руки карандаш: писатель как писатель, — вспоминает Н.Я. Мандельштам. — Просто Федин какой-то...” С другой стороны, столь же очевидно, что в отличие от жутких, откровенно мертворожденных опытов Ахматовой в официальном роде из цикла “Слава миру”, это не совсем пустая версификация, а нечто, хотя бы временами, отдельными прорывами и проблесками, причастное мандельштамовскому гению» (А в е р и н ц е в С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // М а н д е л ь ш т а м О. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 58). См. также А м е л и н Г., М о р д е р е р В. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М.; СПб., 2000. Глава «Сталин и Тарас Бульба».

42 Пунин Николай Николаевич (1888–1953) — историк искусства, муж А. Ахматовой.

«Немного географии» — стихотворение А. Ахматовой (1937) с посвящением О. Мандельштаму.

...вспетый первым поэтом... — А.С. Пушкиным.

13-го мая 1934 года его арестовали. — Имеется в виду первый арест О.Э. Мандельштама.

...столкновение с Толстым. — Ненависть к А.Н. Толстому возникла у Мандельштама, когда тот выступил несправедливым председателем товарищеского суда (май 1934 г.), на котором разбиралась история по делу оскорбления Мандельштамов поэтом Амиром Саргиджаном, соседом Мандельштамов по Дому Герцена. Мандельштам грозился дать пощечину Толстому, причем в распрю был вовлечен Лев Гумилев, живший в это время в Москве:

«Лева должен был подстергать его, чтобы вовремя подать сигнал Мандельштаму. Тогда Осип Эмильевич должен был возникнуть перед “графом” и дать ему пощечину. В связи с этой затеей, оба друга, старый и юный, просиживали в какой-то столовке или забегаловке у Никитских ворот, недалеко от дома Алексея Толстого. Этот район имел и другую притягательную силу: неподалеку был Гранатный переулок, где жила Петровых. Она не служила, и, несомненно, они забегали к ней в дневные часы.

Ревность и соперничество были священными атрибутами страсти в понимании Мандельштама.

— Как это интересно! У меня было такое же с Колей, — восклицал Осип Эмильевич. У него кружилась голова от разбуженных Левой воспоминаний о Николае Степановиче, когда в голодную зиму они оба домогались в Петрограде любви Ольги Николаевны Арбениной...» (Герштейн. С. 49—50).

История с пощечиной А. Толстому — одна из мифологизированных историй бытия Мандельштама, равно как и история с вырванными у Блюмкина расстрельными ордерами, которые тот подписывал, сидя в кафе. Свою версию Ахматова рассказала И. Берлину поздней осенью 1945 г.: «...Я спросил про Мандельштама. Она не произнесла ни слова, глаза ее наполнились слезами, и она попросила меня не говорить о нем: “После того как он дал пощечину Алексею Толстому, все было кончено...”. Ей нужно было некоторое время, чтобы успокоиться, затем совершенно другим тоном она сказала: “Алексей Толстой меня любил. Когда мы были в Ташкенте, он ходил в лиловых рубашках и любил говорить о том, как нам будет вместе хорошо, когда мы вернемся из эвакуации. Он был удивительно талантливый и интересный писатель, очаровательный негодяй, человек бурного темперамента. Его уже нет. Он был способен на все; он

был чудовищным антисемитом; он был отчаянным авантюристом, ненадежным другом. Он любил лишь молодость, власть и жизненную силу. Он не окончил своего “Петра Первого”, потому что говорил, что он мог писать только о молодом Петре. “Что мне делать с ними всеми старыми?”. Он был похож на Долохова и называл меня Аннушкой, — меня это коробило, — но мне нравился, хотя он и был причиной гибели лучшего поэта нашей эпохи, которого я любила и который любил меня» (В кн.: «Requiem». С. 207; Берлин И. Из очерка «Встречи с русскими писателями»).

Однако полагаем, что наиболее достоверно изложены события Федором Федоровичем Волькенштейном (1908—1985), сыном поэтессы Н.В. Крандиевской и пасынком А.Н. Толстого, знавшим о случившемся не с чужих слов (имеются также воспоминания Е. Тагер, Н. Чуковского, С. Липкина и др.). Цитируемые воспоминания Ф. Волькенштейна были в свое время изъяты из его мемуаров, публиковавшихся под фамилией Крандиевский в журнале «Звезда» (1981. № 1 и 1984. № 4).

«...Заседание товарищеского суда должно было происходить в помещении столовой в Доме Герцена. Это старинный желто-белый особняк со столовой, библиотекой, бильярдной, с разными редакциями и другими писательскими учреждениями, а также с небольшим писательским общежитием, коммунальной кухней, в которой всегда пахло кислыми щами. Одну из комнат в этом общежитии занимал Осип Мандельштам с женой, в другой жил какой-то молодой поэт, не русский. Я не помню сейчас ни его имени, ни национальности. Он вел себя довольно нагло: отказывался вернуть сорок рублей, взятых когда-то у Мандельштама взаймы. Оскорбительно вел себя по отношению к жене Мандельштама. Уже много месяцев среди горячих конфорок и кастрюль с супом шла нескончаемая коммунально-кухонная

писательская склока. В конце концов, Мандельштам подал на своего обидчика жалобу в товарищеский суд. Председателем этого суда был почему-то назначен Толстой.

Дом Герцена находился в густом саду, отделявшем его от Тверского бульвара. В летние теплые вечера в саду расставлялись столики, зажигались разноцветные лампочки. Здесь можно было попивать пиво или есть мороженое, рассматривая проходящих по бульвару.

Сейчас здесь было совсем темно. Лишь в первом этаже светились окна столовой. Нам навстречу выбежал молодой человек, поздоровался, помог раздеться, а затем, взяв отчима под локоток, повел его через зал и через сцену в какую-то заднюю комнату. Там в течение десяти-пятнадцати минут Толстого инструктировали, как надо вести процесс: проявить снисхождение к молодому национальному поэту, только начинающему печататься, к тому же члену партии.

Все столы в столовой (небольшой зал со сценой) были сдвинуты в угол, а стулья — расставлены перед сценой, как в театре. Мы с мамой сели в одном из первых рядов. В зале было много народу: вставали, садились, собирались группками и тихо беседовали. На нас с мамой смотрели с опаской. Все устали от полуторачасового ожидания. Наконец, зазвонил колокольчик. Все сели.

— Суд идет!

Все встали. Толстой с папкой под мышкой поднялся на сцену и сел на приготовленное для него место. Воцарилась тишина. Толстой открыл заседание. Проведя ладонью по лицу, как бы снимая паутину (такой знакомый, его всегдашний жест!), он сказал:

— Мы будем судить диалектички.

Все переглянулись. Раздался тихий ропот. Никто не понял, и сам председатель не знал, что это значит. Начались

вопросы, речи, суд протекал, как ему положено. Истец, Мандельштам, нервно ходил по сцене. Обвиняемый, развалившись на стуле, молчал и рассматривал публику. На его лице не было ни тени волнения. Казалось, что на сцене протекает никому не нужная процедура. Мандельштам произнес темпераментную речь. Обвиняемый молчал как истукан. Все выглядело так, как будто судили именно Мандельштама, а не молодого начинающего национального поэта.

После выступлений всех, кому это было положено, суд удалился на совещание. Довольно быстро Толстой вернулся и объявил решение суда: суд вменил в обязанность молодому поэту вернуть Осипу Мандельштаму взятые у него сорок рублей. Поэт был неудовлетворен таким решением и требовал иной формулировки: вернуть сорок рублей, когда это будет возможно. Суд, кажется, принял эту поправку.

Народ в зале не расходился. Все были возмущены. Ожидали, что суд призовет к порядку распоясавшегося молодого поэта. Зал бурлил. Раздавались возгласы: «Безобразие!», «Позор!» Не стоило созывать заседание суда, чтобы вынести постановление, что, мол, надо отдавать взятые займы деньги.

Щупленький Мандельштам вскочил на стол и, потрясая маленьким кулачком, кричал, что это не «товарищеский суд», что он этого так не оставит, что Толстой ему за это еще ответит. Это было похоже на выступление Камилла Демулена перед Люксембургским Дворцом во время Французской революции. Атмосфера накалилась. Отчим, мама и я сочли разумным ретироваться...

На этом рассказанная здесь история не кончается. У нее есть свой эпилог...

В Ленинграде на Невском, против Казанского собора, стоит большой дом. Это бывший дом Зингера, немецкой фирмы по продаже швейных машинок. Стена украшена ве-

ликорусской красавицей в кокошнике, которая крутит ручку машинки. Теперь это Дом книги. На первом этаже расположен громадный книжный магазин. На следующих этажах — различные редакции и издательства. Здесь в коридорах всегда можно встретить разных писателей. Однажды Толстой столкнулся в дверях лицом к лицу с Осипом Мандельштамом. Мандельштам побледнел, а затем, отскочив и развернувшись, дал Толстому звонкую пощечину.

— Вот Вам за Ваш «товарищеский суд», — пробормотал он.

Толстой схватил Мандельштама за руку.

— Что Вы делаете?! Разве Вы не понимаете, что я могу Вас у-ни-что-жить! — прошипел Толстой.

И когда спустя некоторое время Мандельштам был арестован, а затем сослан и след его утерялся, возник слух, что это дело рук Толстого. Я знал и заверяю читателя, что ни к аресту Мандельштама, ни к его дальнейшей судьбе Толстой не имел никакого отношения... Да разве мог человек произнести такую угрозу, имея в виду ее осуществление?» (В о л ь к е н ш т е й н Ф. Товарищеский суд по иску Осипа Мандельштама. С. 54—57; публикация Л.Н. Радловой; цит. по кн.: «Сохрани мою речь...»).

В этом же издании опубликованы документы, повлекшие за собой арест О.Э. Мандельштама 2 мая 1938 г. и гибель поэта: письмо секретаря Союза писателей СССР Владимира Петровича Ставского (наст. фам. Кирпичников; 1900—1943), адресованное наркому внутренних дел Н.И. Ежову, и заключение «О стихах О. Мандельштама» литературного функционера — писателя П.Н. Павленко. Материалы, полученные Комиссией по творческому наследию репрессированных писателей при Союзе писателей СССР из КГБ СССР (публикация В. Шеталинского):

Союз Советских Писателей СССР
Наркомвнудел тов. Ежову Н.И.

Сов. Секретно
16 марта 1938 г.

Уважаемый Николай Иванович!

В части писательской среды весьма нервно обсуждается вопрос об Осипе Мандельштаме!

Как известно — за похабные клеветнические стихи и анти-советскую агитацию О. Мандельштам был года три-четыре тому назад выслан в Воронеж. Срок его высылки окончился. Сейчас он вместе с женой живет под Москвой (за пределами «зоны»).

Но на деле — он часто бывает в Москве у своих друзей, главным образом — литераторов. Его поддерживают, собирают для него деньги, делают из него «страдальца» — гениального поэта, никем не признанного. В защиту его открыто выступали Валентин Катаев, И. Прут и другие литераторы, выступали остро.

С целью разрядить обстановку О. Мандельштаму была оказана материальная поддержка через Литфонд. Но это не решает всего вопроса о Мандельштаме.

Вопрос не только и не столько в нем, авторе похабных, клеветнических стихов о руководстве партии и всего советского народа. Вопрос об отношении к Мандельштаму группы видных советских писателей. И я обращаюсь к вам, Николай Иванович, с просьбой помочь.

За последнее время О. Мандельштам написал ряд стихотворений. Но особой ценности они не представляют — по общему мнению товарищей, которых я просил ознакомиться с ними (в частности, тов. Павленко, отзыв которого прилагаю при сем).

Еще раз прошу Вас помочь решить этот вопрос об О. Мандельштаме.

С коммунистическим приветом

В. Ставский

О СТИХАХ МАНДЕЛЬШТАМА

Я всегда считал, читая старые стихи Мандельштама, что он не поэт, а версификатор, холодный, головной составитель рифмованных произведений. От этого чувства не могу отделаться и теперь, читая его последние стихи. Они в большинстве своем холодны, мертвы, в них нет даже того самого главного, что, на мой взгляд, делает поэзию, — нет темперамента, нет веры в свою страну.

Язык стихов сложен, темен и пахнет Пастернаком. (См. 4-ю строфу «Станс» стр. № 5 и даже 7-ю и 8-ю).

Едва ли можно отнести к образцам ясности и следующие строки:

«Где связанный и пригвожденный стон?
Где Прометей — скалы подспорье и пособие?
А коршун где — и желтоглазый гон
Его когтей, летящих исподлобья?» (стр. № 23).

Мне трудно писать рецензию на эти стихи. Не любя и не понимая их, я не могу оценить возможную их значительность или пригодность. Система образов, язык, метафоры, обилие флейт, арий и проч., все это кажется давно где-то прочитанным.

Относительно хороши (и лучше прочих) стихи пейзажные (стр. 21, 25, 15), хороши стихотворения: 1) «Если б меня наши враги взяли...» (стр. 33), 2) «Не мучнистой бабочкою белой...» (стр. 7) и 3) «Мир начинается, страшен и велик...» (стр. 4).

Есть хорошие строки в «Стихах о Сталине», стихотворении, проникнутом большим чувством, что выделяет его из остальных.

В целом же это стихотворение хуже своих отдельных строф. В нем много косноязычия, что неуместно в теме о Сталине.

У меня нет под руками прежних стихов Мандельштама, чтобы проверить, как далеко ушел он теперь от них, но — читая — я на память большой разницы между теми и этими не чувствую, что, может быть, следует отнести уже ко мне самому, к нелюбви моей к стихам Мандельштама.

Советские ли это стихи? Да, конечно. Но только в «Стихах о Сталине» это чувствуется без обиняков, в остальных же стихах — о советском догадываемся. Если бы передо мною был поставлен вопрос — следует ли печатать эти стихи, — я ответил бы — нет, не следует.

П. Павленко

(Т а м ж е. С. 57–60).

42 ...мой орденский знак Обезьяньей Палаты, последний данный Ремизовым в России... — Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957), писатель, в августе 1921 г. эмигрировал, умер в Париже. Ремизовская Обезьянья палата — шутовской тайный «Орден», в который Ремизов посвящал избранных. Возник в 1908 г., в пору написания трагедии об «Иуде, принце Искаротском», герой которой обезьяний царь Асыка награждал обезьяньими знаками. Первыми кавалерами Обезьяньей палаты Ремизова стали три режиссера — Ф.Ф. Комиссаржевский, А.П. Зонов, В.Г. Сахновский. Особо почитаемые члены Обезьяньей палаты награждались цветистыми грамотами, изготовлявшимися индивидуально для каждого автором. Ремизовская грамота, сделанная для Ахматовой, явилась последней из изготовленных им в России и была не только выражением любви к Ахматовой, но и данью памяти в то время уже содержавшемуся в тюрьме и обреченному Н. Гумилеву. В заключительном фрагменте главы о Блоке Ахматова писала: «...Мы пошли к Ремизовым, передать рукописные книжки Скалдина (Ольга и я). Не достучались. Через несколько часов там уже была засада — они накануне бежали за границу» («Записные книжки». С. 683).

Статуэтка (работы Данько)... — Данько Наталия Яковлевна (1892–1942), скульптор, керамист, художни-

ца, автор статуэтки Ахматовой в знаменитой шали. Статуэтка ограниченным тиражом была выполнена на Ленинградском фарфоровом заводе.

42 Толстая-Есенина Софья Андреевна (1900—1957) — последняя жена С.А. Есенина. Одно время была директором Музея Союза писателей, а затем музея-заповедника «Ясная Поляна». По другим сведениям, «Обезьянья грамота» была подарена Н.И. Харджиеву с надписью на обороте: «На вечное хранение Н.И. Харджиеву. Ахматова. 8 июня 1932» (Тименчик Р.Д., Лавров А.В. Материалы А.А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. М.: Наука, 1976. С. 62).

Ордер на арест был подписан самим Ягодой. — Ягода Генрих Григорьевич (1891—1938), в те годы нарком Внутренних дел. Был близок к литературным кругам, женат на сестре секретаря РАПП Л. Авербаха, по широко бытовавшим слухам, был влюблен в невестку М. Горького «Тимошу» и причастен к смерти сына Горького А. Пешкова.

В первых числах августа 1963 г., когда Ахматова тщательно подбирала «осколки» к новелле о Мандельштаме, в записных книжках появляются строки («Из забытого»):

Ах! — где те острова,
Где растёт трын-трава
Густо

.....

Где Ягода-злодей
Не гоняет людей

К стенке
И Алешка Толстой

Не снимает густой
Пенки.

(«Записные книжки». С. 392).

Ахматова подчеркивает здесь связь времен — соединяя песни, приписываемые декабристу Кондратию Рылееву, с куплетами, долгое время приписываемыми ей. (Записная книжка подчеркивает ее авторство.)

42 За стеной, у Кирсанова, играла гавайская гитара. — Кирсанов Семен Исаакович (1906—1972) — поэт, входил в литературную группу РЕФ (Революционный фронт искусств). Игра за стеной на гавайской гитаре — живая примета времени, когда дрожавшие от страха соседи пытались не замечать трагических событий за стеной у соседа. Ср. в «Реквиеме»: «Чтоб я увидела верх шапки голубой//И бледного от страха управдома» (Ч. VIII. К Смерти. 19 августа 1939 г.).

43 Следователь при мне нашел «Волка»... — Имеется в виду стихотворение Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931, 1935).

Чулковы — Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — писатель, Чулкова Надежда Григорьевна (урожд. Петрова, в первом браке Степанова; 1875—1961) — переводчица, мемуаристка, жена Г.И. Чулкова.

Пастернак... пошел просить за Мандельштама в «Известия», к Бухарину, я в Кремль к Енукидзе. — Бухарин Николай Иванович (1888—1938) — в 1934—1937 гг. редактор «Известий», знал и любил поэзию. На I съезде советских писателей из современных поэтов особо выделил Пастернака. Енукидзе Авель Сафро-

нович (1877–1937) — с 1934 г. член ЦК ВКП(б), управляющий делами Кремля.

43 Русланов Лев Петрович (1896–1937) — актер театра Е.Б. Вахтангова, знакомый секретаря Енукидзе, который организовал встречу.

См. Стансы, стр<офа> 4. — Ахматова отсылает к строфе «Стансов» («Я не хочу средь юношей тепличных...»):

Подумаешь, как в Чердыни-голубе,
Где пахнет Обью и Тобол в раструбе,
В семивершковой я метался кутерьме!
Клевеющих козлов не досмотрел я драки:
Как петушок в прозрачной летней тьме —
Харчи да харк, да что-нибудь, да враки, —
Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок. И я в уме...

Сталин... звонил Пастернаку. <...> **Все связанное с этим звонком требует особого рассмотрения. Об этом пишут обе вдовы, и Надя и Зина, и существует бесконечный фольклор.** — **Надя и Зина** — см.: М а н д е л ь - ш т а м Н., 1. Глава «Истоки чуда». С. 152; Борис Пастернак. Второе рождение. Письма к З.Н. Пастернак (П а - с т е р н а к З. Воспоминания. М., 1993. С. 290–292).

В истории звонка Сталина Пастернаку попыталась разобраться Эмма Герштейн, сопоставив документально зафиксированные факты с опытом собственного расследования, в значительной мере проливающие свет на эту мифологизированную историю. Бухарин в конце своего письма Сталину сделал приписку: «И Пастернак тоже волнуется». После этого и последовал известный звонок Сталина Пастернаку. Однако Герштейн пытается объяснить звонок Сталина Па-

стернаку и другими причинами, имеющими, на наш взгляд, свой резон: «Вспомним, что его личное общение с Пастернаком не было первым. Первое произошло в 1932 году в особенной форме. С него начинается история увлечения Пастернака Сталиным, безусловно отразившаяся на положении Ахматовой и ее сына» (Герштейн С. 332).

В откликах на гибель жены Сталина, Надежды Сергеевны Аллилуевой, среди потока соболезнований в «Литературной газете» (от 17 ноября 1932 г.) видное место занимало письмо, подписанное тридцатью тремя писателями. Имени Пастернака среди них не было. Однако там же была напечатана отдельная пастернаковская записка: «Присоединяюсь к чувству товарищей. Накануне глубоко и упорно думал о Сталине, как художник — впервые. Утром прочел известие. Потрясен так, точно был рядом, жил и видел». «18 ноября в “Правде” было помещено письмо И.В. Сталина в редакцию — общая благодарность всем, выразившим сочувствие его горю. Реакция Сталина на удивительные слова Пастернака осталась неизвестной. Но когда через восемнадцать месяцев он позвонил Пастернаку насчет Мандельштама, забыть о той странной и значительной приписке поэта он, конечно, не мог. Не забыл ее и Пастернак, но никогда никому о ней не напоминал, хотя она была напечатана. Надеюсь, не покажется натяжкой мысль, что в телефонном звонке Сталина содержался и его ответ на ту приписку Пастернака» (Герштейн С. 332).

Герштейн рассматривает в контексте времени и другие письма Пастернака Сталину, и стихи, посвященные вождю, выделяя среди них письмо с просьбой помочь Ахматовой в постигшей ее беде после ареста в 1935 г. сына и мужа (Пунина) и об их незамедлительном освобождении. Герштейн выражает понятное удивление, что «за осво-

бождение Л. Гумилева и Н.Н. Пунина благодарил Сталина Пастернак, а не Ахматову, полагая, что все эти три года между поэтом и Сталиным шел свой молчаливый диалог» (Герштейн С. 333). Так говорит и сам автор письма: «Меня мучит, что я не последовал тогда своему первому желанию поблагодарить Вас за чудесное освобождение родных Ахматовой, я постеснялся побеспокоить Вас вторично и решил затаить про себя чувство горячей признательности Вам, уверенный в том, что все равно неведомым образом оно как-нибудь дойдет до Вас» (Пастернак Б. Т. 2. С. 620).

43 Усневич Елена Феликсовна (1893—1968) — литературный критик, переводила с польского, чиновник из Союза писателей.

Пильняк Борис Андреевич (наст. фам. Вогау; 1884—1938) — писатель, близкий друг Ахматовой. В 1929 г. Пильняк издал за границей роман «Красное дерево», за что был исключен из Союза писателей и подвергнут резкой критике. Ахматова отказалась принять участие в осуждении Пильняка и вышла из Союза, оказавшись за пределами писательской организации. Адресат стихотворения «Все это разгадаешь ты один...» (1938, 1940) из цикла «Венок мертвым».

Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873—1944) — поэт, переводчик, театральный деятель, дипломат. В 1921—1939 гг. — полномочный представитель Литвы в РСФСР, а затем в СССР.

Шпет Густав Густавович (1879—1937) — философ, психолог, преподавал в старших классах Фундуклеевской гимназии, которую Ахматова закончила в Киеве. В Москве в 1930-е гг. — вице-президент Государственной акаде-

мии художественных наук (ГАХН). После ликвидации ГАХН занимается переводами. В 1935 г. арестован и сослан. Вторично арестован в 1937 г. Расстрелян.

Прокофьев Сергей Сергеевич (1881–1953) — композитор, один из любимых Ахматовой.

43 Триолешка — Триоле Эльза Юрьевна (урожд. Каган; 1896–1970) — жена Л. Арагона, французская писательница, сестра Л.Ю. Брик. По воспоминаниям Л.К. Чуковской, Ахматова рассказывала (со слов литератора В.Б. Сосинского, вернувшегося из Франции) о статье Триоле в «Les Lettres Françaises», писавшей «будто Мандельштама погубил Пастернак своим знаменитым разговором со Сталиным — когда Сталин позвонил Пастернаку по телефону после первого ареста Мандельштама» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 421).

44 ...синдик Цеха Поэтов бывший Сергей Городецкий... — См. «Литературную газету» с выступлением Городецкого «Против бессодержательной формы и бесформенного содержания» — из речи на общемосковском собрании писателей» // «Литературная газета». 1936, 27 марта. В тексте Ахматовой указана ошибочная дата.

Надя никогда не ходила к Борису Леонидовичу и ни о чем не молила, как пишет Роберт Пейн. — Пейн Роберт — американский литературовед; по-видимому, имеется в виду статья: Р а у н е R. Les Trois mondes de Boris Pasternak. Paris, 1963.

Ахматову буквально поражали «открытия» критика, как в отношении Мандельштама, так и ее самой (см. «Записные книжки». С. 423).

45 Маркиш Перец Давидович (1895–1952) — еврейский писатель. Расстрелян по обвинению в связях с зарубежными сионистскими организациями. Позже Ахматова переводила Маркиша и дружила с его сыном, переводчиком-эллинистом Симоном Перецевичем Маркишем.

Сима — Серафима Густавовна *Нарбут*, прототип Суок в сказке Юрия Олеши «Три толстяка».

Жена Зенкевича — Александра Зенкевич. В 1978 г. подготовила к печати беллетризованный автобиографический роман М.А. Зенкевича «Эльга», написанный в 1928 г. и высоко ценимый Ахматовой. См.: З е н к е в и ч М. Эльга. Беллетристические мемуары. М., 1991.

Ольшевская-Ардова Нина Антоновна (1908–1991) — актриса, близкий друг Ахматовой, соседка Мандельштамов по дому в Нащокинском переулке.

Булгакова Елена Сергеевна (урожд. Нюренберг, в первом браке Неелова, во втором Шиловская; 1893–1970) — третья жена М.А. Булгакова; близкая знакомая Ахматовой.

Мандельштам Александр Эмильевич (1892–1942) — брат О.Э. Мандельштама, библиограф.

«Славные ребята из железных ворот ГПУ...» — строка из стихотворения «День стоял о пяти головах...» (1935, Воронеж): «Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ».

46 Демьян Бедный (наст. фам. и имя Придворов Ефим Алексеевич; 1883–1945) — популярный поэт-публицист, до революции печатался в партийной периодике, долгое время в советские годы поддерживался властью.

46 В начале 20-х годов (1923) Мандельштам дважды очень резко нападал на мои стихи в печати... — По воспоминаниям Л.Я. Гинзбург, Ахматова, говоря о Мандельштаме, как-то благосклонно заметила: «В 20-х годах Осип был очень радикально настроен. Он тогда написал про меня: “столпничество на паркете”» (Гинзбург Л. О старом и новом. Л., 1982. С. 306). У Мандельштама: «Воистину русские символисты были столпниками стиля: на всех вместе не больше пятисот слов. Они стояли на колодах. Ахматова же стоит на паркетине — это уже паркетное столпничество» (Русское искусство. 1923. Кн. 2. С. 68–70).

47 Но и о своем славословии моих стихов он тоже не говорил, и я прочла его только теперь (рецензия на «Альманах Муз» (1916) и «Письмо о Русской Поэзии» (1922, Харьков). — В статье «О современной поэзии» (К выходу «Альманаха муз») Мандельштам писал: «Сочетание тончайшего психологизма (школа Анненского) с песенным ладом поражает в стихах Ахматовой наш слух, привыкший с понятием песни связывать некоторую душевную элементарность, если не бедность. Психологический узор в ахматовской песне так же естественен, как прожилки кленового листа:

А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней...

Однако стихи “Альманаха” мало характерны для новой Ахматовой. В ней еще много острот и эпиграмм, между тем для Ахматовой настала иная пора. В последних стихах Ахматовой произошел перелом к гератической важности, религиозной простоте и торжественности: я бы сказал, после женщины настал черед жены. Помните: “сми-

ренная, одетая убого, но видом величая жена". Голос отречения крепнет все более и более в стихах Ахматовой, и в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России» (цит. по: М а н д е л ь ш т а м О. Слово и культура. М., 1987. С. 253).

В «Письме о русской поэзии» — статья впервые опубликована не в Харькове в 1922, как сообщает Ахматова, а в газете «Советский юг» (Ростов-на-Дону. 1922. 21 января), — размышляя о судьбах современной поэзии, обратившись к именам Бальмонта, Брюсова, Вяч. Иванова, Андрея Белого, пытаюсь осмыслить истоки поэзии Блока, Клюева, Кузмина, Мандельштам определяет «родословную Ахматовой», которая «...принесла в русскую лирику всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа девятнадцатого века. Не было бы Ахматовой, не будь Толстого с "Анной Карениной", Тургенева с "Дворянским гнездом", всего Достоевского и отчасти даже Лескова. Генезис Ахматовой весь лежит в русской прозе, а не поэзии. Свою поэтическую форму, острую и своеобразную, она развивала с оглядкой на психологическую прозу. Вся эта форма, вышедшая из асимметричного параллелизма народной песни и высокого лирического прозаизма Анненского, приспособлена для переноса психологической пылцы с одного цветка на другой. Итак, ни одного поэта без роду и племени, все пришли издалека и идут далеко» (цит по кн.: Слово и культура. М., 1987. С. 175).

47 В Воронеже при Мандельштаме был Сергей Борисович Рудаков, который, к сожалению, оказался совсем не таким хорошим, как мы думали. — Рудаков Сергей Борисович (1909—1943) — литературовед, младший сын генерала царской армии, служившего у Брусилова и, по-видимому, одновременно с Брусиловым перешед-

шего в Красную Армию (был расстрелян вместе с сыном Игорем в 1921 или 1922 г., по ошибке, какой-то приехавшей на проверку комиссией). Сергей Рудаков был выслан из Ленинграда вместе с другими «дворянами» и одновременно с Мандельштамом оказался в Воронежской ссылке. Всесторонне образованный и амбициозный юноша сблизился с Мандельштамами, редактировал мандельштамовские тексты, собирал материалы для литературной биографии Мандельштама. В 1936 г. навестившая Мандельштама Ахматова познакомилась с Рудаковым, он произвел на нее самое благоприятное впечатление, и Ахматова доверила ему и жившей в Ленинграде его жене Лине Самойловне Финкельштейн значительную часть архива Н.С. Гумилева. Получив на фронте контузию, Рудаков вернулся в Ленинград, работал в военкомате и вскоре был осужден за «должностное преступление» — подписал отсрочку знакомому, который патологически боялся фронта. С.Б. Рудаков был осужден на десять лет, по личной просьбе отправлен на фронт в штрафной роте и погиб в первом же бою. Вдова стала распродавать рукописи Гумилева и Мандельштама, что явилось ударом для Ахматовой и Н.Я. Мандельштам и бросило тень на уже к тому времени погибшего Рудакова. В воспоминаниях Н.Я. Мандельштам многие страницы, посвященные Рудакову, рисуют его человеком малопорядочным, едва ли не плагиатором, предполагавшим воспользоваться рукописями О.Э. Мандельштама, выдав их впоследствии за свои (М а н д е л ь ш т а м Н., 2).

Под воздействием случившегося, воспринятого Ахматовой со слов Надежды Яковлевны, она написала фрагмент под названием «Рудаков», по-видимому, предполагая включить его в новеллу о Мандельштаме. Впервые текст опубликован М.М. Кралиным: «Перелом руки очень дол-

го давал себя чувствовать: когда я приехала в Воронеж, у Осипа Эмильевича рука была на перевязи, он не мог сам надеть пальто, не мог и писать. Свои стихи он диктовал жене, и поэтому огромное количество его стихов написано не его почерком. Рядом с ним или, вернее, около него появился новый человек — Сергей Борисович Рудаков, молодой ленинградский литературовед и поклонник стихов Мандельштама. Всего один месяц Осип Э. диктовал ему свои стихи (цикл “Чернозем”). Под конец этот юноша начал раздражать Осипа Эмильевича. Получив освобождение в июле 1938 г. (он был выслан в Воронеж), Рудаков вернулся в Ленинград, где продолжал заниматься Пушкиным. Я была в Пушкиноме на его докладе о “Медном всаднике”. В конце войны он (Рудаков) был убит на фронте.

И вот вчера мне пришлось увидеть письмо С.Б. Рудакова воронежского периода к его жене Л.С., в котором он утверждает, что 160 стихов (строк) Мандельштама написаны им, Рудаковым (или, вернее, сотворены из какой-то мертвой массы, что они втроем (он — Рудаков, Вагинов и Мандельштам — составляют всю русскую поэзию) (Пастернак, Цветаева и Ходасевич не в счет), что (о ужас!) потомки будут восхищаться им, Рудаковым, что он объяснил Мандельштаму, как писать стихи и т.п. Все это, конечно, больше всего похоже на бредмании величия, но, если эти письма попадут в руки недоброжелателей, я могу себе представить, какие узоры будут расшиты на этой канве. Вся “работа” (!) Рудакова в настоящее время находится неизвестно где. *Собственные стихотворные попытки Рудакова манерны, вычурны, действительно похожи на стихи Вагинова и других представителей тогдашней “левой” поэзии, но они ни на что большее претендовать не могут.*

Ясно одно: и до, и после Рудакова Мандельштам писал гениальные стихи, так называемый второй период начался с конца 20-х годов (напр. "Армения"...) и претензии Рудакова могут вызвать только усмешку.

В этом страшно одно. Какие бездны у каждого под ногой, какой такой змеиный шелест зависти и злобы неизбежно сопровождает людей, одаренных талантом. Придумать, что у нищего, сосланного, бездомного Мандельштама можно что-то украсть, — какая светлая, благородная мысль, как осторожно и даже грациозно она осуществлена, с какой-то заботой о потомках и о собственной, очевидно, посмертной славе.

Подумать только, что эти письма (к жене) писались рядом с еще живым, полным мыслей и ритмов гениальным поэтом... в то время как Надя делила всю еду на три равные части. Хочется закрыть лицо и бежать, но куда...» (БО 2. С. 362, 363).

Впервые приведенный М. Кралиным фрагмент имеет дату, поставленную Ахматовой, — 3 февраля 1960. Красная Конница, т.е. время работы над новеллой.

Однако ранее 8 ноября 1945 г. Ахматова написала стихотворение «Памяти друга», посвященное Рудакову:

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

По-видимому, интуиция Ахматовой подсказала ей необходимость публикации стихотворения памяти С.Б. Ру-

дакова. Что же касается фрагмента, полного негодования и укора, он так и остался среди черновых набросков, не войдя ни в один из списков новеллы. Изданные Э.Г. Герштейн дневники и письма С.Б. Рудакова раскрывают глубину духовной драмы талантливейшего человека, не допущенного из-за дворянского происхождения в высшее учебное заведение и превратившегося по воле обстоятельств в «маленького Сальери», беззаветно преданного филологии и лишенного возможности ею заниматься. Расшифрованные и опубликованные заметки Рудакова, его по-юношески заносчивые суждения и желание славы, как убедительно доказывает Э.Г. Герштейн, едва ли заслуживают беспощадного суда Н.Я. Мандельштам, отзыв которого слышится и в гневном укре ахматовского фрагмента. После выхода фундаментальных мемуаров Э.Г. Герштейн многие факты получили иное освещение, во многом объясняющие, если не оправдывающие мальчишескую заносчивость Рудакова в письмах к обожаемой жене, которая после его гибели распродала часть бесценных автографов в голодном послевоенном Ленинграде.

47 Шацкий (Чацкий) Леонид Иванович (наст. фам. Страховский; 1898–1963) — поэт, литературовед, племянник С.И. Ростовцевой — жены известного историка М.И. Ростовцева.

48 Козмин Борис Павлович (1883–1958) — историк и литературовед. Справочник «Писатели современной эпохи; Биобиблиографический словарь русских писателей XX века» вышел в 1928 г. Большая часть тиража была уничтожена из-за статьи о Троцком.

«**Музыка на вокзале**» — так называла Ахматова стихотворение Мандельштама «Концерт на вокзале» (1921).

48 Шенье Андре Мари (1762–1794) — французский поэт, публицист, дипломат. Казнен якобинской диктатурой. Наследие было собрано и опубликовано лишь в 1819 г.

Сафо (Сапфо) — древнегреческая поэтесса; жила в первой половине VI в. до н.э. на острове Лесбос. Воспевала любовь, страсть, нежность, женскую привязанность и дружбу.

Липкин Семен Израилевич (р. 1911) — поэт, переводчик, автор книги «Квадрига» (М.: Аграф, 1997).

Тарковский Арсений Александрович (1907–1989) — поэт, переводчик, автор книг «Перед снегом» (1962), и «Земле — земное» (1966).

50 Миндлин Эмилий Львович (1900–1981) — поэт, мемуарист, автор воспоминаний «Необыкновенные собеседники». Книга вышла в 1968 г., возможно, Ахматовой они были известны в журнальных публикациях.

51 Еще не умер ты, еще ты не один... — начальная строка стихотворения, написанного в Воронеже; датировано 15–16 января 1937 г. Строкой из этого стихотворения: «Покуда с нищенкой-подругой», обращенной к Н.Я. Мандельштам, Ахматова предполагала назвать новеллу. Заглавие «Нищенка-подруга» встречается в планах ее неосуществленных замыслов.

Асеев Николай Николаевич (1889–1963) — поэт, входил в группу «Леф», друг В.В. Маяковского.

«Снегурочка» — опера Н.А. Римского-Корсакова (1881).

Сельвинский Илья (Карл) Львович (1899–1968) — поэт, драматург, прозаик, один из организаторов ЛЦК

(Литературного центра конструктивистов), его лидер и теоретик

52 ...у «деда» нет теплой одежды. — Дед — отец О. Мандельштама Мандельштам Эмиль Вениаминович (1856–1938). Юношей обучался в берлинской талмудической школе. Купцом 1-й гильдии поселился с семьей в Петербурге, одно время семья жила в Павловске, именовался «мастером перчатного дела и сортировщиком кож». (См. автобиографическую прозу О. Мандельштама «Шум времени», высоко ценимую Ахматовой.)

Мой сын говорит, что ему во время следствия читали показания Осипа Мандельштама... — Подробно об этом см. в кн.: Герштейн С. 416–418.

Лена (Осмеркина) — Гальперина Елена Константиновна, в те годы жена художника Александра Александровича Осмеркина, близкая подруга Э.Г. Герштейн.

<1>

Впервые — «Записные книжки». С. 20. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97). По-видимому, один из первых набросков для «Листков из дневника».

53 Деятельность салона Лили Брик. — Ахматова подозревала Лилу Юрьевну и Осипа Максимовича Бриков, в салоне которых собирались крупные сотрудники ГПУ, в причастности к своей судьбе и аресту Мандельштама. Документально эти подозрения не подтверждены.

<2>

Впервые — «Записные книжки». С. 244. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

53 *Вот он — не хотим никого другого.* — Неточная цитата из Евангелия от Матфея: 11,3; от Луки: 7,19–20.

...минуя внуков к правнукам уйдет. — Цитата из стихотворения Мандельштама «Я не слышал рассказов Осианна» (1914):

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет,
И снова скальд чуждую песню сложит
И как свою ее произнесет.

<3>

Впервые — «Записные книжки». С. 286. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

54 *Федин* Константин Александрович (1892–1977) — прозаик, входил в литературную группу «Серапионовы братья». Роман «Похищение Европы» (1933–1934) написан после поездки на Запад, отличается схематизмом в результате воздействия официальной идеологии, о чем писал сам Федин (см. неопубликованные дневники К. Федина 20–30-х годов // Русская литература. 1992. № 4).

<4>

Впервые — «Записные книжки». С. 466. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

54 *...последний парад женщин...* — С лета 1917 г. началось формирование «Женских батальонов смерти». Среди защитников Зимнего дворца, резиденции Временного правительства, в октябре 1917 г. был и «Первый петроградский батальон» М. Бочкаревой. См. у Маяковского

ироническое: «Первым, боязнь одолен, снялся бабий батальон» (поэма «Хорошо!», гл. 6, строки 739–742).

<5>

Впервые — «Записные книжки». С. 523. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 111).

После 20 февраля 1965 г. Ахматова помечает в записной книжке: «В 1933–34 году два раза у Мандельштамов в Нащокинском» (С. 586).

54 Что-то в отношении ко мне другого Иосифа... — И.А. Бродского.

<6>

Впервые — «Записные книжки». С. 554. Печ. по автографу РГАЛИ (С. 112).

54 Мочульский Константин Васильевич (1892–1948) — филолог, литературный критик; после революции эмигрировал.

Смирнов Александр Александрович (1883–1962) — литератор.

Радлов Николай Эрнестович (1889–1942) — художник; **Радлов** Сергей Эрнестович (1892–1958) — режиссер.

Саломея с Рафаловичем. — **Рафалович** Сергей Львович (1875–1943), поэт, литературный критик. В те годы муж Саломеи Николаевны Андрониковой. Из Крыма переехал в Тифлис, где напечатал статью «Анна Ахматова» // Арг. Тифлис. № 1. С. 1–8.

«Ахматова, Паллада, Саломея». — Отсылка к строкам стихотворения Г. Иванова «Январский день, на бере-

гу Невы...» — «Где Олечка Судейкина, // Увы, Ахматова, Паллада, Саломея» (И в а н о в Г. Т. 1. С. 387),

<7>

Впервые — «Записные книжки». С. 556. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 112).

55 Заезжие иностранцы. — Поль Фор (1872—1960) — французский поэт, в марте 1914 г. его вечера проходили в «Бродячей собаке». *Маринетти* Филиппо Томмазо (1876—1944) — итальянский поэт, теоретик футуризма. Выступал с лекциями о футуризме в странах Европы. «Неделя Маринетти» прошла в «Бродячей собаке» в феврале 1914 г.

Формалисты. — Ахматова имеет в виду членов ОПОЯЗа (Общество поэтического изучения языка): В. Шкловского, В. Жирмунского, Б. Эйхенбаума.

Миклашевская Ирина Сергеевна (урожд. Михельсон; 1883—1953) — пианистка и педагог.

<8>

Впервые — «Записные книжки». С. 636. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

<9>

Впервые — Т и м е н ч и к Р. Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1984. № 1. Т. 43. С. 68. В некоторых черновых списках новеллы «Мандельштам» фрагмент входил в текст (см. ВЛ. 1989. № 2. С. 192).

57 Все камерные циркули и лиры... — Из стихотворения А.С. Пушкина «В начале жизни школу помню я...» (1830):

Всё — мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры...

В великолепный мрак чужого сада... — Из стихотворения А.С. Пушкина «В начале жизни школу помню я...» (1830).

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

«Священный сумрак». — Из стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» (1829):

Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.

<10>

Впервые — Т и м е н ч и к Р. Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой. С. 66—67.

57 ...о Комиссаржевской... не говорит последнее слова: королева модерна... — См. главу «Комиссаржевская» («Шум времени»). Королевой русского модерна назвала В.Ф. Комиссаржевскую Ахматова:

И женщина с зеркальными глазами
Подростка-нищенки, —
властительница сцены
И королева русского модерна.

Поэма о начале века.

57 Савина Мария Гавриловна (урожд. Подраменцова; 1854–1915) — актриса Александринского театра, прославившаяся исполнительница ролей классической русской драматургии — Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, И.С. Тургенева.

58 ...чувство иудейского хаоса... — Глава «Хаос иудейский» («Шум времени»).

...недоумение перед человеком в шапке (за столом). — В главе «Книжный шкаф» Мандельштам вспоминает: «В припадке национального раскаяния наняли было ко мне настоящего еврейского учителя. Он пришел со своей Торговой улицы и учил, не снимая шапки, отчего мне было неловко... <...> Нижнюю полку я помню всегда хаотической: книги не стояли корешок к корешку, а лежали, как руины: рыжие пятикнижья с оборванными переплетами, русская история евреев, написанная неуклюжим и робким языком говорящего по-русски талмудиста. Это был повергнутый в пыль хаос иудейский» («Шум времени»).

«Писатели современной эпохи». — В указанной книге Б.П. Козмина эта цитата отсутствует. В комментарии Р. Тименчика указано: «Имеется в виду факт, отраженный в биографической справке о Мандельштаме, написанный Д.С. Усовым: “16<-ти> лет... занимался пропагандой на массовках”» / Т и м е н ч и к Р. Неопубликованные и прозаические заметки Анны Ахматовой. С. 75.

<11>

Впервые — «Записные книжки» С. 18. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97).

ЛОЗИНСКИЙ

Впервые — БО 2. С. 138–150. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 115 и 113)

Главу или новеллу о Михаиле Леонидовиче Лозинском (см. о нем коммент. к очерку «Мандельштам») Ахматова начала писать в Боткинской больнице 30 января 1966 г., в канун одиннадцатой годовщины его смерти. Началу записи в виде эпиграфа предпослана строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Завтра день молитвы и печали» на смерть Е.А. Денисьевой (Накануне годовщины. 4 августа 1864 г.).

Решение ввести в книгу, одно из условных названий которой «Листки из дневника», главу о М.Л. Лозинском, по-видимому, возникло под впечатлением вечера, посвященного его памяти, подготовленного Ленинградской студией телевидения в мае 1965 г. Для этого вечера Ахматова, по предложению Е. Эткинда, наговорила на магнитофон текст, который назвала «Слово о Лозинском» (опубликован после ее смерти. День поэзии. Л., 1966. С. 51–52). В новелле развиты положения и мысли, выраженные ею в «слове», прозвучавшем на юбилейном вечере.

Текст новеллы записан в несколько приемов, за неделю. Записанные в рабочих тетрадях отрывки представлены согласно ее пометам — (начало), (развить), (вставить цитаты), Finish и т.д.

Текст существует в незавершенной редакции. 31 января 1966 г., лишь приступив к работе, Ахматова пишет своему другу и литературному секретарю А.Г. Найману: «Пишу воспоминания о Лозинском, но выходит вяло и чуть-чуть слезливо» (цит. по: Н а й м а н А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 223). Авторская работа по перебеливанию рукописи проведена не была. Ахматова предполагала провести ее в санатории под Москвой, куда приехала после больницы и недолгого пребывания у Ардовых 4 марта 1966 г. Найман появился в санатории на сле-

дующий день, но уже не застал Ахматову в живых: «5 марта я с букетиком нарциссов отправился в Домодедово — 3-го, прощаясь, мы условились, что я приеду переписать набело перед сдачей в журнал воспоминания о Лозинском, которые вчерне были уже готовы и требовали лишь незначительных доделок и компоновки» (там же. С. 225—226).

Знакомство Ахматовой с Лозинским произошло на третьем заседании «Цеха поэтов» осенью 1911 г. 10 ноября, по записям Лукницкого (см. Лукницкий. 1. С. 29).

60 Лизиной матери... чуть ли не Нарышкиной. — Мать Е.Ю. Кузьминой-Караваевой — Софья Борисовна Делоне. Нарышкины — русский дворянский род, известный с XVI в. Наталия Нарышкина (1651—1694) — мать Петра I. О родственных связях Делоне (Пиленко) с Нарышкиными сведений, по-видимому, не сохранилось.

Я считаю, что лучшее из написанных мне тогда стихов принадлежит ему («Не забывшая»). — Стихотворение написано Лозинским в 1912 г. и включено в книгу «Горный ключ».

Дружба наша началась как-то сразу и продолжалась до его смерти. — Об отношениях Ахматовой с Лозинским и их обмене поэтическими посланиями ближайший друг Лозинского Н.С. Гумилев шуточно говорил: «Двор был уведомлен». Н.С. знал, но не ревновал особенно. Стихи в «Белой стае»» (Лукницкий, 1. С. 82).

На квартире Лозинских в январе 1915 г. состоялось первое чтение поэмы «У самого моря». Лозинский держал корректуры «Четок», «Белой стаи», «Подорожника», «Анно Доміні», «Из шести книг», смотрел переводы писем Рубенса и трагедии В. Гюго «Марион Делорм».

И еще одна запись со слов Ахматовой: «Николай Степанович в последние годы сказал Валерии Сергеевне про Лозинского: “Мы с ним, как два викинга, пьем из одного рога, курум из одной трубки. Лозинский это моя душа”» (там же. С. 236).

Владелица архива М.Л. Лозинского, в котором содержится значительное число материалов, связанных с Ахматовой (автографы, письма, корректуры ее первых книг), И. Платонова-Лозинская рассказывает: «Знакомство это вскоре переросло в тесную дружбу, рождались посвященные Лозинскому стихи. Это — “Не будем пить из одного стакана...” (1913), “Он длится без конца — янтарный, тяжкий день...” (1912), “Они летят, они еще в дороге...” (лето 1916) и, по предположению акад. В.М. Жирмунского, стихотворение “8 ноября 1913” (по старому стилю день именин М. Лозинского — день архангела Михаила), а также датированное маем 1913 г. — “Ты пришел меня утешить, милый...”». Стихотворение Лозинского «Не забывшая» Ахматова считала лучшим из многих десятков стихотворений, посвященных ей в ту пору (ЛО. 1989. № 5. С. 64):

Еще свою я помню колыбель,
И ласково земное новоселье,
И тихих песен мимолетный хмель,
И жизни милой беглое веселье.

Я отдаюсь, как кроткому лучу,
Неярким дням моей страны родимой.
Я знаю — есть покой, и я хочу
Тебя любить и быть тобой любимым.

Но в душном сердце — дивно и темно,
И ужас в нем, и скорбь, и песнопенье,

И на губах, как темное пятно,
Холодных губ горит напечатленье.

И слух прибоем и стенаньем полн,
Как будто вновь, еще взглянуть не смея,
Я уношу от безутешных волн
Замученную голову Орфея.

60 Тогда же, т.е. в 10-ых годах, составил^{ся} некий триумвират: Лозинский, Гумилев, Шилейко. — Ахматова вспоминала: «...если Лозинскому Николай Степанович что-нибудь и рассказывал, то это как в могиле... Лозинский никому ничего не скажет. Был только один случай, когда Лозинский выдал Николая Степановича (вероятно, невольно, не будучи посвящен в обстоятельства дела, — и тогда это только подтверждает то, как мало Николай Степанович посвящал в свою личную жизнь даже самых близких друзей)». Далее Лукницкий записывает: «АА пришла в (“Бродячую собаку” в “Аполлон”)? — кажется в “Аполлон”...) и спросила Лозинского, где Николай Степанович. Лозинский ответил: “Он с Ларисой Рейснер уехал”. Потом, когда Николай Степанович вернулся домой и стал объяснять, что он был на заседании, оно затянулось, потом еще где-то — по делу. АА сказала ему, что это не так. “Ты был с Ларисой Рейснер — мне Лозинский сказал!”» Николай Степанович очень рассердился тогда на Лозинского» (Л у к н и ц к и й, 1. С. 164).

На этот вечер Блок не пошел (см. «Записная книжка»). — Ошибка памяти. Запись Блока не в записных книжках, а в дневниках. См. запись от 11 ноября 1911 г.: «Вчера вечером не пошел ни слушать рассказ Ясинского, ни к матери жены Кузьмина-Караваева, где собралось “Гумилевско-Городецкое общество”» (Б л о к, 7. С. 86).

61 *Маковский* Сергей Константинович (1877–1962) — художественный критик, поэт, организатор и редактор литературно-художественного журнала «Аполлон» (1909–1917).

Секретарем «Аполлона» М.Л. Лозинский был в 1913–1917 гг.

Лозинская Татьяна Борисовна (урожд. Шапирова; 1885–1955) — историк. Умерла в один день с мужем. Сохранилась запись Л.К. Чуковской: «Анна Андреевна потрясена смертью Лозинских. Говорит о них с умилением, с гордостью.

— Величественная кончина! Завидная. Он умер, не зная, что она умирает. Что ж. Дети у них пристроены, только внуков жаль... Какие люди!» Запись (от 6 февраля 1955 г.) снабжена пояснением Л. Чуковской: «Михаил Леонидович Лозинский скончался 31 января 1955 года.; жена его, Татьяна Борисовна, убедившись, что он — накануне кончины, приняла яд. Оба они умерли в один и тот же день и в один день похоронены» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 109).

62 *«Марьон Делорм»* — трагедию В. Гюго «Марьон Делорм» Ахматова перевела в 1952 г.

«Письма Рубенса» — книга «Петр Павел Рубенс. Письма»/Пер. А.А. Ахматовой. Ред. и предисл. А.М. Эфроса (М.; Л.: Academia, 1933).

О шилейкинском чаромутии... — В.К. Шилейко, знаток древневавилонской культуры, ее магических аспектов. Вокруг его «чаромутии» вилось столько легенд, что одну из них Г. Иванов то ли пересказал, то ли сочинил в своих ненавидимых Ахматовой «Петербургских зимах».

Приведем отрывок из новеллы «Магический опыт», по-видимому, сознательно пародирующий ситуацию, якобы приключившуюся в самом деле: «На Михайловской улице мы взяли таксомотор. Шилейко молчал. Только когда мы были на Охтинском мосту, он спросил отрывисто:

— Пушкинское «Заклинанье» помнишь?

— Еще бы.

— Ну-ка, прочти.

Я начал:

О, если правда, что в ночи...

— Не так, не так, — перебил он меня. — Не так читаешь. Интонация неверная. Это не обыкновенные стихи, а магические, колдовские. Пушкин сам не знал, что он написал. <...> И вот взял вдруг не умом, а силой гения, договорился до последних вещей, до самой глубины глубин. Вот как это надо читать:

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустуют тихие могилы.

Он читал свистящим металлическим шепотом, полужакрыв глаза и откинув назад птичью смуглую голову. Стальные очки его поблескивали. В горле странно колокотали гласные.

Явись, возлюбленная тень... —

просвистел он, как какое-то настойчивое приказание, которому нельзя не повиноваться. Мне стало не по себе.

<...> Дом был одноэтажный, новый. Новенькая вывеска: “Столярная мастерская В.П. Венникова” — весело засияла в свете автомобильных фонарей. Сам хозяин открыл нам дверь. <...> Вещичка-то с вами? — обратился он к Шилейке. — Позвольте сюда. Вот так, — положил он небольшой сверток, вынутый Шилейкой из портфеля, под холст, сильно прикрутив лампу, отставил ее в дальний угол.

— Садитесь, господа, прошу покорно. Как крестные? — обратился он ко мне. — Как имя то есть? Георгий — значит, Егор. Ну-с, начнем, благословясь.

Мы уселись. Хозяин посредине. Справа — я, слева — Шилейко. Накрытый холстом стол с возвышающимся бугорком подложенного под холст, неизвестного мне предмета смутно белел перед нами. Минуту длилось сосредоточенное, неприятное молчание. Потом тихим, монотонным голосом, немного нараспев, столяр начал бормотать:

Стоит мать сыра земля,
Бегут по земле три кобеля,
Растут на земле три гриба,
Идут по земле три Божьих раба,
Владимир, Егор и Василий.
У каждого кобеля свои дела.
У каждого гриба своя нога.
У каждого человека своя судьба.
У Владимира, у Егора, у Василия.

<...> Монотонный распев перешел незаметно в свист, мягкое оканье сменилось каким-то металлическим шелестом. Совсем как Шилейко читал в автомобиле пушкинское “Заклинанье”. “О, если правда, что в ночи...” — вспомнил я. Если правда, что этот мужик-столяр нашептывает сейчас какую-то таинственную сагу и что-то непонятное,

сверхъестественное сейчас произойдет. <...> Свистящая скороговорка помимо моей воли увлекала меня куда-то, и я не имел силы сопротивляться. Что-то мутно-липкое было в этом постепенном опутывании разума набором ритмических свистящих слов, где, как припев, повторялись наши имена попеременно с Богородицей, Христом, зелеными лугами, морями-океанами и какими-то замысловатыми при сказками. Несмотря на елейный смысл, неуловимый оттенок кощунства был во всем этом. Еще все повторялось о руке: “белой руке”, “сахарной руке”, “царской руке”, о которой тоскуют и от которой чего-то ждут Владимир, Егор и Василий.

Явись, рука, из-под бела платка
Владимиру, Егору и Василию.

Вдруг совершенно отчетливо я увидел на холсте перед собой женскую руку. Это была прелестная, живая, теплая, смуглая рука. Она шевелилась и точно тянулась к чему-то, она вся просвечивала, точно сквозь нее проникало солнце. <...>

Шилейко вскрикнул и отшатнулся. Столяр не бормотал больше. Вид у него был разбитый, изнеможенный, глаза мертвые, на углах рта пена.

— Что же было в пакете? — спросил я, наконец, когда мы выехали с Литейного на ярко освещенный Невский.

— Как что было в пакете? Да, ведь ты не знал. Вот, смотри.

Он достал портфель и развернул газетную бумагу. В бумаге был ящик вроде сигарного со стеклянной крышкой. Под стеклом желтела сморщенная, крючковатая лапка, бывшая когда-то женской рукой. Такая-то принцесса, называл Шилейко. Такая-то династия. Такой-то век до Рожде-

ства Христова. Из музея. Завтра утром положу на место. Никто не узнает» (И в а н о в Г. Т. 3. С. 379–382).

62 «И отравительница Федра»... — Мандельштам исправил на «негодующая Федра».

Гум (Гумми) — дружеское прозвище Н.С. Гумилева.

Это они (да простит им Господь) внулили мне, что равного ему нет на свете. — Ахматова имеет в виду В.К. Шилейко.

В 20-ых годах — тяжелые осложнения в личной жизни: он полюбил молодую девушку. — Ахматова имеет в виду Оношкович-Яцыну Аду Ивановну (1897–1935), поэтессу, переводчицу. В 1920–1921 гг. занималась в студии перевода при Доме Искусств под руководством Лозинского. Наиболее известные ее переводы — из Киплинга, Байрона, Колриджа, Гейне. Печаталась в альманахах «Новый Гиперборей» (1921), «Дракон» (1922).

М.М. Кралин комментирует строки Ахматовой: «В этом фрагменте Ахматова, вольно или сознательно, допускает ряд неточностей, объяснимых, видимо, тем, что она передает историю любви М.Л. Лозинского, не зная подробностей. *Молодая девушка*, о которой пишет Ахматова, поэтесса и переводчица, ученица Лозинского <...> Лозинский полюбил ее не в 30-х годах, а по крайней мере десятилетием раньше. Уже в начале 20-х годов Оношкевич-Яцына вышла замуж за офицера флота, впоследствии контр-адмирала Евгения Евгеньевича Шведе (1890–1977); в 1922 г. у них родился сын Николай» (БО 2. С. 351).

63 ...о методе перевода «Divina Com<media>» — главная работа Лозинского — перевод «Божественной комедии» Данте, над которым он работал в 1939–1945 гг.

Изданный в 1945 г., этот перевод получил Сталинскую премию 1946 г.

63 *В моей книге прозы должна быть глава о моем дорогом незабвенном друге, образце мужества и благородства.* — 5 января 1940 г. Ахматову вновь принимали в Союз писателей, из которого она вышла в 1929 г. в знак протеста против исключения из писательской организации Б. Пильняка и Е. Замятина после публикации за рубежом романов «Красное дерево» и «Мы». Л.К. Чуковская вспоминает рассказ Ахматовой об этом дне, соединяя свои слова с цитатой из самой Анны Андреевны: «...В Союз принимали ее очень торжественно. За ней заехали секретарша и член правления Союза — Лозинский. Председательствовал Слонимский.

— Я его по привычке все еще называю Мишей. <...> Миша сказал, что я — среди собравшихся, и предложил приветствовать меня. Все захлопали. Я встала и поклонилась. Потом говорил Михаил Леонидович. Он ужасные вещи говорил. Представьте себе: дружишь с человеком 30 лет — и вдруг он встает и говорит, что мои стихи будут жить, пока существует русский язык, а потом их будут собирать по крупицам, как строки Катулла. Ну что это, правда! Ну можно ли так! Народу было много, и все незнакомые» (Ч у к о в с к а я, 1. С. 65–66).

Он пригласил меня на «Валенсианскую вдову». — Пьеса Лопе де Вега (наст. имя Вега Карпьо; 1562–1635). Перевод был завершён М.Л. Лозинским к 1939 г. Премьера спектакля прошла 21 марта того же года в Ленинградском театре комедии в постановке и художественном оформлении Н.П. Акимова.

64 «Собака на сене» — комедия Лопе де Вега (опубл. 1618).

О переводе «Гамлета»... — «Гамлет» переведен Лозинским в 1933 г. и вошел в первый том Полного собрания сочинений Шекспира в восьми томах (М.; Л.: Academia, 1936). В 1937 г. вышел отдельным изданием с параллельным текстом на русском и английском языках (Academia).

К моей Вале... относятся «тысячелетние глаза», «и с цепью маленькие руки...». — Из стихотворения М. Лозинского:

Тебе ль не петь пэан хвалебный,
 Мой мудрый рок, мой друг волшебный,
 Мне давший сердцем позабыть,
 Что время перестало быть?
 В Патмосце сказанные годы,
 Когда веков живые воды
 Плынью смертной протекли.
 Когда из края в край земли
 Под черным ветром несвободы
 Свинцовой зыбью шли народы,
 Ты опоясал Город мой
 Войной, и голодом, и чумой.
 Ты облачил его каменья,
 Порфирой дивной запустенья,
 И он, как призрак, засверкал
 Во льдах магических зеркал,
 И ты меня, с больною кровью
 К его сиянию пронизал
 Последней, вещью любовью.
 И нежный, и безумный яд
 Впивал мой обреченный взгляд.

И я бродил по стогнам сонным,
 Как бы в бреду преображенным,
 Познав впервые благодать
 Внимать и видеть, помнить, ждать
 Тебе ль не петь пэан высокий,
 Мой мудрый рок, мой друг жестокий,
 Мне завещавший каждый день
 Вступать в торжественную сень,
 Где меркнет свет, где молкнут звуки,
 Чтобы, плывя над тишиной,
 Опять прошли передо мной
 На литургии древней муки.
 Как нерожденная гроза
 Тысячелетние глаза
 И с цепью маленькие руки,
 Похожие на крик разлуки.

(Дракон. Альманах стихов.

Вып. I. Цех Поэтов. Пб., 1921)

Реминисценция из этого стихотворения содержится в ахматовской надписи на книге (1940 г.), подаренной Лозинскому, — «из мглы магических зеркал» (отмечено Р.Д. Тименчиком. «Поэма без героя». С. 330–331).

65 *И будет страшное к ислению готово.* — Из стихотворения М. Лозинского «Так много милого, и сердцу не снести...» (Альманах «Цеха поэтов». Кн. 2. Пг., 1921).

«Ах! одна в семье умеет//Грамоте она». — Из стихотворения А.Н. Майкова «Картинка» (28 февраля 1861 г.), написанного в связи с Манифестом 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права в России. Перепечатывалось в учебниках и школьных хрестоматиях:

Что ж так слушают малютку, —
 Аль уж так умна?..
 Нет! Одна в семье умеет
 Грамоте она...

65 *«Многомятежно ремесло твое, о Царица»...* — ремесло, т.е. ремесло, искусство, умение, восходит к древнерусскому языку XII в.

66 *Друзьям своим Мих<анл> Леон<идович> была всю жизнь бесконечно предан.* — Л.К. Чуковская так комментирует эти строки, рассматривая верность, как явление не только интимно-личностное, но и как проявление философско-общественной нравственности: «Черта эта проявилась с особенной яркостью в те революционные годы, когда многие друзья Анны Андреевны и Михаила Леонидовича покинули Россию». Далее она приводит цитату из статьи внука Лозинского Ивана Толстого (Т о л с т о й И. Круто к ветру // Ленинградская панорама. Л.: Сов. писатель. 1988. С. 439): «В отдельности влияние каждого культурного человека на окружающую жизнь может казаться очень скромным и не оправдывающим приносимой им жертвы. Но как только один из таких немногих покидает Россию, видишь, какой огромный и невосполнимый он этим наносит ей ущерб: каждый уходящий подрывает дело сохранения культуры; а ее надо сберечь во что бы то ни стало. Если все разъедутся, в России наступит тьма, и культуру ей вновь придется принимать из рук иностранцев. Нельзя уходить и смотреть через забор, как она дичает и пустеет. Надо оставаться на своем посту. Это наша историческая миссия» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 631).

69 *Ивановский* Игнатий Михайлович (р. 1932) — переводчик, автор воспоминаний об Ахматовой.

69 ...я могу быть уверена, что все его письма ко мне существуют... — Оригиналы писем хранятся в архиве И. Платоновой-Лозинской. Часть писем Ахматовой к М.Л. Лозинскому опубликована их владельцем (ЛО. 1989. С. 65). Письма свидетельствуют о глубоком взаимном доверии и отклике Лозинского на просьбы Ахматовой. В письме из Слепнева от 8 августа 1913 г., обеспокоенная отсутствием вестей от Гумилева из Африки, где он находился в экспедиции, Ахматова пишет: «У меня к Вам большая просьба, Михаил Леонидович. <...> Так как экспедиция послана Академией, то самое лучшее, если справляться будут оттуда. Может быть, Вы можете пойти в Академию и узнать, имеют ли там известия о Коле. <...> Мне очень стыдно, Михаил Леонидович, затруднять Вас моими делами, но Вы единственный человек, которого я могу просить...» И еще от 16 (ноября) 1916 г. из Севастополя: «...Коля писал мне о Вашем согласии заведовать четвертыми "Четками". Теперь я за них спокойна, но мне очень грустно, что чтение этих скучных корректур будет отнимать у Вас время. В Петербург я думаю приехать на один-два дня, а оттуда в Слепнево. Надеюсь повидаться с Вами, несмотря на краткость пребывания в городе. Часто я Вас вспоминаю, давний мой друг...» (там же).

Якобсон Анатолий Александрович (1935–1978) — поэт, переводчик, собеседник Ахматовой.

Глен Ника Николаевна — переводчица, редактор.

...слова Ломоносова о том, что скорее можно отставить Академию от него, чем наоборот. — В очерке «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкин пишет о споре М.В. Ломоносова с графом Шуваловым, своим патроном и меценатом: «...заспоря с тем же вельможею, Ло-

моносов так его рассердил, что Шувалов закричал: “Я отставляю тебя от Академии!” — “Нет, — возразил гордо Ломоносов, — разве Академию от меня отставят”» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. С. 286).

70 ...мимо огромного дома на Кировском проспекте... — М.Л. Лозинский жил по адресу: Кировский проспект, д. № 73/75; до переименования улиц в Петрограде и ныне — Каменноостровский проспект.

ИЗ КНИГИ «КАК У МЕНЯ НЕ БЫЛО РОМАНА С БЛОКОМ»

В последние годы жизни, когда уже были написаны первые новеллы для книги «Листки из дневника», Ахматова работала над главой об Александре Блоке. В рабочих тетрадях сохранились фрагменты из книги, которую она то ли в шутку, то ли всерьез предполагала назвать «Как у меня не было романа с Блоком». И глава «Трагическая осень», и книга, с упомянутым заглавием, завершены не были. Остались фрагменты (РГАЛИ) и (РНБ), а также ряд подготовительных материалов, свидетельствующих о том, что Ахматова собиралась написать не только главу для «Листков из дневника», но и книгу о Блоке, «человеке-эпохе». Составленные ею планы-проспекты позволяют судить о грандиозности авторского замысла, о внимании к целому и детали, удивительной памяти и остроте видения. Впервые эти развернутые планы, размеченные по пунктам, представлены читателю в «Записных книжках» Ахматовой (но не прокомментированы). Комментарий к этому неосуществленному авторскому замыслу призван ввести читателя в творческую лабораторию Ахматовой, по возможности прояснить движение авторской мысли от факта или даты к воспоминанию и художественному их претворению — «картине».

Нами использованы работы В.М. Жирмунского, В.Н. Орлова, Д.Е. Максимова, комментарии Г.П. Струве и Б.А. Филиппова ко второму тому мюнхенского издания Сочинений Ахматовой (1968), разыскания В.А. Черных, Р.Д. Тименчика, воспоминания А.Г. Наймана, публикации томов «Литературного наследства» и другие источники.

Текст «Воспоминания о Блоке», подготовленный по просьбе ленинградского телевидения для вечера памяти Блока в связи с 85-летием со дня рождения и опубликованный после смерти Ахматовой (Звезда. 1967. № 12), в значительной мере кантоминирован.

<1>

Впервые — «Записные книжки». С. 621–622. В измененном виде и с сокращениями вошло в текст телевизионной передачи о вечере памяти Александра Блока 12 октября 1965 г. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

72 Эпиграф — строки из стихотворения, заключающего вторую книгу стихотворений Ахматовой «Четки»:

Простишь ли мне эти ноябрьские дни?
В каналах приневских дрожат огни.
Трагической осени скудны убранства.

<Ноябрь> 1913 Петербург

В «Четках» помещено после стихотворения, посвященного Александру Блоку: «Я пришла к поэту в гости...». По-видимому, два эти стихотворения как-то связаны в художественном мире поэзии Ахматовой.

...Осенью 1913, в день чествования... Верхарна... — Вечер Верхарна на Бестужевских курсах состоял-

ся 25 ноября 1913 г. *Верхарн* Эмиль (1855–1916) — бельгийский поэт, драматург, литературный критик, писал на французском языке. Всплеск популярности в России приходится на 1900-е гг. Главный интерес вызывали урбанистические стихи Верхарна. Его переводили В. Брюсов, А. Блок, М. Волошин.

72 *Бестужевские курсы* учреждены в 1878 г. историком Константином Николаевичем Бестужевым-Рюминым (1829–1897), возглавлявшим это высшее женское учебное заведение по 1882 г.

73 «*Анна Андреевна, мы не тенора!..*» — Возможно, памятью об этой фразе Блока вызвана строфа стихотворения Ахматовой (9 сентября 1960 г.) с неоднозначной, как считают некоторые исследователи, характеристикой Блока:

И в памяти черной, пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный и сладкий.
И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок —
Трагический тенор эпохи.

Жили-были двое королевских детей... — Приведенная Ахматовой по памяти стихотворная цитата восходит к стихотворению Верхарна «*Les deux enfants de roi...*».

74 *Тыркова* Ариадна Владимировна (Вергежская, по второму мужу Вильямс; 1869–1962) — критик, публицист, автор мемуарной прозы и беллетристики, обще-

ственный и политический деятель, член кадетской партии. С 1920 г. — в эмиграции в Англии. Последние одиннадцать лет прожила с семьей сына в США. В эти годы вышли два тома воспоминаний: «На путях к свободе» (Нью-Йорк, 1952); «То, чего больше не будет: Из семейной хроники» (Париж, 1954). Третий том «Подъем и крушение. 1914—1918 гг.» печатался в парижском журнале «Возрождение» в 1956—1958 гг. Воспоминания о Серебряном веке «Тени минувшего» также опубликованы в журнале «Возрождение» (1954—55. № 33, 34, 37, 41, 42). О Блоке и Ахматовой А.В. Тыркова вспоминает: «Из поэтесс, читавших свои стихи в Башне, ярче всего запомнилась Анна Ахматова. Пленительная сила струилась от нее, как и от ее стихов. Тонкая, высокая, стройная, с гордым поворотом головы, закутанная в цветистую шаль, Ахматова походила на гитану. Нос с горбинкой, темные волосы, на лбу подстриженные короткой челкой, на затылке подхвачены высоким испанским гребнем. Небольшой, тонкий, не часто улыбавшийся рот. Темные, суровые глаза. Ее нельзя было не заметить. Мимо нее нельзя было пройти, не залюбовавшись ею. На литературных вечерах молодежь бесновалась, когда Ахматова появлялась на эстраде. Она делала это хорошо, умело, с сознанием своей женской обаятельности, с величавой уверенностью художницы, знающей себе цену. А перед Блоком Анна Ахматова робела. Не как поэт, как женщина. В Башне ее стихами упивались, как крепким вином. Но ее темные глаза искали Блока. А он держался в стороне. Не подходил к ней, не смотрел на нее, вряд ли даже слушал. Сидел в соседней полутемной комнате» (Тыркова - Вильямс А. Тени минувшего // Возрождение. Париж. 1955. № 41. С. 87—88).

74 *Мой отец за глаза называл ее — «Ариадна Великолепная»...* — Одно время семьи жили в Царском Селе по соседству. А.В. Тыркова-Вильямс вспоминает: «Анна Ахматова изредка ко мне заходила <...> у нее сохранились обо мне полудетские царскосельские воспоминания. <...>

— Я Вас в Царском и на улице все высматривала, — рассказывала она мне. — Папа Вас называл Ариадна Великолепная. Мне это слово ужасно нравилось. Я тогда же решила, что когда-нибудь тоже стану великолепная...

Она имела право сказать:

— Вот так и вышло. Только я Вас перегнала...

По благовоспитанности своей она никогда мне этого не сказала» (т а м ж е).

...шлиссельбуржец Морозов... — Морозов Николай Александрович (1854—1946) — общественный деятель, профессиональный революционер, писатель, ученый биофизик. С 1879 г. член исполнительного комитета «Земли и воли», в январе 1881 г. при нелегальном возвращении из Европы в Россию был задержан на границе и судим, до 1905 г. отбывал одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости. В 1911 г. за сборник стихотворений «Звездные песни» (1910) приговорен к годичному тюремному заключению. В Двинской крепости написал книгу мемуаров «Повести моей жизни» (Т. 1—4, изд. 1916—1918).

Тараховская Елизавета Яковлевна (урожд. Парнох; 1895—1968).

Парнох София Яковлевна (наст. фам. Парнох, псевд. Андрей Полянин; 1885—1932) — поэт, литературный критик, переводчик.

<2>

Впервые — «Записные книжки». С. 669. Фрагмент написан между 15 и 19 сентября 1965 г. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

74 *«Подошла я к сосновому лесу»* — первая строка стихотворения «Моей сестре» (июль 1914, Дарница).

Беседы с Х. о судьбах России. — Х. — Недоброво Николай Владимирович (1882–1919) — поэт, литературный критик, теоретик стиха, близкий друг Ахматовой, адресат ряда ее стихотворений. Великолепно знал русскую историю, верил в мессианскую роль «венценосной» России, оказал влияние на формирование самосознания Ахматовой; Ахматова с Недоброво встречалась в Киеве. В записной книжке, после 7 сентября 1965 г., — «Н.В. Н<е>доброво». В Дарнице на даче у мамы летом 1914 (июнь)».

75 *...стена св<ятой> Софии и Мих<айловский> монастырь... хромой Ярослав в своем византийском гробу.* — Софийский собор (XII в.) в Киеве. Могила Ярослава Мудрого, великого князя киевского (ок. 978–1054), выполненная византийскими мастерами еще до смерти князя, находится в Софийском соборе. Михайловский Златоверхий монастырь (ок. 1108).

<3>

Впервые — «Записные книжки». С. 670–671. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

75 *Вокзал (Ник<олаевский>)* — в советское время Ленинградский.

75 ...Москва Марины Цветаевой, кот<орую> она через два года подарит мне... «И я дарю тебе мой колокольный град». — Строка из заключительной строфы первого стихотворения цикла «Ахматовой» (19 июня, 1916). Описание Москвы в публикуемом отрывке из книги Ахматовой, по-видимому, не только воспоминание об июльской Москве 1914 г., но и возвращение к стихотворениям Марины Цветаевой:

В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...
И я дарю тебе свой колокольный град,
— Ахматова! — и сердце свое в придачу.

См. также Москву Марины Цветаевой в циклах «Стихи о Москве» (март—июль, 1916) и «Стихи к Блоку» (апрель—май 1916, август—сентябрь 1921).

...разговор о «великой» Ламановой... — Ламанова Надежда Петровна (1861—1941) — владелица модного салона дамской одежды в Москве, художник-модельер.

Поддубный Иван Максимович (1871—1949) — легендарный русский борец, атлет-гиревик, не проигравший ни одной схватки. В 1910-х гг. был победителем крупнейших чемпионатов мира.

76 *Перед моим изумленным взором вырастает Блок.* — О встрече с Блоком на почтовой станции Подсолнечная Ахматова вспоминала много раз, о чем свидетельствуют пометы в записных книжках. Подробно о событиях июня—июля 1914 г. рассказала П.Н. Лукницкому, сделавшему запись с ее слов 2 апреля 1925 г., в Мраморном дворце. Запись этой беседы является первым изуст-

ным вариантом публикуемого в настоящем томе текста; известно, что в 1960-е гг. Ахматова обращалась к Лукницкому по поводу этих записей: «...в 1-х числах июня 14 г. переехали в Слепнево вместе с Н.С. Там недели две я провела (в Слепневе), поехала оттуда в Петербург (одна, к папе). Н.С. просил “Абиссинские охоты” в “Ниву” продать. Продала. Пробыла в Петербурге у папы несколько дней, неделю — не больше, и поехала в Киев. (Не в самый Киев, а в Дарницю (мама жила там) — местечко под Киевом, станция железной дороги сейчас же за мостом). Это было, по всей вероятности, начало июля, потому что я успела пробыть там эту неделю, вернуться через Москву одна... (АА описывала Москву, которая была прекрасна, была “как пестрая скатерть” ...) Потом рассказала, как на станции Подсолнечной случайно на платформе увидела Ал. Блока, который пришел на станцию узнать, нет ли почты. АА совсем не ожидала увидеть здесь Блока, т.к. не ассоциировала название «Подсолнечное» с именем, в котором он жил.

Блок спросил: “Вы одна едете?” (Блок очень удивил этим вопросом АА: “Блок меня всегда удивлял!”)» (Л у к - н и ц к и й, 1. С. 100).

76 «Кругом твердят — в ы Д е м о н, вы красивы...» (СПб., 1913, декабрь)... — Ахматова отсылает к 15–16 декабря 1913 г., когда стихотворение писалось Блоком. Черновые строки, которые она цитирует, впервые были напечатаны: Б л о к, 3. С. 550). В этом же году Ахматова вместе с В.Н. Орловым, издателем собрания сочинений А. Блока и известным исследователем его творчества, смотрели текст «Поэмы без героя», в который были внесены серьезные дополнения и изменения. В этом экземпляре была окончательно сформулирована ахматовская концеп-

ция Блока как центральной фигуры эпохи Серебряного века (см. третью редакцию «Поэмы без героя»). Одновременно Ахматова ответила Блоку на его давнее обвинение в ее «демонизме» новыми строчками: «Демон сам, с улыбкою Тамары, // Но какие таятся чары / В этом страшном, дымном лице...». Если перевести язык поэтический на разговорно-бытовой, получится прямой ответ: «Сам Демон».

76 «Читала А<хмато>ва. Стихи все лучше. Она уже волнует меня»... — 7 ноября 1911 г. Блок записал в дневнике: «В первом часу мы пришли с Любой к Вячеславу. Там уже — собрание большое. Городецкие (с Вышнеградской), ... Кузмин (читал хорошие стихи, вечером пел из «Хованщины» с Каратыгиным — хороший какой-то стал, прозрачный, кристальный), Кузьмины-Караваевы (Елизавета Юрьевна читала стихи, черноморское побережье, свой «Понт»), Чапыгин, А. Ахматова (читала стихи, уже волнуя меня; стихи чем дальше, тем лучше)...» (Б л о к, 7. С. 83).

Свой роман с Блоком мне подробно рассказывала Вал<ентина> Андр<еевна> Щеголева. — Щеголева (урожд. Богуславская; 1878—1931) — актриса, жена П.Е. Щеголева.

Он звал ее в Испанию, когда муж сидел в Крестах. — Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931) — литератор, историк, автор книги «Дуэль и смерть Пушкина» — был привлечен к суду и осенью 1908 г. выслан из Петрограда после закрытия редактировавшегося им журнала «Былое». В начале 1909 г. он находился под следствием, по приговору судебной палаты был заключен в тюрьму «Кресты» сроком на три года. О своих переживаниях, о борьбе между чувством и долгом В.А. Щеголева рассказала в оставленных ею вос-

поминаниях. Знакомство Блока и Щеголевой относится к осени 1906 г. Блок посвятил ей три стихотворения: «Все помнит о весле вздыхающем...» (1908), «Черный ворон в сумраке снежном...», «Знаю я твое льстивое имя...» (1910), составивших цикл «Три послания» (см.: Блок и В.А. Щеголева. Публикация Е.Ю. Литвина, С.С. Гречишкина. ЛН. Кн. 3. С. 854–856).

76 Были со мной откровенны еще две дамы: О. С<удейкина> и Нимфа Городецкая. — О. Судейкина (см. т. 3. С. 577–578). Нимфа — Городецкая Анна Алексеевна (урожд. Козельская, 1889–1945), жена поэта С. Городецкого.

77 ...когда я оказалась в моск<овской> Ботк<инской> больнице... — Ахматова была помещена в Боткинскую больницу 10 октября 1965 г., с четвертым инфарктом.

<4>

Впервые — «Записные книжки» С. 671–672. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

77 Существует письмо матери Блока... — Кублицкая-Пиоттух Александра Андреевна (урожд. Бекетова, в первом замужестве Блок, 1860–1923) — литератор. В письме М.П. Ивановой от 29 марта 1914 г.: «Я все жду, когда Саша встретит и полюбит женщину тревожную и глубокую, а стало быть, и нежную... И есть такая молодая поэтесса, Анна Ахматова, которая к нему протягивает руки и была бы готова его любить. Он от нее отвертывается, хотя она красивая и талантливая, но печальная. А он этого не любит. Одно из ее стихотворений я Вам хотела бы написать, да помню только две строки первых:

Слава тебе, безысходная боль. —
Умер он — сероглазый король.

Вот можете судить, какой склон души у этой юной и несчастной девушки. У нее уже есть, впрочем, ребенок. А Саша опять полюбил Кармен...» (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 541. ЛН. Кн. 4. С. 572).

77 *Иванов* Евгений Павлович (1879–1942) — детский писатель, публицист, автор воспоминаний о Блоке, с которым подружился в 1903 г. Дружба продолжалась до кончины Блока. Блок был шафером на свадьбе Иванова и крестным его дочери. Репрессирован.

Иванова Мария Павловна (1874–1941) — сестра Е.П. Иванова. Ей посвящено стихотворение Блока «На железной дороге» («Под насыпью, во рву некошеном...»; 1910).

<5>

Впервые — «Записные книжки». С. 672. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

Чтение Ахматовой записных книжек Блока, только что вышедших (книга была подписана в печать 26 февраля 1965), воскрешает разновременные пласты памяти.

77 *...снова деревянный Исаакиевский мост, пылая, плывет к устью Невы...* — Ахматова не раз вспоминала, как вместе с Н.В. Недоброво они смотрели на плывущий против течения горящий мост. Ср. запись Блока от 11 июля 1916 г.: «Ночью догорает на взморье дворцовый мост» (Б л о к А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 314). Возможно, с этими видениями плывущего

моста связаны строки «Поэмы без героя»: «По неведомому назначению, // По Неве иль против течения, — // Только прочь от своих могил» (Т. 3. С. 143).

77 *А вот мы втроем (Блок, Гум<илев> и я) обещаем на Царскосельском вокзале...* — См. запись Блока от 5 августа 1914 г.: «Встреча на Царскосельском вокзале» с Женей, Гумилевым и Ахматовой (Б л о к А. Записные книжные. С. 236).

78 *...когда его фотографировал Наппельбаум...* — Наппельбаум Моисей Соломонович (1900–1992) — фотограф-художник, автор последних фотографий Блока, сделанных на блоковских вечерах в Москве и Петрограде (1921 г.).

III-е киевск<ое> стих<отворение> в 1914. М.б., оно и не 14 г., но относится к этим дням... — Стихотворение датировано 1915 г., обычно его связывают с именем Недоброво, на том основании, что на автографе, подаренном Ахматовой П.Н. Лукницкому, — инициалы «НВН».

Алла Марченко выдвигает другую версию создания стихотворения, видя адресата в Блоке, а повод к написанию — в случайной встрече на станции “Подсолнечная” и связывает надпись Ахматовой на «Четках», подаренных Блоку: «От тебя приходила ко мне тревога и умение писать стихи», с заключительной строкой третьего киевского стихотворения — «И в голосе грозном софийского звона // Мне слышится голос тревоги твоей». Возможно, близкой точки зрения придерживается М. Мейлах, поместивший стихотворение «И в Киевском храме Премудрости Бога...» после стихотворения с посвящением Блоку «Ты первый вставший у источника...» (Стихотворения Анны Ахмат-

вой. Душанбе. 1990. С. 218). При жизни Ахматовой стихотворение «И в Киевском храме Премудрости Бога...» не печаталось. По первоначальному замыслу предполагалось включить его в «Белую стаю», но затем, по-видимому, после обсуждения с Лозинским оно было заменено на другое — «Еще весна таинственная млела...». По поводу замены А. Марченко высказала следующее суждение: «Вероятно, по причине того, что в ближайшем окружении Ахматовой слишком понятно было, к кому обращено стихотворение, Ахматова его при жизни не публиковала. ...К сказанному выше надо добавить, что рассказ о том, как возникло стихотворение “И в Киевском храме Премудрости Бога”... находится внутри цельного повествования, герой которого — Блок» (Новый мир. 1989. № 9. С. 192). Однако здесь возможен и «третий слой», связанный с Н.С. Гумилевым, как память о ее согласии выйти за него замуж. Решение было принято в Киеве.

78 ...уже тогда бредил [Кармен (дек<абрь> 1913 г.)]. — Ахматова отсылает к тому единственному дню, когда 15 декабря 1913 г. посетила Блока в доме на Офицерской улице, после чего он прислал ей мадригал в стиле испанского романсеро: «Красота страшна, вам скажут...». Ахматова напоминает о Любови Александровне Дельмас (урожд. Тиципская; 1884—1969), исполнительнице роли «Кармен», которую Блок впервые увидел в октябре 1913 г., в спектакле Петербургского театра музыкальной драмы. Личное знакомство состоялось 28 марта 1914 г. и переросло в глубокое чувство. К ней обращен цикл «Кармен» и ряд других стихов, написанных в 1914—1920 гг.

Подготовительные материалы к неосуществленной книге «Как у меня не было романа с Блоком» показывают, сколь ревностным было отношение Ахматовой к Л.А. Дельмас.

В списке дат и событий, устанавливаемых ею в 1965 г. по записным книжкам Блока, сохранилась помета: «На вечере в Акад<емии> худ<ожеств> (1918?) я видела, как он целовался с Дельмас» («Записные книжки». С. 661).

<6>

Впервые — «Записные книжки». С. 683. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

79 ...Мы пошли к Ремизовым передать рукописные книги Скалдина... — Ремизовы — А.М. Ремизов и его жена Довгелло Серафима Павловна (1876—1943) выехали из Петербурга в Ревель 7 августа 1921 г., в день смерти Блока. Ремизов изготовлял и коллекционировал рукописные книги. Скалдин Алексей Дмитриевич (1889—1943) — поэт, прозаик, литературный критик, печатался в «Аполлоне», «Сатириконе», эгофутуристских изданиях. Сборник «Стихотворения 1911—1912» отмечен влиянием Вяч. Иванова.

Перси Тамара Михайловна (ум. в 1955), издательница. Эмигрировала в Париж. По свидетельству Ирины Грем, одно время была женой А.С. Лурье (К р а л и н М. Артур и Анна. Л., 1990. С. 74. Из письма И. Грем к М. Кралину от 14 апреля 1973 г.).

Ершов Иван Васильевич (1867—1943) — оперный артист и знаменитый исполнитель русских народных песен.

...престольный праздник... — день похорон Блока — 10 августа совпал с престольным праздником Смоленской Божьей Матери. См. стихотворение Ахматовой «А Смоленская нынче именинница...» (Т. 1. С. 363).

<7> – <9>

Кроме отрывков «Из главы “Трагическая осень”» с пометами «Начало», «Продолжение», «Finis» в рабочих тетрадях Ахматовой сохранились наброски, которым еще предстояло обрести свое место в тексте или остаться за его пределами. Приводим три ее последние записи <7> – <9>, вероятно, относящиеся к февралю 1966 г.: «Записные книжки». С. 744–746. Печ. по автографам РГАЛИ (РТ 116).

80 *Мария-Монахиня (Лиза Кузьмина-Караваева) пишет в своих парижских мемуарах (193...)...* — Кузьмина-Караваева Е.Ю., адресат стихотворения Блока «Когда вы стоите на моем пути...» (6 февраля 1908 г. Блок, 2. С. 288), пишет в своих мемуарах: «На башне Блок бывал редко. Он там, как и всегда впрочем, много молчал. Помню, как первый раз читала стихи Анна Ахматова. Вячеслав Иванов предложил устроить суд над ее стихами. Он хотел, чтобы Блок был прокурором, а он, Иванов, адвокатом. Блок отказался. Тогда он предложил Блоку защищать ее, он же будет обвинять. Блок опять отказался. Тогда уж об одном, кратко выраженном мнении, стал он просить Блока. Блок покраснел — он удивительно умел краснеть от смущения — серьезно посмотрел вокруг и сказал: “Она пишет стихи как бы перед мужчиной, а надо писать как бы перед Богом”» (Современные записки. Встречи с Блоком. 1936. № 62).

<10>

Впервые — «Записные книжки». С. 746. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 116).

81 *О Л.Д. М<енделеевой> я не упоминаю вовсе.* — Блок Любовь Дмитриевна (урожд. Менделеева, по сцене

Басаргина, 1881–1939); — жена А.А. Блока, актриса, лирическая героиня «Стихов о Прекрасной Даме» и других произведений. О необычности и сложности отношений Блока с женой см.: Дневники и Записные книжки Блока. Открытая неприязнь Ахматовой к Л.Д. Блок объяснялась кроме ряда имевших место причин, усугубивших душевную драму А. Блока, той ревностью, которую Ахматова испытывала к избранным ее душой как современным, так и давно ушедшим поэтам. Известно ее резко негативное, осуждающее отношение к Наталье Николаевне Гончаровой, Зинаиде Николаевне Пастернак, Ольге Всеволодовне Ивинской.

<11>

Впервые — «Записные книжки». С. 222–223. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

81 *Рогачевское шоссе* проходит недалеко от Шахматова, подмосковного имения семьи Блока, подводя к станции Подсолнечная, где произошла памятная для Ахматовой встреча с А. Блоком.

Я *конфидентка Вал<ентины> Андр<еевны> Щеголевой («Валентина, звезда, мечтанье»)*... — строка из второй части цикла «Три послания», обращенного к Щеголевой:

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

«Перед судом» — стихотворение Блока, датированное 11 октября 1911 г. Ахматова называет О.А. Глебову-Судейкину и А.А. Городецкую возможными адресатами стихотворения.

Однако существуют и другие развернуто аргументированные точки зрения на адресата стихотворения, хотя абсолютная идентификация невозможна, поскольку и автопортрет художника не может рассматриваться, как его фотография. Серьезный анализ вопроса об адресате стихотворения «Перед судом» предпринят в статье Н.В. Скворцовой «К творческой истории стихотворения Блока “Перед судом” (Из переписки Р.В. Иванова-Разумника и Е.П. Иванова)». Оба близкие Блоку люди, знающие его жизнь в личном общении, приходят к выводу, что в стихотворении нашли отражение отношения с Л.А. Дельмас и воспоминания о молодой Л.Д. Блок-Менделеевой (до 1907 г.). Известно также, что Блок предполагал завершить этим стихотворением цикл «Кармен».

81 Письма Блока к Коган... — Надежда Александровна *Нолле-Коган* (1888—1966) — переводчица с немецкого и французского языков, с 1909 г. жена историка литературы Петра Семеновича Когана (1872—1932). Впервые Н.А. Нолле увидела Блока в 1918 г. Весной следующего года обратилась к нему с письмом, в котором призналась в своих чувствах и попросила разрешения посылать ему розы, на что получила ответ: «Да, если хотите. Благодарю Вас. Мне было очень горько и стало легче от Вашего письма». В дневниковой записи Блока от 27 марта 1913 г.: «На столе у меня стоят те красные розы, которые сушила мне неизвестная дама» (Б л о к, 7, 234). Личное знакомство Нолле-Коган с Блоком произошло 28 ноября 1918 г. В последние годы жизни Нолле-Коган помогала Блоку посылками продуктов из Москвы. П.С. Коган был в это время приближен к власти, в 1921 г., при основании Академии художественных наук, избран ее президентом. Коганы содействовали Блоку в организации его вечеров

в Москве, в мае 1921 г., со Станиславским и Немировичем-Данченко велись переговоры о постановке блоковской пьесы «Роза и крест» (см.: Письма Блока к Н.А. Нолле-Коган и воспоминания Н.А. Нолле-Коган о Блоке 1913—1921. Вступ. ст., публ. и коммент. Л.К. Кувановой. ЛН. Кн. 2. С. 325—365. Письма Блока к Н.А. Нолле-Коган — в Отделе рукописей ИМЛИ).

В дневнике от 11 мая 1921 г. Блок записывает: «1 мая, в первый день Пасхи, мы выехали на извозчике Е.Я. Билицкого, в международном вагоне, с Чуковским и Алянским в Москву. На вокзале меня встретила Н.А. Нолле в царском автомобиле Л.Б. Каменева с большим красным флагом. Три вечера в Политехникуме (моя с Чуковским)... проходили с возрастающим успехом, но получил я гроши, кроме цветов, записок и писем» (Б л о к, 7. С. 418).

81 Кроче Елена (1915—1944) — итальянская писательница, литературовед.

Блок о Гумилеве (м.б., свой...). — Из черновика письма Блока к Андрею Белому от 17 апреля 1912 г. в связи с публикацией в редактируемом им журнале «Труды и дни» статьи Вяч. Иванова «Мысли о символизме (1912. № 1. С. 81): «Если мы станем бороться с неопределившимся и, может быть, своим (!) Гумилевым, мы попадаем под знак вырождения» (Б л о к, 7. С. 140).

Не верить Всеволоду Рождественскому. — См. о нем коммент. к с. 37. Как уже говорилось, мемуары вызывали резкое неприятие Ахматовой, по-видимому, не столько в части воспоминаний о Блоке, сколько в интерпретации мемуаристом отношений Блока с Гумилевым, связанных с переизбранием председателя Петроградского отделения Союза поэтов.

Ю.Б. Зобин следующим образом комментирует эпизод, которому окружение Блока придало скандальный характер: «С июля 1920 г. место председателя Союза поэтов занял Блок, отнесшийся, впрочем, к “новому назначению” достаточно индифферентно и стремившийся не выходить за некие “нейтральные” установки, свойственные председателю “профессионального”, а не политически тенденциозного союза. Однако дела Союза вскоре пришли в упадок, и 5 октября 1920 г. Блок подал в отставку. 18 октября 1920 г. делегация Союза поэтов во главе с Гумилевым (!), явившись к Блоку домой с визитом, просила его остаться на посту председателя Союза, на что Блок согласился. Таким образом, утверждение о якобы “конflikте” Блока и Гумилева за председательское место в Союзе поэтов оказывается несколько неточным. Гумилев возглавил Союз только в феврале 1921 г. и, в общем, продолжал блоковскую политику, преследующую прежде всего чисто профессиональные цели (хотя и с бóльшим успехом). Однако окружением Блока была инспирирована некая “внутрисоюзная” склока, приведшая к резкому выпаду Блока против гумилевского “акмеизма” — статья “Без божества, без вдохновенья” (апрель 1921)» // Николай Гумилев. *Pro et contra*. СПб., 1995. С. 642).

81 Портсигар Блока. (Я отдала Н. Павлович). — Ирина Грэм в письме М. Кралину пересказывает воспоминания А.С. Лурье о судьбе блоковского портсигара: «О кончине Блока А.С. узнал в тот же день. Он отправился на квартиру поэта и увидел его до положения тела в гроб. Некоторое время А.С. был в комнате с Александром Александровичем; но вот за спиной послышались чьи-то глухие рыдания: это был Андрей Белый, рыдавший навзрыд, колотившийся лбом об пол. Когда Блока хоронили, то А.С. нес на голове крышку от его гроба, — нес всю дорогу до

Смоленского кладбища. Через неделю после кончины поэта к А.С. пришла Любовь Дмитриевна, знавшая о его любви к Блоку. Она подарила ему на память портсигар Александра Александровича» (К р а л и н М. Артур и Анна. С. 144–145).

По-видимому, Лурье, уезжая в зарубежную командировку, откуда он не вернулся, оставил портсигар в доме, где жили Ахматова с Судейкиной. Что же касается дальнейшего утверждения И.А. Грэм, что она держала в руках «эту реликвию» (т а м ж е. С. 145), здесь ошибка памяти биографа Артура Лурье.

81 Павлович Надежда Александровна (1895–1980) — поэтесса, автор воспоминаний об Александре Блоке.

Ей Блок сказал что-то... — далее следует вариант фрагмента <7> со слов «Вы, наверное, звоните...» до «...что о них сказали другие».

<12>

Впервые — «Записные книжки». С. 566. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 112).

82 Б л о к — знакомств<о>. — Знакомство Ахматовой с Блоком произошло на одном из первых заседаний «Цеха поэтов» в октябре 1911 г. См.: Л у к н и ц к и й, 1. С. 59: «...подошел к Н.С. и просил представить его АА».

Блок и Толстой. — 15 декабря 1913 г., когда Ахматова была у Блока (см. стихотворение «Я пришла к поэту в гости//Ровно в полдень, в воскресенье...»), рассказывая об этом визите, в поздние годы вспоминала о самой важной и единственной, как она говорила, запомнившейся ей

фразе: «Я между прочим упомянула, что поэт Бенедикт Лившиц жалуется на то, что он, Блок, самим фактом своего существования мешает ему писать стихи. Блок не засмеялся, а ответил вполне серьезно: “Я понимаю это. Мне мешает писать Лев Толстой”».

82 Ключев — ловец человеков. — Ловец человеков восходит к Евангелию: «Идите за Мною и Я сделаю вас ловцами человеков» (От Матфея. 4,19); «И сказал Симону Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков» (От Луки. 5,10). Ключев Николай Алексеевич (1884–1937) — поэт. Ключева с Блоком и Гумилевым связывали длительные и сложные отношения (см.: Письма Н.А. Ключева к Блоку. Вступ. ст., публ. и коммент. К.М. Азадовского// ЛН. Кн. 4. С. 427–523).

«Правишь горним невид<имым> градом». — У Ключева: «Правишь горним неведомым градом». Строка из стихотворения, как говорил Ключев Ахматовой, посвященного ей. По поводу этого стихотворения сохранилась запись Ахматовой, датированная 26 марта 1964 г.: «Вероятно, в 1912 г. Н. Ключев появился на нашем горизонте. Уехав, он прислал мне четыре стихотворения. Три из них я забыла совершенно, четвертое помню наизусть:

ГУМИЛЕВОЙ

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом
И теперь, лучезарно-светла,
Правишь горним неведомым градом.

Я легендой забыться готов,
Ты всегда лучезарной казалась
И красою осенних листов
Не однажды со мной любовалась.

Говорят, что не стало тебя,
 Но любви ль иссякаемы ль струи,
 Разве ветер не песня твоя
 И лучи не твои поцелуи.

Это, конечно, не мне и не тогда написано. Но я уверена, что у него была мысль сделать из меня небесную градоправительницу, как он сделал Блока нареченным Руси («Записные книжки». С. 429).

Знакомство Блока с Ключевым произошло около 26 сентября 1911 г. через Городецкого, а уже в конце ноября Ключев писал Блоку из Вытегры: «В настоящий вечерний час я тихо молюсь, да не коснется Смерть Вас, и да откроется Вам тайна поклонения не одной Красоте, которая с сердцем из льда, но и Страданию. Его храм, основанный две тысячи лет тому назад, забыт и презрен, дорога к нему заросла лозняком и чертополохом; тем не менее, отважьтесь идти вперед! — На лесной прогалине, в зеленых сумерках дикого бора приютился он. Под низким обветшалым потолком Вы найдете алтарь еще на месте и Его тысячелетнюю лампаду неугасимо горящей. Падите ниц перед нею, и как только первая слеза скатится с глаз Ваших, красный звон сосен возвестит Миру — народу о новом, так мучительно жданном брате, об обручении раба Божия Александра, — рабе Божией России» (курсив мой — С.К.) (ЛН. С. 510) .

<13>

Впервые — «Записные книжки». С. 660—661. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

83 *Пожар моста* — см. коммент. к фрагменту <5>.

Вечер в нын^{<ешнем>} Доме офицеров ^{<бывшем>} Армии и Флота. — Запись А. Блока от 28 мар-

та <1915>: «Мы с ней <Дельмас> участвуем на вечере, устраиваемом Ан. Чеботаревской (Зал Армии и Флота)» (Б л о к А. Записные книжки. С. 259). Сохранились довольно точные воспоминания об этом вечере Н.Н. Берберовой: «Ранней весной 1915 года в Зале Армии и Флота на Литейном состоялся вечер “Поэты — воинам”. Это был вечер благотворительный... на которые интеллигенция ходила с увлечением. <...> После перерыва на эстраду вышел Сологуб, за ним Блок, Ахматова, Кузмин, Городецкий. <...> Блок вышел на сцену прямой и серьезный. Лицо его было несколько красно, светлые глаза, густые волосы, тогда еще ореолом стоявшие вокруг лица (и светлее лица в свете электричества), были те же, что и на фотографиях. И все-таки он был другой, чем на фотографиях. Какая-то печаль, которую я увидела тогда в его облике, никогда больше не была мною увидена и никогда не была забыта. Фотографии не передали ее, не удержали ее. Что-то траурное было в его лице в тот вечер, и, может быть, теперь, после чтения его дневников, и записных книжек, и писем, можно сказать, что оно, в те годы появившись, уже не ушло никогда из его черт. <...> Ахматова была в белом платье со “стюартовским” воротником (какие тогда носили), стройная, красивая, черноволосая, изящная. Ей было тогда под тридцать, это был расцвет ее славы, славы ее паузника, ее челки, ее профиля, ее обаяния. “Вестей от него не получишь больше”, — читала она, сложив руки у груди, медленно и нежно, с той музыкальной серьезностью, которая была в ней так пленительна» (Б е р б е р о в а Н. Курсив мой. М.: Согласие. С. 98—101).

83 Обед у Недоброво с Вяч. Ивано<вым>. — «25 января <1914>. Недоброво зовет нас к себе на Вячеслава и других друзей. Я опять не пойду» (Б л о к А. Записные книжки. С. 203).

83 «Четки» у Блока — 25 марта 1914. — В журн. «Книжная летопись» № 12 среди книг, поступивших с 13 по 20 марта, было помещено сообщение о выходе книги: «Ахматова Анна. Четки. Стихи». СПб., 1914. Издательство «Гиперборей» (Черныш, 1. С. 70). 24 или 25 марта «А.А. послала А.А. Блоку экземпляр “Четок” с дарственной надписью:

“Александру Блоку Анна Ахматова.

“От тебя приходила ко мне тревога

И умение писать стихи”.

Весна 1914 г. Петербург» (там же).

Знакомство с Лурье. — См. Т. 1. С. 744, 867–868.

На премьере марионеток. — Возможно, спектакль играли в помещении «Привала комедиантов». См.: «Никогда не бывала в «Привале комедиантов» (кроме спектакля марионеток Слонимской)» («Записные книжки». С. 666). Театр Марионеток, основанный в Петербурге Юлией Леонидовной Сазоновой-Слонимской (1883–1960), не имел своего помещения и снимал сцену.

Дом Браз. — Браз Осип Эммануилович (1872–1936) — художник, член Императорской Академии художеств.

Н.С. ГУМИЛЕВ — САМЫЙ НЕПРОЧИТАННЫЙ ПОЭТ XX ВЕКА

В настоящем разделе представлена полемика Ахматовой с мемуарами, главным образом эмигрантскими, посвященными Н.С. Гумилеву и истории ее с ним отношений. Ахматова жестко полемизирует с Г. Ивановым, Н. Оцупом, С. Маковским, И. Одоевцевой, Г. Струве,

Б. Филипповым, а также с другими мемуаристами, вольно или невольно неверно трактующими и порой, как ей представляется, сознательно искажающими биографические и литературно-исторические факты. Все эти писания Ахматова пренебрежительно именovala «псевдомемуариями», противопоставляя им строго выверенные факты биографии, и назвала свою работу «антимемуариями».

Ахматова была уверена, что мифологизация факта участия Н.С. Гумилева в контрреволюционном заговоре, присутствующая во всех мемуарах, мешает возвращению его поэзии на родину, где само имя поэта было почти не упоминаемо. Этим в первую очередь объясняется негативность ее оценок первых собраний сочинений О. Мандельштама, Н. Гумилева, предпринятых Г. Струве и Б. Филипповым.

Стремлением защитить биографии от фальсификаций продиктован дотошный анализ всех доходивших до нее материалов, а надо сказать, что даже в самые мрачные времена истории нашей страны Ахматова располагала достаточной информацией, какими-то путями получая статьи и книги из-за рубежа.

Не предполагая в обозримом будущем увидеть в своем отечестве издания Гумилева, Мандельштама, свои произведения — «Реквием» и «Поэму без героя» — в полном, неискаженном виде, Ахматова щедро делилась достоверной, биографической и научной информацией с иностранными корреспондентами, подвергая строгому анализу выходявшие за рубежом исследования, предостерегая от заведомых ошибок и фальсификаций, которые неизбежно переходили в них из эмигрантских работ.

Отметим, однако, что Ахматова была излишне строга в своем неприятии воспоминаний людей, отнюдь не ста-

вивших целью опорочить или исказить факты ее биографии и отношений с Гумилевым. Что же касается фактологии, Ахматова безукоризненна в изложении событий. С возрастом память ее не притупилась, приобрела остроту. Немногие из замеченных нами ошибок каждый раз оговариваются в комментариях.

Ахматова провела работу по установлению адресатов любовной лирики Гумилева, точно указав, как и при каких обстоятельствах было написано то или иное стихотворение, каким складывался ее лирический образ в трагической поэзии Гумилева. Стихотворения Н. Гумилева, к которым Ахматова обращается не раз, в различных контекстах своих записей, приведены в комментариях. При первом или наиболее значимом упоминании — с необходимой полнотой, далее с отсылками к приведенному тексту. В комментариях даются также фрагменты воспоминаний современников, вызвавшие понятную, но не всегда справедливую ярость Ахматовой в адрес исследователей и мемуаристов.

«Псевдомемуариям» Ахматова одно время хотела противопоставить мемуары своей близкой подруги В.С. Срезневской, которая знала ее с детства и присутствовала при ее знакомстве с Гумилевым. Ахматова диктовала ей, помогала писать, делала целые вставки. Воспоминания Срезневской она считала правдивыми, отвечающими истине. Но как можно предположить, и они ее полностью не удовлетворили.

Заметки Ахматовой представлены в хронологии их написания на основании изучения разновременных текстов, хранящихся в государственных коллекциях. Некоторые из публикуемых фрагментов в известной мере повторяют друг друга, однако несут в себе дополнительную информацию, помогающую лучше понять движение и логику авторской

мысли как своего рода контрапункты, выделяющие моменты, наиболее существенные с точки зрения автора.

<1>

Впервые — ЛО. 1989. № 5. С. 14. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).

85 Чувство, с кот<орым> я прочитала цитату из «Пет<ербургских> зим», относящуюся к моим выступлениям («Дом лит<ераторов>») 1921 г. — «Петербургские зимы» — беллетризованная мемуарная проза Г. Иванова. Впервые вышла отдельным изданием в 1928 г. в Париже, в издательстве «Родник». Переиздана в 1952 г. в Нью-Йорке Издательством им. Чехова. Ахматова знала текст в его первой публикации. При переиздании «мемуаров» Иванов изъясил отрывок, вызвавший возмущение Ахматовой. Возможно, до него дошли настроения Ахматовой, ее неудовольствие, и он купировал главу <VII>, описывающую пушкинский вечер в Доме искусств. Приводим «цитату» из первого издания «Петербургских зим», столь возмущившую Ахматову:

«В маленький зал Дома литераторов не попало и десятой части желавших услышать Ахматову. Потом вечер был повторен в университете. Но и огромное университетское помещение оказалось недостаточным. Триумф, казалось бы?

Нет. Большинство слушателей было разочаровано.

— Ахматова исписалась.

Ну, конечно.

Пять лет ее не слышали и не читали. Ждали того, за что Ахматову любили — новых перчаток с левой руки на правую. А услышали другое:

Все потеряно, предано, продано.

Отчего же нам стало светло?

И так близко подходит чудесное
 К развалившимся грязным домам,
 Никому, никому неизвестное,
 Но от века желанное нам.

Слушатели недоумевали — “большевизм какой-то”. По старой памяти хлопали, но про себя решили: конечно — исписалась.

Критика с удовольствием подхватила этот “глас народа”. Теперь каждый следящий за литературой гимназист знает — от Ахматовой ждать нечего.

Верно — нечего — нечего. Широкая публика, делавшая когда-то славу Ахматовой, славу в необычном для настоящего поэта порядке, шумную, молниеносную, — Ахматова обманута. Все курсистки России, выдавшие ей “мандат” быть властительницей их душ — обмануты» (И в а н о в Г. Т. 3. С. 647–648).

85 «Процесс» Кафки... — Ахматова много раз сравнивала абсурдность и ужас происходившего с ней и с ее близкими с романом Ф. Кафки, который тогда еще не был переведен на русский язык. Она его не раз читала и пересказывала знакомым. См. запись Л.К. Чуковской от 31 октября 1959: «...Пересказала нам весь роман Кафки “Процесс” от начала до конца. Отозвалась о романе так:

— Когда читаешь, кажется, словно вас кто-то берет за руку и ведет обратно в ваши дурные сны.

Рассказала тут же и биографию Кафки. На Западе он гремит, а у нас не издается» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 363).

См. также в стихотворении «Другие уводят любимых...», относящемся к 1964 г.:

...Одна на скамье подсудимых
 Я скоро полвека сию.

Вокруг пререканье и давка
И приторный запах чернил.
Такое придумывал Кафка
И Чарли изобразил.

86 ...об этих делах «давно минувших дней»... — Из первого двестишья поэмы Пушкина «Руслан и Людмила», Песнь первая: «Дела давно минувших дней//Преданья старины глубокой».

Ее перевел и напечатал в своей книге («Гумилев, Ахматова, Мандельштам») Страховский (1949)... — Имеется в виду книга: S t r a k h o v s k y L. Craftsmen of the Word. Three Poets of Modern Russia: Gumilyov, Akhmatova, Mandelstam. Cambridge, Mass., 1949. (С т р а х о в с к и й Л. «Мастера слова. Три поэта современной России: Гумилев, Ахматова, Мандельштам». Кембридж, Массачузетс, 1949).

Харкинс Уильям — английский литературовед.

Di Sarra, Ripellino Анджело Мария — итальянские исследователи. *Di Sarra* написал предисловие к итальянскому изданию стихотворений Ахматовой (1951).

Оцуп Николай Авдеевич (1894—1977) — поэт, прозаик, литературный критик, литературовед, автор воспоминаний, статей и книги о Гумилеве. В Париже написал о Гумилеве докторскую диссертацию.

Адамович в одной из первых эмигрантских статей писал: «В Петербурге сейчас живет три прославленных поэта: Сологуб, Ахматова и Кузмин. Все трое пишут и печатаются сравнительно много. <...> С Ахматовой происходит “обыкновенная история”. Она с каждым днем теряет свою популярность, — вернее, она делается все извест-

нее, но в ее слове нет былого очарования и былой остроты. Это тоже удел поэта, — и пушкинский удел. В Ахматовой любишь не ее голос, — напряженный, трудный, сухой, — а ее манеру. Теперь нет больше “перчаток с левой руки”, и поклонники разочарованы. Есть, впрочем, для их утешения несметное количество девиц, подобравших эти ахматовские обноски» (Звено. 1923, 10 сентября. № 32. С. 2). Там же Адамович отмечает с удовлетворением отъезд из Петербурга в Париж «веселой Одоевцевой».

87 Алянский Самуил Миронович (1891–1974) — создатель и глава частного издательства «Алконост» (1918–1923), в котором вышли книги Ахматовой «Аппо Domini» (1923), «Белая стая» (1923).

Виноградов Виктор Владимирович (1895–1961) — филолог, академик, близкий знакомый Ахматовой, автор работ о поэтике ее творчества: «О символике Ахматовой» («Литературная мысль». Альманах. Пг., 1922); «О поэзии Анны Ахматовой. Стилистические наброски» (Л., 1925). Имеется в виду статья «Анна Ахматова» в кн. «Наши спутники» (М., 1922. С. 71–79).

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) — литературный критик, имеется в виду статья «Анна Ахматова» в его книге «Поэты и поэтессы» (М., 1922. С. 55–57). В сентябре 1922 г. был выслан на «философском» корабле вместе с другими деятелями культуры. Погиб в Берлине в результате несчастного случая (попал под трамвай).

Чуковский читал доклад — «Две России». — Лекция К.И. Чуковского «Две России. Ахматова и Маяковский» читалась в Петрограде и Москве и вызвала интерес литературной общественности. Текст лекции послужил основой статьи «Ахматова и Маяковский» («Дом искусств».

1921. № 1–2). Отзывы современников о лекции Чуковского см.: ВЛ. 1988. № 1.

87 Пастернак еле уговорил редакцию «Нов<о>го мира»... — Речь идет о стихотворении Б. Пастернака «Анне Ахматовой» («Мне кажется, я подберу слова...»), отосланном Ахматовой Пастернаком в письме от 6 марта 1929 г. (См.: П а с т е р н а к Б. Т. 1. С. 552–553). Было опубликовано в журнале «Красная Новь». 1929. № 5 одновременно со стихотворениями, посвященными Марине Цветаевой и Мейерхольдам.

Перцов Виктор Осипович (1898–1980) — литературный критик, член литературной группы «ЛЕФ» (Левый фронт искусств), автор статьи «По литературным водоразделам» (Жизнь искусства. 1925. № 43. С. 4–6).

Малахов Сергей Арсеньевич (1902–1973) — поэт, журналист.

Лелевич Г. (псевд. Лабори Гилевич Кальмансон; 1901–1945) — поэт, критик, один из создателей журнала «На посту», занимал ответственные посты в Союзах пролетарской литературы — ВАПП и МАПП. Автор статей «Анна Ахматова. Беглые заметки» (журн. «На посту». 1923. № 2–3. Сентябрь–октябрь. С. 177–202 и «Несвоевременный современник» (журн. «Большевик». 1924. № 5/6. 20 июня. С. 146–150).

Петр отрекается и предает Иуда. — Цитата из стихотворения Н. Гумилева «Молитва мастеров» (1921) из книги «Огненный столп».

88 Ло Гатто Этторе (1890–1982) — итальянский литературовед, славист, переводчик Пушкина, автор истории русской литературы, возглавлявший кафедру русского

языка и литературы в Падуанском университете и Институте Восточной Европы, выпустил в Милане в 1960 г. книгу на итальянском языке «Миф о Петербурге», в которой освещена тема Петербурга в русской общественной мысли и в художественной литературе.

88 Штаммлер — немецкий литературовед. S t a m m l e r Н. Gorenko, А.А. (Achmatova). Lexikon der Weltliteratur im 20. Jahrhundert, 1. Band. Freiburg. 1960. S. 785—786 (Горенко, А.А. (Ахматова). Словарь мировой литературы 20 века. Т. 1. Фрейбург, 1960. С. 785—786).

...если бы меня не так приняла Москва в апр<еле> 1946 г. — В апреле 1946 г. с ошеломляющим успехом прошло несколько вечеров Ахматовой в Москве: 2 апреля вместе с Пастернаком — в клубе московского Дома писателей; 3 апреля вместе с московскими и ленинградскими поэтами — в Колонном зале Дома союзов, где публика стоя приветствовала Ахматову. По поводу этого выступления якобы Сталиным было сказано: «Кто организовал вставание?». 4 апреля этот же поэтический вечер был повторен в Коммунистической (бывшей Богословской) аудитории Московского университета. В один из этих дней состоялась встреча Ахматовой со студентами и актерами школы-студии МХАТ.

<2>

Впервые — «Записные книжки». С. 152—153. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).

Фрагмент открывает ряд записей Ахматовой к биографии Н.С. Гумилева. Работа велась с середины 1920-х гг. совместно с П.Н. Лукницким, Ахматова устанавливает адресатов гумилевской лирики, поскольку считала существенным отделить письменное посвящение от реального, т.е. кому написано стихотворение, а не кому оно посвяще-

но. В своих заметках о Гумилеве она часто называет одни и те же стихотворения, цитирует начальные или иные строки и строфы по памяти. Для уяснения некоторых ахматовских ассоциаций приводим тексты обозначенных ею стихотворений Гумилева. В дальнейшем, при повторном упоминании их Ахматовой, делается соответствующая отсылка.

89 «*И я отдал кольцо этой деве Луны...*» — строка из «Баллады», вошедшей в книгу Гумилева «Романтические цветы» (Париж, 1908), посвященную Анне Андреевне Горенко. Первый вариант, без посвящения, в первой книге Н. Гумилева «Путь конквистадоров», изданной автором на собственные средства, еще в гимназические годы (1906):

Пять коней подарил мне мой друг Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Чтобы мог я спустаться в глубины пещер
И увидел небес молодое лицо.

Кони фыркали, били копытом, маня
Пронестись на широком пространстве земном,
И я верил, что солнце зажглось для меня,
Просияв, как рубин, на кольце золотом.

Много звездных ночей, много огненных дней
Я скитался, не зная скитанью конца,
Я смеялся прорыву могучих коней
И игре моего золотого кольца.

Там, на высях сознания — безумье и снег,
Но коней я ударил свистящим бичом,
Я на выси сознания направил их бег
И увидел там деву с печальным лицом.

В тихом голосе слышались звоны струны,
В странном взоре сливался с ответом вопрос,

И я отдал кольцо этой деве луны
За неверный оттенок разбросанных кос.

И, смеясь надо мной, презирая меня,
Люцифер распахнул мне ворота во тьму,
Люцифер подарил мне шестого коня —
И Отчаянье было названье ему.

89 *Все пошло с «Русалки».* — «Русалка» Гумилева датировалась Ахматовой 1904 г. Автограф с посвящением «Анне Андреевне Горенко» — в коллекции Ю.Г. Оксмана (РГАЛИ). Вошло в книгу «Путь конквистадоров», без посвящения.

На русалке горит ожерелье,
И рубины греховно-красны,
Это странно-печальные сны
Мирового, больного похмелья.
На русалке горит ожерелье,
И рубины греховно-красны.

У русалки мерцающий взгляд,
Умирающий взгляд полуночи,
Он блестит, то длинней, то короче,
Когда ветры морские кричат.
У русалки чарующий взгляд,
У русалки печальные очи.

Я люблю ее, деву-ундину,
Озаренную тайной ночной,
Я люблю ее взгляд зоревой
И горящие негой рубины...
Потому что я сам из пучины,
Из бездонной пучины морской.

89 «Из города...» — Имеется в виду стихотворение «Из логова змиева...», вошло в книгу Н. Гумилева «Чужое небо» (впервые — Русская мысль. 1911. № 7):

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал забавницу,
Гадал — своенравницу,
Веселую птицу-певунью.

Покликаешь — морщится,
Обнимешь — топорщится,
А выйдет луна — затомится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, — и хочет топиться.

Твержу ей: крещеному,
С тобой по-мудреному
Возиться теперь мне не в пору;
Снеси-ка истому ты
В Днепровские омуты,
На грешную Лысую гору.

Молчит — только ежится,
И все ей неможется,
Мне жалко ее, виноватую,
Как птицу подбитую,
Березу подрыгую
Над пропастью, Богом заклую.

«Нет тебя...» (1910). — Стихотворение «Нет тебя тревожней и капризней...» было опубликовано в «Ежемесячном литературном приложении к "Ниве"». 1913. Т. 2.

С. 309. В экземпляре коллекционера и библиофила М.С. Лесмана дата и помета — 1910. Париж.

Нет тебя тревожней и капризней,
Но тебе предался я давно
Оттого, что много, много жизней
Ты умеешь волей слить в одно.

И сегодня... Небо было серо,
День прошел в томительном бреду.
За окном, на мокром дерне сквера
Дети не играли в чехарду.

Ты смотрела старые гравюры,
Подпирая голову рукой,
И смешно-нелепые фигуры
Проходили скучной чередой.

«Посмотри, мой милый, видишь — птица.
Вот и всадник, конь его так быстр,
Но как странно хмурится и злится
Этот сановитый бургомистр!»

А потом читала мне про принца,
Был он нежен, набожен и чист,
И рукав мой кончиком мизинца
Трогала, повертывая лист.

Но когда дневные смолкли звуки
И взошла над городом луна,
Ты внезапно заломила руки,
Стала так мучительно бледна.

Пред тобой смущенно и несмело
Я молчал, мечтая об одном:
Чтобы скрипка ласковая спела
И тебе о рае золотом.

89 «Семирамида». Жемчуга — тоже мой атрибут. — В «Аполлоне» (1909, № 3) под заглавием «Сады Семирамиды» еще без посвящения И.Ф. Анненскому:

Для первых властителей завиден мой жребий,
И боги не так горды.

Столпами из мрамора в пылающем небе
Укрепились мой сады.

Там рощи с цистернами для розовой влаги,
Голубые, нежные мхи,
Рабы и танцовщицы, и мудрые маги,
Короли четырех стихий.

Все манит и радует, все ясно и близко,
Все таит восторг тишины,
Но каждую полночью так страшно и низко
Наклоняется лик луны.

И в сумрачном ужасе от лунного взгляда,
От цепких лунных сетей
Мне хочется бросится из этого сада
С высоты семисот локтей.

Затем — Анна Комнена. (Тема ревности). — Стихотворение написано в 1908 г. Автограф Гумилев отправил В.Я. Брюсову из Парижа (штемпель на парижском конверте — 6 апреля 1908 г.). В Париже весной этого года Гумилев пытался покончить жизнь самоубийством из-за безответной любви к гимназистке Анне Горенко:

Тревожный обломок старинных потемок,
Дитя позабытых народом царей,
С мерцанием взора на зыби Босфора
Следит ускользающий бег кораблей.

Прекрасны и грубы влекущие губы
И странно красивый изогнутый нос,
Но взоры унылы, как холод могилы,
И страшен разбросанный сумрак волос.

У ног ее рыцарь, надменный, как птица,
Как серый орел пиренейских снегов.
Он отдал сраженья за крик наслажденья,
За женский, доступный для многих альков.

Напрасно гремели о нем менестрели,
Его отличали в боях короли —
Он смотрит, безмолвный, как знойные волны,
Дрожа, рассекают его корабли.

И долго он будет ласкать эти груди
И взором ловить ускользящий взор,
А утром, спокойный, красивый и стройный,
Он голову склонит под меткий топор.

И снова в апреле заплачут свирели,
Среди облаков закричат журавли,
И в сад кипарисов от западных мысов
За сладким позором придут корабли.

И снова царица замрет, как блудница,
Дразнящее тело свое обнажив,
Лишь будет печальней, дрожа в своей спальне:
В душе ее мертвый останется жив.

Так сердце Комнены не знает измены,
Но знает безумную жажду игры
И темные муки терзающей скуки,
Сковавшей забытые смертью миры.

89 «Ро щ и п а л ь м» (08) и через 10 л е т
«Эзбек<ие>». — «Ро щ и п а л ь м» — стихотворение из

сборника «Жемчуга», написано по впечатлениям путешествия в Египет (1907):

Рощи пальм и заросли алоэ,
Серебристо-матовый ручей,
Небо, бесконечно голубое,
Небо, золотое от лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце?
Разве счастье — сказка или ложь?
Для чего ж соблазнам иноверца
Ты себя покорно отдаешь?

Разве снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться в огненном бреду,
Разве ты не властна жить как травы
В этом упоительном саду?

«Эзбекие» — стихотворение вошло в сборник «Кос-тер» (июль 1918). Ахматова видит в «Эзбекие» воспоминания о поре юношеской любви Гумилева к ней:

ЭЗБЕКИЕ

Как странно — ровно десять лет прошло
С тех пор, как я увидел Эзбекие,
Большой каирский сад, луною полной
Торжественно в тот вечер освещенный.

Я женщиною был тогда измучен,
И ни соленый, свежий ветер моря,
Ни грохот экзотических базаров,
Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился Богу
И сам ее приблизить был готов.

Но этот сад, он был во всем подобен
Священным роцам молодого мира:

Там пальмы тонкие вносили ветви,
Как девушки, к которым Бог нисходит;
На холмах, словно вещи друиды,
Толпились величавые платаны,

И водопад белел во мраке, точно
Встающий на дыбы единорог;
Ночные бабочки перелетали
Среди цветов, поднявшихся высоко,
Иль между звезд, — так низко были звезды,
Похожие на спелый барбарис.

И, помню, я воскликнул: «Выше горя
И глубже смерти — жизнь! Прими, Господь,
Обет мой вольный: что бы ни случилось,
Какие бы печали, униженья
Ни выпали на долю мне, не раньше
Задумаюсь о легкой смерти я,
Чем вновь войду такой же лунной ночью
Под пальмы и платаны Эзбекие».

Как странно — ровно десять лет прошло,
И не могу не думать я о пальмах,
И о платанах, и о водопаде,
Во мгле белевшем, как единорог.
И вдруг оглядываюсь я, заслыша
В гуденьи ветра, в шуме дальней речи
И в ужасающем молчаньи ночи
Таинственное слово — Эзбекие.

Да, только десять лет, но хмурый странник,
Я снова должен ехать, должен видеть
Моря, и тучи, и чужие лица,
Все, что меня уже не обольщает,
Войти в тот сад и повторить обет
Или сказать, что я его исполнил
И что теперь свободен...

89 Последнее воспоминание (в «Памяти»): «Был влюблен, жег руки...» — «Память» — стихотворение, открывающее последний сборник стихов Н. Гумилева «Огненный столп» (вышел в августе 1921 г.). Книга посвящена второй жене Гумилева — А.Н. Гумилевой, однако Ахматова видела в стихотворении воспоминание об их любви с Гумилевым и завершение памяти о ней.

Был влюблен — жег руки... — несколько раз цитируемые Ахматовой строки из допечатной редакции стихотворения «Память». Одна из философских идей Гумилева о перевоплощении душ в бесконечности бытия, получившая развитие в «Памяти», использована Ахматовой в незавершенной трагедии «Энума элиш. Пролог, или Сон во сне», в диалогах «Она и Голос» (см. т. 3).

ПАМЯТЬ

Только змеи сбрасывают кожи,
 Чтоб душа старела и росла.
 Мы, увь, со змеями не схожи,
 Мы меняем души, не тела.

Память, ты рукою великанши
 Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
 Ты расскажешь мне о тех, что раньше
 В этом теле жили до меня.

Самый первый: некрасив и тонок,
 Полюбивший только сумрак рощ,
 Лист опавший, колдовской ребенок,
 Словом останавливавший дождь.

Дерево да рыжая собака,
 Вот кого он взял себе в друзья,
 Память, Память, ты не сыщешь знака,
 Не уверишь мир, что то был я.

И второй... любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звоны лир,
Говорил, что жизнь — его подруга,
Коврик под его ногами — мир.

Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать богом и царем,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.

Я люблю избранника свободы,
Мореплователя и стрелка,
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака.

Высока была его палатка,
Мулы были резвы и сильны,
Как вино, впивал он воздух сладкий
Белому неведомой страны.

Память, ты слабее год от году,
Тот ли это или кто другой
Променял веселую свободу
На священный долгожданный бой.

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.

Я — утрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,

Стены Нового Иерусалима
 На полях моей родной страны.
 И тогда повеет ветер странный —
 И прольется с неба страшный свет:
 Это Млечный Путь расцвел неожиданно
 Садам ослепительных планет.

Предо мной предстанет, мне неведом,
 Путник, скрыв лицо; но все пойму,
 Видя льва, стремящегося следом,
 И орла, летящего к нему.

Крикну я... но разве кто поможет,
 Чтоб моя душа не умерла?
 Только змеи сбрасывают кожи,
 Мы меняем души, не тела.

89 Машу К<узьмину>-К<араваеву>, кот<орая> его не любила... благословляет и живую и мертвую. До самого конца. — Кузьмина-Каравеева Мария Александровна (1888—1911), с которой Гумилев встретился в Слепневе — имении своей матери летом 1911 г., когда Ахматова была в Париже.

Тезка Ахматовой, Анна Андреевна Гумилева, жена брата Николая Степановича — Дмитрия, писала: «В жизни Коли было много увлечений. Но самой возвышенной и глубокой его любовью была любовь к Маше. Под влиянием рассказов А<нны> И<вановны> о родовом имении Слепневе и о той большой старинной библиотеке, которая в целости там сохранилась, Коля захотел поехать туда, чтобы ознакомиться с книгами. В то время в Слепневе жила тетушка Варя — Варвара Ивановна Львова, по мужу Лампе, старшая сестра Анны Ивановны. К ней зимой время от времени приезжала ее дочь Констанция Фридольфовна Кузьмина-

Караваева со своими двумя дочерьми. Приехав в имение Слепнево, поэт был приятно поражен, когда, кроме старенькой тетушки Вари, навстречу ему выпли две очаровательные молоденькие барышни — Маша и Оля. Маша с первого взгляда произвела на поэта неизгладимое впечатление. Это была высокая тоненькая блондинка с большими грустными голубыми глазами, очень женственная. Коля должен был остаться несколько дней в Слепневе, но оттягивал свой отъезд под всякими предлогами. Нянечка Кузьминых-Караваевых говорила: “Машенька совсем ослепила Николая Степановича”. Увлеченный Машей, Коля умышленно дольше, чем надо, рылся в библиотеке и в назначенный день отъезда говорил, что библиотечная “...пыль пьянее, чем наркотик”, что у него сильно разболелась голова, театрально хватался при тетушке Варе за голову, и лошадей откладывали. Барышни были очень довольны: им было веселее с молодым дядей. С Машей и Олей поэт долго засиживался по вечерам в библиотеке, что сильно возмущало нянечку Караваевых, и она часто бурно налетала на своих питомцев, но поэт нежно обнимал и унимал старушку, которая после говорила, что “долго сердиться на Николая Степановича нельзя, он своей нежностью всех обезоруживает”.

Летом вся семья Кузьминых-Караваевых и наша проводили время в Слепневе. Помню, Маша всегда была одета с большим вкусом в нежно-лиловые платья. Она любила этот цвет, который был ей к лицу. Меня всегда умиляло, как трогательно Коля оберегал Машу. Она была слаба легкими, и, когда мы ехали к соседям или кататься, поэт всегда просил, чтобы их коляска шла впереди, “чтобы Машенька не дышала пылью”. Не раз я видел Колю сидящим у спальни Маши, когда она днем отдыхала. Он ждал ее выхода, с книгой в руках все на той же странице, и взгляд его был устремлен на дверь. Как-то раз Маша ему откоро-

венно сказала, что не в праве кого-либо полюбить и связать, так как она давно больна и чувствует, что ей недолго осталось жить. Это тяжело подействовало на поэта.

...Когда она родилась, сердце
В железо заковали ей
И та, которую любил я,
Не будет никогда моей.

Осенью, прощаясь с Машей, он ей прошептал: “Машенька, я никогда не думал, что можно так любить и грустить”. Они расстались, и судьба их навсегда разлучила» (Гумилев А. Николай Степанович Гумилев // Новый журнал. № 46. 1956. С. 107–126).

Ахматову особо возмутили слова, вложенные мемуаристкой в уста Гумилева, из появившихся только через десять лет в «Заблудившемся трамвае».

Публикатор книги «Николай Гумилев в воспоминаниях современников» В. Крейд назвал воспоминания А. Гумилевой «одним из фундаментальных вкладов в мемуарную литературу о Гумилеве». Однако Ирина Одоевцева, близко знавшая Гумилева в последний год его жизни, пишет: «Г. Струве справедливо “без особого доверия” отнесся к домыслам и заключениям невестки Гумилева о любви Гумилева, якобы единственной настоящей его любви, к его рано умершей кузине Маше Кузьминой-Караваевой и к тому, что написанный в 20 году “Заблудившийся трамвай” относится именно к ней». «Я не знаю, — продолжает Одоевцева, — был ли влюблен Гумилев в свою кузину, он при мне вообще никогда не вспоминал о ней. Но я охотно допускаю это. Ведь Гумилев был влюблен несчетное число раз... Но рассказ о том, что “Заблудившийся трамвай” (кстати, написанный не в 20-м, а весной 21 года) относится к Маше Кузьминой-Караваевой, вполне фантастичен. Небезынтересно упомя-

нуть, что в первом варианте “Машенька” называлась “Катенькой” — и только впоследствии, в честь “Капитанской дочки”, превратилась в Машеньку... Та же невестка Гумилева перепутала даты второй женитьбы Гумилева и рождение его дочери Елены. Гумилев действительно вернулся в Петербург в мае и вскоре же, — по желанию Ахматовой, — произошёл развод с ней. Но женился он на Анне Николаевне Энгельгардт не “в следующем году”, а, по словам самого Гумилева, “тут же”, т.е. через неделю после развода» (Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 265).

Назвав Ахматову «чуждым элементом», вторгшимся в семью, А.А. Гумилева-Фрейганг писала: «В семье Гумилевых очутилось две Анны Андреевны. Я — блондинка, Анна Андреевна Ахматова — брюнетка. А.А. Ахматова была высокая, стройная, тоненькая и очень гибкая, с большими синими, грустными глазами, со смуглым цветом лица. Она держалась в стороне от семьи. Поздно вставала, являлась к завтраку около часа, последняя, и, войдя в столовую, говорила: “Здравствуйте все!” За столом большей частью была отсутствующей, потом исчезала в свою комнату, вечерами либо писала у себя, либо уезжала в Петербург» (Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 128).

В том же роде делилась воспоминаниями соседка ближнего к Слепневу имения Подобино Вера Неведомская: «Я как сейчас помню мое первое впечатление от встречи с Гумилевым и Ахматовой в их Слепневе. На веранду, где мы пили чай, Гумилев вошел из сада; на голове — феска лимонного цвета, на ногах — льняные носки и сандалии и к этому русская рубашка. Впоследствии я поняла, что Гумилев вообще любил гротеск и в жизни, и в costume. У него было очень необычное лицо: не то Би-Ба-Бо, не то Пьеро, не то монгол, а глаза и волосы светлые. Умные, пристальные глаза слегка косят. При этом подчеркнуто-церемон-

ные манеры. А глаза и рот слегка усмеваются; чувствуется, что ему хочется созорничать и подшутить над его добрыми тетушками, над этим чаепитием с вареньем, с разговорами о погоде, об уборке хлебов и т.п.

У Ахматовой строгое лицо послушницы из староверческого скита. Все черты слишком острые, чтобы назвать лицо красивым. Серые глаза без улыбки. Ей могло быть тогда 21—22 года. За столом она молчала, и сразу почувствовалось, что в семье мужа она чужая. В этой патриархальной семье и сам Николай Степанович, и его жена были, как белые вороны. Мать огорчилась тем, что сын не хотел служить ни в гвардии, ни по дипломатической части, а стал поэтом, пропадает в Африке и жену привел какую-то чудную: тоже пишет стихи, все молчит, ходит то в темном ситцевом платье вроде сарафана, то в экстравагантных парижских туалетах (тогда носили узкие юбки с разрезом).

...Ахматова — в противоположность Гумилеву — всегда была замкнутой и всюду чужой. В Слепневе, в семье мужа, ей было душно, скучно и неприветливо. Но и в Подобине, среди нас, она присутствовала только внешне. Оживлялась она только тогда, когда речь заходила о стихах. Гумилев, который вообще был неспособен к зависти, ставил стихи Ахматовой в музыкальном отношении выше своих» (Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 157).

89 *Самой страшной я становлюсь в «Чужом небе» (1912), когда я в сущности рядом...* — Речь идет о стихотворениях Гумилева, написанных в период совместной семейной жизни — с весны 1910 г. до разрыва, когда они, по словам Ахматовой, «дали друг другу свободу» (1913 г.), но продолжали считаться супружеской парой. Развод был оформлен летом 1918 г.

89 *...влюбленная в Мефистофеля Маргарита...* —

См. стихотворение Н. Гумилева «Влюбленная в дьявола» (1908).

...женщина вамп в углу. — См. стихотворение «У камина», впервые — «Северные стихи. Альманах». М., 1911. Вошло в книгу «Чужое небо». Приводится в воспоминаниях В.С. Срезневской как автобиографическое:

Наплывала тень... Догорал камин,
Руки на груди, он стоял один,

Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говоря про свою печаль:

«Я пробрался в глубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шел мой караван;

Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города.

И не раз из них в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.

Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы.

Но трусливых душ не было меж нас,
Мы стреляли в них, целясь между глаз.

Древний я отрыл храм из-под песка,
Именем моим названа река,

И в стране озер пять больших племен
Слушались меня, чтили мой закон.

Но теперь я слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостно больна;

Я узнал, узнал, что такое страх,
 Погребенный здесь в четырех стенах;
 Даже блеск ружья, даже плеск волны
 Эту цепь порвать ныне не вольны...»
 И тая в глазах злое торжество,
 Женщина в углу слушала его.

89 Фанни с адским зверем у ног. — См. стихотворение «Укротитель зверей». Впервые — «Черное и белое». 1912. № 2, март. Вошло в книгу «Чужое небо».

УКРОТИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ

...как мой китайский зонтик красен,
 Натерты мелом башмачки.

Анна Ахматова

Снова заучено-смелой походкой
 Я приближаюсь к заветным дверям,
 Звери меня дожидаются там,
 Пестрые звери за крепкой решеткой.

Будут рычать и пугаться бича,
 Будут сегодня еще вероломней
 Или покорней... не все ли равно мне,
 Если я молод и кровь горяча?

Только... я вижу все чаще и чаще
 (Вижу и знаю, что это лишь бред)
 Странного зверя, которого нет,
 Он — золотой, шестикрылый, молчащий.

Долго и зорко следит он за мной
 И за движеньями всеми моими.
 Он никогда не играет с другими
 И никогда не придет за едой.

Если мне смерть суждена на арене,
Смерть укротителя, знаю теперь,
Этот, незримый для публики, зверь
Первым мои перекусит колени.

Фанни, завял вами данный цветок,
Вы ж, как всегда, веселы на канате,
Зверь мой, он дремлет у вашей кровати,
Смотрит в глаза вам, как преданный дог.

89 ...просто отравительница.. — Отсылка к стихотворению Гумилева «Отравленный» (впервые — «Новая жизнь». 1912. I, без заглавия. Вошло в книгу «Чужое небо»). Обратившийся к рассмотрению этого ряда стихотворений, Р. Тименчик отмечает в них «два сквозных мотива... существо, несущее смерть герою — «Отравленный», «Укротитель зверей»... — и «лунная дева» (Тименчик Р. К вопросу об источниках для жизнеописаний Гумилева и Ахматовой // Ахматовский сборник I. Париж, 1989. С. 253–254). Комментаторы стихотворения десяти томного собрания сочинений Гумилева возводят образ лирической героини к одному из злых духов «в низшей мифологии народов Европы, который, по легенде, садился ночью на грудь спящего и вызывал удушье (отсюда фр. *cauche mar*, англ. *nightmare*)» (Гумилев Н. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 1988. С. 268).

Приводим текст стихотворения как одного из ключевых для понимания двух ипостасей облика лирической героини-отравительницы и «лунной девы», сливающихся в один символ космического ужаса:

«Ты совсем, ты совсем снеговая,
Как ты странно и страшно бледна!

Почему ты дрожишь, подавая
Мне стакан золотого вина?»

Отвернулась печальной и гибкой...
Что я знаю, то знаю давно,
Но я выпью, и выпью с улыбкой,
Все налитое ею вино.

А потом, когда свечи потушат
И кошмары придут на постель,
Те кошмары, что медленно душат,
Я смертельно почувствую хмель...

И приду к ней, скажу: «Дорогая,
Видел я удивительный сон,
Ах, мне снилась равнина без края
И совсем золотой небосклон.

Знай, я больше не буду жестоким,
Будь счастливой с кем хочешь, хоть с ним,
Я уеду, далеким, далеким,
Я не буду печальным и злым.

Мне из рая, прохладного рая,
Видны белые отсветы дня...
И мне сладко — не плачь, дорогая, —
Знать, что ты отравила меня».

89 ...киевская колдунья с Лысой горы (а выйдет
луна — затонится). — См. стихотворение «Из логова зми-
ева...»

**Ты победительница жизни//И я товарищ вольный
твой.** — Эти гумилевские строки Ахматова называла бро-
дячими, относя их к 1910-м гг.

89 Я ведаю, что обо мне, далеко, // Звонит Ахматовой сиренный стих. — Из стихотворения Гумилева «Священные плывут и тают ночи...», много раз упоминаемое Ахматовой в ее записях. По ее же свидетельству, было написано на фронте, в конце 1914 г., читалось им в «Бродячей собаке» 27 января 1915 г.:

...Когда промчится вихрь, заплещут воды,
Зальются птицы в чаяньи зари,
То слышится в гармонии природы
Мне музыка Ирины Энери.

Весь день томясь от непонятной жажды
И облаков следя крылатый рой,
Я думаю: «Карсавина однажды,
Как облако, плясала предо мной».

А ночью в небе древнем и высоком
Я вижу записи судеб моих
И ведаю, что обо мне, далеко,
Звучит Ахматовой сиренный стих.

Так не умею думать я о смерти,
И все мне грезятся, как бы во сне,
Те женщины, которые бессмертье
Моей души доказывают мне.

В примечании, сопроводившем образ «сиренный стих», Ахматова отсылает к Вийону, «Балладе о дамах былых времен», которого Гумилев перевел в 1913 г. В его переводе: «О женщинах былых времен».

...никто так глубоко не понял и так тонко и верно не изобразил Вяч. Иванова, как Б<ердяев>... — Философ русского религиозного возрождения Н.А. Бердяев в течение трех лет беспрерывно председательствовал на «средах»

Вяч. Иванова. В своем «Опыте философской автобиографии» назвал «Вячеслава Иванова одним из самых замечательных людей той, богатой талантами, эпохи». Одновременно им высказаны суждения, близкие Ахматовой: «В. Иванов был виртуозом в овладении душами людей. Его пронизывающий змеиный взгляд на многих, особенно на женщин, действовал неотразимо. Но в конце концов люди от него уходили. Его отношение к людям было деспотичное, иногда даже вампирическое, но внимательное, широкое, благожелательное» (Б е р д я е в Н. Самопознание (Опыт философской автобиографии). Париж, 1949. С. 165).

89 *Вообще удивительно, как поэзия чужда этому необыкновенному человеку.* — Ахматова имеет в виду признание Бердяева о времени своих председательств на «башне»: «Иногда поэты читали свои стихи. Тогда моя роль была пассивной. Я не любил чтения стихов поэтами» (т а м ж е. С. 167).

Мистический анархизм — теория, провозглашенная Г.И. Чулковым вместе с Вяч. Ивановым в 1906 г. Книжке Чулкова «О мистическом анархизме» была предпослана вступительная статья Вяч. Иванова «Идея неприятия мира и мистический анархизм». Главный постулат этой теории — «последовательное и углубленное утверждение» индивидуализма, который должен привести нас к истинной общественности, освобожденной от власти» (цит. по: Ч у л к о в Г.И. Годы странствий. М.: Эллис Лак. С. 22, 688).

90 *Зиновьева-Аннибал* Лидия Дмитриевна (1866–1907) — прозаик, драматург, критик, жена Вяч. Иванова.

Вера — В.И. Шварсалон (см. о ней т. 1. С. 720).

90 Верховский Юрий Никандрович (1878—1956) — поэт, переводчик, историк литературы. В 1908 г. издал сборник «Разные стихотворения», был связан многолетними отношениями с Вяч. Ивановым, бывал на «башне». В пору кризиса символизма увлекся сформировавшимся в недрах этого течения «неоклассицизмом».

Бородаевский Валериан Валерианович (1874—1923) — поэт. Его книга «Стихотворения, элегии, оды, идиллии» вышла в 1909 г. в издательстве Вяч. Иванова «Оры», с предисловием издателя. После распада символизма примкнул к неоклассическому течению.

Княжнин Владимир Николаевич (наст. фам. Ивойлов; 1883—1942) — поэт.

<3>

Впервые — «Записные книжки». С. 207. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 105).

90 И властно требует мечта, чтоб этой не было улыбки. — Ахматова цитирует неточно. У Гумилева: «И страстно требует мечта, / Чтоб этой не было улыбки?». Из цикла «Осенняя песня», 3 (Гумилев Н. Собр. соч. Т. 1. Вашингтон. 1962. С. 21).

«Сон Адама». — Впервые — Аполлон. 1910. № 5. Позже — в «Чужом небе».

<4>

Впервые, без указания адресата — журн. «Новый мир». 1990. С. 219—220, публикация К.Н. Суворовой и В. Черных. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

91 Малия Мартин (наст. имя Мартын Мартинович; р. 1924) — американский литературовед, занимался

поэзией Серебряного века, один из адресатов Ахматовой. Летом 1962 г. посетил ее в Комарове. Для него написано несколько «памяток» с резко полемическими оценками появившихся в русской эмиграции мемуаров (ныне часть из них собрана в кн.: Николай Гумилев в воспоминаниях).

91 Она — *двоится. Но всегда чужая*. — См. стихотворение Гумилева «Сон Адама» (из книги «Жемчуга»):

<...> И кроткая Ева, игрушка богов,
Когда-то ребенок, когда-то зарница,
Теперь для него молодая тигрица,
В зловещем мерцании ее жемчугов,
Предвестница бури, и крови, и страсти,
И радостей злобных, и хмурых несчастий.

Так золото манит и радует взгляд,
Но в золоте темные силы таятся,
Они управляют рукой святотатца
И в братские кубки вливают свой яд.
Не в силах насытить, смеются и мучат
И стонам и крикам неистовым учат.

Он борется с нею. Коварный, как змей,
Ее он опутал сетям соблазна.
Вот Ева — блудница, лепечет бессвязно,
Вот Ева — святая, с печалью очей.
То лунная дева, то дева земная,
Но вечно и всюду чужая, чужая.

И он наконец беспредельно устал,
Устал и смеяться и плакать без цели;
Как лебеди, стаи веков пролетели,
Играли и пели, он их не слышал;
Спокойный и строгий, на мраморных скалах,
Он молится Смерти, богине усталых <...>

91 Посвящ<ение> «Русалки». Автограф. — См. коммент. к фрагменту <2>.

На даче Шмидта сжег рукопись пьесы «Шут короля Батинволя»... — Под Севастополем А. Горенко жила с матерью на даче при водолечебнице Шмидта. В июне приехавший из Парижа Гумилев навестил ее. Тогда же сжег рукопись своей пьесы «Шут короля Батинволя». Там же им было написано стихотворение «Отказ». «Он звал ее с собой (в Париж. — С.К.), но ее, только что закончившую гимназию, мысль о замужестве не привлекала» (Х е й т. С. 30). Об этих днях есть запись П. Лукицкого (от 17 апреля 1925 г.): «На даче Шмидта были разговоры, из которых Николай Степанович узнал, что АА не невинна. Боль от этого довела Николая Степановича до попытки самоубийства в Париже...» (Л у к и ц к и й, 1. С. 143).

Всеволод Рождественский окончил ту же гимназию в Царском Селе, что и Гумилев.

...и т.д. — По-видимому, таким небрежением Ахматова выражает отношение к воспоминаниям царскоселов — Эриха Голлербаха и Дмитрия Кленовского (см.: Николай Гумилев в воспоминаниях).

Поздние воспоминания «Эзбекские» и «Память» — См. коммент. к фрагменту <2>.

Мое первое письмо в Париж... — Осенью 1906 г. Ахматова, еще ученица восьмого класса киевской Фундуклеевской гимназии, написала Гумилеву письмо, после чего возобновилась их прервавшаяся на полтора года переписка.

Запись Лукницкого 19 апреля 1925 г.: «Осенью 1906 года АА почему-то решила написать письмо Николаю Степановичу. Написала и отправила. Это письмо не заключало в себе решительно ничего особенного, а Николай Степанович (так, значит, помнил о ней все время) ответил на это письмо предложением» (Л у к н и ц к и й, 1. С. 142).

91 «Что это снова угроза//Или мольба о пощаде?» — Строки из цикла «Беатриче» (Жемчуга. М., 1910). Написано до 30 октября 1906 г. Возможно, Ахматова указывает на связь стихотворения с приездом Гумилева на дачу Шмидта и их разговорами:

...Дальше, докучные фавны,
Музыки нет в вашем кличе!
Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче,

Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе...
Что это? Снова угроза
Или мольба о пощаде?

...Музы, в сонете-брильянте
Странную тайну отмерьте,
Спойте мне песню о Данте
И Габриеле Россетти.

Глухонемые не демоны, а литературоведы... — Иронически обыгрывается название сборника М.А. Волошина «Демоны глухонемые» (Харьков, 1919; 2-е изд. Берлин, 1923).

Леконт де Лиль Шарль (1818–1894) — французский поэт.

91 Вяч. Иванов и Брюсов. — Вяч. Иванов написал рецензию на книгу Н. Гумилева «Жемчуга» («Аполлон». 1910. № 7), где после серьезного и сочувственного разбора творчества Гумилева говорится об ученичестве у Брюсова и поэт назван «юным оруженосцем рыцаря», а его поэзия экзотической и оторванной от реального мира. «Романтически-мечтательный период ученичества Н. Гумилева характеризуется решительным преобладанием в его поэзии эпического элемента над лирическим. Это естественно: где ему и найти собственно переживание, если оно растворяется в сновидении, если фея вновь начинает прясть из кудели душевного опыта лунные нити, а другая фея — фея-Сказка — ткать из нитей узорную ткань вымысла? Отсюда — естественность поэтического диапазона и граничащая подчас с наивным непониманием неотзывчивость нашего автора на все, что лежит вне предела его грез, — его несходства с поэтом — эхо, нормой поэта по правому идеалу Пушкина. Неотзывчивость — и ошарашивающаяся, необдуманно — позирующая торжественно-замедленная, напыщенно-ватная однозвучность, отсутствие быстроты, непосредственности, живой подвижности, живой реакции на многообразие живой жизни... Прогноз вытекает из вышесказанного: когда действительный, страданием и любовью купленный опыт души разорвет завесы, еще обволакивающие перед взором поэта сущую реальность мира, тогда разделятся в нем “суша и вода”, тогда его лирический эпос станет объективным эпосом, и чистою лирикой — его скрытый лиризм, — тогда впервые он будет принадлежать жизни... (Николай Гумилев. Pro et contra. С. 365—366). См. рецензию В.Я. Брюсова «Н. Гумилев. Путь конквистадоров» (Русская мысль. 1910. № 7). В статье «Дебютанты» (Весы. 1908. № 3) Брюсов писал: «Лучше удастся Н. Гумилеву лирика “объективная”, где сам поэт исчезает за нарисованными им образами,

где больше дано глазу, чем слуху. В стихах же, где надо передать внутренние переживания музыкой стиха и очарованием слов, Н. Гумилеву часто недостает силы непосредственного внушения. Он немного парнасец в своей поэзии, поэт типа Леконта де Лиля» (Весы. 1908. № 3. С. 77–78).

91 «Дворец Великанов» — стихотворение «Ты помнишь дворец великанов...», вошло в книгу «Жемчуга» (1910):

Ты помнишь дворец великанов,
В бассейне серебряных рыб,
Аллеи высоких платанов
И башни из каменных глыб?

Как конь золотистый у башен,
Играя, вставал на дыбы
И белый чепрак был украшен
Узорами тонкой резьбы?

...И мы до сих пор не забыли,
Хоть нам и дано забывать,
То время, когда мы любили,
Когда мы умели летать.

В своих воспоминаниях Ахматова не раз возвращается к этому эпизоду в их жизни, когда она и Гумилев с карниза царскосельской башни смотрели на «рыжего кирасирского коня» и смирявшего его офицера. См. также в поэме «Русский Трианон»: «Как конь, вставал дредноут на дыбы...».

Ненюфары — от фр. *nénufar* — водяная лилия южных стран.

«Озера» — стихотворение Гумилева. Впервые — Русская мысль. 1908, ноябрь. Вошло в книгу «Жемчуга».

Полемизируя с Вяч. Ивановым, писавшим об оторванности поэзии Гумилева от каких бы то ни было реалий его жизненных переживаний, Ахматова отмечает связь «Дворца великанов» и «Озер» с реалиями пейзажа Царского Села и их жизни там.

91 ...только говоря об Анненск<ом>, Г<умилев>, уже поэт-акменст, осмелился произнести имя своего рода, кот<орый> казался ему слишком прозаичным и будничным для стихов... — В рецензии на книгу стихотворений поэта-царскосела гр. В.А. Комаровского «Первая пристань» Гумилев писал: «Под многими стихотворениями стоит подпись «Царское Село», под другими она угадывается. И этим разгадывается многое. Маленький городок, затерянный среди огромных парков с колоннами, арками, дворцами, павильонами и лебедями на светлых озерах, городок, освященный памятью Пушкина, Жуковского и за последнее время Иннокентия Анненского, захватил поэта, и он нам дал не только специально царскосельский пейзаж, но и царскосельский круг идей» (Аполлон. 1914. № 5).

92 У той жены, всегда печальной... — строфы из последней части «Осенней песни». Указанная Ахматовой стр. 21 подтверждает, что она пользовалась при работе первым томом собрания сочинений Николая Гумилева, подготовленного Г.П. Струве и Б.А. Филипповым (Вашингтон, 1962).

И, в солнца ткань облечена, // Она великая святыня... — Из «Песни Дриады» («Осенняя песнь»):

И, в солнца ткань облечена,
Она великая святыня,
Она не бледная жена,
Но венценосная богиня.

92 Она же девичий труп в песне певца... — Имеется в виду стихотворение «Песня о певце и короле» («Путь конквистадоров»):

...Однажды сидел я в порфире златой,
Горел мой алмазный венец —
И в дверь постучался певец молодой,
Бездомный, бродячий певец.

Для всех, кто отвагой и силой богат,
Отворены двери дворца;
В пурпуровой зале я слушать был рад
Безумные речи певца.

С красивою арфой он стал недвижим,
Он звякнул дрожащей струной,
И дико промчалась по залам моим
Гармония песни больной.

«Я шел один в ночи беззвездной
В горах с уступа на уступ
И увидал над мрачной бездной
Как мрамор белый, женский труп» <...>

**...она же та, кто отказывалась идти за чароде-
ем...** — Из стихотворения Гумилева «Рассказ девушки»
(«Путь конквистадоров»):

...И в этот миг с далеких гор
Ко мне спустился странник дивный,
В меня вперил он взор призывный,
Могучей негой полный взор.

И пел красивый чародей:
«Пойдем со мною на высоты,
Где кроют мраморные гроты
Огнем увенчанных людей..

...Но тих был взгляд моих очей,
 И сердце, ждущее спокойно,
 Могло ль прельститься цепью стройной
 Светло чарующих речей.
 И дивный странник отошел,
 Померкнул в солнечном сиянье,
 Но внятно — тяжело рыданье
 Мне повторял смущенный дол...

92 «Невеста дьявола». — У Гумилева: «Влюбленная в Дьявола» (из книги «Романтические цветы»).

...и та, кому отдан волшебный перстень с рубином — з а н е в е р н ы й о т т е н о к р а з б р о с а н н ы х к о с. — См. «Пять могучих коней мне дарил Люцифер...»

«Царица» — иль, может быть, только печальный ребенок... — См. стихотворение «Отказ». Об обстоятельствах его написания Ахматова вспоминает: «Мы сидели у моря, дача Шмидта, летом 1907 г., и волны выбросили на берег дельфина. Н.С. уговаривал меня ехать в ним в Париж — я не захотела. От этого возникло это стихотворение и еще один мой портрет в ряду других» («Записные книжки». С. 359).

Ты, для кого собирал я на Леванте... — строка из стихотворения Гумилева «Пятистопные ямбы» (в книге «Колчан». Впервые — Аполлон. 1912. № 9).

93 Тебе, подруга, эту песнь отдам... — Из стихотворения «Баллада» («Влюбленные, чья грусть как облака...»; «Чужое небо»), подаренного Ахматовой Гумиле-

вым в Киеве 10 апреля 1910 г., в дни, предшествовавшие венчанию.

Приведенная Ахматовой часть строфы-«посылки», завершающей «Балладу», является заключительной частью канонической формы жанра в позднем Средневековье. «Посылка» несколько раз приводится Ахматовой в ее рабочих тетрадях с пометами о Гумилеве. Полный текст «посылки»:

Тебе, подруга, эту песнь отдам,
Я веровал всегда твоим стопам,
Когда вела ты, нежа и карая,
Ты знала все, ты знала, что и нам
Блеснет сиянье розового рая!

93 Ср. со стих<отворением> «Она» — учиться светлой боли. — Из книги «Чужое небо».

ОНА

Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов
Живет в таинственном мерцанье
Ее расширенных зрачков.

Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью дольней и отрадной
Высокомерна и глуха.

Неслышный и неторопливый,
Так странно плавен шаг ее,
Назвать нельзя ее красивой,
Но в ней все счастье мое.

Когда я жажду своеволий
 И смел и горд — я к ней иду
 Учиться мудрой сладкой боли
 В ее истоме и бреду.

Она светла в часы томлений
 И держит молнии в руке,
 И четки сны ее, как тени
 На райском огненном песке.

<5>

Впервые — Т и м е н ч и к Р.Д., Ч е р н ы х В.А. ЛО. 1989. № 5. С. 7—9, по автографу РНБ. Имеется и другая машинописная копия, рукой Л.Д. Большинцовой (ныне собрание Д.Л. Файнберга), по автографам РНБ. Отрывки, вошедшие в «Записные книжки». С. 302. Печ. по первой публикации.

93 Волков Анатолий Андреевич (1909—после 1962) — автор работ по литературе начала XX в., отличавшихся вульгарно-социологическим подходом. Ахматова имеет в виду составленную им антологию «Поэзия русского империализма».

94 ...как делает Глеб Струве... — Струве Глеб Петрович (1898—1985) — историк литературы, литературный критик, поэт, переводчик. В эмиграции с 1918 г. С 1962 г. начинает выходить подготовленное им и Б.А. Филипповым Собрание сочинений Н. Гумилева в четырех томах. Критика Ахматовой относится к изложению и интерпретации фактов во вступительной статье к первому тому этого издания.

94 Брюсов («Русская мысль»). — Имеется в виду статья «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм» (Русская мысль. 1913. № 4).

Андрей Белый где-то сообщает, что дал Гумилеву программу акм<еизма>... — Ахматова резко критически относилась к мемуарам Андрея Белого «Начало века» (М.; Л., 1933).

95 Гор<одецкий> поносит последними словами стихи Блока «Свирель запела...». — См. «Неизвестные письма Н.С. Гумилева» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 413–414).

96 Радецкий Иван Маркович — журналист.

97 «Стилистика Ахматов<ой>» — В.В. Виноградовым написаны работы: «О символике Анны Ахматов<ой>» (Литературная мысль. Пг., 1922), «О поэзии Анны Ахматовой. Стилистические наброски» (Л., 1925).

Б.М. Эйхенбаум — целую книгу (1922). — Речь идет о книге «Анна Ахматова. Опыт анализа» (Пг., 1923).

<6>

Впервые — «Записные книжки». С. 245. Печ. по автографу РГАЛИ (РГТ 106).

98 ...вкусив мис<тического> анархизма и соборности... — Идеи «хорового начала» в культуре, исповедуемые Вяч. Ивановым, имели задачу преодоления индивидуализма и выхода к «соборности» через мифотворческое искусство; получили огрубленное истолкование в теории «мистического анархизма» Г. Чулкова (см. программные материалы в альманахе «Факелы». СПб., 1907).

98 Антология 1914. — По-видимому, имеется в виду сборник «Избранные стихи русских поэтов» (вып. 2. СПб., 1914).

«Что думает державный Он...» — Из стихотворения Городецкого, вошедшего в сборник стихов «Четырнадцатый год» (Пг., 1915):

...Из церкви доносилось пенье...
Перед началом битв, как встарь,
Свершив великое моление,
К народу тихо вышел Царь.

Что́ думал Он в тот миг великий,
Что чувствовал, Державный Он,
Когда восторженные клики
Неслись к нему со всех сторон?

Какая сказочная сила
Была в благих Его речах,
Которым меч судьба вручила
На славу нам, врагам на страх!

<7>

Впервые — первая часть Х е й т. С. 311—312, с сокращениями и изменениями до фразы «Конечно, очень мило, что семейная легенда...». Полный текст — «Записные книжки». С. 250—252. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

99 Гумилева Анна Андреевна (урожд. Фрейганг; 1887—1956) — жена Д.С. Гумилева.

Гумилева Анна Ивановна (урожд. Львова; 1854—1942) — мать Н.С. Гумилева. Отец — **Гумилев Степан Яковлевич** (1836—1910), врач.

99 Митя — Гумилев Дмитрий Степанович (1934—1922) — брат Н.С. Гумилева.

О радостях земной любви... — Впервые журн. «Весы». 1908. № 4. С. 31—34. Посвятив новеллы Анне Андреевне Горенко, Гумилев, обратившись к редактору «Весов» В.Я. Брюсову с просьбой о публикации, признавался: «...по романтическим причинам мне хочется видеть их напечатанными возможно скорее» (Г у м и л е в Н. Неизданное и несобранное. Paris: YMCA-Press. С. 107).

...Приезды Н<иколая> С<тепановича> ко мне... — См.: Ч е р н ы х, 1. С. 27, 29, 30, 32.

Адамович Татьяна Викторовна (в замуж. Высоцкая; 1892—1970) — хореограф, педагог, сестра Г.В. Адамовича. По свидетельству Ахматовой, Т. Адамович и Н. Гумилев познакомились на вечере в «Бродячей собаке» 6 января 1914 г. Гумилев посвятил ей сборник стихотворений «Колчан». По записи другой возлюбленной Гумилева (на отсутствие которой в мемуарах указывает Ахматова), О.Н. Арбениной, со слов Гумилева: «Она его насильно посадила и свезла в редакцию, чтобы он (хотя нехотя) написал посвящение ей в «Колчан» (Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 30). Поэтический отклик Ахматовой на роман Гумилева с Т. Адамович — стихотворение 1914 г. (май):

Мне не надо счастья малого,
 Мужа к милой провожу
 И довольного, усталого,
 Спать ребенка уложу.
 <...>

99 Рейснер Лариса Михайловна (1895—1926), в 1916—1917 гг. — возлюбленная Гумилева. Вошла в литературу как молодой талантливый критик, писала очерки, стихи. В 1916 г. издавала вместе в отцом журнал «Рудин». После 1917 г. связала свою судьбу с революцией, работала с революционными матросами. Вышла замуж за комиссара Ф. Раскольниковца, в 1920 г. уехала с ним в Афганистан, с первой посольской миссией. Прототип женщины-комиссара в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского. Отношения Рейснер с Гумилевым глубоко драматичны, о чем она рассказывала Ахматовой и считала, что могла бы предотвратить его казнь, если бы оставалась в Петрограде. Из сохранившихся писем Гумилева к Ларисе Рейснер первое помечено 23 сентября 1916 г., последнее — 5 июня 1917 г. (см.: Б о г о м о л о в Н. «Лишь для тебя я на земле живу... Из переписки Н. Гумилева и Л. Рейснер» // В мире книг. 1987. № 4). Кризис их отношений в значительной мере связан с восприятием революции. См. в последнем письме Гумилева: «Развлекайтесь, но не занимайтесь политикой». Как бы подводя итог их отношениям, Рейснер писала в своем последнем письме: «В случае моей смерти все письма вернутся к Вам. И с ними — то странное, которое нас связывало, и такое похожее на любовь. И моя нежность — к людям, уму, поэзии и некоторым вещам, которая благодаря Вам окрепла, отбросила свою собственную тень среди других людей — стала творчеством... Будьте благословенны Вы, Ваши стихи и поступки. Встречайте чудеса, творите их сами. Мой милый, мой возлюбленный. И будьте чище и лучше, чем прежде, потому что действительно есть Бог». Письмо подписано: «Лери» — именем героини трагедии Н. Гумилева «Гондла» (цит. по: Ш о л о м о в а С. Б. «Судьбы связующая нить (Л. Рейснер и Николай Гумилев)» в кн.: Нико-

лай Гумилев. Исследования и материалы. С. 484). Биографически с Л. Рейснер связаны главным образом «эпические» произведения Гумилева: «Гондла», «Черный Дик», «Отравленная туника», «Принцесса Зара», «Дитя Аллаха». О.Н. Гильденбрандт-Арбенина вспоминает: «Как-то мы с Мандельштамом были в Марининском театре. Сидели в ложе, а вблизи, тоже в ложе, была Лариса Рейснер. Она мне послала конфет, и я издала с ней раскланялась (Осип бегал с ней здороваться). Потом он был у нее в гостях и рассказал мне, что она плакала, что Гумилев с ней не кланяется. ...я стала бранить Гумилева... Он ответил, что... не кланяется с ней потому, что она была виновата в убийстве Шингарева и Кокошкина» (Г и л ь д е н б р а н д т - А р б е н и н а О.Н. Гумилев // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Публикация М.В. Толмачева. С. 457–458). До конца жизни Л. Рейснер поддерживала отношения с Ахматовой, узнав в Кабуле о казни Гумилева, она, как свидетельствует П.Н. Лукницкий в письме к Ахматовой о смерти Блока, переданном ей в январе 1922 г., писала о «колонне, упавшей около другой колонны», имея в виду Гумилева, не называя его имени (Л у к н и ц к и й, 2. С. 64).

99 Арбенина — О.Н. Гильденбрандт-Арбенина оставила воспоминания о Гумилеве с поры их знакомства — 1916 г. до бурного романа в 1920 г. Ее воспоминания избалованной красавицы, адресата ряда стихов Мандельштама и других поэтов искренни, непосредственны, полны деталей ушедшего времени, воссоздают психологический «климат» отношений с Н.С. Гумилевым. Школьная подруга второй жены Гумилева, Анны Николаевны Энгельгардт, Арбенина рассказывает об их ревностной борьбе за Гумилева и обстоятельствах жизни супругов.

100 Настоящий биограф... — Имеется в виду Н.А. Оцуп. В 1920 г. с Гумилевым, Г. Ивановым и Г. Адамовичем участвовал в создании нового «Цеха поэтов», работал с Гумилевым во «Всемирной литературе». С 1920 г. в эмиграции. Автор ряда работ о Гумилеве. Вскоре после гибели Гумилева опубликовал в третьем сборнике «Цех поэтов» статью «О Гумилеве и классической поэзии»; в журн. «Опыты» (Нью-Йорк. 1953. № 1) — очерк «Николай Степанович Гумилев». С некоторыми изменениями очерк был напечатан как предисловие к книге: Г у м и л е в Н. Избранное, 1915, а также вошел в посмертно изданную книгу Оцупа «Литературные очерки», 1961. Оцуп защитил докторскую диссертацию о Гумилеве.

См. отзывы о Г<умиле>ве Брюсова и Иванова. — См. коммент. к фрагменту <4>.

В никаких цирковых программах я не участвовала... — См.: Н е в е д о м с к а я В. О Гумилеве и Ахматовой // Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 153: «В цирковую программу входили также танцы на канате, хождение колесом и т.д. Ахматова выступала как “женщина-змея”, гибкость у нее была удивительная — она легко закладывала ногу за шею, касалась затылком пяток, сохраняя при всем этом строгое лицо послушницы. Сам Гумилев, как директор цирка, выступал в прадедушкином фраке и цилиндре, извлеченных из сундука на чердаке. Помню, раз мы заехали кавалькадой человек в десять в соседний уезд, где нас не знали. Дело было в Петровки, в сенокос. Крестьяне обступили нас и стали расспрашивать — кто мы такие? Гумилев не задумываясь ответил, что мы бродячий цирк и едем на ярмарку в соседний уездный город давать представление. Крестьяне попросили нас показать наше искусство, и мы проделали перед ними всю нашу “програм-

му". Публика пришла в восторг, и кто-то начал собирать медяки в нашу пользу. Тут мы смутились и поспешно исчезли».

100 ...раза два и демонстрировала свою гибкость... — См. в воспоминаниях Л. Ивановой: «Один раз на ковре посреди собравшихся в кружок приглашенных Анна Ахматова показывала свою гибкость: перегнувшись назад, она, стоя, зубами должна была схватить спичку, которую воткнули вертикально в коробку, лежащую на полу. Ахматова была узкая, высокая и одетая во что-то длинное, темное, облегающее, так что походила на невероятно красивое змеевидное чешуйчатое существо (И в а н о в а Л. Воспоминания. Книга об отце. Paris: Atheneum, 1990. С. 33).

Ездить верхом не умел. — «Николай Степанович ездить верхом, собственно говоря, не умел, но у него было полное отсутствие страха» (Н е в е д о м с к а я В. Воспоминания о Гумилеве и Ахматовой//Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 153).

Почему нигде и никогда не прочла, что развод просила я... (Об этом я рассказывала М.А. Зенкевичу на Серг<иевской ул.>, 7. См. в его романе 1921 г.). — Над романом «Эльга» М. Зенкевич работал 1921 по 1927 г. В заметке «Вместо предисловия» Зенкевич писал: «Когда-то автор познакомил с этой книгой А. Ахматову, Анна Андреевна сказала: "Какая это неправдоподобная правда!" Автор и героиня романа хорошо поняли друг друга. Через весь фантастический лабиринт лирического повествования, через размагниченное, интеллигентское "я" автор протягивает лишь один нерв — правда название ему. Больше того — правда автобиографическая. Если автор в чем ошибся, то это не вина его, а беда. О себе всегда трудно говорить объективно» (З е н к е в и ч М. Эльга. Беллетристические ме-

муары. М., 1991). Рассказ Ахматовой о разводе с Н. Гумилевым — в гл. III. У камина с Анной Ахматовой:

« — Простите, Анна Андреевна, нескромный вопрос. Но я уже слышал о начале Вашего романа с Николаем Степановичем и даже то, как он раз, будучи студентом Сорбонны, пытался отравиться из любви к Вам, значит, мне можно знать и конец. Кто первый из вас решил разойтись — Вы или Николай?»

— Нет, — это сделала я. Когда он вернулся из Парижа во время войны, я почувствовала, что мы чужие, и объявила ему, что нам надо разойтись. Он сказал только — ты свободна, делай, что хочешь, — но при этом страшно побледнел, так, что даже побелели губы. И мы разошлись...» (Эльга. С. 20).

О том, что развод попросила Ахматова, см. в замечании И. Одоевцевой по поводу воспоминаний А.А. Гумилевой-Фрайганг («На берегах Невы»). В своих антимемуариях Ахматова резко полемизирует с С.К. Маковским, известным и авторитетным в эмигрантских кругах литературно-художественным критиком, допустившим в своих мемуарах ряд неточностей и, как была убеждена Ахматова, некорректностей. Особенно ее раздражали суждения о себе, как о «покинутой» жене, а о Гумилеве, как об инициаторе развода: «...Ахматова в своих стихах называла себя “дурной матерью”, но всею своею последующей жизнью она показала, что это неправда. Она любила сына самоотверженно; скорее Гумилев мог считать себя “дурным отцом”, хотя еще в 1918 году, в Лондоне, покупал Левушке игрушки, — ведь это ему не помешало сейчас же по возвращении в Россию развестись с Анной Андреевной и жениться на Анне Николаевне Энгельгардт, молодой, хорошенькой, но умственно незначительной девушке, у ко-

торой вскоре родилась дочь» (Маковский С. Николай Гумилев (1886—1921) // Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 64—65).

Однако Ахматова не просто резка в своей полемике с Маковским, написавшим интересные, благожелательные мемуары, но и не всегда справедлива. Приводим несколько страниц из его воспоминаний. Сопоставление рассказов Маковского с маргиналиями Ахматовой позволяют понять меру ее неудовольствия, вызванного свободным и достаточно безответственным изложением фактов биографии и прочтением ряда стихотворений Гумилева. Ахматова все-раз опасалась, и не без оснований, что суждения Маковского будут восприняты не только читающей публикой, но и зарубежными исследователями как достоверность, перейдут из мемуаров в литературоведческие исследования, исказив не только историю отношения ее с Гумилевым, но и приведут к неверной трактовке их творческих биографий. Кроме глав в книге «На Парнасе Серебряного века», вышедшей на русском языке в Мюнхене в 1962 г., незадолго до смерти автора, Ахматова читала последние воспоминания Маковского на французском языке — «Николай Гумилев по личным воспоминаниям». На русском языке опубликованы в «Новом журнале». 1964. № 77. Вошли в книгу: «Николай Гумилев в воспоминаниях». С. 73—103.

<...> Во время своей первой поездки в Париж Гумилев начал было выпускать русский журнальчик «Сириус», где напечатал несколько своих стихотворений (под псевдонимом), затем он ненадолго съездил в Африку, о которой с детства грезил, в Египет и Судан и, возвратясь в Париж, издал вторую книжку стихов «Романтические цветы» (1907 г.). Лишь два-три стихотворения заслуживают внимания в этой пейзажной по преимуществу лирике, хотя в ней и живет уже будущий поэт «дальних странствий» и

любовных приключений — задор его парадоксальных метафор и звон романтических перебоев, влюбленность в парнасскую словесную живопись и зачарованность Левантом... Иностранных языков Гумилев не знал, но вслед за Валерием Брюсовым, Анненским, Коневским, гр. Василием Комаровским с помощью словаря и подстрочников приобщился к красочной пышности Леконта де Лилля, Эредиа, Бодлера, Теофиля Готье, прославлял их, переводил ревностно, особенно — последнего (позже выпустил отдельной книжкой «Эмали и камни», — 1914 г.).

Тогда же сочинил он первые рассказы прозой — «Тень от пальмы»; написаны они в 1907 году, первые три — посвящены Анне Андреевне Горенко, его будущей жене (Ахматовой). Ею он увлекался давно, еще гимназистом. Была она тремя годами моложе, родилась на Большом Фонтане, под Одессой. Отец ее был инженер-механик. Ребенком ее отвезли родители в Царское Село (1903 г.) и определили в женскую гимназию, где она и училась до шестнадцати лет, но окончила среднее образование в Фундуклеевской гимназии в Киеве (1907 г.), куда переехала семья Горенко. В Киеве же поступила Анна Андреевна ненадолго на Высшие Женские курсы; наконец, в 1907 году переехала она с семьей опять на север и поступила на петербургские литературные курсы Раева.

Так коротко говорит о своей юности Ахматова в предисловии к избранным своим стихам, вышедшим в 1961 году. Следовательно, в Царском Селе, девочкой, она могла встречать Гумилева, после приезда его из тифлисской гимназии, с 1903 до 1906 г. Вероятно, в 1907 году летом Гумилев съездил к Горенко на берег Черного моря, под Севастополем. Там, близ древнего Херсонеса, обычно проводили Горенко летние месяцы. Тогда-то, вероятно, и стал Николай Степанович подумывать о женитьбе на Анне Андреевне... Однако долго не решался.

Ахматова с молодых лет писала стихи, но из скромности редко кому их показывала. К тому же Гумилев, которого она сразу полюбила («как сорок тысяч сестер», — из ее стихотворения «Гамлет»), не сочувствовал ее писательству, «не женское это

дело», — заявлял он (не дело для его жены, во всяком случае: в любви он был эгоистом безусловным). Вероятно, между ними уже тогда началась глухая борьба. Вспоминая одно из еще добрых свиданий с Гумилевым, Ахматова не удержалась от признания:

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот.
Я сбежала, перил не касаясь,
И бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко,
И сказал мне: «Не стой на ветру».

А вот, после их последней встречи пятью годами позже, ставшая знаменитая ахматовская строфа:

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки...

Печататься в серьезных журналах Гумилев жене «не позволял»; после их брака мне стоило много усилий уговорить Анну Ахматову поместить несколько стихотворений в «Аполлоне» (1910).

В 1907 году Николай Степанович уже провозглашал себя, хоть и без особого права, «мэтром», выпустил две книжки стихов и готовил третью и четвертую: «Жемчуга» и «Чужое небо». Многие из более зрелых произведений в этих книгах были хорошо известны «царскосельскому Малларме» Анненскому.

Первое чтение Гумилевым своих «Капитанов», поэмы, навеянной Бодлером и Анри де Ренье, состоялось при мне. Анненскому понравился буквенный звон этих стихов: звуки разлетающиеся, как брызги морских волн, гремящая инструментальная насыщенность рифмованных строф:

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт,

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так, что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Гумилев был тогда «своим человеком» у Анненских и запросто приводил к ним своих друзей и знакомых.

<...> С отрочества, видимо, развил он свою волю к самоутверждению, к игре в поэта властного, все по-своему познающего, в повелительного почти-чародея. У поэта-чародея не должно было быть ни оседлости, ни удовлетворенной самоограниченности супружеской любви, он «пленяет и покоряет», на все смеет дерзнуть, уходит от жалкой действительности и скитается в странах неведомых, в неоткрытых «Америках», по землям и морям, еще не загрязненным цивилизацией, в мирах первородного Адама, что сродни «нездешней отчизне»; в своем одиноком к ней восхождении он преображает явь чудом своего творчества, покоря красивых девушек в предчувствии небесных гурий...

Этого Гумилева я почти не знал, когда мы приступили к общей редакционной работе. Лишь после на шумевшей в Петербурге дуэли его с Волошиным, с которым он дружил вначале, открылся мне этот второй его лик. Он еще не был тогда женат на А.А. Горенко; в «Романтических цветах» только намечался его задорно-фантастический эротизм.

<...> Трещина в их любви обозначилась с первого года брака. Они были слишком «разные». В плане поэтическом, может быть, только дополняли друг друга, но в жизни... С отрочества Гумилев мнил себя «конквистадором». После поездки в Африку пышным цветом расцвели его экзотические восторги, и так хотелось ему увлечь жену мечтой о далеком волшебстве мира,

о красоте пустынь под небом южного полушария с созвездием «Креста», и о первобытном человеке, божественно-сильном, неистертом так называемой цивилизацией, живущем в согласии с природой и ее тайнами. От Анны Андреевны он требовал поклонения себе и покорности, не допускал мысли, что она существо самостоятельное и равноправное. Любил ее, но не сумел понять. Она была мнительно-горда и умна, умнее его; не смешивала личной жизни с поэтическим бредом. При внешней хрупкости была сильна волей, здравым смыслом и трудолюбием. Коса нашла на камень. Возвратясь из Слепнева в Царское, он только и мечтал умчаться поскорее в новое «странствие» и, недолго думая, исчез опять на несколько месяцев в Абиссинию. Вернулся с почти готовым к печати сборником «Чужое небо».

Тогда, после этого второго путешествия, впервые попал я к нему в царскосельский дом, где жили его мать, Анна Ивановна, и другие Гумилевы, в верхнем этаже. Молодые занимали четыре комнаты — в нижнем. Чтобы попасть на их половину, надо было пройти довольно большую пустынную гостиную (с окнами на улицу и на двор), где никто не засиживался. Первая комната, библиотека Гумилева, была полна книг, стоящих на полках и повсюду набросанных. Тут же — широкий диван, на котором он спал. Рядом в темно-синей комнате стояла кушетка Ахматовой. В третьей, выходившей окнами во двор, висели полотна Александры Экстер, подарки ее Гумилеву. В этой комнате стояла мебель стиль-модерн, в остальных — старосветская мебель красного дерева, а вовсе не карельской березы, как вспоминает Г. Месняев в «Возрождении» № 119. Четвертая комната, окнами тоже во двор, служила Гумилеву рабочим кабинетом: мне запомнился поместительный письменный стол и стены, сплошь покрытые «абиссинскими картинами», среди которых были навешаны широкие браслеты слоновой кости.

Гумилев был еще «одержим» впечатлениями от Сахары и подтропического леса; с ребяческой гордостью показывал он свои «трофеи», вывезенные из «колдовской» страны: слоновые клы-

ки, пятнистые шкуры гепардов и картины-иконы на кустарных тканях, некое подобие большеголовых романских примитивов. Только и говорил он об опасных охотах, о темнокожих колдунах, о крокодилах и бегемотах — там, в Африке, доисторической родине человечества, что висит «исполинской грушей» на дереве древней Евразии.

Анну Андреевну не очень увлекала эта экзотическая бутафория. На жизнь она смотрела проще и глубже. К тому же во время отсутствия мужа она сама выработалась в поэта вдохновенно-законченного, хоть и по-женски ограниченного собой, своей болью. Гумилев должен был признать право ее на звание поэта, но продолжал раздражаться все больше ее равнодушием к его конквистадорству. Никакой блеск собственных его рифм и метафор не помог убедить ее, что нельзя вить семейное гнездо, когда на очереди высокие поэтические задачи. Помощница нужна ему, нужен оруженосец, спутник верный, любовь самоотреченная нужна, а не женская, ревнивая, к себе самой обращенная воля. Что делать? Он даже готов покаяться, обуздать свой нрав, только бы чувствовать ее частью самого себя, воплощенной грезой своей... Но она безучастна, хотя еще любит его, — чужда ему и завоеванной им славе. Стоя у догорающего камина и рассказывая о своих африканских приключениях, он горько осознает это:

...Древний я открыл храм из-под песка,
Именем моим названа река.
И в стране озер семь больших племен
Слушались меня, чтили мой закон.
Но теперь я слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостно больна.
Я узнал, узнал, что такое страх,
Заклученный здесь, в четырех стенах,
Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны.
И тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

Не помню, чтобы в это время он кем-нибудь сильно увлекался. Это были годы неистовой богемы в Петербурге, литературной кружковщины, борьбы поэтических направлений, возникновения всяких крайностей и пряностей и в живописи, и в театре, и в поэзии. Оглушительно трубили в свои рекламные трубы футуристы и кубофутуристы, «бубновые валеть» и «ослиные хвосты» и пр. Всюду можно было встретить Гумилевых, вместе и в одиночку, на маскарадных вечерах и в кабачках, особенно — в «Бродячей собаке» Пронина. В эту пору многие из бывавших в «Аполлоне» увлекались Ахматовой, уже знаменитостью, но не заметил я, чтобы она серьезно кем-нибудь увлекалась, как случилось позже... Анна Андреевна признавалась, что в угаре кабачка «Бродячей собаки» ей бывало приятно, с жалостью о нем вспоминает и в своей недавно опубликованной «Поэме без героя». Однако это ночное «веселье» не упрочило ее близости с мужем, связь могла разорваться от первого «случая».

...После родов Анна Андреевна стала готовить к печати «Белую стаю» и вновь уединилась, а он выхлопотал себе командировку от Академии Наук — возглавляющим этнографическую экспедицию на Сомали. Но оставаться долго без влюбленности Гумилев не мог, и «случай» послал ему опять несчастливую любовь, девушку не менее красивую и умственно-яркую, чем прежние любви, — Татьяну Александровну А. Не берусь утверждать, что увлечение было взаимно... Во всяком случае, опять, в третий раз, через Париж и Марсель, Гумилев отправился в африканское странствие.

«1913 год был решающим в судьбе Гумилева и Ахматовой, — говорил Н. Оцуп в своей книге «Литературные очерки», — она пережила сильное чувство к знаменитому современнику с «коротким звонким именем». Это тоже вымысел. «Аполлон» не мог бы не знать, если бы что-нибудь подобное было. Ахматова только один раз зашла к Блоку по делу и об этом свидании написала стихи. Если в этот «решающий год» увлеклась кем-нибудь, то не «современником с коротким звонким именем». Она расставалась с мужем покорно и скорбно.

Вдали от жены и сына, в это путешествие, окончившееся для него неблагополучно, малярией, Гумилев как будто стосковался по жизни «дома», и не без волнения поспешил в Слепнево. Но тут определенно выяснилось, что разрыв наступил. В одном из наиболее ярких своих стихотворений — «Пятистопные Ямбы» («Колчан») он так признается в своей печали от разрыва с женой:

Ты, для кого искал я на Леванте
 Нетленный пурпур королевских мантий,
 Я проиграл тебя, как Дамаянти,
 Когда-то проиграл безумный Наль,
 Взлетели кости, звонкие, как сталь,
 Упали кости — и была печаль.

Сказала ты, задумчиво и строго:
 «Я верила, любила слишком много,
 А ухожу, не веря, не любя,
 И пред лицом Всевидящего Бога,
 Быть может, самое себя губя,
 Навек я отрекаюсь от тебя».

Твоих волос не смел поцеловать я,
 Ни даже сжать холодных, тонких рук,
 И сам себе был гадок, как паук,
 Меня пугал и мучил каждый звук,
 И ты ушла, в простом и темном платье
 Похожая на древнее распятие.

101 Вера Неведомская (урожд. Королькова) — соседка Гумилевых по Слепневу, владелица имения Подобино.

Ярость Одоевцевой уже совсем непонятна. — При жизни Ахматовой в нью-йоркском «Новом журнале» (1962. № 68; 1963. № 71, 72, 74) были опубликованы отрывки из книги Одоевцевой «На берегах Невы».

**101 Он предсказал свою смерть с подробностями
вплоть до осенней травы.** — См. стихотворение «Рабочий» (впервые — «Одесский листок». 1916, 10 апреля; вошло в книгу «Костер»):

Упаду, смертельно затоскую,
Прошрое увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

«На тяжелых и гулких машинах». — Из стихотворения «Родос» (книга «Чужое небо»), посвященного «Памяти М.А. Караваевой»:

...Наше бремя — тяжелое бремя:
Труд зловещий дала нам судьба,
Чтоб прославить на краткое время,
Нет, не нас, только наши гроба.

Нам брести в смертоносных равнинах,
Чтоб узнать, где родилась река,
На тяжелых и гулких машинах
Грозовые пронзатъ облака...

«Орел». — Впервые — «Весы». 1909 (книга «Жемчуга»):

...Он умер, да! Но он не мог упасть,
Войдя в круги планетного движенья.
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,
Божественно холодными лучами,
Не зная тленья, он летел вперед,
Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры,
 Не раз труба архангела трубила,
 Но не была добычей для игры
 Его великолепная могила.

101 *«Дястарцев все з а п р е т н ы е труды»... —*
 Из стихотворения «Потомки Каина» (книга «Жемчуга»):

ПОТОМКИ КАИНА

Он не солгал нам, дух печально-строгий,
 Принявший имя утренней звезды,
 Когда сказал: «Не бойтесь Вышней мзды,
 Вкусите плод и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги,
 Для старцев — все запретные труды,
 Для девушек — янтарные плоды
 И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил,
 Нам кажется, что Кто-то нас забыл,
 Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука
 Две жердочки, две травки, два древка
 Соединит на миг крестообразно?

102 *...и, наконец, главное: «Земля, к чему шу-
 тить со мною...» —* Из стихотворения «Природа» (книга
 «Костер»):

...Земля, к чему шутить со мною:
 Одежды нищенские сбрось
 И стань, как ты и есть, звездой,
 Огнем пронизанной насквозь!

102 Семейная легенда. — Имеются в виду воспоминания слепневских родственников и соседей — А.А. Гумилевой, В.А. Неведомской, свидетельства Д.В. Кузьмина-Караваева, Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, перекочевавшие затем в другие мемуары и исследования.

103 Тайное и самое значительное — «Товарищ от Бога...» — См. стихотворение «Тот другой» (альм. «Аполлон». СПб. 1912). Вошло в книгу «Чужое небо»:

...Я жду товарища, от Бога
В веках дарованного мне,
За то, что я томился много
По вышине и тишине...

<8>

Впервые — «Записные книжки». С. 254–255. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

103 Дементные — от Dementia (лат., мед.) — безумие, помешательство, эд.: старческое слабоумие.

104 Вяч. Иванов якобы был в Цехе. — Присутствовал, как и Блок, на первом заседании «Цеха поэтов».

<9>

Впервые — журн. «Новый мир». 1990. № 5. С. 222, публикация К.Н. Суворовой, В.А. Черных. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

Запись Ахматовой является комментарием к стихотворению Н. Гумилева «Маргарита» (впервые опублик. в журн. «Сатирикон». № 31, без заглавия. С заглавием —

«Чужое небо»). Раскрывает историю создания стихотворения, написанного вскоре после заключения брака Н. Гумилева с А. Ахматовой.

МАРГАРИТА

Валентин говорит о сестре в кабаке,
Выхваляет ее ум и лицо,
А у Маргариты на левой руке
Появилось дорогое кольцо.

А у Маргариты спрятан ларец
Под окном в зеленом плюше,
Ей приносит так много серег и колец
Злой насмешник в красном плаще.

Хоть высоко окно в Маргаритин приют,
У насмешника лестница есть;
Пусть так звонко на улицах студенты поют,
Прославляя Маргаритину честь,

Слишком ярки рубины и томен апрель,
Чтоб забыть обо всем, не знать ничего...
Марта гладит любовно полный кошель,
Только... серой несет от него.

Валентин, Валентин, позабуди свой позор,
Ах, чего не бывает в летнюю ночь!
Уж на что Риголетто был горбат и хитер,
И над тем насмеялась родная дочь.

Грозно Фауста в бой ты зовешь, но вотще!
Его нет... Его выдумал девичий стыд;
Лишь насмешника в красном и дырявом плаще
Ты найдешь... и ты будешь убит.

<10>

Впервые — «Записные книжки». С. 392. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 110).

104 Канатная плясунья. — Из стихотворения Ахматовой (ноябрь 1911. Царское Село), вошедшего в книгу «Вечер»:

Меня покинул в новолунье
Мой друг любимый. Ну так что ж!
Шутил: «Канатная плясунья!
Как ты до мая доживешь?»

<11>

Впервые — «Записные книжки». С. 393. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 110).

105 «Семирамида», «А выйdet л у н а, загомит-ся». — См. стихотворение «Семирамида» и строки из стихотворения «Ию логова змиева...».

«Жену, что слишком была красива//И походила на луну»... — Строки из стихотворения «Константинополь» (впервые — альм. «Аполлон». 1911. № 6, без заглавия. Вошло в книгу «Чужое небо»):

Сегодня ночью на дно залива
Швырнут неверную жену,
Жену, что слишком была красива
И походила на луну.

«Нет тебя тревожней и капризней...» — См. стихотворение в коммент. к фрагменту <2>.

105 *«Я отдал кольцо этой д е в е Луны»... — См. «Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...».*

«То Л у н н а я д е в а, то дева земная...» — Из стихотворения «Сон Адама».

Я только голосом лебедным//Говорю с н е п р а - в е д н о ю луной... — Из стихотворения Ахматовой «Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...» (1915).

Все свершилось, о чем я мечтал... — Четвертое стихотворение из цикла «Беатриче»:

Я не буду тебя проклинать,
Я печален печалью разлуки,
Но хочу и теперь целовать
Я твои уводящие руки.

Все свершилось, о чем я мечтал
Еще мальчиком странно-влюбленным,
Я увидел блестящий кинжал
В этих милых руках обнаженным.

<12>

Впервые — журн. «Новый мир». 1990. № 5. С. 446, публикация К.Н. Суворовой, В.А. Черных. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

106 *«Озеро Чад», «Жираф» — вошли в книгу «Романтические цветы», «Капитаны» — в книгу «Жемчуга». По свидетельству Е.И. Дмитриевой-Васильевой (Черубины де Габриак), написаны ей в Коктебеле в июне 1909 г. (см.: Николай Гумилев. Неизданное и несобранное. С. 171).*

106 «Память», «Шестое чувство», «Заблудившийся трамвай» — стихотворения из последней книги Гумилева «Огненный столп».

...отнесение стих <отворения> «Рабочий» к годам Революции... — Стихотворение «Рабочий» написано в 1916 г. Комментируя строку «Пуля, им отлитая, просвищет//Над седою, вспененной Двиной...», М.Д. Эльзон напоминает: «Полк, в котором служил Гумилев, дислоцировался на берегу Двины» (подробнее об этом см.: Т и - м е н ч и к Р.Д. «Над седою вспененной Двиной» // Даугава. 1986. № 8); БП. С. 579.

<13>

Впервые — «Записные книжки». С. 263—264. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

106 ...узнав поэму через Гуля... — Гуль Роман Борисович (1896—1986) — прозаик, мемуарист, сценарист, издатель. С 1919 г. — в Германии. После прихода к власти фашистов эмигрировал в Париж, затем — в Лондон. «Поэма без героя», изданная в Нью-Йорке в 1956 г., не могла не быть известна Гулю до ее публикации в «Воздушных путях».

107 ...мертвая девочка оказывается в «Разложении атома», очевидно е г о собственная жертва. — Роман Г. Иванова «Распад атома» был опубликован отдельной книгой в Париже в 1938 г. и имел скандальный успех. Р. Гуль в письме от 14 мая 1955 г., обсуждая с Ивановым свою будущую статью, пишет: «...беда в том, что у меня нет материалов. Есть только “Распад атома”. Причем вы не правы, сейчас меня не стошнило, меня стошнило гораз-

до раньше, когда “Распад” только вышел. Ты опоздал на двадцать лет... и все-таки тебе я рада. Нет, без шуток, хоть и тошнит, но “Распад” — очень ценю» (цит. по кн.: И в а н о в Г. Т. 2. С. 443).

В эмиграции Г. Иванов слыл человеком безнравственным. В частности, М. Цветаева писала: «Если хочешь писать былое — знай ее, если хочешь писать пасквиль — меняй имена или жди сто лет. Не померли же мы все на самом деле» (Ц в е т а е в а М. Т. 4. С. 168).

Неоднозначно отзывался о нем и В. Яновский: «Георгий Иванов, человек интимно связанный со всякого рода бытовой мерзостью, но по-своему умница... Георгия Иванова, несмотря на его нравственное уродство, я считал самым умным человеком на Монпарнасе... человеком беспринципным, лишенным основных органов, которыми дурное и хорошее распознается» (Я н о в с к и й В. С. Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 197–199).

107 Познер Владимир Соломонович (1905–1992) — поэт, беллетрист, киносценарист, переводчик. В 1919 г. занимался в семинаре Н. Гумилева. В мае 1926 г. эмигрировал во Францию, в 1932 г. выпустил книгу очерков об СССР.

Лишневская Вера Александровна (урожд. Кашницкая; 1894–1924?) — жена Б.К. Пронина, одного из создателей и администратора артистических кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов». См. «Петербургские зимы» Г. Иванова (И в а н о в Г. Т. 3. С. 47–57).

<14>

Впервые — «Записные книжки». С. 267. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

108 Волошин и Кузмин — враги. — В ноябре 1909 г. на Черной речке состоялась дуэль Н. Гумилева с М. Волошиным, посчитавшим, что была оскорблена Е. Дмитриева (Черубина де Габриак). Волошин вспоминает: «Мы встретились с ним в мастерской Головина. <...> Все были уже в сборе. Гумилев стоял с Блоком на другом конце залы. Шаляпин внизу запел “Заклинание цветов”. Я решил дать ему кончить. Когда он кончил, я подошел к Гумилеву, который разговаривал с Толстым, и дал ему пощечину. В первый момент я сам ужасно опешил, а когда опомнился, услышал голос И.Ф. Анненского, который говорил: “Достоевский прав. Звук пощечины — действительно мокрый”. Гумилев отшатнулся от меня и сказал: “Ты мне за это ответишь” (мы с ним были на “ты”). Мне хотелось сказать: “Николай Степанович, это не брудершафт”. Но я тут же сообразил, что это не вязалось с правилами дуэльного искусства, и у меня внезапно вырвался вопрос: “Вы поняли?” (то есть: поняли, за что?) Он ответил: “Понял”» (В о л о ш и н М. Воспоминания о Черубине де Габриак // Публикация А.Н. Тюрина. Новый журнал. 1983. № 151. С. 188—208. Цит. по: Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 146).

Отношения Гумилева с М. Кузминым испортились после того, как Гумилев в рецензии на вторую книгу стихов Кузмина «Осенние озера» назвал его поэзию «салонной по преимуществу» (Аполлон. 1912. № 8).

Надо было дать В.М. Жирмунскому. — Ахматова высоко ценила статью Жирмунского «Преодолевшие символизм» (1916) и видела в нем наиболее авторитетного из возможных авторов статей о Н. Гумилеве.

Бредовые сказки о конце препятствуют выходу Г<умилева> на Родине. — Ахматова имеет в виду домыс-

лы о причинах ареста Гумилева и об его участии в контрреволюционном заговоре: см. воспоминания Г. Струве, Оцу-па, Маковского, Одоевцевой и др. Тогда еще не было официальных сведений о сфабрикованном деле так называемого заговора Таганцева (см.: Лукницкая В., Лукницкий С. Следственное дело Н.С. Гумилева // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. М.: «Наследие», 1992. С. 233–259). Ахматова не без оснований считала слухи и домыслы препятствием на пути возвращения Гумилева к читателю на родине.

<15>

Впервые — «Записные книжки». С. 267–268. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

109 Черубина де Габриак — под этим именем печаталась Елизавета Ивановна Васильева (урожд. Дмитриева; 1887–1928). Неприязнь Ахматовой к Дмитриевой, виновнице оскорбления, нанесенного Волошиным Гумилеву, и их дуэли усиливалась тем, что редактор «Аполлона», С.К. Маковский, предпочел стихи «таинственной иноземки» Черубины де Габриак стихам И.Ф. Анненского, уже подготовленным к публикации в очередном номере журнала. По убеждению Ахматовой, это и явилось причиной скоропостижной смерти Анненского на пороге Павловского вокзала.

Она написала мне надрывное письмо и пламенные стихи Ник<олаю> Степ<ановичу>. — По-видимому, настроения и чувства утраченного, «надрывного письма», которое Е.И. Дмитриева-Васильева послала Ахматовой, как и ее «пламенные стихи Николаю Степановичу», близки ее «Исповеди», опубликованной в книге — Гумилев Н.

Неизданное и несобранное. С. 169—177. Приводим текст «Исповеди» Черубины де Габриак:

...В первый раз я увидела Н.С. в июле 1907 г. в Париже в мастерской художника Себастьяна Гуревича, который писал мой портрет. Он был еще совсем мальчик, бледное, мрачное лицо, шепелявый говор, в руках он держал небольшую змейку из голубого бисера. Она меня больше всего поразила. Мы говорили о Царском Селе, Н.С. читал стихи (из «Романтических Цветов»). Стихи мне очень понравились. Через несколько дней мы опять втроем были в ночном кафе, я первый раз в моей жизни. Маленькая цветочница продавала большие букеты пушистых гвоздик, Н.С. купил для меня такой букет, а уже поздно ночью мы все втроем ходили вокруг Люксембургского сада и Н.С. говорил о Пресвятой Деве. Вот и все. Больше я его не видела. Но запомнила, запомнил и он.

Весной уже 1909 г. в Петербурге я была в большой компании на какой-то художественной лекции в Академии Художеств; был Максимилиан Александрович Волошин, который казался тогда для меня недостижимым идеалом во всем. Ко мне он был очень мил. На этой лекции меня познакомили с Н.С., но мы вспомнили друг друга. Это был значительный вечер «моей жизни». Мы все поехали ужинать в «Вену», мы много говорили с Н.С. — об Африке, почти в полусловах понимая друг друга, обо львах и крокодилах. Я помню, я тогда сказала очень серьезно, потому что я ведь никогда не улыбалась: «Не надо убивать крокодилов». Николай Степанович отвел в сторону М.А. и спросил: «Она всегда так говорит?» «Да, всегда», — ответил М.А.

Я пишу об этом подробно, потому что эта маленькая глупая фраза повернула ко мне целиком Н.С. Он поехал меня провожать, и тут же сразу мы оба с беспощадной ясностью поняли, что это «встреча», и не нам ей противиться. Это была молодая, звонкая страсть. «Не смущаясь и не кроясь, я смотрю в глаза людей, я нашел себе подругу из породы лебедей», — писал Н.С. на альбоме, подаренном мне.

Мы стали часто встречаться, все дни мы были вместе и друг для друга. Писали стихи, ездили на «Башню» и возвращались на рассвете по просыпающемуся серо-розовому городу. Много раз просил меня Н.С. выйти за него замуж, никогда не соглашалась я на это; в это время я была невестой другого, была связана жалостью к большой, непонятной мне любви. В «будни своей жизни» не хотела я вводить Н.С.

Те минуты, которые я была с ним, я ни о чем не помнила, а потом плакала у себя дома, металась, не знала. *Всей* моей жизни не покрывал Н.С., и еще: в нем была железная воля, желание даже в ласке подчинить, а во мне было упрямство — желание мучить. Воистину он больше любил меня, чем я его. Он знал, что я не его — невеста, видел даже моего жениха. Ревновал. Ломал мне пальцы; а потом плакал и целовал край платья. В мае мы вместе поехали в Коктебель.

Все путешествие туда я помню, как дымно-розовый закат, и мы вместе у окна вагона. Я звала его «Гумми», не любила имени «Николай», а он меня, как зовут дома, «Лиля» — «имя похоже на серебристый колокольчик», — как говорил он.

В Коктебеле все изменилось. Здесь началось то, в чем больше всего виновата я перед Н.С.

Судьбе было угодно свести нас всех троих вместе, его, меня и М.А. — потому что самая большая моя в жизни любовь, самая недостижимая — это был М.А. Если Н.С. был для меня цветение весны, «мальчик» (мы были ровесники, но он всегда казался мне младше), то М.А. для меня был где-то вдали, кто-то никак не могущий обратить свои взоры на меня, маленькую и молчаливую.

Была одна черта, которую я очень не любила в Н.С., — его неблагоприятное отношение к чужому творчеству; он всегда бранил, над всем смеялся, — мне хотелось, чтобы он тогда уже был «отважным корсаром», но тогда он еще не был таким.

Он писал тогда «Капитанов» — они посвящались мне. Вместе каждую строчку обдумывали мы. Но он ненавидел М.А., мне это было больно, очень здесь уже неотвратимостью рока встал в самом сердце образ М.А.

То, что девочке казалось чудом, совершилось. Я узнала, что М.А. любит меня, любит уже давно; к нему я рванулась вся, от него я не скрывала ничего. Он мне грустно сказал: «Выбирай сама. Но если ты уйдешь к Гумилеву, я буду тебя презирать». Выбор был уже сделан, Н.С. все оставался для меня какой-то благоухающей алой гвоздикой. Мне все казалось: хочу обоих, зачем выбор! Я попросила Н.С. уехать, не сказав ему ничего. Он счел это за каприз, но уехал, а я до осени (сент.) жила лучшие дни моей жизни. Здесь родилась Черубина. Я вернулась совсем закрытая для Н.С., мучила его, смеялась над ним, а он терпел и все просил меня выйти за него замуж. А я собиралась выходить замуж за М.А. Почему я так мучила Н.С.? Почему не отпускала его от себя? Это не жадность была, это была тоже любовь. Во мне есть две души, и одна из них верно любила одного, другая другого.

О, зачем они пришли и ушли в одно время! Наконец, Н.С. не выдержал, любовь ко мне уже стала переходить в ненависть. В «Аполлоне» он остановил меня и сказал: «Я прошу Вас последний раз — выходите за меня замуж». Я сказала: «Нет!» Он побледнел: «Ну, тогда Вы узнаете меня». Это была суббота. В понедельник ко мне пришел Гюнтер и сказал, что Н.С. на «Башне» говорил Бог знает что обо мне. Я позвала Н.С. к Лидии Павловне Брюлловой, там же был и Гюнтер. Я спросила Н.С., говорил ли он это. Он повторил мне в лицо. Я вышла из комнаты. Он уже ненавидел меня. Через два дня М.А. ударил его, была дуэль. Через три дня я встретила его на Морской. Мы оба отвернулись друг от друга. Он ненавидел меня всю свою жизнь и бледнел при одном моем имени.

Больше я его *никогда не видела*.

Я не могла оставаться с М.А. В начале 1910 г. мы расстались, и я не видела его до 1917 г. (или до 1916-го?).

Я не могла остаться с ним, и моя любовь и ему принесла муку.

А мне?! До самой смерти Н.С. я не могла читать его стихов, а если брала книгу — плакала весь день. После смерти стала читать, но до сих пор больно.

Я была виновата перед ним, но он забыл, отбросил и стал поэтом. Он не был виноват передо мною, очень даже оскорбив меня, он еще любил, но моя жизнь была смята им, — он увел от меня и стихи, и любовь...

И вот с тех пор я жила неживой; — шла дальше, падала, причиняла боль, и каждое мое прикосновение было ядом.

Эти две встречи всегда стояли передо мной и заслоняли все: и я не смогла оставаться ни с кем.

Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми:

СТИХИ и ЛЮБОВЬ.

И это была плата за боль, причиненную Н.С.: у меня навсегда были отняты

И любовь
и
стихи.

Остались лишь призраки их...

Ч.

СПб. 1926. Осень

Два стихотворения Е.И. Дмитриевой [Васильевой],
посвященные Гумилеву

1

Да, целовала и знала
Губ твоих сладкий след,
Губы губам отдавала,
Греха тут нет.

От поцелуев губы
Только алей и нежней.
Зачем же были так грубы
Слова обо мне?

Погас уж четыре года
Огонь твоих серых глаз,
Слаще вина и меда
 Был нашей встречи час.

Помнишь, сквозь снег над порталом
Готической розы цветок?
Как я тебя обижала,
 Как ты поверить мог!

5 дек. 1925 г.

2

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ГРАНТА *

*Памяти 25 августа 1921 ***

Как-то странно во мне преломилась
пустота неоплаканных дней.
Пусть Господня последняя милость
Над могилой пребудет твоей.

Все, что было холодного, злого,
это не было ликом твоим.
Я держу тебе данное слово
и тебя вспоминаю иным.

Помню вечер в холодном Париже,
Новый мост, утонувший во мгле...
Двое русских, мы сделались ближе,
вспоминая о Царском Селе.

В Петербург мы вернулись — на север.
Снова встреча. Торжественный зал.

* Анатолий Грант — один из псевдонимов молодого Гумилева.

** 25 августа 1921 г. — предполагаемый день казни Н.С. Гумилева.

Черепеховый бабушкин веер
ты, читая стихи мне, сломал.

После в «Башне» привычные встречи,
разговоры всегда о стихах,
неуступчивость вкрадчивой речи
и змеиная цепкость в словах.

Строгих метров мы читали законы
и смеялись над вольным стихом,
мы прилежно писали канцоны
и сонеты писали вдвоем.

Я ведь помню, как в первом сонете
ты нашел разрешающий ключ...
Расходились мы лишь на рассвете,
солнце вяло вставало меж туч.

Как любили мы город наш серый,
как гордились мы русским стихом...
Так не будем обычно мерой
измерять необычный излом.

Мне пустынная помнится дамба,
сколько раз, проезжая по ней,
восхищались мы гибкостью ямба
или тем, как напевен хорей.

Накануне мучительной драмы...
Трудно вспомнить... Был вечер... И вскачь
над канавкой из Пиковой Дамы
полетел петербургский лихач.

Было сказано слово неверно...
Помню ясно сияние звезд...
Под копытами гулко и мерно
простучал Николаевский мост.

Разошлись... Не пришлось мне у гроба
помолиться о верном пути,
но я верю — ни гордость, ни злоба
не мешали тебе отойти.

В землю темную брошены зерна,
в белых розах они расцветут...
Наклонившись над пропастью черной,
ты отвел человеческий суд.

И откроются очи для света.
В небесах он совсем голубой.
И звезда твоя — имя поэта
неотступно и верно с тобой.

16.IX. 1921

109 *Какой, между прочим, вздор, что весь «Аполлон» был влюблен в Черубину..* — Однако по свидетельству ряда современников, сила воздействия придуманной красоты неведомой и никем невиданной Черубины, магия ее образа были безграничны: «Где-то в Петербурге, через ров рода, богатства, католичества, девичества, гения, в неприступном, как крепость, но достоверном — стоит же где-то! — особняке живет девушка. Эта девушка присылает стихи, ей отвечают цветами, эта девушка по воскресеньям поет в костеле — ее слушают. Увидеть ее нельзя, но не увидеть ее — умереть.

И вот началась эпоха Черубины де Габриак.

Влюбился весь “Аполлон” — имен не надо, ибо носители иных уже под землей — будем брать “Аполлон” как единство, каковым он и был — перестал спать весь “Аполлон”, стал жить от письма к письму весь “Аполлон”, захотел увидеть весь “Аполлон”. Их было много, она — одна.

Они хотели видеть, она — скрыться. И вот — увидели, то есть выследили, то есть изобличили. Как лунатика — окликнули и окликом сбросили с башни ее собственного Черубинного замка — на мостовую прежнего быта, о которую разбилась вдребезги» (Ц в е т а е в а М. Живое о живом. Впервые — журн. «Современные записки». Париж. 1933, № 52, 53. Печ. по: Собр. соч. Т. 4. С. 172).

Еще одно свидетельство гостившего в России, близкого к «Аполлону» немецкого поэта Иоганнеса фон Гюнтера, которому Е.И. Дмитриева призналась в мистификации: «Однажды Маковский получил письмо на элегантной бумаге с траурной каймой, посланное неизвестной дамой, подписавшейся “Черубина де Габриак”; к письму были приложены стихи, которые были найдены хорошими. Адрес указан не был. Через некоторое время пришло еще письмо, с еще лучшими стихами, и опять без адреса. Третье письмо. Потом — звонок по телефону: низкий, влекущий женский голос, иногда слегка шепелявящий. И еще письма, телефонные звонки, разговоры — по телефону — по полчаса. Она — испанская аристократка, одинокая, чувствительная, жаждущая жизни, ее духовник — строгий иезуит; мать умерла давно... Маковский влюбился в нее по уши; барон Врангель, Зноско, Ауслендер тоже. Гумилев вздыхал по экзотической красавице и клялся, что покорит ее. Вся редакция горела желанием увидеть это сказочное существо. <...> Были, впрочем, и противники, которые издевались над влюбленной редакцией. Коллективная страсть заразителна: скоро и я вошел в число рыцарей обожаемой Черубины» (Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 136).

109 Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884—1954) — литературный критик, одно время был секретарем журнала «Аполлон».

109 *И откуда этот образ скромной учительницы.* — Е.И. Дмитриева закончила Петербургский женский педагогический институт по специальности средняя история и французская средневековая литература.

...дружила с Марго... — Маргарита Васильевна Сабашникова (1882–1973) — художница, поэтесса, первая жена М.А. Волошина.

А вот стихи Анненского... — В рабочих тетрадях Ахматовой, в планах ее неосуществленных книг не раз встречается тема «Последняя трагедия Анненского», посвященная смерти поэта, причины которой она непосредственно связывала с заменой его стихов в «Аполлоне» стихами Черубины де Габриак.

110 *...разводит вокруг Волошина... невообразимый очень стыдный сюсюк.* — Имеется в виду очерк М. Цветаевой о М. Волошине «Живое о живом».

<16>

Впервые «Записные книжки». С. 279. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 107).

110 *Был влюблен, жег руки, чтоб волнение...* — Ахматова цитирует один из ранних вариантов текста стихотворения «Память» (ныне известен по автографу из собрания Вс. Рождественского). См.: Г у м и л е в Н. Стихотворения и поэмы. СПб., 1988. Б-ка поэта. Большая сер. С. 512.

Это последние слова Гумилева о его царскосельско-парижской трагедии... — Ахматова имеет в виду свои отказы на предложения Гумилева и попытки его уйти из жизни.

<17>

Впервые «Записные книжки». С. 279–280. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

111 «Шатер» — последняя книга Гумилева, увиденная автором. Имела подзаголовок «Стихи 1918 г.» и посвящение: «Памяти моего товарища в африканских странствиях Николая Леонидовича Сверчкова». Была издана в Севастополе, куда Гумилев ездил в 1921 г., по приглашению флаг-секретаря наркома морских сил контр-адмирала А.В. Немитца (подробности издания книги см.: Г у м и л е в Н. Стихотворения и поэмы. С. 583–584).

...заказная книга географии в стихах и никакого отношения к его путешествиям не имеет. — В данном случае мнение Ахматовой совпадает с точкой зрения о севастопольском издании Э.Ф. Голлербаха (см.: Путеводитель по Африке // Жизнь искусства. 1921. 30 августа). Другая оценка принадлежит Иннокентию Оксену: «Уже один перечень стихов — «Сомали», «Дагомея», «Либерия», «Экваториальный лес» — пестрый каталог географических имен, облекающихся живой плотью и кровью в почти безупречных пьесах» (см.: Письма о современной поэзии // Книга и революция. 1921, 1). По-видимому, оценка Ахматовой связана с отсутствием в книге интересовавшего ее лирико-биографического сюжета.

Сверчков Николай Леонидович (1895–1919) — племянник Н.С. Гумилева, путешествовал с ним по Эфиопии, участник войны 1914–1918 гг. Умер от воспаления легких в Екатеринодаре.

Африканский дневник, Африканские охоты. — В письме от 25 апреля 1913 г. Ахматовой Гумилев писал:

«Мой дневник идет успешно, и я пишу его так, чтобы прямо можно было печатать...» В середине июня Ахматова по просьбе мужа продала очерк в журнал «Нива», но начавшаяся вскоре война задержала публикацию. «Африканская охота» была напечатана только в 1916 г. в приложениях к журн. «Нива».

111 Тураев Борис Александрович (1868–1920) — востоковед.

<18>

Впервые «Записные книжки». С. 272–273. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

112 Сохранились письма Ларисы Рейснер... — См. публикацию Н.А. Богомолова «Из переписки Ларисы Рейснер с Гумилевым» // В мире книг. 1987. № 4.

«К сожалению, я ничем не могу огорчить мою жену»... — В беседах с П.Н. Лукницким Ахматова рассказывала об этом разговоре с Л. Рейснер в августе 1920 г. в Фонтанном Доме: «...потом он предлагал Л.Р. жениться на ней, и Лар. Рейснер передает АА последовавший за этим предложением разговор так: она стала говорить, что очень любит АА и очень не хочет сделать ей неприятное. И будто бы Н.С. на это ответил ей такой фразой: “К сожалению, я уже ничем не могу причинить АА неприятность”. АА говорит, что Л.Р., это рассказывая, помнила очень всю обиду на Н.С. и чувство горечи и любви в ней еще было...» (Л у к н и ц к и й, 1. С. 178).

<19>

Впервые — «Записные книжки». С. 287–289. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

113 Поэма — волшебное зеркало... — См. коммент. к «Поэме без героя» — т. 3. С. 246.

Михайлов Михаил Семенович — лингвист, тюрколог.

Blot — Бло Надин — французская переводчица.

Про Гарвард. — Ахматова полемизировала со славистами Гарвардского университета.

Сестры Герцык. — См. о них коммент. к с. 26.

115 Орвиц-Занетти де — баронесса, парижская знакомая Н. Гумилева. Ей посвящено стихотворение «Царица Содома», опубликованное под заглавием «Маскарад»: «...И я танцевал с куртизанкой Содома, // О чем-то грустил я, чему-то смеялся...» (В «Весах» — 1907, № 7 — с посвящением баронессе де Орвиц-Занетти. Вошло в книгу «Романтические цветы»). В письме к Брюсову от 7 февраля 1908 г. Гумилев объяснял, почему он не включил стихотворение в сборник «Романтические цветы»: «Неоромантическая сказка» осталась за флагом потому, что я издал книгу на свой счет и сэкономил место, а «Маскарад» из-за своего посвящения, которое несогласно с общим» (Г у м и л е в Н. Неизданные стихи и письма. С. 37).

«Падалъ» — стихотворение Ш. Бодлера (1843) из книги «Цветы зла».

Но вспомните: и вы, заразу источая,
Вы трупом ляжете гнилым,
Вы, Солнце глаз моих, звезда живая,
Вы, лучезарный серафим.

И вас, красавица, и вас коснется тленье,
И вы сгниете до костей,

Одетая в цветы под скорбные моления,
Добыча гробовых червей.

Скажите же червям, когда начнут, целуя,
Вас пожирать во тьме сырой,
Что тленной красоты — навеки сберегу я
И форму, и бессмертный строй.

(Пер. В. Левица)

115 ...эти гиены, блудницы и т.д. — повторяющиеся в лирике Гумилева образы, олицетворяющие женское зло и коварство. «Гиена» («Над тростником медлительного Нила», 1906), блудницы — см. стихотворение «За гробом» (1908): «Ты увидишь пред собой блудницу//С острыми жемчужными зубами...», «Ужас» (1907):

Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих ногах.

**Лиру положили в лучшей зале, // А поэту выколо-
ли очи.** — Из стихотворения «Под рукой уверенной по-
эта...», написанного до 23 февраля 1908 г. (автограф при
письме В.Я. Брюсову; Г у м и л е в Н. Стихотворения и
поэмы. С. 593). Ахматова считала, что повторяющийся у
Гумилева образ «царицы беззаконий» связан с ней:

Под рукой уверенной поэта
Струны трепетали в легком звоне,
Струны золотые, как браслеты
Сумрачной царицы беззаконий.

Опьянили зовы сладострастья,
И спешили поздние зарницы,

Но недаром звякнули запястья
 На руках бледнеющей царицы.
 И недаром взоры заблистали:
 Раб делил с ней счастье этой ночи,
 Лиру положили в лучшей зале,
 А поэту выкололи очи.

См. также стихотворение «Заклинание» (1907, вошло в книгу стихов «Жемчуга»):

Юный раб в пурпуровом хитоне
 Говорил нездешние слова,
 Перед ней, царицей беззаконий,
 Расточал рубины волшебства...

115 *«Она Мэзи, ей все можно»...* — Мэзи, героиня романа Р. Киплинга «The light that failed», в русском переводе — «Свет погас» (1937) — о судьбе художника, пережившего трагическую любовь и погибшего в колониальных войнах Британии. Герой произносит фразу: «Королева не может ошибаться».

116 *Левберг* Мария Евгеньевна (урожд. Купфер; 1894—1934) — поэтесса.

Энгельгардт Анна Николаевна (1895—1942) — дочь Николая Александровича Энгельгардта, известного литератора, историка литературы, и Ларисы Михайловны Гарелиной, первой жены К. Бальмонта. Гумилев женился на А.Н. Энгельгардт в том же августе 1918 г., когда произошел развод с Ахматовой. Ей посвящен сборник стихов «Огненный столп» (1921). В апреле 1919 г. родилась Елена Николаевна Гумилева. Обе умерли в блокадном Ленинграде.

116 «К синей звезде» — стихи, посвященные Дюбуше Елене Карловне, в которую Гумилев был влюблен в свой последний приезд в Париж.

«Каталог побед» — ариозо Лепорелло из оперы «Дон Жуан» (1787, либретто Ла Понте).

<20>

Впервые — «Записные книжки». С. 313. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 109).

117 Сергей Константинович. — Имеется в виду С.К. Маковский, автор книги «На Парнасе Серебряного века» (Мюнхен, 1962), включающей в себя раздел о Николае Гумилеве. Ахматова обвиняет автора в забвении или незнании фактов, изложенных в мемуарах и записанных с чужого голоса людей, как она считала, враждебных и ей, и Гумилеву, — А.А. Гумилевой, В.А. Неведомской, Л. Страховского и др.

...и вместо того, чтобы писать об участии Гумилева в «Аполлоне», о зарождении акмензма, о поэзии «Башни»... — Ахматовой, видимо, были известны не все главы из книги С.К. Маковского «На Парнасе Серебряного века». Приводим воспоминания С.К. Маковского о создании журнала и ведущей роли Гумилева в редактировании его литературного отдела:

...Я познакомился с Гумилевым 1-го января 1909 года, на вернисаже петербургской выставки — «Салон 1909 года», устроенный мной в помещении музея Первого кадетского корпуса (бывшего Меншиковского дворца). Гумилев вернулся перед тем из Парижа; проживая вместе с матерью и младшим братом Дмит-

рием в Царском, он поступил в Петербургский университет (на романо-германское отделение филологического факультета).

Он был в форме: в длинном студенческом сюртуке «в талию», с высоким темно-синим воротником (по моде того времени). Подтянутый, тщательно причесанный (с пробором), совсем не отвечал он обычному еще тогда типу длинноволосого «студизуса», но не проявлял и пошловатости «белоподкладочника». Он был нарядно независим в движениях, в манере подавать руку.

С Гумилевым сразу разговорились мы о поэзии и о проекте нового литературного журнала; от многих писателей уже слышал он о моем намерении «продолжить» дягилевский «Мир Искусства». Тут же поднес он мне свои «Романтические цветы» и предложил повести к Иннокентию Анненскому. Возлагая большие надежды на помощь Анненского писательской молодежи, Гумилев отзывался восторженно об авторе «Тихих песен» (о котором, каюсь, я почти еще ничего не знал).

Гумилев стал ежедневно заходить и нравился мне все больше. Нравилась мне его спокойная горделивость, нежелание откровенничать с первым встречным, чувство достоинства, которого, надо сказать, часто недостает русским. Нас сближало, несмотря на разницу лет, общее увлечение французами-новаторами и вера в русских модернистов. Постепенно Гумилев перезнакомил меня со своими приятелями — Алексеем Толстым (в то время он писал только стихи), с Ауслендером, Городецким... Михаила Кузмина я встречал и раньше.

Спустя немного времени, когда улеглась первая выставочная суетня, я приехал, помнится, — с целой компанией молодых людей — к тому, которого впоследствии, в «Колчане», Гумилев назвал «последним из царскосельских лебедей», — к Анненскому.

Со времени отставки от директорства Иннокентий Анненский продолжал жить в Царском с семьей в им нанятом двухэтажном, выкрашенном в фисташковый цвет доме с небольшим садом. Первая комната прямо из сеней, просторная проходная гостиная (невысокий потолок, книжные этажерки, угловой ди-

ван, высоченные стенные часы с маятником и сипло гремящим каждые пятнадцать минут боем) выдавала свое «казенное» происхождение. В ней посетители задерживались редко, разве какое-нибудь литературное собрание. Направо была узкая темная столовая и очень светлый рабочий кабинет Анненского: полка во всю длину комнаты для томиков излюбленных авторов, фотографические учебные группы около бюста Эврипида.

Напротив, перед письменным столом, в широкие окна глядели из палисадника тощие березки, кусты сирени и черемухи. Выше, по винтовой лестнке, обширная библиотека Анненского продолжалась в шкафных комнатах, среди которого была одна, «заветная», куда поэт мог уйти от гомона молодых гостей. По крайней мере, так я думал, замечая иногда «исчезновение» Иннокентия Федоровича и его возвращение, такое же внезапное, с лицом задумчиво-отсутствующим.

Анненский стоял в стороне от соревнования литературных школ. Не был ни с Бальмонтом, ни с Валерием Брюсовым в поисках сверхчеловеческого дерзания. Он был символистом в духе французских эстетов, но не поэтом-мистиком, заразившимся от Владимира Соловьева софийной мудростью. В известной мере был он и русским парнасцем, и декадентом, и лириком, близким к Фету, Тютчеву, Константину Случевскому и автору «Кому на Руси жить хорошо». Ему пришлось многое поднять на плечи, чтобы уравнять русскую поэзию с «последними словами» Запада.

Анненский оказал мне решающую моральную поддержку в эти первые полгода создания «Аполлона». Я не хочу преуменьшать роли Гумилева в этот начальный период журнала. Он не только свел меня с Анненским, но радостно согласился во всем содействовать моей журнальной затее. Если и возникали между нами несогласия, например, о привлечении Блока в число «ближайших» сотрудников (по предложению Вячеслава Иванова), то Гумилев соглашался и с этим по-товарищески простодушно... Мы стали встречаться почти ежедневно. Завязалась моя дружба и с приятелями Николая Степановича — Алешей Толстым, Ауслендером,

Городецким и остальной «молодежью», которой я раньше не встречал. Уже тогда Гумилев над ними главенствовал, держал себя авторитетом в области стихотворного умения, критиком непогрешимым. Мне нравилась его независимость и самоуверенное мужество. Чувствовалась сквозь гумилевскую гордыню необыкновенная его интуиция, быстрота, с какой он схватывал чужую мысль, новое для него разумение, все равно — будь то стилистическая тонкость или научное открытие, о каком прежде он ничего не знал, — тотчас усвоит и обратит в видение упрощенно-яркое и подыщет к нему слова, быющие в цель, без обиняков.

Я прощал ему его наивную прямолинейность, так же, как и позу, потому что за мальчишеской его «простотой» проступало что-то совсем иного порядка — мука непонятности, одинокости, самоуязвленного сознания своих несовершенств физических и духовных: он был и некрасив, и неспособен к наукам, не обладал памятью, не мог научиться, как следует, ни одному языку (даже по-русски был малограмотен). И в то же время — как страстно хотел он — в жизни, в глазах почитателей, последователей и особенно женщин, быть большим, непобедимым, противоборствующим житейской пошлости, жалким будням «жизни сей», чуть ли не волшебником, чудотворцем. Чувствовалось в нем и сознание долга по отношению к своей стране.

Из всех моих спутников, в эти первые годы «Аполлона», Гумилев был наиболее энергичным и организующим помощником, ничуть не завистливым, благодушно-доброжелательным к «малым сим», хоть и неукоснительно строгим, когда от поблажек автору мог произойти ущерб поэзии. Он был принципиален, настойчиво негибок в восприятии чужого творчества и в воспитании собственной воли, в «победах» над встречавшимися на его пути женщинами и в любви к чему-то несказанному, что для него воплощалось в образе недосыгаемо-прекрасной девушки, благословенной молодой колдуньи... И тут, в страстях Гумилева, и в его женолюбивом романтизме, начинался другой Гуми-

лев, тот, который оставил глубокий след в своей лирике, и лирических драмах, и в насыщенной волшебством Востока прозе» (Маковский С. Николай Гумилев по личным воспоминаниям // Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 77–80).

<21>

Впервые — «Записные книжки». С. 342. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 110).

117 Рыбакова Ольга Иосифовна (р. 1915) — инженер, дочь И.И. и Л.Я. Рыбаковых, друзей Ахматовой.

Ш. — Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) или Шток Исидор Владимирович (1908–1980).

118 Бушен Дмитрий Дмитриевич (1893–1992) — живописец, театральный художник, график, член «Мира искусства». В 1925 г. выехал во Францию.

Своими письмами я прекратила Г. Иванова и Страховского... — По-видимому, письма Ахматовой против мемуаров Иванова, отрывки из которых стали появляться на Западе с середины 1920-х гг.; книги Л. Страховского нам неизвестны. Однако, возможно, под их воздействием Г. Иванов во втором издании «Петербургских зим» купировал места, вызвавшие резкую критику Ахматовой.

Хорош и отец Дмитрий... — С.К. Маковский пишет со слов Д. Кузьмина-Караваева: «Зимой того же (1912) года родился у них сын, крещен Львом. Тяжелые роды прошли ночью в одной из петербургских клиник. Был ли доволен Гумилев этим «прибавлением семейства»? От его троюродного брата Кузьмина-Караваева (в священстве отца Дмит-

рия) я слышал довольно жуткий рассказ об этой ночи. Будто бы Гумилев, настаивая на своем презрении к “брачным узам”, кутил до утра с троюродным братом, шатаясь по разным веселым учреждениям, ни разу не справился о жене по телефону, пил в обществе каких-то девиц. По словам отца Дмитрия, все это имело вид неумно-самолюбивой позы, было желанием не быть “как все”» (Маковский С. Николай Гумилев по личным воспоминаниям // Новый журнал. 1964. № 77. С. 157–158. Печ. по: Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 92). По-видимому, эти возмущившие Ахматову строки стали одним из поводов обращения В.С. Срезневской к этой теме в своих мемуарах: «...Не берусь оспаривать, где он был в момент рождения сына; отцы обычно не присутствуют при этом, и святые отцы должны лучше меня знать, что если им удалось соблазнить своих приятелей сопровождать их в место своих обычных увеселений, то это нисколько не мешает тому, что эти приятели коротают это тревожное время выпивая и заглушают внутреннюю тревогу не совсем понятным способом...

Мне думается, что Гумилев — подвернись другой приятель, менее подверженный таким “весельям”, — мог поехать в монастырь, мужской или женский, и отстоять монастырскую вечерню с переполненным умилением сердцем. Знаю, что он звонил в клинику, где лежала Аня (самую лучшую тогда клинику проф. Отта — очень дорогую и очень хорошо обставленную, на Васильевском острове) и затем, по окончании всей этой эпопеи, заехал за матерью своего сына и привез их обоих в Царское Село, к счастливой бабушке, где мы в те дни обедали с мужем и пили шампанское за счастливое событие... и все как полагается, и поздравляли и видели, что все, кроме злой, завистливой и чрезвычайно неумной Шуры Сверчковой, искренне радовались и были, по-видимому, в полном согласии» (Из вос-

поминаний В.С. Срезневской//Николай Гумилев. Неизданное и несобранное. С. 183).

<22>

Впервые — «Записные книжки». С. 359–360. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

120 Аренс Вера Евгеньевна (в замуж. Гаккель; 1883–1962) — поэтесса, адресат стихов Гумилева.

Обри Бердслей (Бёрдсли; 1872–1898) — английский художник-модернист.

«Царица иль, может быть, просто капризный ребенок...» — Из стихотворения Гумилева «Отказ».

Голенищева-Кутузова Ольга Викторовна. — По некоторым свидетельствам, опровергаемым Ахматовой, адресат стихотворения Гумилева «Отказ» («Записные книжки». С. 359).

Девушка, игравшая судьбой... — Из поэмы Гумилева «Открытие Америки» (вариант). («Царица иль, может быть, просто капризный ребенок...»).

121 1910 — летом, из IV гл <авы> *«Открытие Америки»*. — В журнальном варианте (Аполлон. 1910. № 12) поэма состояла из четырех глав, или песен. При подготовке сборника «Чужое небо» четвертая глава была изъята автором из текста.

Знаю, сердце девушек бесстрастно... — Из четвертой главы поэмы «Открытие Америки»: «Знаю! сердце девушек бесстрастно, // Как они, не мучить никому...»

121 И голодные тигры лизали... — Строфы стихотворения «Игры» («Чужое небо»). Ахматова цитирует неточно. Прав.: «Ведь голодные тигры лизали».

122 Я боролся с ней, как Иаков с ангелом и всегда оставался х р о м. — По свидетельству Ахматовой, одна из повторяемых Н.Н. Пуниным фраз. Восходит к Ветхому Завету: Бытие 32,25; Осия 12,4.

<23>

Впервые — «Записные книжки». С. 360–361. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

122 «Чужое небо» — четвертая книга стихов Гумилева. Вышла в 1912 г. в издательстве журн. «Аполлон».

...лесбийская дама (не то В. Яровая, не то Паллада)... — Яровая Вера — писательница. Паллада — Богданова-Бельская Паллада Олимповна (в замуж. Гросс, Старынкевич, графиня Берг, Доможенская, Педди; 1885–1968) — представительница элитарной петербургской богемы 1910-х гг., поэтесса, актриса, прославилась, как говорила Ахматова, «гомерическим блудом». Ахматова отсылает к стихотворению Гумилева «Жестокой» (1911):

Орел Сафо у белого утеса
Торжественно парил, и красота
Бестенных виноградников Лесбоса
Замкнула богохульные уста.

Тумповская Маргарита Марьяновна (1891–1942) — поэтесса, переводчица.

123 Высотская Ольга Николаевна (1885–1966) — актриса. Ей посвящено стихотворение «Ислам» — автограф на открытке с почтовым штемпелем — 18.4.13. Фотоко-

пию см. в журн. «Огонек» (1987. № 14. С. 21) из коллекции Ореста Николаевича Высотского (1913–1992), сына Н.С. Гумилева и О.Н. Высотской.

123 ...что они были как минимум... — Далее перечислены женщины, прославившие свои имена талантом и поклонением знаменитых современников.

Виже-Лебрен Мария-Луиза-Елизавета (1755–1842) — французская художница, портретистка. В начале революции покинула Францию. С 1795 по 1801 г. училась в Петербурге. Написала много портретов императорской семьи и придворных аристократов. В 1835 г. вышли ее мемуары «*Souvenirs de ma vie*». Ее автопортреты хранятся в Лувре и Уффици, портрет императриц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны — в Зимнем дворце.

Патти Аделина (1843–1919) — итальянская певица.

Кавальери Лина (1874–1944) — итальянская певица.

Сталь Анна Луиза Жермена де (1766–1817) — французская писательница.

Рекамье Жюли (1777–1849) — хозяйка парижского салона.

Не надо пускаться на такие мелкие хитрости, как Мако... — Отсылая к стихотворению «Муж хлестал меня узорчатым...», Ахматова указывает на искажение смысла стихотворения. Опустив первую строфу, мемуарист тем самым, вольно или невольно, подменяет персонаж, к которому обращено лирическое чувство:

Анна Андреевна неизменно любила мужа, а он? Любил и он... насколько мог. Но занятый собою, своими стихами и успе-

хами, заперев в клетку ее, пленную птицу, он свысока утверждал свое мужское превосходство, следуя Ницше, сказавшему (в «Заратустре», кажется) «Мужчина — воин, а женщина для одоления воина»... Подчас муж-воин проявлял и жестокость, в которой потом каялся.

А она жаловалась:

...Рассветает. И над кузницей
Подымается дымок.
А со мной, печальной узницей,
Ты опять побыть не мог.
Для тебя я долю хмурю,
Долю-муку приняла.
Или любишь белокурую,
Или рыжая мила?
Как мне скрыть вас, стоны звонкие!
В сердце темный, душный хмель.
А лучи ложатся тонкие
На не смятую постель.

Повторяю, она все прощала. Ее любовь побеждала страдание — разве муж не друг навеки, посланный Богом? И в нескольких словах, с такой характеризующей ее простотой, она рассказывает и о неверности мужа, и о своей всепрощающей нежности:

У меня есть улыбка одна.
Так. Движенье, чуть видимое губ.
Для тебя я ее берегу —
Ведь она мне любовью дана.
Все равно, что наглый и злой,
Все равно, что ты любишь других,
Перед мной золотой аналой
И со мной сероглазый жених.

Но всему приходит конец, даже любовному долготерпению. Случилось то, что должно было случиться. После одного из своих «возвращений» убедился ли он в том, что она встретила

«того, другого», которого он называет преступным за то, что он вечность променял на час —

Принявши дерзко за оковы,
Мечты, связующие нас...

или это одна «литература», а все кокетства Ахматовой и даже умственные увлечения ничем серьезным не кончились, и не было вовсе «того другого»?

Как бы то ни было, но уже задолго до войны Гумилев почувствовал, что теряет жену, почувствовал с раскаянной тоской и пил «с улыбкой» отравленную чашу, приняв ее из рук любимых, как заслуженную кару, ощущая ее «смертельный хмель», обещал покорность и соглашался на счастье жены с другим:

Знай, я больше не буду жестоким,
Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним.
Я уеду далеким, далеким
И не буду печальным и злым.

Теперь, стоя у догорающего камина и говоря ей о своих подвигах, он отдается одной печали:

Древний я открыл храм из-под песка,
Именем моим названа река,
И в стране озер, семь больших племен
Слушались меня, чтили мой закон.
Но теперь я слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостна больна.
Я узнал, узнал, что такое страх,
Заключенный здесь в четырех стенах;
Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны.

(Маковский С. Николай Гумилев (1886–1921)//
Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 62–63).

124 ...как из моей брошки... он сделал одно из своих самых значительных стихотворений... — стихотворение «Орел».

Как он рассказывал Ал. Толстому... — В очерке «Н. Гумилев» А.Н. Толстой приводит по памяти этот рассказ Гумилева о попытке самоубийства в Париже, в 1908 г.: «...Они шли мимо меня, все в белом, с покрытыми головами. Они медленно двигались по лазоревому полю. Я глядел на них — мне было покойно, я думал: “Так вот она, смерть?” Потом я стал думать: “А может быть, это лишь последняя секунда моей жизни? Белые пройдут, лазоревое поле померкнет?” ... Я стал ждать этого утасания, но оно не наступало, — белые все так же плыли мимо глаз. Мне стало тревожно. Я сделал усилие, чтобы пошевелиться, и услышал стон. Белые поднимались и плыли теперь страшно высоко. Я начал понимать, что лежу навзничь и гляжу на облака. Сознание медленно возвращалось ко мне, была слабость и тошнота. С трудом наконец я приподнялся и оглянулся. Я увидел, что сижу на траве наверху крепостного рва в Булонском лесу. Рядом валялся воротник и галстук. Все вокруг — деревья, мансардные крыши, асфальтовые дороги, небо, облака — казались мне жесткими, пыльными, тошнотворными. Опираясь о землю, чтобы подняться совсем, я ощупал маленький, с широким горлышком пузырек, — он был раскрыт и пуст. В нем, вот уже год, я носил большой кусок цианистого калия, величиной с половину сахарного куска. Я начал вспоминать, как пришел сюда, как снял воротник и высыпал из пузырька на ладонь яд. Я знал, что, как только брошу его с ладони в рот, — мгновенно настанет неизвестное. Я бросил его в рот и прижал ладонь изо всей силы ко рту. Я помню шершавый вкус яда» (Т о л с т о й А. // Последние новости. Париж. 1912. 23 и 25 октября. Печ. по: Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 38).

<24>

Впервые — «Записные книжки». С. 529—530. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 111).

Написано от имени Срезневской. Указанием на дату знакомства Гумилева с Т.В. Адамович — 6 января 1914 г. — Ахматова напоминает, что ее разрыв с Гумилевым произошел раньше, т.е. в 1913 г.

125 ...подложный дневник Вырубовой. — Так называемый «Дневник» Анны Александровны Вырубовой (1884 — после 1964) — фрейлины последней императрицы Александры Федоровны, написанный и изданный в эмиграции.

<25>

Впервые — журн. «Новый мир». 1990. № 5. С. 222, с сокращениями. Полный текст — «Записные книжки». С. 363—366. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

126 ...Струве отдал его на растерзание двум людям... — Ахматова имеет в виду статью Г.П. Струве «Н.С. Гумилев. Жизнь и творчество», предпосланную первому тому Собрания сочинений Н. Гумилева, вышедшего в Вашингтоне под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова (1962). С. XIV, XVI.

Жена Анненского — Анненская Наталия Владимировна (урожд. фон Штейн; 1885—1975) — в 1905—1907 гг. жена В.И. Анненского (Кривича), сестра поэта, переводчика, критика С.В. фон Штейна.

Кривич — Анненский Валентин Иннокентьевич (псевд. Кривич, 1880—1936) — поэт, сын И.Ф. Анненского.

126 Немитц Александр Васильевич (1879—1967) — выпускник морского корпуса (1900), на флоте с 1896 г. Выступал защитником на суде над участниками Севастопольского восстания 1905 г. С августа 1917 г. — командующий Черноморским флотом, произведен в контр-адмиралы. С 1919 г. — на Красном флоте, с февраля 1920-го по декабрь 1921 г. — командующий морскими силами, далее — на других руководящих постах и преподавательской работе. С 1947 г. — в отставке. В июне 1921 г. Гумилев отправился в Севастополь в салон-вагоне Немитца.

...впечатления 8-лет<него> Оцупа о внешности Г<умиле>ва. — См. воспоминания Н.И. Оцупа: «Он так важно и медлительно, как теперь, говорит что-то моему старшему брату Михаилу. Брат и Гумилев были не то в одном классе, не то Гумилев был классом младше. Я моложе брата на десять лет, значит, мне было тогда лет шесть, а Гумилеву лет пятнадцать. И все же я Гумилева отлично запомнил, потому что более своеобразного лица не видел в Царском Селе ни тогда, ни после. Сильно удлиненная, как будто вытянута вверх голова, косые глаза, тяжелые движения и ко всему очень трудный выговор, — как не запомнить!» (Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 174).

128 Оболенская Ольга Александровна (урожд. Кузьмина-Караваева; 1890—1986) — сестра Маши Кузьминой-Караваевой. Ахматова предполагала в полемике с мемуарами Маковского опереться на свидетельства В. Срезневской.

Ермолаевы — соседи Гумилевых по Слепневу.

(«И как преступен он, суровый»), который «положит посох, улыбнется и просто скажет: “Мы при-

шли”» — неточная цитата из стихотворения «Вечное» (альм. «Аполлон». СПб. 1912; вошло в «Чужое небо»):

...И тот, кто шел со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток к моим усладам
И ясно милостив к вине;

Учил молчать, учил бороться,
Всея древней мудрости земли, —
Положит посох, обернется
И скажет просто: «Мы пришли».

129 Он один раз дает его как фон к стихотворению «Анненский». — Имеется в виду стихотворение «Памяти Анненского» (1912), вошло в книгу «Колчан».

«Последний из царскосельских лебедей»... — Из первой строфы стихотворения «Памяти Анненского»:

К таким неожиданным и певучим бредням
Зовя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей...

Стихотворение через много лет стало как бы «источником» для многих мемуаристов — Г. Иванова, Г. Адамовича, рассказывавших о «высоком кабинете» и «скамейке Анненского» в Царскосельском парке.

Был вечер тих. Земля молчала... — строфа из стихотворения «Царица» (Из книги стихов Н. Гумилева «Жемчуга», 1910).

130 Аренс Лидия Аполлоновна (1889–1976) — двоюродная сестра А.Е. Аренс, первой жены Н.Н. Пунина.

130 Аренс Зоя Евгеньевна (1886–1969) — родная сестра А.Е. Аренс, жена брата Н.Н. Пунина — Александра Николаевича.

«**Андрогин**» — стихотворение (1909). Опубликовано под общим заголовком для нескольких стихов из цикла «Жизнь веков». По утверждению Л.А. Аренс, посвящено ей (см. ЛО. 1989. № 6. С. 89). Андрогин (греч. миф.) — двуполое существо

<26>

Впервые — «Записные книжки». С. 611–612. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

130 «Оры» — собственное издательство, созданное Вяч. Ивановым в 1907 г., вскоре распавшееся из-за финансовых трудностей. Было издано несколько книг: сборник «По звездам» (1904–1909) самого Иванова, а также произведения Л. Зиновьевой-Аннибал, А. Блока, А. Ремизова, Г. Чулкова, С. Городецкого, М. Кузмина, А. Скальдина, В. Бородаевского, т.е. ближайших друзей. Неудовольствие Брюсова было вызвано тем, что «Оры» создавались как петербургский «противовес» возглавленному им московскому издательству «Скорпион».

131 Манифест Гумилева — статья «Наследие символизма и акмеизм» (Аполлон. 1913. Январь), провозгласившая акмеизм наследником закончившего свой «путь развития» символизма. Гумилев рассчитывал на поддержку Брюсова, но тот выступил с резкой статьей, в которой подверг критике новое течение (Русская мысль. 1913. № 4). С этих пор отношения ученика и учителя резко охладились, хотя Гумилев до конца жизни относился к Брюсову с пиететом.

132 Стихи Нелли — мистификация Брюсова, стилизованные стихи, написанные от лица вымышленной поэтессы. В подтексте книги — роман В.Я. Брюсова с молодой поэтессой Надеждой Григорьевной Львовой (1891—1913). Видя в любви единственно подлинное содержание жизни и не встретив той же полноты чувств, Львова в один из кризисных моментов этих переживаний покончила с собой выстрелом из револьвера. Автор книги «Старая сказка. Стихи 1911—1912 гг.», вышедшей с предисловием Брюсова (М., изд-во «Альциона»).

На вечере женской поэзии Б<рюсов> выступил против меня, — очевидно, в честь Адалис (см. воспоминания Цветаевой). — В прозе Цветаевой («Герой труда»), о которой упоминает Ахматова, дано подробное описание вечера девяти поэтесс, состоявшегося в Москве, в феврале 1921 г. Адалис (наст. имя Аделина Ефимовна Ефрон; 1900—1969) — поэтесса. Ее «...лицо было светлое, рассмотрела белым днем в ее светлейшей светелке во Дворце Искусств (уг<ол> Поварской и Кудринской, д<ом> гр. Сологуба). Чудесный лоб, чудесные глаза, весь верх из света. И стихи хорошие, совсем не брюсовские, скорее мандельштамовские, явно-петербургские. <...> “Всё говорят, что Брюсов мне их выправляет, — жаловалась она, — но, уверяю вас...” — “Вам нечего уверять. Брюсову на поэтесс везет, и если выправлять, то, во всяком случае, не ему в данный час, ваши...”» (Ц в е т а е в а М. Т. 4. С. 37).

Цветаева воспроизводит обстановку вечера в промерзшем Политехническом, и, как она пишет, почти дословно, воспроизводит выступление В.Я. Брюсова: «Товарищи, я начинаю. <...> Женщина... Любовь... Страсть... Эти три

слова, все в той же последовательности, возвращались через каждые иные три, возвращались жданно и неожиданно, как цифры выскакивают на таксометре мотора, с той разницей, что цифры новые, слова ж все те же. Уши мои, уже уставшие от механики, под волосами наострились. Что до зала, он был безобразен, непрерывностью гула вынуждая лектора к все большей и большей смысловой и звуковой отрывистости. Казалось — зал читает лекцию, которую Брюсов прерывает отдельными выкриками: Итак: женщина: любовь: страсть. Были, конечно, и иные попытки, — поэтесса Ада Негри с ее гуманитарными запросами. Но это исключение и не в счет. (Даю почти дословно.) Лучший пример такой односторонности женского творчества являет собой... являет собой... — Пауза — ...Являет собой... товарищи, вы все знаете... Являет собой известная поэтесса (с раздраженной мольбой): — Товарищи, самая известная поэтесса наших дней... Является собой известная поэтесса...

Я, за его спиной, вполголоса, явственно:

— Львова?

Передерг плечей и — почти что выкриком:

— Ахматова! Являет собой поэтесса — Анна — Ахматова...

...Будем надеяться, что совершившийся по всему миру и уже совершившийся в России социальный переворот отразится и на женском творчестве. Но пока, утверждаю, он еще не отразился, и женщины все еще пишут о любви и о страсти. О любви и о страсти...» (там же. С. 42).

<27>

Впервые — Хейт. С. 224—225. Другой вариант текста — «Записные книжки». С. 616—617. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 114).

133 Чеботаревская... сказала *«Не ходите к ней. Она злая и вас очень обидит»*. — По-видимому, о недоброжелательности З.Н. Гиппиус Ахматова знала и от Гумилева, нанесшего визит Мережковским в самом начале своего литературного пути (Б е л ы й А. На экране Гумилев//Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 33–38).

Вячеслав был не Великолепный и не Таврический... — Однако см.: Ш е с т о в Л. Вячеслав Великолепный. К характеристике русского упадничества//Русская мысль. 1916. № 10. Отд. II. С. 80–110.

...антология Эйнауди. — «Антология», изданная Джулио Эйнауди в Турине в 1948 г.

134 Замятнина Мария Михайловна (1865–1919) — домоправительница и секретарь Вяч. Иванова.

Вера — В.К. Иванова-Шварсалон.

«Покойница в доме» Кузмина. — Впервые в журн. «Русская мысль». 1913. № 7 и № 8. Повесть получила скандальную известность. В ней увидели сходство с событиями, развернувшимися на «башне» Вяч. Иванова после смерти Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (см.: Б о г о м о л о в А. Дневник В.К. Шварсалон лета 1909 года. В кн.: Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 319–334).

<28>

Впервые — «Записные книжки». С. 617–618. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 114).

134 Драйвер Самюэль Норман — американский литературовед, автор диссертации о творчестве Ахматовой, защищенной в Колумбийском университете (США) в

1972 г.; опубликовал в Нью-Йорке книгу «Анна Ахматова» на английском языке.

135 «Ангел лег у края небосклона...» — Первая строка стихотворения «Акростих» (1911).

«Аддис-Абеба город роз...» — Первая строка Акростиха (1911).

136 Арагон всех растлил... — Арагон Луи (1897–1982) — французский писатель. Видимо, имеется в виду книга его стихов «Глаза Эльзы», которую он посвятил своей жене Э. Триоле.

<29>

Впервые — «Записные книжки» С. 624–627. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

136 Каневали Бруно — итальянский литературовед и переводчик.

Дончин Жоржетта (в замуж. Левенсон) — английский литературовед, автор работ о символизме.

140 ...Шагинян — только дневник (1923), а что она написала раньше! — В 1916 г. в газете «Кавказское слово» (1916. 2 февраля) была опубликована восторженная статья М. Шагинян о поэзии Анны Ахматовой.

<30>

Впервые — Отрывок в кн.: Х е й т. С. 316. Полный текст — «Записные книжки». С. 639–641. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

142 ...цитата из письма Гум<илева> к Сол<огубу> (с фронта)... — Письмо написано 6 июля 1915 г. На

конверте: «Из действующей Армии. Песочное, Ярославской губ., село Красное, усадьба Тихмеевых. Е.В. Федору Кузьмичу Сологубу <...> от Н. Гумилева, лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка, эскадрона Ее Величества»:

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

горячо благодарю Вас за Ваше мнение о моих стихах и за то, что Вы пожелали мне его высказать. Это мне тем более дорого, что я всегда Вас считал и считаю одним из лучших вождей того направления, в котором протекает мое творчество.

До сих пор ни критики, ни публика не баловали меня выражением своей симпатии. И мне всегда было легче думать о себе как о путешественнике или воине, чем как о поэте, хотя, конечно, искусство для меня дороже и войны, и Африки. Ваши слова очень помогут мне в трудные минуты сомнения, которые, вопреки Вашему предположению, бывают у меня слишком часто. <...> Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

(Г у м и л е в Н.С. Неизданное — на обл., на титуле — Неизданные стихи и письма. Paris: YMCA-Press, 1980. С. 127).

...его парижский портрет-триптих. — Портрет работы Н. Гончаровой (1916). Местонахождение не установлено. Однако, возможно, фрагменты к нему хранятся в собрании Третьяковской галереи (см. кн.: М. Ларионов, Н. Гончарова. Парижское наследие в Третьяковской галерее. М., 1999). См. также: Портрет Н.С. Гумилева Н.С. Гончаровой (1881–1962) в собрании Дж. Стюарта. Воспроизведен в кн.: М а р к о в В.Ф. История русского футуризма. СПб., 2000.

<31>

Впервые — «Записные книжки» С. 727. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 115).

<32>

Впервые — «Записные книжки» С. 727–728. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 115).

146 ...*Руссо говорил: «Я лгу только там, где не помню».* — Ж.Ж. Руссо. Эмиль, или О воспитании (1762). Кн. 3.

<33>

Впервые — «Записные книжки» С. 667. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

ИЗ «БЕГЛЫХ ЗАМЕТОК»

ТРАГЕДИЯ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО

Впервые — Л я м к и н а С. 389. Более полный текст — «Записные книжки». С. 282–283. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

Анненский Иннокентий Федорович (1855–1909) — поэт, критик, переводчик, педагог. В 1879 г. окончил Петербургский университет по словесному разряду историко-филологического факультета с правом преподавать древние языки. Всю жизнь служил по ведомству народного просвещения. Читал лекции по исторической грамматике на Высших женских Бестужевских курсах. В 1896–1905 гг. — директор Николаевской гимназии в Царском Селе. Среди его учеников — Н.С. Гумилев, Н.Н. Пунин, С. Горный и др. Всесторонняя образованность, восприятие искусства по-

эзии, живописи, скульптуры, музыки в их синтетичности отразилось на восприятии мира его учениками. Автор книги «Тихие песни» (1904). В 1906 г. вышел том Еврипида в переводе Анненского с его глубоким толкованием пьес. Из пьес самого Анненского, модернизовавшего античные сюжеты, особое внимание привлекла «Фамира-Кифаред» (написана в 1906 г., издана в 1913 г.), предполагалась к постановке театром А.Я. Таирова одновременно с «Крестом и розой» Блока. В 1906 г. вышел сборник литературно-критических статей «Книги отражений».

В Царском Селе Анненский был окружен обожанием старших гимназистов. Несмотря на разницу лет и положения, был связан с Гумилевым отношениями, полными взаимного понимания и уважения. Написанный Г.В. Адамовичем рассказ «Вечер у Анненского», несмотря на вольную беллетризацию событий мемуаристом, передает атмосферу отношений Учителя с учениками: «Кабинет Анненского находился рядом с передней. Ни один голос не долетал до нас, пока мы снимали пальто, приглаживали волосы, медлили войти. Казалось, Анненский у себя один. Гости, которых он ждал в этот вечер, и Гумилев, который должен был поэту нас представить, по-видимому, еще не пришли. Дверь открылась. Все уже были в сборе. Но молчание продолжалось. Гумилев оглянулся и встал нам навстречу. Анненский с какой-то привычной и опустошенной любезностью, приветливо и небрежно, явно отсутствуя и высокомерно позволяя себе роскошь не считаться с появлением новых людей, — или не понимая, что именно этим он сразу выдаст им “диплом равенства”, — Анненский протянул нам руку. <...> Гости считали, что надо что-то сказать, и не находили нужных слов. Кроме того, что каждый сознавал, что лучше хотя бы для виду задуматься на несколько минут и замечания свои сделать не сразу — им бу-

дет больше весу, уже повис в воздухе какой-то витиеватый комплимент, уже благосклонно щурился поэт, давая понять, что ценит, и удивлен и обезоружен глубиной анализа, — как вдруг Гумилев нетерпеливо перебил:

— Иннокентий Федорович, к кому обращены Ваши стихи?

Анненский все еще отсутственно улыбнулся.

— Вы задаете вопрос, на который сами же хотите ответить...

Гумилев сказал:

— Вы правы. У меня есть своя теория на этот счет. Я спросил Вас, кому Вы пишете стихи, не зная, думали ли Вы об этом... Но мне кажется, что Вы их пишете самому себе. А еще можно писать стихи другим людям или Богу. Как письма.

Анненский внимательно смотрел на него. Он уже был с нами.

— Я никогда об этом не думал.

— Это очень важное различие... Начинается со стиля, а дальше уходит в какие угодно глубины и высоты. Если себе, то, в сущности, ставишь только условные знаки, иероглифы: сам все разберу и пойму, знаете, будто в записной книжке. Пожалуй, и к Богу то же самое. Не совсем, впрочем. Но если Вы обращаетесь к людям, Вам хочется, чтобы Вас поняли, и тогда многим приходится жертвовать, многим из того, что лично дорого.

— А Вы, Николай Степанович, к кому обращаетесь Вы в своих стихах?

— К людям, конечно, — быстро ответил Гумилев.

Анненский помолчал.

— Но можно писать стихи и к Богу... по Вашей терминологии... с почтительной просьбой вернуть их обрат-

но, они всегда возвращаются, и они волшебнее тогда, чем другие... Как полагаете Вы, Анна Андреевна? — вдруг с живостью обернулся он к женщине, сидевшей вдалеке в глубоком кресле и медленно перелистывавшей какой-то старинный альбом.

Та вздрогнула, будто испугавшись чего-то. Насмешливая и грустная улыбка была на лице ее. Женщина стала еще бледней, чем прежде, беспомощно подняла брови, поправила широкий шелковый платок, упавший с плеч.

— Не знаю.

Анненский покачал головой.

— Да, да... «есть мудрость в молчании», как говорят. Но лучше ей быть в слове. И она будет...» (А д а м о - в и ч Г. Вечер у Анненского // Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 142—144).

Возможно, с этим некогда состоявшимся разговором в старой директорской квартире Анненского связан возмущавший позже Ахматову миф, переадресованный Блоку, будто бы сказавшему об Ахматовой на «башне» Вяч. Иванова: «Надо писать стихи, словно ты стоишь перед Богом, а она их пишет, словно стоит перед мужчиной».

Ахматова считала И.Ф. Анненского «Учителем» (см. стихотворение «А тот, кого Учителем считаю...»), не раз подчеркивая, «что-то стала понимать в поэзии», когда прочла в Брюлловском зале Русского музея переданную ей Н.С. Гумилевым корректуру «Кипарисового ларца», посмертно изданной книги Анненского (М., 1910).

В.С. Срезневская вспоминает: «Когда Инн<окентию> Федоров<ичу> Анненскому сказали, что брат его женится на старшей Горенко, он ответил: «Я бы женился на младшей». Этот весьма ограниченный комплимент был одной из лучших драгоценностей Ани» («Десятые годы». С. 34).

Можно сказать, что Ахматову в ее долгой и трагической жизни сопровождали три великие тени: Гумилев, Анненский, Пушкин, с ними, с их творчеством связана пока еще до конца не прочитанная многослойность ахматовской тайнописи. Среди утраченных работ, восстановить которые стремилась, но не смогла Ахматова, одно из главных мест занимает «Трагедия Анненского».

В записях П. Лукницкого от 17 января 1926 г.: «АА показывала мне сегодня свою работу о взаимоотношениях Анненского и Гумилева и о влиянии Анненского на Гумилева. Работа — в виде подробнейшего плана — сделана превосходно: ни одна мелочь, ни одна деталь не ушла из внимания АА» (Л у к н и ц к и й, 2. С. 10).

Под «трагедией» Анненского Ахматова имела в виду целый комплекс событий, случайных и закономерных, сопутствовавших крупным художникам. Она много раз вспоминала слова Вяч. Иванова о том, что именно ей суждено досказать «недосказанное» Анненским. Однако, не доверяя Иванову, никогда не говорила об этом серьезно. Внезапная смерть на пороге Павловского вокзала от сердечного приступа, как считала Ахматова, вызванная поступком редактора журнала «Аполлон» С.К. Маковского, вынудившего стихи Анненского из подготовленного к печати номера и заменившего их мистификаторством М. Волошина и Е.И. Дмитриевой (Черубины де Габриак), — тоже лишь часть трагедии. Истинный ее масштаб Ахматова видела в непризнании при жизни поэта, который определил, по ее убеждению, звучание всей русской поэзии XX в. Собирая материалы о Гумилеве, она одновременно пыталась найти все, что касается творчества Анненского, чтобы увековечить его память. См. запись Лукницкого от 10 декабря 1925: «Я говорил о том, как хорошо бы, если б биографию Николая Степановича писал не я, а АА. На

это она мне ответила, что она даст себе другое задание — написать две-три статьи (об Анненском одну, другую о Бодлере, третью — о всех остальных поэтах, влиявших на Гумилева), и что если бы ей это удалось, она была бы вполне удовлетворена. “А писать о том, какие у него были романы, — пошутила АА, — подумайте, как это мне по меньшей мере неудобно...”

Опять говорили об Анненском, о том, какой он “высокий”, хороший, большой поэт. Он очень поздно начал, Анненский, и АА не жалеет, что неизвестны его ранние стихи, — есть данные предполагать, что они были очень плохими. Об отношении АА к Анненскому, о том, как она его любит, чтит, ценит — говорить не приходится. И однако, АА его не переоценивает. Она знает, что у него часто бывали провалы — рядом с прекрасными вещами. АА привела в пример два-три слова. И между прочим, АА считает, что его трилистники (система расположения) — очень неудачный, очень декадентский прием, и АА огорчена, что В. Кривичу даже мысль в голову не пришла о том, что следует эти трилистники разбить и расположить стихотворения в хронологическом порядке, и только из уважения к памяти Анненского в примечаниях указать, что такое-то стихотворение было включено в такой-то трилистник. А оставив такое расположение и не сумев установить даты стихов, В. Кривич совершенно лишил исследователей возможности изучать творчество Анненского (и АА привела фразу о том, что часто бывает у поэтов: чем зрелее стихи творческой жизни, тем больше увеличивается количество пеонов, и как их изучать у Анненского, когда не знаешь дат стихов?).

АА говорила о том, что в 9 году взаимоотношения Гумилева и Анненского, несомненно, вызывали влияние как одного на другого, так и другого на первого. Так, теперь уже установлено, что в литературные круги, в “Аполлон”, вооб-

ще в литературскую деятельность втянул Анненского Гумилев, что знакомству Анненского с новой поэзией сильно способствовал Гумилев...» (Л у к н и ц к и й, 1. С. 303–304).

149 С Осипом я говорила об Анненс<ком> несколько раз. — Мандельштам рассказывал Ахматовой, «что был у Анненского, и тот, как ни странно, дал ему совет переводить. 3 декабря 1911 г. на заседании «Общества ревнителей художественного слова», посвященном памяти Анненского (под председательством Вяч. Иванова), Мандельштам говорил об Анненском как о «поэте отливов дионисийского чувства» (Русская художественная летопись. 1911. № 20. С. 321). На посмертно напечатанную в 1913 г. пьесу Анненского «Фамира-Кифаред. Вакхическая драма» Мандельштам откликнулся рецензией (День. СПб., 1913. 8 октября), где отметил «чудесные ремарки, в выразительности не уступающие тексту», как бы предвидя искусство ремарок Ахматовой в «Поэме без героя».

Знала ли Анненского М. Цветаева, не знаю. — М.И. Цветаева знала и часто цитировала И. Анненского. Одним из ее любимых было стихотворение «Невозможно». См., например: «Знал еще, что если бы мог, он, Пугачев, его, Гринева, так бы не любил. Что именно за эту невозможность его так и любит. Здесь во всей полноте звучит бессмертное анненское слово: “Но люблю я одно — невозможно”» (т. 5. С. 502). См. также суждение Цветаевой об Анненском в одном из писем Пастернаку (от 14 (19?) июля 1925 г.). В ответ на его реплику: «Первым был Брюсов, Анненский не был первым», — Цветаева утверждает право поэта быть не «первым» и не «вторым», но единственным, меняя, однако, местоположение, предложенное Пастернаком: «У первого есть второй. Единственный не бывает первым (Анненский, Брюсов)» (Ц в е т а е в а М. Т. 6. С. 248).

149 ...преклонение перед Учителем в стихах и прозе Гумилева. — Первые из посвященных Анненскому стихотворений Гумилева «Семирамида — светлой памяти И.Ф. Анненского», опубликовано в журнале «Аполлон» с редакционным некрологом поэта (Аполлон. 1909. № 3). Гумилев об Анненском — см.: Г у м и л е в Н. Письма о русской поэзии. М., 1990.

...Бальмонт и Брюсов сами завершили ими же начатое... — Ахматова размышляет о судьбах русского символизма, представителями двух поколений которого были Бальмонт и Брюсов.

...ливни, хлещущие на страницах книг Б. Пастернака... — См. книги Пастернака «Поверх барьеров» (М., 1917), «Сестра моя, жизнь», «Лето 1917 года» (М., 1922) и др.

«Деду Лиду ладили...» — Неточная цитата из стихотворения «Колокольчики» (третья часть «Песни с декорациями»: «Глухая дорога. Колокольчик в зимнюю ночь рассказывает путнику свадебную историю):

Динь-динь-динь,
Дини-дини...
Дидо Ладо, Дидо Ладо,
Лиду диду ладили,
Дида Лиле ладили,
Ладили, не сладили,
Диду надосадили...»

...своего раешника («шарики»)... — Имеется в виду стихотворение «Шарики детские» из цикла «Трилистник балаганный»:

Шарики, шарики!
 Шарики детские!
 Деньги отецкие!
 Покупайте, сударики, шарики!..

150 *См. мою работу об «Евг<ении> Онегине» и русской поэме.* — По-видимому, работа не была написана. Однако к вопросу о новаторстве строфы «Евгения Онегина» и ее значении в развитии жанра поэмы в русской литературе Ахматова возвращалась не раз, с лаконичной точностью сформулировав мысль в беседе с известным литературоведом Д. Максимовым (Звезда. 1967. № 12. С. 189).

В начале 1965 г., уже после возвращения из Сицилии, Ахматова дала интервью литературному критику, знатоку поэзии, Е. Осетрову, в те годы заместителю главного редактора журнала «Вопросы литературы», выразив свое отношение к Анненскому, как поэту, во многом определившему пути развития поэзии XX века.

Известно, как не любила Ахматова прямой речи в воспоминаниях или интервью. В публикации Е.И. Осетрова представлен, по сути, полуторастраничный монолог Ахматовой об Анненском. Свою публикацию Осетров заключил репликой: «Здесь я, по просьбе поэтессы, считаю нужным отметить, что беседа воспроизводится по живой записи, кроме слов об Анненском и его воздействии на русскую поэзию, в интервью нет прямой речи Ахматовой» (ВЛ. 1965. № 4. С. 189).

Часть этой реплики, в несколько перефразированной форме, Ахматова привела в записной книжке под датой — январь 1965, фиксируя точку зрения, как можно полагать, высказанную бравшему у нее интервью Осетрову: «Здесь я еще раз считаю нужным напомнить читателю, что кроме слов об Анненском и его воздействии на русскую поэзию, —

в моей статье нет прямой речи Ахматовой. Делаю это по ее требованию» («Записные книжки». С. 507). См. текст интервью:

Как и у каждого поэта, у Ахматовой есть свои пристрастия. — В последнее время, — говорит Анна Андреевна, — как-то особенно сильно зазвучала поэзия Иннокентия Анненского. Я нахожу это вполне естественным. Вспомним, что Александр Блок писал автору «Кипарисового ларца», цитируя строки из «Тихих песен»: «Это навсегда в памяти. Часть души осталась в этом». Убедена, что Анненский должен занять в нашей поэзии такое же почетное место, как Баратынский, Тютчев, Фет.

— Вы считаете Анненского своим учителем?

— И не только я. Иннокентий Анненский не потому учитель Пастернака, Мандельштама и Гумилева, что они ему подражали, — нет. О подражании не может идти речи. Но названные поэты уже «содержались» в Анненском. Вспомним, например, стихи Анненского из «Трилистника балаганного»:

Покупайте, сударики, шарики!
Эй, лисья шуба, коли есть лишни.
Не пожалей пятишних:
Запущу под самое нёбо —
Два часа потом глазей, да в оба!

Сопоставьте «Шарики детские» со стихами молодого Маяковского, с его выступлениями в «Сатириконе», насыщенными подчеркнуто простонародной лексикой...

Если неискушенному читателю прочесть:

Колоколы-балабóлы.
Колоколы-балабóлы.
Накололи, намололи,
Дале боле, дале боле...
Накололи, намололи,
Колоколы-балобóлы.

Лопотуньи налетели,
Болмоталы навязали.
Лопотали — хлопотали,
Лопотали, болмотали,
Лопоталы поломали, —

то он подумает, что это стихи Велимира Хлебникова. Между тем, я прочитала «Колокольчики» Анненского. Мы не ошибемся, если скажем, что в «Колокольчиках» брошено зерно, из которого затем выросла звучная хлебниковская поэзия.

Щедрые пастернаковские ливни уже хлещут на страницах «Кипарисового ларца». Истоки поэзии Николая Гумилева не в стихах французских парнасцев, как этот принято считать, а в Анненском. Я веду свое «начало» от стихов Анненского. Его творчество, на мой взгляд, отмечено трагизмом, искренностью и художественной цельностью... (ВЛ. 1965. № 4. С. 186).

ПАСТЕРНАК

С Борисом Леонидовичем Пастернаком (1890—1960) Ахматова познакомилась в январе 1922 г. Предполагала написать о нем новеллу для книги «Листки из дневника». «Я должна написать о Борисе», — замечает она уже после того, как закончила главу о Лозинском, совсем незадолго до смерти. В ее рабочих тетрадях имеются отрывки и маргиналии к этой ненаписанной главе, а также посвященные Пастернаку стихи. Ахматова включила в цикл «Венок мертвым» рядом со стихами, обращенными к писателям «страшного пути», триптих «Борису Пастернаку»: «1. И снова осень валит Тамерланом» (1947. Фонтанный Дом); 2. «Умолк вчера неповторимый голос»; 3. «Словно дочка слепого Эдипа» (11 июня 1960. Москва. Боткинская больница).

В 1928 г. Пастернак написал стихотворение «Анне Ахматовой»: «Мне кажется, я подберу слова, / Похожие

на Вашу первозданность...». Он подготовил две рецензии на сборник стихотворений Ахматовой, вышедший в Ташкенте в 1940 г. (рецензии не были приняты в печать и остались в архиве поэта — см.: П а с т е р н а к Б. Т. 4. С. 289, 388), а также развернутую рецензию на книгу Ахматовой «Из шести книг», появившуюся после семнадцатилетнего перерыва (т а м ж е. Т. 5. С. 387). Письма Пастернака к Ахматовой свидетельствуют о его внимании и заботе. Известна роль Пастернака в освобождении Л.Н. Гумилева после первого ареста и тогда же арестованного Н.Н. Пунина. Сохранились заметки Пастернака на одном из экземпляров списка «Поэмы без героя» (РГАЛИ), в «Прозе о поэме» Ахматовой много раз приводит определения Пастернаком танцевальной сущности Поэмы, что для нее необыкновенно важно. И наконец, чисто личные заметки о «безалаберной» и пылкой влюбленности в нее Пастернака, к чему она всерьез не относилась.

Ахматова называла стихи Пастернака «вершиной классики XX века» (Ч у к о в с к а я, 3. С. 323). К роману «Доктор Живаго» отнеслась скептически, сказала: «Борис провалился в самого себя. Оттого и роман плох, кроме пейзажей», однако включенные в роман стихи находила великолепными. Отрицательное отношение к роману отчасти объяснялось и предчувствием роковых последствий, связанных с развернувшейся вокруг писателя травлей.

<1>

Впервые — «Записные книжки». С. 83. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99).

152 ...боюсь, что меня готовят к его концу. — Б.Л. Пастернак умер 30 мая 1960 г. на своей даче в Переделкине.

152 ...он плакал, когда ему сказали, что я приезжала узнать о его здоровье. — Л.К. Чуковская вспоминает: «И вот я опять веду Анну Андреевну по тому же двору. Пусто. Мрачно. Анна Андреевна ступает с трудом, задыхаясь. Взошли на крыльцо — правое, кухонное. <...> Нина Александровна (Табидзе), рассказывая, пошла нас проводить до ворот. Говорит, что сегодня Борису Леонидовичу лучше. Анна Андреевна с измученными глазами еле сделала шаг вверх: в машину, внутрь. Все труднее и труднее с каждым месяцем дается ей этот единственный шаг.

В машине она сказала:

— Я так рада, что побывала здесь. Надеюсь, ему передадут. (В последнее время она была недовольна Борисом Леонидовичем, и, я думаю, сейчас ее это точит)» (Ч у - к о в с к а я, 2. С. 386).

Маруся — возможно, М.С. Петровых.

<2>

Впервые — Л я м к и н а. С. 388, с сокращениями. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).

152 Я сказала Пастернаку: «Вы должны написать *Фауста*». — Над переводом «Фауста» Пастернак работал в 1940-е гг., эта работа была отложена из-за того, что Пастернак начал писать роман «Доктор Живаго».

Не оттуда ли слово доктор при Живаго? — Предположение Ахматовой подтверждается и биографом Пастернака, его сыном Е.Б. Пастернаком: «Среди смысловых обертонов названия “Доктор Живаго” отчетливо различим и “Доктор Фауст”, который должен “все обнять, все испытать, все выразить”» (П а с т е р н а к Б. Т. 3. С. 664).

153 *«Второе рождение» заканчивает первый период лирики.* — Имеется в виду книга стихов «Второе рождение» (1930—1931).

К тому же «грудная клетка», дамская доля и т.д. — Реминисценции из стихов Б. Пастернака (1931):

...«грудная клетка» — Из стихотворения «Борису Пильняку» (первая публикация — Новый мир. 1931. № 4, с названием «Другу»):

Иль я не знаю, что, в потемки тычась,
Вовек не вышла б к свету темнота,
И я — урод, и счастье сотен тысяч
Не ближе мне пустого счастья ста?

И разве я не мерюсь пятилеткой,
Не падаю, не подымаюсь с ней?
Но как мне быть с моей грудною клеткой
И с тем, что всякой косности косней?

Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.

...дамская доля — из стихотворения «Весеннею порою льда...» (Второе рождение. Первая публикация — Новый мир. 1932. № 3):

...И так как с малых детских лет
Я ранен женской долей,
И след поэта — только след
Ее путей, не боле,
И так как я лишь ей задет
И ей у нас раздолье,

То весь я рад сойти на нет
В революционной воле...

Оба стихотворения написаны в пору, когда Пастернак, приступая к большой прозе, мучительно искал соответствий между отношениями поэта к власти, революционных норм и индивидуальных судеб.

153 «Я написал 9 стихотворений...» — Какие стихи Пастернак читал Ахматовой в дни ее приезда в Москву в начале июня 1941 г., не установлено.

<3>

Впервые — «Записные книжки». С. 188, 180. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 104).

153 «Когда разгуляется» — последняя книга стихов Пастернака (1956—1959), стихи были напечатаны в журналах «Знамя» (1956. № 9) и «Новый мир» (1956. № 10).

Стихи Сталину... — См.: П а с т е р н а к Б. Т. 2. С. 619. Первая публикация — Известия. 1936. 1 января (см. также т. 2(1). С. 529—530).

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

<1>

Впервые — «Записные книжки». С. 266—267. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

В сохранившемся плане-оглавлении есть глава «Невинная жертва» о Веронике Витольдовне Полонской (1908—1994), актрисе Художественного театра, возлюбленной Маяковского, упомянутой им в предсмертном пись-

ме: «...Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская» (М а я к о в с к и й В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 13. М., 1961. С. 138). Это упоминание внесло трагическую ноту в жизнь Полонской, в те годы состоявшей в браке с актером МХАТ Михаилом Михайловичем Яншиным (1902—1976). Из-за интриг она вынуждена была отказаться от права наследства, оставить работу в Художественном театре и долгие годы провести в провинции.

Ахматова хорошо знала В.В. Полонскую через актрису и режиссера Н.А. Ольшевскую. Разговоры с Полонской и знакомство с ее мемуарами, опубликованными лишь в 80-х гг. (см. ВЛ. 1985. № 5), определили интерес Ахматовой к теме и понимание сложности задачи. Известно, что Ахматова резко отрицательно относилась к так называемому «бриковскому салону», сыгравшему, как она считала, роковую роль в жизни Маяковского.

154 Якобсон Роман Осипович (1896—1982) — филолог, лингвист, взгляды которого на природу стиха и поэтического слова разделял Маяковский. Автор статей и книг о Маяковском, одна из которых называется: «Поколение, растерявшее своих поэтов» (Прага, 1931).

Замятин Евгений Иванович (1884—1937) — писатель. В июне 1931 г. обратился к И.В. Сталину с просьбой о разрешении на выезд из Советской России. В 1932 г. приехал в Париж. Ахматова была дружна с Замятиным и его женой.

Нина — Н.А. Ольшевская.

...мемуары Вероники. — Полный текст мемуаров В.В. Полонской находится в Отделе рукописей Государственного Музея В.В. Маяковского.

154 ...«дружил» с Мусей Малаховской (ей было поручено за ним следить). — Ахматова подозревала завсегдатаев «Бриковского салона» в прямой связи с ЧК. Муся Малаховская — Мария Валентиновна (урожд. Тернавцева), художница, была репрессирована в 1930-е гг.

Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931) — историк, литературовед.

155 Яковлева Татьяна Алексеевна (1906—1991) — художник-дизайнер. Адресат стихотворений «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» и «Письмо Татьяне Яковлевой» (осень 1928, Париж). Маяковского с Т. Яковлевой познакомила в Париже Э. Триоле. Увлечение оказалось серьезным для поэта. История их отношений до конца не прояснена. После смерти первого мужа виконта дю Плесси Яковлева вышла замуж за А. Либермана и в 40-х гг. переехала из Франции в США.

<2>

Впервые — «Записные книжки». С. 151. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 103)

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

В 1961—1962 гг., в пору работы над «Листками из дневника», Ахматова обращается к судьбе и образу Марины Цветаевой, своей «младшей» современницы, «взрыв» интереса к которой проявился в обществе в годы «оттепели», после многолетнего забвения. В 1961 г. Ахматова заново переписывает стихотворение, адресованное Цветаевой, судя по датам (1940—1961) написанное после возвращения М.И. Цветаевой из эмиграции, но не врученное ей при встрече. Можно полагать, что заглавие «Поздний ответ» появилось уже в 1961 г., при подготовке стихотворения к публи-

кации. С этого времени и до последних страниц рабочих тетрадей в разных контекстах упоминается имя Цветаевой — и в художественных текстах (проза о «Поэме без героя», либретто к балету по ее Первой части «Тысяча девятьсот тридцатый год»), и в литературно-критических материалах, и в набросках к автобиографической прозе.

О поздней двухдневной (в начале июня 1941 г.) встрече двух знаменитых поэтесс (обе называли себя не «поэтессами», но поэтами), в те годы уже «соперниц», сохранились воспоминания свидетелей.

Первая встреча (7 июня) состоялась у Ардовых на Ордынке, где останавливалась приехавшая из Ленинграда Анна Ахматова, вторая — в Марьиной Роще, у Н.И. Харджиева.

Э.Г. Герштейн записала со слов Н.А. Ольшевской: «— Нина, а как было с Цветаевой? Вы были дома, когда она пришла к Анне Андреевне?»

— Ардов был знаком с Цветаевой по Дому творчества в Голицыне. Он сказал Анне Андреевне, что Марина Ивановна хочет с ней познакомиться лично. Анна Андреевна после большой паузы ответила «белым голосом», без интонаций: «Пусть придет». Цветаева пришла днем. Я устроила чай...

Марина Ивановна вошла в столовую робко, и все время за чаем вид у нее оставался очень напряженным. Вскоре Анна Андреевна увела ее в свою комнату. Они сидели вдвоем долго, часа два-три. Когда вышли, не смотрели друг на друга. Но я, глядя на Анну Андреевну, почувствовала, что она взволнована, растрогана и сочувствует Цветаевой в ее горе. Ардов пошел провожать Цветаеву, а Анна Андреевна ни слова мне не сказала о ней. И после никогда не рассказывала, о чем они говорили» (Герштейн. С. 480—481).

О второй встрече рассказал Н.И. Харджиев (присутствовали Т.С. Гриц, А.Е. Крученых, Э.Г. Герштейн): «...Мы беседовали главным образом о Хлебникове, которого Цветаева высоко ценила. Ей был подарен том “Неизданных произведений Хлебникова”, вышедший под нашей редакцией в 1940 году. <...>

Марина Ивановна говорила почти непрерывно. Она часто вставала со стула и умудрялась легко и свободно ходить по моей восьмиметровой комнатенке.

Меня удивлял ее голос: смесь гордости и горести, своелюбия и нетерпимости. Слова “падали” стремительно и беспощадно, как нож гильотины.

Она говорила о Пастернаке, с которым не встречалась полтора года (“он не хочет меня видеть”), снова о Хлебникове (“продолжайте свою работу”), о западноевропейских фильмах и о своем любимом киноактере Петере Лорре, который исполнял роли ласково улыбающихся мучителей и убийц. Говорила и о живописи, восхищалась замечательной “Книгой о художниках” Кареля ван Мандера (1604), изданной в русском переводе в 1940 году.

— Эту книгу советую прочесть всем, — почти строго сказала Марина Ивановна.

Анна Андреевна была молчалива.

Я подумал: до чего чужды они друг другу, чужды и несовместимы.

Когда Цветаева, сопровождаемая Т. Грицем, ушла, Ахматова сказала:

— В сравнении с ней я телка.

Я рассмеялся:

— Но у Вас есть одно важное преимущество, которого нет у Цветаевой. Ваши стихи совсем не виртуозны.

На этом — “без легенды” — можно закончить историю последней встречи двух поэтов» (Х а р д ж и е в Н. Печ. по тексту ВЛ. 1989. № 6).

<1>

Впервые — В и л е н к и н В. Воспоминания с комментариями. М., 1982. С. 436. Печ. по указанному изданию. В.Я. Виленкину Ахматова так же говорила об этих двух, или одной «двухдневной», встрече.

156 См. «Поэму воздуха». — В январе 1963 г. по просьбе литератора Н.И. Ильиной Ахматова вновь рассказывала об обстоятельствах встречи, назвав подаренную ей М.И. Цветаевой «Поэму Воздуха» «вещью сложной, кризисной» (И л ь и н а И. Дороги и судьбы. М., 1988. С. 355). Ахматова настойчиво связывает мотивы любви и гибели в поэмах Цветаевой с шекспировскими образами и коллизиями. Готовясь уйти из жизни, Клеопатра произносит:

Я — воздух и огонь; освобождаюсь
От власти прочих, низменных стихий...
(В. Ш е к с п и р. Антоний и Клеопатра. Акт V, сц. 2).

...как говорит у Шекспира Клеопатра об Антонии:

В голосе его
Гармония небесных сфер звучала,
...В своих забавах
Не опускался никогда на дно,
Но, как дельфин, резвясь, всплывал наверх...
(Т а м ж е)

<2>

Впервые — «Записные книжки». С. 278. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 107).

156 *Здесьный вечер* — полемическая отсылка к эссе М. Цветаевой «Нездешний вечер» (опубл. в журн. «Современные записки». Париж. 1936. № 61). Заглавие, в свою очередь, заимствовано Цветаевой из книги стихов М.А. Кузмина «Нездешние вечера» (Пг., 1921). Ахматова хорошо знала, по-видимому, этот очерк Цветаевой, посвященный с любовью и восторгом Кузмину, что не могло не вызвать ее негативного отношения. К этому времени уже полностью определилась концепция «Поэмы без героя», где Кузмин представлен в самой злобещей «маске» новогоднего маскарада; в прозе к «Поэме без героя», написанной в виде театральных картин, в одной из них с названием «Маскарад. Новогодняя чертовня», среди гостей — «и приехавшая из Москвы на свой “Нездешний вечер” и все на свете перепутавшая Марина Цветаева» (Т. 3. С. 266).

157 ...«лохмотья сиротства»... — из стихотворения Ахматовой «Сослужу тебе верную службу...» (1921).

Московский Кремль... — Очевидно, имеются в виду строки из цикла цветаевских стихов, обращенных к Ахматовой: «...И я дарю тебе свой колокольный град» («О Муза плача, прекраснейшая из муз!...»).

Переписала своей рукой «Поэму в о з д у х а» (в 1941 г.) — «Поэма Воздуха» была опубликована в журн. «Воля России». Прага. 1930. № 1.

...щедро посвящала стихи. — Цикл стихотворений «Ахматовой» был написан в июне 1916 г. См. также стихотворение, датированное 11 февраля 1915 г. — «Анне Ахматовой» (Цветаева М. Т. 1. С. 235).

Прочитанный Ахматовой в одну из этих встреч ранний вариант «Поэмы без героя» не понравился Цветаевой,

о чем она и сообщила Ахматовой (см.: Соч., 3. С. 240—241), увидев в поэме, как поняла Ахматова, «мирискусническую стилизацию в духе Бенуа и Сомова...».

157 Эмма — Э.Г. Герштейн.

Гриц Теодор Соломонович (1905—1959) — писатель, литературовед. Вместе с Н.И. Харджиевым подготовил издание «Новое о Хлебникове» (М., 1935).

...как Пастернак искал шубу для Зины... — Зина — Зинаида Николаевна Пастернак (1894—1966), жена Б.Л. Пастернака (в первом браке Нейгауз). Встреча Пастернака с М. Цветаевой относится к 1935 г., когда в Париже проходил Международный конгресс писателей в защиту культуры.

Э.Г. Герштейн вспоминает: «На табуретках сидели друг против друга: у стола — Анна Андреевна, такая домашняя и такая подтянутая со своей петербургской осанкой, а на некотором расстоянии от нее — нервная, хмурая, стриженная, как курсистка, Марина Цветаева. Закинув ногу на ногу, опустив голову и смотря в пол, она, что-то постоянно монотонно говорила, и чувствовалась в этой манере постоянно действующая сила, ничем не прерываемое упорство. Вскоре все поднялись, и невысокая Цветаева показалась мне совсем другой. Надевая кожаное пальто, она очень зло изобразила Пастернака в Париже, как беспомощно он искал платье “для Зины”. Он попросил Марину Ивановну мерить на себя, но спохватился: не подойдет, “у Зины такой бюст!..”. И она изобразила комическое выражение лица “Бориса” при этом, и осанку Зинаиды Николаевны (“красавица моя, вся статья”)» (Герштейн. С. 499).

158 *Про Бальмонта...* — Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1941) — поэт-символист, переводчик, эссеист. Жена Бальмонта — Цветковская Елена Константиновна (1880–1943; третья жена поэта). Э.Г. Герштейн вспоминает: «Не знаю, как перешел разговор на Бальмонта, и Цветаева описала горестную сцену в Париже. Состарившийся поэт, видимо, случайно получил много денег. Марина Ивановна видела в ресторане или в каком-то кафе, как он выбирал по карте дорогие вина, а жена судорожно прижимала к груди потрепанный портфельчик, набитый деньгами. Эта жалкая сцена была разыграна Цветаевой с мгновенной острой выразительностью...» (Герштейн. С. 500).

Цветаеву с Бальмонтом еще с московских времен и до ее отъезда в Россию (март 1940) связывали сердечные дружеские отношения. 24 апреля 1936 г. на благотворительном вечере, приуроченном к пятидесятилетию творчества Бальмонта, Цветаева произнесла свое «Слово о Бальмонте».

PRO DOMO SUA

<1>

Впервые — Мандрыкина. С. 60, по автографу — РНБ. Печ. по указанному изданию.

<2>

Впервые — Мандрыкина. С. 60–61, по автографу РНБ. Другой вариант — журн. «Нева». 1979. № 6. С. 197. Печ. по кн.: Хейт. С. 250.

161 *«Царь-Гриб» (Гунгербург, 1895), «Мишка — будка, морда — окошко» (Киев, 1893).* — Ахматова позже (1964?), продолжая работу над книгой автобиографи-

ческой прозы, внесла эти обозначенные в наброске эпизоды в биографический фрагмент, вписанный в РТ 112.

<3>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 61, по автографу РНБ. Печ. по указанному изданию.

В марте 1964 г. Ахматова включила этот отрывок в свои размышления о природе автобиографической прозы.

162 ...убрать грибоедовскую цитату... — «Рассудку вопреки, наперекор стихиям» (Г р и б о е д о в А.С. Горе от ума).

<4>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 75–76, по автографу РНБ. Печ. по кн.: Х е й т. С. 253.

162 ...написала в «Эпилоге»: «Живу как в чужом мне приснившемся доме, // Где, может быть, я умерла...» — Начало второй строфы стихотворения «Пусть кто-то еще отдыхает на юге» (1956, Комарово). По-видимому, эта 10-я часть цикла «Шиповник цветет» мыслилась в то время как его заключительная часть, т.е. «Эпилог».

<5>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 62, 74, по автографу РНБ. Печ. по указанному изданию.

<6>

Впервые — Ж и р м у н с к и й В.М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973. С. 137.

В одном из вариантов автобиографии (25 мая 1960 г.) Ахматова записала: «Я вспоминала, как дрожали руки у студента-репетитора, когда он приехал зимой в Царское

Село и рассказывал о 9 января». Р.Д. Тименчик дал комментарий к воспоминанию Ахматовой: «Репетитор брата — Иван Васильевич Селивестров (1882—1942). Был близок к революционному движению. Сидел в «Крестах». В 1920-х годах — один из основателей Нижегородской радиотехнической лаборатории. Умер в блокаду, похоронен в общей могиле» («Десятые годы». С пропуском «после 9 января». Помета Ахматовой. С. 33).

<7>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 73, по автографу — РНБ. Печ. по указанному изданию.

Начало фрагмента в несколько измененном виде повторено в других автобиографических отрывках. В черновых набросках — пометы: «Вступление», «Начало биографии».

164 Будкой Ахматова называла дачу Саракини, под Одессой, место, где родилась. Дачу в Комарове, предоставленную ей в 1955 г. Литературным фондом, она тоже называла Будкой.

«Крейцера соната». — *Крейцер* (Крёйцер) Рудольф (1766—1831) — музыкант, дирижер, композитор, один из основателей французского скрипичного искусства. Как скрипач пользовался всемирной известностью. Бетховен посвятил ему сонату для скрипки и фортепьяно, которая получила название «Крейцеровой». В 1889—1890 гг. Л.Н. Толстой написал повесть «Крейцера соната», распространявшуюся в рукописи и вызвавшую острую полемику еще до появления в печати.

Иванова ночь — ночь под Ивана Купалу, один из главных праздников календаря (день летнего солнцестоя-

ния — 24 июня по ст.ст.). В эту ночь у славян проходили языческие игрища, сопровождаемые магическими ритуалами, связанные с изгнанием ведьм и нечистой силы.

164 Мотовилова Анна Егоровна (в замуж. Стогова; 1817–1863) — бабушка Ахматовой по материнской линии, мать которой Прасковья Федосеевна происходила из семьи симбирских дворян Ахматовых. По семейному преданию, не подтвержденному историческими сведениями, Ахматовы вели свой род от татарского хана Ахмата, убитого в 1482 г. Княжеского титула Ахматовы не носили.

Лустдорф — дачная местность под Одессой, ныне поселок «Черноморка» в черте города.

<8>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 71, в уссеченном виде; полностью — «Нева». С. 199, по автографам РНБ. Печ. по кн.: Х е й т. С. 219.

165 Когда (в прошлом году) ставили в кино горьковскую «Мать»... — В 1956 г. на экраны вышел фильм по роману М. Горького «Мать» (режиссер М.С. Донской) с А.В. Баталовым в главной роли.

<9>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 59–60, по автографу РНБ. Печ. по указанному изданию.

165 «Дочь Фауста»... — Ахматова отсылает к роману Альфонса Доде (1840–1897) «Жак» (1876) — первому большому французскому роману о детях, их восприятии действительности. См. также упоминание о другом его романе «Малыш» (см. с. 708 настоящего издания).

<10>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 63, по автографу РНБ. Печ. по указанному изданию.

166 ...замоскворец<кое> житие... — в квартире Ардовых, где Ахматова подолгу жила: Большая Ордынка, дом 17, квартира 13.

Здесь северно очень, и осень в подруги// Я выбрала в этом году... — Из цикла «Шиповник цветет» («Пусть кто-то еще отдыхает на юге...», 1956).

<11>

Впервые — Т и м е н ч и к Р. Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой. С. 67—68. Печ. по указанному изданию.

166 Пьянея звуком голоса,//Похожего на твой. — Их стихотворения «Белой ночью» (6 февраля, 1911).

167 Шиповник в цикле «Шиповник цветет» действительно одуряющее благоухал... — Из стихотворения «По той дороге, где Донской...» (18 августа 1956, Старки, цикл «Шиповник цветет»): «Шиповник так благоухал,/ /Что даже превратился в слово».

<12>

Впервые — «Ленинградская панорама». 1984. С. 477—478, публикация Л.А. Мандрыкиной, по автографу РНБ. В автографе помета: «Написано в коричн<ево> тетради зимой 1942—45 гг. в Ташкенте — восстановлено в 1957 г. в Комарове летом». Печ. по кн.: Х е й т. С. 217—218.

Сохранились черновые записи, с отрывками, не вошедшими в первую публикацию. Например, отрывок, датированный 1957 г.:

Говорили, что когда-то, до железной дороги, в этом доме было нечто вроде трактира или заезжего двора при въезде в город. Я обрывала в моей желтой комнате обои (слой за слоем), и самый последний был диковинный — ярко-красный. Вот эти обои были в том трактире сто лет назад, — думала я. В подвале жил сапожник Б. Неволин — теперь бы это был кадр исторического фильма.

Этот дом памятнее мне всех домов на свете. В нем прошло мое детство (нижний этаж) и ранняя юность (верхний). Примерно половина моих снов происходит там. Мы уехали из него весной 1905 года. Тогда же он был перестроен и потерял свой старинный вид. Теперь его уже давно нет и на этом месте разведен привокзальный парк или что-то в этом роде. (Я последний раз была в Царском Селе в июне 1944 года.) Нет и дачи Тура («Отрада» или «Новый Херсонес») — три версты от Севастополя, где с семи до тринадцати лет я жила каждое лето и заслужила прозвище «дикой девочки», нет и Слепнева 1911–1917 годов, от которого осталось только это слово под моими стихами в «Белой стае» и «Подорожнике», но, вероятно, это в порядке вещей...

Иногда Ахматова называла этот очерк по-другому: «Дому было сто лет».

В.Я. Виленкин, развернувший свое сопоставление очерка с «Царскосельской одой» (1961), видел в «Доме Шухардиной» начало автобиографической прозы Анны Ахматовой. Сохранилось и ее свидетельство (РНБ, РГАЛИ), записанное в одну из поздних тетрадей с пометой: «8 марта 1964 Москва. Легендарная Ордынка»:

...В Ташкенте от эвакуационной тоски написала «Дому было сто лет», там же в тифозном бреде все время слушала, как стучат мои каблуки по царскосельскому Гостиному двору — это я иду в гимназию. Снег вокруг собора потемнел, кричат вороны, звонят колокола, кого-то хоронят. Он будет в своем гробу ждать погребения под собором (там склеп) — мне страшно, у меня тиф, я в Ташкенте.

168 «Я лопухи любила и крапиву...» — Из стихотворения «Ива» (18 января 1940).

169 «Заблудившийся трамвай» — одно из последних стихотворений Н.С. Гумилева (1920).

Отец не сошелся характером с великим князем Александром Михайловичем... — Романов Александр Михайлович (1866—1933) — великий князь, внук Николая I, адмирал и генерал-адъютант. В 1901—1905 гг. — главноуправляющий торговым мореплаванием и портами.

Клевер Юлий Юльевич (1850—1924) — живописец; его сын **Клевер** Оскар Юльевич (1887—1975) — график, театральный художник.

170 ...на Малой улице в доме Иванова умер великий русский поэт Тютчев. — 19 мая 1873 г. больного Тютчева перевезли на лето из Петербурга в его любимое Царское Село. Ранним воскресным утром 15 июля поэт скончался. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Петербурге.

...на те места, где тень безутешная ищет меня... — относится к Н.С. Гумилеву. См. в «Реквиеме»: «Ни в царском саду у заветного пня, / Где тень безутешная ищет меня».

<13>

Впервые — БП. С. 505—506, по автографу РНБ, публикация В.М. Жирмунского. Печ. по автографу РНБ. Фрагмент примыкает к очерку «Дом Шухардиной».

170 ...гвардейские офицеры... напоминающие брата Вронского, то есть «с пьяными открытыми лицами»... — см.: Л. Толстой. Анна Каренина. Ч. 2, гл. XXIV.

<14>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 63, по автографу РНБ. Печ. по указанному изданию.

<15>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 63, по автографу РНБ. В другой редакции — «Записные книжки». С. 555. Печ. по указанным изданиям.

171 «Охранная грамота» — биографическая проза Б. Пастернака (1931).

«Шум времени» — биографическая книга О. Мандельштама (1925).

<16>

Впервые — Соч., 1986. С. 248, публикация Л.А. Мандрыкиной — по автографу РНБ. Печ. по кн.: Х е й т. С. 245.

172 ...художники-миriskуcиики... — Имеются в виду художники, объединившиеся в союз «Мир искусства» (конец 1890—1900 гг.): А.Н. Бенуа, К.А. Сомов, С.П. Дягилев, Е.Е. Лансере, М.В. Нестеров, А.П. Остроумова-Лебедева и др. На выставках и в журнале «Мир искусства» значительное место занимали пейзажи Петербурга.

173 «Плохая им досталась доля...». — Из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино».

<17>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 71, по автографу РНБ. Печ. по кн.: Х е й т. С. 246—247.

173 Статья Льва Успенского. — См. журн. «Звезда». 1957. № 6, под названием «Из записок старого петербуржца». Успенский Лев Васильевич (1900—1978) — писатель, автор книги «Слово о словах» и других научно-популярных изданий о русском языке, повестей, рассказов.

Мария Федоровна — супруга императора Александра III, мать Николая II. С 1894 г. — вдовствующая императрица.

<18>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 74, по автографу РНБ. Печ. по кн.: Х е й т. С. 246—247.

<19>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 61, по автографу РНБ. Печ. по указанному изданию.

175 О незабываемом 19 г. — «Незабываемый 1919» — пьеса Вс. Вишневского (1949), была экранизирована. В начале 1950-х гг. на экраны вышел одноименный фильм М.И. Чиаурели, романтизировавший события гражданской войны и роль Сталина в ее победном завершении. Ахматова обыгрывает название фильма, напоминая о жизни Петрограда первых революционных лет. См.: Г и п п и у с З. «Черная книжка» (1919): «Деревянные дома приказано снести на дрова. О, разрушать живо, разрушать мастера. Разломают и растаскают. Таскают и торцы. Сегодня сама видела, как мальчишка с невинным видом разбирает мостовую. Под торцами доски. Их еще не трогают. Впрочем, нет, выворачивают и доски, ибо кроме «плешин» — вынутых торцов, — кое-где на улицах есть и бездонные ямы. <...> Косит дизентерия. Направо и на-

лево. Нет дома, где нет больных. В нашем доме уже двое умерло. Холера только в развитии. <...> Арестованная (по доносу домового комитета, из-за созвучий фамилий) и через 3 недели выпущенная, Ел. (близкий нам человек) рассказывает, между прочим:

Расстреливают офицеров, сидящих с женами вместе, человек 10—11 в день. Выводят на двор, комендант, с папиросой в зубах считает, — уводят. <...> ...Проходя мимо тут же стоявших, помертвевших жен, шутил: “Вот вы теперь молодая вдовушка! Да не жалейте, ваш муж мерзавец был! В красной армии служить не хотел”.

Недавно расстреляли профессора Б. Никольского. Имущество его и великолепную библиотеку конфисковали. Жена его сошла с ума. Остались дочь 18 лет и сын 17-ти. На днях сына потребовали во «Всеобуч» (всеобщее военное обучение). Он явился. Там ему сразу комиссар с хохотком объявил (шутники эти комиссары!): “А вы знаете, где тело вашего папашки? Мы его зверькам скормили!” <...> Объявление так подействовало на мальчика, что он четвертый день лежит в бреду. (Имя комиссара я знаю). <...> Электричество — 4 часа в сутки, от 8—12 (т.е. 5—9 час. вечера)... большею частью сидим при крошечных ночниках, ибо керосин последний» (Г и п п и у с Э. Дневники. М., 1999. Кн. 2. С. 209—210, 220—221, 233).

175 *Не мудрено, что погребальным звоном...* — вариант первой строфы стихотворения, беловой текст которого датирован 3 марта 1958 г.:

Не мудрено, что похоронным звоном
Звучит порой непокоренный стих.
Пустынно здесь! Уже за Ахероном
Три четверти читателей моих.

А вы, друзья! Осталось вас не много,
Последние, вы мне еще милей...
Какой короткой сделалась дорога,
Которая казалась всех длинней.

175 Анахерон — Ахеронт (в некоторых редакциях Флегетон) — в греческой мифологии одна из рек в Аиде, через которую Харон перевозит души умерших.

<20>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 62, по автографу РНБ. Печ. по указанному изданию.

175 Физиологический очерк. — Возник в русской литературе 40-х годов XIX в. как программный жанр «натуральной школы». Строился на точном, «дагеротипном» воспроизведении картин и событий из жизни города.

<21>

Впервые — Соч., 1986. С. 245, публикация Л.А. Мандрыкиной. Печ. по указанному изданию. Частично вошло в текст фрагмента <28>.

175 «Песня последней встречи». — Из книги «Вечер», дата и место написания — 29 сентября 1911, Царское Село.

<22>

Впервые — Соч., 1986. С. 245, по автографу РНБ; с дополнением последней фразы — «Десятые годы». С. 44–45, публикация Р.Д. Тименчика. Печ. по тексту кн. «Десятые годы».

<23>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 74, с дополнениями В.М. Жирмунского. БП. С. 451, по автографу РНБ. Печ. по БП.

176 ...если я видела все контрафакционные издания... — т.е. издания, выпущенные без согласия автора.

<24>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 70, по черновому автографу РНБ. Печ. по указанному изданию

176 Венский конгресс — международный конгресс 1814—1815 гг., завершивший войну коалиций европейских держав с наполеоновской Францией провозглашением Священного союза, закрепившего новое соотношение сил, при ведущей роли России и Великобритании. Переговоры проходили в обстановке непрерывных балов, карнавалов и театральных представлений при выявившихся расхождениях между союзниками по многим вопросам переустройства Европы.

Календарные даты значения не имеют. — Ср. «Поэма без героя», ч. I, гл. III:

А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

<25>

Впервые — журн. «Нева». 1979. № 6. С. 199, по автографу РНБ, публикация Л.А. Мандрыкиной. Печ. по указанному изданию.

177 ...год Китайской революции... — Имеются в виду широкие народные волнения в китайских провинциях, приведших к началу Синхайской революции и провозглашению 1 января 1912 г. Китайской республики.

...год блоковских записных книжек... — По-видимому, Ахматова имеет в виду первые записи о ней в «Записных книжках» Блока.

177 Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) — историк античности, академик.

...было много безвкусных людей (например, Северянин)... — Игорь Северянин (наст. имя и фам. Лотарев Игорь Васильевич; 1887–1941). Его стилизованные стихи, или «Поэзы», отличались нарочитой претенциозностью, однако пользовались ошеломляющим успехом, который достигался во многом исполнительской манерой.

<26>

Впервые — журн. «Нева». 1979. С. 199–200, по автографу РНБ, публикация Л.А. Мандрыкиной, с купюрами. Печ. по автографу РНБ с восстановлением строки во втором абзаце: после «на север»: висела большая икона — Христос в темнице.

177 Слепнево — родовое поместье матери Н. Гумилева — Анны Ивановны Гумилевой (1854–1942), урожденной Львовой, расположенное в Тверской губернии.

«*Царей портреты на стене*» — неточная цитата из «Евгения Онегина», гл. II. У Пушкина: «Царей портреты на стенах».

«*Северные цветы*» — альманах пушкинской поры, издавался в 1825–1831 гг. Антоном Антоновичем Дельвигом (1798–1831).

...барон Брамбеус — псевд. писателя Осипа Ивановича Сенковского (1800–1858). В журнале «Сын отечества» в 1856–1858 гг. вел отдел «Листок барона Брамбеуса».

Руссо Жан Жак (1712–1778) — французский философ, писатель, композитор.

178 ... «такая скучная не золотая старина...» — Из стихотворения Н. Гумилева «Старина» (1910).

...альбом Кузьминых-Караваевых... — Мария Александровна и Ольга Александровна. Кузьмины-Караваевы были внуками старшей сестры матери Н.С. Гумилева, Варвары Ивановны Львовой (в замужестве Лампе; 1839—1921): «Обе сестры — прелестные, светловолосые — как бы дополняли друг друга. Маша, спокойная, тихая, цветущей внешности русская красавица, с чудесным цветом лица, и только выступавший по вечерам лихорадочный румянец говорил о ее больных легких. Ольга (ныне княгиня Оболенская) более оживленная, более блестящая, очаровала всех своим большим и очень красивым голосом» (Маковский С. Николай Гумилев (1886—1921)/ / Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 84). Список стихотворений Гумилева, вписанных в альбом сестер Кузьминых-Караваевых, приведен в Полн. собр. соч. Н.С. Гумилева (т. 2. С. 205—206).

Тетя Пофи. — Вера Неведомская вспоминает: «Между многочисленными тетушками, приезжавшими на лето в нашу усадьбу, была очаровательная тетя Пофинька. Ей было тогда 86 лет. В молодости у нее был какой-то бурный роман, в результате которого она не вышла замуж и законсервировалась, как маленькая, сухонькая мумия. На плечах всегда кружевная мантилька, на руках митенки, на голове кружевная косынка и поверх ее — даже в комнате — шляпа, чтобы свет не слепил глаза. Нам было известно, что тетя Пофинька в течение 50 лет вела дневник на французском языке. Мы все — члены семьи и наши гости — фигурировали в этом дневнике, и Гумилеву страшно хотелось узнать, как мы все отражаемся в мозгу тети Пофиньки. Он повел регулярную

осаду на старушку, гулял с нею по аллеям, держал шерсть, которую она сматывала в клубок, наводил ее на воспоминания молодости. Не прошло и недели, как он стал ее фаворитом и приглашался в комнату тети Пофиньки слушать выдержки из заветного дневника. Кончился этот флирт весьма забавно: в одной из бесед тетя Пофинька ополчилась на гигантские шаги, которыми мы тогда увлекались, но которые, по ее мнению, были “неприличными”. Для убедительности она рассказала ряд случаев — поломанные ноги, расшибленные головы — все якобы на гигантских шагах. Николай Степанович слушал очень внимательно и наконец серьезно и задумчиво произнес: “Теперь я понимаю, почему в Тверской губернии так мало помещиков: оказывается 50% их погибло на гигантских шагах!” Этой иронии тетя Пофинька никогда не простила Н.С., и дневник ее закрылся для него навсегда» (Неведомская В. Воспоминания о Гумилеве и Ахматовой // Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 156–157).

178 Неведомские. — Неведомский Владимир Константинович, владеец Подобино; Неведомская В.А. (см. о ней коммент. к с. 101).

<27>

Впервые — М а н д р ы к и н а. С. 62, по автографу РНБ. Печ. по указанному изданию.

<28>

Впервые — Х е й т. С. 221. В архивах и в частных коллекциях сохранилось несколько незавершенных набросков, варьирующих публикуемый фрагмент начала автобиографии. Наиболее полный текст см.: «Записные книжки». С. 79–83. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99). Представ-

ляет собой один из набросков первой главы «Ненаписанной книги». В ходе работ, отказавшись от замысла свободного повествования, Ахматова избрала путь создания маленьких новелл, очерков, портретов, на что указывается в этой конспектной записи. Заканчивается строфой, обозначившей переход к отрывку — «Запахи Павловского Вокзала».

179 Чилийка Мистраль. — Мистраль Габриела (наст. имя Лусила Годой Алькаята; 1889–1957) — чилийская поэтесса. Личная драма — самоубийство жениха — стало поводом для создания венка сонетов «Сонеты смерти» (1914). Второй сборник — «Тала» (1938). В 1945 г. Мистраль стала первым лауреатом Нобелевской премии в странах Латинской Америки. 23 марта 1964 г., вернувшись к работе над первой частью автобиографической прозы, Ахматова делает помету: «Читаю Габриэлу Мистраль — это чудо, даже в посредственном переводе...» («Записные книжки». С. 449).

180 Г.Г. Шпет до 1907 г. занимался педагогической деятельностью в Киеве, с 1907 г. преподавал на Высших женских курсах в Москве. Сохранились воспоминания соученицы Ахматовой по Фундуклеевской гимназии Веры Адольфовны Беер (1889–1976): «Урок психологии в выпускном (седьмом) классе Киево-Фундуклеевской женской гимназии. Предмет трудный, но преподается он интересно — учитель Шпет, Густав Густавович, заставляет задумываться над рядом вопросов, сложных для нас, юных девушек, и на многое, бывшее прежде не ясным, туманным, проливается яркий свет. Сегодня урок посвящен ассоциативным представлениям. Густав Густавович предлагает нам самостоятельно привести ряд примеров из жизни или литературы, когда одно представление вызывает в па-

мяти другое. Дружным смехом сопровождается напоминание, как у мистрис Никльби из романа Диккенса «Николас Никльби», пользовавшегося у нас тогда большим успехом, погожее майское утро связывается с поросенком, жаренным с луком. И вдруг раздается спокойный, не то ленивый, не то монотонный голос:

“Столетние фонарики! О, сколько вас во тьме,
На прочной нити времени протянутой в уме!”

Торжественный размер, своеобразная манера чтения, необычные для нас образы заставляют насторожиться. Мы все смотрим на Аню Горенко, которая даже не встала, а говорит как во сне. Легкая улыбка, игравшая на лице Густава Густавовича, исчезла. “Чьи это стихи?” — проверяет он ее. Раздается слегка презрительный ответ: “Валерия Брюсова”. О Брюсове слышали тогда очень немногие из нас, а знать его стихи так, как Аня Горенко, никто, конечно не мог. “Пример г-жи Горенко очень интересен”, — говорит Густав Густавович. И он продолжает чтение и комментирование стихотворения, начатого Горенко» («Воспоминания». С. 20–30).

181 И.Ф. Анненский был директором Николаевской гимназии, которую в 1906 г. закончил Гумилев.

...из шести поэтов-акменстов... — имеются в виду Гумилев, Городецкий, Мандельштам, Ахматова, Зенкевич, Нарбут.

Читать научилась... по азбуке Льва Толстого... — «Азбука Л.Н. Толстого» (кн. 1–4, 1872) и «Новая азбука» (1875), а также четыре «Русские книги для чтения» (1875) Л.Н. Толстого.

181 *Сведения Di Sarra и Laffitte.* — Имеются в виду предисловия к итальянскому (1951) и французскому (1959) изданиям стихотворений Ахматовой.

182 *Гиппиус* Зинаида Николаевна (в замуж. Мережковская; 1869—1945) — поэт, литературный критик, прозаик, хозяйка одного из наиболее известных литературных салонов Петербурга. Для молодых поэтов знакомство с язвительной и ироничной Зинаидой Николаевной в ее салоне являлось едва ли не обязательным ритуалом вступления в литературную жизнь.

Лансировать (устар.) — пускать в оборот, распространять в печати.

Все, что пишет... Мария-Мон<ахиня> — Е.Ю. Кузьмина-Караваева.

Г-жа Лаффит Софи — французская переводчица и литературовед. Сохранилась запись Ахматовой от 9 декабря 1961 г. («Записные книжки». С. 190): «Вчера узнала, что состоялась 1-ая лекция спецкурса в Сорбонне — читает S. Laffitte» (имеется в виду лекция по творчеству Ахматовой). В 1959 г. издала книгу стихотворений Ахматовой в Париже. Позже перевела на французский «Реквием».

183 *...фраза о Льве Толстом...* — По-видимому, «Толстой мне мешает писать...».

184 *Акмеизм возник в конце 1911 г.* — Первое заседание «Цеха поэтов», созданного Гумилевым и С.М. Городецким, состоялось 20 октября 1911 г. Ранее, в апрельском номере журнала «Аполлон», была напечатана статья Гумилева «Жизнь стиха», положения которой уже предвосхищали будущие акмеистические установки.

184 «Судьба акмеизма». — По-видимому, имеются в виду заметки Ахматовой об акмеизме в ее рабочих тетрадях.

«Блудный сын» — четырехчастная поэма Гумилева, прочитанная им на заседании «Общества ревнителей художественного слова» на «башне» Вяч. Иванова 13 апреля 1911 г. В состоявшемся обсуждении поэмы Иванов подверг ее уничижительной критике, за чем стояло недовольство мэтра символизма эстетическими установками нового нарождающегося художественного течения — акмеизма, эстетические принципы которого проявились в этом произведении Гумилева.

185 Последовал Брюсовский разгром акмеизма в «Русской мысли», где Гумилев и Городецкий даже названы господами, т.е. людьми, не имеющими никакого отношения к литературе. — См. статью В.Я. Брюсова «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм», где, в частности, говорится: «Развивая мысль г. Гумилева, г. Городецкий пишет, что “борьба между акмеизмом и символизмом” есть “борьба за землю”. Символизм “заполнил мир соответствиями, обратил его в фантом, важный лишь постольку, поскольку он сквозит и просвечивает иными мирами, и умалил его высокую самооценку. У акмеистов опять роза стала хороша сама по себе” и т.д. На привычном языке такое отношение художника к миру называется не “акмеизмом”, а “наивным реализмом” и г. Городецкий, видимо, желает нас вернуть к теориям искусства, имевшим свой успех 50 тому назад. <...> Если г. Нарбут решается на смелое сравнение: “Луна, как голова, с которой кровавый скальп содрал закат”, если г. Зенкевич описывает: “Средь нечистот голодная грызня собак паршивых” (стихотворение) “Посажен-

ный на кол"); если г-жа Ахматова рассказывает, как ее "томила ночь утарная", или уверяет: "Знаю, брата я не ненавижу дела и сестру не предала", — то можно ли в этом видеть попытку новых Адамов "опять назвать имена мира"» (Русская мысль. 1913. № 4. Печ. по кн.: Николай Гумилев. Pro et contra. 1995. С. 393–394, 396).

<29>

Впервые — Л я м к и н а. С. 391, с сокращениями; полностью Х е й т. С. 220. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99).

185 ...как слепоглухонемая. — В автографе РТ 99 пометы: «(Последняя херсонидка и посл<едняя> царскоселка)». Перед фрагментом — строфа, не раз возникающая в ахматовских записях:

Как слепоглухонемая,
Которой остались на свете
Лишь запахи, я вдыхаю
Сырость, прелость, ненастье
И мимолетный дымок.

Позже, в 1963 г., Ахматова вернулась к мыслям, заключающим фрагмент: «Все места, где я росла и жила в юности, больше не существуют: Царское Село, Севастополь, Киев, Слепнево, Гунгербург (Усть-Нарва).

Уцелели: Херсонес (потому что он вечный), Париж — по чьему-то недосмотру и Петербург — Ленинград, чтобы было, где преклонить голову. Приютившая то, что осталось от меня в 1950 году, Москва была доброй обителью для моего почти посмертного существования» («Записные книжки». С. 297).

185 Я как Птишоз... — Птишоз — персонаж романа Альфонса Додэ (1840—1897) «Малыш. История ребенка» («Le Petit chose. Histoire d'un enfant», 1868). Первая часть носит автобиографический характер, обращена к детству и юности. Далее повествуется об утрате надежд и иллюзий, веры в искусство.

<30>

Впервые — Соч., 1986. С. 257, по автографу РНБ. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 97).

<31>

Впервые — Х е й т. С. 247—248. Отдельные фрагменты и фразы не раз возникают в рабочих тетрадях Ахматовой, в ее заметках о городе. Публикуемый текст является наиболее полным и художественно завершенным. Адресат наброска не установлен. Печ. по автографу РНБ.

186 ...чудовищной могилы царевича Алексея под лестницей в Петропавловском соборе... — Петропавловский собор, усыпальница членов русской императорской фамилии.

И пустые окна Мраморного дворца («... Там пью я с тобой золотое вино...») — строки из стихотворения «А в Мраморном пусто второе окно...», обращенного к В.К. Шилейко, у которого была служебная квартира во флигеле Мраморного дворца, принадлежавшая Академии материальной культуры. Одно окно выходило на площадь Суворова, другое — на Марсово поле («Записные книжки». С. 577).

187 «...и на Жуковской «вылеп головы кобылей...» — Из поэмы В.В. Маяковского «Человек» (1918):

Фонари вот так же врезаны были
в середину улицы.
Дома похожи.
Вот так же,
из ниши,
головы кобылей
вылеп.

— Прохожий!
Это улица Жуковского?

Смотрит,
как смотрит дитя на скелет,
глаза вот такие,
старается мимо.

«Она — Маяковского тысячи лет:
он здесь застрелился у двери любимой».

(М а я к о в с к и й В. Т. 1. С. 269).

187 ...описанных Мандельштамом высочайших проездов. — См. автобиографическую прозу О. Мандельштама «Шум времени»: «“Проездами” тогда назывались уличные путешествия царя и его семьи».

Канон Андрея Критского — Великий покаянный канон читается в храмах в первые четыре дня Великого поста.

«Где сокровище ваше, там и сердце ваше»... — Евангелие от Матфея, 6,21; Евангелие от Луки, 12,34.

188 ...и Семеновский плац, где ждал смерти Достоевский... — Ф.М. Достоевский был арестован по делу петрашевцев 23 апреля 1849 г. и заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. 28 декабря 1849 г.

пережил обряд приготовления к смертной казни на Семёновском плацу вместе с другими осужденными. Указание Николая I об отмене приговора было зачитано за минуту до его исполнения.

188 Шереметевские липы, переключка домовых... — Из стихотворения Ахматовой «От тебя я сердце скрyla...» (1936).

14 авг<уста> 1946 г. — В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. об Ахматовой было написано: «Журнал “Звезда” всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях “искусства для искусства”, не желающей идти в ногу со всем народом, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе».

Я была со всеми... — Из стихотворения Ахматовой «Со шпаной в канавке...» (1946).

Лавка «Смерть мужьям» — шуточное название фешенебельного магазина дорогой женской одежды на Невском проспекте.

«...и трехсотая с передачею...» — «Как трехсотая с передачею...» (Реквием. Ч. 4).

...подводой в 1924 г. — Имеется в виду наводнение в Ленинграде 1924 г.

188 *«Под тучей вороньих крыл»* — Поэма без героя. Ч. I. Гл. 2.

Дом Мурузи — дом 24 по Литейному проспекту.

189 *«Как щелочка чернеет переулок...»* — Из стихотворения «Ленинград в марте 1941» (1941).

Веня и Вера Белкины. — Белкин Вениамин Павлович (1884—1951), художник. В 1941 г. нарисовал портрет Ахматовой маслом (см.: «Записные книжки». С. 603), стилизовал ее изображение при оформлении книги Г. Чулкова «Мария Гамильтон» и первой части романа А.Н. Толстого «Сестры» («Хождение по мукам») — на обложке в «медальонах» Кати и Даши угадываются О.А. Глебова-Судейкина и А. Ахматова. Белкина (урожд. Попова) Вера Александровна, пианистка, жена В.П. Белкина.

<32>

Впервые — А х м а т о в а А. «Я — голос ваш...». М.: Книжная палата, 1989. С. 341, 342, публикация В.А.Черных. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 105).

190 *Стихотворение было «Не бывать тебе в живых...»* — написано после расстрела Н.С. Гумилева (1921).

См. дату в рукописи — 16 августа 1921 (может быть, старого стиля). — Отсылает к дате казни Н.С. Гумилева.

<33>

Впервые — ЛО. 1989. С. 5—6, в другой редакции по автографу РНБ, публикация и коммент. Р.Д. Тименчика. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 105).

В качестве заглавия — помета: «Для Эренбурга». В рабочих тетрадях имеется еще несколько материалов с такой же пометой. По-видимому, эти материалы были переданы (или их предполагалось передать) И.Г. Эренбургу — писателю и общественному деятелю, с которым Ахматова встречалась в последние годы жизни. Близкий к официальным кругам, Эренбург пытался оказать помощь Ахматовой в освобождении из заключения Л.Н. Гумилева. Работал над мемуарами «Люди, годы, жизнь», куда и предполагалось включить ахматовские свидетельства. В первое издание (1963 г.) они не вошли по цензурным соображениям.

190 ...сравнение с Черч<иллем>. — Ахматова была убеждена, что постановление 1946 г. и речь премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, произнесенная в Фултоне в том же году и положившая начало «холодной войне», связаны между собой. См. также коммент. к «Поэме без героя» (т. 3. С. 603—604).

Озеров Лев Адольфович (1914—1995) — поэт, литературный критик, автор статей об Ахматовой. Входил в круг ее знакомых.

«Молодежь узнала слово блуд из доклада Жданова»... — Среди прочего в докладе говорилось: «Тематика Ахматовой насквозь индивидуалистическая. До убожества ограничен диапазон ее поэзии, — поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной. Основное у нее — это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти, мистики, обреченности. Чувство обреченности, — чувство, понятное для общественного сознания вымирающей группы, — мрачные тона предсмертной безнадежности, мистические переживания попо-

лам с эротикой — таков духовный мир Ахматовой, одного из осколков безвозвратно канувшего в вечность мира старой дворянской культуры, «добрых старых екатерининских времен». Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой.

“Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом...”

(Ахматова. *Anno Domini*)

Такова Ахматова с ее маленькой, узкой личной жизнью, ничтожными переживаниями и религиозно-мистической эротикой».

<34>

Впервые — «Записные книжки». С. 253–254. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

По-видимому, продолжение заметок для И. Эренбурга. Повествование ведется от третьего лица.

<35>

Впервые — «Записные книжки». С. 230–232. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

192 Селивановский Алексей Павлович (1900–1938) — литературный критик, один из руководителей РАПП. В частности, писал в 1934 г.: «Анна Ахматова перестала быть поэтом, перестала печататься, перестала писать. Причина этого не в том, что, вообще говоря, она оказалась в непримиримой оппозиции к новому порядку вещей, а в том, что ее класс сошел с социально исторической сцены навсегда, что жизнь ее класса стала жизнью “без завтрашнего дня...”» (Литературная учеба. 1934. № 8).

193 Хулимые, хвалимые... — первые строки стихотворения (1960).

«Последний дар моей Изоры». — Из заключительного монолога Сальери: «Вот яд, последний дар моей Изоры». (А.С. Пушкин. Моцарт и Сальери. Сц. 1).

Прокофьев Александр Андреевич (1900—1971) — поэт, в те годы руководитель Ленинградской писательской организации.

«Астория» — гостиница в Ленинграде.

194 Уильямс Аллан — американский литературный критик. Ниже приведены фамилии критиков русской эмиграции, с которыми Ахматова вела длительную полемику, она иронически называет Уильямса своей Викторией Регией, т.е. венчающим, или победным, обвинением, доказательством, отсылая к статье, опубликованной в газете «Нью-Йорк Трибюн Ревью, 1961, 24 ноября» (см. «Записные книжки». С. 215).

Рипеллино — Анджело Мария — итальянский литературовед и переводчик.

...в виде «Послесловия» А.А. Суркова. — Книга Ахматовой «Стихотворения» (1961) вышла с послесловием А.А. Суркова, поэта и секретаря СП СССР, любившего поэзию Ахматовой и содействовавшего изданию как этого сборника, так и предшествовавшего. М., 1958 (вышел под его редакцией).

<36>

Впервые — ЛО. 1989. № 5. С. 6, публикация Р.Д. Тименчика, по автографу РНБ; одновременно в журн. «Русская литература». 1989. №3. С. 95—96, публикация

А.Г. Терехова. Печ. по журн. «Русская литература». Начало работы над текстом относится к 1959 г.

195 К пятидесятилетию лит<ературной> деятельности. Лекции «Ахматова и борьба с ней». — Так Ахматова озаглавила полемические заметки, написанные в полувековой юбилей своего творчества, год выхода первой книги стихотворений «Вечер» (1912).

Буренин Виктор Петрович (1841—1926) — литературный и театральный критик, поэт, автор нескольких книг литературных пародий, с 1876 г. — неперенный сотрудник суворинского «Нового времени». Не принимал новую поэзию, особенно зло высмеивал декадентов и символистов, в частности Блока, который знал наизусть эти пародии на свои стихи, отнюдь не возмущался и даже охотно их читал (Блок в воспоминаниях. I. С. 381; II. С. 51; см. также воспоминания К.И. Чуковского — «Записки мечтателей». 1922. № 6. С. 173). В цикле «Поэтическая атлетика», подписанном одним из псевдонимов Буренина — граф Алексис Жасминов, — зло высмеивались стихотворения Ахматовой, якобы написанные от имени Евдокии Обмокни, Лилии Ах и Зинаиды Солитер (Новое время. 1911. 29 апреля). Там же пародии на Валерия Брюсова: I, II.

III.

В лесу.

(«Аполлон», № 4)

Четыре алмаза — четыре глаза,
 Два совиных и два моих.
 О страшен, страшен конец рассказа
 О том, как умер мой жених.

Лежу в траве, густой и влажной,
Бессвязно звонки мои слова,
А сверху смотрит такую важной,
Их чутко слушает сова.

Нас ели тесно обступили,
Над нами небо, черный квадрат,
Ты знаешь, знаешь его убили.
Его убил мой старший брат —

Не на кровавом поединке
И не в сраженьи, не на войне,
А на пустынной лесной тропинке,
Когда влюбленный шел ко мне.

IV.

В луже.

Имею я четыре носа —
Четыре «пятачка» свиных,
Тремя глазами смотрю я косо —
Один совиный и два своих.

Лежу я в луже зловонно-липкой,
Носами чую в квадрате смрад,
А на меня с немой улыбкой
Четыре борова глядят.

Сова дивится, что глаз совиный
В затылке у меня блестит,
И смотрит сверху с важной миной,
А мой жених убит, убит.

Соплю я четырьмя носами,
Таращу я совиный глаз.
Но что мне делать — судите сами —
Когда я в луже улеглась.

Евдокия Обмокни

V.

Над водой.
(«Аполлон», № 4)

Стройный мальчик-пастушок,
Видишь, я в бреду.
Помню плащ и посошок
На свою беду.

Если встану — упаду.
Слышу тихое ду-ду.

Мы прощались, как во сне.
Я сказала: «Жду!»
Он, смеясь, ответил мне:
«Встретимся в аду!..»

Если встану упаду,
Дудочка поет ду-ду.

О, глубокая вода
В мельничном пруду,
Не от горя, от стыда
Я к тебе приду.

И без крика упаду,
А вдали звучит ду-ду.

VI.

Дуда.

Ах Маковский-пастушок*,
Я пишу, пишу в бреду:
В «Аполлоне» мой стишок
Поместишь ты на виду?

* С.К. Маковский, ред. «Аполлона».

От восторга заведу
На дуде мотив: ду-ду.

Мне Маковский — милый он —
Молвит: «Пусть сгорю в аду,
Но тебя я в «Аполлон»
Рядом с Брюсовым введу,

Заиграй скорей — я жду —
Заиграй в дуду ду-ду».

И Маковский-пастушок
И себе и мне к стыду
В «Аполлоне» мой стишок
Напечатал на виду.

От восторга я пойду —
Утоплюсь с дудой в пруду.

Лилия Ах

VII.

Мне больше ног моих не надо.
(«Аполлон», № 4)

Мне больше ног моих не надо —
Пусть превратятся в рыбий хвост —
Плыву, и радостна прохлада,
Белеет тускло дальний мост...

Не надо мне души покорной
Пусть станет дымом. Легок дым.
Взлетев над набережной черной,
Он будет нежно-голубым.

Смотри, как глубоко ныряю,
Держусь за водоросль рукой.

Ничьих я слов не повторяю
И не пленюсь ничьей тоской.

А ты, игрушечный, ужели
Стал бледен и печально-нем,
Что слышу? — целых три недели
Все шепчешь: «Бедная, зачем?»...

VII.

Та же глубоко-поэтическая тема.

Мне ног не надо — ноги к черту!
Пусть превратятся в рачий хвост:
Предавшись раковому спорту,
Нырну под Полицейский мост,
Коль в голове все мысли пусты —
На что она, скажите? Ах,
Пусть вырастет кочан капусты
На беломраморных плечах.

А ты, игрушечный, что станешь
Тогда со мною делать — ну?
За рачий хвост меня потянешь,
Как в волны Мойки я нырну?

Сняв с плеч моих кочан, разрубишь
Его, чтоб борщ сварить аль щи?
Ты побледнела. Не так любишь?
Другую для себя ищи!

Зинаида Солитер

195 В 1919 меня уничтожили Бунин в Одессе
(эпиграмма «Поэтесса»)... — Опубликована в одесском
журнале «Жизнь» (1918, № 7, июль):

Большая муфта, бледная щека,
 Прижатая к ней томно и любовно,
 Углом колени, узкая рука...
 Нервна, притворна и бескровна.

Все принца ждет, которого все нет,
 Глядит с мольбою, горестно и смутно:
 «Пучков, прочтите новый триолет...»
 Скучна, беспола и распутна.

Эпиграмму Бунина Ахматова восприняла как направленную против себя, равно как позже пародии в романе В. Набокова «Пнин» (1957). Г. Адамович рассмотрел эпиграмму Бунина в более широком контексте: «Но ведь этой “смутной и горестной” поэтессой могла быть и Анна Ахматова. Бунин, конечно, понимает это. Но ему нет дела до эстетики, он осуждает мир, которым живет “Поэтесса”: ее печаль, ее предчувствия, неисцелимую скуку, ее “выверт”, как бы не видя всего того, что за этим вывертом стоит — в плане историческом или общекультурном» (Б у н и н И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1993. С. 346). Это суждение Адамовича еще в большей мере может быть отнесено к стихам одной из героинь Набокова — Лизе Богомоловой:

Я надела темное платье
 И монашенки я скромней;
 Из слоновой кости распяты
 Над холодной постелью моей.

Но огни небывалых оргий
 Прожигают мое забытье,
 И шепчу я имя Георгий —
 Золотое имя твое!

(Н а б о к о в В. Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1997. Т. 3. С. 54).

И ниже:

«...замечательно красивая девушка в черном шелковом свитере и с золотой лентой в каштановых волосах <...>. Через несколько дней она прислала стихи; вот достойный образчик ее творений, подобное ему сочинялись «под Ахматову» и иными эмигрантскими рифмессами <...>:

Самоцветов, кроме очей,
Нет у меня никаких,
Но есть роза еще нежней
Розовых губ моих.
И юноша тихий сказал:
«Ваше сердце всего нежней...»
И я опустила глаза...»
(Т а м ж е. С. 162).

195 ... Брюсов в Москве (в честь Аделины Адальс)... — См. коммент. к с. 132.

Если в выступлении В. Брюсова на Вечере поэтесс еще не содержится прямых унижений, то они очевидны в неупомянутой Ахматовой рецензии на книгу «Аппо Domini» МСМХХІ. (Пб.: Петрополис). В ряду второстепенных поэтических сборников (что само уже было оскорблением для Ахматовой) Брюсов в заметке «Среди стихов» писал и о ее стихах: «Пожалуй, еще печальнее, когда поэт повторяет самого себя, и повторение это — безмерно бледнее. Таковы стихи Анны Ахматовой. Местами они кажутся пародией на Ахматову, с постоянными срывами в такие прозаизмы —

От меня ты не хочешь детей
И не любишь моих стихов.

Тебе я милой не была,
Ты мне постыл.

Или в такие песенные склады —

А в пещере у дракона
Нет пощады, нет закона.

Причем дальше сообщается, что у этого “дракона” — “висит на стенке плеть” (странный дракон!). Весьма жаль, что близкие друзья не отговорили А. Ахматову от печатания (и — увы — перепечатания!) многих ее последних стихов» (Б р ю с о в В. Среди стихов//Печать и революция. 1922. № 2. С. 144, 145).

195 ...Перцов в «Жизни искусства»... — В.О. Перцов заявлял о чуждости поэзии Ахматовой советской действительности. Его статья «По литературным водоразделам» вспоминалась Ахматовой как пример жестокой травли: «Еще в 1923 году Ахматова собрала на свой вечер в Москве полную аудиторию “советских барышень” (вечер состоялся в 1924 г. — С.К.). Можем ли мы винить ее за это, что с ходом революции этот социальный тип намечен был к сокращению, и об Ахматовой, не испросив от нее полномочия, вспоминал с революционным сочувствием только Осинский в одном из своих сентиментальных фельетонов. <...> Все изощренное качество ахматовской лирики явилось как результат долговременного, тщательного, кропотливого приспособления любовно-романтической темы к привередливому спросу социально-обеспокоенной части дореволюционной интеллигенции. Такие социальные кастраты с неразвившимся или выхолощенным чувством современности населяют еще и наши дни, и они упоенно перебирают ахматовские “Четки”, окружая писательницу сектантским поклонением. Но у языка современности нет общих корней и тем, на котором говорит Ахматова. Новые живые люди остаются и останут-

ся холодными и бессердечными к стенаниям женщины, запоздавшей родиться или не сумевшей вовремя умереть, да и самое горькое ее страдание сочтут непонятной прихотью. Таков закон живой истории» (*Жизнь искусств*. 1925. № 43. 27 октября. С. 5).

195 Степанов Николай Леонидович (1902—1972) — советский литературовед, автор статьи «Поэтическое наследие акмеизма» (*Литературный Ленинград*. 1934. № 48. 20 сентября).

«*Две России*» — имеется в виду статья К.И. Чуковского «Ахматова и Маяковский» в альманахе «Дом искусств» (Пб., 1921. № 1. С. 23—43). Чуковский противопоставил Россию уходящей дворянской культуры и ее поэта — Ахматову новой революционной России, певцом которой назвал Маяковского. Автор статьи, высоко оценив этих поэтов, выразил надежду, что когда-нибудь их голоса сольются в поэзии новой России. Из статьи Чуковского хулители Ахматовой выхватили идею противопоставления двух России, объявив ее поэтессой, чуждой современности.

«*Проза*» **Цветаевой** — издание 1953 г., Нью-Йорк.

Журавлев Дмитрий Николаевич (1900—1991) — мастер художественного слова, режиссер, педагог. Входил в круг знакомых Ахматовой.

«*Письма Рубенса*» — книга переводов А. Ахматовой под редакцией и с предисловием А. Эфроса и вступительной статьей В. Лазарева вышла в 1933 г.

196 ...Сталин спросил обо мне на приеме по поводу награждения орденами писателей. — 31 января 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР 172 писателя были награждены орденами Ленина, Трудового

Красного Знамени и «Знак почета» — «за выдающиеся успехи в достижении и развитии советской художественной литературы».

196 «Ива». — Имеется в виду неосуществленная книга «Тростник», вошедшая несколькими стихотворениями в сборник «Из шести книг», который открывался стихотворением «Ива» (18 января, 1940).

Сергиевский Иван Васильевич (1905–1954) — советский литературовед, ученый секретарь отделения литературы и языка АН СССР, член редколлегии «Библиотека поэта», автор статей «Об антинародной поэзии А. Ахматовой» (Звезда. 1946. № 9) и «Безыдейная поэзия А. Ахматовой» (Культура и жизнь. 1946. 30 августа).

Фадеев Александр Александрович (1901–1956) — писатель, профессиональный революционер, один из руководителей Союза писателей СССР. Выступал с критикой Ахматовой главным образом по долгу службы. См.: О литературной критике // Большевик. 1947. № 13. С. 261–264. После разоблачения культа личности Сталина и глубокого разочарования в утверждаемых идеалах закончил жизнь самоубийством. Принимал участие в хлопотах по освобождению Л.Н. Гумилева (см.: Фадеев А. В главную прокуратуру. Письмо от 2 марта 1956 г.).

Ахматова писала ему 10 марта 1956 г.: «Вы были так добры, так, как никто за <...> эти годы» (Огонек. 1971. № 51. С. 27). Текст письма А.А. Фадеева опубликован в журн. «Новый мир» (1961. № 12).

Еголин Александр Михайлович (1896 – 1959) — советский литературовед, в 1940–1948 гг. работал в ЦК КПСС, в 1948–1952 гг. — директор Института мировой литературы АН СССР. Об Ахматовой писал в своей кни-

ге «Против безыдейности в литературе» (Л., 1947. С. 16—17, 27).

196 ...не было ни одного упоминания. — На сборник А. Ахматовой «Стихотворения» (М., 1958) была рецензия: О з е р о в Л. Стихотворения Анны Ахматовой// Литературная газета. 1959. 23 июня.

«Так было над Невою льдистой». — Евгений Онегин. Из незавершенной X главы. Строфа XVI.

На судьбу этой книги повлияло следующее обстоятельство. — Ахматова несколько раз вспоминала историю выдвижения ее на Сталинскую премию, высшую премию страны, утвержденную в 1941 г.

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943) — режиссер, театральный деятель, писатель, драматург.

«**Маяковский начинается**» — поэма Н.Н. Асеева (1939), автор ее вошел в число первых лауреатов Сталинской премии.

197 «**Алфавит русской литературы**» — справочник У. Харкинса «Словарь русской литературы» (H a r - k i n s W. Dictionary of Russian Literature. New York, 1956. P. 146).

Р. Тименчик в комментарии к публикации настоящего текста приводит цитату: «В 1910 году она вышла замуж за поэта Гумилева и присоединилась к новому движению акмеизма, основанному им в 1912 году. Она развелась с ним в 1918 и вышла замуж за Владимира Шилейко, ассиролога и второстепенного поэта. <...> В 1940 году, воспользовавшись большой официальной снисходительностью,

которая продлилась и на годы войны, она издала сборник “Из шести книг”, который включал ее раннюю поэзию и несколько новых стихотворений. Хотя ее поэзия меланхолична и в большей степени затрагивает личную любовную скорбь, тему «буржуазную» в глазах советских критиков, она, кажется, приобрела большую популярность среди молодой коммунистической интеллигенции. Чтобы прекратить это отступничество среди молодежи, Партия нашла необходимым провести чистку, и атака А.А. Жданова на нее в 1946 году привела к ее немедленному исключению из Союза писателей, что означало потерю права на публикацию. Но в 1950 году она опубликовала некоторое число официальных патриотических стихотворений как извлечение из цикла «Слава миру». Качество этих стихотворений мучительно низкое; подвергшись официальному давлению, она очевидным образом в конце концов сдалась» (цит. по: ЛО. 1989. № 5. С. 9).

197 Пьер Серер — издатель, глава парижского издательства «Seghers».

198 Рожанские — Рожанская Наталья Владимировна (урожд. Кинд); Рожанский Иван Дмитриевич (р. 1913) — физик, историк философии.

...открытие Раупе... — Сведения, о которых пишет Ахматова, содержатся в книге: Раупе R. Les trois mondes de Boris Pasternak. Paris. 1963. Р. 91.

<37>

Впервые — ЛО. 1989. № 5. С. 14, публикация В.А. Черных. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 103).

198 ...попытки Осинского и Коллонтай... — Статья Н. Осинского (наст. фам. и имя Оболенский Валериян

Валерианович; 1887—1938, расстрелян), известного советского партийного и государственного деятеля, высоко оценившего творчество Ахматовой, появилась в «Правде» 4 июля 1922 г. под названием «Побеги травы (Заметки читателя). 3. Новая литература» и вызвала полемику: Р о д о в С. Литературное сегодня//Молодая гвардия. 1922. № 6/7; Ч у ж а к Н. Через головы критиков//Наш путь. Чита. 1922. № 2; Р о д о в С. Организационные вопросы литературы//На литературном посту. 1925. № 1. Статья видной деятельницы партии, публицистки Александры Михайловны Коллонтай (урожд. Домонтович; 1872—1952), также высоко оценившей стихи Ахматовой, опубликована в журнале «Молодая гвардия» (1923, № 2) под названием «Письма к трудящейся молодежи. Письмо 3-е. О “Драконе” и “Белой птице”». Статья также вызвала полемику: А р в а т о в Б. Гражд. Ахматова и тов. Коллонтай//Молодая гвардия. 1923. № 4/5; В ы г о д с к а я П. Вопросы морали, пола, быта и тов. Коллонтай//Красная новь. 1923. № 6.

<38>

Впервые — ЛО. 1989. № 5. С. 14, публикация В.А. Черных. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).

199 Тихонов Николай Семенович (1896—1977) — поэт, прозаик. Ушел добровольцем на первую мировую войну, сражался в гусарском полку. Первые книги стихов «Орда» и «Брага» отмечены влиянием поэзии Н. Гумилева. Воспевал подвиг и долг, славил романтику «боев и походов». Девизом его романтических баллад: «Перекоп», «Баллада о гвоздях», «Баллада о синем пакете» — стали известные строки: «Гвозди бы делать из этих людей// В мире бы не было крепче гвоздей».

199 Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956) — поэт.

Багрицкий Эдуард Георгиевич (наст. фам. Дзюбин; 1895–1934) — знаток поэзии, печатался в роскошных одесских литературных альманахах, издаваемых на средства меценатов, — «Серебряные трубы», «Седьмое покрывало», «Авто в облаках». Раннее творчество формировалось под влиянием Гумилева.

В «Стихах о поэте и романтике» (Бизнес. Сборник литературного центра конструктивистов. М., 1929. С. 103), написанном в 1925 г., Багрицкий, мучимый сомнениями, обращается к трагичному образу Гумилева:

...Поземка играет по конским ногам,
Знамена полнеба полотнами кроют.
Романтика в партии! Сбоку наган,
Каракуль на шапке зернистой икрою...
Фронты за фронтами,
Ни лечь, ни присесть!
Жестокая каша да сытник суровый;
Депеша из Питера: страшная весть
О черном предательстве Гумилева...
Я мчалась в телеге, проселками шла;
И хоть преступленья его не простила,
К последней стене я певца подвела,
Последним крестом его перекрестила...
Скорее назад! И товарный вагон
Шатает меня по России убогой...
Тут новое дело — из партии вон:
Интеллигентка и верует в бога...

(Цит. по: Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. Сост. текста и примеч. С.А. Коваленко. М.; Л., 1964. С. 348–349).

<39>

Впервые — «Записные книжки». С.265. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

199 ...умирает *Жданов*. — А.А. Жданов умер 30 августа 1948 г.

200 *Боровков А.К.* — лингвист, тюрколог.

Козин С.А. — литературовед, тюрколог.

Я в ту зиму писала работу о «Каменном госте». — Статья Ахматовой «“Каменный гость” Пушкина» была опубликована в кн.: «Пушкин. Исследования и материалы». Т. 11. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958. С. 171–186.

Осмеркин Александр Александрович (1892–1953) — художник; в 1938–1939 гг. рисовал Ахматову («Белая ночь», Фонтанный Дом. Масло).

Павленко, Шагинян, Тихонов, Вишневский, Фадеев — входили в круг советской писательской номенклатуры. В те годы каждая официальная поездка включала в обязательную программу разъяснение положений доклада Жданова и Постановления ЦК ВКП(б), с оценкой творчества Ахматовой и Зощенко.

<40>

Впервые — «Записные книжки». С. 310–311. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 108).

201 «*Под крылом у гибели*» — автоцитата из стихотворения Ахматовой «Не лирою влюбленного...» (18 июля 1956).

202 ...две гостьи: Саломея («Тень») и моя бедная Ольга («Ты в Россию пришла ниоткуда»). — Ахматова обращается к истокам создания «Поэмы без героя» (см. Т. 3).

<41>

Впервые — Х е й т. С. 233—235. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

203 И потом еще много раз она выплывала... — Книга стихов «Четки» выходила вторым изданием в Петрограде в 1915 г., третьим и четвертым изданием — там же в 1916 г., пятым — в 1918 г.; в 1914 и 1920 г. — в берлинском книгоиздательстве С. Ефрон, переиздавшем книгу; восьмое и девятое (дополненное) издания вышли в Петрограде в 1922 и 1923 гг.

Одесская контрафакция. — Тираж книги Ахматовой остался в Одессе.

Максимов Дмитрий Евгеньевич (1904—1987) — советский литературовед, автор книг о Лермонтове, Брюсове, Блоке, а также статьи «Ахматова о Блоке» (Звезда. 1967. № 12).

Матезиус Богумил (1888—1952) — чешский переводчик и литературовед, автор предисловия к чешскому изданию стихов Ахматовой (1947).

От суворинского «Нового времени»... — В газете «Новое время» Н. Вентцель опубликовал рецензию на «Четки» под названием «Муза с “лица необщим выраженьем”» (1914. 19 июля. Иллюстрированное приложение).

Т<ак> и <азываемая> Физа. — Общество поэтов, в которое входил Б.В. Анреп, автор поэмы «Физа».

203 Аполлоновские манифесты — статьи Н.С. Гумилева «Наследие символизма и акмеизм», появившиеся в журнале «Аполлон» (1913. № 1).

Книги имеют свою судьбу. — Выражение римского грамматика Теренциана Мавра (конец III в. н.э.) из его сочинения «Об буквах, слогах и размерах»: «Смотря по тому, как их принимает читатель, имеют свою судьбу книги».

204 «Замерзающий Парнас» — название статьи Б. Лавренева в журнале «Жатва». 1913. № 4 (то же в его Собр. соч. М., 1965. Т. 6).

«У ног африканского идола». — «У подножия африканского идола. Символизм. Акмеизм. Эго-футуризм» (Русское богатство. 1913. № 6—7).

«Без божества, без вдохновенья». — Написанная в апреле 1921 г. (с подзаголовком «Цех акмеистов») статья А. Блока была впервые опубликована в сб.: Современная литература. Л., 1925. Отрицательное отношение Блока к акмеизму определилось в 1912—1913 гг. Особенное раздражение вызывали у Блока стихи Гумилева.

«Преодолевшие символизм» — статья В.М. Жирмунского (Русская мысль. 1916. № 12).

...сбывшиеся предсказания... — Речь идет о предисловии М.А. Кузмина к сборнику стихов Ахматовой «Вечер» (СПб., 1912) и рецензиях В.Ф. Ходасевича на сборники «Четки» (Новь. 1914. № 69) и «Белая стая» (Власть народа. 1918. 25 марта).

Чацкина Софья Исааковна (1878—1931) — издательница журнала «Северные записки».

205 Каннегисер Леонид Иоакимович (1898—1918) — поэт. Написал рецензию на «Четки» (Северные записки. 1914. Май). В августе 1918 г. застрелил председателя петроградского ЧК М.С. Урицкого (Радомысльского), после чего был объявлен «красный террор». Казнен в августе 1918 г. См. очерк М. Цветаевой «Нездешний вечер», события которого происходили в квартире Каннегисеров.

Лопатин Герман Александрович (1884—1965) — народовец, автор мемуаров и революционных стихов. Находился в заключении в Шлиссельбургской крепости с 1884 по 1905 г.

Степун Федор Августович (1894—1965) — философ, социолог, историк культуры, писатель, литературный критик. В 1910 г. стал одним из основателей международного журнала «Логос», участвовал в заседаниях Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева и в теоретическом семинаре по эстетике при издательстве «Мусaget». В 1922 г. выслан в Германию.

<42>

Впервые — Хейт. С. 236. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 110).

Второе издание «Белой стаи» вышло в Петербурге в издательстве «Прометей». Контрафакционное издание выпущено в Тифлисе в издательстве «Кавказский посредник» (1919 г.). Третье издание увидело свет в Петербурге в издательстве «Алконост» (1922 г.), четвертое — в Берлине в издательствах «Петрополис» — «Алконост» (1923 г.).

205 ...у «Белой стаи» не было шумной прессы. — См. рецензии: Слонимский А. А. Ахматова. Бе-

лая стая//Вестник Европы. 1917. № 9—12. С. 403—407;
Ж и р м у н с к и й В. Белая стая//Наш век. 1918.
№ 21. 28 января. С 14. С. 166.

206 Михайлов Николай Николаевич (1884—1940) — создатель и глава издательства «Прометей».

Блох Яков Ноевич (1892—1968) — глава издательства «Петрополис».

Марчанова Мария — чешская переводчица, адресат Ахматовой (см. «Записные книжки». С. 113). В ее переводе был переиздан сборник стихотворений в 1962 г. Ахматовой (т а м ж е. С. 256). Однотомник стихотворений Ахматовой в переводе Марчановой с послесловием Матезеуса вышел под названием «Белая стая» (1965; т а м ж е. С. 609, 641).

207 ...легкое изумление по поводу того, что Ахм<атова> еще в прошлом году наполнила какими-то де-вушками московскую залу Консерватории. — См. П е р ц о в В. По литературным водоразделам. I. Затишье//Жизнь искусства. 1925. № 43. С. 4—6.

<43>

Впервые — «Записные книжки». С. 28—29. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 98).

207 В 1929 г. после «Мы» и «Кр<асного> дерева» и я вышла из союза. — После того как Е. Замятин — автор романа «Мы», и Б. Пильняк — автор романа «Красное дерево», изданных за границей, были подвержены резкой критике и исключены из писательских организаций, заявление о выходе подала А. Ахматова.

208 Новый союз... — Союз писателей СССР, созданный в 1934 г., после проведения в августе того же года Первого всесоюзного съезда советских писателей.

Чагин Петр Иванович (наст. фам. Болдовкин; 1898—1967) — политический деятель, издательский работник.

Рыбасов А.П. — редактор, критик.

Орлов Владимир Николаевич (1908—1985) — литературовед, издатель, знаток поэзии.

Саянов Виссарион Михайлович (1903—1959) — поэт.

Дымшиц Александр Львович (1910—1975) — литературовед, критик.

209 Левин Федор Маркович (1901—1972) — критик, литературовед.

Зелинский Корнелий Люцианович (1896—1976) — литературовед, критик.

Корниловы — **Корнилов** Владимир Николаевич (р. 1928) — поэт; **Корнилова** Галина Петровна (р. 1928) — писательница, журналистка.

210 В 1963 мне вернули... «Бег времени» с руга<тельной> статьей Книпович. — О сложностях прохождения через издательскую цензуру книги см. Т. 2(2). С. 290—295. **Книпович** Евгения Федоровна (1898—1988) — критик.

<44>

Впервые — «Записные книжки». С. 283. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 107).

210 Раннит Алексис (наст. фам. и имя Долгушев Алексей; 1914—1985) — уроженец Эстонии. Учился в Тартуском университете. В Колумбийском университете получил степень магистра литературы и искусства. С 1961 г. — в Уэльском университете; поэт, переводчик, литературный и художественный критик, автор статей об Вяч. Иванове, Ю. Анненкове, Чурленисе и др. Его предисловием «Анна Akhmatova. Considered in a context of art nouveau» открывается второй том сочинений Ахматовой (Мюнхен, 1968. С. 5—37).

В записных книжках Ахматовой сохранились копии ее писем к Ранниту, переписка с которым велась в 1960-е гг. 15 февраля 1962 г. Ахматова писала Ранниту, обеспокоенная источниками, которые он использовал, готовясь к работе над ее биографией: «...Трудно понять, зачем кому-то понадобилось тревожить мой прах и сообщать бредовые легенды о моем пребывании в Париже в 1938 г. На Западе [я] после 1912 г. я не была, а в 1938 г. дальше Москвы не ездила. Я совершенно уверена, что Ваша работа будет интересной и нужной, но меня несколько беспокоит ее биографическая часть. Во всяком случае я предупреждаю Вас, что писаниями Георгия Иванова и Л. Страховского пользоваться нельзя. В них нет ни одного слова правды» («Записные книжки». С. 151).

211 Таллин (орденская готика)... — Имеются в виду надгробия Домского собора, украшенные геральдикой древнейших родов. Ахматова ездила на встречу Нового, 1954 года в Таллин с внучкой Н.Н. Пунина Анной Каминской. Сохранилась запись: «Ездила в Таллин смотреть готику на Новый год 195<4>. Со мной Аня Каминская. Жила у Тани Пумпянской (Юноны). ...Мужа Тани за то, что он провожал меня, — вызывали, куда следует» («Записные книжки». С. 665).

211 Иванов Александр Андреевич (1806—1858) — живописец, в своих произведениях достигает глубины философского обобщения о духовном возрождении человека.

Федотов Павел Андреевич (1815—1852) — живописец. В реалистически выписанных полотнах нередко выражены мотивы обреченности и одиночества человека (см. картину «Анкор, еще анкор»).

Врубель Михаил Александрович (1856—1910) — живописец, автор знаменитых картин «Демон» (1890), «Сирень» (1900), иллюстрировал поэму М.Ю. Лермонтова «Демон» (1890). Его росписи Кирилловской церкви в Киеве (1884—1889) глубоко впечатлили юную Ахматову. В своих записях она несколько раз вспоминает врубелевскую Богородицу в Кирилловской церкви.

Эль Греко Доменико (наст. имя Теотокопули; 1541—1614) — испанский живописец (грек по происхождению). Глубокая одухотворенность и мистическая экзальтация позволяли усматривать в его полотнах близость к маньеризму и некоторым тенденциям модернистского искусства.

Статуи и храмы дружбы — входили в архитектурный ансамбль Царского Села.

...об иной гиперборейской античности... — Имеется в виду Царское Село как некий аналог блаженной северной страны, согласно античной мифологии, находящейся под покровительством Аполлона, обители искусств и науки.

<45>

Впервые — «Записные книжки». С. 518. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 112).

212 Кросс Антони — английский литературовед, состоял в переписке с Ахматовой.

212 *Дать рецензию Ходасевича <на> «Четки».* — Имеется в виду рецензия В.Ф. Ходасевича на книгу Ахматовой «Четки» // Новь. 1914. № 69. 5 апреля.

Мандельштам 1926 и <19>22. — Письмо о русской поэзии // Советский Юг. 1922. 21 января.

«Письма о русской поэзии» — Рецензия Н. Гумилева: Четки // Аполлон. 1914. № 5. С. 36—38. Вошла в кн.: Гумилев Н. Письма о русской поэзии. Пг., 1923. С. 188—192.

«Четки» — 15 марта 1914. — первое издание.

Главная статья — Н.В. Недоброво — напечатана в журнале «Русская мысль». 1915. № 6. С. 50—68.

Бобров Сергей Павлович (1889—1971) — поэт, прозаик, критик.

Тальников (наст. фам. Шпитальников Давид Лазаревич; 1882—1961) — критик, известен своими скандальными выступлениями в печати. Имеется в виду его развернутая рецензия, написанная в развязном тоне: А. Ахматова. Четки // Современный мир. 1914. № 10. Отд. II. С. 208—211.

О «Собаке» — театральное кабаре «Бродячая собака».

Образ Ахматовой — книга «Образ Ахматовой» — антология, изданная Э. Голлербахом (Л., 1925). Во вступительной статье рассматривается образ Ахматовой в поэзии и живописи, а также приведены посвященные ей стихи: Н. Гумилева, А. Блока, О. Мандельштама, М. Цветаевой, М. Кузмина, Ф. Сологуба, В. Садовского, А. Тинякова и др.

Эшлиман Франсуаза — французский литературовед. Сохранилась запись Ахматовой: «Франсуаза защищает

диссертацию о Сер<апионовых> братьях...» («Записные книжки». С. 281). Состояла в переписке с Ахматовой, занималась ее творчеством (там же. С. 285).

212 *Отношение к моим стихам будущих формалистов.* — См.: Эйхенбаум В. Опыт анализа. Пг., 1923.

Полное уничтожение меня... (...Брюсов...) — См. статью В.Я. Брюсова. Среди стихов (Anno Domini)// Печать и революция. 1922. № 2. С. 144–145.

213 *Opus Маковского.* — Ахматова читала французский текст воспоминаний С. Маковского «Николай Гумилев по личным воспоминаниям», позже опубликованный на русском языке в «Новом журнале» (1964. № 77. С. 157–189).

«Обижал меня сегодня запад...» — вариант строк стихотворения Ахматовой «Запад клеветал и сам же верил...» (см. Т. 2(2). С. 161).

<46>

Впервые — журн. «Нева». 1979. № 6. С. 200, по черновому автографу РНБ, публикация Л.А. Мандрыкиной. Печ. по указанному изданию. Записано на листах с вариантами «Дома Шухардиной».

Этот фрагмент и следующие относятся к концу 1963–1964 гг., когда Ахматова вернулась к работе над автобиографическими заметками о поре детства и юности, прерванными ее полемикой с потоком мемуарной литературы, и написанию фактологически выверенных заметок (см. «К пятидесятилетию литературной деятельности. Лекции. Ахматова и борьба с ней: “Годовщины”, “Четки”, “Белая стая”»). Эти ее работы могут быть отнесены к ахматовскому литературоведению, ее «сердца горестным заметам».

214 ...змеиное шипение Полетики о Пушкине!!! — Из предисловия Ахматовой к работе «Гибель Пушкина» (26 августа, 1958).

<47>

Впервые — 1-й абзац — М а н д р ы к и н а. С. 198; 2-й абзац — журн. «Нева». 1978. С. 198. Печ. по указанным изданиям.

Среди разрозненных отрывков о детстве Л. Мандрыкина приводит один из многих, остающихся в фонде Ахматовой (Отдел рукописей РНБ), поясняя: «И вот в 1956—1957 годах она снова начинает вести записи о прошлом. По всей вероятности, Ахматова начинает их с рассказов, последовательно излагающих факты ее детства и юности. “Мое детство также уникально и великолепно, как детство всех детей в мире” — записывает она и продолжает: “Мои первые воспоминания — царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал”. Следующая запись почти повторяет эту:

“Биография

І. Павловск — 1-ая фотография.

В 5 лет французский язык. Два лета в Гунгербурге. Сев. природа — Царское Село. Царскоселы... Ц.С. — не город Муз (даже не было библиотеки) и они не знали, что там умер Тютчев”» (Нева. 1979. С. 197).

Разрозненность ахматовских записей, их повторяемость, неизученность черновых текстов в полной мере, нередко приводили к их кантоминации в существующих изданиях.

214 «Ива», «Пятнадцатилетние руки...» — стихотворения Ахматовой, которые, по ее словам, вызвали

неудовольствие Сталина — в доступных нам официальных источниках указание или мнение Сталина не зафиксировано. Однако был наложен очередной запрет на публикацию Ахматовой, и уже отпечатанный сборник стихов 1940 г. уничтожен. Другой сборник «Из шести книг» вышел в том же 1940 г. и, как теперь известно по публикациям документов цензуры, был предметом разбирательства в ЦК ВКП(б) с указанием «изъять» книгу, что оказалось невозможным, она уже поступила в продажу и мгновенно разошлась (см.: Ч у к о в с к а я, 1. С. 219–220).

<48>

Впервые — журн. «Нева» С. 198.; публикация Л.А. Мандрыкиной. Печ. по указанному изданию.

Фрагмент, как можно полагать, написан в связи с мемуарами В.С. Срезневской, которые также не удовлетворили Ахматову, и она сама написала несколько фрагментов, имитируя их.

В.Я. Виленкин записал свою беседу с Ахматовой: «Незадолго до смерти В.С. Срезневская написала свои воспоминания. <...> Анна Андреевна, помню, сказала с нежным упреком (в нем даже раздражения не слышалось): “Ну что мне с ней делать, если она все перепутала или неверно запомнила, и про меня, и про Гумилева, и про жизнь в Царском...”. Она потом начала редактировать текст В.С. Срезневской, вернее даже переписывать по-своему, вставляя в него большие куски собственных воспоминаний, но в третьем лице: “Она”, “А”, “Аня”» (В и л е н к и н В.Я. Воспоминания с комментариями. С. 484). Ахматова вводит образ рассказчика, повествующего о «Дикой девочке», гимназистке Ане Горенко: «...в Царском Селе она делала все, что полагалось...», «Изредка отец брал ее с собой в оперу... и т.д.». «Большое влияние на нее оказал...».

215 Гамсун Кнут (наст. фам. Педерсен Кнут; 1859—1952) — норвежский писатель; в 1909—1910 гг. в Петербурге вышло его собрание сочинений в 12 томах.

Пан, Виктория — романы К. Гамсуна. «Пан» вышел в русском переводе в 1901 г. «Виктория» — в 1904 г.

Ибсен Генрик (1828—1906) — норвежский драматург. В 1904 г. вышло его собрание в четырех томах (приложение к «Ниве», СПб.).

<49>

Впервые — В и л е н к и н В.Я. Воспоминания с комментариями. С. 485. Этот фрагмент, по свидетельству публикатора, представляет собой одну из «вставок» Ахматовой к воспоминаниям В.С. Срезневской (см. раздел «Коллективное»). Печ. по указанному изданию.

<50>

Впервые — «Записные книжки». С. 564. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 112). Текст ахматовского примечания воспроизводился ранее (см.: ЛО. 1989. № 5. С. 11), публикация В.А. Черных.

216 Крестили в соборе на Большом Фонтане. — Имеется в виду Преображенский собор в Одессе.

Крестный отец — народоволец Романенко... Крестная мать — Мария Федоровна Вальцер. — В.А. Черных приводит из текста Свидетельства о рождении Ахматовой: «Восприемниками были: кандидат естественных наук Стефан Григориев Романенко и дочь дворянина Мария Федоровна Вальцер» (Черных, 1. С. 12). См. одну из записей Ахматовой к автобиографии: «Мой крестный отец — Романенко — народоволец, сын богатого бесса-

рабского помещика. Революционер-подпольщик, о нем упоминает Вера Фигнер» («Записные книжки». С. 400).

216 Вальцер (Вельцер) Мария Федоровна (1879—1941) — педагог.

...ее визит к Достоевскому. — Воспоминания М.Ф. Вельцер не известны. См. запись Ахматовой от декабря 1961 г. «К “Пестрым заметкам”»: Решила начать не с “М.В. Вельцер у Достоевского”, а с двух пушкинских заметок “Баный Пушкин” и “Пушкин-скобарь”» («Записные книжки». С. 186). По-видимому, замыслы осуществлены не были.

Гунгербург — дачная местность (Усть-Нарва) близ моря (Меркульская ул., д. Шкотта — «Записные книжки». С. 661). Ахматова вспоминала: «Когда мне было 5 и 6 лет, семья проводила лето в Гунгербурге, где я впервые увидела море и великолепные парусные суда в устье Наровы» (Соч., 1990. С. 462).

<51>

Впервые — «Записные книжки». С. 674—675. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114). (РТ — тетрадь в переплете от книги М.Ю. Лермонтова).

Эта одна из поздних заметок (1 октября <1964>) представляет собой наброски неосуществленной автобиографической книги. Содержит вариации разновременных набросков, писавшихся с 1946 г., когда Ахматова впервые задумалась о создании книги о времени и о себе.

О прозе† — крестик обозначает отсылку для памяти. С некоторыми разночтениями повторен текст фрагмента <3>. В одном из автографов (РНБ) так называемый «мостик» представлен в другом контексте.

217 Ее приходы и уходы. (В 100+2). — Имеется в виду рабочая тетрадь (ед. хр. 110), одна из основных, заполнялась с апреля 1963 по февраль 1965 г. (в переплете) от книги «Тысяча и одна ночь», свода из памятников арабской литературы, пересказанных в форме волшебных сказок. Первое полное издание арабского текста было предпринято в Булаке, пригороде Каира, в 1835 г. В России первые переводы (с французского) относятся к концу XIX в.

Ахматова как бы шутливо уподобляет свое автобиографическое повествование нескончаемым рассказам Шах-разады жестокому царю Шахрияру. Шахразада, которую должны были казнить на исходе первой брачной ночи, пленяет Шахрияра волшебными сказками, каждая из которых оказывается к утру не закончена. К исходу 1001 ночи царь дарует супруге жизнь.

+ **Мостик** — знак обозначения местоположения предполагаемой части прозы, в другом месте встречается подобная помета: «перемычка».

218 Смерть 1903. — О смерти кого-либо из близких Ахматовой в этом году нет сведений. Помета, помещенная в разделе «Херсонес», может иметь отношение к одному из прототипов «Царевича» поэмы «У самого моря». Возможна так же описка в датировке события. Не исключено, что Ахматова имеет в виду стихотворение Н. Гумилева «Смерть» (1906):

Нежной, бледной, в пепельной одежде
Ты явилась с ласкою очей...

(**Раскопки**)... — руины античного города Херсонеса, где велись археологические работы.

<52>

Впервые — Л я м к и н а. С. 383, с сокращениями. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 112).

219 ...другой голос... — Ахматова предполагала ввести в текст автобиографической книги голос Н.Н. Пушкина, из его воспоминаний о Царском Селе, оставшихся неизвестными.

Ариша — Головачева Арина Витольдовна, дочь М.С. Петровых.

<53>

Впервые — «Записные книжки». С. 508—509. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

«I» в значительной мере повторяет другие, более ранние фрагменты, однако содержит и новую информацию.

220 «О, знал ли он, любимец двух столетий, // Как страшно третьим будет принят он»... — Из поэмы «Русский Трианон». Обычно строки «любимец двух столетий» относят к Пушкину (см. Т. 3. С. 483—484). Ахматова раскрывает «второе дно шкатулки», не отменяя первого.

Адмирал Чичагов — по-видимому, один из потомков старой морской семьи Чичаговых.

<54>

Впервые — «Записные книжки». С. 589. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 113).

221 Вовка — см. Т. 2(1). С. 422.

Похороны «Петра», Раст<релли> и статуй в Летнем <Саду>. — Памятник Петру перед Инженерным зам-

ком и статуи Летнего сада маскировали и укрывали от вражеских бомбежек. См. также стихотворение Ахматовой «Ноченька» (NOX. Статуя «Ночь» в Летнем Саду):

...Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей...

221 Я — по радио из квартиры М.М. Зощенко. — По-видимому, имеется в виду обращение Ахматовой к жителям блокадного Ленинграда, записанное в сентябре 1941 г., транслировалось по Всесоюзному радио.

Город «зашивают» — страшные звуки. — См. в Эпiloге «Поэмы без героя»:

И стоит мой Город «зашитый»...
Тяжелы надгробные плиты
На бессонных очах твоих.

<55>

Впервые — «Записные книжки» С. 661–666, 668. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

Как можно полагать, этот «малый список» явился последним перечнем важнейших дат и вех в жизни Ахматовой, сделанных ею, по-видимому, уже не для себя, но для будущих биографов. Большинство фактов и дат в тех или иных контекстах присутствуют в подготовительных материалах для книги, которую Ахматова не успела завершить. Большая часть приведенных фактов откомментирована в предшествующих томах.

223 Paris, rue Bonaparte. 10. — Улица и дом, где жили Ахматова и Гумилев в дни их свадебного путешествия.

223 В 1912 в Швейцарии и Италии. Лозанна, Уши, Оспедалетти, Слепнево... — В.А. Черных комментирует эту запись Ахматовой: «Вержболово — Берлин — Лозанна — Уши — Оспедалетти (у родных М.А. Кузьминой-Караваевой жили около недели) — Сан-Ремо — на пароходе в Геную. Генуя — Пиза — Флоренция. Из Флоренции Н. Г<умилев> один ездил в Рим и Сиену и приблизительно через неделю вернулся обратно во Флоренцию... Из Флоренции вместе посхали в Болонью, Падую, Венецию. В Венеции жили дней девять. Затем Вена — Краков — Киев...» (Черных, 1. С. 53).

224 ...1 сент<ября> — весть о смерти Н.С. Г<умилева>. — Запись П.Н. Лукницкого: «Рассказывала о том, как она получила известие о смерти Н.С. Она была в Ц.С., в санатории; сидела на балконе с М.В. Рыковой. Персд балконом — изгородь, за ней дорога. Подходит... и вызывает за ограду М.В. Рыкову. Та встает, идет. Он ей что-то говорит, и АА видит, как та вдруг всплескивает руками и закрывает ими лицо. АА, почувствовав худое, ждет уже с трепетом, думая, однако, что несчастье случилось в семье Рыковых. Но когда М.В., возвращаясь, направляется к ней, АА уже чувствует, что известие относится именно к ней. М.В. подходит и произносит только “Николай Степанович” — и АА сама уже все поняла» (Лукницкий, 1. С. 52).

Пансионат Зайцева... с Мандельштамами. — Зимой и весной 1925 г. Ахматова и Мандельштамы некоторое время жили в пансионате в Царском Селе.

225 Ташкент.. (Начала трагедию). — Имеется в виду трагедия «Энума элиш», начатая в Ташкенте и продолженная в Ленинграде. Была сожжена после ареста Л.Н. Гумилева, в ноябре 1949 г., в 1950-е гг. Ахматова предприня-

ла попытку восстановить пьесу, усилив в ней стихотворный фон. Трагедия получила название «Энума элиш. Пролог, или Сон во сне», однако полностью завершена не была.

225 Стратфорд. Несостоявш^{ийся}. — Во время своего пребывания в Англии, в июне 1965 г., Ахматова из-за плохого самочувствия не смогла поехать в Стратфорд, на родину Шекспира.

У Любы. — Любовь Давыдовна Большинцова-Стенич (1908–1983) — близкий друг Ахматовой. В ее квартире Ахматова несколько раз останавливалась, приезжая в Москву.

226 Западовых. — Западов Александр Васильевич (1907–1997) — историк литературы, профессор, друг Ахматовой. Жена Западова — Западова-Башинджян Галина (Гаяна) Христофоровна (1905–1990) — педагог.

Маруся — М.С. Петровых.

Ника — Н.Н. Глен.

Смерть отца. — О кончине Андрея Антоновича Горенко сообщили газеты «Новое время» (1915, 26 августа); «Речь» (1915, 27 августа). Похороны состоялись на Волковом кладбище 27 августа.

Анреп Юния Павловна (урожд. Хитрово; 1882–1973) — жена Б.В. Анрепа.

Взрыв «Марии». — Гибель линкора «Императрица Мария» в октябре 1916 г., входит в цепь национальных катастроф. Ахматова рассказывала: «В Севастополе. Гибель “Марии”. Утро. В окно встревоженная сестра взглянула: “Юродивый что-то странное говорит”. Вышли, — боцман идет. Плачет. В автомобиле к Графск^{ой} при-

стани приехал Колчак. На рейд — низко-низко над водой — аэропланы» (Л у к н и ц к и й, 1. С. 209).

226 Приезд Колчака (1916). — Колчак Александр Васильевич (1873–1920) — адмирал, ученый-гидролог, участвовал в научных полярных экспедициях, представлял элиту флотского офицерства. После 28 июня 1916 г. командующий Черноморским флотом. Один из организаторов Белого движения.

227 Сестры Игнатовы — Игнатова Наталья Ильинична (1900–1956) — редактор; Коншина Татьяна Ильинична (урожд. Игнатова; 1898–1972) — библиотекарь.

Качалов Василий Иванович (наст. фам. Шверубович; 1875–1948) — артист, включал стихи Ахматовой в свои концерты, читал их на дружеских вечерах.

Орбели Рубен Абгарович (1880–1943) — ученый-археолог.

Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964) — поэт, переводчик.

Ханна — Горенко Ханна Вульфовна (урожд. Райцен; 1896–1979) — жена В.А. Горенко, брата Ахматовой. В 1931 г. вслед за мужем эмигрировала в Шанхай; в 1955 г. вернулась в СССР, работала в аптеке, затем переехала к сестре в Ригу. В мае 1961 г. жила с Ахматовой в Комарове. В 1965 г. снова встречалась с Ахматовой.

Дружинин Федор Серафимович (р. 1932) — музыкант, зять С.В. Шервинского.

Портрет Анюты Шервинской. — Шервинская Анна Сергеевна (р. 1931) — художница, дочь поэта и пе-

реводчика С.В. Шервинского, на даче у которого под Коломной Ахматова гостила.

227 Замятина Людмила Николаевна (1883–1965) — жена писателя Е.И. Замятина, приятельница Ахматовой.

Лодий Зоя Петровна (1886–1957) — камерная певица.

228 Пумпянская Татьяна — по-видимому, дочь Л.В. Пумпянского.

Пумпянский Лев Васильевич (1891–1940) — филолог, литературовед, профессор Ленинградского университета (в 30-е годы), автор книг о Достоевском.

<56>

Впервые — «Записные книжки». С. 697–700. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 114).

229 Для Лиды. — Лидия Корнеевна Чуковская (1907–1996) — литературовед, близкая знакомая Ахматовой.

Запись представляет собой заметки Ахматовой, или рабочую рецензию на переданную ей книгу: Анна Ахматова. Сочинения. Т. 1/Общ. ред. вступ. статья, свод разночтений и примеч. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова (USA): Inter-Language Literary Associates. 1965. Том содержал ряд грубых ошибок как в своем составе, так и в комментариях. Ахматова осталась недовольна и вступительной статьей. Беседу с Ахматовой по поводу издания излагает Л.К. Чуковская (Чуковская, 3. С. 312–314, 465–467).

230 «Флейта Марсия» — ошибка памяти. По-видимому, имеется в виду «Свирель Пана».

230 *Важно с мальчиками...* — прав.: «Важно с девочками...».

231 *Гессен* Арнольд Ильич (1878—1976) — издатель.

Плоткин Лев Абрамович (р. 1905) — критик.

232 *Маслин* Николай Никифорович — литературовед.

233 *Георгиев* Борислав — болгарский переводчик.

Баблер Отто — чешский переводчик.

234 *Гюнтер* Иоганнес, фон (1886—1973) — немецкий поэт, переводчик, прозаик, драматург. В 1910-е годы подолгу жил в России, сотрудничал в журнале «Аполлон».

262 *Ландольфи* Томмазо (1908—1979) — итальянский писатель и переводчик.

Бло Жан — французский литературовед.

Скукалек Рудольф — словацкий переводчик.

Цветеремиш (Зветеремиш) Пьетро Антонио (1922—1992) — итальянский литературовед и переводчик.

<57>

Впервые — Советские писатели. Автобиография. Т. 3. М., 1966. С. 31—33. Автобиография была написана для этого издания. Сохранился более ранний ее вариант, датированный 25 марта 1960. Москва. Авторизованный текст (РНБ).

Ниже приведены фрагменты из этого варианта, не вошедшие в публикуемый текст.

«...В десять лет перенесла корь с такими тяжелыми осложнениями, по мнению врача, должна была умереть, и очень долго была в бреду. Когда мне было 5 и 6 лет, семья проводила лето в Гунгербурге, где я впервые увидела море и великолепные парусные суда в устье Наровы». «...Когда мне было 16 лет, расстались мои родители, и моя мать целый год провела со всеми детьми в Евпатории. Там не было железной дороги, и пароходы не могли подходить к берегу. О событиях 1905 года мы узнавали только по слухам. Я бродила по пустынному пляжу и в первый раз слушала “взаправдашние”, не учебные выстрелы с “Потемкина”. Я вспомнила, как дрожали руки у студента-репетитора, когда он приехал зимой в Царское Село и рассказывал о 9 января». «... В 1912 году... во Флоренции видела, как рабочие наклеивали на стены первомайские прокламации, а полицейские их срывали. Впечатление от итальянской живописи было так огромно, что помню ее как во сне. Только теперь, когда я увидела Дрезденскую галерею в Москве, на меня нахлынули воспоминания». «...27 февраля 1917 года я была на генеральной репетиции “Маскарада” в Александринском театре. Когда мы вышли из театра, по Невскому шли лавой войска, и перейти было нельзя. А 25 октября я жила на Выборгской стороне у своей подруги В.С. Срезневской... Я шла оттуда на Литейный, и в тот момент, когда я очутилась на мосту, случилось нечто беспрецедентное: среди бела дня развели мост. Остановились трамваи, ломовики, извозчики и пешеходы. Все недоумевали...». «...Вскоре после Октябрьской революции очень многие мои современники, как известно, покинули родину. Для меня этот вопрос никогда не вставал. Некоторое время я работала в библиотеке Агрономического института (выдавала книги и писала карточки), ведя тот суровый образ жизни, который пал на долю тогдашних петербуржцев. С конца 1921 года была членом правления Союза писателей. Когда снова стали выходить книги, сотрудничала в целом ряде журналов и альманахов, выступала на вечерах (между прочим, в Москве и Харькове)». «...В послеблокадном Ленинграде меня больше всего поразило спокойствие ко всему при-

выкших жителей. Несмотря на то, что неприятель был еще очень близко, они были уверены, что все уже в порядке. Одна девушка, увидев меня, заплакала и сказала: “В первый раз вижу человека с Большой Земли”. Летом я ездила в Териоки (тогда фронт), где провела несколько дней и читала в госпиталях стихи». «...На Новый год в 1954 году ездила в Таллин любоваться его чудесной готикой» (Печ. по публикации Э.Г. Герштейн — из собрания Н.Н. Глен. Соч., 1986. С. 428—429). Автобиографическая заметка «Коротко о себе» — своего рода конспект ненаписанной книги. Сюда вошли некоторые измененные, а то и прямые цитаты из приведенных выше фрагментов, а также абзац из новеллы «Амедео Модильяни» и фрагмент прозы.

Такая «податливость» материала еще раз свидетельствует о целостности текста автобиографической прозы Ахматовой.

236 *Мой отец.* — Андрей Антонович Горенко (1848—1915), уроженец Севастополя, служил на Черноморском флоте сначала инженером-механиком, а затем преподавателем морских юнкерских классов в Николаеве, сотрудничал в «Николаевском вестнике», был хорошо известен в либерально-демократических кругах русского юга. Из Николаева был переведен в Петроград преподавателем паровой механики в морской корпус. В Петрограде выступал с докладами в Вольно-экономическом обществе о деятельности Русского общества пароходства и торговли, вызвав интерес к себе и недовольство начальства. По свидетельству Ахматовой, он «не сошелся характером» со своим августейшим начальником великим князем Александром Михайловичем и подал в отставку. На гражданской службе — по ведомству Государственного контроля, в 1905 г. вышел в отставку в чине статского советника.

...я была перевезена... в Царское Село. — В Царское Село семья переехала в 1891 г.

236 ...мама с детьми уехала на юг. — Мама — Инна Эразмовна, урожденная Стогова (1852—1930). Дети: *Инна* (1885—1905) — старшая сестра Ахматовой, умерла от туберкулеза. Была замужем за Сергеем Владимировичем фон Штейном, адресатом многих писем Ахматовой. *Андрей* (1887—1920) — старший брат Ахматовой, учился в Сорбонне, был женат на своей двоюродной сестре Марии Александровне Эмунчила (ум. 1920). Не в силах перенести смерть ребенка, Андрей и Мария предприняли попытку самоубийства, приняв яд. Андрей умер, а Марию удалось спасти. *Ирина* (1892—1896) и *Ия* (1894—1922) — умерли от туберкулеза. *Виктор* (1896—1976) — младший брат, морской офицер, служил на Черноморском флоте, после революции уехал на Дальний Восток, а затем в США.

238 Каждое лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в пятнадцати верстах от Бежецка. — Ахматова считала свою жизнь в Слепневе подлинной встречей с Россией.

240 Страшный призрак, притворяющийся моим городом. — См. фрагмент <3> автобиографической прозы. Введен Ахматовой в настоящий текст с небольшими стилистическими изменениями.

...побывала в Риме и на Сицилии — 1 декабря 1964 г. Ахматова выехала поездом в Италию на чествование, в связи с присуждением Международной литературной премии «Этна-Таормина». 4 декабря на вокзале в Риме ее встречала литературная общественность. 7 декабря в городе Таормина, на Сицилии, принимала участие в Руководящем совете Европейского сообщества, в составе советской писательской делегации. 12 декабря в замке Урсино, в городе Катания, Анне Ахматовой была вручена премия — «За 50-летие поэтической деятельности и в связи с недав-

ним изданием в Италии сборника стихов». После официальной церемонии состоялся вечер поэзии, Ахматова читала свои стихи, читались и стихотворные приветствия юбиляру. Вечер и торжества транслировались по Европейскому телевидению в прямом эфире. О торжествах в связи с вручением Ахматовой премии «Этна-Таормина» рассказал немецкий писатель Ганс Вернер Рихтер (1908–1993), участвовавший в церемонии. Его шутивно-ироническое, однако, полное глубокого уважения, блистательное эссе «Эвтепра с берегов Невы» было передано по радио 30 января 1965 г. В тот же год вышло отдельной брошюрой в издательстве «Friedenauer Press». В переводе Л.Э. Копелева опубликовано Л.К. Чуковской (см.: Ч у к о в с к а я, З. С. 498–504). Экземпляры машинописного текста — в ГЛМ (Москва), Фонтанном Доме (СПб.).

По свидетельству Л.К. Чуковской, Ахматова восприняла эссе Рихтера благосклонно (т а м ж е. С. 314).

ИЗ ПЛАНОВ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ КНИГ ПРОЗЫ АННЫ АХМАТОВОЙ

В рабочих тетрадях Анны Ахматовой (РГАЛИ) и автографах (РНБ) сохранилось планы, или оглавления, неосуществленных книг прозы, нередко варьирующих друг друга. Некоторые из них сопровождаются авторскими комментариями и пояснениями. Публикуем некоторые из них, записанные в рабочих тетрадях, хранящихся в РГАЛИ и опубликованных в «Записных книжках». Планы книг о Пушкине будут помещены в томе с «Пушкинскими штудиями», как Ахматова называла свои историко-литературные исследования, обращенные главным образом к психологии творчества поэта. Датируются по рабочим тетрадям, хотя в некоторых случаях в автографах РНБ возможно иная, более ранняя датировка.

Более полный свод оглавлений и планов книг Ахматовой см.: Гончарова Н. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. М.; СПб., 2000.

<1>

Впервые — Лямкина С. 381—382. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).

Записаны с небольшим временным интервалом, однако отражают два этапа работы. Вступление отличается большей лаконичностью, состоит из двадцати параграфов, обозначающих главные события будущей автобиографической книги.

Продолжение — представляет собой по сути новый проспект книги, с эпиграфом и тремя частями, каждая из которых включает в себя разделы с конспективным изложением событий. План-проспект концептуален, подводит итоги пятидесятилетней творческой деятельности, отличается целостностью, открывая пути последовательному изложению событий. Однако книга не была написана. И для этого были серьезные причины. С 1962 г. Ахматова получает по различного рода каналам статьи и книги зарубежных критиков, мемуарную литературу тех, кто некогда входил в окружение Н.С. Гумилева и были в большей или меньшей степени знакомы с ней. Начинают выходить собрания сочинений Н. Гумилева и О. Мандельштама, подготовленные Г.П. Струве и Б.А. Филипповым. Возникает интерес к творчеству Ахматовой за рубежом, тиражируются книги ее стихов и пишется множество статей, искажающих факты. Обеспокоенная Ахматова вступает в полемику, поставив перед собой первостепенную задачу борьбы, как она говорила, с «псевдомемуариями». Она пишет острополемические заметки, подвергнув детальному и пристрастному анализу выходящие работы, стремится восстановить истину. Кроме того, она пишет целый ряд заметок, писем.

245 Ависага — красавица сунамитянка, избранная для прислуживания престарелому царю Давиду (III Царств. 1,15). По преданиям Ветхого Завета, Давид ее «не познал». Имя Ависаги несколько раз встречается в маргиналиях Ахматовой. В РТ 96 с отсылкой к роману Достоевского «Подросток», где одна из героинь Анна Андреевна, воспитанница престарелого князя Николая Ивановича Сокольского, богача и тайного советника, собирается выйти за него замуж с тем, чтобы служить ему и уберечь от грозящей ему опеки. Князь говорит о своей невесте: «Какая очаровательная особа, а? Песни Соломона... нет, это не Соломон, это Давид, который укладывал на свое ложе юную красавицу, чтобы согреть свою старость. Впрочем, Давид, Соломон... Эта юная красавица старого Давида — это же целая поэма» (Д о с т о е в с к и й Ф. М. Собр. соч.: В 30 т. Л., 1975. Т. 13. С. 255—256).

246 В 1918 — Третий Зачатьевский. — После развода с Гумилевым Ахматова вместе со своим мужем В.К. Шилейко жила в Москве в 3-м Зачатьевском переулке. См. стихотворение «Третий Зачатьевский» (1940) из цикла «Черный сон».

Фонтанный Дом Шереметевский — Ахматова жила в разных флигелях Шереметевского дворца: с Шилейко — в 1918 г.; с 1926 по 1952 г. — с Н.Н. Пуниным, а после его ареста в августе 1949 г. с его семьей — И.Н. Пуниной и А.Г. Каминской. Во флигеле *Мраморного дворца*, она жила в казенной квартире В.К. Шилейко, затем некоторое время на Сергиевской, 7, в квартире, выделенной ей Агрономическим институтом, в библиотеке которого она работала.

<2>

Впервые «Записные книжки». С. 150. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).

Книгу «Пестрые» или «Беглые заметки» Ахматова предполагала составить из новелл — литературных портретов А. Модильяни, О. Мандельштама, А. Блока и др. В автокомментарии к плану книги Ахматова поясняла: «Каждому из них будет посвящена отдельная главка. Первые три готовы или полуготовы (I. Смертный путь. II. Разгадка тайны. III. Как у меня не было романа с Блоком.) IV. Неуслышанный голос. V. Невинная жертва (Полонская). VI. И все-таки победительница. VII. Нищенка-подруга» («Записные книжки». С. 150).

Неуслышанный голос — относится к Г.А. Шенгели, которого Ахматова ценила как поэта, но при жизни обойденного вниманием критики и читателя.

Нищенка-подруга — строка из стихотворения О. Мандельштама.

<3>

Впервые — «Записные книжки». С. 230. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

248 Книга — шутивное от книга, повторяется несколько раз, источник возникновения не установлен.

Достоевский. — Достоевского, как и Пушкина, Ахматова считала ключевой фигурой русской литературы. По видимому, ее утраченная работа «Пушкин и Достоевский» была лишь частью замысла большого исследования о Достоевском, где были бы и сопоставления с Шекспиром. Этому наброску плана сопутствовал автокомментарий:

«(А крестный Романенко был человеком революционного подполья, т.е. “Нар<одной> Воли” — имени его я не знаю. Мама говорила: «Из нашего “кружка” 1881 г.»)

IV. [Дед] Чингиз-хан. Дед Ахмат. Его смерть. Русский убийца. Крестный ход из Срет<енского> монастыря в честь этого дня. Конец ига.

Морские предки (Фрося?) Папина двоюродная сестра привела в гавань парусное судно, потеряв в море мужа — владельца корабля. Он порезал руку канатом и умер от заражения крови.

Она была гречанка и водила меня в греческую церковь в Севастополе (на Слободке). Там пели Кириэлэйсон (Господи, помилуй). В моем детстве и ранней юности было много моря. Мне казалось — я все про него знаю. Наяву оно никогда не казалось мне страшным, но во сне участвовало в детских кошмарах про войну» («Записные книжки». С. 298).

248 Свита Фальстафа и «Макбет». — Ахматова предполагала написать работу о некой «тайне», заключенной в неоднозначном образе Фальстафа, повторяющегося в драматургии Шекспира. Трагедию «Макбет» она выделяла, видя в ней аллюзии с современностью и частично перевела (см. ЛО. 1989. № 5. С. 18–21, публикация Р. Тименчика).

249 Дафнис и Хлоя. — См. стихотворение Н. Гумилева «Современность».

Пр<оза> о поэме. — См. Т. 3.

<4>

Впервые — «Записные книжки». С. 298. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 108).

<5>

Впервые — «Записные книжки». С. 443. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

249 *Китаб* — книга (араб.).

250 «*В гостях у смерти*», «*Три сирени*», «*Из блокады*» — новеллы, написанные Ахматовой в 1944 г. и позже утраченные.

(*Для Эйнауди*). — *Эйнауди* — итальянское издательство, принадлежащее издателю Джулио Эйнауди, с которым Ахматова несколько раз встречалась в Москве и Ленинграде. В названном издательстве было издано несколько книг Ахматовой при ее жизни.

251 *Четвертый двор* вел в квартиру по Фонтанке № 18, где Ахматова поселилась после разрыва с В.К. Шилейко, у О.А. Судейкиной и А.С. Лурье. См. стихотворение:

А в глубине четвертого двора
Под деревом плясала детвора
В восторге от шарманки одноногой,

И была жизнь во все колокола...
А бешеная кровь меня к тебе вела
Сужденной всем, единственной дорогой.

<6>

Впервые — «Записные книжки». С. 574. Печ. по автографу РГАЛИ (РГТ 112).

251 *Гейдройц* Вера Игнатьевна (псевд. Сергей Гейдройц; 1876—1932) — поэтесса, прозаик, врач. В 1917 г. была хирургом 6-й Сибирской стрелковой дивизии на русско-немецком фронте. Входила в первый «Цех поэтов».

Могила (от М.И.Б.). — О ком идет речь, не установлено. Ахматова часто знаком Х обозначала Н.С. Гумилева, чью могилу пыталась разыскать.

251 О Комаровском. — Новелла о поэте-царском селе, авторе сборника стихотворений «Первая пристань» и незавершенного романа «До Цусимы» В.А. Комаровском не была написана. Отдельные записи к теме сохранились в рабочих тетрадях.

«Судьбы русской поэзии в ваших руках». — Слова, сказанные В.А. Комаровским Ахматовой.

252 «До Цусимы» — недописанный роман В.А. Комаровского, главы из которого им читались в доме царскоселов Кардовских — художников О.Л. Дела-Вос-Кардовской О.Л. и ее мужа Д.Н. Кардовского.

Что я помню из романа про сестру героя. — Сохранилась запись Ахматовой (после 15 августа 1964 г.) о посещении ее в Комарове Р. Якобсоном: «Говорили про роман Ко<маровско>го “До Цусимы”. Помню только, как сестра героя петербургская светская дама, узнав, что брат умирает, произносит бессмертную фразу: “Мне сегодня надо раньше лечь спать — Je dois être fraîche pour la* панихида...” Я слушала, [как] когда роман “До Цу<симы>” читал Д. Святополк-Мирский (душеприказчик Комаровского) у Кардовских в 1915 (в Царском). Когда в 1937 г. я спросила Мирского, где рукопись, он уверял меня, что она пропала. Это, кажется, все, что я знаю по этому делу» («Записные книжки». С. 480).

РЕЦЕНЗИИ. ЗАМЕТКИ. ПУБЛИЦИСТИКА (1914–1965)

В настоящем разделе представлены отзывы Ахматовой о книгах поэтов-современников, заметки в текущей

* Я должна быть свежей для (фр.).

периодике, ее выступление по ленинградскому радио в последних числах сентября 1941 г., когда началась бомбежка города и его блокада.

Материалы подобного рода, в их числе рекомендации Ахматовой молодым поэтам, для их вступления в члены Союза писателей СССР, на сегодняшний день полностью не собраны. Однако публикуемые тексты дают представление о гражданской позиции Ахматовой, ее литературных вкусах и пристрастиях.

«Слово о Пушкине» (1962), «Заметки на полях» (рецензия на книгу Э.Г. Герштейн «Судьба Лермонтова». М., 1964) будут опубликованы в т. 6 вместе с другими материалами, посвященными великим предшественникам Ахматовой — Данте, Пушкину, Лермонтову, Некрасову.

О СТИХАХ Н. ЛЬВОВОЙ

Впервые — Русская мысль. 1914. № 1. С. 27—28. По свидетельству Н.В. Королевой, в собрании М.Л. Лозинского (Санкт-Петербург) хранятся пометы Ахматовой в ответ на его замечания по поводу ее рецензии.

Первый опыт Ахматовой в прозе — отклик на книгу молодой поэтессы Надежды Львовой и ее трагическую судьбу. По-видимому, резко отрицательное отношение Ахматовой к Брюсову связано и с этой историей, в которой он сыграл неприглядную роль. Вл. Ходасевич вспоминает:

«Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов...

Это двустишие Брюсов цитировал много раз. Расскажу об одном случае, связанном не прямо с этими строчками, но с мыслью, в них отраженной. В начале 1912 года Брюсов познакомил меня с начинающей поэтессой Надеждой Григорьевной Львовой... Надя Львова была не хороша, но и не

вовсе дурна собой. Родители ее жили в Серпухове; она училась в Москве на курсах. Стихи ее были очень зелены, очень под влиянием Брюсова. Вряд ли у нее было большое поэтическое дарование. Но сама она была умница, простая, душевная, довольно застенчивая девушка. <...> Мы с нею сдружились. Она всячески старалась сблизить меня с Брюсовым, не раз приводила его ко мне, с ним приезжала ко мне на дачу. Разница в годах между ней и Брюсовым была велика. Он конфузливо молодился, искал общества молодых поэтов. Сам написал книжку стихов почти в духе Игоря Северянина и посвятил ее Наде. Выпустить эту книгу под своим именем он не решился, и она явилась под двусмысленным титулом: "Стихи Нелли. Со вступительным сонетом Валерия Брюсова". Брюсов рассчитывал, что слова "Стихи Нелли" непосвященными будут поняты, как "Стихи, сочиненные Нелли". Так и случилось: и публика, и многие писатели поддались обману. В действительности подразумевалось, что слово "Нелли" стоит не в родительном, а в дательном падеже: стихи к Нелли, посвященные Нелли. Этим именем Брюсов звал Надю без посторонних. С ней отчасти повторилась история Нины Петровской: она никак не могла примириться с раздвоением Брюсова — между ней и домашним очагом. С лета 1913 года она стала очень грустна. Брюсов систематически приучал ее к мысли о смерти, о самоубийстве. Однажды она показала мне револьвер — подарок Брюсова. <...> В конце ноября, кажется — 23 числа, Львова позвонила Брюсову, прося тотчас приехать. Он сказал, что не может, занят. Тогда она позвонила к поэту Вадиму Шершеневичу: "Очень тоскливо, пойдемте в кинематограф". Шершеневич не мог пойти — у него были гости. Часов в 11 она позвонила ко мне — меня не было дома. Поздним вечером она застрелилась. Об этом мне сообщили под утро. Через час ко мне позвонил Шершеневич и сказал, что жена Брю-

сова просит похлопотать, чтобы в газетах не писали лишнего. Брюсов мало меня заботил, но мне не хотелось, чтобы репортеры копались в истории Нади. Я согласился поехать в “Русские ведомости” и “Русское слово”. Надю хоронили на бедном Миусском кладбище, в холодный, метельный день. Народу собралось много. У открытой могилы, рука об руку, стояли родители Нади, приехавшие из Серпухова, старые, маленькие, коренастые, он — в поношенной шинели с зелеными кантами, она — в старенькой шубе и приплюснутой шляпке. Никто с ними не был знаком. Когда могилу засыпали, они, как были, под руку, стали обходить собравшихся. С напускной бодростью, что-то шепча трясущимися губами, пожимали руки, благодарили. За что? Частица соучастия в брюсовском преступлении лежала на многих из нас, все видевших и ничего не сделавших, чтобы спасти Надю. Несчастные старики этого не знали. Когда они приблизились ко мне, я отошел в сторону, не смея взглянуть им в глаза, не имея права утешать их. Сам Брюсов на другой день после Надиной смерти бежал в Петербург, а оттуда в Ригу, в какой-то санаторий. Через несколько времени он вернулся в Москву, уже залечив душевную рану и написав новые стихи, многие из которых посвящались новой, уже санаторной “встрече”... На ближайшей среде “Свободной эстетики”, в столовой Литературно-художественного кружка, за ужином, на котором присутствовала “вся Москва” — писатели с женами, молодые поэты, меценаты и меценатки, — он предложил послушать его новые стихи. Все затаили дыхание — и не напрасно: первое же стихотворение оказалось декларацией. Не помню подробностей, помню только, что это была вариация на тему

Мертвый в гробе мирно спи,
Жизнью пользуйся живущий, —

а каждая строфа начиналась словами: “Умершим — мир!” Прослушав строфы две, я встал из-за стола и пошел к дверям. Брюсов приостановил чтение. На меня зашикали: все понимали, о чем идет речь, и требовали, чтобы я не мешал удовольствию. За дверью я пожалел о своей поездке в “Русское слово” и “Русские ведомости”» (Х о д а с е в и ч В. Некрополь. М., 1991. С. 33–35).

НАД ЧЕМ Я РАБОТАЮ

Впервые — Литературный Ленинград. 1936. 29 сентября, в рубрике «Наши интервью».

257 ...я работаю над комментарием для третьего тома академического издания Пушкина... — Академическое собрание сочинений А.С. Пушкина (1934–1949) было издано с кратким комментарием, вопреки первоначальному плану. Подготовленные Ахматовой комментарии к «Сказке о золотом петушке» опубликованы в кн.: «Рукописи А.С. Пушкина. Фототипическое издание. Альбом 1833–1835 гг. Комментарий. Тетрадь 2374 Публичной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Под ред. С. Бонди». М.: ГИХЛ, 1939. С. 23–26.

Варужан Даниэль (1884–1915) — армянский поэт. Учился в Венеции и Бельгии, воспевал национальные патриархальные устои. Автор сборника стихов «Языческие песни» (1912); стал жертвой геноцида.

Одновременно с интервью Ахматовой в «Литературном Ленинграде» было опубликовано стихотворение Варужана «Моей матери» в ее переводе и с припиской: «Гоним за перевод этого стихотворения прошу перевести в фонд помощи женам и детям героического испанского на-

рода, мужественно борющегося против фашистов за свободу и независимость своей страны. А. Ахматова».

257 Чаренц (наст. фам. и имя Согомонян Егише Абгарович; 1897–1937) — армянский поэт и прозаик, участник Первой мировой и гражданской войны, был репрессирован. Талант формировался под заметным воздействием поэзии Ваана Терьяна и А. Блока. Первый сборник «Три песни печально-бледной девушки» (1914), последний «Книга пути» (1933).

258 Мною подготовлен к печати сборник «Избранное»... — Ахматова имела в виду составлявшуюся ею «шестую книгу стихов»: «Тростник». Однако она не была издана. В 1940 г. вышел сборник «Из шести книг».

Недавно я написала стихотворение, посвященное ему. — Ахматова цитирует стихотворение «Поэт» (Борис Пастернак) // Звезда. 1940. № 3–4.

...буду переводить трагедию Шелли «Ченчи»... — Издание не было осуществлено. Первый перевод «Ченчи» (1819) в России принадлежит П. Вейнбергу (Русское Слово. 1864. Сентябрь).

<ВЫСТУПЛЕНИЕ АННЫ АХМАТОВОЙ В РАДИОПЕРЕДАЧЕ «ГОВОРIT ЛЕНИНГРАД»>

Впервые — в кн.: Берггольц О.Ф. «Говорит Ленинград». Л., 1964. С 23 июня 1941 г. и до последних дней Отечественной войны Берггольц работала на Ленинградском радио, многие передачи которого транслировались Всесоюзным радиокомитетом. О выступлении Ахматовой она вспоминает: «Мы записывали ее не в студии, а в писательском доме, так называемом “недоскребе”, в квартире М.М. Зощенко. Как назло был сильнейший

артобстрел, мы нервничали, запись долго не налаживалась. Я записала под диктовку Анны Андреевны ее небольшое выступление, которое потом она сама выправила, и этот — тоже уже пожелтевший листок, я тоже до сих пор храню бережно, как и черновичок Шостаковича. И если до сих пор, через два десятка лет звучит мне глуховатый и мудро-спокойный голос Шостаковича <...> то не забыть мне и того, как через несколько часов после записи понесся над вечерним, темно-золотым, на минуту стихшим Ленинградом глубокий, трагический голос “музы плача”. Но она писала и выступала в те дни совсем не как муза плача, а как истинная и отважная дочь России и Ленинграда».

В статье «От имени ленинградцев» в праздничном номере «Литературной газеты» (9 мая 1965 г.) Берггольц возвращается к 1941 г. и к Ахматовой: «Как я помню ее около старинных кованых ворот на фоне чугунной ограды Фонтанного Дома, бывшего Шереметевского дворца. С лицом, замкнутым в суровости и гневности, с противогазом через плечо, она несла дежурство как рядовой боец противовоздушной обороны. Она шила мешки для песка, которым обкладывали траншеи убежища в саду того же Фонтанного Дома, под кленом, воспетым ею в “Поэме без героя”» (Б е р г г о л ь ц О. Избранные произведения: В 2 т. Л., 1967. Т. 2. Проза. С. 131–132).

О СЕБЕ

Впервые — журн. «Культура и жизнь». 1957. № 1. С. 11–12, в рубрике «Писатели рассказывают», с портретом работы А.Г. Тышлера.

260 «Неувядаемые слова страны зеленых гор» — раздел стихотворений, переведенных Ахматовой для книги «Корейская классическая поэзия»/Общая ред., предисл. и примеч. А. Холодовича (М., 1956).

260 Я перевела поэму Рабиндраната Тагора «Африка». — Поэма вошла с другими переводами Ахматовой («Дыхание песни», «Старшая сестра», «Переправа», «Чаша та полна страданий», «Когда сквозь сумрак предо мной», «У раскрытого окна») в т. 7 Собр. соч. Р. Тагора. (М., 1957).

...драма Виктора Гюго «Марион Делорм»... — Трагедия «Марион Делорм» вошла в т. 3. Собрания сочинений В. Гюго (М., 1956).

...о «Каменном госте»... — Работа Ахматовой «Каменный гость» Пушкина была опубликована в кн.: «Пушкин. Исследования и материалы». Академия наук СССР. Институт Русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 2. М.; Л., 1958. С. 185—195.

...о причине гибели поэта... — В последние годы жизни Ахматова работала над книгой «Гибель Пушкина». Незавершенные части книги опубликованы посмертно: «Александрина» (Звезда. 1973. № 2. С. 208—214; Гибель Пушкина // ВЛ. 1973. № 3. С. 191—236).

Сборник «День Поэзии» — альманах «День поэзии». М., 1956.

261 Двухтомная антология советской поэзии. — Антология русской советской поэзии: В 2 т. 1917—1957. Т. 1. С. 318—328: («Сказал, что у меня соперниц нет...», «Хорошо здесь: и шелест и хруст...», «Здесь Пушкина изгнание началось...», «Воронеж», «Годовщину веселую праздную...», «Мне ни к чему одические рати...», «Маяковский в 1913 году», «Первый дальнобойный в Ленинграде», «Клятва», «Щели в саду вырыты...», «Мужество»,

«Многое еще, наверно хочет...», отрывки из «Поэмы без героя», «С самолета», «И как всегда бывает в дни разрыва...», «А вы, мои друзья последнего призыва...», «Памяти друга», «В пионерлагере», «Как будто заблудившись в нежном лете...», «Песня мира», «Говорят дети», «Приморский парк Победы»).

261 «Избранное» — стихотворения (М., 1958. 131 с.).

ИРИНА КНОРРИНГ

Впервые — журн. «Простор». 1962. № 6. С. 43. Вступительное слово Ахматовой к подборке стихов Ирины Кнорринг: «Я верю в Россию...» (1933, Эрувилль), «Мыши» («Мыши съели старые тетрадки...») (1931, Париж), «Однажды, случайно, от скуки...» (1933, Эрувилль), «Россия! Печальное слово...» (1933, Париж), «Окно в столовой» (1938, Париж), «Мне холодно. Мне хочется согреться...» (1939, Париж), «Темнота, но светят фонари...» (3. III. 42, Париж).

261 Кнорринг Ирина Николаевна (1906—1943) — поэтесса, автор книг «Стихи о себе» (Париж, 1931), «Окна на Север» (Париж, 1939), третья книга «После всего» (1949) издана отцом поэтессы историком и литератором Николаем Николаевичем Кноррингом. Семья Кнорринг покинула Россию на корабле «Генерал Алексеев», направлявшемся в ноябре 1920 г. из Севастополя в Северную Африку. На борту корабля четырнадцатилетняя Ирина написала стихи, датированные 17 ноября 1920 г.:

Брожу по палубе пустынной,
Гляжу в неведомую даль,
Где небо серое, как сталь.

И вьются чайки цепью длинной
 Передо мною, сквозь туман,
 Как серый призрак, как обман,
 Видны строенья Цареграда...

Критикой отмечались гумилевские мотивы в поэзии И. Кнорринг, в части описаний дальних стран и путешествий (Сергей Сучков). В 1955 г. Н.Н. Кнорринг получил разрешение вернуться в Россию и право на жительство в Алма-Ате, где написал своеобразные мемуары «Книга о моей дочери», сочетающие в своей структуре прозу с поэзией (Простор. 1993. № 12).

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ. ПЕРЕД СНЕГОМ

Впервые — «День поэзии 1976». М., 1976. С. 188—189. Публикация сопровождается комментарием Н.Н. Глен: «Рецензия на книгу Арсения Тарковского “Перед снегом” (М.: Сов. писатель, 1962) А.А. Ахматова писала в январе 1963 г. для журнала “Новые книги”. Однако рецензия по каким-то случайным причинам не была опубликована. Текст печатается по хранящемуся у меня машинописному экземпляру рецензии с правкой А.А. Ахматовой».

261 Тарковский Арсений Александрович (1907—1989) — поэт, переводчик, отец кинорежиссера Андрея Тарковского. В Великую Отечественную войну ушел добровольцем на фронт, пережил тяжелое ранение. Набор подготовленной им в 1945 г. книги «Стихотворения разных лет» был уничтожен после постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». До выхода первой книги «Перед снегом» был известен главным образом как переводчик, с Ахматовой его связывали дружеские отношения; он

часто упоминается в ее записных книжках. Запись от 2 февраля 1966 г., по-видимому, связана с поэмой А.Г. Наймана, которую Тарковский прочел по просьбе Ахматовой: «Текст Арсения Тарковского о поэме Анатолия Наймана» («Записные книжки». С. 707). См. также запись от 4 января 1965 г.: «Письмо от Арсения. Удивительное! С каким сильным и блестящим талантом критика родился этот замечательный поэт» («Записные книжки». С. 692). Тарковский — автор предисловия к книге переводов Ахматовой. В стихотворении на смерть Ахматовой написал:

По́ льду, по́ снегу, по́ жасмину,
На ладони снега бледней,
Унесла в свою домовину
Половину души, половину
Лучшей песни, спетой о ней...

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ И ПАОЛО ЯШВИЛИ

Впервые — Соч., 1986. С. 210, публикация Л. Мандрыкиной по автографу РНБ.

264 Табидзе Тициан Юстинович (1895—1937) — грузинский поэт, в 1917 г. окончил филологический факультет Московского университета. В Москве сблизился с русскими символистами, один из организаторов группы грузинских поэтов «Голубые роги». С начала 1930-х гг. был в близких дружеских отношениях с Пастернаком, высоко ценившим дарование и сделавшим ряд переводов из Табидзе (см.: П а с т е р н а к Б. Т. 2. С. 241—245.). В 1937 — расстрелян, позже реабилитирован.

Яшвили Паоло (1895—1937) — грузинский поэт и общественный деятель, учился в Париже, где сблизился с

символистами, изучал живопись. Один из организаторов группы грузинских символистов «Голубые роги», издавал одноименный журнал. Переводил на грузинский Пушкина, Маяковского, Бодлера и др. Покончил с собой 17 (29) июня, в период разгула репрессий.

265 ...на банкете в 1935 году в Москве... — В феврале 1935 г. проводилась декада грузинской литературы. 3 февраля был вечер в Москве, 9 февраля — в Ленинграде.

Табидзе Танит Тициановна (р. 1922).

Гибель его мы... оплакивали очень горько. — Э.Н. Пастернак вспоминает: «Из Грузии пришли страшные вести: застрелился Паоло Яшвили, которого мы с Борей очень любили, вскоре арестовали Тициана Табидзе. Описать трудно, что творилось в нашем доме. Когда до нас дошли слухи о причинах самоубийства Паоло Яшвили и об аресте Табидзе, Боря возмущенно кричал, что уверен в их чистоте, как в своей собственной, и все это ложь. С этого дня он стал помогать деньгами Нине Александровне Табидзе и приглашал ее к нам в гости. Никакого страха у него не было, и в то время, когда другие боялись подавать руку жене арестованного, он писал ей сочувственные письма и в них возмущался массовыми арестами» (П а с т е р н а к Б. Второе рождение. Письма к Э.Н. Пастернаку // Э.Н. Пастернак. Воспоминания. ГРИТ. Дом-музей Б. Пастернака. М., 1993. С. 293–295).

В декабре 1939 г. Б.Л. Пастернак обратился с письмом к Н.А. Табидзе, с которой он и Зинаида Николаевна сохранили дружеские отношения до конца жизни (Н.А. Табидзе жила у Пастернаков в Переделкине и в год кончины Бориса Леонидовича). Он писал: «Дорогая Нина! Простите, что пишу Вам. Вас, наверное, не надо тревожить.

Недавно, совсем недавно до меня дошел слух, будто Тициана нет в живых. Можете понять, что со мной сделалось. Но несколько часов тому назад мне сказали, что это предположение ложно и имеются доказательства противного. Я вернулся домой, шатаюсь от радости, и, пока пишу Вам, эта вера переходит в уверенность. Но удостоверьте ее. Скажите мне, что он живет, протелеграфируйте или напишите.

Нина, Нина, вот что мне надо от Вас! Чтобы во всех обстоятельствах, какие бы ни послало нам небо, Вы знали и помнили, что весь я и вся моя жизнь и разумение принадлежат Вам и Ните, и ими располагали. В те три несчастных дня, что я старался поверить страшному слуху, я узнал, что это было бы для меня не только беспредельным горем, но и такой переменной во всей моей жизни, после которой ни одна из ее радостей не стала бы мне мила, потому что их не с кем было бы разделить. Я любил мысль, что живу для него, а он для меня, и если бы это случилось, все будущее бы обесмыслилось. Нина, я не знаю, что пишу вам. Но надежда не оставляет меня. Ваш Боря» (П а с т е р н а к Б. Т.5.С.380).

Грузинский литературный критик В. Балаушвили рассказывает о своей беседе с Ахматовой, состоявшейся весной 1965 г.: «...я спрашиваю, известно ли ей стихотворение, опубликованное в 1922 году в одном из грузинских журналов — “Письмо Анне Ахматовой” за подписью Елены Дариани. Я напоминаю ей в подстрочном переводе строки, убеждавшие ее непременно побывать в Тбилиси:

Приезжай ко мне, я думаю
Мы будем сестрами. <...>

Об этом стихотворении, оказывается, Анна Андреевна знала от Паоло Яшвили». <...> «Однажды Борис Пастернак привел Тициана и Паоло ко мне на Фонтанку 34, где я тогда жила. По моей просьбе Тициан прочел много стихотво-

рений по-грузински; мне хотелось поглубже вникнуть в музыку грузинского стиха, постичь его звучание...» Встреча и беседа с поэтессой, — подумалось мне тогда, — оставили глубокий след и в душе Тициана. Недаром в письме к Валериану Гаприндашвили из Ленинграда он писал: «Необычайной была встреча с Анной Ахматовой», а по приезде много и восхищенно рассказывал о ней. Вспоминая Тициана, Анна Андреевна говорила: «Мы все, ленинградские поэты, его очень любили. Это был необычайно теплый, искренний человек, всей душой преданный поэзии, живший в искусстве; к тому же он обладал редким умением держать себя в обществе» (Б а л у а ш в и л и В. У Анны Ахматовой. Интервью // Литературная Грузия. 1965. I. С. 95).

Стихотворение за подписью Елены Дариани, о котором вспоминает критик, — литературная мистификация самого Паоло Яшвили, написавшего цикл «Из дневников Елены Дариани» в 1922 году, после смерти Блока и Гумилева. Имя Гумилева в стихотворении не названо, но для Ахматовой было очевидно, что в обращенном к ней послании Яшвили скорбит вместе с ней:

Что делать нам и как нам выстоять со смертью Блока,
 Ночами я одна неистово мечусь у окон.
 Явись в мое многобалконье
 Нам жить, как сестрам.
 Ведь Петербург в бреду агонии
 Вокруг простерся.
 О, благодать и жар Тифлиса
 Тебя утешат.
 Дадут слезами нам излиться в проулках здешних.
 Иль ты к туманам, как изваянная, навек прильнула?
 А родина моя Испанией слывет в июле!
 Мой жребий жалок, день не ярок, сон — непробуден

Но припасла тебе в подарок я звонкий бубен.
 Чтоб горевать ты перестала средь наших марев,
 Прильни холодными устами к перстам Тамары.

(«Письмо Анне Ахматовой»//Я ш в и л и П. Стихи.
 Тбилиси: «Мерание», 1968. С. 101)

По-видимому, строка «Но припасла тебе в подарок я звонкий бубен» являет реминисценцию из стихотворения Ахматовой «Я пришла тебя сменить, сестра...» (1912), одну из строф которого она называла лучшей в первом периоде творчества:

И давно удары бубна не слышны,
 А я знаю, ты боишься тишины.

ОТ АВТОРА

Впервые — журн. «Юность». 1965. № 7. С. 57. Для публикации в журнале Ахматова подобрала стихи: «Мужество», «Клятва», «Первый дальнотойный в Ленинграде», «А вы, мои друзья последнего призыва!..», «Родная земля», «Когда погрёбают эпоху...», «Лондонцам», «Сказал, что у меня соперниц нет...», «Пушкин», «Я пришла к поэту в гости...», «Есть в близости людей заветная черта...», «Летний сонет» («Приморский сонет»), «Мне ни к чему одические рати...», «Тот город мной любимый с детства...», «Эпиграмма», «Читатель» (из цикла «Тайны ремесла»).

ДИАЛОГИ С АННОЙ АХМАТОВОЙ МИР ПОЭЗИИ

Впервые — «Вечерняя Москва». 1962. 2 марта. С. 3.

269 Авдеев Александр — журналист, корреспондент АПН.

По-моему, сейчас в нашей поэзии очень большой подъем. — Ахматова внимательно следила за развитием литературы и видела в поэзии середины 1950—60-х гг. как бы возвращение к эпохе Серебряного века. Она писала: «...я уверена, что еще и сейчас мы не до конца знаем, каким волшебным хором поэтов мы обладаем, что русский язык молод и гибок, что мы еще совсем недавно пишем стихи, что мы их любим и верим им» (Анна Ахматова. После всего. С. 275).

270 ...о сестре жены Пушкина... — Имеется в виду глава из незавершенной книги «Гибель Пушкина» — «Александрина».

Козинцев Григорий Михайлович (1905—1973) — кинорежиссер, создатель трилогии: «Юность Максима» (1935), «Возвращение Максима» (1937), «Выборгская сторона» (1939). Экранизировал трагедию Шекспира «Гамлет» (1964), вел переговоры с Ахматовой о новом переводе, который был бы выполнен специально для кино. Однако Ахматова не дала согласия, главным образом из-за того, что новейший перевод «Гамлета» принадлежал Б. Пастернаку.

271 Баталов Алексей — См. Т. 3. С. 733.

РАЗГОВОРЫ С АННОЙ АХМАТОВОЙ

Впервые — журн. «Русская литература». 1989. № 3. С. 67—95. Предисловие, публикация и комментарии А.Г. Терехова. Перепечатывается с разрешения публикатора, за что выражаем Андрею Германовичу Терехову глубокую благодарность. Сохраняем подготовленные им комментарии в полном объеме. Для настоящего издания текст заново сверен А. Тереховым.

Доцент Политехнического института М.В. Латманизов (1905—1980) многие годы занимался изучением творчества А. Ахматовой и Н. Гумилева. Им собрана уникальная коллекция, включающая почти все изданные книги и сборники стихов Ахматовой и Гумилева, многочисленные журналы и газеты с их прижизненными публикациями, антологии, альманахи и пр. Имя М.В. Латманизова авторитетно в кругах библиофилов-коллекционеров. К его собранию обращалась редакция «Библиотеки поэта» при издании Гумилева.

Знакомство Латманизова с А.А. Ахматовой состоялось в 1963 г. Их встрече предшествовали несколько писем Латманизова Ахматовой (хранятся в ГПБ. Ф. 1073) и ответное письмо:

Многоуважаемый Михаил Владимирович,
конечно, мое согласие на встречу с Вами остается в полной силе. От всего сердца сочувствую Вам, оттого что сама три раза перенесла инфаркт, и еще в прошлом году пролежала в Гаваньской больнице после приступа три месяца. Отвечаю Вам не сразу, потому что Ваше письмо догнало меня в Москве, где я живу уже два месяца.

Желаю Вам как можно скорее вернуться домой.

Анна Ахматова

11 ноября 1962

Москва

Визит Латманизова к Ахматовой по разным причинам долгое время откладывался, но уже после первой встречи с Михаилом Владимировичем Анна Андреевна стала относиться к нему доверительно и, по словам О.И. Рыбаковой, называла его своим «библиографом». В 1989 г. коллекция М.В. Латманизова передана его дочерью Т.М. Латманизовой отдельным фондом (387 единиц хранения) в музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

Среди книг, переданных в музей, одна — Б а л ь - м о н т К.Д. Будем как Солнце: Книга Символов (М.: Скорпион, 1903) — с автографом Н.С. Гумилева. На обложке рукой Гумилева написаны посвящение и два «мадригала»:

«Уважаемой Марианне Дмитриевне Поляковой от искренно преданного друга, соперника Бальмонта, Н. Гумилева.

<1> Гордый Бальмонт для Солнца пропел свои песни,
Гармоничнее шелеста ранней травы,
Но безумный не знал, что Вы ярче, прелестней...
Дева Солнца, воспетая мной, — это Вы.

<2> Гордый Бальмонт сладкозвучный созидал на диво миру
Из стихов своих блестящих разноцветные ковры.
Он вплетал в них радость солнца,
блеск планетного эфира,

И любовь, и поцелуи — эти знойные миры,
Ранней юности мечтанья, блеск полуночных желаний,
Все богатства, все восторги нашей радостной земли.
Он их создал и отделал эти пламенные ткани,
чтобы Вы ступать могли».

«Разговоры с Ахматовой» публикуются по рукописям М.В. Латманизова с незначительными сокращениями.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 23 АПРЕЛЯ 1963 ГОДА

274 Когда вы начали заниматься переводами? — Письма Рубенса см.: Рубенс П.-П. Письма/Пер. А. Ахматовой; ред. и предисл. А. Эфроса. М.; Л.: Academia, 1933. Ранее Ахматовой были переведены: 1910 г. — стихотворение австрийского поэта Р.М. Рильке «Одиночество»; 1920 г. — эпитафия португальского поэта Антеру ди Кента-ла «Заре». Кроме того, весной 1926 г. Ахматова переводила Сезанна и Луи-Давида для Н.Н. Пунина (см.: Л у к - н и ц к а я В. Перед тобой земля. Л., 1988. С. 324).

275 ...пьесу, которую сожгла... — В «Списке утраченных произведений» (ГПБ) упоминается «Драма Энума элиш», в трех частях: 1) На лестнице, 2) Пролог, 3) Под лестницей. (Сожжена 11 июня 1944 в Фонт<анном> Доме, написана в Ташкенте 1943—1944)». «Энума элиш» (в переводе с аккадского «Когда вверху...») — древневавилонская (ок. XIV века до н.э.) эпическая поэма о сотворении мира, которую в 20-е годы переводил, вероятно, на русский язык второй муж Ахматовой В.К. Шилейко (1891—1930). В 60-е годы Ахматова пыталась по памяти восстановить текст «сожженной драмы». В черновой редакции 60-х годов по материалам ГПБ «Пролог, или Сон во сне» опубликован М.М. Кралиным в журнале «Искусство Ленинграда» (1989. № 1).

«Шиповник в цвету»... — Имеется в виду цикл «Шиповник цветет. Из сожженной тетради».

276 Первые стихотворения были напечатаны в «Аполлоне» за 1911 год и в «Гиперборее». — Аполлон. 1911. № 4. С. 20—22; Гиперборей. 1912. № 1. С. 5—6.

Была ли статья «о “Золотом Петушке”» ... первым исследованием Пушкина? — Первая печатная работа Ахматовой о Пушкине — «Последняя сказка Пушкина» (Звезда. 1933. № 1. С. 161—176).

277 Три работы... — «“Адольф” Бенжамена Констанана в творчестве Пушкина» (в кн.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. С. 91—114); «“Каменный гость” Пушкина» (в кн.: Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 185—195); «Слово о Пушкине» (Звезда. 1962. № 2. С. 171—172).

277 ...мы увидим... книгу «Дуэль и смерть Пушкина»? — Книгу «Дуэль и смерть Пушкина» Ахматова не завершила. Статьи «Гибель Пушкина» (ВЛ. 1973. № 3. С. 191—236) и «Александрина» (Звезда. 1973. № 2. С. 207—215) при жизни Ахматовой не публиковались.

...я пишу работу о Пушкине другую... — Статья «Пушкин и Невское взморье» была завершена, но опубликована посмертно (Литературная газета. 1969. 4 июня. С. 7).

...это было «Песня последней встречи». — Ср. в дневниках П.Н. Лукницкого 29.03.1925 г. запись: «...когда АА (Ахматова. — А.Т.) была в первый раз у Вяч. Иванова на “башне” и ее попросили прочесть стихи, она обратилась с вопросом — какое прочесть — к Николаю Степановичу (Гумилеву. — А.Т.)... Николай Степанович указал на это («Пришли и сказали: “Умер твой брат”». — А.Т.) стихотворение» (Л у к н и ц к а я В. С. 333).

279 ...Это все появилось... в четырнадцатом году.. — Очевидно, ошибка Латманизова: кабаре «Бродячая собака» (Михайловская пл., 5) было закрыто полицией в марте 1915 г. В марте 1916 г. в подвале дома, построенного братьями Адамиными на углу Марсова поля и р. Мойки, принадлежавшего тогда Д.Л. Рубинштейну, открылось кабаре «Общество интимного театра» (см.: Аполлон. 1916. № 8), которое 25 октября 1916 г. было повторно открыто под названием «Привал комедиантов» (см.: Биржевые ведомости. 1916. 27 октября (9 ноября), № 15887. С. 6).

280 Нет, эта писательница ко мне не имеет никакого отношения. — Писательница Е.Н. Ахматова (1820—

1904) — предположительно четвероюродная тетка А.А. Ахматовой.

280 ...княжна Анна Егоровна Ахматова, вышла замуж за Мотовилова... — Очевидно, ошибка Латманизова: замуж за Егора Николаевича Мотовилова (1781–1837; прадед Ахматовой) вышла Парасковья Федосеевна Ахматова (ее девичью фамилию и взяла А.А. Горенко для своего литературного псевдонима). Бабушка А.А. Ахматовой — Анна Егоровна (1817—ок. 1863), урожденная Мотовилова, в замужестве Стогова (см.: Черных В.А. Комментарии//Анна Ахматова. Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 430).

Который написал статью... — Н.В. Недоброво (1882–1919) — поэт, критик, драматург, друг и вдохновитель многих стихов Ахматовой. Здесь имеется в виду его статья «Анна Ахматова» (Русская мысль. 1915. Кн. 7. С. 50–68. 2-я паг.).

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 30 АПРЕЛЯ 1963 ГОДА

282 «Я играю в них во всех пяти...» — Строка из стихотворения Б.Л. Пастернака «Гамлет».

288 ...сборник 1946 года, который был... уничтожен. — В 1946 г. было напечатано, а затем уничтожено два сборника Ахматовой: 1) Избранные стихи/Отв. ред. А.А. Сурков. М.: Правда, 100 000 экз. Б-ка «Огонек». (Этот сборник Ахматова подарила Латманизову 21 ноября 1964 г.); 2) Стихотворения/Под ред. В.Н. Орлова. Л.: ОГИЗ, 10 000 экз.

289 ...первым выступлением в печати было в журнале «Сириус»... — «Sirius—Сириус» — двухнедельный журнал искусства и литературы. Издавался в январе 1907 г.

в Париже на средства Н. Гумилева, М. Фармаковского и А. Божерянова. Всего вышло три номера. Во втором номере опубликовано стихотворение Ахматовой «На руке его много блестящих колец...». Подпись: «Анна Г.».

290 ...меня интересует история сборника «Белая Стая»... — Белая стая: Избранные стихотворения Анны Ахматовой. Тифлис: Кавказский посредник, 1919. 34 с.

291 ...оно было напечатано... под Одессой. — Анна Ахматова. Четки: Стихи. [Одесса] Б. г. 124 с.

293 «Металлургист Новокузнецка». — Прав.: газета «Металлургстрой». Новокузнецк. Установлено Н.В. Королевой (Сост.).

294 ...пишет о «Тучке»... — Гумилев и Ахматова снимали комнату по адресу: Тучков пер., 17, кв. 29.

...большевики разрешили Ахматовой печатать эротические стихи. — Русский перевод статьи А.М. Уильямса «Русские переиздают стихи, запрещенные в 20-е годы как эротические» (Нью-Йорк геральд трибюн. 1961. 24 ноября) Ахматова передала Латманизову. Статья — выразительный документ эпохи — стоит того, чтобы привести некоторые выдержки из нее как пример возмущавшего Ахматову отношения к ней на Западе: «Москва, 23 ноября. — Гослитиздат переиздал стихи, которые в течение 40 лет были запрещены советскими властями как эротические и декадентские. Речь идет о стихах Анны Ахматовой, которая до революции 1917 года была знаменитой поэтессой. Сейчас ей 72 года, она живет в Ленинграде, где в течение долгих лет она добывала средства к существованию переводами и исследовательской работой в области литературы. Ее стихи получили известность среди читателей, говорящих по-английски, в

переводах Фрэнсис Корнфорд... Ахматова не связала себя открыто с противниками революции и отказалась эмигрировать. Занимаясь скромными историко-литературными изысканиями и переводами стихов с сербского, корейского и других языков, она достигла взаимопонимания с властями. Будучи в Ленинграде, я получил разрешение посетить Ахматову. Ее маленькую старомодную квартиру, в которой она живет вместе со своей молодой племянницей и двумя большими котами, я отыскал в грязном переулке. Вместе с одним русским знакомым я зашел в ее комнату. Очень просто обставленная каморка размером была не больше просторной ванной комнаты. Хозяйка сказала, что почти вся ее мебель пошла на дрова во время блокады Ленинграда в 1941—1943... Поверх черного платья она накинула фиолетовую шаль, что придавало ей сходство с Эдит Ситуэлл. Как мне показалось, Ахматова держалась очень настороженно... У меня сложилось впечатление, что она, быть может, о многом говорила бы более свободно, если бы ее не стесняло присутствие ее соотечественника. “Сейчас у меня нет разногласий с Союзом писателей”, — заявила она... Считает ли она, что русские сегодня счастливее, чем до революции? Вот все, что она захотела сказать по этому поводу: “По-моему, люди стали глубже и мудрее и научились больше понимать друг друга” ».

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 27 ИЮНЯ 1963 ГОДА

295 ...она записывала в эту тетрадь свои воспоминания. — Записная книжка Ахматовой (макет тома «1001 ночи») хранится в ЦГАЛИ (Ф. 13. Ед. хр. 110).

297 ...журнал «Гиперборей»; с августа или сентября 1911 года он начал выходить... — Первый номер «Ги-

перборей» вышел в октябре 1912 г. Всего вышло десять номеров.

297 ...манифест акмеиста... — Гумилев Н.С. Наследие символизма и акмеизм/Аполлон. 1913. № 1. С. 42–45.

298 Вводную статью писал Македонов, комментарий Хазин. — Мандельштам О.Э. Стихотворения/Вступ. ст. А.Л. Дымшица; коммент. Н.И. Харджиева. Л., 1974. Б-ка поэта. Большая сер. Работа над изданием этой книги началась еще в 1962 г. Возможно, главный редактор «Библиотеки поэта» В.Н. Орлов консультировался у Ахматовой по каким-либо вопросам издания, но в редколлегию «Библиотеки поэта» она никогда не входила. Ахматова была членом комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама (председатель И. Эренбург). А.В. Македоновым действительно была написана вступительная статья, на которую дали положительные отзывы В.М. Жирмунский, А.А. Ахматова и Н.Я. Мандельштам. Македонов отказался от купюр, которых требовала редакция, и его статья была заменена статьей Л.Я. Гинзбург, также отвергнутой цензурой. Издание вышло с комментариями Н.И. Харджиева, но не исключено и предполагаемое в 1962–1963 гг. участие Е.Я. Хазина, брата Н.Я. Мандельштам. Эти сведения любезно предоставили мне Э.Г. Герштейн и А.В. Македонов. Пользуясь случаем, чтобы поблагодарить их.

300 ...корреспонденции Н.С. Гумилева... — «Записки кавалериста» печатались в «Биржевых ведомостях» с февраля 1915 по январь 1916 г.

...пока он был в лейб-гвардии уланском полку. — 28 марта 1916 г. Н.С. Гумилев был произведен в прапорщики с переводом в 5-й гусарский Александрийский полк.

301 *Этот сборник был напечатан также в Ревеле.* — Стихи об Африке, вошедшие в книгу «Шатер», Гумилев начал писать в конце 1918 г. В ревельском издательстве «Библиофил» «Шатер» печатался по рукописи, переданной Гумилевым издательству в июне 1921 г. В Севастополе (издательство не указано) «Шатер» вышел с большими, по сравнению с ревельским изданием, сокращениями — напечатано 12 (в ревельском издании — 16) стихотворений с несколькими выпущенными строками — и посвящением: «Памяти моего товарища в африканских странствиях Николая Леонидовича Сверчкова», отсутствующим в ревельском издании.

ВСТРЕЧА С АХМАТОВОЙ 26 ИЮНЯ 1964 ГОДА

305 *Страница из газеты «L'Unita»... — L'Unita.* 1964. 24 мая.

Толстый журнал... на итальянском языке... — L'Europa letteraria. L'Europa artistica. L'Europa cinematografica. 1964. № 27. Р. 5—13.

309 *...склонны отпустить со мной москвичку, Нину.* — Однако в поездке в Италию Ахматову сопровождала И.Н. Пунина.

310 *...ко мне пришел один очень высокопоставленный человек.* — Дополнительные сведения в воспоминаниях И.Н. Пуниной «О Валерии Срезневской»: «В 1962 году Анна Андреевна прочитала книгу С.К. Маковского «На Парнасе Серебряного века» (Мюнхен, 1962)... особенно возмутило ее то, что было написано о Н.С. Гумилеве и об их отношениях. В то время, исподволь нащупывая благоприятную почву, она хотела добиться реабилитации Гумилева. Она вызвала к себе П.Н. Лукницкого... По просьбе Анны Анд-

реевны Лукницкий через прокурора Малярова познакомился в архиве с делом Гумилева, и казалось, что можно ходатайствовать о снятии запрета с его имени... В этих хлопотах большую поддержку Анне Андреевне постоянно оказывал *Валентин Петрович Гольцев* (курсив мой. — А.Т.), — тогда один из редакторов «Известий». Но появившиеся западные публикации снова бросили тень на имя Николая Степановича...» (Звезда. 1989. № 6).

311 ...списки якобы заговорческой группы... — Ср.: Терехов Г.А. Возвращаясь к делу Н.С. Гумилева // Новый мир. 1987. № 12. С. 257—258.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 2 ЯНВАРЯ 1965 ГОДА

315 ...вам двухтомник 22—23 годов. — Речь идет о двухтомнике, издававшемся в кооперативном издательстве А.И. Гессена «Петроград» под ред. П.Н. Лукницкого. Договор с Ахматовой на издание этого двухтомника Гессен заключил в июне 1924 г. Первый том должен был появиться в свет в 1925 г., второй — в 1927-м. Предполагаемый тираж каждого тома — 4000 экз. Второй том должен был печататься с обложкой Е. Белухи и медальоном Е. Данько. 18 мая 1927 г. Ахматова сообщала в письме к Н.Н. Пунину в Японию: «Сегодня звонил Арнольд Ильич (Гессен. — А.Т.) о книгах. Там опять что-то налаживается и что-то разлаживается. Предпочитаю не вникать» (ЦГАЛИ. Ф. 2633. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 9). Издан двухтомник не был. Гранки 1-й и верстки 2-й корректур этого издания хранились в Москве у П.Н. Лукницкого (подарены ему Ахматовой 2 августа 1927 г.; в 1989-м переданы В.К. Лукницкой в музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме) и у А.И. Гессена. Очевидно, у последнего и просил Ахматову Латманизов выменять для него корректуру двухтомника.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 14 ЯНВАРЯ 1965 ГОДА

321 ...редактор «Юности»... предложил мне напечатать... триста строк моих стихотворений. — Юность. 1965. № 7. С. 57—59. (Напечатано 17 стихотворений — 250 строк).

324 Ведь в 1925 году было первое постановление... Такое же, как в 1946 году. — Подробнее об этом Ахматова пишет в черновике (ГПБ), озаглавленном «К пятидесятилетию лит<ературной> деятельности. Лекция “Ахматова и борьба с ней”».

«ТАЙНЫ РЕМЕСЛА»

Впервые — «Литературная газета». 23 ноября 1965.

330 Хренков Дмитрий Терентьевич (р. 1919), редактор Лениздата. С 1961 г. несколько раз встречался с Ахматовой по поводу издания сборника ее стихов, подготовка которого так и не была осуществлена самой Ахматовой. После 1 сентября 1965 г., когда уже был отпечатан тираж книги «Бег времени», Ахматова писала: «Тираж “Бега времени” поступает в магазины после двадцатого <сентября>. Ровно через полвека после “Белой стаи” (сент<ябрь> 1915 г.). Камня на камне не осталось от моей тогдашней жизни, и всего страшнее, что все люди — другие. А те... А стихи снова прочней всего. (Слушаю Шумана — играет до диез — Шопена.)

Хренков просит к 21-му отобрать стихи в сборник, в Лениздате. Как мне не хочется с ними возиться, как хочется от них отдохнуть, даже забыть. Это значит опять думать — “нельзя” — “можно”, “лучше это”, “или то”. Какие это опус-

тошающие мысли, как вредно быть собственным критиком, цензором, палачом...» («Записные книжки». С. 669).

330 *Тираж этой книги — один экземпляр. И «отпечатана» она не на бумаге, а на березовой коре.* — Книжка из березовой коры, прошитая веревкой, была изготовлена безымянным узником в 1937 г. Л.К. Чуковская пишет: «На коре выцарапаны ее стихи: «Двадцать первое. Ночь. Понедельник». Светлое это чудо привез ей кто-то из лагеря... Чудо Анна Андреевна положила мне в раскрытые ладони, а я не то что перелистывать, я дохнуть не смела — но она и не дала, вынула мгновенно у меня из рук... — Отдам в Пушкинский Дом, — заявила она» (Ч у к о в с к а я, 3. С. 302). Фотография берестяной книжки была опубликована в Уфе, в газете «Ленинец» 14 августа 1965 г., т.е. в годовщину «постановления 1946 года» о журналах «Звезда» и «Ленинград».

331 *...я захотела написать о Пушкине и Невском взморье.* — Глава книги о Пушкине. Завершена Ахматовой в конце 1962—начале 1963 гг., сохранилась в нескольких авторских списках. Впервые напечатана после смерти Ахматовой (альманах «Прометей». М., 1974. № 10. С. 226—234).

КОЛЛЕКТИВНОЕ

История «Воспоминаний В.С. Срезневской» — чрезвычайно интересная и текстологически не вполне исследованная проблема. Факт их возникновения по инициативе самой Ахматовой известен и описан И.Н. Пуниной, которой В.С. Срезневская подарила рукопись отвергнутых Ахматовой воспоминаний с надписью: «Ире, для ее неподкупного суждения» (П у н и н а И. Воспоминания. С. 27).

С середины 1950-х гг. за рубежом появилось множество мемуаров как профессиональных литераторов (С.К. Маковского, Н. Оцупа, И. Одоевцевой), так и впервые взявших перо в руки: соседей по Слепневу (семейному владению А.И. Гумилевой), жены брата Н.С. Гумилева, Анны Андреевны Гумилевой (урожд. Фрейганг) и многих других. С точки зрения Ахматовой, в них были искажены факты биографии ее и Н.С. Гумилева и связанных с их жизнью обстоятельств литературно-художественного быта. Их опровержению посвящены многие страницы ее рабочих тетрадей. В ответ на «псевдомемуарии», как Ахматова назвала все эти воспоминания в целом (особенно ее раздражали беллетризованная автобиографическая проза Г. Иванова «Петербургские зимы»), она написала свои «антимемуарии». Однако Ахматова хотела, чтобы сохранились достоверные мемуары и «стороннего лица», увидев их возможного автора в ближайшей подруге всей своей жизни, с раннего детства и до конца дней, царскоселки В.С. Срезневской, свидетельницы ее знакомства с гимназистом Н. Гумилевым, его мучительной влюбленности, их сложных отношений, неудачного брака, рождения сына Льва и т.д.

В стихотворении, обращенном к В.С. Срезневской, Ахматова писала:

Почти не может быть, ведь ты была всегда:
В тени блаженных лип, в блокаде и в больнице,
В тюремной камере и там, где злые птицы,
И травы пышные, и страшная вода.
О, как менялось все, но ты была всегда,
И мнится, что души отъяли половину.
Ту, что была с тобой, — в ней знала я причину
Чего-то главного. И все забыла вдруг...

Но звонкий голос твой зовет меня оттуда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда,
Ну что ж! попробую.

9 сентября 1964 Комарово

Стихи эти, как и записи в рабочих тетрадях, обращенные к Срезневской и ее предполагаемым мемуарам, а также беззлобная реакция на их неудачность, отражают и степень близости и желание помочь их автору «вспомнить» и запечатлеть ту правду, которая во многом была для них общей. Стихотворению «Памяти В.С. Срезневской» Ахматова предпослала эпиграф из своего же другого стихотворения: «А юность была как молитва воскресная...»

И. Пунина пишет, что Ахматова «убедила написать воспоминания Веру Алексеевну Знаменскую, но, познакомившись с ними, не нашла в них того, что ожидала. Вера Алексеевна вспоминала больше Н.В. Недоброво и его жену Любовь Александровну. С Анной Андреевной Вера Алексеевна познакомилась в 1913—1914 гг. и мало что могла вспомнить о более ранних годах, которые особенно интересовали Анну Андреевну. А.А. сердилась и даже ссорилась с Верой Алексеевной, но затем мудро вспомнила, что о самом начальном периоде отношений ее с Гумилевым помнит Валя. Акума просила меня поехать за Валею и привезти ее к нам домой. Встретившись, они стали дружно вспоминать. Акума напоминала отдельные факты, стихи Николая Степановича. Валерия Сергеевна вспоминала по-своему. Разговор был очень интересный, но писать Валерии Сергеевне было трудно. Она и раньше не была к этому склонна, а в то время она часто хворала. Акума торопила, объясняла... как это важно для Валерии Сергеевны, говорила, что рукопись купит Пушкинский Дом. Наконец,

Валерия Сергеевна написала, но ее записки не понравились Акуме. Она говорила, что все это не то, хотя многое было написано со слов самой Анны Андреевны. Кое-что они вместе поправили, и Валерия Сергеевна еще раз переписала все своей рукой, как настаивала на этом Акума» (П у н и н а И. Воспоминания. С. 27).

О том, как работала Ахматова с текстом, оставленным Срезневской, писал и рассказывал В.Я. Виленкин, вспоминая, насколько была заботлива к подруге Анна Андреевна, горестно сокрушавшаяся, что та «все путает»: «Дополняя мемуары закадычной подруги, она пишет о своем отрочестве так: “В Царском Селе она делала все, что полагалось в то время благовоспитанной барышне. Умела сложить по форме руки, сделать реверанс, учтиво и коротко ответить по-французски на вопрос старой дамы, говела на Страстной в гимназической церкви”». Правда, тут же описывается необычная для барышни обстановка «Аниной комнаты»: «Кровать, столик для приготовления уроков, этажерка для книг. Свеча в медном подсвечнике (электричества не было). В углу — икона. Никакой попытки скрасить суровость обстановки — безд<елушек>, выши<вок>, отк<рыток>...» (В и л е н к и н В. В сто первом зеркале. М., 1990. С. 208). Этот приведенный Виленкиным отрывок «о Анне», «дикой девочке», где повествование ведется не от авторского «я», о себе, но о третьем лице, и другие отрывки <...> первопубликаторы обычно помещают, и не без оснований, в ряду текстов Ахматовой, без оговорок. Однако будет более корректным помещать их в разделе «Коллективное», поскольку изначально доля участия Срезневской в их создании бесспорна.

Следует с большим вниманием отнестись и к другим фрагментам, безоговорочно приписываемым Срезневской.

Их стилистический анализ свидетельствует о безусловной причастности к работе над ними Ахматовой.

Еще более интересны с точки зрения очевидности коллективного труда — фрагменты <4—5>. В этих отрывках повествование «воспомянателя», т.е. третьего лица, плавно переходит в прямую речь, как бы «уставшей» от совместной работы Ахматовой.

О значительном участии в работе над воспоминаниями В.С. Срезневской самой Ахматовой свидетельствует и характерный ее манере переход от плавного, последовательного повествования к форме фрагмента.

Текст целостного повествования В.С. Срезневской, рассказывающей о знакомстве и дружбе двух девочек и их дальнейшей судьбе, о встрече юной Ани Горенко с Николаем Гумилевым («Дафнис и Хлоя») свидетельствует о редакции, которой текст был подвергнут. О том, как велась работа, рассказывают Л.Д. Большинцова-Стенич, А.Г. Найман и др. Можно полагать, что и само заглавие принадлежит Ахматовой, как память о раннем стихотворении Н. Гумилева:

Я печален от книги, томлюсь от луны,
 Может быть, мне совсем и не надо героя...
 Вот идут по аллее, так странно нежны,
 Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.
 («Современность», 1911)

В копиях текста (собрание Д.Л. Файнберга), перепечатывавшихся Л.Д. Большинцовой-Стенич под наблюдением Ахматовой (правка вносилась по ее указаниям), заглавие отсутствует. Появилось оно уже в публикации. Однако все известные нам тексты воспоминаний, опубликованные и неопубликованные, в разной мере инвариантны, что свидетель-

ствует о многослойной редакции и, как всегда у Ахматовой, без обращения к правке, внесенной ранее в другие экземпляры.

В настоящем разделе тома «Коллективное» печатаются отрывки из воспоминаний В.С. Срезневской, текст которых отредактирован или переписан Ахматовой, как бы ею авторизован.

<1>

Впервые — Г у м и л е в Н. Неизданное и несобранное. Paris: YMCA-Press. 1986. С. 157–168. Печ. по тексту из собрания Д.Л. Файнберга. Список с правкой Л.Д. Большинцовой-Стенич по указаниям А. Ахматовой, правкой и пометами на полях, обозначающими степень ее участия в работе.

А. Найман в книге «Рассказы о Анне Ахматовой» (М., 1989. С. 89) приводит один из конкретных примеров ахматовской, известной ему редакции, или «переписывания»: «...характерный рот с резко вырезанной верхней губой — тонкая и гибкая, как ивовый прутик, — с очень белой кожей — она (особенно в воде Царскосельской купальни) прекрасно плавала и ныряла, выучившись этому на Черном море, где они не раз проводили лето (см. «У [Ахматова вставляет: самого] моря», поэма Ахматовой). Она казалась русалкой, случайно заплывшей в темные неподвижные воды Царскосельских прудов (Ахматова приписывает: и до сих пор называет себя последней херсонидкой). Немудрено, что Ник. Степ. Гумилев сразу и на долгие годы влюбился — в эту, ставшую роковой, женщину своей музы. Ее образ, то жестокой безучастной и далекой царицы, — перед которой он расточает «рубины божества» [Ахматова исправляет: волшебства], — то зеленой

обольстительной и как будто бы близкой колдуньи и ведьмы, — в «Жемчугах», в «Колчане» [*Ахматова зачеркивает «Колчан»*] и еще много позже — уже как осознанный и потерянный навсегда призрак влюбленной и ушедшей женщины — довлеет над сердцем поэта. Чтобы показать, что это не мои «домыслы и догадки» (как это нередко бывает в биографиях больших поэтов), а живая и настоящая правда, сошлюсь не только на свою многолетнюю дружбу с обоими, но на более убедительный и несомненный след этой любви в стихах Н.С. Гумилева [*Далее Ахматова вписывает названия обращенных к ней его стихов, начиная с «Пути Конквистадоров»*]. А. Найман приводит текст, по-видимому, не первый раз редактируемый Ахматовой, подчеркивая при этом ее уважение к мемуаристке:

«Когда Срезневская умерла в 1964 году, А.А. сказала: “Валя была последняя, с кем я была на ты. Теперь никого не осталось”. Она оставалась свидетельницей самых ранних лет, когда завязывались главные узлы ахматовской судьбы и под некоторым нажимом Ахматовой и с установкой, совместно с нею определенной, начала писать воспоминания. В приведенном отрывке Ахматова оставляет, как есть, “Довлеет” (вместо “тяготеет” — безграмотность, на которую она в других случаях вскидывалась) и “женщину своей музы”. Вписывая “херсонидку” или названия гумилевских стихов, она не изменяет воспоминаний ни как самовыражения мемуаристики, ни как документа, а только ссужает, даже не из своей, а из общей для них обеих памяти тем, чего той недостает, — прилагает к справке оборвавшийся уголок» (На й м а н А. Рассказы о Ахматовой. С. 90).

Заметим, однако, разделяя положение, высказанное Найманом (за исключением приписывания В.С. Срезнев-

ской, как ни как закончившей полный курс Царскосельской гимназии и работавшей в Петроградской публичной библиотеке, одновременно с М.Л. Лозинским «неграмотности»), также бесспорность того, что приведенная им правка Ахматовой не являлась ее первым обращением к тексту мемуаров подруги. Смерть Ахматовой оставила эту работу по редактированию, дописыванию и переписыванию так же незавершенной, как и автобиографическую прозу.

<2>

Впервые — Н а й м а н А. Рассказы о Ахматовой. С. 15. Сопровождено комментарием публикатора: «В воспоминаниях другой, еще более давней подруги, В.С. Срезневской, отрецензированных, если отчасти и не продиктованных ей Ахматовой, описывается такой эпизод».

<3>

Впервые — «Десятые годы». С. 37.

Отрывок связан с И.Ф. Анненским и его стихотворением «Раса». Статуя мира (Кипарисовый ларец. Трилистник в парке):

Меж золоченых бань и обелисков славы
Есть дева белая, а вокруг густые травы.

Не тешит тирс ее, она не бьет в тимпан,
И беломраморный ее не любит Пан.

Одни туманы к ней холодные ласкались,
И раны черные от влажных губ остались.

Но дева красотой по-прежнему горда,
И трав вокруг нее не косят никогда.

Не знаю почему — богини изваянье
Над сердцем сладкое имеет обаянье...

Люблю обиду в ней, ее ужасный нос,
И ноги сжатые, и грубый узел кос.

Особенно когда холодный дождик сеет,
И нагота ее беспомощно белеет.

О, дайте вечность мне, — и вечность я отдам
За равнодушие к обидам и годам.

<4>

Впервые — «Десятые годы». С. 34. Написано от имени В.С. Срезневской. Однако здесь больше, чем в других фрагментах, ощущается стиль автобиографических заметок Ахматовой, а также переключки с «Русским Трианомом», следствиями которого предстают они обе.

<5>

Впервые — «Десятые годы». С. 34—35.

Отрывки <4> и <5> приводятся как свидетельство перехода от установки на повествователя, как мемуаристики Срезневской, к рассказу о времени и о себе самой Ахматовой. Опубликовав уже упоминавшийся фрагмент «В Царском Селе делала все, что полагается в то время благовоспитанной барышне...», комментатор сообщает: «Одним из стимулов к писанию автобиографических заметок была работа Ахматовой над редактированием воспоминаний ее подруги В.С. Срезневской. Поэтому ряд мемуарных набросков написаны по инерции как бы от лица Срезневской, и Ахматова появляется в них в третьем лице» («Десятые годы». С. 14). Однако заметим, что редакци-

рование и переписывание воспоминаний Срезневской не было стимулом, но продолжением работы над автобиографической прозой, начало которой относится к ташкентскому периоду жизни Ахматовой (1942–1944), а активное обращение датируется концом 1950-х—началом 1960-х гг. Необходимость в воспоминаниях Срезневской возникла уже в ходе работы над автобиографической прозой и начавшейся полемики с эмигрантской мемуаристикой.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИСТКИ ИЗ ДНЕВНИКА	7	419
Амедео Модильяни	7	419
Мандельштам	21	441
Лозинский	60	526
Из книги «Как у меня не было романа с Блоком»	72	541
Н.С. Гумилев — самый непрочитанный поэт XX века	85	564
ИЗ «БЕГЛЫХ ЗАМЕТОК»	149	666
Трагедия Иннокентия Анненского	149	666
Пастернак	152	676
Владимир Маяковский	154	680
Марина Цветаева	156	682
PRO DOMO SUA	161	688
ИЗ ПЛАНОВ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ КНИГ ПРОЗЫ АННЫ АХМАТОВОЙ	245	754
РЕЦЕНЗИИ. ЗАМЕТКИ.		
ПУБЛИЦИСТИКА (1914–1965)	255	760
О стихах Н. Львовой	255	761
Над чем я работаю	257	764
<Выступление Анны Ахматовой в радиопередаче «Говорит Ленинград» >	258	765

О себе	260	766
Ирина Кнорринг	261	768
Арсений Тарковский. Перед снегом	261	769
Тициан Табидзе и Паоло Яшвили	264	770
От автора	265	774
ДИАЛОГИ С АННОЙ АХМАТОВОЙ	269	774
Мир поэзии. <Интервью А. Авдеенко с А. Ахматовой в Доме творчества ленинградских писателей «Комарово»>	269	774
Разговоры с Анной Ахматовой.		
<Встречи М.В. Латманизова с А.А. Ахматовой>	271	775
Встреча с А.А. Ахматовой 23 апреля 1963 г.	271	777
Встреча с А.А. Ахматовой 30 апреля 1963 г.	281	780
Встреча с А.А. Ахматовой 27 июня 1963 г.	295	782
Встреча с А.А. Ахматовой 26 июня 1964 г.	305	784
Встреча с А.А. Ахматовой 2 января 1965 г.	312	785
Встреча с А.А. Ахматовой 14 января 1965 г.	318	786
Встреча с А.А. Ахматовой 27 января 1965 г.	324	—
Встреча с А.А. Ахматовой 21 февраля 1965 г.	328	—
Тайны ремесла. Беседа с А.А. Ахматовой		
критика Д. Хренкова	330	786
КОЛЛЕКТИВНОЕ	337	787
Светлана Коваленко. Проза Анны Ахматовой		
(Фрагмент и целое)	361	—
Комментарии	411	—

-
- Ахматова А.**
- А 95** Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. Биографическая проза. *Pro domo sua*. Рецензии. Интервью/Сост., подгот. текста, коммент., статья С.А. Коваленко. — М.: Эллис Лак 2000, 2001. — 800 с.

ISBN 5-88889-006-5 (т. 5)

В пятом томе представлена проза Анны Ахматовой: новеллы о современниках — А. Модильяни, О. Мандельштаме, М. Лозинском; фрагменты из незавершенных работ об А. Блоке, И. Анненском, М. Цветаевой, Б. Пастернаке и др., полемические заметки о Н. Гумилеве, которого Ахматова называла «самым непрочитанным поэтом XX века», автобиографическая проза из неоконченной книги «Мои полвека», а также рецензии Ахматовой и интервью с ней.

УДК 882А1-14
ББК 84Ря44

~ ~ ~

Ахматова Анна Андреевна

Собрание сочинений в шести томах

Т о м п я т ы й

Редактор *Т.А. Горькова*

Художественный редактор *В.Н. Сергутин*

Корректор *Е.И. Коротаева*

Компьютерная верстка — *А.Б. Метелкин*

Сдано в набор 15.05.2000. Подписано в печать 14.02.2001.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Академическая».
Усл.-печ. л. 42. Уч.-изд. л. 33,28. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 2090.

ЛР № 071446 от 02.06.97.

Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. 254-74-72. Факс: 254-26-11

ISBN 5-8889-013-8

9 785888 890134

Отпечатано с готовых диапозитивов на ордена Трудового Красного Знамени
ГУПП «Детская книга» Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
127018, Москва, Суцевский вал, 49.

ISBN 5-8889-013-8

9 785888 890134